

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- С. В. Алексеев,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Ю. М. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков,**
доктор юридических наук, профессор
- Е. Н. Бегалиев,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
- Е. В. Богданов,**
доктор юридических наук, профессор
- Г. А. Василевич,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)
- А. А. Власов,**
доктор юридических наук, профессор
- К. К. Гасанов,**
доктор юридических наук, профессор
- В. И. Елинский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ
- А. Е. Епифанов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ, академик РАЕН
- О. В. Зиборов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Ю. Ильина,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян,**
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- Н. Н. Карпов,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ
- О. Г. Карпович,**
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор
- А. И. Клименко,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. А. Колоколов,**
доктор юридических наук, профессор
- А. М. Кононов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

- S. V. Alekseev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- Yu. M. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- E. N. Begaliev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- G. A. Vasilevich,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- K. K. Gasanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. I. Elinskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia
- A. E. Epifanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia, Member of RANS
- O. V. Ziborov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. Yu. Il'ina,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- N. N. Karpov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia,
Honored Worker of Prosecutor of Russia
- O. G. Karpovich,**
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor
- A. I. Klimenko,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. A. Kolokolov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. M. Kononov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медусhevская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

М. В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Oлимпиев,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

M. V. Saudahanov,
Candidate of Legal Sciences

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

М. М. Максимцов,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

M. M. Maksimov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher
Professional Education of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Э. В. Зауорова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

А. А. Ласкин,
доктор педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

A. A. Laskin,
Doctor of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 1 • 2023

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

Ахмедов Р. М. Роль институтов гражданского общества в регламентации социально-правовых индикаторов духовно-нравственного развития сетевого общества в виртуальном пространстве	11
Борисов А. В. Транспортная безопасность как объект криминологического исследования в системе национальной безопасности Российской Федерации	14
Бунова И. И. Техно-юридическое конструирование уголовно-правовых норм: понятие и значение (на примере составов преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина)	25
Буянова А. В., Линькова Е. А. Новые вызовы цифровой среды в трудовых отношениях – практико-правовой анализ	30
Василевич Д. Г. Суррогатное материнство: белорусский и российский опыт	36
Волынская О. В., Семенкова Е. В. Особенности производства следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера	44
Воронов А. М. Государственное управление в исторической и современной правовой реальности России	48
Гермер В. М., Иванов С. А. Интерпретационные акты Верховного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования	53
Гриненко А. В. Развитие особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации	57
Грошев С. Н. Противодействие гомосексуализму в Советском государстве: к вопросу о правах мужчин	60
Давитадзе М. Д. Военные преступления	64
Дьяконова О. Г. Формирование психологической компетентности в процессе подготовки судебного эксперта	68
Журавлев В. В. Службно-правовая модель регулирования дисциплинарно-трудовых отношений в системе государственной службы	75
Зарина А. М. Отдельные вопросы обеспечения безопасности в российских школах	79
Иванова Ю. А., Долгий М. О. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ): конституционное законодательство	83
Ильин Н. Н. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным и незакрепленным процессуальным статусом в расследовании транспортных преступлений	90
Исаков В. М., Мельник Е. В. Специфика организации и деятельности советского уголовного розыска в предвоенное десятилетие	95
Казанцев С. Я., Саркисов О. Р. Эффективность охраны водных ресурсов в РФ: правовое регулирование, возможности и приоритеты использования водохозяйственного комплекса, перспективы улучшения качества воды	103

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27627 от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-62944 от 31 августа 2015 г.

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГКОУ ВО
«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 60

Подписано в печать
 24.03.2023 г.
 Цена свободная

Клевцов К. К. Взаимосвязь материальных и процессуальных норм в контексте международного сотрудничества	108
Куликов А. В., Шелег О. А. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов	117
Лангнер Т. С. Конституционные и имплицитные полномочия Президента Российской Федерации	121
Ларионова Л. И. Об организованной преступности и ее влиянии на экономику Российской Федерации	126
Майлис Н. П. Психологические особенности в судебно-экспертной деятельности и пути решения имеющихся проблем	129
Мелентьев А. В., Леонов Д. В., Омарова А. М. Исполнительная надпись нотариуса как способ защиты прав предпринимателей: проблемы теории и практики	134
Моисеева Т. Ф. Взаимодействие судебных экспертов при производстве комиссионных экспертиз: правовые и методологические аспекты	138
Несмиянова И. О. Организационные вопросы взаимодействия следователя и эксперта при назначении судебно-трасологических экспертиз на современном этапе	143
Панфилов П. О. Проблема понятности и определенности правовых норм, предусматривающих особенности производства следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам в сфере экономики	147
Перепечина И. О. Этические риски современных судебно-экспертных и криминалистических технологий	153
Прохорова Е. А. Следственные действия: особенности правового регулирования важнейшего уголовно-процессуального понятия	158
Пушкин А. В. Профессиональная этика адвоката в уголовном судопроизводстве: теория и практика	162
Саморока В. А., Угольникова Н. В. Производство следственных и иных процессуальных действий при расследовании новых обстоятельств в порядке ст. 415 УПК РФ	167
Саудаханов М. В. Импрегнация государственности через институционализацию гражданского общества	172
Токолов А. В., Иванова А. Д. Экспериментальный правовой режим информационных технологий	175
Федоров Р. В., Филиппов М. Ю., Иванова Н. В. Февральская революция 1917 года как результат нестабильности внутренней политической системы Российской империи	178
Червонюк В. И. Упрощенные законодательные производства: юридическая природа, типология, технико-юридические особенности конституционализации	183
Чикалов О. В. К вопросу о функциональной характеристике правоприменительного типа профессионального правосознания	189
Шаров Д. В. Судебный штраф по делам о наркотиках: проблемы правоприменения	193
Щеглов А. В. Особенности оперативно-розыскной этики в правоохранительной деятельности	197
Щербачева Л. В. Основные отличия географического указания от наименования места происхождения товара	205

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Абрамов В. И. Повышение прозрачности закупочной деятельности для снижения теневого сегмента в экономике России	212
Киреев Г. В. Особенности решения вопросов экономической безопасности при осуществлении поставок энергоресурсов	214
Кирилюк М. А., Литвиненко А. Н. Характеристика способов дистанционных хищений денежных средств как этап ситуационного анализа	219
Косов М. Е. Фискальный федерализм как ответная мера на кризис, вызванный пандемией коронавируса	226
Кубатиева Л. М. Учетно-аналитическое обеспечение и контроль в системе риск-ориентированного управления организацией	231
Кудрявцев А. В. Развитие интеллектуального человеческого капитала как катализатор экономического роста в современной России через призму теории больших циклов экономической конъюнктуры	235
Лазарова Л. Б., Дзгоева З. Р., Тотров Д. В. Повышение качества управления региональными бюджетами в условиях пандемии (на примере СКФО)	240
Минаков А. В. Государственное регулирование цен и их влияние на инфляционные процессы в России	245
Остаев Г. Я., Злобина О. О., Хосиев Б. Н., Булацева Ф. А. Управленческий учет при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения: анализ рынка конкурентов и потребителей	253
Симачкова А. М. Направления развития организационно-методического обеспечения контрольно-надзорной деятельности налоговых органов	262
Староверова О. В. Цифровые технологии налогового администрирования	266
Тиникашвили Т. Ш. Приоритеты социально-экономического развития горных территорий	270
Яковлев А. А. Экономическая оценка текущего положения и перспектив развития отношений России и Евросоюза в энергетической сфере	275

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования Методология и технология профессионального образования

Карпушкин В. В., Ященко Ю. Г. Особенности стрелковой подготовки слушателей, проходящих профессиональное обучение (повышение квалификации) по профессии рабочего «Промышленный альпинист»	280
Ларина Т. В., Конокин Д. В. Влияние наследия В. И. Вернадского на развитие современной высшей школы России	285
Славко А. Л. Подготовка сотрудников органов внутренних дел к применению боевых приемов борьбы в эмоционально напряженной ситуации	290
Титор С. Е. Внеурочная работа с обучающимися как способ защиты от деструктивной информационной среды	293
Фрумина С. В. Поликультурная среда вуза и ее влияние на формирование языковой личности	298
Ходжабегова К. Л. Использование инновационных образовательных технологий в преподавании РКИ в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя	304

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник экономической безопасности» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агенства
«Урал-Пресс Округ» **81108**,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:

<http://elibrary.ru>

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of a Science and Technics,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor*

N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 1 • 2023

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences
Public Law (State Law) Sciences
Private Law (Civil) Sciences
Criminal Law Sciences
International Law Sciences

Akhmedov R. M. The role of civil society institutions in the regulation of socio-legal indicators of the spiritual and moral development of the network society in the virtual space.....	11
Borisov A. V. Transport security as an object of criminological research in the national security system of the Russian Federation.....	14
Bunova I. I. Technical and legal construction of criminal law norms: the concept and meaning (on the example of the elements of crimes against the personal rights and freedoms of man and citizen).....	25
Buyanova A. V., Linkova E. A. New challenges of the digital environment in labor relations – practical and legal analysis	30
Vasilevich D. G. Surrogacy: Belarusian and Russian experience	36
Volynskaya O. V., Semenkova E. V. Specifics of the production of investigative actions with the participation of a person in respect of whom proceedings are being conducted on the application of a compulsory medical measure.....	44
Voronov A. M. Public administration in the historical and modern legal reality of Russia.....	48
Germer V. M., Ivanov S. A. Interpretative acts of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of legal regulation	53
Grinenko A. V. Development of a special procedure for criminal proceedings in the Russian Federation	57
Groshev S. N. Countering homosexuality in the Soviet state: on the issue of men's rights.....	60
Davitadze M. D. War crimes.....	64
D'yakonova O. G. Formation of psychological competence in the process of training a forensic expert	68
Zhuravlev V. V. Service-legal model of regulation of disciplinary and labor relations in the public service system	75
Zarina A. M. Selected security issues in Russian schools.....	79
Ivanova Yu. A., Dolgiy M. O. United Arab Emirates (UAE): constitutional legislation	83
Ilyin N. N. Participants in criminal proceedings with an uncertain and loose procedural status in the investigation of transport crimes.....	90
Isakov V. M., Melnik E. V. The specifics of the organization and activities of the Soviet criminal investigation department in the pre-war decade.....	95
Kazantsev S. Ya., Sarkisov O. R. Effectiveness of water resources protection in the Russian Federation: legal regulation, opportunities and priorities for the use of the water management complex, prospects for improving water quality	103

Klevtsov K. K. Interrelation of substantive and procedural rules in the contest of international cooperation	108
Kulikov A. V., Sheleg O. A. Circumstances to be established and proved in the investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues.....	117
Langner T. S. Constitutional and implicit powers of the President of the Russian Federation	121
Larionova L. I. On organized crime and its impact on the economy of the Russian Federation	126
Maylis N. P. Psychological peculiarities in forensic activities and solutions to existing problems.....	129
Melentev A. V., Leonov D. V., Omarova A. M. Notary's executive inscription as a way to protect the rights of entrepreneurs: problems of theory and practice	134
Moiseeva T. F. Interaction of forensic experts in producing commission examinations: legal and methodological aspects.....	138
Nesmiyanova I. O. Organizational issues of interaction between the investigator and the expert in the appointment of forensic tracolological examinations at the present stage.....	143
Panfilov P. O. The problem of intelligibility and certainty of legal norms providing for the specifics of the production of investigative and other procedural actions in criminal cases in the field of economics	147
Perepechina I. O. Ethical risks of modern forensic and criminalistic technologies.....	153
Prokhorova E. A. Investigative actions: features of legal regulation of the most important criminal procedural concept.....	158
Pushkin A. V. Professional ethics of a lawyer in criminal proceedings: theory and practice	162
Samoroka V. A., Ugolnikova N. V. Investigation and other procedural actions in the investigation of new circumstances in accordance with Article 415 of the Code of Criminal Procedure	167
Saudakhanov M. V. The impregnation of statehood through the institutionalization of civil society	172
Tokolov A. V., Ivanova A. D. Experimental right information technology mode.....	175
Fedorov R. V., Filippov M. Yu., Ivanova N. V. February Revolution of 1917 as a result of instability of the internal political system of the Russian Empire	178
Chervonyuk V. I. Simplified legislative proceedings: legal nature, typology, technical and legal features of constitutionalization	183
Chikalov O. V. To the question of the functional characteristics of the law enforcement type of professional legal consciousness	189
Sharov D. V. Judicial fine in drug cases: problems of law enforcement.....	193
Shcheglov A. V. Features of operational and investigative ethics in law enforcement	197
Shcherbacheva L. V. The main differences between the geographical indication and the appellation of origin of the goods.....	205

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release – 300)
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 60

Issued
24.03.2023

The price is not fixed

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of economic security» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency «Ural Press Okrug» **81108**, or on the website Scientific electronic library:

<http://elibrary.ru>

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

Abramov V. I. Increasing the transparency of procurement activities to reduce the shadow segment in the Russian economy	212
Kireev G. V. Features of solving issues of economic security in the implementation of energy supplies	214
Kirilyuk M. A., Litvinenko A. N. Characteristics of methods of remote theft of funds as a stage of situational analysis	219
Kosov M. E. Fiscal federalism as a response to the crisis caused by the coronavirus pandemic	226
Kubatieva L. M. Accounting and analytical support and control in the risk-oriented management system of the organization	231
Kudryavtsev A. V. The development of intellectual human capital as a catalyst for economic growth in modern Russia through the prism of the theory of large cycles of economic conjuncture	235
Lazarova L. B., Dzgoeva Z. R., Totrov D. V. Improving the quality of regional budget management in a pandemic (on the example of the North Caucasus Federal District).....	240
Minakov A. V. State regulation of prices and their impact on inflationary processes in Russia	245
Ostaev H. Ya., Zlobina O. O., Khosiev B. N., Bulatseva F. A. Management accounting in the preparation of a startup to create a sports facility: market analysis of competitors and consumers.....	253
Simachkova A. M. Directions for the development of organizational and methodological support for the control and supervisory activities of tax authorities.....	262
Staroverova O. V. Digital technologies of tax administration.....	266
Tinikashvili T. Sh. Priorities of social and economic development of mountain territories.....	270
Yakovlev A. A. Economic assessment of the current situation and prospects for the development of relations between Russia and the European Union in the energy sector	275

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education Methodology and technology of vocational education

Karpushkin V. V., Yashchenko Yu. G. Features of shooting training for students undergoing vocational training (advanced training) in the profession of a worker «Industrial climber».....	280
Larina T. V., Konokin D. V. The influence of V. I. Vernadsky's legacy on the development of modern higher education in Russia	285
Slavko A. L. Training of employees of the internal affairs bodies for the use of combat techniques of struggle in an emotionally tense situation.....	290
Titor S. E. Extracurricular work with students as a way to protect against a destructive information environment.....	293
Frumina S. V. The multicultural environment of the university and its influence on the formation of a linguistic personality.....	298
Hodzhabegova K. L. The use of innovative educational technologies in teaching Russian as a foreign language at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'	304

Научная статья

УДК 340.149

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-11-13>

НИОН: 2015-0066-1/23-588

MOSURED: 77/27-011-2023-01-787

Роль институтов гражданского общества в регламентации социально-правовых индикаторов духовно-нравственного развития сетевого общества в виртуальном пространстве

Руслан Маратович Ахмедов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, ahmedov@list.ru

Аннотация. Обозначены некоторые проблемы реализации государственных программ в сфере формирования «информационного общества» в Российской Федерации без привлечения институтов гражданского общества. Отмечены некоторые социально-правовые индикаторы регламентации деятельности сетевых формаций, которые коррелируются с направлениями деятельности институтов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, цифровые технологии, виртуальная реальность, государство, социально-правовые индикаторы

Для цитирования: Ахмедов Р. М. Роль институтов гражданского общества в регламентации социально-правовых индикаторов духовно-нравственного развития сетевого общества в виртуальном пространстве // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 11–13. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-11-13>.

Original article

The role of civil society institutions in the regulation of socio-legal indicators of the spiritual and moral development of the network society in the virtual space

Ruslan M. Akhmedov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, ahmedov@list.ru

Abstract. Some problems of implementing state programs in the field of the formation of an «information society» in the Russian Federation without involving civil society institutions are being identified. Some socio-legal indicators of the regulation of the activities of network formations, which correspond to the activities of civil society institutions, are being noted.

Keywords: civil society, digital technologies, virtual reality, state, socio-legal indicators

For citation: Akhmedov R. M. The role of civil society institutions in the regulation of socio-legal indicators of the spiritual and moral development of the network society in the virtual space. Bulletin of economic security. 2023;(1):11–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-11-13>.

В Российской Федерации с начала XXI века на государственном уровне проводится перестраивание систем государственного управления с использованием инновационных достижений в сфере высоких технологий для возможности обеспечения взаимодействия государство–гражданин и реализации деятельности органов государственной власти в электронной среде. Принят ряд нормативно-правовых актов, определяющих поэтапный перевод государственного инструментария в виртуальную реальность и формирования основ жизнедеятельности информационного общества.

В виде качественных характеристик формирования информационного общества в деятельности ведомственных органов государственной власти и органов самоуправления в виртуальной среде определены инди-

каторы, которые формализованы в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» (далее – Программа), а также в Постановлении Правительства РФ от 31 марта 2021 г. № 504-19 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество» [1].

Представленные в Программе индикаторы представляют собой социально ориентированные целеполагания в достижении ожидаемых положительных результатов от реализации рассматриваемой государственной Программы. Поэтому индикаторы являются ключевыми при моделировании государственного устройства, развития и регламентации общественных отношений с учетом применения инновационных цифровых технологий,

© Ахмедов Р. М., 2023

что должно способствовать успешной интеграции Российской Федерации в киберпространство.

Характерными особенностями заявленных в Программе индикаторов является то, что они учитывают, прежде всего, национальные особенности государственного устройства и перспективные пути развития институтов гражданского общества. Отметим выборочно основные, по нашему мнению, важные социально-правовые индикаторы из представленных в Программе, которые содержат нормативно-ценностные ориентиры духовно-нравственного развития российского общества:

1) доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме (отв. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ);

2) снижение доли населения, не использующего информационно-телекоммуникационную сеть Интернет по соображениям безопасности, в общей численности населения (отв. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ);

3) удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет с домашнего компьютера, в общем количестве домашних хозяйств (отв. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ);

4) доля детских, юношеских и образовательных программ в общем объеме вещания общероссийских обязательных общедоступных телеканалов (отв. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям);

5) снижение доли жалоб субъектов персональных данных, по результатам рассмотрения которых подтвердились факты нарушения законодательства Российской Федерации в области персональных данных (отв. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ);

6) число преподавателей высшего и среднего профессионального образования, прошедших повышение квалификации по новым программам для IT-специальностей в различных предметных отраслях, соответствующих стандарту «Цифровая школа» (отв. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ);

7) доля поддержанных социально значимых проектов в области электронных средств массовой информации, в том числе сайтов, имеющих социальное или образовательное значение, в общем количестве социально значимых проектов в области электронных средств массовой информации, в том числе сайтов, имеющих социальное или образовательное значение (отв. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ).

Отмеченные социально-правовые индикаторы должны:

а) способствовать:

– повышению качества жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий;

– противодействию распространению идеологии терроризма, экстремизма, пропаганды насилия;

– самозанятости и дистанционной работе с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

– повышению качества жизни и работы граждан;

– увеличению в национальном информационном пространстве доли информации, ориентированной на здоровый образ жизни, социально ответственное поведение, заинтересованность в образовании и профессиональном росте, традиционные культурные, нравственные и семейные ценности, отвечающие приоритетам развития социальной политики государства;

– созданию условий для развития стартапов, разрабатывающих решения в сфере информационных технологий;

– осуществлению большинства юридически значимых действий в электронном виде;

б) обеспечить:

– права и основные свободы человека, в том числе на информацию;

– предоставление гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникаций;

– развитие социальной самоорганизации и социального партнерства власти, бизнеса и общественности;

– неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа;

– доступность для всего населения Российской Федерации актуальной информации о событиях в стране и мире;

– существенное увеличение в национальном информационном пространстве доли информации, ориентированной на здоровый образ жизни, социально ответственное поведение, заинтересованность в образовании и профессиональном росте, традиционных культурных, нравственных и семейных ценностях;

– информационную безопасность на основе отечественных разработок при передаче, обработке, хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства;

– доступность для населения обучения по программам дополнительного образования для получения новых и востребованных на рынке труда цифровых компетенций;

– возможность получения правовой охраны и управления правами на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой среде (создание цифровых платформ);

– высокого качества предоставления государственных и муниципальных услуг (реализации функций), иных услуг (сервисов) и сведений в электронном виде;

в) сформировать:

– основы становления информационного общества;

– развитые сервисы на основе информационных технологий в сферах культуры, образования и здравоохранения;

– равный доступ граждан к медиасреде;

г) предупредить:

– угрозы, возникающие в информационном обществе;

– «цифровое неравенство»;

– изолированность отдельных граждан и социальных групп.

Таким образом, исходя из вышеперечисленных характеристик обозначенных социально-правовых индикаторов, мер их реализации, можно предположить, что в целом на государственном уровне проблема формирования качественного информационного общества в Российской Федерации структурно обозначена. Ведомства, органы местного самоуправления принимают участие в исполнении государственно значимых задач по переводу своего инструментария в виртуальную среду для реализации поставленных перед ними задач. Создаются условия для равного, открытого доступа населения страны к информационным ресурсам, сервисам, цифровым платформам, которые соответствуют требованиям национального законодательства и духовно-нравственным ценностям по принципу: в любом месте, в любое время и на любом устройстве, при этом не нарушая сложившиеся в обществе правоотношения, традиции и ценности.

Однако в рассматриваемой государственной программе не отмечена роль и важность институтов гражданского общества в достижении отмеченных социально-правовых индикаторов. По нашему мнению, игнорирование значения институтов гражданского общества в реализации подобных масштабных государственных программ как «Информационное общество», оставляет без внимания множество не обозначенных, но имеющих место деструктивных проявлений в цифровых сообществах. Это касается как от направления поп культуры вплоть до религиозных взглядов (КиберБог), которые наиболее востребованы в молодежной субкультуре в силу того, что подрастающее поколение быстрее и с интересом осваивает новые инновационные технологий, ресурсы, стремится оказаться вне поля объективного контроля и воздействия со стороны надзорных органов.

Поэтому, как нам предполагается, роль и значение институтов гражданского общества в качестве участников в реализации подобных государственных программ не до оценено. Ведь благодаря их деятельности возможно оперативно корректировать текущие государственные мероприятия с учетом опыта сложившейся практики, обращать внимание ответственных исполнителей программы на имеющиеся коллизии в практическом воплощений ранее принятых решений, предлагать максимально эффективно разрешить проблемные ситуации, при этом, стремясь сохранить гражданский мир и спокойствие в многонациональном составе страны.

Информация об авторе

Р. М. Ахмедов – заведующий кафедрой правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Akhmedov – Head of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.

Примером тому, деятельность Общественной палаты Российской Федерации, которая имеет свои многочисленные структуры на уровне регионов страны, муниципалитетов, действующих на принципах гражданской сознательности, объективности, справедливости.

Следовательно, привлечение институтов гражданского общества в качестве соисполнителей государственных программ, позволит повысить эффективность реализации общенациональных масштабных мероприятий, цель которых – сохранить и развить национальные традиции, ценности в трансформирующейся социально-правовой среде современных общественных отношений, где преобладают интересы цифрового потребителя. Применение цифрового краудсорсинга во взаимодействии с институтами гражданского общества предоставит массовый доступ гражданам к проектам государственных актов для обсуждения, электронного взаимодействия государства, сетевым политическим партиям с электоратом. Это позволит сохранить гражданский мир и спокойствие в обществе, несмотря на то, что виртуальная реальность представлена в качестве децентрализованной мета вселенной без воздействия национальных регуляторов.

Список источников

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2021 г. № 504-19 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество» // <http://government.ru/docs/all/133835/> (дата обращения: 10.04.2022).

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of 31.03.2021 № 504-19 «On Amendments to the State Program of the Russian Federation «Information Society» // <http://government.ru/docs/all/133835/> (accessed: 10.04.2022).

Библиографический список

1. Ахмедов Р. М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов) : монография / Р. М. Ахмедов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 167 с.

Bibliographic list

1. Akhmedov R. M. Digital religion and traditional religious values. Features of the ratio (based on the materials of electronic resources) : monograph / R. M. Akhmedov. M. : UNITY-DANA, 2021. 167 p.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-14-24>

ИПОН: 2015-0066-1/23-589

MOSURED: 77/27-011-2023-01-788

Транспортная безопасность как объект криминологического исследования в системе национальной безопасности Российской Федерации

Андрей Викторович Борисов

Российский университет транспорта, Москва, Россия, av-borisov@mail.ru

Аннотация. На основе анализа научных источников, посвященных проблемам транспортной безопасности, и действующего законодательства рассматривается транспортная безопасность как объект криминологического исследования, и раскрывается ее место в системе национальной безопасности Российской Федерации. Проводится анализ правового закрепления дефиниции «транспортная безопасность» в законодательстве Российской Федерации, раскрываются позиции российских ученых по вопросу содержания понятия «транспортная безопасность», предлагается авторская редакция понятия «транспортная безопасность».

Ключевые слова: транспортная безопасность, понятие «транспортной безопасности», национальная безопасность

Для цитирования: Борисов А. В. Транспортная безопасность как объект криминологического исследования в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 14–24. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-14-24>.

Original article

Transport security as an object of criminological research in the national security system of the Russian Federation

Andrei V. Borisov

Russian University of Transport, Moscow, Russia, av-borisov@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of scientific sources devoted to the problems of transport security and current legislation, transport security is considered as an object of criminological research and its place in the national security system of the Russian Federation is revealed. The legal consolidation of the definition of «transport security» in the legislation of the Russian Federation is being analyzed, the positions of Russian scientists on the content of the concept of «transport security» are being revealed, and the author's version of the concept of «transport security» is being suggested.

Keywords: transport security, concept of «transport security», national security

For citation: Borisov A. V. Transport security as an object of criminological research in the national security system of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2023;(1):14–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-14-24>.

Масштабы территории Российской Федерации обуславливают существенное значение всех видов транспорта. Транспорт России – это глобальная системообразующая отрасль, важнейшая составная часть производственной и социальной инфраструктуры, которая играет одну из ключевых функций в процессе социально-экономического развития нашей страны, обеспечения обороноспособности Российской Федерации, так как обуславливает подвижность Вооруженных Сил Российской Федерации; в обеспечении безопасности объектов транспортной инфраструктуры от противоправных посягательств, создающих угрозы безопасной деятельно-

сти транспортного комплекса; в создании необходимых условий для соответствующего уровня общенациональной безопасности и снижения террористических рисков.

Современный транспортный комплекс, объединяя все районы страны, является необходимым условием ее территориальной целостности, составляет огромную часть мировой экономики, развивается с учетом глобальных общемировых стратегических тенденций. В то же время, привлекает внимание криминальных структур и представляет собой источник повышенной опасности. Особенно уязвим к угрозам террористического, технического, информационного, экологического и иного ха-

© Борисов А. В., 2023

рактера [8]. В настоящее время снизить уровень транспортной безопасности может и пандемия коронавирусной инфекции, которая порождает широкий спектр криминальных угроз [7].

В этой связи существенное значение имеет повышение эффективности обеспечения транспортной безопасности.

Сам термин «транспортная безопасность» стал применяться сравнительно недавно [36], однако сразу привлек к себе внимание исследователей. Объектом дискуссий стали дефиниции транспортной безопасности, ее сущность, содержание, система и виды, научное и практическое значение, проблемы, которые могут возникнуть при создании системы транспортной безопасности. По мнению исследователей, термин «транспортная безопасность» имеет собирательное значение, поэтому при нормативно-правовом регулировании необходим междисциплинарный подход [например, 24; 28; 46, с. 3–20; 11; 23; 27 и др.].

Еще больший интерес к данному понятию проявился после его легального определения в Федеральном законе от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ, согласно которому транспортная безопасность – состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (п. 10) [54].

Подобное определение содержится и в современной Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года [41].

В соответствии с п. 1 указанного закона под актом незаконного вмешательства понимается противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий.

К сожалению, принятый закон не поставил точку в научных спорах, а, наоборот, по справедливому замечанию Ю. В. Степаненко, стал «возмутителем спокойствия», на том основании, что законодатель не раскрыл сущность и содержание введенного в нормативный оборот абстрактного собирательного термина «транспортная безопасность». «Законодательная дефиниция... должна быть безукоризненной, не оставлять места для интерпретационных рисков, чего явно не получилось в случае с понятием «транспортная безопасность» [45].

На наш взгляд, легальная дефиниция отличается излишней лаконичностью, поскольку внимание уделено только состоянию защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Наряду с этим ничего не говорится о защищенности субъектов транспортной инфраструктуры и лицах, находящихся на территории объектов транспортной инфраструктуры – технологического комплекса, включающего в себя в соответствии с пунктом 5 Федерального закона от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ железнодорожные вокзалы и станции, автовокзалы и автостанции; объекты

инфраструктуры внеуличного транспорта, определяемые Правительством Российской Федерации [38]; тоннели, эстакады, мосты; порты, которые расположены на внутренних водных путях и в которых осуществляются посадка (высадка) пассажиров и (или) перевалка грузов повышенной опасности; расположенные во внутренних морских водах, в территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации искусственные острова, установки, сооружения, в том числе гибко или стационарно закрепленные в соответствии с проектной документацией на их создание по месту расположения плавучие (подвижные) буровые установки (платформы), морские плавучие (передвижные) платформы, за исключением подводных сооружений (включая скважины); аэродромы и аэропорты; определяемые Правительством Российской Федерации [37] участки автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей, вертодромы, посадочные площадки, а также обеспечивающие функционирование транспортного комплекса здания, сооружения и помещения для обслуживания пассажиров и транспортных средств, погрузки, разгрузки и хранения грузов повышенной опасности и (или) опасных грузов, на перевозку которых требуется специальное разрешение; здания, строения, сооружения, обеспечивающие управление транспортным комплексом, его функционирование, используемые федеральными органами исполнительной власти в области транспорта, их территориальными органами и подведомственными организациями, а также объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего водного транспорта [40], определяемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Сформулированная законодателем дефиниция влечет сложности правоприменения норм уголовного и административного законодательства (ст. 11.15.1 КоАП РФ), ограничивает их возможности. Например, по единодушному мнению исследователей, ст. 2631 УК РФ («Нарушение требований в области транспортной безопасности») предназначена для регулирования уголовной ответственности за нарушение требований Федерального закона от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ и предусматривает уголовную ответственность за два вида преступных деяний (неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности; неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности), имеет бланкетные признаки, которые должны раскрываться при помощи норм транспортного законода-

тельства. Однако легальное определение транспортной безопасности применительно к сфере уголовно-правовых отношений трактуется ограниченно – всего лишь как защищенность от актов незаконного вмешательства, что, по мнению специалистов в области уголовного права, предполагает только деяния с умышленной формой вины. Следовательно, неосторожные деяния под это понятие не попадают [например, 32; 33; 58 и др.].

С позиции формальной логики, базовый Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ должен системно объединить понятия всех видов транспортной безопасности, однако они отсутствуют. Не приведен даже минимальный перечень основных видов транспортной безопасности. Упоминается только авиационная безопасность. Сложившаяся ситуация дает основание полагать, что понятие «транспортная безопасность» в контексте указанного закона не является родовым для понятий видов транспортной безопасности.

По мнению исследователей, одной из существенных причин несовершенства легального определения является сложность построения юридической конструкции термина «транспортная безопасность», включающего две самостоятельные категории – «транспорт» и «безопасность» [например, 17; 43], каждая из которых имеет комплексный характер.

Бесспорно, транспорт выполнит свое предназначение только при условии, если надлежащим образом будет обеспечена транспортная безопасность. Именно безопасность является фактором, обуславливающим жизнедеятельность, существование и функционирование всех объектов транспортной инфраструктуры.

Первое упоминание термина «безопасность» зафиксировано в словаре английского ученого-философа Роберта Гроссетеста и относится к 1190 году. В период с XII по XVI вв. он означал спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако с начала XVII столетия безопасность стали понимать в более широком значении, т. е. как необходимость обеспечения общего благосостояния и безопасности не только личности, но и общества и государства в целом [60, с. 13–14].

В настоящее время этот термин активно применяется в различных областях знания, в том числе уголовно-правовой и криминологической, а также различных сферах общественной жизни. Кроме того, безопасность – это родовое понятие по отношению к транспортной безопасности и национальной безопасности.

В русском языке слово «безопасность» образовано по принципу антинимии, то есть за счет простой приставки префикса (к слову «опасность» была добавлена приставка «без-»). Из этого следует, что в этимологическом отношении слово «безопасность» в целом сводится к значению «отсутствие опасности», «жизнь, деятельность без опасности» [22].

В словаре В. И. Даля под безопасностью понимается «отсутствие опасности, сохранность, надежность; безопасный – значит не угрожающий, не могущий при-

чинить зла или вреда, безвредный, сохранный, верный, надежный» [13]. По мнению Д. Н. Ушакова безопасность означает не только «отсутствие опасности», но и «предупреждение опасности, условия, при которых не угрожает опасность» [53]. С. И. Ожегов определяет безопасность как «положение, при котором не угрожает опасность кому-нибудь или чему-нибудь» [31].

Современные научные точки зрения о сущности и содержании термина «безопасность» отличаются большим разнообразием. В частности, под безопасностью понимают:

аксиологическую категорию, согласно которой безопасность любого субъекта – это защищенность материальных и духовных ценностей субъекта от небезразличного для него ущерба [4; 5; 34; 35];

правовую категорию, неотъемлемый и обязательный элемент права и одна из сторон его сущности [18]; совокупность мер, принимаемых для обеспечения состояния защищенности [15, с. 56];

состояние объекта (системы), взаимозависимость совокупности условий, обеспечивающих его защищенность, сохранение, функционирование и развитие [42].

Итоги проведенного исследования научных работ, посвященных вопросам определения понятия «безопасность», позволяют говорить о том, что в настоящее время существует две основные группы дефиниций. Первая, включает охранительные определения, в которых безопасность рассматривается как состояние защищенности от разных видов угроз. Вторая содержит охранительно-предупредительные дефиниции, определяющие безопасность как совокупность мер или условий, направленных на противодействие угрозам.

Исходной правовой основой безопасности считается сформулированное законодателем в Законе РФ от 05 марта 1992 г. № 2446-1 определение, согласно которому «безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» (статья 1) [16].

В действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» исследуемое понятие не раскрывается, но определяется через предмет регулирования (статья 1), основные принципы обеспечения безопасности (статья 2), содержание деятельности по обеспечению безопасности (статья 3) [57].

Проблемы, связанные с понятием безопасности, решаются с помощью соответствующих нормативных правовых актов. Например, в транспортной сфере применительно к видам транспортной безопасности в Воздушном кодексе Российской Федерации авиационная безопасность – это состояние защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации (пункт 1 статьи 83) [10]. Подобная, в то же время, несколько развернутая трактовка этого термина содержится в Модельном законе о безопасности на воздушном транспорте, где «авиационная безопасность – состояние защищенности транспорта от актов незаконного вмешательства в деятельность, связан-

ную с функционированием воздушного транспорта» (статья 2) [29].

В Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ под безопасностью дорожного движения понимается «состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий» (статья 2) [56], в Федеральном законе от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ безопасность движения и эксплуатации железнодорожного транспорта определяется как «состояние защищенности процесса движения железнодорожного подвижного состава и самого железнодорожного подвижного состава, при котором отсутствует недопустимый риск возникновения транспортных происшествий и их последствий, влекущих за собой причинение вреда жизни или здоровью граждан, вреда окружающей среде, имуществу физических или юридических лиц» (статья 2) [55].

Таким образом, категория «безопасность» не абсолютна, а относительна и приобретает смысловое значение в связи с конкретными объектами или сферой жизнедеятельности [12].

Результаты проведенного исследования понятия безопасности позволяют констатировать, что абсолютному большинству дефиниций свойственна общая составляющая – состояние защищенности. Однако именно это словосочетание наиболее часто критикуется. По мнению исследователей, термин «состояние» означает «быть», «находиться», а также отражает статичную данность. То есть речь идет о пассивности государства, лишь его наблюдении за состоянием защищенности, а не активных действиях, связанных с применением надлежащих мер. Кроме того, этот термин относят к числу качественных и количественных, абстрактных и субъективных, оценочных категорий. Установить совокупность параметров, определяющих состояние защищенности, их допустимые пределы и значения – это одна из сложных проблем [например, 3; 9; 6, с. 153, 154; 2; 26 и др.], которая до настоящего времени не решена.

Критике подвергнут и термин «защищенность». В научной литературе отмечается, что использование данного термина позволяет говорить только о сохранении существующего положения [6, с. 153, 154]. Определение безопасности через этот термин охватывает не все опасные состояния. По этой причине понятие «безопасность» следует рассматривать как охранительное, поскольку безопасность как состояние защищенности предполагает наличие угроз и противодействие им, но если таковых нет, то и сама проблема безопасности отсутствует [49, с. 48; 47, с. 11–13; 15, с. 57].

Аккумулируя обозначенные позиции М. А. Ефремова предлагает рассматривать безопасность в статике (состояние защищенности), и в динамике (совокупность мер, предпринимаемых для обеспечения этого состояния) [15, с. 56].

Учитывая развитие науки и техники, активное использование IT-технологий в транспортной сфере, это состояние может изменяться. Однако меры, которые

должны быть направлены на обеспечение состояния защищенности, ввиду разных причин (они будут подробно изложены в последующих параграфах) могут оставаться бездейственными, т. е. статичными.

Результаты анализа многоаспектного понятия «безопасность» позволяют выделить основные элементы его содержания:

наличие состояния защищенности от внешних и внутренних угроз;

стабильность общественных отношений во всех сферах деятельности;

обеспечение реализации прав, свобод и законных интересов личности;

создание условий для гармоничного развития личности общества и государства.

Совокупность мер или условий, обеспечивающих защищенность, сохранение, функционирование и развитие объекта (системы), по нашему мнению, в большей степени относится к иному понятию – обеспечению безопасности.

Таким образом, под безопасностью следует понимать, прежде всего, стабильность систем, объектов, процессов и т. п. как результат деятельности, направленной на противодействие внешним и внутренним угрозам, обеспечение безопасности.

По справедливому замечанию исследователей, несмотря на большое количество «дефиниций безопасности, объективная сущность этого феномена до настоящего времени не раскрыта» [39, с. 19].

Вне всякого сомнения, избежать неясности термина и его подмены в ходе дискуссии позволяет только определенность смыслового значения дефиниции. Полностью солидарны с точкой зрения Е. А. Юртаевой, согласно которой дефиниции являются своеобразными научными изобретениями, поэтому необходимо их изыскивать, доказывать, добиваться всеобщего признания [61].

Понятие «транспортная безопасность» следует рассматривать как частное по отношению к общему – «безопасность». В научной литературе данное понятие представлено гораздо шире, чем в законе. В частности, О. Е. Трофимов рассматривает транспортную безопасность как «состояние защищенности транспорта и транспортной инфраструктуры, потребителей транспортных услуг (пассажиры) от различного рода угроз (природного и техногенного характера), а также актов незаконного вмешательства, в деятельности различных видов транспорта» [48, с. 8].

По нашему мнению, если говорить о субъектах, то не стоит ограничиваться упоминанием только лишь пассажиров. Круг субъектов, нуждающихся в защите в исследуемой сфере весьма широк. Кроме пассажиров, к ним относятся и работники транспортного комплекса, и юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица, являющиеся собственниками объектов транспортной инфраструктуры и (или) транспортных средств или использующие их на ином законном

основании; лица, ответственные за обеспечение транспортной безопасности и др. Наряду с этим, перечень угроз в зависимости от содержания выходит за рамки угроз природного и техногенного характера.

В части характеристики субъектов транспортной безопасности, раскрывая исследуемое понятие, Д. В. Ирошников совершенно верно сделал акцент не только на субъектах транспортной инфраструктуры, понятие которых содержится в статье 1 Федерального закона от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ, но и «личности на транспорте (пассажиры, транспортный персонал, участники дорожного движения и иных лиц)» [19]. Однако из всех видов вреда упомянул только имущественный.

В. Г. Саркисова полагает, что «транспортная безопасность – состояние защищенности неопределенного круга лиц, исключающее недопустимый риск вреда их жизни и здоровью, окружающей среде и собственности» [44, с. 11].

В данной дефиниции также ограничены виды объектов, которым причинен вред актами незаконного вмешательства. В числе такого рода объектов могут также выступать: половая неприкосновенность и половая свобода личности, конституционные права и свободы человека и гражданина, сфера экономической деятельности, безопасность движения и эксплуатации транспорта и др.

Наиболее полная дефиниция транспортной безопасности сформулирована В. М. Корякиным, однако и она не лишена указанных недостатков: «это составная часть национальной безопасности Российской Федерации, представляющая собой состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, потребителей транспортных услуг, работников транспортного комплекса, окружающей среды от актов незаконного вмешательства, а также угроз природного и техногенного характера» [25].

Сходную точку зрения высказывает в своих работах и Н. С. Рязанов. Соответственно в качестве объектов транспортной безопасности он определяет «отношения, складывающиеся по поводу обеспечения устойчивого функционирования транспортного комплекса и его защищенности от актов незаконного вмешательства, технико-технологических угроз, угроз чрезвычайных происшествий природного и техногенного характера с целью предотвращения (минимизации) вреда здоровью и (или) жизни людей, ущерба имуществу и окружающей среде, экономического ущерба при транспортной деятельности» [43].

Следует отметить, что понятие «транспортная безопасность» необходимо отличать от иного понятия – «безопасность на транспорте».

Согласно статьи 2 Модельного закона о безопасности на транспорте «безопасность на транспорте – состояние транспортной системы государства – участника СНГ, позволяющее обеспечивать национальную безопасность в области транспортной деятельности, устойчивость транспортной деятельности, удовлетворять на-

циональные интересы в области транспортной деятельности, предотвращать (минимизировать) вред здоровью и (или) жизни людей, ущерб имуществу и окружающей среде, экономический ущерб при транспортной деятельности» [30].

Таким образом, исследуемые понятия не совпадают по объему. Безопасность на транспорте понимается шире, чем транспортная безопасность.

В соответствии с содержанием Стратегии национальной безопасности Российской Федерации развитие транспортной инфраструктуры является одной из задач для достижения целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала (п. 33), повышение уровня антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры – задача, направленная на достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности (п. 47), обеспечение развития эффективной транспортной инфраструктуры и транспортной связанности страны относится к числу задач, направленных на достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации (п. 67), интеграция в мировое транспортное пространство, реализация транзитного потенциала Российской Федерации – задача внешней политики Российской Федерации (п. 101) [50].

Тем не менее, необходимо отметить, что в ныне действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400, отсутствует упоминание транспортной безопасности как одного из видов безопасности, а также в качестве стратегического национального приоритета. Вместе с тем в утратившим силу одноименном нормативном правовом акте [52] было непосредственное указание на транспортную безопасность: «Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности».

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», транспортная безопасность скрыта под формулировкой «иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации» (ст. 1). Кроме того, согласно ст. 1 указанного закона, законодатель рассматривает «безопасность» и «национальную безопасность», как синонимические категории, расположив их через запятую. В частности, «настоящий Федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – безопасность, национальная безопасность)...» (ст. 1). По нашему убеждению, с подобной позицией нельзя согла-

ситься, поскольку эти категории соотносятся как общее и частное. Безопасность следует рассматривать как родовое понятие по отношению к национальной безопасности, но не тождественное.

В Законе «О безопасности» дефиниция «национальная безопасность» отсутствует. А в тексте основного закона страны – Конституции РФ даже не упоминается этот термин, что не могло не вызвать обоснованную научную критику [14; 59 и др.].

По нашему мнению, самое развернутое понятие национальной безопасности было представлено в утраченной в настоящее время Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. По сравнению с дефиницией, содержащейся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 [51], в исследуемое понятие были включены такие элементы как «независимость и государственная целостность», а в содержание добавлена оборона государства и вполне развернутый перечень видов безопасности. Таким образом, национальная безопасность Российской Федерации определялась как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [52].

Современное понятие национальной безопасности несколько минимизировано за счет отсутствия упоминания видов безопасности: «национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [50].

Считаем, что с позиций структурного, системного и методологического подходов прежняя дефиниция национальной безопасности была более научно обоснована.

К числу недостатков понятия национальной безопасности исследователи относят ее определение через «состояние защищенности», что позволяет говорить о ее неизменном статичном состоянии [15, с. 57]. В связи с этим предлагается рассматривать исследуемую

катеорию «в качестве системы мер по обеспечению конституционных прав и свобод индивида и общества; защиты суверенитета и территориальной целостности государства; достаточного уровня дееспособности для предупреждения и нивелирования всего спектра возможных вызовов и угроз; миротворческой деятельности на внутригосударственном, региональном и международном уровнях» [59]. Не разделяя данную позицию, отметим, что в этом случае происходит отождествление двух разных терминов – «национальная безопасность» и «обеспечение национальной безопасности». Их следует дифференцировать как целое и часть.

Несмотря на дискуссионность ряда положений, однозначно можно утверждать, что национальная безопасность является базовым, родовым и общим понятием по отношению к видам безопасности – государственной и общественной, транспортной, информационной, экономической, экологической, политической, военной и др.

В доктрине национальной безопасности в качестве основы классификации видов безопасности предлагают, как правило, объекты безопасности и сферы общественных отношений [например, 1, с. 16, 20, 26; 20; 21]. Так, в качестве объектов национальной безопасности называют личность, общество и государство, а транспортной безопасности – транспортный комплекс. К угрозам национальной безопасности отнесены «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации» [50, п. 5]; транспортной безопасности – «условия, обстоятельства и причины, способные привести к понижению уровня транспортной безопасности, ущербу национальной безопасности, ущемлению национальных интересов Российской Федерации в области транспортной деятельности, нарушению устойчивости транспортной деятельности, нанесению вреда здоровью и жизни людей, ущерба имуществу и окружающей среде, общенациональному экономическому ущербу при транспортной деятельности».

Таким образом, национальную безопасность следует рассматривать как сложноорганизованную систему, включающую все виды безопасности, в том числе и транспортную.

Учитывая изложенное, приведем обобщающие выводы.

Категории «транспортная безопасность» и «национальная безопасность» следует рассматривать как частные по отношению к общей – «безопасность».

Транспортная безопасность, во-первых, является составной частью национальной безопасности, во-вторых, находится в неразрывной взаимосвязи с другими видами безопасности и взаимозависимости, в-третьих, представляет собой относительно самостоятельный вид безопасности, имеющий системный характер.

Учитывая значимость транспортного комплекса во всех сферах жизнедеятельности, а также его влияние на состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз,

вовлечение в систему сложных взаимосвязей, представляется целесообразным в перечень стратегических национальных приоритетов (пункт 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации) включить транспортную безопасность.

В настоящее время в отечественном транспортном законодательстве отсутствует полноценное легальное определение транспортной безопасности, выдерживающее научную критику. Действующее законодательство нуждается в полнофункциональной дефиниции, которая могла бы использоваться всеми отраслями права и стала основой при формулировании определений видов транспортной безопасности, что обусловит устранение законодательной перегруженности, создающей сложности для правоприменителей.

Представляется целесообразным транспортную безопасность на законодательном уровне определять как состояние защищенности транспортного комплекса (объектов и субъектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств) и лиц, находящихся на территории объектов транспортной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз совершения актов незаконного вмешательства.

Список источников

1. Авдеев Ю. И., Аленкин С. В., Алешин В. В. и др. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : монография / Под ред. проф. А. В. Опалева. М. : Юнити-Дана, 2004.
2. Атаманов А. Г. Ключевая проблема исследования феномена безопасность в современной России // Вестник военного университета. 2012. № 2 (30). С. 169–174.
3. Белов В., Голяков А. Терминологическая база теории безопасности // Стандарты и качество. 2004. № 9. С. 48–51.
4. Белов П. Г. Методологические аспекты национальной безопасности России. М. : ФЦНТП КП «Безопасность», 2002.
5. Белов П. Г. Национальная безопасность. Теория, методология, практика / П. Г. Белов. СПб. : Стратегия будущего, 2015.
6. Бельков О. А. О языке теории и политики национальной безопасности России // Национальная безопасность : научное и государственное управленческое содержание : материалы Всерос. науч. конф. 4 декабря 2009 г. Москва / Центр пробл. анал. и гос.-упр. проект. М. : Научный эксперт, 2010.
7. Борисов А. В. Криминогенное влияние пандемии коронавирусной инфекции на состояние транспортной безопасности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 2 (28). С. 32–35.
8. Борисов А. В. Угрозы транспортной безопасности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24) С. 76–79.
9. Вишняков В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 27–39.
10. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. 1997. № 59–60.
11. Гудема Г. Х., Степаненко Ю. В. Транспортная безопасность как новая дефиниция // Научные основы национальной безопасности Российской Федерации : материалы семинара (Москва, 24 мая 2005 г.). М. : Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности, 2005. С. 101–107.
12. Гущина С. Безопасность личности как составляющая национальной безопасности // Национальная безопасность и геополитика России. 2001. № 4–5 (21–22). С. 135–136.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : современное написание : в 4 т. Т. 1. М. : Астрель. АСТ, 2003.
14. Демидов А. Ю. Система обеспечения национальной безопасности России (теория и практика правового регулирования) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 237–240.
15. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : дис. ...докт. юрид. наук. М., 2017.
16. Закон РФ от 05 марта 1992 г. № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности» // Российская газета. 1992. № 103 (утратил силу).
17. Зырянов С. М., Кузнецов В. И. Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 5–12.
18. Ирошников Д. В. Безопасность как правовая категория : философско-правовой аспект // Теория государства и права. 2021. № 2(22). С. 89–106.
19. Ирошников Д. В. Теоретические проблемы легального определения транспортной безопасности и смежных с ней категорий // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 17–29.
20. Кардашова И. Б. О проблемах исследования обеспечения национальной безопасности // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 29–32.
21. Кардашова И. Б. Современная система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 30–32.
22. Климашин А. Г. Понятие безопасности : проблемы интерпретации // Социологический альманах. 2019. № 10. С. 290–296.
23. Козлов Ю. П. Создание системы транспортной безопасности // Транспортная безопасность и технологии : Национальный журнал-каталог. 2005. № 4 (5). С. 22–23.
24. Кокорев И. Г. Система транспортной безопасности – составная часть Транспортной стратегии России // Транспортная безопасность и технологии : Национальный журнал-каталог. 2004. № 1. С. 16–19.

25. Корякин В.М. О соотношении понятия «транспортная безопасность» со смежными понятиями в области безопасности на транспорте // *Транспортное право и безопасность*. 2017. № 11 (23). С. 26-32.
26. Корякин В. М. Понятие транспортной безопасности и ее место в общей системе национальной безопасности Российской Федерации // *Транспортное право и безопасность*. 2016. № 3(3). С. 51–58.
27. Красновский В. И. О некоторых проблемах, влияющих на обеспечение транспортной безопасности РФ // *Транспортная безопасность и технологии : Национальный журнал-каталог*. 2006. № 2 (7). С. 13–15.
28. Малеев В. Н. Транспортная безопасность – категория экономическая // *Транспортная безопасность и технологии : Национальный журнал-каталог*. 2004. № 1. С. 106–107.
29. Модельный закон о безопасности на воздушном транспорте (Принят в г. Санкт-Петербурге 31.10.2007 Постановлением № 29-10 на двадцать девятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // *Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств*. 2007. № 41. С. 217–239.
30. Модельный закон о безопасности на транспорте (Принят в г. Санкт-Петербурге 31.10.2007 Постановлением 29-9 на 29-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // *Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств*. 2007. № 41. С. 200–216.
31. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2015.
32. Пикуров Н. И. Квалификация транспортных преступлений : научно-практическое пособие. М. : РАП, 2011.
33. Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие) : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016.
34. Поздняков А. И. Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода // *Безопасность России в XXI веке*. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006.
35. Поздняков А.И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // *Национальные интересы : приоритеты и безопасность*. 2013. № 21. С. 46–53.
36. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 274 (ред. от 28.12.2020) «Вопросы Министерства транспорта Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2004. № 24. Ст. 2429.
37. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1442 «Об определении участков автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей, вертодромов, посадочных площадок, а также обеспечивающих функционирование транспортного комплекса зданий, сооружений и помещений для обслуживания пассажиров и транспортных средств, погрузки, разгрузки и хранения грузов повышенной опасности и (или) опасных грузов, на перевозку которых требуется специальное разрешение, являющихся объектами транспортной инфраструктуры, и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. № 38. Ст. 5907.
38. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2018 г. № 1636 «Об утверждении перечня объектов инфраструктуры внеуличного транспорта (в части метрополитенов), являющихся объектами транспортной инфраструктуры» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2018. № 53 (часть II). Ст. 8676.
39. Правовое обеспечение транспортной безопасности в России / А. И. Сидоркин, Д. В. Ирошников, А. И. Землин [и др.]. М. : Российский университет транспорта, 2021.
40. Приказ Минтранса России от 28 января 2021 г. № 21 «Об определении объектов систем связи, навигации и управления движением транспортных средств воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего водного транспорта, являющихся объектами транспортной инфраструктуры» // *СПС КонсультантПлюс*.
41. Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // *Официальный интернет-портал правовой информации* <http://pravo.gov.ru>, 03.12.2021.
42. Решетникова Г. А. Безопасность субъектов права : философский анализ понятия «безопасность» // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2018. Т. 28. № 4. С. 591–597.
43. Рязанов Н. С. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «транспортная безопасность» // *Вестник Омской юридической академии*. 2017. № 3. С. 89–94.
44. Саркисова В. Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
45. Степаненко Ю. В. Интерпретационные риски в правовом обеспечении транспортной безопасности // *Современный юрист*. 2015. № 3. С. 8–20.
46. Сулакшин С. С., Вилисов М. В., Жукова А. В. и др. *Нормативные правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации // Проблемы нормативно-правового регулирования транспортной безопасности*. М. : Научный эксперт, 2004.
47. Тер-Акопов А. А. *Безопасность человека. Социальные и правовые основы*. М. : Норма, 2005.
48. Трофимов О. Е. *Административно-правовое регулирование деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере обеспечения безопасности на*

объектах транспорта и транспортной инфраструктуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

49. Землин А. И. Правовая культура военного юриста в контексте проблемы безопасности человека // Безопасность военной службы / Материалы научной конференции «Правовое обеспечение безопасности человека», 14 октября 1998 г., г. Москва. М. : ВУ, 1998.

50. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

51. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 88 (утратил силу).

52. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212 (утратил силу).

53. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. М. : Дом Славянской кн., 2008.

54. Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

55. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 8.

56. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Российская газета. 1995. № 245.

57. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. 2010. № 295.

58. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления : понятие, виды, характеристика : монография. М. : Проспект, 2018.

59. Шамаров П. В. Национальная безопасность : содержание понятия // Этносоциум. 2019. № 4. С. 16–24.

60. Экономическая и национальная безопасность / Е. А. Олейников, С. А. Филин, В. И. Видяпин [и др.]. М. : Издательство «Экзамен», 2005.

61. Юртаева Е. А. Нормативность законодательства : современные модуляции в российском правотворчестве // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 28–39.

References

1. Avdeev Yu. I., Alenkin S. V., Aleshin V. V., etc. The legal basis for ensuring the national security of the Russian Federation : monograph / Edited by prof. A.V. Opaleva. M. : Unity-Dana, 2004.

2. Atamanov A. G. The key problem of the study of the phenomenon of security in modern Russia // Bulletin of the Military University. 2012. № 2 (30). P. 169–174.

3. Belov V., Golyakov A. Terminological base of security theory // Standards and quality. 2004. № 9. P. 48–51.

4. Belov P. G. Methodological aspects of national security of Russia. M. : FCNTP KP «Security», 2002.

5. Belov P. G. National security. Theory, methodology, practice / P. G. Belov. St. Petersburg : Strategy of the Future, 2015.

6. Belkov O. A. On the language of theory and policy of national security of Russia // National security : scientific and state management content : materials of the All-Russian Scientific Conference on December 4, 2009 Moscow / Center probl. anal. and the state-upr. project. M. : Scientific expert, 2010.

7. Borisov A.V. Criminogenic impact of the coronavirus pandemic on the state of transport security // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2020. № 2 (28). P. 32–35.

8. Borisov A.V. Threats to transport security // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. № 2 (24). P. 76–79.

9. Vishnyakov V. G. On the methodological foundations of legal regulation of security problems of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2005. № 9. P. 27–39.

10. Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997 № 60-FZ (ed. of 02.07.2021) // Rossiyskaya Gazeta. 1997. № 59–60.

11. Gudema G. H., Stepanenko Yu. V. Transport security as a new definition // Scientific foundations of national security of the Russian Federation : materials of the seminar (Moscow, May 24, 2005). M. : Committee of the Federation Council on Defense and Security, 2005. P. 101–107.

12. Gushchina S. Personal security as a component of national security // National security and Geopolitics of Russia. 2001. № 4–5 (21–22). P. 135–136.

13. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language : modern spelling: in 4 t. T. 1. M. : Astrel. AST, 2003.

14. Demidov A. Yu. The system of ensuring national security of Russia (theory and practice of legal regulation) // Gaps in Russian legislation. 2014. № 1. P. 237–240.

15. Efremova M. A. Criminal law protection of information security : dis. ...doct. jurid. M., 2017.

16. Law of the Russian Federation of March 05, 1992 № 2446-1 (ed. of 26.06.2008) «On security» // Rossiyskaya Gazeta. 1992. № 103 (expired).

17. Zyryanov S. M., Kuznetsov V. I. Transport security and the system of subjects of its provision // Journal of Russian Law. 2012. № 12. P. 5–12.

18. Iroshnikov D. V. Security as a legal category : philosophical and legal aspect // Theory of state and law. 2021. № 2 (22). P. 89–106.

19. Iroshnikov D. V. Theoretical problems of legal definition of transport security and related categories // Security issues. 2020. № 1. P. 17–29.

20. Kardashova I. B. On the problems of national security research // Administrative law and process. 2014. № 5. P. 29–32.

21. Kardashova I. B. Modern system of ensuring national security of the Russian Federation // *Administrative law and process*. 2013. № 9. P. 30–32.
22. Klimashin A. G. The concept of security : problems of interpretation // *Sociological Almanac*. 2019. № 10. P. 290–296.
23. Kozlov Yu. P. Creation of a transport security system // *Transport security and technologies : National Journal-catalog*. 2005. № 4 (5). P. 22–23.
24. Kokorev I. G. Transport security system – an integral part of the Transport strategy of Russia // *Transport security and technologies : National journal-catalog*. 2004. № 1. P. 16–19.
25. Koryakin V.M. On the correlation of the concept of «transport security» with related concepts in the field of transport security // *Transport law and security*. 2017. № 11 (23). P. 26–32.
26. Koryakin V. M. The concept of transport security and its place in the general system of national security of the Russian Federation // *Transport law and security*. 2016. № 3(3). P. 51–58.
27. Krasnovsky V. I. On some problems affecting the provision of transport security of the Russian Federation // *Transport security and technologies : National Journal-catalog*. 2006. № 2 (7). P. 13–15.
28. Maleev V. N. Transport security – economic category // *Transport security and technologies : National Journal-catalog*. 2004. № 1. P. 106–107.
29. Model Law on Air Transport Safety (Adopted in St. Petersburg on 31.10.2007 by Resolution № 29-10 at the twenty-ninth plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States // *Newsletter. Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States*. 2007. № 41. P. 217–239.
30. Model Law on Transport Safety (Adopted in St. Petersburg on 31.10.2007 by Resolution 29-9 at the 29th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) // *Newsletter. Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States*. 2007. № 41. P. 200–216.
31. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. 28th ed., pererab. M. : World and Education, 2015.
32. Pikurov N. I. Qualification of transport crimes : a scientific and practical guide. M. : RAP, 2011.
33. Pozharsky A. Yu. The system of norms on transport crimes in the criminal law of Russia (formation and development) : dis. ... cand. jurid. M. : Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University), 2016.
34. Pozdnyakov A. I. System of basic concepts of the theory of national security from the standpoint of a value (axiological) approach // *Security of Russia in the XXI century*. M. : RIC ISPI RAS, 2006.
35. Pozdnyakov A. I. Comparative analysis of the main methodological approaches to the construction of the theory of national security // *National interests: priorities and security*. 2013. № 21. P. 46–53.
36. Decree of the Government of the Russian Federation of July 11, 2004 № 274 (ed. of 12/28/2020) «Issues of the Ministry of Transport of the Russian Federation» // *SZ RF*. 2004. № 24. Art. 2429.
37. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 15, 2020 № 1442 «On the Definition of Sections of Highways, Railways and Inland Waterways, Heliports, Landing Pads, as Well as Ensuring the Functioning of the Transport Complex of Buildings, Structures and Premises for Servicing Passengers and Vehicles, Loading, Unloading and Storage of High-Risk Cargo and (or) Dangerous Goods, the Transportation of which requires a special permit, which are objects of transport infrastructure, and invalidation of acts and individual provisions of acts of the Government of the Russian Federation» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020. № 38. Art. 5907.
38. Decree of the Government of the Russian Federation № 1636 dated December 22, 2018 «On Approval of the list of infrastructure facilities of off-street transport (in terms of subways) that are objects of transport infrastructure» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2018. № 53 (Part II). Art. 8676.
39. Legal support of transport security in Russia / A. I. Sidorkin, D. V. Iroshnikov, A. I. Zemlin [et al.]. M. : Russian University of Transport, 2021.
40. Order of the Ministry of Transport of Russia № 21 dated January 28, 2021 «On the definition of objects of communication systems, navigation and traffic control of air transport vehicles, railway, sea and inland water transport, which are objects of transport infrastructure» // *SPS «ConsultantPlus»*.
41. Decree of the Government of the Russian Federation № 3363-r dated November 27, 2021 «On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035» // *Official Internet Portal of Legal Information* <http://pravo.gov.ru>, 03.12.2021.
42. Reshetnikova G. A. Security of subjects of law : a philosophical analysis of the concept of «security» // *Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series*. 2018. Vol. 28. № 4. P. 591–597.
43. Ryazanov N. S. On the question of the relationship between the concepts of «security» and «transport security» // *Bulletin of the Omsk Law Academy*. 2017. № 3. P. 89–94.
44. Sarkisova V. G. Criminal and legal security of transport infrastructure facilities : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2014.
45. Stepanenko Yu. V. Interpretative risks in the legal provision of transport security // *Modern lawyer*. 2015. № 3. P. 8–20.
46. Sulakshin S. S., Vilisov M. V., Zhukova A.V. et al. Normative legal problems of ensuring transport security of the Russian Federation // *Problems of regulatory regulation of transport security*. M. : Scientific Expert, 2004.

47. Ter-Akopov A. A. Human security. Social and legal foundations. M. : Norm, 2005.

48. Trofimov O. E. Administrative and legal regulation of the activities of federal executive authorities in the field of security at transport facilities and transport infrastructure : abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2013.

49. Zemlin A. I. The legal culture of a military lawyer in the context of the problem of human security // Security of military service / Materials of the scientific conference «Legal provision of human security», October 14, 1998, Moscow. M. : VU, 1998.

50. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 02, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (Part II). Article 5351.

51. Decree of the President of the Russian Federation № 537 of May 12, 2009 «On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020» // Rossiyskaya Gazeta. 2009. № 88 (expired).

52. Decree of the President of the Russian Federation № 683 of December 31, 2015 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 1 (Part II). Art. 212 (expired).

53. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the Russian language : modern edition. Moscow : House of Slavic Books, 2008.

54. Federal Law № 16-FZ of February 09, 2007 «On Transport security» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 7. Art. 837.

55. Federal Law № 17-FZ of January 10, 2003 «On Railway Transport in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2003. № 8.

56. Federal Law № 196-FZ of December 10, 1995 «On Road safety» // Rossiyskaya Gazeta. 1995. № 245.

57. Federal Law № 390-FZ of December 28, 2010 «On Security» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. № 295.

58. Chuchayev A. I., Pozharsky A. Yu. Transport crimes : concept, types, characteristics : monograph. M. : Prospect, 2018.

59. Shamarov P. V. National security : the content of the concept // Ethnosocium. 2019. № 4. P. 16–24.

60. Economic and national security / E. A. Oleynikov, S. A. Filin, V. I. Vidyapin [et al.]. M. : Publishing House «Exam», 2005.

61. Yurtaeva E. A. Normativity of legislation: modern modulations in Russian lawmaking // Journal of Russian Law. 2012. № 11. P. 28–39.

Информация об авторе

А. В. Борисов – заведующий кафедрой уголовное право, уголовный процесс и криминология Российского университета транспорта, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Borisov – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Russian University of Transport, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья
УДК 343.41
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-25-29>
НИОН: 2015-0066-1/23-590
MOSURED: 77/27-011-2023-01-789

Технико-юридическое конструирование уголовно-правовых норм: понятие и значение (на примере составов преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина)

Ирина Ивановна Бунова

Академия управления МВД России, Москва, Россия,
bynva@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы применения юридической техники при конструировании правовых норм в области уголовно-правового регулирования на примере преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина. Акцентировано внимание на определении значения технико-юридического конструирования, правильность применения которого влияет на эффективность применения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: личные права и свободы человека и гражданина, юридическая техника, технико-юридическое конструирование, уголовно-правовые нормы

Для цитирования: Бунова И. И. Технико-юридическое конструирование уголовно-правовых норм: понятие и значение (на примере составов преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 25–29. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-25-29>.

Original article

Technical and legal construction of criminal law norms: the concept and meaning (on the example of the elements of crimes against the personal rights and freedoms of man and citizen)

Irina I. Bunova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
bynva@rambler.ru

Abstract. The issues of the application of legal technology in the construction of legal norms in the field of criminal law regulation, using the example of crimes against personal rights and freedoms of man and citizen are being examined. Attention is focused on determining the value of technical and legal design, the correctness of which affects the effectiveness of the application of criminal law norms.

Keywords: personal rights and freedoms of man and citizen, legal technique, technical and legal construction, criminal law norms

For citation: Bunova I. I. Technical and legal construction of criminal law norms: the concept and meaning (on the example of the elements of crimes against the personal rights and freedoms of man and citizen). Bulletin of economic security. 2023;(1):25–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-25-29>.

Юридическая техника является неотъемлемым средством создания правовых норм во всех отраслях права. Выражение воли законодателя никогда не обходится без использования юридической техники, так как она позволяет обеспечить эффективность правового регулирования. Значение такого инструментария, как юридическая техника, не ограничивается способностью повышения эффективности регулирования общественных отношений нормами права. Конструирование норм посредством использования технико-юридических средств представляет собой особое «искусство» в области фор-

мирования различных актов юридического содержания. Рассматривая использование юридической техники при конструировании правовых норм в общем и формировании норм в области уголовно-правового регулирования, существует необходимость в ее определении, а также в выявлении значимости, так как вопросы разработки и применения юридической техники имеют не только теоретическое обоснование, но и практическое.

Для начала отметим, что понятие «юридическая техника» необходимо отграничивать от понятия «юридические технологии», так как по объему содержания

© Бунова И. И., 2023

понятий последнее является большим. Понятием юридических технологий охватывается большой круг аспектов, в частности, в него входят не только «операционные» составляющие создания различных юридических актов в виде приемов, способов, средств и правил, но и сами стадии их формирования, этапы и т. д. Как справедливо отмечает В. И. Червонюк, данные понятия отличаются по целям [1, с. 438]. Так, юридическая техника предназначена для реализации наиболее узкой цели в виде повышения качества юридических актов, в то время, как цель юридической технологии – достижение окончательного результата в виде принятия нормативно-правового акта и правильного применения содержащихся в нем правовых норм.

Конвенционально принято определять понятие юридической техники через особую систему, так как она характеризуется совокупностью взаимосвязанных элементов, способной достигать установленной цели ее разработки.

С точки зрения В. М. Баранова, «юридическая техника – это совокупность средств, приемов, правил, которые используются для издания и оформления нормативно-правовых, правоприменительных, интерпретационных и иных актов» [2, с. 73]. Пучков О. А. под юридической техникой понимает «совокупность правил, средств, приемов разработки, оформления и систематизации нормативных актов в целях их ясности, понятности, эффективности» [3, с. 313].

Юридическая техника представляет собой систему, состоящую из таких элементов, как приемы, способы, средства и правила, предназначенные для подготовки, рассмотрения, принятия и обнародования нормативно-правовых, правоприменительных и интерпретационных актов компетентными на то субъектами, в целях приведения таких актов в наиболее совершенный, структурированный и грамотно изложенный вид.

Помимо приведенного нами определения юридической техники существует множество и других, которые также в полной мере раскрывают содержание данного понятия.

Существует позиция, согласно которой рассматриваемое понятие определяется как оперирование средствами юридического языка в целях истолкования смысла текста правовой нормы [4, с. 466].

В данном случае наблюдается восприятие юридической техники как процесса, целью которого является конструирование нормы таким образом, чтобы текст четко толковал ее содержание и смысл.

Вышеприведенное определение юридической техники как особого процесса, безусловно, имеет место быть, однако более верным решением вопроса о понятии юридической техники следует считать ее восприятие как системы, включающей совокупность средств, приемов, способов, методов и правил построения различных юридических актов. Более обоснованным представляется считать под процессом в данной области технико-юридическое конструирование.

Исследовав понятие юридической техники, представляется возможным определить технико-юридическое конструирование, под которым следует понимать процесс создания и изменения нормативно-правовых, правоприменительных и интерпретационных актов посредством использования инструментов юридической техники.

Произведя анализ понятия юридической техники, немаловажным представляется выделение ее значения.

Во-первых, юридическая техника служит инструментом упрощения права, так как она позволяет без излишней смысловой нагрузки выразить смысл и суть юридического текста. При этом, используя средства юридической техники, смысл и содержание юридических актов понимается правильно и однозначно. Во-вторых, с помощью юридической техники достигается такое качество права, как практичность. Невозможно представить как без инструментов юридической техники, абстрагированной от лишних слов, выражений и оборотов, было бы возможным изложить содержание и смысл юридического текста таким образом, чтобы он мог подстраиваться под широкий круг явлений. В-третьих, значение юридической техники состоит в том, чтобы унифицировать правовые нормы, что четко прослеживается в сфере уголовного законодательства. Юридические термины и конструкции, используемые в УК РФ, имеют системный вид, что позволяет однозначно понимать уголовно-правовые нормы в процессе правоприменения при возникновении различных ситуаций. Посредством использования общепринятой терминологии при конструировании уголовно-правовых норм достигается ее стабильность. Таким образом, изложены наиболее значимые достоинства юридической техники, которые невозможно переоценить.

Относительно специфики использования средств юридической техники в уголовном законе (составы преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина) отметим, что спектр таких инструментов достаточно широк: для конструирования уголовно-правовых норм характерно использование *дефиниций, примечаний, применение абстрактного и казуистического способов* изложения нормативного материала, а также использование таких приемов как *прямой, бланкетный и ссылочный* [5, с. 167–177].

Рассматривая вышеуказанные инструменты технико-юридического конструирования норм в уголовном законодательстве и соотнося их с преступлениями против личных прав и свобод человека и гражданина, приведем примеры использования ранее перечисленных приемов и средств.

Значимым технико-юридическим приемом в уголовном законе служит также *использование дефиниций*. Дефиниция представляет собой краткое определение какого-либо понятия, отражающее наиболее значимые и существенные признаки [6, с. 165–173]. Использование данного приема выражено в ст. 136 УК РФ, в которой разъясняется понятие «дискриминация».

В уголовном законе также широко используются *примечания*. Примером использования примечания относительно преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина служит ст. 139 УК РФ, в которой разъясняется содержание понятия жилище.

Примером *казуистичного* изложения нормы служит ст. 137 УК РФ. В конструкции данной нормы наблюдается подробный перечень альтернативных действий, являющихся преступными, перечисляются различные случаи преступного поведения. Казуистичный способ конструирования уголовно-правовых норм имеет ряд недостатков, самым значимым из которых является возникновение пробелов в праве, так как общественные отношения развиваются достаточно динамично, а законодатель не всегда удается оперативно отреагировать на произошедшие изменения в жизни общества. Кроме того, при использовании такого способа юридической техники законодательная материя приобретает достаточно громоздкий вид, препятствующий четкому пониманию уголовно-правовой нормы.

Диаметрально противоположным является такой технико-юридический прием, как *абстрактное* изложение нормы. Данный прием также имеет свои положительные и отрицательные черты, так как он позволяет выражать норму в более общем виде без элементов конкретизации, что позволяет понимать под преступными достаточно широкий спектр действий, однако данный способ подстраивается под условия динамичности общественных отношений. Пример использования абстрактного технико-юридического приема конструирования уголовно-правовой нормы содержится в ст.ст. 138, 148 УК РФ [7, с. 241–246].

При конструировании уголовно-правовых норм также характерно использование ссылок на правовые нормы, содержащиеся как в УК РФ, так и в иных правовых актах, в связи с чем такие технико-юридические приемы различаются на *бланкетные* и *ссылочные*. Данные приемы используются для компактности нормы.

Сущность бланкетного приема состоит в том, что в уголовно-правовом запрете содержится отсылка к иному нормативному акту в целях уяснения смысла и содержания нормы. Примером использования данного приема является ст. 137 УК РФ: для уяснения содержания понятия «средства массовой информации» необходимо обратиться к статье 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» [8].

Помимо *бланкетного* технико-юридического приема конструирования уголовно-правовых норм используется *ссылочный*. Для ссылочного приема характерно использование в уголовно-правовой норме отсылки к другой норме уголовного закона. Использование ссылочного технико-юридического приема отражено в ст. 140 УК РФ, в диспозиции которой содержится понятие должностного лица. Для установления содержания понятия должностного лица следует обратиться к Примечанию 1 ст. 285 УК РФ. Вместе с тем уникальность ст. 140 «Отказ в предоставлении гражданину информа-

ции» УК РФ состоит в том, что законодатель при ее технико-юридическом конструировании использовал, помимо ссылочного, еще и отсылочный (бланкетный) способ уяснения смысла этой уголовно-правовой нормы.

При этом анализ правоприменительной практики и судебной статистики с 1997 по 2021 г. свидетельствует об отсутствии приговоров по данной статье уголовного закона [9]. Положительных результатов поиска не дало и обращение к сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2022 года (судебной статистике), размещенной на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. В итоге по ст. 140 УК РФ за период действия российского уголовного закона не было привлечено к уголовной ответственности ни одного человека.

Целесообразно предположить, что фактически данный состав преступления является «нерабочим», что может свидетельствовать о его невостребованности в рамках правоприменительной практики, а также о недостатках юридической техники, имевших место при ее подготовке, которые не могут быть оставлены без внимания ученых, поскольку нормами главы 19 УК РФ под охрану взяты общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционных прав и свобод граждан, которые по смыслу ст. 2 Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью.

Таким образом, представляется целесообразным сделать вывод, что в правоприменительной практике пользуются спросом иные механизмы получения информации и документов в случае их неправомерного отказа.

В частности, в случае если граждане полагают, что действия (бездействия) или решения органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц нарушают их права, то они имеют возможность оспорить такое решение в порядке, установленном главой 22 КАС РФ или главой 24 АПК РФ – рассмотрение дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц.

Институт оспаривания действий органов довольно успешно применяется в судебной практике. Анализ раздела судебной практики СПС «Консультант Плюс» обнаружил более 300 000 судебных актов по такой категории дел, что свидетельствует о большей востребованности данного механизма.

Как следует из п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ» [10], при предъявлении в суд требований об обязанности наделенных публичными полномочиями органов и лиц совершить определенные действия в целях устранения допу-

щенных нарушений прав, свобод, законных интересов административного истца (заявителя) в сфере административных и иных публичных правоотношений такие требования подлежат квалификации как требования о признании незаконным соответствующего бездействия и об обязанности совершить необходимые действия.

Таким образом, в случае, если должностное лицо неправомерно отказало в предоставлении информации либо предоставило неполную или заведомо ложную информацию, такие действия могут быть оспорены и признаны незаконными в таком порядке. При этом, в случае их признания незаконными, суд обязывает должное лицо или орган совершить действия по представлению такой (полной) информации гражданину.

Кроме того, в случае признания действий лиц незаконными и причинения их действиями вреда гражданам имеют право предъявить имущественные иски, что вытекает из ст. 15, 393, 1069 ГК РФ.

Следовательно, действующее охранительное законодательство, за исключением уголовного, позволяет обеспечить надлежащую защиту граждан в случае непредставления им информации, затрагивающую их права. Нами разделяется позиция авторов, высказывающих аналогичное мнение по данному вопросу [11, с. 1138–1148].

Подводя итог исследованию проблем, связанных с технико-юридическим конструированием состава отказа в предоставлении гражданину информации, представляется целесообразным сформулировать вывод о необходимости признать утратившим силу этот состав преступления, декриминализовав соответствующее деяние. Основанием для подобного вывода явилось отсутствие приговоров по ст. 140 УК РФ в России, что подтверждается сведениями ГАС «Правосудие», статистикой Судебного Департамента при Верховного Суда Российской Федерации, ГИАЦ МВД России.

Рассмотренные инструменты технико-юридического конструирования не являются исчерпывающими, однако приведенные способы и средства используются чаще всего при конструировании уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против личности.

Таким образом, в исследовании было сформулировано понятие «технико-юридическое конструирование», представляющее собой процесс создания и изменения нормативно-правовых, правоприменительных и интерпретационных актов посредством использования инструментов юридической техники. На примере составов преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина исследовано и проанализировано применение технико-юридических средств. Немаловажным в исследовании представляется определение значения технико-юридического конструирования, правильность которого влияет на эффективность применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против личных прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. Червонюк В. И. Теория государства и права : учебник / М. : Инфра-М, 2007. 703 с.
2. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. 202 с.
3. Пучков О. А. Формы (источники) права. Правотворчество // Теория государства и права : учебник / М. : Норма, 1997. 498 с.
4. Александров А. С. Техника доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Сборник статей в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 464–467.
5. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. О совершенствовании технико-юридического конструирования ст. 148 УК РФ «нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» с учетом международных договоров и опыта некоторых зарубежных стран // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы VII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 19–20 апреля 2018 года. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2018. С. 167–177.
6. Трунцевский Ю. В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3. С. 165–173.
7. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. К вопросу о разграничении деяния предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» от преступлений экстремистской направленности // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского союза: проблемы законодательства и социальной эффективности: материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов (СГУ имени Н.Г. Чернышевского), Саратов, 12 апреля 2019 года. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2019. С. 241–246.
8. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2022).
9. Единый отчет о преступности (Форма 1-Г) за 2015–2021 гг. по данным ГИАЦ МВД России. Официальный сайт МВД России: статистика и аналитика [Электронный ресурс] // <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 09.07.2022).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Лапина М. А., Карпухин Д. В., Трунцевский Ю. В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения

уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1138–1148.

References

1. Chervonyuk V. I. Theory of state and law : textbook / M. : Infra-M, 2007. 703 p.
2. Babaev V. K., Baranov V. M. General theory of law : a brief encyclopedia. N. Novgorod, 1997. 202 p.
3. Puchkov O. A. Forms (sources) of law. Lawmaking // Theory of state and law : textbook / M. : Norm, 1997. 498 p.
4. Alexandrov A. S. Technique of proof in Russian criminal procedural discourse // Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement. Collection of articles in 2 vol. N. Novgorod, 2001. Vol. 2. P. 464–467.
5. Osokin R. B., Kokorev V. G. On improving the technical and legal construction of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation «violation of the right to freedom of conscience and religion» taking into account international treaties and the experience of some foreign countries // Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and penal enforcement law: theory and practice: materials VII International Scientific and Practical Conference, Tambov, April 19-20, 2018. Tambov : Publishing House «Derzhavinsky», 2018. P. 167–177.
6. Truntsevsky Yu. V. Russian criminal preventive law: signs of the branch // Russian criminological view. 2010. No. 3. P. 165–173.
7. Osokin R. B., Kokorev V. G. On the issue of delineation of the act provided for in Part 1 of art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation «public actions expressing obvious disrespect for society and committed in order to offend the religious feelings of believers» from extremist crimes // Transformation of law and law enforcement in the context of the development of digital technologies in Russia, CIS countries and the European Union: problems of legislation and social efficiency: materials of the VI International Scientific and Practical Conference of Teachers, practical staff, students, undergraduates, postgraduates (N.G. Chernyshevsky SSU), Saratov, April 12, 2019. Saratov : Publishing House «Saratov Source», 2019. P. 241–246.
8. Law of the Russian Federation No. 2124-1 of 27.12.1991 «On Mass Media». URL: <https://www.consultant.ru> (date of application: 25.01.2022).
9. Unified Crime Report (Form 1-D) for 2015-2021 according to the data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia: statistics and analytics [Electronic resource] // <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (accessed: 09.07.2022).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 dated 06/28/2022 «On some issues of application by courts of the provisions of Chapter 22 of the CAS of the Russian Federation and Chapter 24 of the APC of the Russian Federation» // SPS «Consultant Plus».
11. Lapina M. A., Karpukhin D. V., Truntsevsky Yu. V. Administrative prejudice as a way of decriminalization of criminal offenses and differentiation of criminal offenses and administrative offenses in the modern period // Administrative and municipal law. 2015. No. 11. P. 1138–1148.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 10.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-30-35>

ИПОН: 2015-0066-1/23-591

MOSURED: 77/27-011-2023-01-790

Новые вызовы цифровой среды в трудовых отношениях – практико-правовой анализ

Анастасия Владимировна Буянова¹, Екатерина Алексеевна Линькова²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹ Общецерковная аспирантура и докторантура им. Св. Кирилла и Мефодия, Москва, Россия

¹ AVBuyanova@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования заключается в необходимости внедрения цифровых технологий в сферу трудовых отношений. Статья посвящена исследованию комплекса проблем, связанных с реализацией трудовых отношений между работодателем и работником посредством новых информационных инструментов. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время внедрение электронных механизмов способствует повышению уровня и качества информационного взаимодействия участников трудовой деятельности, а также унификации общей системы документооборота.

Ключевые слова: цифровизация, трудовые отношения, трудовое законодательство, электронный документооборот, информационные системы

Для цитирования: Буянова А. В., Линькова Е. А. Новые вызовы цифровой среды в трудовых отношениях – практико-правовой анализ // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 30–35. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-30-35>.

Original article

New challenges of the digital environment in labor relations – practical and legal analysis

Anastasia V. Buyanova¹, Ekaterina A. Linkova²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

^{1,2} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

¹ St. Cyril and Methodius General Church Postgraduate and Doctoral School, Moscow, Russia

¹ AVBuyanova@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic lies in the need to introduce digital technologies in the field of labor relations. The article is devoted to the study of a complex of problems related to the implementation of labor relations between an employer and an employee through new information tools. In the course of the study, the authors come to the conclusion that at present the introduction of electronic mechanisms contributes to improving the level and quality of information interaction between participants in labor activity, as well as the unification of the general document management system.

Keywords: digitalization, labor relations, labor legislation, electronic document management, information systems

For citation: Buyanova A. V., Linkova E. A. New challenges of the digital environment in labor relations – practical and legal analysis. Bulletin of economic security. 2023;(1):30–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-30-35>.

Цифровизация – общее обозначение процессов, происходящих во многих сферах современной жизни и подразумевающих под собой внедрение в различные области возможностей и потенциала новых информационных технологий. Не исключением стала и сфера трудовых отношений, причем здесь цифровизация затронула множество направлений – совершенствование самих

рабочих мест и документооборота, организацию трудового процесса, использование средств информационных технологий для проведения проверок компетентными органами и т. д.

Сегодняшнее постоянно изменяющееся время характеризуется наличием коренных преобразований во многих областях жизни, в том числе и в области управ-

© Буянова А. В., Линькова Е. А., 2023

ления и развития карьеры сотрудников в той или иной организации. Появляются новые управленческие технологии, старые теряют свою актуальность в силу изменения структуры занятости. Глобализация, большая ориентированность на мировой рынок, преобладание в этой сфере мировых трендов и ориентиров позволяют сотрудникам не просто стремиться к достижению определенных результатов своей трудовой деятельности, но и добиваться определенных успехов, которые ранее возможно были бы для него ограничены в силу определенных причин и барьеров. Однако не следует полагать, что на сегодняшний день в трудовой сфере и сфере управление карьерой сотрудника преобладают только положительные моменты. До сих пор остаются определенные трудности и проблемы, которые иногда становятся существенными препятствиями на пути развития карьеры сотрудника.

В каждой отдельной организации наблюдаются свои собственные особенности управления персоналом и специфика направления развития карьеры сотрудников. Управление персоналом важный процесс любой организации, который влияет не только на качество производимого товара и среду в коллективе, но и на достижение первоочередной цели любой компании, а именно получение прибыли. Сам формат управление персоналом в организациях различен и во многом зависит от лидерских и организаторских способностей руководителя. Во многом на данный процесс оказывает влияние и цифровизация, ведь сотрудники, способные адаптироваться к новым условиям, скорее могут реализовать себя в новых условиях, чем сотрудники, которые пусть и обладают необходимыми компетенциями и знаниями, не могут «встроиться» в быстро меняющуюся обстановку.

Как сотрудникам организации, так и их руководству приходится действовать в современных условиях, которые, как уже было отмечено, характеризуются различными, не всегда положительными факторами и условиями. Глобализация, изменение специфики труда, распространение ограничений, связанных с массовыми заболеваниями (например, пандемии 2019–2021 годов), изменение приоритетности тех или иных профессий в связи с изменением структуры общемировых трудовых отношений – все это не только дает возможность сотруднику для нового развития, но и может стать причиной не только застоя в трудовой деятельности, но и потери работы вообще. Поэтому для того, чтобы не просто удерживаться на своем рабочем месте (а в случае организаций и кадровых специалистов – не терять свой персонал, что может привести вплоть до остановки деятельности компании), но и иметь потенциал для дальнейшего развития, всем заинтересованным лицам необходимо следовать определенным трендам.

Новыми тенденциями на рынке труда, безусловно, стали альтернативные формы занятости. Время пандемии показало, что некоторые сотрудники могут работать и из дома (дистанционный труд) и делать это даже эффективнее, чем из офиса. Некоторые компании научи-

лись совмещать такую форму работы и традиционную, ориентируясь на то, кто из сотрудников какие задачи выполняет. Вопрос карьерного роста в таких ситуациях тоже претерпевает определенные изменения – если сотрудников, работающих из офиса, можно вознаграждать более комфортным местом работы, например, отдельным кабинетом, возможностью пользоваться служебным транспортом и т. д., то для сотрудников, чья основная деятельность идет из дома, такого рода поощрения будут незначительными, и здесь речь может идти уже либо о должностном повышении, либо же о денежных дополнительных выплатах.

Количество сотрудников, работающих из дома, выросло на 159 % с 2005 года (это в 11 раз быстрее, чем другая рабочая сила). 16 % компаний по всему миру работают удаленно. Более 80 % сотрудников надеются, что работодатель оставит их на удаленной работе. До 2028 года 73 % всех отделов будут иметь удаленных сотрудников. На 400 % с 2010 года выросло количество людей, работающих удаленно хотя бы раз в неделю [4].

С 1 января 2021 г. вступила в силу новая редакция гл. 49.1 Трудового Кодекса РФ (далее ТК РФ), регулирующей дистанционный труд, которая призвана в первую очередь решить проблемы актуальных в пандемию временных и постоянных форм удаленной занятости. Важно отметить, что для дистанционных работников уже с 2021 г., по сути, применяется полноценный электронный кадровый документооборот, и даже трудовой договор можно заключить и расторгнуть в электронной форме с использованием механизма усиленной электронной цифровой подписи (далее ЭЦП) [1].

Новая редакция гл. 49.1 ТК РФ предполагает, что организации, применяющие труд дистанционных работников, должны принять локальные акты регулирования удаленного труда в соответствии с новой редакцией данной нормы и подробно регламентировать в них процедуры электронного взаимодействия с работниками с соблюдением защиты персональных данных, коммерческой и (или) служебной тайны. Совершенно очевидно, что независимо от срока дистанционной работы (временная до 6 месяцев или постоянная) одним из основных вопросов, которые будут оценивать суды и надзорные органы, станет оформление работодателями фактов ненадлежащего исполнения или неисполнения работниками их обязанностей [1].

Однако следует отметить, что российские работодатели в современных условиях все еще не воспринимают дистанционную работу сотрудников как полноценную, и либо снижают в таком случае заработную плату, ведь по их представлению нахождение сотрудника дома не является полноценной работой, либо же прибегают к ненормированному графику, что является нарушением прав сотрудника, который все еще является полноценной единицей данной конкретной организации.

Необходимость внедрения цифровых технологий в том числе и в среде трудовых отношений обусловлена в первую очередь тем, что во всех остальных сферах

жизнь процесс технологического совершенствования активно продвигается вперед. Соответственно, получается ситуация, при которой те, кто занят трудовой деятельностью сегодня, с тем же уровнем компетенций и знаний в цифровой области уже завтра могут оказаться без работы в силу постоянного совершенствования цифровых процессов. При этом следует отметить, что цифровизация не только сокращает рабочие места, но и создает новые, однако квалификационные требования к ним значительно выше, чем к «отмирающим» направлениям трудовой деятельности, а также существуют особые специфические требования.

Первыми шагами в области цифровизации трудовых отношений стало внедрение ИТ муниципальных информационных систем, которые и по сей день функционируют для реализации многих функций, в том числе документационного обеспечения управления. Внедрение систем электронного документооборота способствует повышению уровня и качества информационного взаимодействия, а также унификации общей системы документооборота.

Делопроизводство является неотъемлемой частью деятельности любой организации, обеспечивая деловую результативность, подотчетность и непрерывность деятельности. Государство планомерно и очень настойчиво развивает тему профессиональных стандартов, создавая все больше регулирующих правовых актов, ведя огромную работу по созданию данных документов [3]. Очевидно, это связано с желанием повысить эффективность труда.

В рамках документооборота служащие данной организации имеют дело с документами. Документ – это информация на материальном носителе, имеющая юридическую силу [6]. Из этого можно сделать вывод, что каждому служащему необходимо базовыми знаниями и умениями в сфере документационного обеспечения управления. Даже ответы на документы в бумажном виде готовятся с использованием компьютерных технологий, поэтому знания ИКТ необходимы каждому сотруднику. Требования к функциональным знаниям и умениям устанавливаются должностными обязанностями сотрудников.

В этой же позиции предъявляются требования к функциональным знаниям в сфере работы с обращениями граждан, которые поступают в организацию из различных источников. Поскольку основная часть обращений граждан создается в письменной форме, следовательно, сотрудник должен знать особенности регистрации устных и письменных обращений граждан, требования к подготовке официальных документов, содержащих ответ на обращение гражданина.

Сотрудники, которые осуществляют профессиональную деятельность, связанную только с управлением документацией: прием, учет, обработка, регистрация документации, ее классификация, организация хранения документов должны обладать навыками ведения делопроизводства, электронного документооборота и архив-

ного дела. Для осуществления этого вида деятельности требуется специальная подготовка по соответствующему направлению.

Для того, чтобы наиболее эффективно осуществить переход к бизнес-управлению нового типа, необходимо, в первую очередь, разграничивать такие направления работы, как цифровизация всех процессов в организации, а также цифровизацию документооборота в целом. От того, насколько правильно будут пониматься данные направления, будет зависеть корректность реализуемых мероприятий. А в век информационных технологий наибольшая доступность и простота может быть достигнута лишь путем использования цифровизации данных. Принцип цифровизации заложен в механизме электронного правительства, внедряемого в рамках продвижения в стране информационного общества. В настоящее время, несмотря на то, что до сих пор сохраняется тенденция к использованию бумажного документооборота, все больше процессов управления оцифровываются, переводятся в электронный вид.

Сегодня электронные документы, наряду с документами на бумажном носителе, становятся ключевой формой взаимодействия как между организациями и их отдельными их структурами, так и между организациями и гражданами. От качества и, главное, общности и единой унификации документов на любом носителе зависит и качество реализуемых ими функций.

Цифровая трансформация документооборота в целом – это внедрение в государственное управление новых информационных систем, преобладание электронного документооборота над бумажным, повышение доступности электронных услуг для каждого гражданина страны, и в общем переход области управления в рамки глобального цифрового мира. Данный процесс является естественным для многих государств мира, так как области, не относящиеся напрямую к бизнесу, постоянно совершенствуются и становятся все более зависимыми от цифровых инструментов, а значит, и бизнес, желая все еще сохранять свою роль в регулировании взаимоотношений различных структур, должен соответствовать уровню цифрового развития.

Интересно в этом разрезе изучение Паспорта федерального проекта «Цифровое государственное управление». Данный проект входит в Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Конец реализации проекта – 2024 год. Основные индикаторы, прописанные в паспорте федерального проекта, следующие: доля взаимодействия граждан и государства в цифровой сфере, доля государственных услуг, использующих цифровые платформы, доля электронного документооборота и т. д. В целом, данный федеральный проект предусматривает то, что понимается под цифровизацией услуг. Существующие нормативные правовые акты не в полной мере охватывают проистекающие в данной сфере процессы, а зачастую просто не могут успеть за происходящими изменениями. Это, с одной стороны, сдерживает потенциал развития перехода про-

цесса управления в электронную область, а с другой – значительно затрудняет работу сотрудников, вынужденных руководствоваться нормами, не всегда отвечающих реальному положению дел.

Согласно нормативным документам, полный переход к электронному документообороту должен был завершиться еще до 31 декабря 2017 года. На деле же складывается неоднозначная ситуация с реализацией поставленной задачи: крупные города справились с ней, успешно оцифровав большую часть управленческих процессов организаций, и, как следствие, сопровождающих и регламентирующих их документов, тогда как наименее развитые регионы и населенные пункты продолжают активно использовать бумажную документацию. Подобная двойственность управленческих операций негативно сказывается на процессе общего управления бизнес-сферы и замедляет его совершенствование. К тому же, в некоторых населенных пунктах до сих пор остаются проблемы с обеспечением связью, в результате чего процесс внедрения полного электронного документооборота сопровождается значительными трудностями, в том числе и технического характера.

Внедрение в деятельность организации автоматизированных систем документооборота без дублирования на бумажных носителях может существенно повысить эффективность компаний. А при добавлении к этому стандартизированной, унифицированной формы документов можно создать единую автоматизированную базу, которая будет включать в себя базы документов для организаций одной сферы деятельности, что облегчит деятельность как самих компаний, так и проверяющих и контролирующих органов.

С 1 января 2021 г. в полном объеме вступили в силу поправки в ТК РФ в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде (Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ). В соответствии с ними работникам, трудовые отношения с которыми оформляются впервые, заводятся только электронные трудовые книжки, а заключившие трудовой договор до 2021 г. работники уже реализовали право на выбор электронного или бумажного формата трудовой книжки – с правом отказа от бумажного в дальнейшем. При этом работодатели с 2021 г. передают в ПФР сведения о работниках (независимо от способа ведения их трудовой книжки) именно в электронном виде и отражают в них все аспекты трудовых отношений в режиме реального времени (прием на работу, увольнение, перевод) [2].

Трудовая деятельность организаций контролируется с помощью проверок специализированными органами, в частности государственной инспекцией труда. До определенного времени эти проверки носили только традиционный, обычный характер, при котором трудовые инспекторы выезжали непосредственно в организацию и на месте изучали документацию, условия труда сотрудников и иные факторы, которые так или иначе влияют на оценку деятельности конкретного объекта. Однако и здесь пандемия внесла определенные

коррективы, при которых выездная проверка может замениться онлайн-проверкой, сущность которой заключается в организации взаимодействия проверяющего и объекта проверки с помощью средств дистанционного взаимодействия. И даже после завершения пандемии вируса такого рода виды проверок получили значительное распространение. Следует, впрочем, учитывать, что на 2023 год для большинства категорий организаций продлен мораторий в области проведения проверок государственной инспекцией труда (далее – ГИТ), как плановых, так и внеплановых, за исключением сферы безопасности (пожарных проверок, проверок санитарно-эпидемиологического характера, ветеринарных проверок).

На первый взгляд может показаться, что такого рода способ организации проверок субъектами ГИТ не может полностью соответствовать всем нормам и правилам проведения проверок, однако как показывает практика, он может служить отличным дополнением к более традиционным способам проведения проверок, к тому же такого рода проверки не ограничены территориальным признаком, требуют меньше затрат, нежели выездные проверки, и как показывает уже нарабатанный опыт, оказываются не менее результативными, чем традиционные проверки. При этом информационный и документальный обмен также происходит с помощью обмена именно цифровыми копиями документов, что также сокращает время их получения и анализа.

В связи с требованиями к организациям предоставления в том числе и электронных форм отчетности, особое распространение на сегодняшний день получил портал СБИС. СБИС — система подготовки, проверки и сдачи электронной отчетности через интернет во все государственные органы для ИП, ООО и любых других форм организации. В системе реализованы все возможные бухгалтерские и налоговые отчеты. СБИС заботится об их актуальности, обновляя формы электронных отчетов сразу после их утверждения [5]. В целом данный портал помогает организациям не только перенаправлять все необходимые электронные документы в нужные инстанции (например, Пенсионный фонд, налоговую, ФАС и т. д.), но и буквально персонализируется для каждого субъекта, помогая заполнять необходимую отчетность, выстраивая календарь сдачи отчетов и исполняя другие необходимые для организации задачи. Помимо этого, портал помогает в заполнении, высчитывая ошибки в отчетности, особенно в рамках заполнения бухгалтерских документов, и помогая в их заполнении.

В рамках цифровизации в трудовых отношениях необходимо проанализировать, также, Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ, который вступил в силу в 2021 году, но уже на сегодняшний день дает возможность оценить его действие на практике. В частности, данный нормативный акт устанавливает новую роль муниципалитетов в вопросах организации контрольных мероприятий, уста-

навликает 7 видов контрольных действий, которые могут быть реализованы на практике [2]. Каждый муниципалитет в силу своих возможностей сам определяет, какого рода контроль и в каком именно сфере может производиться. Очевидно, что и в рамках трудовых отношений такого рода контрольные мероприятия также могут быть реализованы. В том числе следует отметить, что органы муниципального образования могут устанавливать контроль трудовой деятельности внутри своих структур, в частности, эта обязанность возлагается на сотрудников отделов кадров. Речь идет о такой форме контроля, как документарный контроль. Сотрудники отдела кадров в электронной форме реализуют постоянный мониторинг и контроль проведения обучения, соответствия кадрового состава занимаемым местам, ротации и т. д. В случае выявления проблематики проводится уже более конкретные контрольные мероприятия непосредственно с сотрудником или группой сотрудников.

Риски в вопросах цифровизации трудовых отношений связаны со множеством факторов и условий, но в первую очередь с несовершенством системы безопасности в условиях использования цифровых данных, в низкой культуре организации рабочего процесса в помощь цифровых средств (в том числе в условиях, когда любой электронный документ приходится дублировать в форме бумажного носителя), недостаточной проработке нормативных актов, напрямую касающихся организации цифрового взаимодействия в трудовой сфере. Что касается, например, новых форм занятости, то тут возникают риски не только коллективные, организационные, но и личностные, например, риск возникновения чувства оторванности от общества, потери навыков социализации. В целом, как и в любой другой сфере, в области цифровизации трудовых отношений возникает достаточное число рисков, минимизировать которые можно лишь используя целеориентированный подход в каждом случае.

Таким образом, процесс цифровизации в области трудовых отношений в России и во всем мире был во многом стимулирован во время пандемии коронавирусной инфекции, в течение которой работодатели были вынуждены адаптироваться к новым условиям и для сохранения нормальной рабочей деятельности искать новые варианты организации рабочего процесса. По завершению пандемии многие выработанные на тот момент механизмы, показавшие свою эффективность и результативность остались в качестве действующих механизмов в трудовой сфере, однако сфера трудовых отношений в стране достаточно инертна и нововведения в ней приживаются долго. Многие работодатели и работники еще не готовы к переходу к более современному формату, даже удаленная работа, являющаяся по всем показателям более комфортной и результативной для обеих сторон трудовых отношений, используется организациями не в полной мере. Однако однозначно можно говорить, что положительные предпосылки для более серьезного, качественного изменения трудовой сферы

отношений уже давно назрели и будут рано или поздно разработаны законодателем внедрены в современный ритм деятельности. Переход к инновационной социально ориентированной экономике невозможен без гибкого рынка труда с новыми направлениями занятости, в том числе через использование информационных ресурсов. Все предлагаемые инициативы направлены на обеспечение задач государства по внедрению цифровых технологий во все сферы общественной жизни, в том числе и в трудовых отношениях и, в итоге, – на достижение оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и интересов государства, что является главной целью трудового законодательства.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 11.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бахорина С. Э. Некоторые особенности осуществления хозяйской власти нанимателя по отношению к дистанционному работнику // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 38–40.
4. Кириллова Л. С. О тенденциях развития трудового права РФ в условиях глобализации // Российское право онлайн. 2017. № 1. С. 28–35.
5. Мжаванадзе Э. А. Контроль дистанционного работника: постановка вопроса // Право и государство: теория и практика. 2016. № 1 (133). С. 82–85.
6. Чесалина О. В. Работа посредством интернет-платформ как вызов трудовому правоотношению // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 14–17.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (ed. of 11.01.2023) // SPS «ConsultantPlus».
2. Federal Law «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» dated 31.07.2020 No. 248-FZ (latest edition) // SPS «ConsultantPlus».
3. Bakhorina S. E. Some features of the exercise of the employer's economic power in relation to a remote worker // Labor law in Russia and abroad. 2018. No. 4. P. 38–40.
4. Kirillova L. S. On trends in the development of labor law of the Russian Federation in the context of globalization // Russian Law online. 2017. No. 1. P. 28–35.
5. Mzhavanadze E. A. Control of a remote worker: posing a question // Law and State: theory and practice. 2016. No. 1 (133). P. 82–85.
6. Chesalina O. V. Work through Internet platforms as a challenge to labor relations // Labor law in Russia and abroad. 2019. No. 1. P. 14–17.

Информация об авторах

А. В. Буянова – доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. Св. Кирилла и Мефодия, кандидат юридических наук;

Е. А. Линькова – магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший аналитик штаффинговой группы ANCOR.

Information about the authors

A. V. Buyanova – Associate Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Higher School of Law and Administration of the National Research University Higher School of Economics, Associate Professor of the St. Cyril and Methodius General Church Postgraduate and Doctoral Studies, Candidate of Legal Sciences;

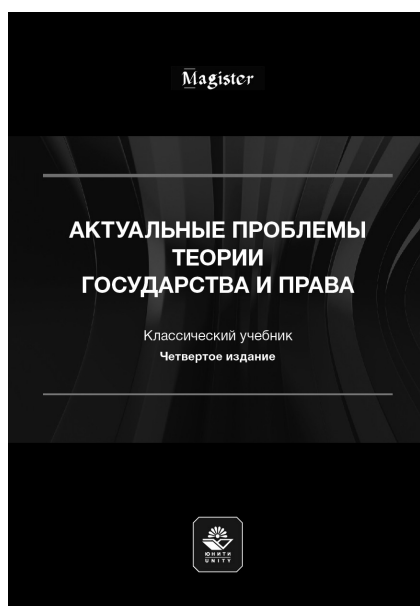
E. A. Linkova – Master's Student of the National Research University Higher School of Economics, Senior Analyst at ANCOR Staffing Group.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Актуальные проблемы теории государства и права. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-36-43>

ИИОН: 2015-0066-1/23-592

MOSURED: 77/27-011-2023-01-791

Суррогатное материнство: белорусский и российский опыт

Дмитрий Григорьевич Василевич

Gregory_1@tut.by

Аннотация. Анализируются российское и белорусское законодательство и практика, а также доктринальные источники в сфере правовой регламентации отношений по поводу суррогатного материнства. Обращается внимание на продолжающуюся дискуссию о содержании прав и обязанностей заказчиков (генетических родителей) и исполнителей (суррогатных родителей). Поддерживается позиция ученых, согласно которой презумпция материнства суррогатной матери противоречит интересам всех иных участников правоотношений суррогатного материнства, в том числе тех, без инициативы которых оно бы не состоялось. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивные технологии

Для цитирования: Василевич Д. Г. Суррогатное материнство: белорусский и российский опыт // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 36–43. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-36-43>.

Original article

Surrogacy: Belarusian and Russian experience

Dmitry G. Vasilevich

Gregory_1@tut.by

Abstract. The Russian and Belarusian legislation and practice, as well as doctrinal sources in the sphere of legal regulation of the surrogate maternity relations are being analyzed. Attention is drawn to the ongoing debate regarding the content of rights and obligations of clients (genetic parents) and performers (surrogate parents). The position of scientists, according to which presumption of surrogate motherhood contradicts the interests of all other participants of legal surrogacy relations, including those without whose initiative it would not take place, is supported. Proposals are made for improvement of legislation and law-enforcement practice.

Keywords: surrogacy, reproductive technology

For citation: Vasilevich D. G. Surrogacy: Belarusian and Russian experience. Bulletin of economic security. 2023;(1):36–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-36-43>.

В последние годы получило развитие суррогатное материнство, которое является одним из современных видов вспомогательных репродуктивных технологий. Оно позволяет преодолеть бесплодие и стать родителями тем, кто не имел такой возможности в силу физиологических причин. За рубежом вначале возникло традиционное, или частичное, суррогатное материнство, когда суррогатная мать вынашивала и затем передавала ребенка бесплодной паре. При этом ребенок был зачат с использованием генетического материала одного из его потенциальных родителей и донора: мужчины или женщины.

Суррогатное материнство законодательно разрешено в Республике Беларусь, России, ряде других стран.

Однако, например, в Швейцарии, согласно ст. 119 Конституции, пожертвование эмбрионов и все виды суррогатного материнства недопустимы.

В Законе Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» регламентированы основные вопросы, касающиеся суррогатного материнства. По данным Белорусской нотариальной палаты, в 2014 г. было нотариально удостоверено 38 договоров суррогатного материнства, 2015 г. – 38, 2016 г. – 28, 2017 г. – 42, 2018 г. – 36, 2019 г. – 46, 2020 г. – 33, в 2021 г. – около 40.

Проведенный опрос показал, что чуть менее 80 процентов медицинских работников, 93 процента опрошенных студентов-медиков выставили по десятибалльной

шкале оценки от 1 до 5 баллов суррогатному материнству, и 63 процента студентов-правоведов такими же баллами оценили суррогатное материнство. Остальные выставили более высокие оценки, считая его приемлемым. Это свидетельствует об ориентации молодых людей на традиционное рождение детей.

М. Е. Хмарская считает, что в договоре суррогатного материнства должны быть закреплены следующие положения: «компенсация расходов на медицинское обслуживание; компенсация потерь в заработке; место проживания суррогатной матери в период беременности; медицинское учреждение, где будет происходить искусственное оплодотворение; последствия рождения неполноценного ребенка; обязанность суррогатной матери соблюдать все предписания врача, направленные на рождение здорового ребенка; обязанность суррогатной матери передать ребенка после рождения генетическим родителям; обязанность генетических родителей принять ребенка; санкции за невыполнение условий договора» [1]. По мнению данного автора, гарантией надлежащего исполнения взятых обязательств могут быть штраф и полная компенсация недобросовестной стороной понесенных по ее вине расходов, возмещение морального вреда. Материальное возмещение, как она считает, должно быть существенным. Если «заказчики» откажутся от ребенка, то на них должны возлагаться расходы, связанные с его содержанием [1]. Ученый рассматривает также вариант, когда суррогатная мать является анонимной (что выглядит необычно). В таком случае заключается договор между суррогатной матерью и медицинским учреждением, где будут проводиться искусственное оплодотворение и дальнейшее наблюдение за протеканием беременности, а также договор между этим медицинским учреждением и супругами-заказчиками [1]. Однако обоснованность такого варианта сомнительна и вряд ли его следует использовать в нашей республике.

Договор суррогатного материнства может быть заключен на безвозмездной основе, если суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо родственницей супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой. Установлены также критерии, предъявляемые к суррогатной матери. Так, возраст суррогатной матерью должен составлять от 20 до 35 лет (а для родственницы генетической матери – от 20 до 49 лет) (ст. 22 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»).

Специалисты-медики обращают внимание на психологические проблемы, возникающие у суррогатной матери при рождении ребенка, в связи с чем считают необходимым наличие у такой женщины хотя бы двух своих детей [2]. Представляется, что данную позицию следует учитывать.

Полагаем, что установленные Законом «О вспомогательных репродуктивных технологиях» ограничения

на суррогатное материнство в целом соответствуют закрепленному в ст. 23 Конституции подходу, предусматривающему цели и пределы возможных ограничений прав и свобод граждан. Это было подтверждено Конституционным Судом Республики Беларусь [3]. Вместе с тем, что касается предельного возраста суррогатной матери, то еще много лет назад предлагалось повышать его на основании решения соответствующей медицинской комиссии [4]. В Законе от 18 июня 2019 г. эта идея реализована: установлено, что возраст суррогатной матери при определенных обстоятельствах может составлять от 20 до 49 лет.

Продолжаются дискуссии о содержании прав и обязанностей заказчиков (генетических родителей) и исполнителей (суррогатных родителей). Согласно ст. 52 КоБС матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с ней договор суррогатного материнства. Более мягкая формула содержится в ст. 51 Семейного кодекса РФ: лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Аналогичный подход закреплен и в Федеральном законе РФ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Сравнивая нормы белорусского и российского законодательства, можно отметить однозначный приоритет генетических родителей по КоБС Республики Беларусь и возможную многовариантность по российскому законодательству. Российский Семейный кодекс создает условия для конфликта интересов в случае отказа суррогатной матери от передачи ребенка. Оба подхода законодателей имеют достоинства и недостатки. Когда утверждается о приоритете прав суррогатной матери, то имеется в виду не только то, что она дала жизнь ребенку, формировала его иммунную систему, но и возможное появление у нее материнского инстинкта [5, с. 37; 6]. Следует учитывать, что суррогатная мать, вынашивая ребенка, отдает ему огромную душевную энергию [7, с. 25].

Обратим внимание на вынесенное в 2012 г. определение Конституционного Суда Российской Федерации, в котором указано, что «законодательно предусмотренное право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы его родителями были записаны генетические родители, означает имеющуюся у нее возможность в записи акта о рождении ребенка записать себя матерью ребенка, ... обуславливая тем самым для женщины, родившей ребенка, права и обязанности матери» [8]. Однако последствия не столь однозначны. Согласно разъяснению Верховного Суда РФ, при отказе суррогатной матери дать согласие на запись родителями потенциальных родителей следует изучить условия договора, а также причины такого отказа [9]. Основная идея позиции Верховного Суда РФ, которая нами поддерживается, – надо исходить из интересов ребенка [10, с. 115; 11, с. 24–25]. Отказ сур-

рогатной матери передать ребенка для регистрации его лицам, заключившим с ней договор суррогатного материнства и являющимся родителями ребенка, можно рассматривать как злоупотребление правом, влекущим моральный и имущественный вред генетическим родителям [12; 13, с. 18–19]. В то же время Л. М. Пчелинцева и другие авторы делают акцент на возникновении между суррогатной матерью и вынашиваемым ею ребенком особой биологической и эмоциональной связи, особенно проявляющейся после рождения ребенка [14, с. 287].

Главным условием установления происхождения детей является факт кровного родства родителей и детей. Современные достижения медицины позволяют разделить генетическую связь и рождение ребенка, поэтому необходимы новые подходы к определению происхождения детей, рожденных путем суррогатного материнства. Отдельные авторы, которые рассматривают право суррогатной матери на ребенка как абсолютное, считают, что оно не должно существенно отличаться от генетической матери; более того, предлагается делать запись о суррогатной матери в ЗАГСе, поскольку это обеспечивает право ребенка знать свое происхождение [15, с. 51]. По крайней мере, по достижении совершеннолетия такие дети имели бы возможность узнать обстоятельства своего происхождения. Полагаем, что такие вопросы могут быть оговорены в договоре о суррогатном материнстве. Возможно закрепление в законодательстве за суррогатной матерью (ее супругом) преимущественного права на усыновление (удочерение) ребенка, если по каким-то причинам генетические родители не могут продолжать его воспитание [10, с. 115].

Законодательство о суррогатном материнстве направлено на обеспечение семьям возможности иметь детей. Законодатель Республики Беларусь исходит из признания прогрессивности современной тенденции к развитию брачно-семейных отношений, в том числе, когда люди нуждаются в помощи суррогатного материнства. Национальное регулирование института суррогатного материнства отличается от законодательства Российской Федерации и других постсоветских республик. Так, в белорусском законодательстве, в отличие от российского, предусмотрена презумпция материнства и отцовства генетических родителей. Кроме того, реализация права на материнство не увязывается с реализацией права на отцовство, поскольку воспользоваться услугами суррогатного материнства вправе как незамужние женщины, так и женщины, состоящие в браке. Главное условие при этом – медицинские показания. Однако, как указывалось, для замужних женщин важно, на наш взгляд, учитывать мнение супруга.

Считаем, что установленная законодательством Республики Беларусь, презумпция материнства и отцовства генетических родителей позволяет в большинстве случаев обеспечить предсказуемость отношений между сторонами при реализации права на суррогатное материнство. Такой подход является предпочтительным по сравнению с подходами, закрепленными в законода-

тельстве других стран. Однако нельзя исключать и подход, предусмотренный российским законодательством, поскольку генетические родители участвуют лишь как доноры, а суррогатная мать каждый день беременности ощущает новую зародившуюся жизнь, в связи с чем ее чувства более понятны с точки зрения личных переживаний [10, с. 116].

На наш взгляд, право воспользоваться услугами суррогатной матери должно рассматриваться как способ реализации репродуктивных прав. Иное дело, что в некоторых случаях возможно ограничение этого права. Важным аргументом в защиту суррогатного материнства является природное желание человека продолжать свой род.

Высказывается точка зрения о необходимости запрета использования суррогатного материнства в коммерческих целях: с целью исключения эксплуатации женщин и оскорбления человеческого достоинства законным должно быть только безвозмездное суррогатное материнство; возмещаться должны только расходы, непосредственно связанные с беременностью, – питание, медицинская помощь, специальная одежда, а также возмещение утраченного из-за беременности дохода. Однако в некоторых странах узаконено коммерческое суррогатное материнство: женщины часто получают доход от суррогатного материнства. М. Н. Малейна полагает, что «полученное женщиной вознаграждение можно рассматривать как компенсацию за определенные неудобства, вызванные беременностью, и за риск ухудшения состояния своего здоровья» [16, с. 97–98].

В идеале суррогатное материнство не должно превращаться в коммерцию, однако обеспечить реальный контроль за его оплатой практически невозможно. Ограничивать круг потенциальных суррогатных матерей (например, близкими) также нежелательно в силу ряда причин, не только медицинских, но и связанных с возможностью роста «цены» на такого рода услугу. Перед заключением договора о суррогатном материнстве в качестве обязательного требования должно быть прохождение беседы с психологом и получение от него заключения, поскольку психологическое состояние суррогатной матери после рождения ребенка может быть самым неожиданным; обязанность отдать выношенного и рожденного ребенка нередко наносит психологическую травму женщине. Важнейшим условием суррогатного материнства является не только наличие собственных детей, но и психологическое здоровье суррогатной матери. Вопрос о суррогатном материнстве имеет не только юридическую, но и моральную сторону.

Договор о суррогатном материнстве предусматривает взаимные обязанности и права сторон. Суррогатная мать обязана ответственно относиться к вынашиванию ребенка, а биологические родители обязаны принять рожденного ею ребенка вне зависимости от любых обстоятельств (кроме смерти обоих родителей). На практике в некоторых случаях суррогатная мать отказывается отдавать ребенка «заказчикам». Это подтверждает

важность работы психологов, прежде всего на стадии заключения договора о суррогатном материнстве. Считаем, что до его подписания должно быть получено заключение профессионального психолога о возможности такого договора между соответствующими сторонами, в связи с чем целесообразно создание для этого соответствующих психологических служб. Что касается обстоятельств рождения такого ребенка, то их раскрытие допустимо только с согласия биологических родителей. Нарушение этой тайны должно быть уголовно наказуемым, как и раскрытие тайны усыновления.

В СМИ часто взамен рождения детей посредством использования суррогатного материнства рекомендуется родителям, прибегающим к его помощи, брать на воспитание детей, оказавшихся сиротами. При несомненном преимуществе такого подхода нет веских оснований и для того, чтобы лишать возможности родить ребенка, используя соответствующие медицинские технологии, и заключить указанный выше договор. Кроме того, в последнем случае более надежно исследуется генетика будущего ребенка. Опыт усыновления (удочерения) гражданами западных стран показывает, что часто они берут на воспитание детей с особенностями психофизического развития и благодаря заботе, достижениям медицины в дальнейшем дети добиваются таких же успехов, как и полностью здоровые лица. Обратим внимание и на то, что генетика может использоваться вопреки интересам человека. Так, Элвин Тоффлер подчеркивал, что ее достижения в США использовались для трудовой сегрегации [17, с. 19–33].

На 1 января 2012 г. в Беларуси насчитывалось 36 004 детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Благодаря реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» ситуация стала существенно меняться в лучшую сторону: количество социальных сирот к 2021 году уменьшилось в два раза.

На международном уровне право свободно принимать ответственное решение относительно количества детей, времени их рождения, получать необходимую информацию и средства для этого признано одним из прав человека. Легализация суррогатного материнства отвечает современным прогрессивным тенденциям развития законодательства. Однако суррогатное материнство не может в полной мере решить демографическую проблему. Необходимо заботиться о здоровье молодого поколения, вступающего во взрослую жизнь, чтобы молодые люди могли иметь детей. Важной задачей является повышение уровня просветительской работы с будущими супругами перед заключением брака, в том числе о совместности молодых людей, их возможности иметь детей. В этом нет ничего предосудительного, тем более, когда в практику входит заключение брачных договоров.

Законодательство Республики Беларусь исходит из благих намерений рождения здоровых детей. К помощи суррогатной матери могут обратиться только женщины,

для которых это единственный шанс. При заключении договора необходимо иметь достоверную информацию, что договор о суррогатном материнстве заключается действительно по медицинским показаниям, а не по причине занятости биологической матери на работе, боязни испортить беременностью фигуру и т. п. Следует отметить, что для женщин, которые готовы выносить чужого ребенка, также существуют ограничения. Во-первых, медицинские ограничения: почти 40 диагнозов, при наличии которых можно родить ребенка себе, но не другим. Во-вторых, социальные ограничения, в частности, суррогатной матерью по закону не может быть бездетная сестра или подруга. Таким образом, по законодательству Республики Беларусь не каждое лицо может стать участником отношений по поводу суррогатного материнства.

Полагаем, что в Беларуси и мужчина, в том числе одинокий, должен обладать правом заключать договор суррогатного материнства, а не только семейные пары. Заслуживает внимания позиция о том, что рождение ребенка конкретной женщиной – суррогатной матерью – должно быть удостоверено медицинским учреждением, в котором произошли роды, поскольку медицинское учреждение может и не знать о договоре суррогатного материнства. В связи с этим соответствующая норма должна быть закреплена в КоБС Республики Беларусь. Поддерживаем предложение о дополнении части второй ст. 50 КоБС предложениями следующего содержания: «Взаимные права и обязанности между матерью и ребенком возникают с момента рождения ребенка независимо от того, рожден ребенок в браке или вне брака. Рождение ребенка суррогатной матерью не порождает взаимных прав и обязанностей между ними» [18, с. 395].

Проблемный характер имеет ряд вопросов установления отцовства. Законодательством Республики Беларусь (ст. 52 КоБС) предусмотрена презумпция отцовства мужа генетической матери. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» суррогатная мать имеет право на соответствующие пособия.

В литературе предлагается выделить договор суррогатного материнства в самостоятельный тип договора об оказании услуг. В. И. Самарин определяет, что в таких условиях женщина выступает в качестве своего рода инкубатора. По его мнению, предметом такого договора является процесс вынашивания и рождения ребенка, а не сам ребенок; суррогатная мать в данном случае оказывает услугу [19]. Другие авторы считают, что договор суррогатного материнства является смешанным договором, сочетающим в себе элементы поименованных в объективном праве и элементы непоименованных договоров (т. е. в договоре содержатся условия о купле-продаже, оказании услуг и др.) [20].

Г. В. Богданова полагает, что «к рассматриваемым отношениям неприменимы нормы гражданского права по причине особого личного характера отношений

между супругами-заказчиками и суррогатной матерью; это особое по своему содержанию обязательство, которое принимает на себя суррогатная мать в плане вынашивания, рождения и передаче ребенка супругам; специфика прав и обязанностей сторон в дальнейшем, когда суррогатная мать пожелает стать мамой и откажется передать ребенка заказчикам, оставив его себе, а супруги-заказчики не вправе воздействовать на нее или тем более привлечь ее к ответственности за неисполнение обязательства и др.» [21, с. 160]. Необходимо учитывать наличие возникающих также конституционно-правовых отношений.

Существуют споры о том, кто является родителями ребенка [22; 23, с. 56–57]. Злоупотребления в области суррогатного материнства выявлялись даже при рассмотрении споров ЕСПЧ, в частности устанавливалась недостоверность представления биологического материала одним из родителей [24].

Следует решить вопрос ответственности сторон, поскольку в случае наступления беременности у суррогатной матери в результате успешной процедуры имплантации эмбриона стороны договора становятся лицами, ответственными за жизнь вынашиваемого ребенка. На практике известны случаи уклонения суррогатной матери и генетических родителей от исполнения принятых на себя обязательств условий договора суррогатного материнства. Можно различать ответственность сторон до наступления беременности суррогатной матери; ответственность сторон в процессе беременности суррогатной матери; ответственность сторон после рождения ребенка. С учетом норм международно-правовых актов суррогатная мать должна иметь право расторгнуть договор суррогатного материнства до наступления беременности с условием полного возмещения генетическим родителям убытков, а также компенсации морального вреда. В литературе остается без внимания вопрос об искусственном прерывании беременности суррогатной матерью. Женские консультации должны особое внимание уделять тем, кто заключил договор суррогатного материнства, они должны владеть соответствующей информацией, привлекать к участию в решении данного вопроса генетических родителей, а также психологов и специалистов в области медиации.

Справедливо подчеркивается важность принятия мер по исключению передачи опасных заболеваний эмбриону [25, с. 53]. Сложным является вопрос об ответственности сторон уже в период беременности суррогатной матери. Например, если генетическая мать и супруг (при его наличии) отказываются от будущего ребенка, то у суррогатной матери есть полное право считать его родным. Полагаем, что если суррогатная мать также откажется от него, то суд вправе принять решение о лишении родительских прав генетической матери (и его супруга, когда он также не желает воспитывать ребенка) с возложением на нее (обоих супругов) возмещения расходов, которые будет нести государство по воспитанию такого ребенка. Возмещение расходов на

лечение следует возлагать и на суррогатную мать, если в результате ее неправильного образа жизни родился ребенок, требующий лечения. Отметим, что это же должно касаться и иных матерей, ведущих асоциальный образ жизни в период беременности.

Условия договора могут быть грубо нарушены суррогатной матерью во время ее беременности, что может нанести вред здоровью вынашиваемого ребенка либо повлечь дополнительные расходы. Т. Е. Борисова считает, что суррогатная мать обязана незамедлительно сообщать супругам-заказчикам о возникновении дополнительных расходов с ее стороны, угрозах нормальному протеканию беременности, здоровью будущего ребенка. Если этого не сделано, то тогда она не имеет права на требования к супругам-заказчикам о возмещении понесенных ею в связи с этим расходов [26, с. 49]. Полагаем, что решение данного вопроса зависит от конкретной ситуации и причин, по которым не были поставлены вовремя в известность супруги-заказчики.

Хотя в ст. 52 КоБС Республики Беларусь установлено, что матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» следует дополнить нормой, в соответствии с которой в случае неисполнения суррогатной матерью обязательств по передаче рожденного ею ребенка генетической матери последняя вправе потребовать отобрания и передачи этого ребенка ей на предусмотренных договором условиях. Однако решение по данному вопросу должно принадлежать суду. Как свидетельствует анализ зарубежного законодательства, в настоящее время идет поиск оптимального правового регулирования отношений в указанной сфере.

Представляется обоснованным закрепление возможности не только женщин, но и мужчин воспользоваться суррогатным материнством. О запрете использования суррогатного материнства в коммерческих целях указывается в Брюссельской декларации Всемирной медицинской ассоциации (1985 г.). Более десяти лет назад Комитет Совета Европы по биологической этике и искусственным методам деторождения принял ряд рекомендаций относительно суррогатного материнства. Признано, что при определенных обстоятельствах использование медицинских технологий для суррогатного материнства может быть допущено на уровне национального законодательства. Однако суррогатная мать не должна получать никакой материальной выгоды.

В законодательстве Республики Беларусь сформулированы требования к донорам биоматериала, используемого при искусственном оплодотворении. В литературе высказано мнение, что в целях предотвращения кровосмешения в семейном законодательстве необходимо указать на недопустимость привлечения в качестве доноров близких родственников как жены, так и мужа в зависимости от ситуации [27, с. 17]. Полагаем, что данный вопрос оптимально решен в ст. 9 Закона Республи-

ки Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: донор по отношению к пациенту может быть анонимным и неанонимным. Неанонимным донором может быть только родственник пациента (в отношении пациентки – ее родственник женского пола, в отношении пациента – его родственник мужского пола).

Что касается вопроса о возможности раскрытия сведений о биологическом отце или суррогатной матери, отметим следующее. Казалось бы, приоритетом здесь должна обладать тайна частной (семейной) жизни, однако в ряде стран столкнулись со следующей проблемой. Некоторые мужчины выступали в качестве доноров спермы для рождения большого количества детей. Были случаи, когда появившиеся от одного отца-донора дети по достижении брачного возраста, не зная о том, что являются близкими родственниками, решали вступать в брак. Это дало повод для раскрытия сведений о биологическом отце по заявлению таких детей. В зарубежных странах признается право детей знать, кто их родитель. По этому направлению стала развиваться и российская судебная практика. В Конвенции о правах ребенка предусмотрено право ребенка знать, насколько это возможно, своих родителей, поддерживать семейные связи. В судебной практике Российской Федерации был предметом рассмотрения такой спор, когда совершеннолетняя потребовала от ЗАГСа раскрыть ей информацию о биологических родителях. Обосновывалось это необходимостью узнать генетическую историю семьи и выявления возможных наследственных заболеваний. После длительных споров позиция заявительницы была поддержана Верховным Судом Российской Федерации. Законодательство Республики Беларусь целесообразно скорректировать, предоставив право совершеннолетнему гражданину выяснять свое происхождение. Можно согласиться с позицией ЕСПЧ, который считает, что право установить личность родного отца относится к жизненно важным интересам и не исчезает с возрастом [28]. В то же время ЕСПЧ подтвердил право на судебное оспаривание юридической презумпции отцовства [29]. Полагаем, что законодательство и правоприменительная практика в Беларуси должны развиваться в этом направлении. Однако возникает проблема с возвратом уплаченных алиментов на содержание ребенка. Указанная позиция ЕСПЧ может быть также увязана с правом взрослого ребенка выяснять, кто был суррогатной матерью.

Проведенный анализ свидетельствует о развитии суррогатного материнства, особенно в зарубежной практике. Обществу сложно влиять на этот процесс, признавая его недопустимым, поскольку значительное число супружеских пар бесплодны.

Список источников

1. Хмарская М. Е. Правовое регулирование суррогатного материнства [Электронный ресурс] / М. Е. Хмарская // Актуальные проблемы частного права : всерос. науч. интернет-конф., 4–29 марта 2013 г.

Режим доступа: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (дата обращения: 08.08.2019).

2. Айвар Л. К. Проблемы, возникающие при использовании вспомогательных репродуктивных технологий / Л. К. Айвар // Современное право. 2006. № 9. С. 64–67.

3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2011 г., № Р-673/2011 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

4. Василевич Д. Г. Пределы реализации репродуктивных прав / Д. Г. Василевич // Право.by. 2015. № 3. С. 52–58.

5. Кокорин А. П. Правовая природа отношений между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком / А. П. Кокорин // Медицин. право. 2012. № 5. С. 36–38.

6. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства стимулирования рождения детей / С. Ю. Филиппова // Семейное и жилищ. право. 2013. № 1. С. 30–34.

7. Иваева Э. А. Суррогатное материнство : правовое и нравственное измерение проблемы / Э. А. Иваева // Медич. право. 2008. № 3 (23). С. 23–26.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» : Определение Конституц. Суда РФ, 15 мая 2012 г., № 880-О // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

9. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда РФ, 16 мая 2017 г., № 16 (ред. от 26.12.2017) // БВС РФ. 2017. № 7 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

10. Василевич Д. Г. Конституционные основы реализации соматических прав : теория и практика / Д. Г. Василевич. Минск : Право и экономика, 2021. 256 с.

11. Майфат А. В. Суррогатное материнство и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе РФ / А. В. Майфат // Юрид. мир. 2000. № 2. С. 19–33.

12. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г. А. Гаджиев // Гос-во и право. 2002. № 7. С. 54–62.

13. Михайлова И. А. Законодательство, регламентирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке / И. А. Михайлова // Вопр. ювен. юстиции. 2009. № 2. С. 17–19.

14. Пчелинцева Л. М. Семейное право России : учебник / Л. М. Пчелинцева. 4-е изд., перераб. М. : Норма, 2006. 702 с.

15. Максимец Т. И. Эффективность правового регулирования суррогатного материнства / Т. И. Максимец // Медиц. право. 2009. № 1 (25). С. 50–52.

16. Малейна М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М. Н. Малейна. М., 1997. 431 л.

17. Тоффлер Э. Шок будущего ; пер. с англ. А. Мирера / Э. Тоффлер. М. : Аст, 2002. 256 с.

18. Бруй М. Г. Материнство, отцовство – конституционное право каждого гражданина (конституционная защита права на материнство и отцовство) / М. Г. Бруй // Управление в социальных и экономических системах : материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30–31 мая 2009 г. / Мин. ин-т упр. [и др.] ; редкол.: Н. В. Суша (пред.) [и др.]. Минск, 2009. С. 394–395.

19. Самарин В. И. Правовое регулирование суррогатного материнства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : [по состоянию на 14.03.2011 г.] / В. И. Самарин, А. А. Пухов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

20. Рузиев Р. Вопросы классификации смешанного договора [Электронный ресурс] / Р. Рузиев // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Узбекистан. 2015. № 4. Режим доступа: <https://fheruz.wordpress.com/journalarticles/ja0008> (дата обращения: 02.09.2019).

21. Богданова Н. А. Категория статуса в конституционном праве / Н. А. Богданова // Вестн. МГУ. Сер. Право. 1998. № 3. С. 3–20.

22. Быкова С. Что думают об эвтаназии врачи / С. Быкова, Б. Юдин, Л. Ясная // Врач. 1994. № 4. С. 48–51.

23. Корбут Ю. Н. Установление происхождения детей при рождении ребенка суррогатной матерью [Электронный ресурс] / Ю. Н. Корбут // Актуальные проблемы науки XXI века : сб. ст. участников науч.-практ. семинара молодых ученых, Минск, 17 февр. 2011 г. / Мин. ин-т упр. ; редкол.: В. В. Гедранович [и др.]. Минск, 2011. С. 55–59.

24. Дело «Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии» (жалоба № 25358/12) [Электронный ресурс] : Постановление Европ. Суда по правам человека, 24 янв. 2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.

25. Кукушкина А. В. Биоэтика и защита прав детей / А. В. Кукушкина, Б. Жавзандолгор // Современ. право. 2004. № 8. С. 52–57.

26. Борисова Т. Е. Ответственность по договору суррогатного материнства / Т. Е. Борисова // Законность. 2010. № 11. С. 47–50.

27. Богданова Г. В. Проблемы правового регулирования личных и имущественных отношений между ро-

дителями и детьми : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 12.00.03 / Г. В. Богданова ; Саратов. экон. акад. Саратов, 2009. 34 с.

28. Больевич (Boljevic) против Сербии (жалоба № 47443/14) [Электронный ресурс] : Постановление ЕСПЧ от 16.06.2020 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

29. Мицци (Mizzi) против Мальты (жалоба № 26111/02) : Информация о постановлении ЕСПЧ от 12.01.2006 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

References

1. Khmarskaya M. E. Legal regulation of surrogate motherhood [Electronic resource] / M. E. Khmarskaya // Actual problems of private law : All-Russian scientific. Internet conference, March 4–29, 2013 Access mode: <http://conf.omua.ru/content/pravovoe-regulirovanie-surrogatnogo-materinstva> (accessed: 08.08.2019).

2. Aivar L. K. Problems arising when using assisted reproductive technologies / L. K. Aivar // Modern law. 2006. № 9. P. 64–67.

3. On compliance with the Constitution of the Republic of Belarus of the Law of the Republic of Belarus «On assisted reproductive technologies» [Electronic resource] : decision of the Constitutional Court. Courts of Rep. Belarus, 28 Dec. 2011, № R-673/2011 // ConsultantPlus. Belarus / LLC «YurSpektr», National center of legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2022.

4. Vasilevich D. G. Limits of realization of reproductive rights / D. G. Vasilevich // Право.by . 2015. № 3. P. 52–58.

5. Kokorin A. P. The legal nature of relations between a surrogate mother and a child born by her / A. P. Kokorin // Meditsin. right. 2012. № 5. P. 36–38.

6. Filippova S. Yu. Private legal means of stimulating the birth of children / S. Yu. Filippova // Family and housing. right. 2013. № 1. P. 30–34.

7. Ivaeva E. A. Surrogacy : legal and moral dimension of the problem / E. A. Ivaeva // Medits. right. 2008. № 3 (23). P. 23–26.

8. On refusal to accept for consideration the complaint of citizens of Ch. P. and Ch. Yu. on violation of their constitutional rights by the provisions of paragraph 4 of Article 51 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law «On Acts of Civil Status» : Definition of the Constitution. Courts of the Russian Federation, May 15, 2012, № 880-О // ConsultantPlus. Russia / CJSC «Consultant Plus». М., 2022.

9. On the application of legislation by courts when considering cases related to the establishment of the origin of children [Electronic resource] : resolution of the Plenum of the Supreme Court. Courts of the Russian Federation, May 16, 2017, № 16 (ed. dated December 26, 2017) // BVS RF. 2017. № 7 // ConsultantPlus. Russia / CJSC Consultant Plus. М., 2022.

10. Vasilevich D. G. Constitutional bases of realization of somatic rights : theory and practice / D. G. Vasilevich. Minsk : Law and Economics, 2021. 256 p.
11. Mayfat A.V. Surrogate motherhood and other forms of reproductive activity in the new Family Code of the Russian Federation / A.V. Mayfat // *Yurid. mir.* 2000. № 2. P. 19–33.
12. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of good faith and inadmissibility of abuse of subjective rights / G. A. Gadzhiev // *State and Law.* 2002. № 7. P. 54–62.
13. Mikhailova I. A. Legislation regulating the establishment of the origin of children needs to be adjusted / I. A. Mikhailova // *Vopr. yuven. justice.* 2009. № 2. P. 17–19.
14. Pchelintseva L. M. Family law of Russia : textbook / L. M. Pchelintseva. 4th ed., pererab. M. : Norma, 2006. 702 p.
15. Maksimets T. I. Efficiency of legal regulation of surrogate motherhood / T. I. Maksimets // *Medit. right.* 2009. № 1 (25). P. 50–52.
16. Maleina M. N. Personal non-property rights of citizens (concept, implementation and protection) : dis. ... dr. yurid. sciences : 12.00.03 / M. N. Maleina. M., 1997. 431 l.
17. Toffler E. The Shock of the future ; translated from the English by A. Mirer / E. Toffler. M. : Ast, 2002. 256 p.
18. Bruy M. G. Motherhood, fatherhood – the constitutional right of every citizen (constitutional protection of the right to motherhood and fatherhood) / M. G. Bruy // *Management in social and economic systems : materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Minsk, May 30–31, 2009 / Min. in-t upr. [et al.] ; editorial board: N. V. Susha (pred.) [et al.]. Minsk, 2009. P. 394–395.*
19. Samarin V. I. Legal regulation of surrogacy in the Republic of Belarus [Electronic resource] : [as of 14.03.2011] / V. I. Samarin, A. A. Pukhov // *ConsultantPlus. Belarus / LLC «YurSpektr», National center of legal inform. Rep. Belarus. Minsk, 2021.*
20. Ruziev R. Questions of classification of a mixed contract [Electronic resource] / R. Ruziev // *Vestn. Higher. Household. Courts of Rep. Uzbekistan.* 2015. № 4. Access mode: <https://fheruz.wordpress.com/journalarticles/ja0008> (accessed: 02.09.2019).
21. Bogdanova N.A. Category of status in constitutional law / N. A. Bogdanova // *Vestn. MSU. Ser. Right.* 1998. № 3. P. 3–20.
22. Bykova S. What doctors think about euthanasia / S. Bykova, B. Yudin, L. Yasnaya // *Doctor.* 1994. № 4. P. 48–51.
23. Korbut Yu. N. Establishing the origin of children at the birth of a child by a surrogate mother [Electronic resource] / Yu. N. Korbut // *Actual problems of science of the XXI century : collection of articles of participants of scientific and practical. Seminar of young scientists, Minsk, February 17, 2011 / Min. in-t upr. ; editorial board: V. V. Gedranovich [et al.]. Minsk, 2011. P. 55–59.*
24. The case «Paradiso and Campanelli v. Italy» (Complaint № 25358/12) [Electronic resource] : European Court of Justice. Human Rights Courts, January 24, 2017 // *ConsultantPlus. Russia / CJSC Consultant Plus. M., 2021.*
25. Kukushkina A.V. Bioethics and protection of children's rights / A.V. Kukushkina, B. Zhavzandolgor // *Modern. right.* 2004. № 8. P. 52–57.
26. Borisova T. E. Responsibility under the contract of surrogate motherhood / T. E. Borisova // *Legality.* 2010. № 11. P. 47–50.
27. Bogdanova G. V. Problems of legal regulation of personal and property relations between parents and children : abstract. dis. ... candidate of economic sciences : 12.00.03 / G. V. Bogdanova; Saratov. econ. acad. Saratov, 2009. 34 p.
28. Boljevic v. Serbia (Complaint № 47443/14) [Electronic resource] : ECHR Ruling of 16.06.2020 // *ConsultantPlus. Russia / Consultant Plus CJSC. M., 2022.*
29. Mizzi v. Malta (Complaint № 26111/02) : Information about the ECHR ruling of 12.01.2006 // *ConsultantPlus. Russia / CJSC «Consultant Plus». M., 2022.*

Информация об авторе

Д. Г. Василевич – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. G. Vasilevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-44-47>

ИПОН: 2015-0066-1/23-593

MOSURED: 77/27-011-2023-01-792

Особенности производства следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера

Ольга Владимировна Волынская¹, Евгения Викторовна Семенкова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ ovolinskaya@mail.ru

² sevg22@yandex.ru

Аннотация. Производство следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, имеет свои особенности в связи с особым статусом данной категории участников уголовного процесса. Данный вопрос напрямую зависит от психического состояния таких лиц, которое должно оцениваться следователем с учетом заключения судебно-психиатрической экспертизы, что вызывает определенные трудности на практике.

Ключевые слова: уголовный процесс, производство о применении принудительных мер медицинского характера, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, процессуальный статус, следственные действия, психическое состояние, заключение судебно-психиатрической экспертизы

Для цитирования: Волынская О. В., Семенкова Е. В. Особенности производства следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 44–47. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-44-47>.

Original article

Specifics of the production of investigative actions with the participation of a person in respect of whom proceedings are being conducted on the application of a compulsory medical measure

Olga V. Volynskaya¹, Evgeniya V. Semenkova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ ovolinskaya@mail.ru

² sevg22@yandex.ru

Abstract. The production of investigative actions with the participation of a person against whom proceedings is being conducted on the use of coercive measures of a medical nature has its own peculiarities in connection with the special status of this category of participants in criminal proceedings. This issue directly depends on the mental state of such persons, which should be evaluated by the investigator taking into account the conclusion of a forensic psychiatric examination, which causes certain difficulties in practice.

Keywords: criminal proceedings, proceedings on the application of compulsory measures of a medical nature, person against whom proceedings are being conducted on the application of a compulsory measure of a medical nature, procedural status, investigative actions, mental state, conclusion of a forensic psychiatric examination

For citation: Volynskaya O. V., Semenkova E. V. Specifics of the production of investigative actions with the participation of a person in respect of whom proceedings are being conducted on the application of a compulsory medical measure. Bulletin of economic security. 2023;(1):44–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-44-47>.

Лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера (ПММХ) по сей день являются обладателями довольно неопределенного уголовно-процессуального статуса. Вне сомнений изменения, внесенные в УПК РФ федеральными законами от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ

и от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ можно считать огромным скачком в совершенствовании статуса рассматриваемой категории участников процесса. На сегодняшний день законодатель закрепил право лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, лично осуществлять права подозреваемого (обвиняемо-

© Волынская О. В., Семенкова Е. В., 2023

го), если этому не препятствует его психическое состояние. То есть, фактически, лиц, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ, приравнивали к подозреваемым (обвиняемым). Это позволяет сделать однозначный вывод о возможности участия таких лиц в следственных действиях. Однако, не без определенных особенностей.

В науке вопрос об участии в следственных действиях лиц, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ, является одним из наиболее сложных и дискуссионных.

Л. Г. Татьяна пишет о том, что если лица страдают психическими заболеваниями, исключаящими их вменяемость, которую приравнивают к дееспособности, то они не могут участвовать в следственных действиях, требующих от них определенной мыслительной, оценочной деятельности или эмоционально-волевых действий (допрос, очная ставка, проверка показаний на месте и т. д.). Но такое состояние не препятствует их участию в следственных действиях, не требующих какого-либо осмысления, проявления разумной активности (освидетельствование, изъятие образцов для сравнительного исследования, опознание, судебные экспертизы) [8, с. 181].

А. С. Захаров и Е. З. Трошкин говорят, что вопрос участия в следственных действиях лиц, рассматриваемой категории должен решаться, исходя из решения суда о лишении (ограничении) уголовно-процессуальной дееспособности этого лица. Если такого в материалах уголовного дела нет, то лицо не должно ограничиваться в правах и может выступать в качестве активного участника следственных действий [4, с. 29].

А. В. Ленский и Ю. К. Якимович полагают, что в случае привлечения лиц, страдающих психическими расстройствами определенной степени тяжести только в качестве пассивной стороны, они фактически становятся объектами исследования, в то время как следователь остается активной стороной процесса. Авторы полагают, что если психическое состояние лиц не препятствует их участию в следственных действиях, то с ними возможно выполнение комплекса всех действий [7, с. 36]. То есть была отражена современная позиция законодателя.

Несмотря на то, что на сегодняшний день уголовно-процессуальный закон поставил возможность осуществления лицами, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ, прав подозреваемого (обвиняемого) в зависимости от их психического состояния, на практике остается большое количество вопросов, касающихся как порядка производства следственных действий с участием рассматриваемой категории лиц, так и последующей оценки результатов следственных действий, проведенных с их участием.

Полагаем целесообразным остановиться изначально на стадии возбуждения уголовного дела, где решить вопрос о вменяемости лица, как правило, не представляется возможным, даже при наличии информации из медицинской организации о наличии психического расстройства. Несмотря на то, что производство судебной

экспертизы возможно до принятия решения о возбуждении уголовного дела, судебно-психиатрическая экспертиза является специфической и ее производство возможно лишь при наличии у лица статуса подозреваемого или обвиняемого, без такого решить вопрос об отношении лица к содеянному невозможно. В этой связи производство судебно-психиатрической экспертизы до возбуждения уголовного дела невозможно, как и решение вопроса о начале самого производства о применении принудительных мер медицинского характера. При этом, зачастую производство отдельных следственных и процессуальных действий требует участия лица, страдающего психическим расстройством. Полагаем, что в таком случае следует исходить из презумпции психического здоровья, в соответствии с которой лицо считается психически здоровым, пока его невменяемость не будет доказана следователем с учетом мнения экспертов-психиатров [2, с. 23]. Впоследствии результаты проверочных действий, в которых принимало участие лицо, страдающее психическим расстройством, будут оцениваться наряду с иными доказательствами, собранными по уголовному делу, включая заключение судебно-психиатрической экспертизы.

В ходе проведения предварительного расследования также возникает большое количество вопросов относительно производства следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В основном, такие вопросы упираются в процессуальный статус рассматриваемой категории лиц и объем осуществляемых ими прав. В соответствии с ч. 1 ст. 437 УПК РФ лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять права подозреваемого (обвиняемого), если этому не препятствует его психическое состояние. И вроде все просто и понятно, но...

Во-первых, не все права подозреваемого (обвиняемого) соответствуют процессуальному статусу лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Например, права подозреваемого (знать, в чем он подозревается, давать показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения и т. д.), права обвиняемого (знать, в чем он обвиняется, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению и т. д.), полностью противоречат статусу лиц, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ. Ведь в рамках данного производства не может осуществляться уголовное преследование, предъявляться обвинение, потому что рассматриваемая категория лиц не совершает преступлений, а совершает общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом. В этой связи, на наш взгляд, имеет смысл закрепление прав рассматриваемой категории лиц в отдельной специальной норме, с соответствующим преломлением к статусу таких лиц.

Во-вторых, в случае осуществления права подозреваемого (обвиняемого) на дачу показаний не совсем

ясно в каком статусе лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, будет их давать. Производить допрос такого лица в качестве подозреваемого или обвиняемого противозаконно, так как оно не обладает таким статусом. А если производить допрос в статусе лица, в отношении которого ведется соответствующее производство, то в дальнейшем возникают сложности использования таких показаний в качестве доказательств по делу. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, не входят в перечень доказательств. Однако, полностью исключать из перечня доказательств показания таких лиц однозначно не следует. Ведь такие показания могут иметь огромное значение в доказывании по уголовным делам, нести весьма значимую для уголовного дела информацию, тем более с учетом, что психические расстройства весьма нестабильны. Лицо может быть признано невменяемым на момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ, однако полностью осознавать происходящее на момент осуществления производства. В то же время следует учитывать, что лицо может заболеть психическим расстройством, лишаящим его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, после совершения преступления.

В-третьих, из нестабильности психического состояния лиц, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ, вытекает следующая проблема, связанная с оценкой их психического состояния в конкретный момент производства по уголовному делу. Уголовно-процессуальный закон учитывает такую специфику, указывая, что психическое состояние лица оценивается с учетом заключения экспертов, принимавших участие в судебно-психиатрической экспертизе, а также медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. То есть, фактически, вопрос о возможности лица принимать участие в следственных действиях ставится на откуп следователя. Однако, решение следователя о возможности лица принимать участие в следственном действии в дальнейшем может быть оспорен, отсюда результаты произведенного следственного действия могут стать ничтожными. В науке уголовного процесса данный вопрос поднимался различными процессуалистами. В основном все ученые сходятся во мнении о необходимости производства специального следственного действия – освидетельствования, лишь именуя данное процессуальное действие по-разному (освидетельствование психического состояния лиц, страдающих психическими расстройствами [7, с. 35], судебно-психиатрическое освидетельствование [6, с. 145]), другие говорят о возможности освидетельствования психического состояния лица на основании ныне существующей ст. 179 УПК РФ [3, с. 160], третьи видят выход из вышеописанной ситуации в привлечении к участию в следственных действиях специалиста в области психиатрии [8, с. 30]. Полагаем, что предложение о производстве освидетельствования в со-

ответствии с существующей нормой не совсем корректно ввиду того, что норма прямо указывает на цели такого освидетельствования: обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, следов преступления, телесных повреждений и т. д., при этом акцентируя, что, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. Однако, закон говорит об обязательном производстве судебной экспертизы для установления психического состояния подозреваемого (обвиняемого), когда вызывает сомнения его способность реализации предоставленных прав. Кроме того, ч. 1 ст. 179 УПК РФ запрещает производство освидетельствования подозреваемого (обвиняемого) для оценки достоверности их показаний.

Дополнение уголовно-процессуального закона специальной нормой, регламентирующей освидетельствование психического состояния лица, на наш взгляд, вряд ли возможно ввиду сложности решения данного вопроса, на что указывалось руководством ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России [5, с. 6].

Привлечение специалистов в области психиатрии для участия в следственных действиях возможно, однако, на наш взгляд, только после производства судебно-психиатрической экспертизы. В последующем показание такого специалиста в совокупности с заключением судебно-психиатрической экспертизы, а также иными собранными по делу материалами помогут следователю в оценке доказательств, собранных по уголовному делу.

Подытоживая вышесказанное, хотелось бы отметить, что уголовно-процессуальный закон требует дополнения в части перечня доказательств, допускаемых по уголовному делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). На наш взгляд, существующий сегодня перечень должен быть дополнен показаниями лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, это даст возможность законно проводить допрос данной категории лиц, не отстраняя их от участия в производстве предварительного следствия, и не нарушая их права.

Вопрос об участии рассматриваемой категории лиц в следственных действиях вне сомнений должен разрешаться с учетом заключения судебно-психиатрической экспертизы, на рассмотрение которой должен быть поставлен соответствующий вопрос. Но в основу решения об участии в следственных действиях не может быть положено одно лишь заключение судебной экспертизы, оценке со стороны следователя также должны подвергаться медицинская документация, показания свидетелей, очевидцев, законных представителей, также должно оцениваться состояние лица непосредственно перед производством запланированного следственного действия. В целях такой оценки и оказания помощи при производстве следственного действия, к участию могут привлекаться специалисты в области судебной психиатрии, которые в последующем могут быть допрошены, для дальнейшей оценки проведенного следственного действия. При учете всего вышесказанного, следует помнить, что законность принятого следователем реше-

ния о возможности участия лица в следственных действиях будет оцениваться в рамках прокурорского надзора и судебного контроля [1].

Список литературы

1. Алонцева Е. Ю. Перспективы прокурорского надзора и судебного контроля за законностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 104–106.
2. Аргунова Ю. Н. Права граждан с психическими расстройствами. М., 2003.
3. Бажукова Ж. А. Гарантии прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. Сыктывкар, 2008.
4. Захаров А. С., Трошкин Е. З. Досудебное производство по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых лиц : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право. 2010.
5. Информационное письмо. М. : ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011.
6. Колмаков П. А. Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар : Сыктывкарский ун-т, 1999.
7. Ленский А. В., Якимович Ю. К. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М. : Юристь, 1999.
8. Татьяна Л. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики) : дис. ... докт. юрид. наук. Ижевск, 2004.

References

1. Alontseva E. Yu. Prospects of prosecutorial supervision and judicial control over the legality of investigative actions that restrict the constitutional rights and freedoms of citizens // Bulletin of Economic Security. 2021. № 2. P. 104–106.

Информация об авторах

О. В. Волынская – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Семенкова – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. V. Volynskaya – Professor of the Department of Criminal Procedure Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. V. Semenkova – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-48-52>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-1/23-594

МОДУЛЬНЫЙ КОД: 77/27-011-2023-01-793

Государственное управление в исторической и современной правовой реальности России

Алексей Михайлович Воронов

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, alex_voronoff@mail.ru

Аннотация. На основе анализа хронологии развития российской государственности автором изучено содержание Конституции РСФСР 1978 года и ныне действующей Конституция 1993 года, в редакции 2020 г., при этом уделяется особое внимание вопросам государственного управления, прописанного в их содержании. Отмечается, что в современной России некоторые ученые-административисты сетуют на то, что в новой редакции Конституции РФ, как и предыдущий ее редакции, отсутствует термин «государственное управление». Обращение к ее содержанию позволило автору констатировать, что термин «государственное управление» в данном словосочетании не упоминается, при этом термин управление прописан лишь в контексте управления федеральной собственностью ст. 71, 114 и муниципальной собственностью ст. 132 Конституции РФ.

Автор обращает внимание на существенный методологический посыл, которому не уделяют должного внимания, состоящий в том, что вопросы выработки и реализации государственной политики и есть искусство управления делами государства, прописанными в некоторой завуалированной форме.

Ключевые слова: государственное управление, Конституция РСФСР, государственная политика, публичная администрация, публичное администрирование

Для цитирования: Воронов А. М. Государственное управление в исторической и современной правовой реальности России // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 48–52. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-48-52>.

Original article

Public administration in the historical and modern legal reality of Russia

Alexey M. Voronov

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, alex_voronoff@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the chronology of the development of Russian statehood, the author studied the content of the Constitution of the RSFSR of 1978 and the current Constitution of 1993, as amended in 2020, while paying special attention to the issues of public administration prescribed in their content. It is noted that in modern Russia, some administrative scholars complain that the new version of the Constitution of the Russian Federation, like its previous reaction, lacks the term «public administration». The appeal to its content allowed the author to state that the term «public administration» is not mentioned in this phrase, while the term «management» is spelled out only in the context of managing federal property of Art. 71, 114 and municipal property of Art. 132 of the Constitution of the Russian Federation.

The author draws attention to a significant methodological message, which is not given due attention, namely, the issues of the development and implementation of state policy and there is the art of managing the affairs of the state prescribed in some veiled form.

Keywords: public administration, Constitution of RSFSR, state policy, public administration, public administration

For citation: Voronov A. M. Public administration in the historical and modern legal reality of Russia. Bulletin of economic security. 2023;(1):48–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-48-52>.

Введение

30 декабря 1922 г. на I Всесоюзном съезде советов была подписана декларация об образовании Союза советских социалистических республик (далее – СССР).

Эта дата является днем рождения СССР, в этот день объединились РСФСР, Украина и Закавказские республики. Также в 1925-м году к СССР примкнул Узбекистан и Туркмения, а в 1929-м году Таджикистан.

© Воронов А. М., 2023

В основу повестки первого Всесоюзного съезда советов были поставлены вопросы «о декларации об образовании СССР». В основу доклада, с которым выступил И. Сталин, были положены Ленинские идеи федеративного устройства СССР. Основной темой доклада была идея пролетарского интернационализма и классовой солидарности. Конечная цель заключалась в объединение трудящихся в мировую советскую социалистическую республику и построение светлого будущего – коммунизма.

Однако по прошествии 70 лет, а именно после развала СССР Россия встала на совершенно иной путь развития, а именно построения демократического государства.

26 декабря 1991 года Советский Союз официально прекратил существование. Лидеры РСФСР, Украины и Белоруссии Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич встретились в правительственной резиденции Вискули, расположенной в Беловежской пуще – именно так были названы соглашения о роспуске СССР и созданию Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Следует обратить внимание, что важными этапами становления и развития российской государственности являлись конституции.

В истории Российской Федерации насчитывается пять конституций – соответственно 1918, 1925, 1937, 1978 годов и ныне действующая Конституция 1993 года, в редакции 2020 г. Сроки действия Конституций РСФСР составляли последовательно 7, 12, свыше 40 и 15 лет, что говорит, учитывая сложный исторический путь развития России, в целом об относительной стабильности конституционного строя [7].

Абстрагируясь от изучения содержания всех Конституций, знаменующих основные этапы становления Российской государственности, в рамках заявленной проблематики представляется целесообразным рассмотреть положение конституции 1978 г. и ныне действующий Конституции 1993 г., в редакции 2020 г.

Материалы и методы

Кратко анализируя Конституцию РСФСР 1978 года, следует отметить, что она характеризовалась следующими чертами и особенностями.

Во-первых, принятие Конституции данного периода отражало новый этап, в который (как утверждалось) вступило советское общество – этап развитого социализма. Это означало превращение СССР из государства диктатуры пролетариата в общенародное государство.

Несмотря на провозглашение общенародного характера государства, Конституция сохраняла классовые признаки и особенности. Подобное понимание сущности Конституции было общепринятым в политической и правовой литературе, так как идея диктатуры пролетариата была преобразована в идею о ведущей роли рабочего класса.

Во-вторых, Конституция РСФСР 1978 года еще более откровенно подчеркивала роль коммунистической партии, которая провозглашалась «руководящей и на-

правляющей силой советского общества, ядром его политической системы».

Обращаясь к заявленной проблематике, уместно отметить, что Конституция содержала 11 разделов, 22 главы и 185 статей. Раздел V был посвящен высшим органам государственной власти и управления РСФСР (статьи 104–130):

Глава 13. Верховный Совет РСФСР (статьи 104–121);

Глава 14. Совет Министров РСФСР (статьи 122–130).

Также раздел VI был посвящен высшим органам государственной власти и управления автономной республики (статьи 131–136):

Глава 15. Верховный Совет автономной республики (статьи 131–132);

Глава 16. Совет Министров автономной республики (статьи 133–136).

Раздел VII был посвящен Местным органам государственной власти и управления в РСФСР (статьи 137–151).

В современной России некоторые ученые-административисты сетуют на то, что в новой редакции Конституции РФ, как и предыдущий ее редакции, отсутствует термин «государственное управление». Обращение к ее содержанию позволяет констатировать, что термин «государственное управление» в данном словосочетании не упоминается, при этом термин управление прописан лишь в контексте управления федеральной собственностью ст. 71, 114 и муниципальной собственностью ст. 132 Конституции РФ.

В пункте «д» ст. 71 прописано, что в ведении Российской Федерации находится федеральная собственность и управление ею; в пункте «г» ст. 114 прописано, что Правительство Российской Федерации осуществляет управление федеральной собственностью. Вопросам местного самоуправления посвящены ст. 130–133 Главы 8 «Местное самоуправление», при этом в ч. 1 ст. 132 прописаны положения о том, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью. Также вопросам участия граждан в управлении делами государства посвящена ст. 32 Конституции Российской Федерации. И это практически исчерпывающий перечень статей Основного закона, в котором упоминается термин «управление».

При этом представляется не вполне корректными мнения некоторых авторов о том, что «Правительство Российской Федерации не осуществляет полномочия по государственному управлению и исполнению законодательства, отмечая, что указанных функций нет ни в Конституции РФ, ни в новом ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [2]. Среди полномочий Правительства имеются лишь связанные с вопросами управления, например, управление федеральной собственностью, управление государственным внутренним и внешним долгом Российской Федерации (статьи 18 и 19).

Результаты

Аргументируя свою позицию, представляется целесообразным обратиться к положениям ст. 114 Кон-

ституции Российской Федерации, в которой прописаны вопросы компетенции Правительства Российской Федерации, в частности:

«а) разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение; представляет Государственной Думе отчет об исполнении федерального бюджета; представляет Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой;

б) обеспечивает проведение в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики;

в) обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально-ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды;

г) осуществляет управление федеральной собственностью;

д) осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики Российской Федерации;

е) осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» [1] и проч.

Здесь следует обратить внимание на существенный методологический посыл, которому не придают должного внимания, а именно только в рассмотренной ранее ст. 114 Конституции Российской Федерации более десятка раз упоминаются вопросы полномочий Правительства по выработке и реализации государственной социально-ориентированной политики в различных сферах жизнедеятельности общества.

При этом вопросы выработки и реализации государственной политики – это и есть искусство управления делами государства, прописанное в некоторой завуалированной форме. Практически все федеральные органы исполнительной (публичной) власти наделены именно таким правом по выработке, реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в пределах своей компетенции в той или иной сфере жизнедеятельности общества, а точнее осуществлению управления делами государства.

Высказанное умозаключение уместно аргументировать следующими положениями.

Обращение к достаточно большому массиву различных источников позволяет констатировать, что термин «политика» (греч., от polis – город, государство): 1) наука, искусство управлять государством, государственная мудрость; 2) образ действия Правительства. Однако такая трактовка представляется не вполне корректной, так как термины наука и искусство не являются синонимами. Как показал анализ различных источников, термин наука обозначает вид познавательной деятельно-

сти с целью получения определенных знаний, которые впоследствии могут быть использованы в практической деятельности, направленной для решения определенной цели.

Политика – в переводе с греческого языка, искусство управления государством, т. е. подразумевает не познавательную деятельность, направленную на получение новых знаний, а именно деятельность по практической реализации публичной администрацией этих знаний и воплощению их в жизнь. Термин (politike – искусство управления государством), известен еще с древности. Его ввел в оборот в одноименном трактате древнегреческий философ Аристотель.

Также высказанное положение помимо ст. 114 Конституции Российской Федерации уместно аргументировать массивом следующих нормативных правовых актов.

На основании ст. 1 ФКЗ «О Правительстве» «Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды» [2].

Также Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации» прописывает положение о том, что «Министерство финансов Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере бюджетной, налоговой, страховой, валютной, банковской деятельности» [3].

Согласно Указу Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел» [4].

Обсуждение

Даже контент-анализ вышеперечисленных и многих других нормативных правовых актов позволяет констатировать, что практически все федеральные органы исполнительной власти наделены именно полномочиями по выработке, реализации государственной политики, а также нормативно-правовому регулированию вопросов осуществления публичного управления, а точнее администрирования, в целях реализации задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности.

Основываясь на выше приведенных и многих других аргументах, уместно отметить, что они фактически

прописывают управленческую деятельность публичной администрации, в частности органов исполнительной власти по реализации задач и функций государства. При этом следует констатировать, что, как нами отмечалось в предыдущих научных работах, именно управленческая функция публичного администрирования является предопределяющей, так как без нее не может осуществляться поступательное развитие российской государственности, обеспечение национальной безопасности и укрепление обороноспособности нашей страны.

При таком подходе, под публичным администрированием следует понимать деятельность публичной администрации на основании и во исполнение закона по охране прав и свобод человека и гражданина, выработке государственной социально ориентированной политики, а также реализации задач и функций государства в социально-экономической, общественно-политической, духовно-нравственной и иных сферах жизнедеятельности общества. На основании изложенного следует констатировать, что публичное администрирование более широкая правовая категория, в содержание которой помимо реординарных отношений по оказанию гражданам государственных услуг и восстановлению их, нарушенных неправомерными действиями должностных лиц публичной администрации, прав и свобод, также входят отношения субординации и координации, присущие управленческим функциям публичного администрирования [6].

Автор солидарен с позицией А. М. Волкова в том, что «целью публичного администрирования является именно исполнение политики государства, которая проводится в отношении всех участников правоотношений, регулируемых законодательством» [5, с. 26].

Как нами отмечалось в предыдущих научных публикациях, с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. вопрос относительно государственного управления только усугубился. Законодатель вообще отошел от вопросов государственного управления, понимания органов государственного управления. Управление стало трактоваться в широком смысле как исполнительно-распорядительная деятельность государственных органов исполнительной власти. В ст. 10 Конституции Российской Федерации 1993 г. закреплены положения о разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, которые самостоятельны. Таким образом, закреплено положение о разделении властей, при этом каждому органу власти определены свои виды деятельности в области государственного строительства, внося определенный вклад в дела управления государством.

Выводы

Как показал опыт развития российской государственности [6] после принятия Основного закона в 1993 г. не все демократические постулаты, прописанные в Конституции, нашли свое выражение и воплощение в реальной жизни. В связи с этим в 2020-м году Президент Российской Федерации В. Путин инициировал принятие

поправок к Конституции, которые после всенародного обсуждения были приняты.

Обращает внимание тот факт, что как в предыдущей редакции Конституции 1993 г., так и в новой ее редакции 2020-го года законодатель уходит от термина «управление», при этом вводит понятие «публичная власть». Таким образом, новая редакция Основного закона в ч. 3 ст. 132 вводит понятие публичная власть, объединяющую в себе федеральные и региональные органы государственной власти, а также органы местного самоуправления, при этом уместно отметить, что граждане, а также институты гражданского общества составляют ее фундамент (ст. 3, 32 Конституции РФ) [1]. При таком подходе вводится единая субординационная система государственных органов исполнительных власти – иначе, как нам представляется, исполнительно-распорядительный механизм не будет эффективно работать [6].

Здесь уместно обратить внимание на тот момент, что органы федеральной, региональной власти и местного самоуправления не образуют, а входят в единую систему публичной власти. При этом именно народовластие, институты гражданского общества составляют фундамент и образуют в купе с вышеперечисленными органами систему публичной власти. Законодатель уходит от управленческого догмата в делах государственного строительства, прописывая данные полномочия органам исполнительной власти именно в деятельности по реализации социально ориентированной политики государства.

Как нами отмечалось ранее, терминология новой редакции Конституции РФ акцентирована в сторону социальности, а точнее публичности: публичная власть, публичная администрация, и заставляет нас рассуждать о том, что в контексте прописанных нововведений законодателю следует ориентироваться на новые конституционные основы и подводить под высокий стандарт конституционно-правовых ценностей вновь разрабатываемые нормативные правовые акты [6].

Конституализация административного права должна быть превалирующей при построении понятийно-категориального аппарата разрабатываемых в развитие Основного закона нормативных правовых актов.

Аксиоматично, что публичная власть, общественные отношения в сфере осуществления публичной власти и деятельность ее субъектов регулируется нормами административного права, самостоятельной отраслью права. Некоторые ученые выделяют инструментальный и функциональный подход к теории административного права. Инструментальный подход основан на системном анализе ст. 2, 10, 12, 18, 33, 72, 132 Конституции РФ, в основе которых стоит человек, его потребности, отмечая при этом, что административное право не является инструментом государственного управления. По мнению профессора А. И. Стахова, административное право представляет собой инструмент обеспечения исполнения и использования норм федерального законодательства, также регионального законодательства субъ-

ектов Федерации, а также муниципальных нормативных актов в целях достижения баланса частных и публичных прав и законных интересов посредством установления взаимосвязи либо посредством их охраны и защиты. В центре современного административного права стоит человек, его права и законные интересы. Это обусловлено положениями Конституции РФ.

При таком подходе нами предлагается новый, актуальный для современной России термин «публичное администрирование», который не только не подменяет государственное управление, а наоборот дополняет и расширяет предмет административного права значительным блоком реординарных отношений по оказанию гражданам государственных услуг при их обращении в органы публичной власти, а также восстановлению законных прав граждан, нарушенных неправомерными действиями должностных лиц публичной администрации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Федеральный конституционный закон от 06 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060001>.
3. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 (ред. от 29.11.2021) «О Министерстве финансов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3258.
4. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 14.12.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52 (часть V). Ст. 7614.

Информация об авторе

А. М. Воронов – главный научный сотрудник 1 отдела НИЦ 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information author the author

A. M. Voronov – Chief Researcher of the 1st Department of Research Center 4 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.

5. Волков А. М. Административное право России : учебник. М. : Проспект, 2020.

6. Воронов А. М. Административные правоотношения в условиях цифровизации. М. : Юридический Мир. 2022. № 5. С. 45–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48438875>.

7. <https://www.studentlibrary.ru/doc/ISBN9785392154623-SCN0000.html>.

References

1. Constitution of the Russian Federation. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

2. Federal Constitutional Law of 06.11.2020 № 4-FKZ «On the Government of the Russian Federation» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011060001>.

3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.06.2004 № 329 (ed. 29.11.2021) «On the Ministry of Finance of the Russian Federation» (as amended and additional, entry. effective from 01.01.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3258.

4. Decree of the President of the Russian Federation dated 21.12.2016 №. 699 (ed. 14.12.2021) «On the approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulation on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation by subject. of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 52 (part V). Art. 7614.

5. Volkov A. M. Administrative law of Russia : textbook. M. : Prospect, 2020.

6. Voronov A. M. Administrative legal relations in conditions of digitalization. M. : Legal World. 2022. № 5. P. 45–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48438875>.

7. <https://www.studentlibrary.ru/doc/ISBN9785392154623-SCN0000.html>.

Научная статья

УДК 340.130.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56>

НИОН: 2015-0066-1/23-595

MOSURED: 77/27-011-2023-01-794

Интерпретационные акты Верховного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования

Валерия Михайловна Гермер¹, Станислав Александрович Иванов²

¹ Адвокатская палата города Москвы, Москва, Россия, geralera@bk.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ivan.tgp@yandex.ru

Аннотация. Весомая роль интерпретационных актов Верховного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования обусловлена не только тем, что он является высшим органом судебного надзора, но и закрепленным в российском законодательстве принципом единообразия судебной практики. Это обуславливает нормативность разъяснений Верховного Суда по различным вопросам судебной практики, их практикообразующее значение, высокий авторитет интерпретационных актов Верховного Суда среди правоприменителей. Принятием интерпретационных актов Верховный Суд в оперативном порядке вносит ясность и определенность в отдельные сложные и запутанные вопросы судопроизводства, не только де-факто, но и де-юре исправляя недостатки действующего законодательства.

Ключевые слова: интерпретационный акт Верховного Суда Российской Федерации, принцип единообразия судебной практики, качество толкования судом нормы права, предписание по единообразному пониманию и применению нормы права, недостатки законодательных норм

Для цитирования: Гермер В. М., Иванов С. А. Интерпретационные акты Верховного Суда Российской Федерации в системе правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 53–56. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56>.

Original article

Interpretative acts of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of legal regulation

Valeria M. Germer¹, Stanislav A. Ivanov²

¹ Moscow Chamber of Advocates, Moscow, Russia, geralera@bk.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ivan.tgp@yandex.ru

Abstract. The significant role of interpretative acts of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of legal regulation is due not only to the fact that it is the highest body of judicial supervision, but also to the principle of uniformity of judicial practice enshrined in Russian legislation. This determines the normativity of the explanations of the Supreme Court on various issues of judicial practice, their practice-forming significance, the high authority of the interpretative acts of the Supreme Court among law enforcers. By adopting interpretative acts, the Supreme Court promptly brings clarity and certainty to certain complex and confusing issues of judicial proceedings, not only de facto, but also de jure correcting the shortcomings of the current legislation.

Keywords: interpretative act of the Supreme Court of the Russian Federation, principle of uniformity of judicial practice, quality of interpretation by the court of the rule of law, prescription for a uniform understanding and application of the rule of law, shortcomings of legislative norms

For citation: Germer V. M., Ivanov S. A. Interpretative acts of the Supreme Court of the Russian Federation in the system of legal regulation. Bulletin of economic security. 2023;(1):53–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-53-56>.

В соответствии с нормами действующего российского законодательства интерпретационные акты Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд) – постановления Пленума Верховного Суда, постановления Президиума Верховного Суда, обзоры

судебной практики, утвержденные Президиумом Верховного Суда, – не являются источниками права. Не закреплено ни в Конституции России, ни в федеральных законах их обязательности для исполнения всеми судами Российской Федерации.

© Гермер В. М., Иванов С. А., 2023

Вместе с тем, как в отечественной юридической науке, так и в правоприменительной практике признается высокий авторитет актов толкования Верховного Суда, нормативность его разъяснений. Отсюда, все более актуальным становится вопрос о судебном правотворчестве в Российской Федерации.

Роль интерпретационных актов Верховного Суда в системе правового регулирования обусловлена как тем, что он является высшей судебной инстанцией, так и объективно существующим в российском праве принципом единообразия судебной практики. Интерпретационные акты Верховного Суда как высшего органа судебного надзора являются фундаментом для реализации этого принципа в правоприменительной деятельности судов.

В этой связи, нормативность разъяснений Верховного Суда по вопросам судебной практики, практикообразующее значение, высокий авторитет интерпретационных актов Верховного Суда и, соответственно, весомая роль в системе правового регулирования нашли свое отражение и в законодательстве¹ России.

Так, на необходимость соблюдения при вынесении решений всеми судами России принципа единообразия судебной практики указывают как пункт 7 статьи 2 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» [1], так и пункт 4 статьи 19 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2], где обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации обозначено одной из целей деятельности Верховного Суда.

Помимо этого, на необходимость соблюдения принципа единообразия судебной практики указывают также и нормы российского процессуального законодательства. В частности, одним из оснований пересмотра судебного решения в порядке надзора, согласно пункту 3 статьи 391.9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГПК РФ), является нарушение судебным постановлением единообразия в толковании и применении судами норм права. Аналогичные положения содержат Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [4] (далее – АПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [5] (далее – КАС РФ).

Реализация вышеуказанного принципа на практике состоит в том, что критерием оценки судебного решения с точки зрения законности выступает качество толкования судом нормы права. Так, законодатель в нормах статей 330 ГПК РФ, 270 АПК РФ, 310 КАС РФ, установил, что неправильное истолкование судом закона означает и неправильное применение судом норм материального права. Что подразумевается под неправильным истолкованием закона, напрямую не закреплено. Однако в п. 3 ч. 2 ст. 310 КАС РФ, к примеру, закреплено, что к таковому, в том числе, относится толкование «без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Плену-

ма Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации». Представляется, что именно такой смысл придает законодатель словосочетанию «неправильное истолкование закона» при всяком его употреблении.

В нормах ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ о содержании судебного решения присутствуют положения о допустимости в мотивировочной части ссылок на правовые позиции высших судов, в том числе, выраженные в интерпретационных актах Верховного Суда.

О нормативном характере интерпретационных актов Верховного Суда безусловно свидетельствуют нормы ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ о новых обстоятельствах, в силу которых может быть пересмотрено судебное решение: указывается, что к таковым относится определение или изменение правовой позиции по конкретному вопросу в интерпретационном акте Верховного Суда, если оно содержит указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов.

Все изложенное выше говорит о признании на уровне законодательства весомого значения актов толкования Верховного Суда для разрешения судебных споров, что надежно закрепляет их в системе правового регулирования.

Не выражена в законодательстве (в силу строгой формальной определенности источников права), но не менее важна роль интерпретационных актов Верховного Суда в рассмотрении судами уголовных дел и материалов в рамках уголовного процесса.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [6] (далее – УПК РФ) не содержится ни единой нормы, аналогичной вышеперечисленным. Вместе с тем, суды на практике не только следуют разъяснениям, но и зачастую прямо или косвенно ссылаются на них в судебных решениях, выносимых в рамках уголовного процесса. Предлагаются некоторые примеры из практики соавтора статьи.

Так, отвергая позицию подсудимого Ч., не согласного с обвинением в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в части наличия квалифицирующего признака «с незаконным проникновением в жилище» ввиду того, что тайное хищение совершено им из пристройки к жилому дому, Переславский районный суд Ярославской области в приговоре от 26 ноября 2021 года указывает, что понимается под жилищем в соответствии с разъяснениями из Постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [7]. Соответствующий пункт Постановления Пленума отсылает к примечанию к ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее – УК РФ). В самом законе такая, казалось бы, очевидно необходимая ссылка отсутствует. Однако Верховный Суд внес ясность в данный вопрос, ликвидировав пробел в Уголовном кодексе РФ указанным Постановлением.

Другой пример. Судья Московского городского суда, передавая 29 июня 2016 года кассационную жалобу И. с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании кассационной инстанции, приводит разъясне-

¹ В данном случае законодательство понимается в узком смысле как совокупность федеральных законов.

ния Постановления Пленума Верховного Суда по одному и тому же вопросу (квалификация неоконченного незаконного сбыта наркотических средств), претерпевшие изменения в сторону ухудшения положения обвиняемого 30 июня 2015 года – ранее они квалифицировались бы как приготовление к сбыту, теперь же как покушение на сбыт. Указывается, что преступление совершено до внесения изменений, потому и юридическая оценка содеянного должна соответствовать позиции Верховного Суда до 30 июня 2015 года. В своих выводах судья Мосгорсуда Е. А. Румянцева опиралась на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении № 1-П от 21 января 2010 года [9], где наиболее красноречиво признается авторитет актов толкования высших судебных органов в судебной системе России – им, как закону, может быть придано свойство обратной силы. Иными словами, воздействие интерпретационных актов на правовое регулирование столь велико, что они, являясь не источником права, а перечнем разъяснений для ограниченного круга правоприменителей – судей, могут реально ухудшать или улучшать чье-то положение.

Еще один показательный пример. Московский городской суд, решением от 22 сентября 2022 года, отказывая прокурору в продлении срока содержания под стражей обвиняемых Е. и Б., употребляет выражение «по смыслу закона» и далее, прямо не ссылаясь на п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [10], практически дословно цитирует его в обоснование принятого решения: указывает, какие именно обстоятельства должны обосновывать необходимость сохранения меры пресечения и свидетельствуют о рисках воспрепятствования правосудию. То есть суд ставит знак равенства между смыслом норм УПК РФ (где указаны лишь общие формулировки) и конкретизирующим разъяснением Верховного Суда.

Из указанных примеров становится очевидным, что интерпретационные акты Верховного Суда эффективно дополняют нормативно-правовую базу для принятия судами решений. В этой связи, вполне закономерной представляется постановка вопроса о соответствии указанных в примерах актов Верховного Суда понятию интерпретационного акта.

В российской юридической доктрине общепризнанным является положение о том, что в интерпретационном акте могут содержаться только предписания по единообразному пониманию и применению норм права, новых норм права интерпретационные акты не содержат [11, с. 112; 12, с. 88]. Вместе с тем, следует признать, что роль интерпретационных актов Верховного Суда в индивидуально-правовом регулировании уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений исключительно велика. Такими актами Верховный Суд в оперативном порядке вносит ясность и определенность в отдельные сложные и запутанные вопросы уголовного судопроизводства, фактически исправляя недостатки уголовного

и уголовно-процессуального законодательства. Следует признать, что такие акты, безусловно, необходимы всем субъектам уголовного судопроизводства.

Однако любое восполнение недостатков законодательных норм в правовой системе России должно осуществляться в рамках законодательного процесса, путем принятия изменений в законодательные акты. После выявления недостатков законодательных норм (пробелов, изъянов, неточностей, противоречий) и оперативного их разрешения с помощью принятия интерпретационных актов Верховному Суду необходимо выходить с законодательной инициативой о внесении соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство.

В случае с указанными примерами отсутствие соответствующих законодательных инициатив скорее можно объяснить отсутствием законодательной дефиниции понятия правовая норма, чем нежеланием высшего судебного органа принимать участие в законодательном процессе.

В заключение хотелось бы указать на обусловленность задачи Верховного Суда по обеспечению единообразия судебной практики конституционным принципом равенства всех перед законом и судом. Полномочия Верховного Суда по отмене и изменению судебных актов также требуют единой, конкретизированной и устойчивой правовой позиции, из которой следует исходить при оценке качества решения нижестоящего суда. Именно поэтому интерпретационные акты Верховного Суда все же обладают нормативными свойствами, одновременно оказывая существенное воздействие не только на формирование судебной практики, но и на формирование всей системы правового регулирования в Российской Федерации.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 05 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. № 27. 07.02.2014.
2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. № 3. 06.01.1997.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022) // Российская газета. № 137. 27.07.2002.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022; с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022) // <http://pravo.gov.ru>, 09.03.2015.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.
7. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. № 9. 18.01.2003.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» // Собрание законодательства РФ. 2010 № 6. Ст. 699.

10. Постановление Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. № 294. 27.12.2013.

11. Касаткин С. Н., Смирнова А. А. Спецификация интерпретационного акта в системе правовых актов : постановка проблемы // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2019.

12. Примак М. А. Общая характеристика видов толкования уголовного закона // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8.

References

1. Federal Constitutional Law № 3-FKZ of February 05, 2014 (as amended on 16.04.2022) «On the Supreme Court of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 27. 07.02.2014.

2. Federal Constitutional Law № 1-FKZ of December 31, 1996 (ed. of 16.04.2022) «On the Judicial System of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 3. 06.01.1997.

3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 № 138-FZ (ed. of 14.07.2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.

4. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation № 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on

11.06.2022; with amendments and additions, intro. effective from 22.06.2022) // Rossiyskaya Gazeta. № 137. 27.07.2002.

5. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 08, 2015 № 21-FZ (ed. of 11.06.2022; with amendments and additions, intro. effective from 20.06.2022) // <http://pravo.gov.ru>, 09.03.2015.

6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (ed. of 24.09.2022) // Rossiyskaya Gazeta. № 249. 22.12.2001.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // Rossiyskaya Gazeta. № 9. 18.01.2003.

8. Criminal Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1-P dated January 21, 2010 «On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Part 4 of Article 170, Paragraph 1 of Article 311 and Part 1 of Article 312 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the closed Joint Stock Company «Production Association «Bereg», open joint Stock companies «Karbolit», «Plant «Microprovod» and «Scientific and production enterprise «Respirator» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. № 6. Art. 699.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 19, 2013 № 41 (ed. dated 11.06.2020) «On the practice of courts applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail» // Rossiyskaya Gazeta. № 294. 27.12.2013.

11. Kasatkin S. N., Smirnova A. A. Specification of an interpretative act in the system of legal acts : statement of the problem // Legal science and practice. Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019.

12. Primak M. A. General characteristics of the types of interpretation of the criminal law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 8.

Информация об авторах

В. М. Гермер – адвокат Адвокатской палаты города Москвы;

С. А. Иванов – доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. M. Germer – Lawyer of the Moscow Chamber of Advocates;

S. A. Ivanov – Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-57-59>

НИОН: 2015-0066-1/23-596

MOSURED: 77/27-011-2023-01-795

Развитие особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации

Александр Викторович Гриненко

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, avgrinenko2@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных вопросов, возникающих в ходе уголовного судопроизводства по уголовным делам, по которым судебное разбирательство осуществляется в особом, ускоренном порядке, не связанном с исследованием доказательств. Особое внимание уделено проблемным вопросам обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в соответствующие правоотношения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное дело, следователь, суд, прокурор, особый порядок, доказательство

Для цитирования: Гриненко А. В. Развитие особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 57–59. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-57-59>.

Original article

Development of a special procedure for criminal proceedings in the Russian Federation

Aleksandr V. Grinenko

Moscow State Institute of International Relations (University)

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, avgrinenko2@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of problematic issues arising in the course of criminal proceedings in criminal cases, in which the trial is carried out in a special, accelerated manner, unrelated to the study of evidence. Special attention is paid to problematic issues of ensuring the rights and legitimate interests of persons involved in relevant legal relations.

Keywords: criminal proceedings, criminal case, investigator, court, prosecutor, special procedure, proof

For citation: Grinenko A. V. Development of a special procedure for criminal proceedings in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2023;(1):57–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-57-59>.

В российском уголовном процессе общепризнанной была процедура судебного разбирательства, в рамках которого непосредственно исследовались все доказательства, собранные в материалах уголовного дела. Это сочеталось с действовавшим в то время принципом всестороннего, полного и объективного расследования и последующего судебного разбирательства уголовного дела.

Все возможности согласительных процедур, действовавших в уголовных процедурах ряда государств, в то время считались «сделкой с правосудием», и отечественным законодателем категорически отвергались. Виновность лица и иные обстоятельства подлежали доказыванию независимо от отношения самого лица к вменяемому деянию.

Вместе с тем при разработке нового УПК РФ были учтены многие возможности, которые предоставляются уголовно преследуемому лицу в случае, когда оно решило признать свое участие в совершении преступления. В данном случае приводится к единому знаменателю собственно преступное поведение лица и его последующее поведение, направленное на добровольное сообщение об обстоятельствах произошедшего, возмещение или иное заглаживание причиненного вреда.

Естественно, что лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, должно иметь возможность выбрать для себя наиболее удобный и эффективный вариант поведения. Наряду в этом в судопроизводстве не должна моделироваться такая ситуация, когда лицо, не будучи в действительности вино-

© Гриненко А. В., 2023

вным, признает себя таковым, чтобы впоследствии в отношении него действовал «льготный режим», и оно было подвергнуто менее суровому наказанию.

Особый порядок судебного разбирательства наступает в случае, если предварительно лицо согласилось с одним из трех возможных действий: признало себя виновным при окончании предварительного расследования; заявило ходатайство о досудебном соглашении о сотрудничестве, и данное соглашение было удовлетворено; предварительное расследование осуществлялось путем дознания в сокращенной форме.

Для каждого из этих случаев требуется, чтобы согласие было дано строго добровольно, после детального разъяснения лицу последствий принятого им решения и содержания появившихся прав и обязанностей.

Лицо узнает о возможности согласиться с предъявленным обвинением и ходатайствовать о применении в отношении него особого порядка судебного разбирательства на заключительном этапе досудебного производства по уголовному делу, при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ).

В п. 2 ч. 5 данной статьи указано, что следователь после ознакомления лица и его защитника в числе прочего разъясняет лицу право ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства. Вместе с тем существенным недостатком такого порядка является уже тот факт, что само содержание особого порядка раскрыто не в этой, а в иной статье (ст. 314 УПК РФ), а это и затрудняет уяснение его сущности, и дает следователю возможность лишь кратко его охарактеризовать, а не раскрывать детальный алгоритм.

Что же касается самих оснований для применения особого порядка принятия судебного решения, то здесь также имеются определенные не вполне понятные моменты.

Так, осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ) – это внутреннее осознание лицом всего комплекса действий, который будет произведен, и последствий для лица в виде, с одной стороны, судимости, а с другой – более «льготных» для себя условий в плане вида и размера назначенного наказания.

Вместе с тем это весьма размытая категория, и невозможно объективно установить, выработалось ли у обвиняемого стойкое понимание того, какие именно процедуры будут в отношении него осуществляться.

Следующий неоднозначный аспект, на котором также хотелось бы остановиться, – это то, что «ходатайство должно быть заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником» (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ).

Во-первых, у этих позиций должна произойти смена мест – вначале должно происходить общение обвиняемого с защитником, а уже затем можно будет сделать вывод о добровольности ходатайства.

И, во-вторых, такое общение с защитником должно происходить не просто в форме консультации (что пред-

полагает присутствие следователя), а в форме «полноценного свидания защитника со своим подзащитным наедине и в течение достаточного времени. Лишь в этом случае можно вести речь о возможности формирования у обвиняемого твердого внутреннего убеждения в целесообразности согласия с предъявленным обвинением.

Далее, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ для рассмотрения уголовного дела в особом порядке требуется, чтобы государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражали против предъявленного обвиняемым ходатайства. Здесь есть несколько дополнений.

Так, в контексте рассматриваемой процедуры частный обвинитель и потерпевший – это всегда одно и то же лицо. Потерпевший как самостоятельная процессуальная фигура действует во всех случаях, когда рассматривается уголовное дело публичного или частно-публичного обвинения. Если же имеется частный обвинитель, то потерпевший – это «виртуальный» участник, ведь он – тот же самый частный обвинитель, но наделяющийся излишним процессуальным статусом.

Также, как представляется, не в полной мере отвечающим концепции обеспечения прав личности является положение, согласно которому государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не должны возражать против ходатайства, заявленного обвиняемым. Ничего не имея против данного порядка в целом, все же заметим, что в законе четко не прописаны ситуации, при наличии которых такие возражения могут последовать. Если государственный обвинитель, будучи профессиональным участником процесса, обычно выражает запрет по вполне объективным причинам, то потерпевший может сделать такой вывод, исходя из каких-либо субъективных побуждений (неприязненные чувства, месть за совершенное деяние и т. п.).

Чтобы стабилизировать ситуацию и повысить уровень возмещения вреда, причиненного преступлением, следовало бы конкретизировать данное правило и предусмотреть для потерпевшего возможность возражать против применения особого порядка принятия судебного решения лишь в случаях, когда не исчезли основания для признания лица потерпевшим, т. е. не возмещен или иным образом не заглажен причиненный ему вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Весьма значительной, на наш взгляд, является и проблема отнесения определенных категорий уголовных дел к разряду рассматриваемых в особом порядке.

В первоначальной редакции ч. 1 ст. 314 УПК РФ было указано, что особый порядок был применим по уголовным делам о преступлениях, наказания за которые не превышали пяти лет лишения свободы.

Данный порядок показал себя в качестве весьма эффективного, в районных судах он применялся по значительному числу уголовных дел. Случаев нарушения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в соответствующие правоотношения в качестве как обвиняемых, так и потерпевших.

Следствием этого стало существенное расширение данной процедуры, и в 2003 г. [1] она стала применяться при обвинении лиц в совершении преступлений, максимально возможное наказание за совершение которых – десять лет лишения свободы. Как и ранее, этот порядок показал себя вполне действенным, и на многие годы он стал применяться без каких бы то ни было нареканий со стороны ученых и правоприменителей.

Вместе с тем по не вполне ясным причинам, не подтвержденным реальными статистическими и иными данными, в 2020 г. данное правило вновь было изменено [2], в ч. 1 ст. 314 УПК РФ появилось указание, что особый порядок применяется лишь по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести (в соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ к преступлениям небольшой тяжести относятся умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы; силу ч. 3 ст. 15 УК РФ преступлениями средней тяжести являются умышленные деяния, за совершение которых максимально возможное наказание не превышает 5 лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимально возможное наказание не превышает 10 лет лишения свободы).

Причина подобного изменения неясна, но это существенно уменьшило возможности применения столь эффективной согласительной процедуры. Кроме того, уменьшился объем процессуальных возможностей лица, совершившего преступление, по искуплению своей вины.

Как представляется, в данном случае нужно сделать обратное изменение и восстановить возможность при-

менения особого порядка принятия судебного решения как минимум до случаев совершения преступлений, наказуемых до десяти лет лишения свободы.

Таким образом, усовершенствование и расширение особого порядка принятия судебного решения повысит эффективность уголовного судопроизводства в целом, а также обеспечит более полную прав и законных интересов вовлеченных в процесс лиц.

Список источников

1. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

2. Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4750.

References

1. Federal Law No. 92-FZ of July 4, 2003 «On Amendments and Additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 27 (Part 1). Art. 2706.

2. Federal Law No. 224-FZ of July 20, 2020 «On Amendments to Articles 314 and 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 30. Art. 4750.

Информация об авторе

А. В. Гриненко – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A. V. Grinenko – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-60-63>

ИПОН: 2015-0066-1/23-597

MOSURED: 77/27-011-2023-01-796

Противодействие гомосексуализму в Советском государстве: к вопросу о правах мужчин

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,

groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. В статье затронута проблематика правового положения мужчин в Советском государстве через призму идеологического и нормативного противодействия гомосексуализму. В работе с помощью исторического метода показаны особенности уголовно-правовой оценки мужеложства со стороны партии и правительства СССР. В своем исследовании автор с помощью ретроспективного анализа продемонстрировал то, что в указанный период нормативное противодействие гомосексуализму со стороны государства существенным образом ущемляло права мужской гендерной группы.

Ключевые слова: преступления сексуального характера, гомосексуализм, мужеложство, половая неприкосновенность, репрессии, Советское государство, дискриминация

Для цитирования: Грошев С. Н. Противодействие гомосексуализму в Советском государстве: к вопросу о правах мужчин // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 60–63. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-60-63>.

Original article

Countering homosexuality in the Soviet state: on the issue of men's rights

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,

groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the legal status of men in the Soviet state through the prism of ideological and normative opposition to homosexuality. In the work, using the historical method, the features of the criminal-legal assessment of sodomy by the party and the government of the USSR are shown. In his research, the author demonstrated with the help of a retrospective analysis that during this period the normative opposition to homosexuality on the part of the state significantly infringed on the rights of the male gender group.

Keywords: sexual crimes, homosexuality, sodomy, sexual inviolability, repression, the Soviet state, discrimination

For citation: Groshev S. N. Countering homosexuality in the Soviet state: on the issue of men's rights. Bulletin of economic security. 2023;(1):60–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-60-63>.

Всесторонний анализ проблематики правового положения мужской гендерной группы, так или иначе, требует освещения вопроса нормативно-государственного реагирования на гомосексуализм, как социальный феномен.

Как известно, законодательство Российской империи рассматривало гомосексуализм как преступление. С приходом к власти большевиков весь нормативный массив, регулирующий уголовно-правовые отношения был нуллифицирован, в том числе и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за мужеложство. Тем не менее, нельзя говорить о том, что Октябрьская

революция 1917 г. инициировала легализацию мужских гомосексуальных связей. Можно согласиться с мнением Н. Берберовой, которая отмечает, что: «Придерживаясь этой идеи, с отменой старого уголовного закона стали легальными также и убийства, и изнасилования, и инцест. Против этого у нас в 1917–1922 гг. не было никаких писанных законов» [2, с. 3].

Тем не менее, отсутствие нормативной регуляции в Советском государстве просуществовало недолго хотя УК РСФСР 1922 г. не предусматривал уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм, но в некоторых южных республиках СССР (Азербайджан,

© Грошев С. Н., 2023

Грузия, Узбекистан, Туркменистан) подобное деяние являлось преступлением. В свою очередь в РСФСР добровольное мужеложство не считалось преступлением даже по УК 1926 г. Однако, как и в прежнем уголовном законе имела место норма, по которой насильственное мужеложство преступлением признавалось, входя в состав изнасилования.

Стоит отметить, что нормативная декриминализация добровольных гомосексуальных связей в РСФСР еще не означала, что мужчин, склонных практиковать однополые сексуальные отношения, прекратили подвергать уголовным преследованиям. Так, в русле борьбы с проявлениями нравственного разложения несовершеннолетних и аморальным поведением гомосексуалисты подлежали уголовной ответственности. Так, в 1930 году в Большой советской энциклопедии отмечалось, что советский правовой порядок не предусматривает наказание за мужеложство на добровольной основе, подвергая уголовному преследованию лишь гомосексуализм практикуемый с несовершеннолетними.

По сути, точкой бифуркации уголовного преследования лиц, практикующих добровольное мужеложство является 17 декабря 1933 года, когда Политбюро ЦК ВКП(б) принял проект Постановления Президиума ЦИК СССР «Об уголовной ответственности за мужеложство». В указанный нормативно-правовой акт 7 марта 1934 г. были внесены некоторые изменения, которые нуллифицировали такие квалифицирующие признаки состава как мужеложство за плату и публичный гомосексуализм. Законодатель полагал, что эти позиции задействованы в рамках простого состава данного преступления [10].

Нормативный материал обновленного постановления был инкорпорирован в УК РСФСР 1926 г. (ст. 154-а), а также в уголовные законы республик, входящих в СССР. Отныне, уголовно-правовая регуляция охватывала не только гомосексуализм сопряженный с насилием или растлевающий несовершеннолетних, но и добровольные гомосексуальные контакты. Так, за первое предполагалась уголовная ответственность в виде лишения свободы от пяти до восьми лет. За второе же – лишение свободы от трех до пяти лет [9].

Формулировка указанной статьи недвусмысленно демонстрирует, что уголовному преследованию подлежат и совершеннолетние мужчины, практикующие однополый секс на добровольных началах. При этом, за иные действия гомосексуального характера, даже сопряженные с насилием, советский правовой порядок, как и прежде, не предусматривал никакой юридической ответственности. В целом же, мужеложство, осуществленное в отношении лица, пребывающего в беспомощном состоянии, либо те же действия с несовершеннолетним лицом законодатель относил к насильственным действиям, которые уже охватывались уголовно-правовой квалификацией.

В итоге, постановлением ВЦИК и СНК от 1 апреля 1934 г. «О дополнении уголовного кодекса РСФСР ста-

тью 154-а» в УК РСФСР 1926 г. была включена ст. 121 «Мужеложство», которая стала входить в группу преступлений против личности. Указанная статья закрепляла наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет за добровольный гомосексуальный контакт совершеннолетних мужчин. За гомосексуализм, сопряженный с насилием, либо в отношении несовершеннолетних, либо лиц, находящихся в беспомощном состоянии, законодатель определял санкцию до восьми лет лишения свободы. При этом, нижний предел наказаний за оба вида мужеложства нормативно определен не был.

При этом стоит подчеркнуть, что на тот момент в сравнении с зарубежными правовыми порядками в Советском государстве уголовная ответственность за гомосексуализм обладала достаточной мягкостью.

Что характерно, как и прежде, преследуя нормативно и идеологически мужскую «однополую любовь» государство юридически не реагировало на проявления женской гомосексуальности. В социокультурной среде советского общества последнее виделось как психическое отклонение, которое необходимо лечить с помощью медицины, либо посредством психологического инструментария.

Вначале сталинского правления наметился пик идеологического давления на мужскую «однополую любовь». В частности, с подачи М. Горького гомосексуализм стал приравниваться к фашизму [3, с. 238].

Примечательно, что формирование в СССР нормативной основы преследования за гомосексуализм было негативно воспринято коммунистами, практикующими гомосексуализм, за пределами Страны Советов. Нередко, геи-коммунисты ожидали, что компартия будет последовательна в своей борьбе за права угнетенных групп, к которым они не без оснований относили и сексуальные меньшинства [12, с. 11]. Ожидаемо, в маховик советских репрессий стали все чаще попадать мужчины, подозреваемые в гомосексуализме. Постепенно складывается новый тренд сталинских чисток государственного аппарата, и в судебных процессах 30-х гг. обвинения в шпионаже, заговоре и контрреволюции идут рука об руку с признанием подследственных в гомосексуальных связях. При этом, какие обвинения обладали вторичным характером установить не представлялось возможным [5, с. 311].

В этой связи, можно констатировать, что в середине 30-х гг. наблюдается резкое ужесточение уголовных репрессий за мужской гомосексуализм в Советском государстве. При этом государство напрямую вмешивалось в сферу сексуальных прав, принимая на себя полномочия на высшем уровне определять степень нормальности сексуальных контактов [1, с. 198].

После развенчания культа личности Сталина и общей либерализации общественных отношений, хрущевская оттепель не распространила своего влияния на сферу уголовного преследования мужчин гомосексуалистов. При этом советские женщины, практикующие однополые сексуальные связи, не преследовались за

гомосексуализм в уголовном порядке. Государство на последних оказывало идеологическое давление и лесбиянок относили к категории психически нездоровых лиц.

Новый уголовный закон РСФСР 1960 г. не изменил тенденцию нормативного реагирования публичной власти на мужской гомосексуализм, при этом осталась практически нетронутой фабула статьи за мужеложство закрепленной в прошлом УК РСФСР. Кроме того, не изменилась и санкция за гомосексуализм лиц мужской гендерной группы.

Как и прежде советский подход к определению правовой природы сексуальных действий насильственного характера, в том числе в сфере гомосексуальных связей, приводил к сложностям в правоприменении. Остроты проблематике добавляли и разночтения союзной правовой базы и республиканского нормотворчества. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера нередко устанавливалась либо как за изнасилование, при этом правовая природа полового сношения подвергалась существенному расширению, либо квалифицировалась как исключительно циничное хулиганство. Первый подход имел место в правоприменительной практике РСФСР, второй же наличествовал в Латвии. В этой связи, правоприменитель, сталкиваясь с необходимостью квалификации мужских гомосексуальных контактов через орально-генитальные манипуляции привлекал виновных за мужеложство, а в случае фигурирования несовершеннолетнего представителя мужской гендерной группы определял действия в качестве развратных [8, с. 36–37].

В этой связи нельзя не согласиться с мнением М. А. Коневой, которая подчеркивает, что насильственные сексуальные действия нельзя квалифицировать в качестве хулиганских, так как у них разный объект уголовно-правовой охраны [6, с. 46].

Стоит отметить, что во времена замедления общественных отношений в Советском государстве в 70–80-х гг. имели место многочисленные дискуссии в юридической правоприменительной и научной среде по вопросам проблематики отмены уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм между совершеннолетними представителями мужской гендерной группы. Во времена «перестройки» указанные дебаты перешли в плоскость общественного обсуждения. Все это позволило вести открытый диалог о проблематике мужчин-гомосексуалистов в разрезе медико-социального и уголовно-правового давления на них со стороны государства и общества.

Стоит отметить, что вначале 80-х гг. юридическая ответственность за мужеложство, в рамках социалистического лагеря, имела место лишь в правовом порядке Советского государства и уголовном законодательстве Социалистической Республики Румыния.

Нормативная неоправданность уголовного преследования за добровольный гомосексуализм совершеннолетних представителей мужской гендерной группы была настолько очевидна, что дискуссия в отечествен-

ной научной среде о необходимости отмены уголовного наказания за неквалифицированное мужеложство велась с начала 70-х годов. При этом по мнению М. Д. Шаргородского существование уголовной ответственности за указанное деяние было нецелесообразно в принципе [11, с. 656]. В свою очередь по мнению А. Н. Игнатова гомосексуализм выступает в образе врожденной патологии и в связи с этим гомосексуалисты должны подвергаться не уголовному преследованию, а медико-педагогической коррекции [4, с. 180–185].

Постепенно, с развитием демократических процессов конца 80 — начала 90-х гг. в российском обществе формируется стойкое неприятие уголовных репрессий за неквалифицированное мужеложство, что приводит к отмене ст. 121 УК РСФСР 1960 г. [7] В этой связи, можно вести речь о декриминализации в 1993 году неквалифицированного мужеложства, которое совершается в частной атмосфере, то есть когда отсутствует не только насилие и иные квалифицирующие признаки, но и публичность совершения деяния.

Примечательно, что женский гомосексуализм сопряженный с насилием был криминализован лишь в 1996 году с принятием нового УК РФ.

В заключение статьи необходимо отметить, что в Советском государстве права мужчин в сфере половой свободы и возможности вступать в гомосексуальные контакты были существенным образом ограничены и преследовались в уголовном порядке и с помощью механизмов идеологической пропаганды. При этом, женский гомосексуализм в СССР не влек юридических последствий и женщины склонные к однополым сексуальным контактам подвергались лишь психомедицинской коррекции. В рамках советского правового порядка представители женской гендерной группы не привлекались к уголовной ответственности даже за совершение насильственных сексуальных действий вплоть до принятия УК РФ 1996 г. В этом аспекте законодательство Советского государства существенным образом дискриминировало мужчин в рамках их сексуальной свободы.

Список источников

1. Алексеев Н. А. Правовое регулирование положений сексуальных меньшинств: Россия в свете международных организаций и национального законодательства стран мира. М. : БЕК, 2002. 384 с.
2. Голубая книга: Положение геев и лесбиянок в Украине. Киев : Нора-принт, 2000. 126 с.
3. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 27. М. : Гослитиздат, 1953. 592 с.
4. Игнатов А. Н. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М. : Юрид. лит., 1966. 208 с.
5. Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М. : Олимп, 1998. 496 с.
6. Конева М. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика насильственных действий сексуального характера при гетеросексуальных и гомо-

сексуальных контактах: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999. 187 с.

7. Закон РФ от 29 апреля 1993 года № 4901-1 «О внесении изменений дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» // Вестник Совета народных депутатов РФ и Верховного Суда РФ. 1993. № 22. Ст. 789.

8. Поддубная Е. В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и квалификация : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 219 с.

9. Постановление ВЦИК и СНК от 1 апреля 1934 г. «О дополнении уголовного кодекса РСФСР статьей 154-а» // Сборник узаконений РСФСР. 1934. № 15. Ст. 95.

10. Сборник законодательства РСФСР. 1934. № 15. Ст. 95.

11. Курс советского уголовного права. Часть особенная. Т. 3 / Отв. ред.: Беляев Н. А., Шаргородский М. Д. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 836 с.

12. Хейли Д. Однополый секс в России (1917–1965) // Зеркало. ИБ «ГЕНДЕРДОК». 1997. Приложение к № 1(9).

References

1. Alekseev N. A. Legal regulation of the provisions of sexual minorities: Russia in the light of international organizations and national legislation of the countries of the world. M. : BECK, 2002. 384 p.

2. The Blue Book: The situation of gays and lesbians in Ukraine. Kiev : Nora-print, 2000. 126 p.

3. Gorky M. Collected works. In 30 t. t. 27. M. : Goslitizdat, 1953. 592 p.

4. Ignatov A. N. Responsibility for crimes against morality (sexual crimes). M. : Jurid. lit., 1966. 208 p.

5. Kon I. S. Moonlight at dawn. Faces and masks of same – sex love. M. : Olympus, 1998. 496 p.

6. Koneva M. A. Criminal-legal and criminological characteristics of sexual violence in heterosexual and homosexual contacts: dis. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol, 1999. 187 p.

7. Law of the Russian Federation No. 4901-1 of April 29, 1993 «On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR, the Criminal Procedure Code of the RSFSR and the Correctional Labor Code of the RSFSR» // Vedomosti of the Council of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. 1993. No. 22. Art. 789.

8. Poddubnaya E.V. Rape and violent acts of a sexual nature: criminal-legal characteristics and qualifications: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2008. 219 p

9. Resolution of the Central Executive Committee and the SNK of April 1, 1934 «On supplementing the Criminal Code of the RSFSR with Article 154-a» // Collection of laws of the RSFSR. 1934. No. 15. Art. 95.

10. Collection of legislation of the RSFSR. 1934. No. 15. Art. 95.

11. The course of Soviet criminal law. Part special. Vol. 3 / Ed. : Belyaev N. A., Shargorodsky M. D. L. : Publishing House of the Leningrad University, 1973. 836 p.

12. Haley D. Same-sex sex in Russia (1917-1965) // Mirror. ИБ «ГЕНДЕРДОК». 1997. Appendix to No. 1(9).

Информация об авторе

С. Н. Грошев – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

УДК 340.14

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-64-67>

ИДОН: 2015-0066-1/23-598

MOSURED: 77/27-011-2023-01-797

Военные преступления

Мевлуд Демуралович Давитадзе^{1,2}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал), Одинцово, Россия, md2063@mail.ru

² Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются характерные особенности, виды и последствия военных преступлений. Раскрывается содержание видов наказания, применяемые в рамках международного права и с учетом существующей мировой практики в отношении государств, инициирующих агрессивную войну.

Ключевые слова: Устав ООН, общепризнанные принципы международного права, декларации, конвенции, вооруженные конфликты, агрессивная война, военные преступления, военнослужащие, мирное население, оккупация, объекты, убийство, нападение, уничтожение, насилие, депортация, ответственность

Для цитирования: Давитадзе М. Д. Военные преступления // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 64–67. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-64-67>.

Original article

War crimes

Mevlud D. Davitadze^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Odintsovo, Russia, md2063@mail.ru

² S.Y. Witte Moscow University, Moscow, Russia

Abstract. The characteristic features, types and consequences of war crimes are being considered. The content of the types of punishment applied within the framework of international law and taking into account the existing world practice in relation to states initiating an aggressive war is revealed.

Keywords: UN Charter, universally recognized principles of international law, declarations, conventions, armed conflicts, aggressive war, war crimes, military personnel, civilians, occupation, objects, murder, attack, destruction, violence, deportation, responsibility

For citation: Davitadze M. D. War crimes. Bulletin of economic security. 2023;(1):64–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-64-67>.

До сих пор достоверно неизвестно, в каких условиях возникла первичная человеческая цивилизация, прошедшая долгий путь развития с момента ее появления до наших дней. В истории известны случаи, когда древние племена и народы со времени своего появления, становления и развития вели ожесточенные войны с целью захвата чужих земель и порабощения других народов.

Как ни печально это осознавать, но за весь период существования человеческой цивилизации по свидетельству историков без войн человечество жило в мирных условиях в общей сложности около 230–240 лет. Есть и другие данные, согласно которым мирное время за всю историю составило лишь 170 лет [1].

По мнению Жан-Жака Бабея, за всю историю с 3500 года до н. э. и до наших дней человечество мирно

прожило лишь 292 года [2], а все остальное время земной шар в той или иной части был охвачен бесконечной междоусобицей и кровопролитием.

Мировой истории известны многочисленные вооруженные конфликты и связанные с ними ужасающие последствия. К примеру, XX-ый век можно охарактеризовать такими фактами, как: Катынский расстрел (1940 г.), резня в Калаврите (13 декабря 1943 г.), Блайбургская бойня (1945 г.), резня в Кровавом Овраге (12 августа 1950 г.), бойня в Хан-Юнисе (3 ноября 1956 г.), массовое убийство в Сонгми (1968 г.), массовые убийства в Вышеграде (1992 г.), резня в Сребренице (1995 г.), химическая атака в Гуте в Сирии (21 августа 2013 г.). Отдельно хотелось бы упомянуть печально известный геноцид в Руанде против народа тутси (6 апре-

© Давитадзе М. Д., 2023

ля – 18 июля 1994 г.), в результате которого погибло по разным оценкам от 500 000 до 1 100 000 человек [3].

Вышеуказанные факты жестоких убийств, связанные, в том числе, с военными преступлениями, получили соответствующую уголовно-правовую оценку. Однако в такой же оценке со стороны международного сообщества нуждаются те жестокие деяния с многочисленными человеческими жертвами, которые происходили или имеют место за последние десятилетия на территории бывших союзных республик, в Афганистане, Ираке Сирии и других регионах мира.

К сожалению, человечеству до сих пор не удалось извлечь уроки из истории и принять необходимые меры для сохранения мира и обеспечения безопасности человечества. Свидетельством этого являются две мировые войны и вооруженные конфликты различного характера, произошедшие в XX веке, унесшие жизнь миллионов людей и приведшие к разрушению и уничтожению многочисленных объектов, в том числе невоенного характера.

Следует констатировать, что и XXI век не стал исключением. В эпоху высокого уровня развития современной цивилизации и научно-технического прогресса вместо того, чтобы выстраивать доверительные, добрососедские и взаимовыгодные отношения между государствами и народами, человеческому сообществу приходится сталкиваться с ужасающими фактами и последствиями вооруженных конфликтов, развязанных недалекими политиками и авантюристами. Известно, что всякий вооруженный конфликт связан с тяжкими последствиями, такими как гибель непосредственных участников вооруженных конфликтов и мирного населения, и уничтожение и повреждение материальных ценностей, зданий, сооружений и т. д. Как правило, такие последствия чаще всего наступают в результате совершения военных преступлений в условиях вооруженных конфликтов, особенно при ведении агрессивной войны.

Под военными преступлениями следует понимать совокупность особо тяжких деяний, нарушающих нормы и основополагающие принципы Устава ООН, международного (гуманитарного) права, в том числе положений и предписаний ряда деклараций (Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.) и конвенций (Женевская Конвенция от 12 августа 1949 г.; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) от 04 ноября 1950 г.) во время вооруженных конфликтов.

Как правило, военные преступления (как и преступления против мира и безопасности человечества) могут иметь место при вооруженных конфликтах любого вида, особенно при агрессивной войне, так как разжигание, развязывание и ведение агрессивной войны уже по своей сущности является военным преступлением.

В п. 2 ст. 8 Римского статута международного уголовного суда перечислены военные преступления, однако, на наш взгляд, указанный перечень, относящийся

к военным преступлениям, в какой-то степени требует более четкой конкретизации, так как некоторые из них повторяются в том или ином виде.

В связи с вышеуказанным в перечень военных преступлений целесообразно включить все те общественно опасные деяния, которые непосредственно связаны с вооруженными конфликтами или агрессивной войной на территории государств-жертв агрессии.

По нашему мнению, к основным военным преступлениям в зависимости от степени общественной опасности и характера тяжести наступивших последствий можно отнести следующие противоправные деяния:

- вооруженное нападение на суверенное государство;
- разжигание, развязывание и ведение агрессивной войны;
- оккупация всей или части территории суверенного государства;
- убийство военнослужащих, защищавших страну от агрессора;
- убийство военнопленных, в том числе с целью изъятия их органов и тканей для торговли;
- умышленное убийство детей, несовершеннолетних и гражданских лиц, в том числе с целью изъятия их органов и тканей для торговли;
- бесчеловечное обращение с военнопленными и гражданскими лицами посредством причинения им сильных моральных, психических и физических страданий, включающих серьезные телесные повреждения, ущерб здоровью, в том числе пытки, садизм или проведение медицинского экспериментов над ними;
- посягательство на человеческое достоинство в отношении любого лица, находящегося под контролем оккупирующей державы, в частности оскорбительное и унижающее обращение;
- насильственное изъятие и передача детей с целью забвения их национальной и этнической идентичности;
- изнасилование, насильственные действия сексуального характера, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции;
- принудительная беременность, принудительная стерилизация, насильственное воспрепятствование деторождению;
- перемещение страной-агрессором части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ей территорию с целью ее заселения для изменения демографической ситуации на оккупированной территории, депортация или перемещение всего или части коренного населения оккупируемой территории с той же целью в пределах или за пределы этой территории;
- нападения на гражданское население, проживающее на оккупированной территории, или на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях;
- использование гражданского населения в качестве живого щита;

– нападение на города, деревни, населенные пункты, жилища, здания, в том числе их обстрел с применением каких бы то ни было средств;

– нападения на медицинские учреждения: на родильные дома, больницы, поликлиники, госпитали, т. е. в местах сосредоточения больных и раненых;

– нападения на образовательные, научные, культурные, религиозные учреждения или на памятники истории, науки и культуры;

– нападения на гражданские объекты критической инфраструктуры (в том числе на водохранилища, электростанции и электросети, теплотрассы, объекты пищевой промышленности и т. д.);

– нападения на объекты транспортных коммуникаций, сооружений и устройств, предназначенных для пассажирских и грузовых перевозок, в частности, на автомобильные, воздушные, водные, железнодорожные, включая метрополитен, мосты, вокзалы, причалы, аэропорты, т. е. места массового скопления пассажиров;

– нападения на объекты повышенной опасности, например, на атомные станции, на места хранения химических веществ и реактивов или отработанного ядерного топлива;

– использование или угроза использования неконвенционального, т. е. запрещенного оружия и боеприпасов в ходе боевых действий, в том числе химического, бактериального или ядерного оружия;

– уничтожение, повреждение или разграбление (мародерство) государственной, общественной или частной собственности на территории государства, ставшего жертвой агрессии, в том числе собственности иностранного государства и иных субъектов экономической или предпринимательской деятельности;

– уничтожение, повреждение или разграбление объектов и средств обороноспособности и безопасности государства-жертвы агрессии;

– воспрепятствование деятельности международных миссий по поддержанию мира в зонах боевых действий, а также нападение на них;

– воспрепятствование деятельности представителей красного креста и красного полумесяца, находящихся в зоне боевых действий с целью оказания помощи всем страждущим и нуждающимся, а также нападение на них;

– нападения на гуманитарный конвой, задействованный для оказания гуманитарной помощи или вывозящий мирных жителей, беженцев, вынужденных переселенцев из зоны боевых действий, а также нападения на места скопления и нахождения беженцев или вынужденных переселенцев;

– принуждение военнопленных или гражданского населения к службе в вооруженных силах или к сотрудничеству в интересах неприятельской державы;

– взятие заложников или незаконное лишение свободы граждан и представителей государства, ставшего жертвой агрессии и т. д.

В данном перечне приведены основные особо тяжкие виды и категории военных преступлений, которые непосредственно могут быть связаны с агрессивной войной и иными вооруженными конфликтами. Следует также отметить, что приведенный перечень не является окончательным и исчерпывающим, он может стать также предметом обсуждения и дискуссии с целью конкретизации деяний, относящихся к военным преступлениям.

В отношении физических лиц вне зависимости от их должностного положения, как правило, за совершение военных преступлений ответственность наступает в рамках международного (например, в рамках специально созданных трибуналов), национального уголовного законодательства государства-жертвы агрессии или, в исключительных случаях, по законодательству страны-агрессора при изменении политической власти, которая берет на себя обязательство с участием представителей международного судебного сообщества наказать военных преступников за разжигание и ведение агрессивной войны и за совершение тяжких преступлений во время военных действий.

Кроме того, как правило, определенную долю ответственности за развязывание агрессивной войны несет и государство-агрессор.

В рамках международного права и существующей мировой практики, установленной после Второй мировой войны, в отношении государства-агрессора применяются (могут быть применены) следующие виды ответственности:

- 1) моральный;
- 2) материальный;
- 3) территориальный (физический);
- 4) ограничение или запрет на владение определенного вида вооружения или рода войск;
- 5) уголовно-правовая.

1. Суть моральной ответственности выражается в полной изоляции от международного сообщества государства-агрессора посредством исключения из рядов международных организаций или временного приостановления статуса в таких организациях до полного устранения последствий, вызванных агрессивной войной;

2. Материальная ответственность предусматривает полное возмещение ущерба, причиненного государству-жертве агрессии, в том числе всем юридическим и физическим лицам, пострадавшим от агрессивной войны за счет средств государства-агрессора посредством контрибуций и репараций;

3. Территориальная ответственность выражается в уступке или передаче части территорий государства-агрессора государству-жертве агрессии в качестве компенсации за причиненный ущерб;

4. Ограничение или запрет на владение определенного вида вооружения или рода войск заключаются в применении данного ограничения в отношении государства-агрессора на владение в будущем определенно-

го вида, типа или количества оружия для исключения повторения в будущем акта агрессии со стороны такого государства;

5. Уголовная ответственность предусматривает применение самого сурового наказания в отношении всех военных преступников, которые непосредственно провоцировали, поддерживали, планировали, разжигали или вели агрессивную войну, независимо от их звания, чина, социального статуса или должностного положения, в соответствии со степенью и тяжестью совершенных ими деяний. При этом следует особо отметить провоцирующую роль в разжигании и ведении агрессивной войны представителей как средств массовой информации, так и общественно-культурных и, так называемых, «экспертных сообществ», которые заслуживают самого строгого наказания. Их систематические враждебные призывы, порой, необоснованные и ложные оценки существующей обстановки нередко служат разжиганию ненависти и вражды между народами и государствами, а иногда и принятию неверных решений, приводящих к агрессивной войне.

В 1945 году указанные виды мер ответственности были приняты странами-победителями в отношении не только политического руководства фашистской Герма-

нии и милитаристской Японии и их поспешников за разжигание и ведение Второй мировой войны и совершенные военные преступления, но и в отношении народов этих государств, поддерживающих правительство своих стран при ведении ими агрессивной войны.

Народы Германии и Японии до сих пор несут тяжелый груз моральной и материальной ответственности за военные преступления правительств своих стран, совершенные во время Второй мировой войны.

В заключение следует отметить, что только единство мирового сообщества в деле отстаивания мирного развития человеческой цивилизации могут быть гарантом мира, добрососедского, доверительного и взаимовыгодного сотрудничества между народами и государствами в современную эпоху.

Список источников / References

1. https://dzen.ru/media/zagadki_history/skolko-letchelovechestvo-jilo-bez-voin-i-drugie-interesnye-fakty-ovoorujennyh-konfliktah-62c03cb238e78128b4a933f6.
2. <https://bigra.livejournal.com/218490.html>.
3. <https://extremal.mirtesen.ru/blog/43996663518/25-maloizvestnyih,-no-shokiruyuschih-voennyih-prestupleniy>.

Информация об авторе

М. Д. Давитадзе – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Одинцовский филиал), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. D. Davitadze – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the S.Y. Witte Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-68-74>

ИПОН: 2015-0066-1/23-599

MOSURED: 77/27-011-2023-01-798

Формирование психологической компетентности в процессе подготовки судебного эксперта

Оксана Геннадьевна Дьяконова

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
oxana_diakonova@mail.ru

Аннотация. Подготовка судебных экспертов, в первую очередь, нацелена на формирование компетентного сведущего лица в определенной области специальных знаний, способного на высоком уровне проводить экспертные исследования и взаимодействовать с различными участниками юрисдикционной деятельности. Но, помимо этого, важной является подготовка судебного эксперта, способного к самопознанию и саморазвитию. Достижение указанных задач напрямую связано с уровнем психологической компетентности. Автор анализирует понятие «психологическая компетентность», приводя точки зрения ученых в области психологии и педагогики, а также формулирует определение «психологической компетентности судебного эксперта», предлагает ее структуру. Рассматривается вопрос об определении научной основы для формирования психологической компетентности судебного эксперта в процессе обучения по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза». Делается вывод о необходимости комплексного научного подхода к разработке дисциплины «Психология судебно-экспертной деятельности», поскольку в настоящий момент отмечаются проблемы в подготовке судебного эксперта.

Ключевые слова: психологическая компетентность, судебный эксперт, подготовка судебных экспертов, психология судебно-экспертной деятельности

Для цитирования: Дьяконова О. Г. Формирование психологической компетентности в процессе подготовки судебного эксперта // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 68–74. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-68-74>.

Original article

Formation of psychological competence in the process of training a forensic expert

Oksana G. D'yakonova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, oxana_diakonova@mail.ru

Abstract. The training of forensic experts is primarily aimed at the formation of a competent knowledgeable person in a certain area of special knowledge, capable of conducting expert research at a high level and interacting with various participants in jurisdictional activities. But, in addition, it is important to prepare a forensic expert capable of self-knowledge and self-development. The achievement of these tasks is directly related to the level of psychological competence. The author analyzes the concept of «psychological competence», citing the points of view of scientists in the field of psychology and pedagogy, and formulates the definition of «psychological competence of a forensic expert», suggests its structure. The question of determining the scientific basis for the formation of the psychological competence of a forensic expert while training in the specialty 40.05.03 «Forensic examination» is considered. The conclusion is made about the need for a comprehensive scientific approach to the development of the discipline «Psychology of forensic activity», since now there are problems in the training of a forensic expert.

Keywords: psychological competence, forensic expert, training of forensic experts, psychology of forensic activity

For citation: D'yakonova O. G. Formation of psychological competence in the process of training a forensic expert. Bulletin of economic security. 2023;(1):68–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-68-74>.

Взаимодействие эксперта и других участников судопроизводства осуществляется в рамках системы «человек-человек». И, как верно отмечает Н. П. Майлис,

профессиональная деятельность эксперта сопряжена со множеством нравственных проблем, порожденных спецификой целей, содержания, форм, методов и средств де-

© Дьяконова О. Г., 2023

тельности. К общим моральным нормам, выражающим основные нравственные начала у процессуальных субъектов, относятся, в первую очередь, принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и самокритичность [9, с. 31]. Для обеспечения надлежащего взаимодействия, основанного на принципах взаимоуважения, самостоятельности, ответственности, требуется определенный уровень компетентности эксперта, выражающийся в его способности коммуницировать. На реализацию этой способности в первую очередь влияет психологическая компетентность судебного эксперта.

1. Психологическая компетентность судебного эксперта (ПК СЭ).

«Психологическая компетентность» выступает предметом изучения психологии, в первую очередь в рамках такого раздела как акмеология¹.

Большинство ученых исследовали психологическую компетентность применительно к особенностям ее формирования у педагогов. Исследования Г. И. Метельского и Н. В. Кузьминой привели нас к выводу, что «психологическая компетентность рассматривается как система знаний, умений и навыков, которые обеспечивают будущему учителю не только общепсихологическую подготовленность, но и высокий уровень профессионального самосознания, умения управлять своими психическими состояниями» [3, с. 25]. Ж. Г. Гаранина считает, что психологическая компетентность специалиста является одним из внутренних инструментов успешной профессиональной деятельности и представляет собой особое психическое образование личности, включающее психологические знания, психологическое мышление и систему практических умений и навыков межличностного воздействия [4, с. 26].

А. Л. Бусыгина определяет психологическую компетентность как «сложное системное образование, проявляющееся в успешном решении жизненных задач. Развитие базового компонента психологической компетентности – аутопсихологической компетентности – позволяет актуализировать и восполнять, расширять индивидуальную ресурсность человека, использовать психологические ресурсы своего здоровья» [3, с. 26].

По мнению И. С. Якиманской, психологическая компетентность – это совокупность знаний, умений и навыков по психологии; четкость позиции в отношении роли психологии в профессиональной деятельности педагога; умение использовать психологические знания в работе; умение видеть за поведением ребенка его состояние, уровень развития познавательных процессов,

эмоционально-волевой сферы, черт характера, способность ориентироваться, оценивать психологическую ситуацию в отношениях с ребенком и коллективом детей и избирать рациональный способ общения [8, с. 30].

Е. Н. Каменская под психологической компетентностью понимает умение интегрировать психологические, педагогические, профессиональные знания для решения практических задач, обучения, воспитания, обеспечивающее высокий уровень профессионального самопознания [7, с. 97].

Несмотря на то, что большая часть работ нацелена на изучение психологической компетентности педагогов, следует подчеркнуть, что психологическая компетентность присуща всем видам профессиональной деятельности. Хотя на монографическом уровне отсутствуют исследования, непосредственно посвященные изучению ПК СЭ, однако есть отдельные труды, в которых исследуются вопросы становления и развития компетентности судебного эксперта-психолога [5; 16]. О психологических и этических качествах эксперта писал и И. Н. Сорокотягин. Автор не акцентировал внимание на определении психологической компетентности, но размышляя о коммуникативной деятельности эксперта, межличностных отношениях, профессиональном такте, писал и о психологических качествах судебного эксперта [17, с. 204]. Многие работы Н. П. Майлис посвящены психологии и этике судебного эксперта [9; 10; 11]. В учебнике по теории судебной экспертизы под редакцией Е.Р. Россинской с 2009 года размещена глава «Психологические особенности деятельности судебного эксперта» [15, с. 274–304], дополняемая в последующих переизданиях.

В целом под психологической компетентностью судебного эксперта предлагается понимать *психическую организацию личности, объединяющую психологические знания, психологическое мышление и систему практических умений и навыков межличностного воздействия, а также взаимодействия судебного эксперта с иными участниками юрисдикционной деятельности, обеспечивающих достижение высшей ступени индивидуального развития личности в целях эффективной реализации судебно-экспертной деятельности на профессиональном уровне.*

Приведенное определение охватывает ПК СЭ всех судебных экспертов, но в то же время эта компетентность «специализируется» в зависимости от направленности специальных знаний. Поскольку ПК СЭ гармонично дополняет профессиональную компетентность, складывающуюся из специальных знаний и практических навыков судебного эксперта в той или иной области.

Психологическая компетентность имеет структуру. Так, Ж. Г. Гаранина в качестве структурных компонентов психологической компетентности выделяет когнитивный (интеллектуальный) и практический компоненты. «Когнитивный компонент включает систему психологических знаний и психологическое мышление. Психологические знания формируются либо стихийно,

¹ Акмеология (греч. *акме* – вершина, *logos* – учение) является разделом психологии развития, который изучает высшую ступень индивидуального развития личности и механизмы, сопутствующие ее достижению. наука не только выявляет механизмы, соответствующие достижению «акме», но также занимается разработкой модели поведения молодого человека (в частности, в детстве и юности), которая позволит ему максимально приблизиться к «акме» в зрелом возрасте (Глоссарий. Психологический словарь. <https://www.psychologies.ru/glossary/01/akmeologiya/>).

либо на основе специального обучения, при этом стихийным путем формируется большинство житейских психологических понятий. Это происходит в ходе повседневной практики личного общения и усвоения житейского психологического опыта познания других людей. Житейские знания отличаются низким уровнем точности и достоверности, высоким субъективизмом, повышенной зависимостью от эмоциональной и мотивационно-потребностной сферы личности, у них слабая осознаваемость и устойчивость по отношению к обучающему воздействию» [4, с. 24]. Описывая научные психологические знания, Ж. Г. Гаранина отмечает, что они представляют собой более «правильное и объективное отражение психологической реальности, поэтому одной из важнейших задач психологической подготовки специалистов является формирование у них научных психологических знаний. Следует согласиться с тем, что психологические знания должны быть «пронизаны» конкретным предметно-профессиональным содержанием, т.е. специалист должен видеть психологическое содержание в каждой конкретной профессиональной ситуации» [4, с. 25].

В свою очередь, психологическое мышление, по мнению Ж. Г. Гараниной можно определить как систему социальных по происхождению, опосредованных по структуре и диалогических по сущности умственных действий и операций, с помощью которых осуществляется межличностное познание. «Психологическое мышление направлено на познание психологической реальности, возникает и развивается в контексте реального межличностного взаимодействия» [4, с. 27].

Особенности психологического мышления определяются конкретным направлением профессиональной деятельности, т.е. психологическое мышление судебного эксперта можно представить как профессиональное мышление, направленное на решение задач судебно-экспертной деятельности в целом и отдельных исследований, осуществляемых конкретным экспертом, в частности.

Одним из основных составляющих практического компонента психологической компетентности, по мнению Ж. Г. Гараниной является психологическое воздействие, которое по своей психологической сущности выступает как акт, содействующий самоизменению поведения и субъективных характеристик другого человека [4, с. 30].

Н. В. Кузьмина выделяет в рамках психологической компетентности нескольких взаимосвязанных подструктур: 1) социально-перцептивная компетентность включает знание людей, ее основу составляет наблюдательность и проницательность; 2) социально-психологическая компетентность – закономерности поведения, деятельности и отношений человека, включенного в профессиональную группу; 3) аутопсихологическая компетентность – самопознание, самооценка, самоконтроль, умение управлять своим состоянием и работоспособностью, самоэффективность; 4) коммуни-

кативная компетентность включает знания о различных стратегиях и методах эффективного общения; 5) психолого-педагогическая компетентность – знания методов осуществления влияния [8, с. 31].

Психологическая компетентность, по мнению В. Ш. Масленникова, Г. М. Зиннатова рассматривается в контексте трех модальностей – когнитивного (психологическая грамотность, открытая познавательная позиция по отношению к другому человеку и себе, направленность внимания на другого, совокупность личностных интересов в различных сферах), эмоционального (связан с осуществлением конструктивной эмоциональной активности в повседневной жизни, а также при решении сложных ситуаций, особенно выделяются эмпатия, психоаналитическое качество и культура психологической саморегуляции) и поведенческого (своевременность, уместность и достаточность проявления регуляторно-волевой активности на основании высокого уровня сформированности культуры личности) [12, с. 51].

Исследуя плоскости деятельности эксперта, А. А. Тхакохов выделяет спектральную (деятельностную) и субъектную плоскости, в последнюю включается внутренний и внешний аспекты деятельности: физиологический, двигательный, психологический, этический [18, с. 428]. Следует согласиться с необходимостью выделения этической составляющей, которая формируется наряду с психологической компетентностью. Об этом свидетельствуют и многочисленные труды ученых в области философии, психологии и этики.

Е. Н. Каменская приводит модель структуры психологической компетентности преподавателя вуза, включая в нее мотивационно-волевой блок (мотивы, цели, потребности, ценностные установки, стимулирует творческое проявление личности в профессии; наличие интереса к профессиональной деятельности); функциональный блок (психологические знания, умения, навыки, т.е. компетентность в сфере индивидуально-психологических особенностей человека, социально-психологическая компетентность, психолого-педагогическая компетентность; рефлексивный блок (умение сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного развития, личностных достижений; сформированность таких качеств и свойств, как креативность, инициативность, нацеленность на сотрудничество, сотворчество, склонность к самоанализу, т.е. включает аутопсихологическая компетентность) [7, с. 97].

Социально-психологическая и коммуникативная компетентности тесно связаны с конфликтологической компетентностью. Конфликтологическая компетентность, по мнению Е. С. Царевой, рассматривается в качестве когнитивно-регуляторной подсистемы личности, включающей соответствующие знания и умения. Под конфликтологической компетентностью понимают готовность и способность личности к предотвращению вероятных и конструктивному разрешению уже имеющихся конфликтов [19].

Полагаем, что она формируется прежде всего при создании коммуникативной компетентности. Поскольку именно в рамках конфликтологии происходит «понимание природы противоречий и конфликтов между людьми; формирование конструктивного отношения к конфликтам в организации; умение оценивать и объяснять возникающие проблемные ситуации; обладание навыками неконфликтного общения в трудных ситуациях; наличие навыков управления конфликтными явлениями; умение развивать конструктивные начала возникающих конфликтов; умение предвидеть возможные последствия конфликтов; умение конструктивно регулировать противоречия конфликтов; наличие навыков устранения негативных последствий конфликтов» [1, с. 143].

Структурно ПК СЭ можно представить следующим образом: 1) гносеологический компонент, включающий теоретические знания в области психологии (акмеологии) и психологическое мышление, формируемое на основе этих знаний, а также на основе эмоционального восприятия окружающей действительности; 2) аутопсихологический компонент включает умения управлять своим состоянием, самоанализ, самоорганизованность, саморазвитие; 3) деятельностный (поведенческий) компонент включает психологическое воздействие (как поведение судебного эксперта влияющего на его деятельность и на поведение других участников юрисдикционной деятельности), знания и навыки о методах эффективной коммуникации, готовность к предотвращению и решению конфликтов.

Каждый компонент нацелен на формирование составляющих психологической компетентности. Соответственно: гносеологический формирует научно-психологическую компетентность и перцептивную компетентность; аутопсихологический формирует индивидуально-психологические особенности по контролю, самоорганизации, самопознанию; поведенческий или деятельностный компонент формирует социально-психологическую, коммуникативную и конфликтологическую компетентность.

2. Особенности подготовки судебного эксперта в целях формирования психологической и конфликтологической компетентности.

Подготовка судебного эксперта в настоящее время проводится по ряду направлений, которые подробно исследовались ранее [6]. Полагаем, что формирование ПК СЭ – составная часть профессиональной подготовки судебного эксперта.

Подготовка эксперта должна осуществляться в целях формирования психологической компетентности, психологического мышления, соответствующего профессиональной деятельности. Как верно отмечает Ж. Г. Гаранина, формирование личности человека занимает длительное время, в связи с чем «установившиеся личностные структуры в условиях учебного процесса практически не поддаются изменению. ...Коррекция должна быть направлена в первую очередь на когнитивный компонент психологической компетентности, на та-

кие его составляющие как психологическое мышление, психологические знания, представления о содержании профессиональных ситуаций и способах их решения. ...Важное место в психологической подготовке специалистов должна занимать задача формирования практических умений и навыков межличностного взаимодействия» [4, с. 25].

На формирование ПК студента – будущего судебного эксперта – в процессе обучения при получении высшего образования влияют различные внешние и внутренние факторы, в том числе уровень развития общества и государства, климат, идеология, культура и религия, дружественное окружение, семья и социальное взаимодействие, а также личностные особенности конкретного индивида. И раньше, и сейчас в рамках подготовки будущих судебных экспертов происходит формирование психологической компетентности, однако исследователи подчеркивают наличие проблем. Так, еще в 1999 г. Ж. Г. Гаранина отметила, что причиной низкого уровня психологической компетентности соответствующих специалистов являются следующие недостатки обучения в вузе: формализм, академизм, оторванность от жизни, а также ограниченность во временном и в содержательном плане. Все эти изъяны имеются и сейчас.

Г. С. Помаз также отмечает ряд проблем, препятствующих формированию психологической и конфликтологической компетентности курсантов вузов МВД России: недостаточный уровень профессионально-психологической подготовки самих преподавателей психологии и проблемы с обеспечением учебного процесса качественной и достаточной по количеству учебной психологической литературой. Можно поддержать ее предложение относительно повышения активности личностного взаимодействия преподавателей с курсантами в ходе совместной образовательной деятельности, а также профилактики возникновения профессиональных деформаций. Однако вряд ли можно согласиться с предложением ограничить использование отечественной литературы по психологии (Л. С. Рубинштейн, А. В. Петровский), не свободной от идеологической позиции и «перегруженный теорией», в угоду использования «любого классического американского учебника, который принципиально эклектичен, в нем соседствуют самые разные противоположные психологические концепции и теории, изложенные некритически» [14, с. 125]. Без сомнения, следует учитывать зарубежные научные разработки в области психологии, однако отказываться от использования учебной литературы, ставшей «классической», по меньшей мере, выглядит странным. К тому же подвергая сомнению качество современной отечественной литературы и учебников по психологии, не стоит забывать о том, что слово «зарубежное» также не равнозначно термину «качество».

Осмысливая подготовку сотрудников правоохранительных органов, Л. Г. Бикчнтаева справедливо отмечает необходимость формирования общей и специальной

психологической компетентности этих субъектов, в том числе за счет введения единой системы знаний, которыми должен обладать обучающийся по каждой учебной дисциплине при реализации межпредметных требований к формированию профессионально-психологических компетенций [2, с. 298]. Такой подход рационален и может быть использован при обучении будущих судебных экспертов. Однако возникает вопрос, какие науки выступают базовыми для разработки учебных дисциплин, включаемых в образовательную программу в целях формирования ПК СЭ.

Бесспорно, в первую очередь, это научные положения в области психологии (акмеологии) и конфликтологии.

В то же время для формирования профессиональной психологической компетентности и конфликтологической компетентности необходимо понимание специфики профессии судебного эксперта, а, следовательно, необходимо опираться на знания в области судебной экспертологии. Следует поддержать мнение Е. Р. Росинской, которая включает психологические основы профессиональной деятельности судебного эксперта и профессиональную этику судебного эксперта в качестве подразделов в разделе 3 «Организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности». В предлагаемой нами структуре этот раздел судебной экспертологии расширен за счет включения применения и использования специальных знаний в различных видах юрисдикционной деятельности, не только в рамках судопроизводства. Поскольку к экспертам могут обращаться и при осуществлении налогового и таможенного контроля, и в других видах юрисдикционной деятельности. Подчеркнем, что фигура эксперта является единой для всех видов юрисдикционной деятельности, следовательно, должны быть единообразно урегулированы правовой статус, но и требования к компетентности и подготовке эксперта в целях формирования ПК СЭ.

Важной составляющей выступают разработки в области этики, прежде всего профессиональной этики. В целом можно поддержать предложение К. М. Мыскиной о введении отдельной дисциплины «Судебно-экспертная этика» для специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» [13, с. 132–144]. В противном случае такому разделу (модулю) в рамках дисциплины «Теория судебной экспертизы» должно отводиться больше места, нежели это выделяется сейчас.

При этом подчеркнем, если дисциплину «Судебно-экспертная этика», как самостоятельную осуществляемую, так и в качестве раздела «Теории судебной экспертизы», вполне может преподавать специалист в области судебной экспертологии, то формирование психологической компетентности должно осуществляться в первую очередь психологом – в рамках соответствующей учебной дисциплины. Следует отметить, что такой преподаватель должен обладать знаниями как минимум в области психологии, а также судебной экспертологии.

ПК СЭ формируется в процессе изучения целого ряда дисциплин, как обще-юридических, например, процессуальные дисциплины, трудовое право, уголовное право и др., так и специальных, начиная с теории судебной экспертизы, дисциплин специализации. Но в рамках общей дисциплины «Юридическая психология» у будущих судебных экспертов, обучающихся по специальности 40.05.03, не может формироваться именно ПК СЭ. Изучение данной дисциплины в большинстве вузов не предполагает освоение психологии судебно-экспертной деятельности, а затрагивает общие аспекты психологии и некоторые особенности психологии юридической деятельности. В этой связи в целях формирования ПК СЭ представляется необходимым введение дисциплины «Психология судебно-экспертной деятельности». Преподавание данной дисциплины позволит сформировать базовый уровень ПК СЭ, поскольку она будет выступать его основой. А в совокупности с другими специальными дисциплинами изучение «Психологии судебно-экспертной деятельности» обеспечит качественное формирование ПК СЭ.

Выводы:

1) Психологическая компетентность судебного эксперта представляет собой психическую организацию личности, объединяющую психологические знания, психологическое мышление и систему практических умений и навыков межличностного воздействия, а также взаимодействия судебного эксперта с иными участниками юрисдикционной деятельности, обеспечивающих достижение высшей ступени индивидуального развития личности в целях эффективной реализации судебно-экспертной деятельности на профессиональном уровне.

2) Формирование ПК СЭ осуществляется в рамках первоначальной подготовки судебного эксперта, в том числе по специальности 40.05.03. Для качественной подготовки предлагается разработка и введение учебной дисциплины «Психология судебно-экспертной деятельности», которая должна базироваться на комплексных знаниях нескольких наук: психологии (акмеологии), этики, конфликтологии и судебной экспертологии.

Список источников:

1. Агафонов А. В. Конфликтологическая компетентность выпускников вуза // Научный вестник МГТУ ГА. 2015. № 215. С. 140–144.

2. Бикчинтаева Л. Г. Психологические составляющие профессиональной компетентности в контексте ее формирования у обучающихся образовательной организации МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 296–300.

3. Бусыгина А. Л. Психологическая компетентность (грамотность) студентов педагогических вузов как основа психологического здоровья будущего педагога // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2014. № 2 (22). С. 24–28.

4. Гаранина Ж. Г. Психологическая компетентность будущего специалиста: На материале экономики

управленческих профессий : дис. ... канд. психол. наук. Казань, 1999. 183 с.

5. Дорошева О. А. Психолого-акмеологические особенности становления судебного психолога-эксперта в процессе профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2010. 23 с.

6. D'iakonova O. G. (2020). Modern directions of forensic experts primary training. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 13(10), 1662–1670. 0,9 п.л. DOI: 10.17516/1997-1370-0672.

7. Каменская Е. Н. Психологическая компетентность преподавателя вуза: понятие и структура // *Вестник Таганрогского института управления и экономики*. 2009. №1. С. 95–99.

8. Ковалева Е. А. Психологическая компетентность педагога как фактор развития его профессиональной деятельности // *Ученые записки ИУО РАО*. 2019. 1 (69). С. 29–32.

9. Майлис Н. П. *Моя профессия – судебный эксперт* : монография. М., 2018. 291 с.

10. Майлис Н. П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // *Судебная экспертиза Беларуси*. 2017. № 1 (4). С. 28–32.

11. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 030900.68 «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2019. 255 с. Текст : электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1028788>

12. Масленникова В. Ш., Зиннатова Г. М. Формирование психологической компетентности специалиста правовой сферы на основе культуры личности // *Казанский педагогический журнал* 2018. № 3. С. 50–54.

13. Мыскина К. М. Судебно-экспертная этика: теоретические, правовые и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 211 с.

14. Помаз Г. С. Роль психологии как науки и учебной дисциплины в формировании профессиональной психологической компетентности курсантов вузов МВД России // *Научный портал МВД России*. 2010. № 4. С. 124–128.

15. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма, 2009. 384 с.

16. Сафуанов Ф. С. Вопросы подготовки и повышения квалификации медицинских психологов судебно-психиатрических экспертных учреждений. М. : Московский городской психолого-педагогический университет: ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН, 2013. С. 242–249.

17. Сорокотягин И. Н. Профессиональная этика юриста : учебник для бакалавриата и специалитета / И. Н. Сорокотягин, А. Г. Маслеев. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 262 с. // *Образо-*

вательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/432020> (дата обращения: 11.10.2022).

18. Тхакохов А. А. Криминалистические и психологические аспекты деятельности судебного эксперта // *Молодой ученый*. 2014. № 19. С. 427–429.

19. Царева Е. С. Реализация социально-психологических технологий формирования конфликтологической компетентности личности // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-sotsialno-psihologicheskikh-tehnologiy-formirovaniya-konfliktologicheskoy-kompetentnosti-lichnosti> (дата обращения: 11.10.2022).

References

1. Agafonov A. V. Conflictological competence of university graduates // *Scientific Bulletin of MSTU of CA*. 2015. No. 215. P.140–144.

2. Bikchintayeva L. G. Psychological components of professional competence in the context of its formation among students of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2,019. No. 4. P. 296–300.

3. Busygina A. L. Psychological competence (literacy) of students of pedagogical universities as the basis of psychological health of a future teacher // *Vestn. Sam. gos. tech. un-ta. Ser. Psychological and pedagogical sciences*. 2014. No. 2 (22). P. 24–28.

4. Garanina Zh. G. Psychological competence of a future specialist: On the material of economic and managerial professions: dis. ... cand. psychol. sciences. Kazan, 1999. 183 p.

5. Dorosheva O. A. Psychological and acmeological features of the formation of a forensic psychologist-expert in the process of professional activity: abstract. dis. ... cand. psychological sciences. Rostov-on-Don, 2010. 23 p.

6. D'iakonova O. G. (2020). Modern directions of forensic experts primary training. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 13(10), 1662–1670. 0,9 п.л. DOI: 10.17516/1997-1370-0672.

7. Kamenskaya E. N. Psychological competence of a university teacher: concept and structure // *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. 2009. No. 1. P. 95–99.

8. Kovaleva E. A. Psychological competence of the teacher as a factor in the development of his professional activity // *scientific notes of iuo RAO*. 2019. 1(69). P. 29–32.

9. Maylis N. P. *My profession – legal expert*: monograph. М., 2018. 291 p.

10. Maylis N. P. Etiquette of a forensic expert as a component of professional ethics in forensic expert activity // *Forensic examination of Belarus*. 2017. No. 1 (4). P. 28–32.

11. Maylis N. P. Theory and practice of forensic examination in evidence. Special course: study. a manual

for university students studying in the field of training 030900.68 «Jurisprudence». 2nd ed., reprint, and additional. M. : UNITY-DANA: Law and Law, 2019. 255 p. Text: electronic. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1028788>.

12. Maslennikova V. Sh., Zinnatova G. M. Formation of psychological competence of a specialist in the legal sphere based on personality culture //Kazan Pedagogical Journal 2018. No. 3. P. 50–54.

13. Myskina K. M. Forensic ethics: theoretical, legal and organizational aspects: dis. ... Cand. of Law Sciences. M., 2022. 211 p.

14. Pomaz G. S. The role of psychology as a science and an academic discipline in the formation of professional psychological competence of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4. P. 124–128.

15. Rossinskaya E. R. Theory of forensic examination: textbook / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin; edited by E. R. Rossinskaya. M. : Norm, 2009. 384 p.

16. Safuanov F. S. Issues of training and advanced training of medical psychologists of forensic psychiatric expert institutions. M. : Moscow City Psychological and Pedagogical University: «Scientific Center of Mental Health» of the Russian Academy of Medical Sciences, 2013. P. 242–249.

17. Sorokotyagin I. N. Professional ethics of a lawyer: textbook for bachelor's degree and specialty / I. N. Sorokotyagin, A. G. Masleev. 3rd ed., reprint, and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 262 p. // Educational platform Yurayt [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/432020> (accessed: 11.10.2022).

18. Thakokhov A. A. Criminalistic and psychological aspects of the activity of a forensic expert // Young scientist. 2014. No.19. P. 427–429.

19. Tsareva E.S. Implementation of socio-psychological technologies for the formation of conflictological competence of the individual // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-sotsialno-psihologicheskikh-tehnologiy-formirovaniya-konfliktologicheskoy-kompetentnosti-lichnosti> (accessed: 11.10.2022).

Информация об авторе

О. Г. Дьяконова – профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. G. D'yakonova – Professor of the Department of Forensic Expertise of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-75-78>

НИОН: 2015-0066-1/23-600

MOSURED: 77/27-011-2023-01-799

Служебно-правовая модель регулирования дисциплинарно-трудовых отношений в системе государственной службы

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
vz15111982@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению основных концептуальных моделей регулирования дисциплинарно-трудовых отношений в системе государственной службы. Анализируются преобладающие в современной науке государственного управления подходы к построению трудовых правоотношений и их характерные черты. На основе их системного анализа описывается оптимальная конструкция служебно-правовой модели и структура ее построения в целях гармонизации и унификации нормативно-правовых актов в рамках формирования служебного права как подотрасли административного права.

Ключевые слова: служебная дисциплина, законность, дисциплинарно-трудовые отношения, трудовое право, административное право, государственное управление, органы внутренних дел

Для цитирования: Журавлев В. В. Служебно-правовая модель регулирования дисциплинарно-трудовых отношений в системе государственной службы // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 75–78. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-75-78>.

Original article

Service-legal model of regulation of disciplinary and labor relations in the public service system

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the main conceptual models of regulation of disciplinary and labor relations in the public service system. The approaches to the construction of labor legal relations prevailing in the modern science of public administration and their characteristic features are analyzed. On the basis of their system analysis, the optimal design of the service-legal model and the structure of its construction are described in order to harmonize and unify legal acts in the framework of the formation of service law, as a sub-branch of administrative law.

Keywords: service discipline, legality, disciplinary and labor relations, labor law, administrative law, public administration, internal affairs bodies

For citation: Zhuravlev V. V. Service-legal model of regulation of disciplinary and labor relations in the public service system. Bulletin of economic security. 2023;(1):75–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-75-78>.

Изучение истоков зарождения и закономерностей дальнейшего развития государственной службы приводит к мысли о том, что без сбалансированного, правильно сформированного и квалифицированного управленческого аппарата общество и государство существовать не могут. Организация работы органов власти требует не просто всестороннего упорядочивания их деятельности, а построения целостностной модели, отвечающей современным реалиям и обеспечивающей эффективность работы государственных служащих, наделения их

особым правовым статусом. Он определяется совокупностью их исключительных прав и властных полномочий, делегируемых для реализации отдельных государственных функций, а также повышенных обязательств, запретов и ограничений, налагаемых в силу публичного характера их деятельности, социальных гарантий и преференций, обосновывающих дополнительные требования к поведению, как на службе, так и в быту.

Традиционно ученые, занимающиеся вопросами построения концептуальной модели государственной

© Журавлев В. В., 2023

службы, выделяют три подхода к ее регулированию: административно-правовой, трудо-правовой, служебно-правовой.

Сторонники административно-правовой концепции (Г. В. Атаманчук, Ю. Н. Стариков, А. А. Гришковец, А. Ф. Ноздрачев, С. Е. Чаннов) исходят из необходимости организации деятельности исполнительных органов государственной власти на основе норм административного права. Наибольшее развитие рассматриваемая модель получила в научных исследованиях советского периода, которые «были ориентированы на полное подчинение государственных служащих государству в лице руководителя государственного органа» [1, с. 96–100].

Сторонники трудо-правовой модели регулирования государственной службы исходят из того, что термины «трудовая деятельность» и «служебная деятельность» представляют собой в целом тождественные понятия. Ее развитие пришлось на вторую половину XX века в ряде стран с развитой рыночной экономикой. Последователи данной модели, в большинстве своем специалисты в области трудового права (К. Н. Гусов, С. А. Иванов, Е. А. Ершова, Т. А. Нестерова, О. В. Смирнов, В. Н. Толкунова, Л. А., Чиканова, В. Ш. Шайхатдинов) исходят из необходимости распространения на государственных служащих всех норм, содержащихся в трудовом праве, целесообразности повсеместного использования и усиления коллективно-договорного начала, в отказе от принципа одностороннего установления условий труда государством, которое следует признавать простым работодателем, состоящим со своими служащими в отношениях найма [1, с. 96–100].

Служебно-правовая модель построения отношений в сфере государственного управления получила свое распространение сравнительно недавно. Несмотря на это в последние годы в научных работах к ней все чаще склоняются исследователи проблем государственной службы (Б. Н. Габричидзе, Р. И. Гимаев, И. А. Дякина, Ю. Н. Стариков, С. Е. Чаннов, и др.). Ее концепция основана на возможности и необходимости формирования служебного права как под отрасли публичного права в рамках административно-правовой модели, регулирующей специфические правоотношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере государственной службы и управления. По мнению И. А. Дякиной, которое, впрочем, подвергается критике рядом ученых правоведов [2, с. 268; 10, с. 8], служебное право следует рассматривать как самостоятельную отрасль, которая «характеризуется признаком комплексности, то есть унифицированностью понятий, категорий и однотипностью правового материала» [3, с. 3–15]. Действительно, необходимость выделения самостоятельного правового направления, регулирующего определенный круг общественных отношений, в том числе и сферу государственной службы, возникает в тот исторический период, когда существующая правовая система не способна эффективно разрешать возникающие проблемы или регулировать имеющиеся противоречия. Трудно не

согласится, что приведенные концепции явственно свидетельствуют о том, что существующие вопросы не могут быть решены только в рамках одной из отраслей права: трудового или административного. Как подчеркивает профессор Д. А. Керимов развитие права представляет собой нескончаемый процесс, сопровождаемый накоплением знаний, замене существующих концепций новыми. Он состоит из двух фаз. На первой – эволюционной – происходит медленное формирование системы знаний и их постепенное обогащение информацией. Вторая фаза – революционная – характеризуется взрывным изменением устоявшихся взглядов, идей и научных традиций, которая, в свою очередь, приводит к замене старых парадигм новыми [4, с. 345]. Таким образом, революционная фаза, сменяя эволюционную, подталкивает ученых к поиску и созданию новых правовых моделей, отвечающих существующим реалиям, знаменует начало иного научного мышления.

Выскажем мнение, что позиция отдельных ученых [5, с. 216; 6, с. 105–108] о полном отказе от норм трудового права, являются, по нашему мнению, шагом слишком радикальными. Полагаем, что формирование служебного права должно основываться не на разделении «отраслей-доноров» на «белые» и «черные», «подходящие» и «не подходящие», а на выделении из них и заимствовании только тех норм и институтов, которые наиболее соответствуют регулированию конкретной сферы правоотношений и будут способствовать повышению эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности, а не вносить противоречия и создавать пробелы. Поддержим мнение профессора Д. А. Керимова, который отмечает, что взаимодействие наук вызвано потребностью самой науки в развитии, необходимостью повышения результативности и качества проводимых исследований. «Современная общественная практика ставит перед наукой такие комплексные задачи, которые не в состоянии решить порознь каждая отдельная отрасль знания. Их решение возможно лишь при сотрудничестве, проникновении одних в другие и взаимодействии наук... Приходится, однако, признать, что такое сотрудничество, взаимопроникновение и взаимодействие пока, не налажено» [4, с. 61].

В этой связи освобождение законодательства от норм и институтов, диссонирующих со служебным правом, является закономерным и правильным решением, которое обеспечит гармонизацию правоотношений в сфере государственного управления. В свою очередь, отказ от норм в рамках любой из отраслей, сложившихся и успешно применяемых на протяжении длительного периода и соответствующих существующим реалиям государственно-служебных отношений, будет являться негативным фактором, замедляющим развитие служебного права. Принятие такого решения в отношении норм трудового права, например, в части изменения продолжительности рабочей недели, режима труда и отдыха, потребует создания новой модели, которая должна содержать положения отличные от тех, которые были при-

знаны негодными или чуждыми рассматриваемой сфере отношений. То есть на «зло» трудовому праву право служебное должно предусматривать иную продолжительность рабочей недели, количество часов которой будет больше или меньше сорока. В ином случае принципиальных отличий от норм трудового права не будет, что, в свою очередь, не позволит говорить об уникальности и аутентичности права служебного.

Поддержку приведенной авторской позиции можно найти в работе Я. К. Евстафиади, который системно отстаивает бессмысленность выстраивания приоритета норм трудового права или норм административного права в регулировании государственно-служебных отношений и предлагает «стремится к изменению в сторону создания правовой основы и концептуального подхода, типичного для всех известных видов государственной службы в диалектическом единстве» [7, с. 16].

Во многом схожую позицию занимает А. В. Гусев, который в своих трудах предлагает формирование универсальной концепции государственной гражданской службы и закономерно отмечает, что ее не следует рассматривать однобоко, т. е. только как институт ведения публичных дел с одной стороны или как наемный труд в органах государственной власти с другой. Он справедливо отмечает, что «деятельность служащих должна быть организована, регулироваться и оцениваться с учетом того, что эта служба осуществляется в форме профессионального труда, содержит социально-трудовой компонент и потому нуждается в адекватных средствах и способах организации, управления, профессионально-личностной мотивации, стимулирования, контроля, то есть подразумевает использование в ее регулировании трудо-правового инструментария» [8, с. 12–13].

Таким образом, формирование служебно-трудовой модели государственной службы видится в симбиозе трудо-правовой и административно-правовой моделей, который выражается в заимствовании отдельных наиболее проработанных институтов и норм, доказавших свою эффективность, и их адаптация с учетом специфики деятельности конкретного органа государственной власти и специального правового статуса государственного служащего. Итогом такой нормотворческой работы должна стать выработка и утверждение концепции обозначенной правовой модели регулирования государственной службы, а на ее основе создание и выделение служебного права в качестве самостоятельной под отрасли административного права. Нельзя не признать, что решение поставленной задачи является сложным, длительным и далеко не одномоментным процессом. По справедливому утверждению А. Ф. Шебанова «отрасль права, будучи структурным элементом системы права, представляет собой историческое явление, и ее образование связано со значительным по времени и масштабам процессом эволюционного развития» [9, с. 9].

Решение комплексной задачи по формированию служебного права, регулирующего вопросы построе-

ния и функционирования института дисциплинарно-трудовых отношений в сфере государственной службы, видится крайне непростой проблемой, что обуславливается его достаточно сложной системой междисциплинарных связей, на которые оказывают существенное влияние нормы большого числа отраслей права: конституционного, административного, уголовного, трудового и других. Отмеченная преемственность и взаимообмен отдельными нормами и даже правовыми институтами, которые, как отмечалось ранее, имеют межотраслевую принадлежность, не является необычной для российского законодательства. Как справедливо отмечает С. Е. Чаннов, «это вполне естественно, так как границы между отраслями права не являются какими-то монолитами, а представляют в ряде случаев достаточно размытые образования, да и сами отрасли права в законодательстве четко не выделены, а являются теоретическими конструкциями» [6, с. 105–108]. Выскажем частное мнение о том, что формирование концептуальной модели государственно-служебных отношений не должно происходить на фоне полного отказа от использования норм и институтов отдельных отраслей права, «чуждых» праву служебному. Система его построения должна быть не менее чем двухуровневая. На первом уровне, который следует рассматривать как ядро, должны находиться межотраслевые конструкции общих институтов конституционного, административного, уголовного, трудового и иных отраслей права, зарекомендовавших свою эффективность в правоприменительной практике и оказывающих положительное влияние на регулирование государственно-служебных отношений. На втором уровне служебное право должно представлять собой систему специальных норм, конкретизированных и максимально унифицированных для всех видов государственной службы, что способствовало бы их будущей кодификации. В этой связи многочисленные споры и суждения о том следует ли считать служебное право самостоятельной отраслью, или под отраслью административного права, его месте в структуре общей или особенной части последнего на сегодняшний день являются преждевременными, поскольку реформирование служебно-правового законодательства, регулирующего дисциплинарно-трудовые отношения в сфере государственного управления, находится на начальном этапе своего развития и требует дальнейшего совершенствования.

Список источников

1. Миннигулова Д. В. Концептуальные подходы к модели правовых отношений на государственной гражданской службе // Государство и право. 2011. № 8.
2. Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1 // Гражданское право : избранные труды. М., 2000.
3. Дякина И. А. Служебное право как комплексная отрасль права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

4. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / 2- изд. М. : Аванта+, 2001.

5. Стариллов Ю. Н. Государственная служба в Российской Федерации. Теоретико-правовое исследование. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1996.

6. Чаннов С. Е. Службное право как формирующаяся отрасль российского права // Власть. 2011. № 1.

7. Евстафиади Я. К. Административно-правовое регулирование государственной службы сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.

8. Гусев А. В. Российская государственная гражданская служба : проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

9. Шебанов А. Ф. Система советского социалистического права. М., 1961.

10. Киримова Е. А. Правовой институт : понятие и виды : учебное пособие / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов : СГАП, 2000.

References

1. Minnigulova D. V. Conceptual approaches to the model of legal relations in the state civil service // State and law. 2011. № 8.

2. Ioffe O. S. Development of civilistic thought in the USSR. Part 1 // Civil law: selected works. M., 2000.

3. Dyakina I. A. Service law as a complex branch of law : abstract of the dis. ... Dr. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2007.

4. Kerimov D. A. Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law) / 2nd ed. M. : Avanta+, 2001.

5. Starilov Yu. N. Public service in the Russian Federation. Theoretical and legal research. Voronezh : Publishing House of Voronezh University, 1996.

6. Channov S.E. Service law as an emerging branch of Russian law // Power. 2011. № 1.

7. Yevstafiadi Ya. K. Administrative and legal regulation of the civil service of employees of internal affairs bodies : abstract. dis. ... cand. of jurid. sciences. Krasnodar, 2017.

8. Gusev A.V. The Russian state civil service : problems of legal regulation : abstract. dis. ... doct. of jurid. sciences. Yekaterinburg, 2009.

9. Shebanov A. F. System of Soviet socialist law. M., 1961.

10. Kirimova E. A. Legal Institute : concept and types : textbook manual / edited by I. N. Senyakin. Saratov : SGAP, 2000.

Информация об авторе

В. В. Журавлев – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev – Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 343.969

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-79-82>

НИОН: 2015-0066-1/23-601

MOSURED: 77/27-011-2023-01-800

Отдельные вопросы обеспечения безопасности в российских школах

Александра Михайловна Зарина^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Основными направлениями предупреждения преступлений в образовательных учреждениях являются: 1) профилактика преступности лиц с психическими отклонениями; 2) принятие надлежащих мер в сфере обеспечения безопасности частными охранными предприятиями. Предложены пути законодательного урегулирования обозначенной проблемы посредством внесения изменений в Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02 июля 1992 г. № 3185-1 и разработки локальных нормативных актов частных охранных предприятий с учетом повышенных требований к сотрудникам по обеспечению охраны жизни и здоровья граждан в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: безопасность, предупреждение преступлений, частное охрannое предприятие, образовательное учреждение, заболевание

Для цитирования: Зарина А. М. Отдельные вопросы обеспечения безопасности в российских школах // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 79–82. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-79-82>.

Original article

Selected security issues in Russian schools

Alexandra M. Zarina^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The main areas of crime prevention in educational institutions are: 1) crime prevention of persons with mental disabilities; 2) taking appropriate measures in the field of security by private security companies. Ways of legislative settlement of the indicated problem are proposed by amending the Law of the Russian Federation «On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision» dated 02.07.1992 № 3185-1 and the development of local regulations of private security companies, taking into account the increased requirements for life protection employees and health of citizens in educational institutions.

Keywords: security, crime prevention, private security company, educational institution, illness

For citation: Zarina A. M. Selected security issues in Russian schools. Bulletin of economic security. 2023;(1):79–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-79-82>.

Сегодня в современных школах актуальной остается проблема осуществления надлежащей безопасности и принятия эффективных мер защиты несовершеннолетних. На наш взгляд, в качестве основных направлений предупреждения преступлений в образовательных учреждениях можно выделить: 1) профилактику преступности лиц с психическими отклонениями; 2) принятие надлежащих мер в сфере обеспечения безопасности частными охранными предприятиями.

Проблема обеспечения безопасности возникает с такой степенью периодичности, как только лицо совершает тяжкое или особо тяжкое преступление в образовательных учреждениях. Так, в Казани в мае 2021 года в гимназии № 175 гражданином Г., который ранее обучался в данном образовательном учреждении, совершено вооруженное нападение, повлекшее смерть многих лиц. В установленное время данный гражданин пришел в гимназию, вооружившись ружьем и взрывоопасными веществами. Увидев школьницу, подходящую к

© Зарина А. М., 2023

учреждению, преступник выстрелил. Вахтер незамедлительно включил систему оповещения, директор образовательного учреждения по громкоговорящей связи оповестил всех о происшествии. Учителя с учениками закрылись в кабинетах. Однако, гражданина Г. никто не остановил, и он прошел внутрь, в последствии убив учительницу и заложив взрывным устройством кабинеты начальных классов. Гражданин Г., продолжив свою преступную деятельность, гулял по гимназии и, обнаружив не закрытый кабинет, убил преподавателя и начал стрельбу по школьникам, которые для избежания опасности выпрыгивали из окон. Люди, которые проживали недалеко от образовательного учреждения, увидев, что дети прыгают из окон, сообщили о произошедшем в полицию. На место происшествия выехали сотрудники Росгвардии и эвакуировали пострадавших. В результате действий правоохранительных органов преступник был вынужден сдаться. Однако, погибло девять человек и 32 получили травмы различного характера.

В ходе проведения предварительного расследования установлено, что гражданин Г. произвел попытку взрыва своего дома. Следует отметить, что оружие было приобретено на законных основаниях, на него получены разрешение и охотничий билет. Свидетели произошедшего пояснили, что видели гражданина Г. с оружием, но не отнеслись к этому с должным вниманием. В последствие судебно-медицинская экспертиза установила у преступника наличие заболевания головного мозга – энцефалопатию.

Также при анализе одного из известных мессенджеров гражданина Г. установлены сообщения с намерениями убийства «большого количества биомусора». Блокировка аккаунта лица произошла после совершения преступления.

В ходе проведения судебного заседания преступник подтвердил все факты расстрела людей, однако не раскался в содеянном. Судья вынес решение о наказании в виде пожизненного заключения [6].

Следует отметить, что мотивами совершения такого вида преступных деяний являются: месть, ревность, терроризм, экстремизм и т. д. Однако, в приведенном примере мы видим, что лицо страдало таким заболеванием как энцефалопатия, которое ранее не было выявлено. Не всегда диагноз в виде психического расстройства влечет за собой асоциальное или преступное поведение лица, все зависит от вида и степени заболевания. В случае, обострения болезни или провоцирующего поведения лица течение заболевание становится тяжелым, перетекает в новые виды, формы и степени. Например, употребляя вместе с таблетками, прописанными врачом наркотические вещества или алкоголь, лицо предумышленно ставит себя в опасное для окружающих состояние. Таких ситуаций в практике достаточно много, однако они носят исключительный латентный характер. В связи с чем, в деятельности правоохранительных органов и органов здравоохранения возникает

большое количество проблем, так как на сегодняшний день законодательно не урегулированы вопросы взаимодействия и лечения таких лиц. Исключение конечно составляют крайние случаи – привлечения к уголовной ответственности, когда необходимо применить принудительные меры медицинского характера. Возникает вопрос: как до этого момента осуществлять профилактику такого рода заболеваний и предупредить возможность совершения преступлений лицами, страдающими психическими заболеваниями, но не подозреваемыми о них, не проходящих необходимые осмотры и в силу своего асоциального поведения усугубляющих свое здоровье.

В ст. 4 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02 июля 1992 г. № 3185-1 [1] обозначена добровольность обращения за психиатрической помощью. Однако необходимо разработать документы по межведомственному взаимодействию правоохранительных органов и органов здравоохранения, а также дополнить данный нормативный-правовой акт ст. 4.1: «В случае необходимости и возникновения обстоятельств, которые явно свидетельствуют о возможном заболевании лица, при подтверждении данных фактов, сотрудники правоохранительных органов и медицинских учреждений в рамках межведомственного взаимодействия имеют право направлять на психиатрическое обследование лиц в принудительном порядке». В данном случае имеется в виду не только работа сотрудников в рамках уголовной, но и административной юрисдикции, а также проверки сообщений о происшествиях. Такая норма конечно в определенной степени ограничивает конституционные права граждан, но ее эффективность заключается в возможности дальнейшего предотвращения большого количество преступлений.

Глава Министерства просвещения С. Кравцов отдал поручение на усиление мер безопасности в образовательных учреждениях. Также следует отметить особый объект охраны – это жизнь и здоровье детей, который обозначен в ст. 41 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [7; 4].

Образовательная организация должна обеспечивать безопасное пребывание на своей территории обучающихся. Под системой безопасности образовательного учреждения понимается комплекс мер, реализуемых государственными органами, сотрудниками образовательных учреждений, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества детей в целях предотвращения внешних и внутренних угроз. Какие сферы подлежат охране? Это антитеррористическая безопасность, пожарная безопасность, экологическая и радиационная безопасность, охрана труда и др.

В Письме Минобрнауки от 4 июня 2008 года № 03-1423 «О методических рекомендациях по участию в создании единой системы обеспечения безопасности образовательных учреждений Российской Фе-

дерации» обозначены следующие меры обеспечения безопасности:

- наличие периметрального ограждения и освещения территории;
- обеспечение охраны службами безопасности, вневедомственной охраной при органах внутренних дел на договорной основе, частными охранными предприятиями;
- наличие инженерно-технических средств охраны (охранно-пожарной сигнализации, тревожной сигнализации, системы видеонаблюдения и контроля);
- оборудование входными дверями, выполненными из материалов, позволяющих обеспечить надежную защиту от несанкционированного проникновения посторонних лиц;
- наличие служебной документации, обеспечивающей пропускной, внутриобъектовый режим, отражающей информацию о проведении занятий с персоналом по действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций, а также соответствующих инструкций для персонала;
- определение должностного лица, ответственного за принятие мер по антитеррористической защите образовательного, научного учреждения или организации [3].

В школах руководство привлекает частные охранные организации для обеспечения безопасности и порядка на территории. Однако, как показывает практика, данные меры бывают неэффективны. Какие возникают проблемы в их реализации? Так, частный охранник наделен правом применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. Однако в ст. 18 Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [2] установлено ограничение: запрещается применять огнестрельное оружие, специальные средства, физическую силу в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен охраннику, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения вооруженного либо группового нападения, угрожающего жизни охранника или охраняемому имуществу, а также при значительном скоплении людей, когда от их применения могут пострадать посторонние лица. Также применение охранником физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия с превышением своих полномочий, крайней необходимости или необходимой обороны влечет за собой ответственность, установленную законом. В связи с чем, сотрудники охранных предприятий при возникновении опасности и происшествий различного характера:

- 1) не успевают сориентироваться в сложной ситуации, угрожающей жизни и здоровью несовершеннолетних и сотрудников учебного заведения, не готовы к действиям в непростых обстоятельствах;
- 2) не обладают определенными знаниями действующего законодательства;

3) не ознакомлены с положениями ст. 37 и 39 УК РФ, содержащих условия и пределы применения обстоятельств, исключающих преступность деяния, таких как крайняя необходимость и необходимая оборона в силу чего существует боязнь их применения и превышения данных мер, что в дальнейшем влечет уголовную ответственность [5].

В связи с вышесказанным рекомендовано осуществлять охранные мероприятия на объектах образовательной системы посредством:

- исключения охраны школ женщинами (привлекать к работе в данной сфере преимущественно мужчин);
- повышения профессиональной грамотности сотрудников частных охранных предприятий и вневедомственной охраны Росгвардии;
- разработки локальных нормативных актов (уставов, положений и т. д.) частных охранных предприятий с учетом повышенных требований к сотрудникам по обеспечению охраны жизни и здоровья граждан в образовательных учреждениях;
- создания методических рекомендаций алгоритма действий сотрудников частных охранных предприятий в кризисных и сложных ситуациях.

Список источников

1. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02 июля 1992 г. № 3185-1 // Справочная правовая система «Консультант плюс»
2. Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Письмо Минобрнауки от 4 июня 2008 г. № 03-1423 «О методических рекомендациях по участию в создании единой системы обеспечения безопасности образовательных учреждений Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Сергей Кравцов: «В ближайшее время будут подготовлены единые требования безопасности образовательных организаций» // <https://edu.gov.ru/press/3712/sergey-kravcov-v-blizhayshee-vremya-budut-podgotovleny-edinye-trebovaniya-bezopasnosti-obrazovatelnyh-organizacij/>.
5. Станкевич А. М. Пределы правомерности крайней необходимости : дис. ... канд. юрид. наук. Московский университет МВД России, 2011. 178 с.
6. Стрельба в школе в Казани // <https://www.rbc.ru/story/609a39d79a794711e083d88c>.
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Law of the Russian Federation «On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision» dated 02.07.1992 № 3185-1 // RLS «ConsultantPlus».

2. Law of the Russian Federation of March 11, 1992 № 2487-1 «On private detective and security activities in the Russian Federation» // RLS «ConsultantPlus».

3. Letter of the Ministry of Education and Science dated June 4, 2008 № 03-1423 «On methodological recommendations for participation in the creation of a unified system for ensuring the security of educational institutions of the Russian Federation» // RLS «ConsultantPlus».

4. Sergey Kravtsov: «Uniform safety requirements for educational organizations will be prepared in the near future» // <https://edu.gov.ru/press/3712/sergey-kravcov-v->

[blizhayshee-vremya-budut-podgotovleny-edinye-trebovaniya-bezopasnosti-education-organizaciy/](https://edu.gov.ru/press/3712/sergey-kravcov-v-blizhayshee-vremya-budut-podgotovleny-edinye-trebovaniya-bezopasnosti-education-organizaciy/).

5. Stankevich A. M. Limits of legality of extreme necessity. cand. jurid. sciences'. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 178 p.

6. Shooting at a school in Kazan // <https://www.rbc.ru/story/609a39d79a794711e083d88c>.

7. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 № 273-FZ // RLS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

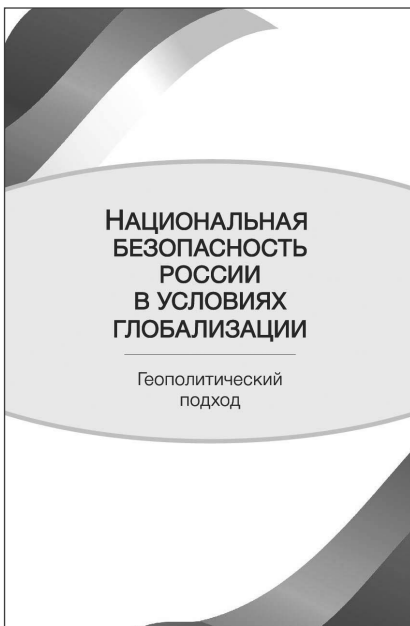
А. М. Зарина – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. M. Zarina – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 342.4

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-83-89>

НИОН: 2015-0066-1/23-602

MOSURED: 77/27-011-2023-01-801

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ): конституционное законодательство

Юлия Александровна Иванова¹, Максим Олегович Долгий²

¹ Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия,
julia-ivanova-77@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Конституция Объединенных Арабских Эмиратов обеспечивает правовую и политическую основу для деятельности Объединенных Арабских Эмиратов как федерации семи эмиратов. Конституция вступила в силу 2 декабря 1971 года и была окончательно принята в мае 1996 года. Конституция состоит из 10 частей и содержит 152 статьи. Объединенные Арабские Эмираты отмечают образование Союза (и принятие федеральной конституции) как Национальный день.

Ключевые слова: конституционное законодательство, нормы, права, конституция, право, государство, общество, права, обязанности

Для цитирования: Иванова Ю. А., Долгий М. О. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ): конституционное законодательство // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 83–89. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-83-89>.

Original article

United Arab Emirates (UAE): constitutional legislation

Yulia A. Ivanova¹, Maksim O. Dolgiy²

¹ Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia,
julia-ivanova-77@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The Constitution of the United Arab Emirates provides the legal and political basis for the activities of the United Arab Emirates (UAE) as a federation of seven emirates. The Constitution came into force on December 2, 1971 and was finally adopted in May 1996. The Constitution consists of 10 parts and contains 152 articles. The United Arab Emirates celebrate the formation of the Union (and the adoption of the federal Constitution) as a National Day.

Keywords: constitutional legislation, norms, rights, constitution, law, state, society, rights, duties

For citation: Ivanova Yu. A., Dolgiy M. O. United Arab Emirates (UAE): constitutional legislation. Bulletin of economic security. 2023;(1):83–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-83-89>.

Площадь Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) без учета аффилированных островов составляет 83.600 квадратных километров. Эмират Абу-Даби представляет наибольшую долю, поскольку он занимает площадь в 67,340 квадратных километров, что эквивалентно 87 % от общей площади государства.

Федеральные органы власти состоят из Верховного Совета Федерации, Председателя Федерации и его заместителя, Кабинета министров, Федерального национального совета и Федерального судебного органа. Союз представляет собой часть великой родины, связанной узами религии, языка, истории и общей судьбы,

поскольку его народ составляет неотъемлемую часть нации, принимая ислам как религию, а исламское учение является основным источником законодательства, официальным языком которого является арабский язык.

Хотя основные принципы права в ОАЭ заимствованы из шариата, большая часть законодательства состоит из смеси исламских и европейских концепций гражданского права, которые имеют общие корни в египетском правовом кодексе, созданном в конце XIX–XX веков. Влияние Франции наиболее ярко проявляется в принятии большинством стран региона гражданского законо-

© Иванова Ю. А., Долгий М. О., 2023

дательства, аналогичного европейскому, а не системы общего права Великобритании [2, с. 66].

В дополнение к конкретному правовому законодательству, охватывающему агентства, корпоративное право, трудовое право и интеллектуальную собственность, в ОАЭ приняты гражданский и коммерческий кодексы. Хотя система привела к разработке всеобъемлющих и структурированных правовых систем, они в некоторой степени жесткие и негибкие, и это представляет собой бюрократию регулирования, которая ассоциируется со странами ближневосточного региона в целом.

Структура правовой системы сложна: как двойные суды, шариатские суды, так и гражданские суды действуют параллельно, но охватывают разные области права. Например, в ОАЭ каждый эмират имеет свой собственный федеральный суд первой инстанции, хотя Дубай и Рас-эль-Хайма имеют свои собственные отдельные судебные структуры.

Правовая система ОАЭ, как и других правовых систем в Персидском заливе, обычно довольно сложна, и те, кто не знаком с их работой, могут найти это очень трудным. Дело в том, что эти системы полностью отличаются от западных, с совершенно другим языком, что вызывает беспокойство у тех, кто хочет вести бизнес в ОАЭ и странах Персидского залива.

Хотя эти системы отличаются друг от друга, основные правовые принципы и структура логичны и понятны. Они развивались на протяжении многих веков, подобно Западу, и особенно в ОАЭ адаптируются к меняющимся потребностям общества с учетом новых тенденций в мышлении современной эпохи. Новые изменения в коммерческом праве привели к либерализации правовых режимов, создавая более открытую и понятную среду для иностранных предприятий и инвесторов.

Основой правовой системы в ОАЭ является шариат или Коранический закон. В конституции ислам определен как государственная религия, а также как основной источник права. Однако, хотя принципы шариата влияют на уголовное и гражданское законодательство, прямое влияние шариата в ОАЭ в основном ограничивается социальными законами. Большинство коммерческих вопросов в настоящее время рассматриваются либо гражданскими судами, либо постоянно действующими арбитражными судами.

Существует несколько основных принципов шариата, которые применяются к деловым операциям и которые повлияли на разработку коммерческих кодексов, действующих в ОАЭ. Хотя эти концепции не нашли прямого отражения в коммерческих кодексах (они могут иметь место в исламских финансах), они оказали влияние на разработку и толкование данных законов.

С момента своего основания 2 декабря 1971 года ОАЭ приняли временную конституцию, которая быстро превратилась в постоянную. Это произошло после того, как федеративное государство ОАЭ установило свою стабильность, добилось успеха, придерживалось уме-

ренной политики и добилось культурных изменений и гигантских достижений на местном, региональном и международном уровнях, а также дальнейшего прогресса для народа этой федерации.

Конституция Объединенных Арабских Эмиратов (арабский : الإمارات العربية المتحدة, *dastūr dawlat al-īmarāt al-‘arabīya al-muttaḥida*) объясняет основные правила политической и конституционной организации государства. Фактически, это продемонстрировало основную цель создания федерации, ее задачи и компоненты на местном и региональном уровнях. В ней также подробно рассмотрены основные социальные и экономические основы федерации и подчеркнуты общественные права, обязанности и свободы. Кроме того, в ней были выделены федеральные органы власти, организовано издание федерального законодательства, а также компетентные органы. Прежде всего, в нем также рассматриваются финансовые вопросы федерации, положения о вооруженных силах и силах безопасности, а также законодательные, исполнительные и международные юрисдикции между федерацией и эмиратами.

Согласно статье 144 конституции, поправки к конституции разрабатываются Федеральным Верховным советом и должны быть одобрены большинством в две трети Федерального национального совета, после чего поправка подписывается президентом в качестве закона.

Конституция описывает пять федеральных институтов. Это Федеральный высший совет, Президент Союза и вице-президент, Совет министров Союза, Федеральный национальный совет и судебная власть Союза.

Совет министров разрабатывает указы и различные решения. Премьер-министр и члены кабинета министров подотчетны президенту и Федеральному Верховному совету (FSC), который является высшим исполнительным органом федерации, состоящим из правителей семи эмиратов.

Федеральный верховный совет является высшим конституционным органом в ОАЭ. Это также высший законодательный и исполнительный орган. Оно устанавливает общую политику и санкционирует федеральное законодательство. Правители Абу-Даби и Дубая имеют право вето.

Конституция 1996 года регулирует отношения между федеральным правительством и правительствами эмиратов, предоставляя центральному правительству конкретные полномочия и оставляя неопределенную область косвенных полномочий эмиратам. Каждый эмират сохраняет контроль над своими нефтяными и минеральными богатствами и некоторыми аспектами внутренней безопасности. Федеральное правительство утверждает первенство в большинстве вопросов права и управления.

Статьи 120 и 121 Конституции возлагают ответственность на федеральное правительство в таких областях, как иностранные дела, безопасность и оборона, вопросы гражданства и иммиграции, образование, здра-

вохранение, валютные, почтовые, телефонные и другие услуги связи, управление воздушным движением и лицензирование воздушных судов, а также ряд других вопросов, специально предусмотренных, включая трудовые отношения, банковское дело, разграничение территориальных вод и выдачу преступников. В 2004 году в статью 121 были внесены поправки, позволяющие передать законодательные полномочия, возложенные на Союз, местным федеральным организациям, в частности, Дубайскому международному финансовому центру (DIFC). Поправка создает прецедент для расширения федеральной власти.

В отношении Эмиратов статья 116 предусматривает, что «Эмираты осуществляют все полномочия, не предоставленные Федерации настоящей Конституцией». В статье 122 далее подчеркивается, что «Эмираты обладают юрисдикцией по всем вопросам, не отнесенным к исключительной юрисдикции Федерации, в соответствии с положениями двух предыдущих статей». Однако Конституция также позволяет правителям эмиратов, если они пожелают, отказаться от определенных полномочий, предусмотренных в качестве ответственности отдельных эмиратов перед федеральным правительством. Решение об объединении Вооруженных Сил в середине 1970-х годов является примером этой прерогативы.

Конституция 1971 года разрешала каждому эмирату сохранять или принимать членство в Организации стран-экспортеров нефти и Организации арабских стран-экспортеров нефти, хотя ни один из них этого не сделал. Единственный эмират, вступивший в федерацию в 1971 году, Абу-Даби, отказался от своего членства в пользу федерации [2, с. 65].

Отношения между федеральным и местным уровнями власти продолжают меняться и развиваться. Небольшие эмираты выиграли от федерации в таких областях, как образование и туризм. В то же время в других областях, таких как судебная система, наблюдается развивающаяся тенденция к дальнейшей добровольной передаче местных полномочий федеральным учреждениям.

Традиционные и современные формы правления сосуществуют и дополняют друг друга. Хотя политические лидеры в эмиратах не избираются, граждане могут выразить свои опасения непосредственно своим лидерам с помощью традиционных механизмов, таких как открытый меджлис или неформальное собрание.

Конституция запрещает пытки или унижающее достоинство обращение и запрещает арест, обыск, задержание или тюремное заключение, а также проникновение в дома без разрешения владельца, за исключением случаев, предусмотренных законом. Он предусматривает независимость судебной власти, но ее решения подлежат пересмотру политическим руководством. В статье 25 конституции также говорится, что все люди равны перед законом, и между гражданами Союза не должно быть дискриминации по признаку расы, наци-

ональности, религиозных убеждений или социального статуса.

В статье 28 указывается, что наказание является личным, обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его обвинительный приговор не будет доказан в суде, в котором обеспечиваются необходимые гарантии права на самооборону. Закон должен предусматривать случаи, в которых должно быть назначено присутствие адвоката защиты. Статья 27 добавляет, что преступления и наказания определяются законом, и никакое наказание не налагается за любое действие или бездействие, совершенное до принятия соответствующего закона.

В статье 111 четко указано, что законы должны быть опубликованы в Официальном вестнике Союза в течение максимум двух недель с даты их подписания и обнародования Президентом Союза после их ратификации Верховным Советом.

В статье 112 закреплено, что никакие законы не могут применяться, кроме как в отношении того, что происходит с даты их вступления в силу, и такие законы не имеют обратной силы, однако, если этого требует необходимость, закон может предусматривать обратное в вопросах, отличных от уголовных.

В статье 47 указывается, что Высший совет Союза осуществляет ратификацию договоров и международных соглашений, и такая ратификация осуществляется указом. Статья 60 добавляет, что Совет министров несет ответственность за надзор за выполнением международных соглашений, заключенных Союзом. И далее в статье 91 говорится, что Правительство должно информировать Ассамблею Союза о международных договорах и соглашениях, заключенных с другими государствами и различными международными организациями, вместе с соответствующими разъяснениями.

Федеральный верховный совет состоит из правителей семи эмиратов, составляющих федерацию, или их заместителей в своих эмиратах в случае отсутствия или отсутствия правителей. Каждый эмират имеет один голос в резолюциях и обсуждениях совета.

Федеральный Верховный совет выполняет обязанности:

- формулирование общей политики по всем вопросам, отнесенным к компетенции федерации в соответствии с конституцией, и рассмотрение всех вопросов, которые могут привести к достижению целей федерации и общих интересов эмиратов-членов;
- одобрение различных федеральных законов до их издания, включая законы о годовом общем бюджете федерации и о заключительных счетах;
- санкционирование указов по вопросам, которые в силу положений конституции подлежат ратификации и утверждению Федеральным Верховным советом. Такие санкции применяются до издания таких указов президентом совета;
- ратификация договоров и международных соглашений. Такая ратификация осуществляется указом;

– утверждение назначения премьер-министра Федерации, принятие его отставки и обращение к нему с просьбой уйти в отставку по предложению президента Федерации;

– утверждение назначения президента и судей Верховного федерального суда, принятие их отставок и увольнение их в случаях, предусмотренных конституцией. Такие действия осуществляются указами;

– высший контроль над делами федерации в целом;

– любые другие соответствующие обязанности, предусмотренные конституцией или федеральными законами [1, с. 23].

Механизмы принятия решений Федеральным Верховным Советом:

- Федеральный Верховный совет устанавливает свои собственные правила, включая порядок ведения дел и порядок голосования по его резолюциям. Обсуждения в Совете должны оставаться тайными.

- Федеральный верховный совет учреждает генеральный секретариат, состоящий из достаточного числа должностных лиц, чтобы помочь ему в выполнении своих обязанностей и функций.

- Решения Федерального Высшего совета по вопросам существа принимаются большинством в пять его членов при условии, что такое большинство включает в себя голоса эмиратов Абу-Даби и Дубая. Меньшинство должно придерживаться мнения вышеупомянутого большинства. Однако резолюции совета по процедурным вопросам принимаются большинством голосов. Такие вопросы определены в уставе совета.

- Федеральный Верховный совет проводит свои заседания в столице федерации, однако они могут проводиться в любом другом согласованном заранее месте [1, с. 31].

Статья 51 гласит, что Высший совет Союза избирает из числа своих членов Президента и вице-президента Союза, а вице-президент Союза осуществляет все полномочия Президента в случае его отсутствия по какой-либо причине.

Президент Союза принимает на себя следующие полномочия:

1. Председатель Верховного совета и руководство его обсуждениями.

2. Председательствует на заседаниях Верховного Совета и прекращает его заседания в соответствии с правилами процедуры, на основании которых Совет принимает решения о своих регламентах. Он обязан созывать заседания Совета всякий раз, когда об этом просит один из его членов.

3. Созыв Верховного Совета и Совета Министров на совместное заседание, когда того требует необходимость.

4. Подписание законов, указов и решений Союза, санкционированных Верховным Советом, и их обнародование.

5. Назначение премьер-министра, принятие его отставки и освобождение его от должности с согласия

Верховного Совета. Он также назначает заместителя премьер-министра и министров, принимает их заявления об отставке и освобождает их от должности в соответствии с предложением премьер-министра Союза.

6. Назначение дипломатических представителей Союза в иностранных государствах и других высокопоставленных должностных лиц Союза, как гражданских, так и военных (за исключением председателя и судей Верховного суда Союза), а также принятие их отставок и увольнение с согласия Совета министров Союза. Такие назначения, принятие отставок и увольнения осуществляются указами и в соответствии с законами Союза.

7. Подписание верительных грамот дипломатических представителей Союза при иностранных государствах и организациях и принятие верительных грамот дипломатических и консульских представителей иностранных государств при Союзе и получение их верительных грамот. Он также подписывает документы о назначении и доверенности представителей.

8. Надзор за выполнением законов, указов и решений Союза через Совет министров Союза и компетентных министров.

9. Представление интересов Союза внутри Страны, в отношениях с другими государствами и во всех международных отношениях.

10. Осуществление права на помилование и смягчение приговоров и утверждение смертных приговоров в соответствии с положениями настоящей Конституции и законами Союза.

11. Награждение орденами и медалями почета, как гражданскими, так и военными, в соответствии с законами, касающимися таких орденов и медалей.

12. Любые другие полномочия, предоставленные ему Верховным советом или предоставленные ему в соответствии с настоящей Конституцией или законами Союза [1, с. 46].

Статья 55 показывает, что Совет министров Союза состоит из премьер-министра, его заместителя и ряда министров, а в статье 57 говорится, что премьер-министр, его заместитель и министры перед вступлением в должность приносят следующую присягу перед Президентом Союза.

Обязанности Совета министров Союза:

1. Контроль за осуществлением общей политики правительства Союза, как внутренней, так и внешней.

2. Инициирование проектов федеральных законов и представление их в Национальный совет Союза, прежде чем они будут переданы президенту Союза для представления Верховному совету на утверждение.

3. Составление годового общего бюджета Союза и окончательных счетов.

4. Подготовка проектов указов и различных решений.

5. Издавать нормативные акты, необходимые для исполнения законов Союза, без внесения изменений или приостановления действия таких нормативных

актов или каких-либо исключений из их исполнения. Издание также полицейских постановлений и других нормативных актов, касающихся организации государственных служб и администрации в рамках настоящей Конституции и законов Союза. Специальное положение закона или Совета министров может поручить компетентному министру Союза или любому другому административному органу обнародовать некоторые из таких правил.

6. Надзор за выполнением законов, указов, решений и правил Союза всеми заинтересованными органами власти в Союзе или в Эмиратах.

7. Надзор за исполнением решений, вынесенных судами Союза, и выполнением международных договоров и соглашений, заключенных Союзом.

8. Назначение и увольнение профсоюзных работников в соответствии с положениями закона при условии, что их назначение и увольнение не требуют издания указа.

9. Контроль за ведением работы в отделах и общественных службах Профсоюза, а также за поведением и дисциплиной работников Профсоюза в целом.

10. Любые другие полномочия, предоставленные ему законом или Верховным советом в рамках настоящей Конституции.

Объединенные Арабские Эмираты, по сути, являются юрисдикцией гражданского права, на которую сильно повлияли французское, римское, египетское и исламское право. Принципы общего права, такие как принятие предыдущих судебных решений в качестве юридических прецедентов, как правило, не признаются (хотя решения, вынесенные вышестоящими судами, обычно применяются судами низшей инстанции). Только местные фирмы могут выступать в качестве адвокатов в суде. Поскольку ОАЭ зарекомендовали себя как региональный центр международного бизнеса, арбитраж постепенно становится популярным методом разрешения споров.

В структуре суда есть три основные отрасли: гражданское, уголовное и шариатское, или исламское, право. Судебная структура в Дубае состоит из следующих судов: Суд первой инстанции, Апелляционный суд и Кассационный суд. Суд первой инстанции включает гражданский суд, уголовный суд и шариатский суд.

Суд ОАЭ примет адвоката, назначенного истцом в соответствии с положениями закона, и адвокат должен подтвердить свое назначение в качестве представителя своего клиента официальным документом (т.е. доверенностью), заверенным нотариусом.

Гражданский суд (или Суд первой инстанции) рассматривает все иски, начиная от коммерческих вопросов (включая дела о взыскании долгов) и заканчивая морскими спорами. После вынесения решения стороны имеют право подать апелляцию в Апелляционный гражданский суд по фактическим и/или юридическим основаниям в течение 30 дней с даты вынесения решения. Можно представить дополнительные доказательства в

Апелляционный суд или потребовать вызова дополнительных свидетелей для дачи показаний. После этого стороны могут подать апелляцию только по вопросам права в Кассационный суд (высший суд Дубая), который обычно состоит из пяти судей. Апелляция должна быть подана в течение 30 дней с даты получения сторонами уведомления о решении Апелляционного суда. Все решения Кассационного суда являются окончательными и обжалованию не подлежат.

Уголовные действия в ОАЭ начинаются с подачи жалобы в местную полицию в юрисдикции, где было совершено преступление. В ходе расследования полиция может принять заявления любых вовлеченных сторон. После этого первоначального расследования местная полиция обычно передает дело в прокуратуру в течение 48 часов с момента подачи жалобы. Полиция может передать дело прокурору для консультации, прежде чем официально передать дело с рекомендацией выдвинуть обвинения [2, с. 55].

Затем прокуратура проведет расследование, примет заявления любых вовлеченных сторон и заслушает их свидетелей или любого другого лица, которое, по мнению прокурора, располагает информацией, относящейся к делу. Затем прокуратура примет решение либо передать дело в суд, либо отказаться от предъявления обвинений в отсутствие достаточных доказательств того, что преступление было совершено. Прокурор должен принять решение о предъявлении обвинения или прекращении дела в течение 14 дней с момента получения дела из полиции. Если прокурору требуется больше времени для принятия решения, он может подать в суд ходатайство о продлении срока, которое будет одобрено или отклонено по усмотрению суда. Хотя это случается крайне редко и только при смягчающих обстоятельствах, известно, что дела находятся на рассмотрении прокурора до года.

Шариатские или исламские суды работают наряду с гражданскими и уголовными судами в ОАЭ. Шариатский суд является исламским судом в ОАЭ и в первую очередь отвечает за гражданские дела между мусульманами. Шариатские суды обладают исключительной юрисдикцией для рассмотрения семейных споров, включая вопросы, связанные с разводом, наследованием, опекой над детьми, жестоким обращением с детьми и опекой над несовершеннолетними. В отсутствие какого-либо конкретного положения в кодифицированном законодательстве ОАЭ применяются исламские принципы шариата, изложенные в учебниках по исламскому шариату.

Шариатский суд может, только на федеральном уровне (который, как упоминалось ранее, исключает Дубай и Рас-Эль-Хайму), также рассматривать апелляции по определенным уголовным делам, включая изнасилования, грабежи, вождение в состоянии алкогольного опьянения и связанные с ними преступления, которые первоначально рассматривались в уголовных судах низшей инстанции.

Кассационный суд является высшей судебной инстанцией в ОАЭ, и он рассматривает споры только по вопросам права. Кассационный суд будет не только выступать в качестве апелляционного суда в отношении решений судов низшей инстанции, но и осуществлять надзор за этими судами низшей инстанции, чтобы убедиться, что они правильно применяют и толкуют закон. Нижестоящие суды должны соблюдать правовые принципы, установленные Кассационным судом [3, с. 42].

Кассационному суду также поручено осуществлять судебный надзор за всеми законодательными актами, как за законами, принятыми на федеральном уровне, так и за законами, принятыми отдельными эмиратами.

Каждый из семи эмиратов имеет свое собственное правительство, которое функционирует в тандеме с федеральным правительством. Крупнейший и самый густонаселенный эмират Абу-Даби имеет свой собственный центральный орган управления – Исполнительный совет, возглавляемый наследным принцем; Восточные и Западные регионы и остров Дас возглавляются представителями правителя. Муниципалитеты управляют основными городами, в каждом из которых есть муниципальный совет. Национальный консультативный совет функционирует подобно Федеральному национальному совету. Местные департаменты выполняют различные административные функции. Аналогичная система муниципалитетов и департаментов существует и в других эмиратах.

Федеральный национальный совет ОАЭ обсуждает годовой бюджет и ежегодные итоговые отчеты. Согласно конституции страны, половина доходов каждого эмирата зарезервирована для федерального бюджета, но на практике Абу-Даби и Дубай генерируют 85 процентов валового внутреннего продукта ОАЭ и являются единственными, которые вносят вклад в федеральные финансы. Из двух вклад Абу-Даби несколько больше.

Дефицит, как правило, финансируется за счет дополнительных взносов двух эмиратов, а также некоторой поддержки со стороны Центрального банка ОАЭ. Власти также обсуждают налог на добавленную стоимость как средство расширения налоговой базы. ОАЭ, ориентированные на внешнюю стратегию развития, уже уменьшили свою зависимость от доходов от продажи нефти.

Новый закон о борьбе с отмыванием денег в мае 2002 года дал Центральному банку право замораживать любые подозрительные счета на семь дней без предварительного юридического разрешения. Банки были обязаны предоставлять все данные о своих клиентах и внутренних и внешних транзакциях по запросу и сообщать о любых подозрительных сделках. Центральный банк уже заморозил или внес в черный список около 30 банковских счетов на этих основаниях и раскрыл несколько операций по отмыванию денег внутри ОАЭ. В 2004 году были приняты законы против финансирования терроризма и для решения проблем отмывания денег в финансовых свободных зонах ОАЭ [3, с. 54].

Федеральное правительство поощряло диверсификацию и приватизацию экономики. Дубай взял на себя ведущую роль в поощрении иностранных инвестиций, стремясь стать ведущим центром международной торговли, в то время как Абу-Даби, на долю которого приходится около 95 процентов добычи нефти, возглавляет приватизацию коммунальных предприятий и ищет иностранные инвестиции в некоторые сектора экономики, особенно в энергетику, чтобы привлечь в современных технологиях и методах управления и снижения затрат.

Самые амбициозные планы приватизации касаются опреснения воды и производства и распределения электроэнергии. В Абу-Даби планируется создать 11 компаний для управления различными аспектами производства, эксплуатации, планирования, диспетчеризации и распределения воды и электроэнергии. Другие вопросы включают в себя отмену государственных субсидий на воду и электричество, а также план сокращения численности персонала в 14 000 человек в отрасли с целью снижения затрат и повышения прибыльности.

Список источников

1. Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. М. : Инфра-М, РИОР, 2012.
2. Актуальные проблемы международного права : монография / Ю. А. Иванова, Г. М. Сарбаев, В. И. Федулов, Г. Х. Хадисов, Н. Д. Эриашвили ; под общ. ред. Ю. А. Ивановой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
3. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2013.

References

1. Avtonomov A. S. Constitutional (state) law of foreign countries : textbook. M. : Infra-M, RIOR, 2012.
2. Actual problems of international law : monograph/ Yu. A. Ivanova, G. M. Sarbayev, V. I. Fedulov, G. H. Hadisov, N. D. Eriashvili ; under the general editorship of Yu. A. Ivanova. M. : UNITY-DANA. 2022.
3. Mishin A. A. Constitutional (state) law of foreign countries : textbook for universities. 17th ed., ispr. and add. M. : Statute, 2013.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы современного экологического права : монография / Ю. А. Иванова, Н. Д. Эриашвили, И. В. Грошев ; под общ. ред. Ю. А. Ивановой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.

Bibliographic list

2. Actual problems of modern environmental law : monograph / Yu. A. Ivanova, N. D. Eriashvili, I. V. Groshev ; under the general editorship of Yu. A. Ivanova. M. : UNITY-DANA. 2022.

Информация об авторах

Ю. А. Иванова – доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент;

М. О. Долгий – соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

Yu. A. Ivanova – Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

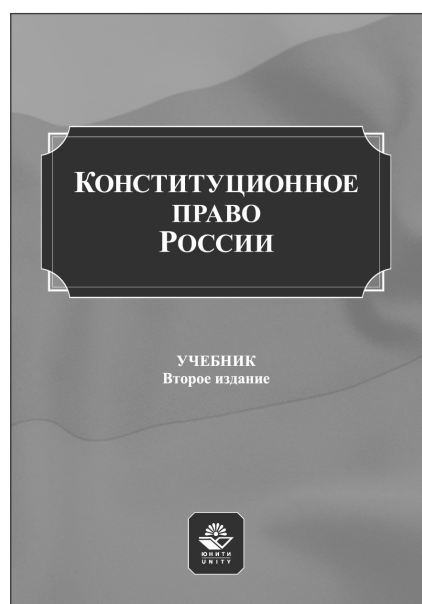
M. O. Dolgiy – Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Конституционное право России. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-90-94>

ИПОН: 2015-0066-1/23-603

MOSURED: 77/27-011-2023-01-802

Участники уголовного судопроизводства с неопределенным и незакрепленным процессуальным статусом в расследовании транспортных преступлений

Николай Николаевич Ильин

Московская академия Следственного комитета, Москва, Россия,

Nick703@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе проанализированных научных источников, изучения следственной практики по уголовным делам о транспортных преступлениях рассмотрены вопросы процессуального участия статиста по уголовному делу. Автор приходит к выводу о том, что данный участник уголовного процесса, указанный лишь в ст. 193 УПК России, может участвовать и при производстве других следственных действий, причем выполняя активные действия. Отдельно в статье рассмотрен вопрос о возможности и целесообразности существования института сведущего свидетеля.

Ключевые слова: процессуальный статус, сведущий свидетель, статист, транспортные преступления, транспортная судебная экспертиза, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Ильин Н. Н. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным и незакрепленным процессуальным статусом в расследовании транспортных преступлений // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 90–94. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-90-94>.

Original article

Participants in criminal proceedings with an uncertain and loose procedural status in the investigation of transport crimes

Nikolay N. Ilyin

Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia,

Nick703@yandex.ru

Abstract. In this article, based on the analyzed scientific sources, the study of investigative practice in criminal cases of transport crimes, the issues of procedural participation of a statistician in a criminal case are considered. The author comes to the conclusion that this participant in the criminal process, specified only in Article 193 of the Criminal Procedure Code of Russia, can participate in the production of other investigative actions, and performing active actions. Separately, the article considers the question of the possibility and expediency of the existence of the institution of a knowledgeable witness.

Keywords: procedural status, knowledgeable witness, statist, transport crimes, transport forensic examination, criminal proceedings

For citation: Ilyin N. N. Participants in criminal proceedings with an uncertain and loose procedural status in the investigation of transport crimes. Bulletin of economic security. 2023;(1):90–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-90-94>.

Получение определенных доказательств является не только самостоятельным элементом доказывания по уголовным делам в целом, но и может служить дополнительным источником информации для проведения других процессуальных действий. Одной из особенностей производства судебных транспортных экспертиз является то, что их результаты целиком и полностью

зависят от представленных следователем и судом исходных данных, к числу которых относятся: дата, время, место транспортного происшествия и его последствия с указанием вида (авария, инцидент, катастрофа и т. д.); сведения о пути сообщения; сведения о средствах регулирования движением; сведения о транспортных, погодных и метеорологических условиях; сведения

© Ильин Н. Н., 2023

о транспортном средстве; сведения о лице, управляющем транспортным средством (пилоте, водителе, судоводителе, машинисте); сведения о других участниках транспортного происшествия (пешеходы, пассажиры, помощник машиниста и др.); сведения о следах, полученных в ходе следственного эксперимента, информация о которых необходима для проведения расчетов. В процессе экспертного исследования необходимо обеспечивать связь между исходными данными и исследуемым объектом.

По нашему мнению, собирание исходных данных при производстве следственных действий является своего рода подготовительным этапом при назначении судебных транспортных экспертиз. От того, насколько качественно будет проделана эта работа, будут зависеть результаты самих экспертных исследований.

При расследовании транспортных преступлений с целью собирания доказательственной базы одним из основных следственных действий является осмотр места происшествия, в ходе производства которого осуществляется поиск следов, имеющих криминалистическое значение. Помимо данного следственного действия проводится также следственный эксперимент, особенность которого состоит в надлежащем обеспечении явки следователем различных специалистов (ч. 5 ст. 164, ч. 1 ст. 168 УПК России), участие которых, как представляется, является обязательным. Роль специалиста при производстве данного следственного действия нами рассматривалась в одной из работ [4].

При изучении следственной практики, имеющейся в распоряжении Московской академии Следственного комитета, было установлено, что в качестве дополнительного участника помимо специалиста в проведении следственного эксперимента может быть задействован статист (преимущественно по делам о преступлениях на железнодорожном и автомобильном транспорте).

Однако в этой связи возникает один из спорных моментов, связанный с процессуальным статусом статиста, поскольку в ст. 181 УПК России нет прямого указания на то, что в данном следственном действии они могут принимать участие [8]. По данному поводу справедливо отмечается учеными то обстоятельство, что процессуальный статус участника уголовного судопроизводства должен отвечать требованию достаточности объема его прав и обязанностей, необходимых для выполнения стоящих перед ним задач [3].

По мнению Ж. В. Салаховой и В. С. Латыпова, участие статистов, наряду с предъявлением лица для опознания (в соответствии с ч. 4 ст. 193 УПК России это является обязательным условием его проведения), возможно также при проверке показаний на месте и следственном эксперименте [9, с. 151–153].

И. В. Смолькова относит статиста в одну из групп участников уголовного процесса с неопределенным статусом [10]. По мнению В. Т. Томина и И. А. Зинченко, статист наряду с другими лицами относится к «иным субъектам (неучастникам) уголовного процесса», одна-

ко он может быть вовлечен в производство следственных действий [11, с. 365].

В данном случае следует согласиться с И. Г. Савицкой, которая, ссылаясь на интересный пример из уголовного дела по факту гибели несовершеннолетнего велосипедиста в результате ДТП с участием автомобиля «КамАЗ»¹ [12, с. 21–22], пишет о том, что отсутствие понятия «статист» в УПК России может привести к ошибочному толкованию его норм на практике [8, с. 74].

Наряду с другими участниками уголовного судопроизводства, статист имеет право делать замечания и дополнения на протокол следственного действия. *Так, ознакомившись с протоколом следственного эксперимента с целью проверки слышимости звукового сигнала, поданного машинистом, статист М. сделал дополнения, касающиеся того, что сигнал слышен лишь при определенных условиях (когда поезд движется на большой скорости, его не слышно). Подозреваемый С. пояснил, что, во-первых, при несоблюдении скоростного режима восприятие и реакция на меньшей скорости меняется. Кроме того, подрядчики, которые работали, были в специальной форменной одежде не желтого, а зеленого цвета, т. е. они менее воспринимаются на глаз». В итоге данные дополнения следователь зафиксировал в протоколе, а специалист их поддержал².*

Кроме того, данный участник уголовного процесса в рамках проведения следственного эксперимента по делам о транспортных преступлениях должен привлекаться следователем для воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств конкретного события. Причем по рассматриваемым преступлениям статист осуществляет по большей части активные действия. *Так, для участия в следственном эксперименте по уголовному делу, возбужденному по ч. 2 ст. 263 УК России, следователем был приглашен статист (сотрудник полиции) с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Необходимо было проверить видимость человека, находящегося в непосредственной близости от автоматических дверей электропоезда на платформе, на расстоянии 150–200 метров с тум-*

¹ Защитник ходатайствовал о признании двух протоколов следственного эксперимента в качестве недопустимых доказательств, мотивировав это тем, что в УПК России отсутствует понятие «статист». По его мнению, лицо, участвующее в таком процессуальном статусе, должно рассматриваться в качестве пассивной фигуры, т. е. не должно выполнять никаких активных действий (в приведенном примере статист не должен был ехать на велосипеде).

² По материалам уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 263 УК России, расследованном Восточным следственным отделом на транспорте Московского межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации в 2016 году по факту смертельного травмирования человека // Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации. М. : ФГКОУ «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] (дата обращения: 22.08.2021).

бы помощника машиниста по ходу движения электропоезда. Указанное следственное действие проводилось следователем с применением видеозаписи, с участием двух понятых и машиниста-инструктора мотор-вагонного депо в качестве специалиста. Статист после объявления следователем о начале следственного действия осуществил движение на указанное расстояние, при котором было совершено зажатие дверьми вагона потерпевшего¹.

Подводя итог вышеизложенному, стоит согласиться с мнением Ж. В. Салаховой и В. С. Латыпова о дополнении главы 8 УПК России иным участником уголовного судопроизводства «статист», закрепляя его права и обязанности [9, с. 153]. В то же время мы не разделяем их позицию относительно того, что статист, участвующий только в следственном эксперименте, предъявлении лица для опознания и проверке показаний на месте, должен быть схожим по признакам внешности с другими лицами [9, с. 153].

Во-первых, ученые приводят примеры, в которых статист участвует при производстве других следственных действий. Так, по утверждению И. Б. Лапина и М. В. Андреевой, практика деятельности органов предварительного расследования в г. Москве свидетельствовала о том, что в соответствии с ч. 1 ст. 176 УПК России в целях выяснения обстоятельств, характеризующих обстановку совершения транспортных преступлений (например, для демонстрации места обнаружения и расположения трупа в ходе следственного осмотра), следователь мог привлечь статиста [5, с. 128].

Во-вторых, внешне схожие лица необходимы для предъявления лица для опознания; такое требование, по нашему мнению, не относится к следственному эксперименту и проверке показаний на месте, которые и без того имеют определенные трудности в организации проведения. Однако, чтобы соблюдались требования при проведении следственного эксперимента относительно схожести условий, при которых происходило интересующее следователя события, статисты, как представляется, должны быть похожи по комплексным (общезысическим) элементам внешности с теми лицами, которые наблюдали за происходящим (например, по росту, телосложению и др.).

В-третьих, права и предлагаемые Ж. В. Салаховой и В. С. Латыповым «обязанности» статиста [9, с. 153], что не совсем точно с формулировками УПК России (следует говорить, что он «не вправе»), на наш взгляд,

не должны отличаться от тех, которые закреплены в ст. 59 УПК России «Переводчик» и ст. 60 УПК России «Понятой». В данном случае, опираясь на приводимое мнение И. Б. Лапина и М. В. Андреевой [5, с. 129], следует обязательно включить формулировку о том, что «статист – это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем и судом для оказания содействия по выполнению определенных заданий при производстве следственного действия, обеспечивая сопоставимые условия, а также достоверность его хода и результатов».

Не менее важным первоначальным следственным действием при расследовании транспортных преступлений является допрос. Ввиду того, что на разрешение судебной транспортной экспертизы ставится много юридических вопросов, которые не входят в компетенцию эксперта-транспортника, интересующие следователя обстоятельства можно решить в ходе данного следственного действия. В некоторых ситуациях без сведений, полученных в ходе допроса, назначение и последующее производство судебной транспортной экспертизы может быть затруднительным.

Одним из главных условий получения эффективных результатов допроса по рассматриваемым преступлениям является то, что следователь прибегает к использованию специальных знаний, которые, по нашему мнению, не ограничиваются только назначением и производством судебной транспортной экспертизы, а также участием специалиста. В данном случае следует говорить об институте сведущего свидетеля.

Ю. К. Орлов отмечал, что такой участник как «сведущий свидетель» неизвестен российскому уголовно-процессуальному законодательству, однако всегда существовал и признавался в теории. Ученым выделялось несколько групп сведущих свидетелей: в качестве первой – это «сведущие лица, случайно оказавшиеся очевидцами какого-то расследуемого события (например, водитель, наблюдавший дорожно-транспортные происшествия, врач, присутствовавший при смерти потерпевшего, и т. д.); ко второй относятся «лица, дающие показания только на основании своих специальных знаний и опыта (показания справочного характера)» [7, с. 52; 2, с. 145]. Данную точку зрения разделяет Е. П. Гришина, которая предлагает дополнить УПК России ст. 56.1 «Сведущий свидетель» [1, с. 247].

Некоторые ученые выступают против термина «сведущий свидетель», поскольку он не отражает сущности правильного понимания отдельных норм УПК России, в результате чего может произойти смешение данной формы специальных знаний с судебной экспертизой [6].

В этой связи стоит не согласиться с приведенным выше мнением по следующим причинам. Во-первых, очевидно, что «простой» свидетель (ст. 56 УПК России), осведомленный о каких-либо фактах наблюдаемого им события, может не обладать специальными знаниями, что необходимо при допросе по делам о транспортных

¹ По материалам уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 263 УК России, расследованном Восточным следственным отделом на транспорте Московского межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации в 2016 году по факту смертельного наезда на человека // Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации. М.: ФГКОУ «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] (дата обращения: 22.08.2021).

преступлениях, а потому институт сведущего свидетеля вполне может претендовать на свое существование, пусть и непроцессуальное. Во-вторых, мысль Ю. К. Орлова о том, что «лица, дающие показания только на основании своих специальных знаний и опыта (показания справочного характера)» никак не согласуется с ч. 1 ст. 56 УПК России, поскольку, согласно данной норме, свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования преступления и разрешения уголовного дела. Для разъяснения вопросов, требующих специальных знаний, все же необходимо участие специалиста, что закреплено в ч. 1 ст. 58 УПК России. Именно при таком понимании происходит смешение терминов «свидетель» и «специалист», на что справедливо обращает внимание Н. Е. Муженская. По нашему мнению, верным будет говорить о сведущем свидетеле в том случае, когда он не только обладает специальными знаниями в конкретной области, но и неким образом связан с расследуемым событием транспортного происшествия.

В данном случае, как представляется, одно из наиболее точных является определение, предложенное О. Г. Дьяконовой, по мнению которой, «сведущий свидетель – не заинтересованный в исходе дела участник судопроизводства, обладающий специальными знаниями и владеющий сведениями, необходимыми для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, вызванный на допрос лицами (органом), ведущими процесс, для дачи показаний, несущий ответственность за дачу заведомо ложных показаний» [2, с. 145].

Таким образом, при расследовании транспортных преступлений сведущие свидетели обладают специальными знаниями и владеют сведениями, необходимыми для установления обстоятельств, имеющих значение для конкретного уголовного дела, и которые некоторым образом связаны с расследуемым событием: а) они могли случайно оказаться в районе транспортного происшествия, б) они имеют отношение к организации, в которой работают подозреваемые (обвиняемые), и к которой принадлежит транспортное средство, участвующее в происшествии.

В зависимости от характера отношения к транспортному происшествию допрашиваемых сведущих свидетелей условно предлагаем разделить на следующие группы.

- а) другие члены экипажа (локомотивной бригады), не являющиеся подозреваемыми (обвиняемыми);
- б) работники, готовившие транспортное средство к эксплуатации и обеспечивающие безопасность его движения;
- в) работники, ответственные за техническое состояние пути сообщения;
- г) работники, ответственные за координацию движения транспортного средства;
- д) члены экипажей других транспортных средств, находившихся в районе транспортного происшествия;

- е) представители медицинской службы;
- ж) руководители организации (в том числе иные представители), в которой работает лицо, управляющее транспортным средством, а также лица, ответственные за их подготовку.

Список источников

1. Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве : теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика : монография / под ред. Н. А. Духно. М. : Изд-во Юридического института МИИТа, 2012. 272 с.
2. Дьяконова О. Г. О регламентации сведущих лиц в процессуальном законодательстве // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под общей ред. Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. 2018. С. 139–147.
3. Зеленина О. А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (49) 2011. С. 81–89.
4. Ильин Н. Н. Транспортно-технические судебные экспертизы : вопросы теории и практики / Н. Н. Ильин. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
5. Лапин И. Б., Андреева М. В. Назначение и особенности участия статиста в уголовном процессе. Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 2 (4). 2009. С. 124–130.
6. Муженская Н. Е. К вопросу о точности уголовно-процессуальной терминологии // Российский следователь. 2012. № 3. С. 13–18.
7. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : ИПК РФЦСЭ, 2005. 264 с.
8. Савицкая И. Г. К вопросу об участии несовершеннолетнего в следственном эксперименте // Вестник Воронежского института МВД России. № 4. 2017. С. 73–78.
9. Салахова Ж. В., Латыпов В. С. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6-1(32). 2013. С. 151–153.
10. Смолькова И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 205–210.
11. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М. : Издательство Юрайт, 2020. 799 с.
12. Федотов И. С. Особенности проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолет-

них // Вестник Воронежского института МВД России. № 2. 2016. С. 20–24.

References

1. Grishina E. P. The knowledgeable persons in the Russian criminal proceedings : theoretical problems of proof and law enforcement practice : monograph / edited by N. A. Dukhno. M. : Publishing house of the Legal Institute of the Moscow State University of Railway Engineering, 2012. 272 p.

2. Diakonova O. G. On regulation of knowledgeable persons in procedural legislation // Actual problems of procedural and legal status of subjects of civil, arbitral and administrative legal proceedings. Collection of articles on the materials of the International scientific-practical conference / under general ed. by L. V. Voytovich, V. I. Kaynov. 2018. P. 139–147.

3. Zelenina O. A. On the issue of legislative regulation of procedural obligations of participants in criminal proceedings // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (49) 2011. P. 81–89.

4. Ilyin N. N. Transport-technical forensic examinations : issues of theory and practice / N. N. Ilyin. M. : Jurlitinform, 2020. 288 p.

5. Lapin I. B., Andreeva M. V. Appointment and features of participation of the statistician in criminal

proceedings. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 2 (4). 2009. P. 124–130.

6. Mujenskaya N. E. To the question of the accuracy of criminal procedural terminology // Russian investigator. 2012. № 3. P. 13–18.

7. Orlov Y. K. Forensic expertise as a means of proof in criminal proceedings. M. : IPK RFTSE, 2005. 264 p.

8. Savitskaya I. G. On the participation of a minor in an investigative experiment // Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 4. 2017. P. 73–78.

9. Salakhova Zh. V., Latypov V. S. Statist as another subject (participant) of criminal-procedural activity // Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice. № 6-1(32). 2013. P. 151–153.

10. Smolkova I. V. Participants of criminal proceedings with uncertain procedural status // Proceedings of Baikal State University. 2017. T. 27. № 2. P. 205–210.

11. Criminal Process. Problem lectures / ed. by V. T. Tomin, I. A. Zinchenko. M. : Publishing House Bright, 2020. 799 p.

12. Fedotov I. S. Features of the investigative experiment with the participation of minors // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 2. 2016. P. 20–24.

Информация об авторе

Н. Н. Ильин – заведующий научно-исследовательским отделом факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. N. Ilyin – Head of the Research Department of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Moscow Academy of the Investigative Committee, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 27.12.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-95-102>

НИОН: 2015-0066-1/23-604

MOSURED: 77/27-011-2023-01-803

Специфика организации и деятельности советского уголовного розыска в предвоенное десятилетие

Владимир Маркович Исаков¹, Елена Владимировна Мельник²

¹ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, ivm45@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, melnikev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сложному периоду развития советского государства, которое в условиях нарастающей международной напряженности делало все возможное, чтобы за короткий срок подготовиться к предстоящим испытаниям. В этих условиях шел процесс реорганизации правоохранительных органов. Перед уголовным розыском этого времени стояли невероятно сложные задачи. На основе архивных материалов и использования периодических изданий авторы сделали попытку более объективно взглянуть на события 30-х гг.

Ключевые слова: СНК, Осодмил, Бригадмил, преступность, советский уголовный розыск, НКВД, ОУР, ЦАУ, ГУРКМ, ОГПУ, адресные бюро, регистрация преступников, оперативная работа, инспектор

Для цитирования: Исаков В. М., Мельник Е. В. Специфика организации и деятельности советского уголовного розыска в предвоенное десятилетие // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 95–102. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-95-102>.

Original article

The specifics of the organization and activities of the Soviet criminal investigation department in the pre-war decade

Vladimir M. Isakov¹, Elena V. Melnik²

¹ Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, ivm45@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, melnikev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the difficult period of development of the Soviet state, which, in the conditions of growing international tension, did everything possible to prepare for the upcoming tests in a short time. Under these conditions, the process of reorganization of law enforcement agencies was underway. The criminal investigation department of that time faced incredibly difficult tasks. Based on archival materials and the use of periodicals, the authors made an attempt to take a more objective look at the events of the 30s.

Keywords: SNK, Osodmil, Brigadmil, crime, Soviet criminal investigation, NKVD, ESD, CAU, GURKM, OGPU, address bureaus, registration of criminals, operational work, inspector

For citation: Isakov V. M., Melnik E. V. The specifics of the organization and activities of the Soviet criminal investigation department in the pre-war decade. Bulletin of economic security. 2023;(1):95–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-95-102>.

Предвоенное десятилетие в истории советского государства долгое время в научной и учебной литературе обозначалось как время существования административно-командной системы¹, период тоталитарного

режима² и т. д. Однако, события последних 30-ти лет,

стал популярным. Впервые он упоминается в статье Г. Х. Попова «С точки зрения экономиста» («Наука и жизнь». № 4. 1987).

² Термин «тоталитаризм», впервые появившийся у Джованни Амендолы в 1923 г. для критики режима Б. Муссолини. С середины 1930-х гг. на Западе стали писать о сходстве между поли-

¹ Термин введен профессором экономфака МГУ Г. Х. Поповым для обозначения сущности советской системы управления и

связанные с последствиями развала СССР и проведением Специальной военной операции (далее – СВО), убедительно показали ошибочность таких трактовок. Подготовка к предстоящей войне вызвала к жизни ускоренную модернизацию советского государства, и именно под таким углом в настоящей статье предполагается рассматривать деятельность правоохранительных органов и, в частности, уголовного розыска.

Доминирующим фактором, определявшим развитие системы органов внутренних дел в целом в рассматриваемый период, стало всемерное повышение обороноспособности и мобилизационной готовности в связи с последовательным обострением международной обстановки. Состояние «осажденной крепости» было связано не только с увеличением числа мелких и крупных антисоветских провокаций, но объявленным Западом в 30-е гг. «крестовым походом» против коммунизма [1, с. 97–116]. Темпы и масштабы глубочайших социально-экономических преобразований – коллективизации и индустриализации – обуславливались именно угрозой нападения на Советский Союз.

Таким образом, задачи, которые ставило перед собой советское государство, требовали привлечения к их решению основной массы населения и жесточайшей экономии бюджетных средств. Это нашло отражение и в работе Уголовного розыска. В докладной записке 1929 г. в СНК РСФСР говорится о значительном сокращении штатов уголовного розыска и что такое «ослабление аппарата ставит под угрозу всю его работу, самоочевидным становится минус, который неизбежен в работе Угрозыска, не располагающего достаточными людскими резервами» [5].

Очевидно, для решения этой проблемы ставилась задача изучить на практике способы привлечения ответственности, для выработки и придания местам единообразных методов работы. В тезисах докладов по организационным вопросам за 1929 г. говорится: «о приближении аппарата к населению, установлении тесной связи с ним и его вовлечению в практическую повседневную работу...о постепенном отказе от пользования услугами преступного мира и замены секретного осведомления со стороны уголовных элементов информацией от трудящихся для предупреждения и раскрытия преступлений» [34].

Для реализации данного курса было принято Положение «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» (далее – Осодмил) в 1929 г. [17]. Следует отметить, что в многочисленных обсуждениях

и заключениях по проекту данного Положения говорилось об усилении взаимодействия Общества с Уголовным розыском, обращалось внимание на то, что в основном деятельность Общества касается милиции. Впоследствии члены Осодмила стали своеобразным резервом для пополнения кадрового состава милиции и уголовного розыска. Спустя три года в 1932 г. СНК РСФСР постановил реорганизовать общества содействия органам милиции и уголовного розыска в бригады содействия милиции (далее – Бригадмил) [19]. К концу рассматриваемого предвоенного десятилетия в составе Бригадмила насчитывалось около 400 тыс. человек [33, с. 11–15]. Такая форма помощи милиции и уголовному розыску просуществовала до 1958 г. и дала положительные результаты.

Помимо вовлечения общества в работу правоохранительных органов ставился вопрос о выработке наиболее оптимальных решений по организации уголовно-розыскных учреждений.

В одном из докладов начальника Отдела уголовного розыска (далее – ОУР) РСФСР за 1928 г. отмечалось, что «приемы царского сыска оставили следы в милиции советской республики до 1921 г.». Начало планомерной организации уголовно-розыскных учреждений относится к апрелю 1922 г., когда было создано самостоятельное Управление уголовного розыска республики, подчиненное непосредственно НКВД. Такая централизация уголовного розыска дала единство построения органов борьбы с уголовной преступностью, обеспечила самокомплектование аппарата личным составом, внедрение единообразных научных методов т. д. [23]. В 1923 г. был создан Отдел уголовного розыска Центрального административного управления (далее – ОУР ЦАУ) НКВД РСФСР, а Управление расформировано. На протяжении всего периода своего существования ОУР ЦАУ с органами НКЮ и ВЧК (потом ГПУ и ОГПУ) имел неопределенные взаимоотношения, которые постоянно уточнялись. В декабре 1927 г. вместо ЦАУ были созданы три отдела: милиции, уголовного розыска и административного надзора. Начальник милиции возглавил отдел милиции, а начальник отдела уголовного розыска стал его заместителем.

В июле 1930 г. ОУР НКВД РСФСР был преобразован в Управление уголовного розыска (далее – УУР) НКВД РСФСР. В состав последнего вошли: активная группа, секретная часть, бюро научно-технической экспертизы и Центральное регистрационное бюро.

Поскольку преступность продолжала расти, требовались меры по борьбе с ней на уровне регионов. С августа 1930 г. в структуру Управления вошли отделы: административно-организационный, милиции, уголовного розыска, мест заключения и принудительных работ.

По предложению И. В. Сталина 15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик» [22]. При Совнаркомх союзных республик были образованы Главные управления милиции и уго-

тическими системами СССР, Италии и Германии. В послевоенной Фултонской речи У. Черчилль назвал СССР и нацистскую Германию «тоталитарными системами». Статус научной концепции за термином «тоталитаризм» утвердил собравшийся в 1952 году в США политологический симпозиум. В 1956 г. модель тоталитаризма охарактеризовали Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский, известные своими антиросийскими взглядами. Советские диссиденты, а после начала горбачевской перестройки и реформаторы (включая Лигачева), назвали советскую систему тоталитарной.

ловного розыска, а в краях и областях соответствующие управления при исполкомах местных Советов. Одновременно ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска» [16, с. 280–281], которое стало первым шагом по преодолению децентрализации милиции. Согласно данному документу подразделения ОГПУ СССР на местах получили право формировать кадровый состав милицейских подразделений. Для реализации этих функций в структуре центрального аппарата ОГПУ СССР была создана Главная инспекция по милиции и уголовному розыску, а в территориальных подразделениях ГПУ – особые инспекции по милиции и уголовному розыску. Под контроль ОГПУ передавалась деятельность не только штатных сотрудников милиции, но и агентурной сети уголовного розыска. Однако, несмотря на фактическое подчинение органов внутренних дел ОГПУ, надзор последнего за деятельностью милиции оставался негласным до конца 1931 г.

Еще с конца 20-х гг. в документах постоянно звучало, что «необходимо организовать при помощи секции горсоветов систематический контроль над работой милиции и ввести регулярную отчетность органов милиции и уголовного розыска перед населением» [15]. Для контроля за уголовно-розыскными учреждениями утверждались планы по обследованию их деятельности и устанавливались графики проверок [4].

Из отчетной документации по итогам проверок губернских уголовных розысков следовало, что были «вскрыты целые панорамы преступлений». Как следует из актов проведенных проверок, «наиболее характерными и тождественными для всех «пораженных» розысков является: тесная связь личного состава розыска с преступным миром, взяточничество систематическое использование проституции и т. п. ... основными причинами являются: система оперативной деятельности розыска в постановке его секретной работы, личный состав работников и его текучесть, низкая оплата труда в розыске, недостаточный надзор за его деятельностью со стороны Прокуратуры на местах, слабость руководства осуществляемого ОУР НКВД и, наконец, недостаточное внимание к этому органу со стороны общественности» [35]. Проверяющие приходили к выводу, что во многих случаях «отсутствовала грань между розыском и преступным миром в такой степени, когда трудно было отличить первого от последнего».

Из письма начальнику административного отдела Нижгубисполкома тов. Тройченко от 9 ноября 1928 г. следует, что «аппарат этих розысков разложился, имея опасную связь с лицами преступного элемента» [10]. В письме НКВД также высказано опасение, что подобное явление может повториться и в других розысках.

Тревожные сообщения исходили также от заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды, который в декабре 1928 г. писал: «в целях своевременной ликвидации со стороны НКВД выявляющихся нездоровых явлений в аппарате уголовного розыска и недопущения в будущем

положения, подобного создавшемуся, в Смоленске, Твери, Костроме и др. местах, прошу Вашего согласия на издание НКВД и ОГПУ совместного циркуляра, проект которого прилагаю... Необходимо принимать все меры, для быстрого оздоровления аппарата... О всех преступлениях сотрудников уголовного розыска незамедлительно сообщать в Центр» [12].

О неудовлетворительном состоянии дисциплины среди работников уголовного розыска также сообщалось в докладе НКВД РСФСР «О состоянии и работе милиции и уголовного розыска 1929 г.» – «во многих местах среди работников милиции и уголовного розыска наблюдаются многочисленные случаи пьянства как начальствующего, так и младшего состава, невыполнение распоряжений, оставление постов, грубое и невнимательное отношение к посетителям, опаздывание и невыход на работу и т. п. Целый ряд вскрытых за последние два года «нарывов» – в Смоленске, Твери, Калуге, Астрахани и др. местах, свидетельствует о разложении в некоторых местах аппаратов милиции и уголовного розыска» [3].

Обращает на себя внимание также и то, что в проводимых социалистических соревнованиях среди уголовных розысков РСФСР в 1929 г. среди объектов оценки их деятельности как обязательный стоял пункт «служебные преступления и дисциплинарные проступки работников Угрозыска» [11]. Работа милиции и уголовного розыска в области борьбы с преступностью, несмотря на значительные достижения, не может быть признана вполне удовлетворительной; при повышении процента раскрываемости, процент нераскрытых дел продолжает оставаться высоким. Так, в 1927 г. раскрыто – 53,8 %; в 1928 г. – 59,4 % [3].

И, главный аргумент, следует из протокола совещания от 21 июня 1929 г. «...в настоящее время, когда задачи проведения пятилетнего плана требуют полного обеспечения революционного порядка и законности в стране от посягательства капиталистических элементов города и деревни и преступных деклассированных элементов – роль административного аппарата значительно вырастет и требует всемерного усиления связи его с широкими массами советской общественности и вовлечения их в практическую работу административных органов» [32].

Постановлением ЦИК и СНК СССР 3 февраля 1931 г. милиция была приравнена в отношении важнейших льгот и преимуществ к военнослужащим [18]. Но вместе с тем повышался и спрос за результаты ее работы, усиливалась воспитательная работа с личным составом. В постановлении, а также во Временном уставе внутренней службы РКМ [2, с. 241], принято в 1931 г., должностные правонарушения сотрудников РКМ официально приравнивались к воинским преступлениям. В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 июня 1932 г. говорилось: «Воинскими преступлениями признаются направленные против установленного порядка несения службы преступления работников строевого и административно-хозяйственного состава военизиро-

ванной пожарной охраны предприятий и сооружений, имеющих государственное значение, работников оперативно-строевого и административно-хозяйственного состава рабоче-крестьянской милиции, начальствующего состава частей тылового ополчения, а также работников оперативного и административно-хозяйственного состава исправительно-трудовых учреждений» [21]. В связи с изменением подсудности дела о должностных преступлениях милиционеров передавались в ведение военных трибуналов, что до определенной степени способствовало повышению их ответственности и служебной дисциплины.

В марте 1931 г. особым приказом ОГПУ всем сотрудникам госбезопасности в центре и на местах предписывалось проводить активные мероприятия по чистке личного состава милиции и уголовного розыска. Из докладной записки начальника секретно-оперативного управления ОГПУ Г. Г. Ягоды от 20 октября 1932 г.: «из милиции 30000 вычищено, ряды усилены кадрами ОГПУ, РККА, мобилизованными коммунистами» [6].

Переподчинение милиции и уголовного розыска ОГПУ в начале 1930-х гг. объективно способствовало дальнейшей профессионализации ее деятельности и повышению правового статуса работников внутренних дел. Кроме того, усилилась ответственность милиции за результаты своей деятельности.

В декабре 1932 г. было создано Главное управление рабоче-крестьянской милиции (далее – ГУРКМ) при ОГПУ СССР [20]. Начальник ГУРКМ становился заместителем председателя ОГПУ. Это решение должно было повысить эффективность борьбы с преступностью.

В марте 1932 года в составе Оперативного отдела ОГПУ создано Общесоюзное научно-техническое отделение (далее – НТО), которое включило в себя НТО ГУМ и УР при СНК РСФСР. Вскоре Общесоюзное НТО стало центром криминалистической экспертизы в стране и организатором научной работы по криминалистике в милиции.

Постепенно перестраивался и внутренний аппарат розыскных учреждений. Для успешности проведения оперативной деятельности производилось разграничение преступности по отдельным видам. Персонально между инспекторами распределялась работа по отдельным видам преступлений, объединив их в бригады по родственности преступлений. Приказом ОУР НКВД РСФСР от 4 апреля 1929 г. активный п/отдел был построен следующим образом: личный состав инспектуры делится на 4 оперативно-наблюдательных бригады, из которых – 4-я секретная; 1, 2, 3 бригады состоят из одного старшего инспектора, возглавляющего бригаду и 2 инспекторов, причем на каждого из них возлагается определенная часть наблюдательной и оперативной деятельности; 4 бригада – секретная – состоит из 1 старшего инспектора и технических сотрудников [9]. В отношении оперативной работы в ведение бригад входит: 1-я бригада – мошенничества, аферы, фальшивомонет-

ничество и должностные преступления; 2-я – квалифицированные кражи и иные виды крупных и гастрольных краж (взломы); 3-я – бандитизм, грабежи, убийства и ското-конократство [24].

Итогом всей этой преобразовательной деятельности стало создание союзно-республиканского наркомата внутренних дел СССР в июле 1934 г. В состав этого учреждения вошло Главное управление государственной безопасности, бывшее ОГПУ, Главное управление милиции (далее – ГУМ), Главное управление пограничных и внутренних войск, Главное управление пожарной охраны, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, отдел записи актов гражданского состояния. Уголовный розыск входил в состав ГУМ на правах отдела.

Согласно постановлению ЦИК НКВД СССР 13 июля 1934 г. издал приказ «Об организации органов НКВД на местах», по которому во всех союзных республиках, кроме РСФСР, вновь создавались республиканские НКВД. В РСФСР вводился институт уполномоченных НКВД СССР.

21 августа 1934 г. вышел приказ НКВД «О структурном построении и подчинении органов НКВД», в котором был определен порядок организации, структура и правовое положение республиканских, краевых и областных органов внутренних дел.

Один из первых приказов объединенного НКВД СССР в августе 1934 г. был посвящен недочетам в работе милиции. В нем особо отмечалось, что «работники угрозыска в ряде случаев прибегают к недопустимым методам следствия», а также предписывалось «построить работу УР и наружной службы так, чтоб они друг друга дополняли, тем самым устранить разрыв между ними». Наружная милиция и в особенности участковые должны питать УР материалами для разработок и требовать быстрого реагирования на передаваемые материалы. УР, в свою очередь, должен требовать от наружной милиции систематического освещения обслуживаемых милицией участков, оказывая реальную помощь в налаживании этого освещения [25].

При анализе работы милиции и уголовного розыска в 1934 г., было обращено внимание на то, что находящиеся в распоряжении начальников отделов уголовного розыска и начальников РКМ фотографические аппараты, бинокли, фотографические и химические материалы используются и расходуются в основном на посторонние цели..., а «находящаяся в органах аппаратура ... обезличена и хранится и используется небрежно, подвергаясь преждевременной порче» [26]. В 1935 г. подчеркивалось отставание оперативно-розыскной работы милиции – «уголовный розыск работает старыми методами (пренебрегает агентурой, техникой) и естественно не может дать тех результатов в деле борьбы с уголовщиной» [27].

Для исправления сложившейся ситуации начальникам Управлений НКВД предписывалось организовать тщательную проверку состава работников УР под углом выявления преступных связей с уголовным миром и

способности к работе. Работу УР направить не только на вскрытие уже совершенных преступлений, но главным образом, на предупреждение преступлений. Вменить в обязанность участковым инспекторам, опираясь на дворников и сторожей, сельских исполнителей, бригадильцев, создать положение, чтобы ни один беглый арестант беспаспортный, беспризорный не мог найти приют на обслуживаемом им участке. Участковым инспекторам иметь учет хулиганов своего участка и лиц без определенных занятий. Начальникам отделений милиции иметь учет этих лиц на территории отделения. Материал учета должен систематически освежаться. Начальникам УР поставить агентурное обслуживание мест возможного появления уголовных элементов (пивные, рестораны и т. д.). Особое внимание уделить агентурному обслуживанию квартир осужденных, памятуя, что осужденный и изолированный преступник может бежать и скрыться по старым связям. Начальникам УНКВД организовать периодическую проверку агентуры и порядок работы с ней. Вменить в обязанность начальников милиции и начальников УР лично выезжать на место уголовных происшествий (убийство, грабеж, квалифицированные действия бандшаек). Выезжая на такие операции брать с собой молодых оперативных работников с тем, чтобы на практике обучить их как нужно сохранить и изучать следы преступления, как фотографировать и описать место происшествия, по каким логическим данным и аналогиям приступить к розыску преступников. При оперировании серьезных преступников обязательно назначать ответственных руководителей, с которыми разработать план операции в соответствии с местом, где работникам милиции придется действовать. «Всему оперативному составу УГРО изучить и принять к строгому руководству циркуляр № 24 бывш. ОГПУ о следствии. Особое внимание обратить: А) на источники и способы получения паспорта; Б) на источники и способы получения оружия; В) На связи преступника в других городах».

Перестроить дело розыска так, чтобы розыск стал оперативным, а не письменным. Для чего практиковать посылку официальных сотрудников и агентуру для розыска возможных преступников в места возможного их нахождения; дактилоскопировать и фотографировать всех арестованных за бандитизм, вооруженные и невооруженные грабежи, уличенных в краже, злостных хулиганов, аферистов и бежавших из заключения; при задержании преступников и подозрительных обязательно обыскать и проверять по дактилоскопической и алфавитной картотекам; периодически проверять разыскиваемых по адресному столу; каждые три месяца проверять адресные столы; своевременно снимать с розыска всех разысканных; начальникам УНКВД обеспечить такой порядок, при котором опасные преступники не ожидалась бы из-под стражи до суда [27].

В целях улучшения розыска преступников в пунктах, установленных ГУРКМ, стали создаваться кустовые адресные бюро, которые являлись составной

частью паспортных органов РКМ [28]. Г. Г. Ягода обращал внимание на то, что «в деле розыска техника – аккуратное заполнение карточек и точная своевременная их раскладка в картотеки и столы, внимательное описание примет, кропотливое собрание всех сведений на разыскиваемого, быстрое реагирование на каждый запрос по розыску играет решающую сугубо важную роль» [29].

В целях учета преступников и их преступной деятельности органы НКВД обязывались вести алфавитную (по фамилиям) и дактилоскопическую (по пальцевым отпечаткам) регистрацию [7]. Дактилоскопическая картотека строилась по дактилоскопическим формулам, которые выводились только в регистрационных отделениях уголовного розыска УРКМ, ведущих дактилоскопические картотеки. Подчеркивалась важность «учета спецаппаратуры и приборов в ОУР» [30].

Принятые меры обеспечили в некоторой степени улучшение дела розыска. Так из отчета о работе милиции следует, что «в 1933 г. в связи с ростом бандитизма в ряде регионов ГУРКМ даны директивы на места и направлялись несколько десятков опергрупп. Ликвидировано в сельской местности 2 256 банд (206 человек в каждой), всего 6 249 участников; в городах 677 – 3 329 (в Москве 59 – 250)» [13]. В очередном подведении итогов борьбы с преступностью отмечено, что «в 1935 г. в сравнении с 1934 г. по СССР снизились: а) вооруженные грабежи на 45 %; б) грабежи невооруженные на 46 %; в) квалифицированные кражи на 32 %; г) кражи простые на 17 %; д) скотокрадство на 55 %» [31, с. 517–521]. Из беседы с начальником уголовного розыска Ленинграда Красношеевым от 16 декабря 1936 г. известно, что: «около 1,5 лет в практике УР не встречается слово «налет». Втрое против прошлого года сократились грабежи с насилием. Такие преступления стали редкостью. В три раза по сравнению с 1933 г. и в два – по сравнению с 1935 г. уменьшилось число ограблений и раздеваний на улицах. Убийства на почве ревности или во время бытовых ссор за последние 3 года сократились на 30 процентов. В основном УР занят теперь борьбой с кражами, число которых в Ленинграде составляет 34 процента от 1933 г.» [14].

Тем не менее, розыск оставался пока еще не на должной высоте. Объяснялось это, во-первых, тем, что основа всякого розыска – система паспортной регистрации, действовала с большими сбоями. Во-вторых, решающий вид всякого розыска – местный розыск, требовал специальных оперативных мер, быстроты, гибкости. Местный оперативный розыск не контролировался ни оперативными отделами ГУГБ НКВД, ни начальниками УНКВД. В третьих, количество разыскиваемых давило на качество розыска, а работники розыска не умели выделять из общей массы разыскиваемых тех беглецов, которые должны быть разысканы в первую очередь [29].

В августе 1937 г. циркуляром НКВД предписывалось усиливать борьбу с преступностью с помощью обычной и особой «троек», а на время «работ особой

тройки всемерно активизировать работу всей милиции, особенно уголовного розыска...» [36, с. 52–53].

Продолжалась специализация подразделений уголовного розыска. С 1939 г. в аппарате созданы следственные группы. Аппарат разделялся на две части: оперативно-розыскную и следственную. Отмечалось, что опыт разделения в ряде УРКМ работы ОУР и ОБХСС на агентурную и следственную дал положительные результаты: сокращение сроков расследования и улучшение качества всего следственного производства. Кроме того, такое разделение повысило практическую и теоретическую подготовку работников, выделенных для расследования, и одновременно улучшило агентурно-оперативную работу.

5 сентября 1939 г. ЦК ВКП (б) утверждает Положение «О политическом отделе ГУРКМ НКВД СССР», а также Инструкцию «О работе политотделов главных управлений и отделов НКВД СССР» [8]. По приказу НКВД в ноябре 1939 г. должностные звания «директор милиции», «инспектор милиции» и некоторые другие были упразднены и введены новые: участковый уполномоченный, оперативный уполномоченный уголовного розыска, старший оперуполномоченный ОБХСС и т. д.

В заключении можно отметить, что превращение на глазах советских людей и всего мира «России лапотной» в могучую индустриальную державу, беспрецедентный рост экономического и военного могущества, ликвидация неграмотности, расцвет культуры, литературы, искусства должны были сопровождаться столь же ощутимыми результатами по наведению порядка. А для этого необходимо было преодолеть кризисные явления, едва не приведшие в конце 20-х годов к ликвидации милиции, во всяком случае, существенно снизившими эффективность ее работы. Именно на это, как показывают архивные документы и материалы, и были направлены усилия правительственных инстанций, Наркомата внутренних дел СССР. Значительное расширение круга возлагавшихся на органы милиции и уголовного розыска задач потребовало как количественного увеличения их штатной численности, так и повышения квалификации кадров. При этом приходилось преодолевать значительные трудности, корнями уходившие в предшествующие годы, поэтому достичь заметных результатов, что называется в одночасье, было невозможно.

Список источников

1. Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР. 1917–1968 гг. Третья часть трилогии. М. 1977.
2. Временный устав службы Рабоче-крестьянской милиции от 20 октября 1931 г. // Сборник приказов и циркуляров Главного управления РК милиции. М., 1931. № 12.
3. Доклад НКВД РСФСР о состоянии и работе милиции и уголовного розыска 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 2. Л. 38–48.
4. Докладная записка начальника ОУР народному комиссару внутренних дел 27/VII – // Государственный

архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 66. Л. 24.

5. Докладная записка в СНК РСФСР за 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 1. Л. 206.

6. Из докладной записки начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Г. Г. Ягоды секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе о состоянии и работе РКМ Союза (к XV-летию ее существования) от 20 октября 1932 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1413. Л. 2–19.

7. Инструкция о регистрации преступников в НКВД СССР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 6.

8. Инструкция о работе политического отдела ГУРКМ НКВД СССР (15 сентября 1939 г.) // ГАРФ. Фонд 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 66.

9. Начальнику ОУР НКВД от начальника активного п/отдела ОУР Назарова // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 3. Л. 26–31.

10. Начальнику административного отдела Нижгубисполкома тов. Тройченко 9 ноября 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 6. Л. 28.

11. Объекты социалистического соревнования для уголовных розысков // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 7. Л. 91.

12. ОГПУ Ягода ОУР 8 декабря 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 6. Л. 169–170.

13. Отчет о работе милиции за 1933 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 36.

14. Падение преступности в Ленинграде (беседа с начальником уголовного розыска Ленинграда Красношеевым) от 16 декабря 1936 г. // Известия. От 16 декабря 1936 г. № 292. С. 3.

15. Письмо в Президиум ВЦИК от 8 сентября 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 15. Л. 548.

16. Политбюро и органы государственной безопасности. М., 2017.

17. Положение об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска (ОСОДМИЛ) 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 2. Л. 7.

18. Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР о правовом и материальном положении работников рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска от 3 февраля 1931 г. // Собрание узаконений СССР за 1931 г. № 8. Ст. 90.

19. Постановление СНК РСФСР о реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска от 29 апреля 1932 г. // Собрание узаконений РСФСР за 1932 г. № 38. Ст. 173.

20. Постановление ЦИК и СНК СССР об образовании Главного управления рабоче-крестьянской мили-

ции при ОГПУ СССР от 27 декабря 1932 г. // Правда. От 28 декабря 1932. № 358. С. 2.

21. Постановление ЦИК и СНК СССР об изменении Положения о воинских преступлениях от 7 июня 1932 г. // СЗ СССР за 1932 г. № 44. Ст. 259.

22. Постановление ЦИК и СНК СССР о ликвидации Народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик от 15 декабря 1930 г. // Собрание узаконений за 1930 г. № 60. Ст. 640.

23. Предложения по докладу начальника отдела уголовного розыска 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 14. Л. 58–61.

24. Приказание ОУР НКВД от 4 апреля 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 3. Л. 24.

25. Приказ НКВД СССР № 0027 о недочетах в работе милиции от 15 августа 1934 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 5.

26. Приказ № 027 от 10 октября 1934 г., г. Москва // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 1–1 об.

27. Приказ № 00162 о работе уголовного розыска от 29 апреля 1935 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 2–4.

28. Положение о кустовых адресных бюро (приложение к приказу НКВД СССР 1937 г. № 077) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 51.

29. Приказ НКВД СССР № 0102 от 10 сентября 1936 г., гор. Москва. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 16–17.

30. Приказ НКВД СССР № 252 от 15 апреля 1938 г., гор. Москва // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 138. Л. 61.

31. Приказ № 0096 наркома внутренних дел СССР Г. Г. Ягоды об итогах борьбы органов милиции с преступностью за 1935 г. от 17 марта 1936 г. // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. : в 2 т. / сост. : М. Юнге, С. А. Кокин, Р. Биннер и др. ; под общ. ред. О. А. Довбни, Л. С. Макаровой. М., 2010. Т. 2.

32. Протокол совещания 21 июня 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 2. Л. 68.

33. Селедкин В. ДНД – напоминание о будущем? // Милиция, июнь 1993.

34. Тезисы по организационным вопросам 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 83. Д. 2. Л. 207.

35. Циркулярное письмо краевым, областным, губернским и окружным прокурорам 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 77. Л. 132.

36. Циркуляр № 61 заместителя наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновского об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами (7 августа 1937 г.) // Иванов В. А. Органы государственной

безопасности и массовые репрессии на Северо-Западе в 30–50-е годы. СПб., 1995.

References

1. Winter E. Vatican policy towards the USSR. 1917–1968. The third part of the trilogy. M. 1977.

2. Temporary charter of the Workers' and Peasants' militia service of October 20, 1931 // Collection of orders and circulars of the Main Directorate of the RK militia. M., 1931. № 12.

3. Report of the NKVD of the RSFSR on the state and work of the police and criminal investigation in 1929 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 2. L. 38–48.

4. Memo of the head of the ESD to the People's Commissar of Internal Affairs 27/VII – // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 78. D. 66. L. 24.

5. Memo to the SNK of the RSFSR for 1929 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 1. L. 206.

6. From the memo of the Head of the Secret Operational Department of the OGPU G. G. Yagoda to the Secretary of the CEC of the USSR A. S. Enukidze on the state and work of the RCM of the Union (to the XV anniversary of its existence) from October 20, 1932 // State Archive of the Russian Federation. F. 3316. Op. 2. d. 1413. L. 2–19.

7. Instructions on the registration of criminals in the NKVD of the USSR // State Archive of the Russian Federation. F. 9401. Op. 12. D. 138. L. 6.

8. Instructions on the work of the political department of the NKVD of the USSR GURKM (September 15, 1939 // GARF. Fund 9401. Op. 12. D. 138. L. 66.

9. To the head of the NKVD ESD from the head of the active p/department of ESD Nazarov // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 3. L. 26–31.

10. To the head of the administrative department of the Lower Executive Committee of Comrade. Troichenko November 9, 1928 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 6. L. 28.

11. Objects of socialist competition for criminal investigations // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 7. L. 91.

12. OGPU Yagoda OUR December 8, 1928 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 6. L. 169–170.

13. Report on the work of the police for 1933 // APRF. F. 3. Op. 57. D. 36.

14. The fall of crime in Leningrad (conversation with the chief of the criminal investigation department of Leningrad Krasnosheev) of December 16, 1936 // Izvestia. Dated December 16, 1936. № 292. P. 3.

15. Letter to the Presidium of the Central Executive Committee of September 8, 1928 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 78. D. 15. L. 548.

16. Politburo and State security agencies. M., 2017.

17. Regulations on societies for assistance to police and criminal investigation bodies (OSODMIL) 1929 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 2. L. 7.

18. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR on the legal and material status of workers of the workers' and Peasants' militia and criminal investigation dated February 3, 1931 // Collection of laws of the USSR for 1931. № 8. Art. 90.

19. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR on the reorganization of societies for assistance to police and criminal investigation bodies dated April 29, 1932 // Collection of laws.

20. Resolution of the CEC and the SNK of the USSR on the formation of the Main Directorate of the Workers' and Peasants' Militia under the OGPU of the USSR of December 27, 1932 // Pravda. Dated December 28, 1932. № 358. P. 2.

21. Resolution of the CEC and the SNK of the USSR on the amendment of the Regulations on military Crimes of June 7, 1932 // SZ of the USSR for 1932. № 44. Art. 259.

22. Resolution of the CEC and the SNK of the USSR on the liquidation of the People's Commissariats of Internal Affairs of the Union and Autonomous Republics of December 15, 1930 // Collection of laws for 1930. № 60. Art. 640.

23. Proposals for the report of the head of the Criminal Investigation Department of 1928 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 78. D. 14. L. 58–61.

24. The order of the NKVD ESD of April 4, 1929 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 3. L. 24.

25. Order of the NKVD of the USSR № 0027 on shortcomings in the work of the militia of August 15, 1934 // State Archive of the Russian Federation. F. 9401. Op. 12. D. 138. L. 5.

26. Order № 027 of October 10, 1934, Moscow // State Archive of the Russian Federation. F. 9401. Op. 12. D. 138. L. 1–1 vol.

27. Order № 00162 on the work of the Criminal Investigation Department of April 29, 1935 // State Archive of the Russian Federation. F. 9401. Op. 12. D. 138. L. 2–4.

28. Regulations on cluster address bureaus (appendix to the order of the NKVD of the USSR of 1937 № 077) // State Archive of the Russian Federation. F. 9401. Op. 12. D. 138. L. 51.

29. Order of the NKVD of the USSR № 0102 of September 10, 1936, Moscow // State Archive of the Russian Federation. F. 9401. Op. 12. D. 138. L. 16–17.

30. Order of the NKVD of the USSR № 252 of April 15, 1938, Moscow // State Archive of the Russian Federation. F. 9401. Op. 12. D. 138. L. 61.

31. Order № 0096 of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR G. G. Yagoda on the results of the struggle of the police against crime for 1935 dated March 17, 1936 // «Through the corpses of the enemy for the benefit of the people». «Kulak operation» in the Ukrainian SSR 1937–1941 : in 2 volumes / comp. : M. Junge, S. A. Kokin, R. Binner, etc. ; under the general editorship of O. A. Dovbni, L. S. Makarova. M., 2010. Vol. 2.

32. Minutes of the meeting on June 21, 1929 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 2. L. 68.

33. Seledkin V. DND – a reminder of the future? // Militia, June 1993. P. 11–15.

34. Theses on organizational issues of 1929 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 83. D. 2. L. 207.

35. Circular letter to regional, regional, provincial and district prosecutors 1928 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 78. D. 77. L. 132.

36. Circular № 61 of the Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR M. P. Frinovskiy on strengthening the fight against robbers and recidivist criminals (August 7, 1937) // Ivanov V. A. Organs of the state.

Информация об авторах

В. М. Исаков – старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отделения Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. В. Мельник – доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. M. Isakov – Senior Researcher of the Research and Editorial and Publishing Department of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences;

E. V. Melnik – Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья
УДК 34.502.51(282)
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-103-107>
НИОН: 2015-0066-1/23-605
MOSURED: 77/27-011-2023-01-804

Эффективность охраны водных ресурсов в РФ: правовое регулирование, возможности и приоритеты использования водохозяйственного комплекса, перспективы улучшения качества воды

Сергей Яковлевич Казанцев¹, Олег Ростиславович Саркисов²

¹ Казанский юридический институт МВД РФ, Казань, Республика Татарстан, menedqment@mail.ru

² Институт социальных и гуманитарных знаний, Казань, Республика Татарстан, oleg_sarkisov@mail.ru

Рецензент: Председатель Казанского гарнизонного военного суда, кандидат юридических наук, доцент,
Заслуженный юрист РТ Э. Е. Сафонов

Аннотация. Рассматривается состояние водных ресурсов России, правовое положение, экономические стимулы и условия развития водохозяйственного комплекса. На основании чего определяются задачи, стоящие перед обществом и государством, направленные на реализацию проблем в области охраны водных ресурсов, подлежащих устранению.

Ключевые слова: состояние рек России, проблемы водопользования, законодательные и приоритетные возможности, перспективы улучшения состояния водных ресурсов

Для цитирования: Казанцев С. Я., Саркисов О. Р. Эффективность охраны водных ресурсов в РФ: правовое регулирование, возможности и приоритеты использования водохозяйственного комплекса, перспективы улучшения качества воды // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 103–107. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-103-107>.

Original article

Effectiveness of water resources protection in the Russian Federation: legal regulation, opportunities and priorities for the use of the water management complex, prospects for improving water quality

Sergey Ya. Kazantsev¹, Oleg R. Sarkisov²

¹ Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Republic of Tatarstan, menedqment@mail.ru

² Institute of Social and Humanitarian Knowledge, Kazan, Republic of Tatarstan, oleg_sarkisov@mail.ru

Reviewer: Chairman of the Kazan Garrison Military Court, Candidate of Law, Associate Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan E. E. Safonov

Abstract. The state of Russia's water resources, the legal situation, economic incentives and conditions for the development of the water management complex are considered. On the basis of which the tasks facing society and the state are determined, aimed at implementing problems in the field of water resources protection to be eliminated.

Keywords: state of the rivers of Russia, problems of water use, legislative and priority opportunities, prospects for improving the state of water resources

For citation: Kazantsev S. Ya., Sarkisov O. R. Effectiveness of water resources protection in the Russian Federation: legal regulation, opportunities and priorities for the use of the water management complex, prospects for improving water quality. Bulletin of economic security. 2023;(1):103–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-103-107>.

Вода – незаменимый, но ограниченный и уязвимый природный ресурс. Запасы мировых океанических и континентальных вод составляют 1,5 млрд куб. км [1].

Современное состояние водных ресурсов в мире определяется как одна из острейших проблем человечества. Негативная деятельность людей и производственной

© Казанцев С. Я., Саркисов О. Р., 2023

сферы является одним из самых вредных и опасных воздействий на водные объекты. Водный дефицит испытывают 250 млн человек в 26 странах. Проблемы чистой воды и охраны водных экосистем становятся все более острыми по мере развития цивилизации и общества.

Российская Федерация принадлежит к числу наиболее обеспеченных водными акваториями стран, по запасам которых она занимает второе место в мире. Реки являются основой водного фонда России, занимая порядка 12 % территории суши [2]. Объем речного стока составляет в среднем по водности в год 4,3 тыс. куб. км. В Российской Федерации расположены 2,5 млн рек, 2,7 млн. озер, 2 290 крупных водохранилищ, 37 тыс. крупных систем межбассейнового перераспределения стока, что соответствует 20 % мировых запасов пресных вод.

Мониторинг водных ресурсов дает основание полагать, что состояние поверхностных пресных вод России с каждым годом ухудшается. Большинство водных объектов значительно загрязнено, или являются грязными. Причина ухудшения ситуации – хозяйственная деятельность [3]. Развитие мегаполисов, рост промышленного производства неизбежно увеличивают объем водопотребления и использования ее во всех сферах народного хозяйства, что и приводит к деградации водных ресурсов, их засорению и загрязнению, к снижению способности воды к самоочищению. Кроме того, загрязнение рек, водоемов, подземных вод не выдерживает никакой критики. Каждый второй житель РФ употребляет для питьевых целей воду, не соответствующую по ряду показателей установленным нормам. Свыше 72 % сточных вод, подлежащих очистке (13,8 куб. км), сбрасываются в водные объекты недостаточно очищенными, 17 % (3,4 куб. км) загрязненными без очистки и только 11 % (2 куб. км) являются очищенными до установленных нормативов. Не соответствуют нормативам в настоящее время от 35 до 60 % питьевой воды в России, около 40 % поверхностных и 17 % подземных источников питьевого водоснабжения [4].

Стратегическая цель государственного управления водными запасами в стране – это достижение и поддержание экономически эффективного и экологически безопасного уровня водопользования, употребление чистой воды для питья населения, проживающего в мегаполисах страны. В этой связи «Водная стратегия» Российской Федерации» была утверждена Распоряжением Правительства РФ от 27 августа 2009 года – документ долгосрочного планирования, определяющий основные направления деятельности по развитию водохозяйственного комплекса на период до 2020 года. Кроме того, российская нормативная база в области водно-ресурсного обеспечения страны изобилует законами и нормами. Основными законодательными и нормативными актами, которые регламентируют охрану водных объектов, являются: 1) международные конвенции – Хельсинская Конвенция Европейской Экономической Комиссии (ЕЭК) ООН по охране и использованию трансграничных водо-

токов и международных озер 1992 г. (далее – Конвенция 1992 г.), Конвенция о водно-болотных угодьях (Рамсарская конвенция) 1971 года 2) национальное законодательство – Водный кодекс Российской Федерации от 03 июня 2006 г № 74-ФЗ (в редакции от 01.04.2022 г. № 82-ФЗ), Закон Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 года № 446-ФЗ), Федеральный закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении», Федеральный закон РФ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (с изменениями и дополнениями, в ред. от 30.12.2021 г. № 445-ФЗ), Федеральный закон «О безопасности гидротехнических сооружений» от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ (в ред. от 11.07.2021 г. № 193-ФЗ), Постановление Правительства РФ от 26 октября 2019 г. № 1379 «Об утверждении Правил отнесения водных объектов» и др.

Вышеуказанные законы России необходимы и предназначены для сохранения и рационального использования водных ресурсов и определяют задачи действующим специально уполномоченным органам – Федеральному агентству водных ресурсов, Федеральной службе по надзору в сфере транспорта – Ространснадзору, Российской компании централизованных систем водоснабжения и водоотведения – Росводоканалу. В этой связи обеспечение качественной водой населения, создание благоприятных условий для функционирования всех отраслей экономики их количественного и качественного воспроизводства является важным направлением деятельности вышеуказанных органов. Однако, к сожалению, до сих пор имеет место низкая эффективность системы воспроизводства и управления водным хозяйством, ограниченное внедрение новых современных разработанных систем по сокращению объемов сброса сточных вод в водохранилища и реки страны. Сдерживающими факторами, препятствующими дальнейшему развитию водохозяйственного комплекса РФ, являются: плохая техническая оснащенность, расточительное водопользование с высоким удельным расходом воды, неудовлетворительное качество воды в водных объектах, значительный материальный ущерб от негативного воздействия вод, промышленных стоков, канализационных сбросов, сливов с полей, отходов животноводческих комплексов.

В отдельных регионах страны реки и озера продолжают испытывать серьезную антропогенную нагрузку, выражающуюся в поступлении в них загрязненных сточных вод из различных источников. Кроме того, потепление и климатические условия определяют изменения стоков в бассейнах больших рек. Максимальную нагрузку от загрязнения испытывают бассейны рек Волги и Оби, на долю которых приходится 63 % всех случаев высоких и экстремально высоких уровней загрязнений.

Так, в Республике Татарстан протекают большие реки общей протяженности 19 тыс. км: Волга, Кама,

Вятка, Меша, Белая и множество средних и малых. Сток рек в республике ежегодно составляет 234 млрд куб. м, в которые сбрасывается более 700 млн куб. м сточных вод, в том числе не очищенных – 80 %, с которыми поступают 600 тыс. тонн загрязняющих веществ. [5] Все это связано с недостаточной эффективностью работы очистных сооружений, отсутствием контроля за сбросом загрязненных вод, невыделением средств для строительства новых водоохраных комплексов и зон. Из протокола заседания Ученого совета в 2005 году при Президиуме Академии наук Татарстана известно, что на 80 % Волга, протекающая по территории республики, уже превратилась в болото [6], серьезно пострадали 79 рек длиной более 100 км, и 260 рек длиной 60 км. Из-за пересыхания Куйбышевского водохранилища гибель грозила 80 % рыбного стада, кроме того, в связи с обмелением рек под угрозой оказалось все речное судоходство. А вслед за этим, как подсчитали ученые, регион могли покинуть 90 % млекопитающих – птиц и животных. Становится очевидным, что изменение климата привело к существенному ухудшению водного режима России. Потепление влияет и на систему стока больших и малых рек Республики Татарстан [7]. К сожалению, в республике до настоящего времени продолжают иметь место факты сброса загрязненных отходов в бассейны рек и озер. Экологические ведомства, а также общественные организации бьют тревогу, принимают ряд мер, но этого недостаточно, в том числе из-за отсутствия госфинансирования, что отмечалось выше. Как отметил глава Республики Татарстан Рустам Минниханов на недавнем заседании Бассейнового совета Нижневолжского округа, «Татарстан – один из самых многоводных и промышленно развитых регионов, как в Приволжском федеральном округе, так и в РФ: 6,4 % территории покрыто водой. Это богатство, которое, несомненно, нужно беречь и сохранять. Водные ресурсы – это стратегически важная составляющая Республики – и для водоснабжения, и как источник энергии, и как транспорт. В этой связи основная цель – улучшить состояние реки, сократив к 2025 году объемы сброса загрязненных сточных вод более чем в три раза. Государственное финансирование только по этому направлению составит порядка 18 млрд рублей. На период с 2022 по 2024 год республике Татарстан на реализацию регионального проекта «Экология» предусмотрено 12 332,2 млн руб., в том числе из федерального бюджета 9 966,4 млн руб.: на федеральный проект «Оздоровление Волги» – 11 183,7 млн руб., на 2024 год – 3 842 млн руб. Из крупных проектов – запланировано строительство и реконструкция 13 очистных сооружений» [8].

Минприроды России одобрило проекты Республики Татарстан и других регионов, вносящих определенный вклад в модернизацию систем водоотведения и очистных сооружений на реке Волге. Кроме того, стартуют масштабные проекты по улучшению качества воды в трех крупнейших водоемах страны – реке Волги

и озер Байкал и Телецкое – по нацпроекту «Экология». Государство планирует направить на эти цели порядка 49,2 млрд рублей. Сроки реализации 2019–2024 гг. Кроме того, Распоряжением Правительства РФ от 13 мая 2021 года № 1219-р более 138,7 млн рублей выделено девяти регионам России для улучшения экологического состояния и очистки рек и озер [9].

К сожалению, на территории Российской Федерации неблагоприятная ситуация в области водных ресурсов продолжает иметь место. Экстремально высокие уровни загрязнения поверхностных пресных вод отмечались на 130 водных объектах, высокие уровни загрязнения – на 331 водотоке. Министерство энергетики России еще в своем Докладе за 2018 год определило, что сброс сточных вод в водные объекты составляет 458,9 млн куб. м из них загрязненных вод, т. е. без очистки 345.1 куб. м. Вместе с тем, объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные акватории, в 2020 году сократился на 5,97 % по сравнению с 2019 годом, видимо, водоемы и водотоки справляются с обезвреживанием загрязненных участков. Вызывает тревогу и то, что, по прогнозам международного сообщества, запасы пресной питьевой воды далеко не безграничны, и они уже подходят к концу. Согласно исследованиям, к 2025 году больше половины государств планеты либо ощутят серьезную нехватку воды, либо почувствуют ее недостаток, а к середине XXI века уже трем четвертям населения Земли не будет хватать пресной воды. Кроме того, ученые констатируют, что 1 миллиард 400 миллионов жителей земли не имеют доступа к пресной воде. В ближайшем будущем ситуация будет только усугубляться [10].

В этой связи актуализируется первоочередная задача специально уполномоченным органам России в области водопользования – осуществлять формирование и реализацию долгосрочной целевой программы по использованию и охраны водных объектов, направленной на системное решение проблем сохранения и восстановления водных ресурсов страны как системообразующего элемента окружающей среды. Определяется важность издания законов (документы территориального планирования), которые бы устанавливали долгосрочные, конкретные нормативы и предписания вышеуказанным государственным структурам и другим ведомствам, с поэтапным достижением положительных результатов по очищению рек и водотоков. Загрязнения и засорения водоемов должны рассматриваться с принятием мер, предусматривающих постоянное и планомерное снижение вредных воздействий на водные ресурсы. Среди организационно-технических мероприятий, которые способствуют предотвращению истощения водных ресурсов и улучшению качества поверхностных и подземных вод, действенным и наиболее эффективным является очистка сточных вод [11]. Основные способы очистки: механические, биологические (биохимические), физико-химические, такие как хлорирование, методы дезинфекции с применением гипохло-

рита натрия, диоксид хлора, – являющиеся хорошими дезинфекционными средствами, способными разрушать биологические пленки в воде и на внутренних стенках трубопроводов. Кроме того, целесообразна планомерная работа по восстановлению водохозяйственных систем и реконструкций хозяйственных сооружений, разработка схем комплексного использования и охраны водных объектов. Бережное отношение к водным ресурсам, сокращение объемов сброса сточных вод в водохранилища и введение в хозяйственных зонах на предприятиях оборотного водоснабжения, построенного на замкнутых циклах перераспределения водотоков, обеспечит результативную систему учета и контроля. Сохранение водных объектов, их качество, охрана и комплексное использование является одной из важных задач государства. Законодательно должны быть закреплены меры персональной ответственности для лиц, на которых возложена обязанность сохранения водоемов и зон, особо охраняемых водных объектов, в случаях неисполнения ими своих должностных функций. Инновации, налоговая стимуляция и огромные штрафы – вот то, что может в комплексе способствовать разрешению проблемы загрязнения водотоков и рек страны.

Главная цель и руководящая роль государства (особо уполномоченных органов Российской Федерации) с учетом действующих правовых норм по охране и использованию водных ресурсов России, как мы считаем, должна состоять в обеспечении качественной водой населения, повсеместном строительстве очистных сооружений, создании благоприятных условий для функционирования водохозяйственной системы. В этой связи охрана водоемов от истощения и загрязнения, их количественного и качественного воспроизводства, восстановление водотоков промышленных объектов, а также просвещение и информирование населения, живущего у берегов загрязненных рек, о заболеваемости и влиянии экологических факторов на состояние здоровья, является неперенным условием перспективного развития водной отрасли России.

Список источников

1. Алексеева А. Г. Управление водными ресурсами в Российской Федерации. СПб. : ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2015. 44 с.
2. Асарин А. Е. Проблемы водообеспечения // Водные ресурсы / Российская академия наук. М., 2005. Т. 32. № 5. С. 634–636.
3. Сиваков Д. О. К вопросу о состоянии и перспективах развития водного права России // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 139–147.
4. Степаненко А. С., Барашева Е. В. К вопросу правовой охраны водных ресурсов // ГлаголЪ правосудия. 1 (19). 2019. С. 35–39.
5. Щеповских А. Проблемы экологии и пути их решения в Республике Татарстан // Панорама-форум,

1997, № 14 – Специальный выпуск: Экология Республики Татарстан: проблемы и решения. С. 13.

6. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2015 г. // Министерство экологии и природных ресурсов РТ (24.06.2016).

7. Болгов М. В., Коробкина Е. А., Трубецкова М. Д., Филимонова М. К., Филиппова И. А. Современные изменения климатических характеристик и вероятностные оценки изменения минимального стока в бассейне реки Волга // Водное хозяйство России. № 3. 2014. С. 75–84.

8. Аргументы и Факты № 40 (2185) 5–11 октября 2022 г. «Спасти Волгу-Матушку». С. 4.

9. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2021 г. № 515 «Приоритеты и цели государственной политики в сфере эффективного использования водных ресурсов».

10. Данилов-Данильян В. И. Глобальная проблема дефицита пресной воды и мировой рынок // Водные ресурсы. 2005. Т. 32. № 5. С. 625–633.

11. Хохрякова Е. Современные методы обеззараживания воды // Библиотека «Аква-Терм». 2014. С. 110.

References

1. Alekseeva A. G. Water resources management in the Russian Federation. SPb. : St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, 2015. 44 p.
2. Asarin A. E. Problems of water supply // Water resources / Russian Academy of Sciences. M., 2005. Vol. 32. № 5. P. 634–636.
3. Sivakov D. O. On the issue of the state and prospects of development of water law in Russia // Journal of Russian Law. 2018. № 5. P. 139–147.
4. Stepanenko A. S., Barasheva E. V. On the issue of legal protection of water resources // Glagol of Justice. 1 (19). 2019. P. 35–39.
5. Shchepovskikh A. Problems of ecology and ways to solve them in the Republic of Tatarstan // Panorama-Forum, 1997, № 14 – Special issue : Ecology of the Republic of Tatarstan : problems and solutions. P. 13.
6. State report on the state of natural resources and environmental protection of the Republic of Tatarstan in 2015 // Ministry of Ecology and natural resources of the Republic of Tatarstan (24.06.2016).
7. Bolgov M. V., Korobkina E. A., Trubetskova M. D., Filimonova M. K., Filippova I. A. Modern changes in climatic characteristics and probabilistic estimates of changes in minimum flow in the Volga River basin // Water management of Russia. № 3. 2014. P. 75–84.
8. Arguments and Facts No. 40 (2185) 5–11 October 2022 «To save the Mother Volga». P. 4.
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 31, 2021 № 515 «Priorities and goals of state policy in the field of efficient use of water resources».

10. Danilov-Danilyan V. I. The global problem of freshwater scarcity and the world market // Water resources. 2005. Vol. 32. № 5. P. 625–633.

11. Khokhryakova E. Modern methods of water disinfection // Library «Aqua-Term». 2014. P. 110.

Библиографический список

1. Федеральная целевая программа «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 гг.», утверждена Постановлением Правительства РФ от 12 апреля 2012 года № 350.

2. Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2020 г. № 1391 «Об утверждении правил охраны поверхностных водных объектов».

3. Региональная программа по строительству и реконструкции (модернизации) очистных сооружений централизованных систем водоотведения в Республике Татарстан на 2019–2024 годы, утверждена Постановлением Кабинета Министров РТ от 30 июля 2019 г. № 635.

4. Думнов А. Д. Статистика окружающей природной среды: история и современность. Водные ресурсы, водопользование и охрана вод в России : тенденции последних лет // Вопросы статистики. 2008. № 3. С. 5–18.

5. Комаров И. К. Возрождение Волги – шаг к спасению России // Наука в России. 1996. № 5. 511 с.

6. Постановление КМ РТ от 28 декабря 2013 г. № 1083 «Об утверждении государственной программы

«Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов Республики Татарстан на 2014–2020 годы».

Bibliographic list

1. The Federal Target Program «Development of the Water Management Complex of the Russian Federation in 2012–2020», approved by Decree of the Government of the Russian Federation № 350 dated April 12, 2012.

2. Decree of the Government of the Russian Federation № 1391 dated September 10, 2020 «On approval of the rules for the protection of surface water bodies».

3. The regional program for the construction and reconstruction (modernization) of centralized wastewater treatment facilities in the Republic of Tatarstan for 2019–2024, approved by Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan № 635 dated July 30, 2019.

4. Dumnov A. D. Statistics of the natural environment: history and modernity. Water resources, water use and water protection in Russia : trends of recent years // Questions of statistics. 2008. № 3. P. 5–18.

5. Komarov I. K. The revival of the Volga – a step to the salvation of Russia // Science in Russia. 1996. № 5. 511 p.

6. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated December 28, 2013 № 1083 «On approval of the State program “Environmental protection, reproduction and use of natural resources of the Republic of Tatarstan for 2014–2020».

Информация об авторах

С. Я. Казанцев – профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД РФ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Татарстан;

О. Р. Саркисов – доцент кафедры теории и истории государства и права Института социальных и гуманитарных знаний, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан.

Information about the authors

S. Ya. Kazantsev – Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan;

O. R. Sarkisov – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Republic of Tatarstan.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-108-116>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-1/23-606

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-011-2023-01-805

Взаимосвязь материальных и процессуальных норм в контексте международного сотрудничества

Кирилл Константинович Клевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,

klevtsov001@gmail.com

Аннотация. Исследуются теоретические особенности соотношения норм материального и процессуального уголовного права в контексте взаимодействия государств в борьбе с преступностью. Предметом статьи являются нормы российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, международно-правовые нормы, а также решения отечественных судов по конкретным уголовным делам. Целью исследования явилось обоснование необходимости согласования норм материального и процессуального уголовного права применительно к межсистемному институту выдачи лиц (экстрадиции) и оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам. В рукописи применялись такие методы как диалектико-материалистический, анализ и синтез, а также частнонаучные (толкования норм права, догматико-юридический и сравнительного правоведения), а также соответствующие методики и техники исследований (обобщение правоприменительной практики и процедуры юридического описания действующего законодательства). Автор приходит к выводу о возможности принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) со ссылкой на уголовный закон и международный договор, когда предполагаемое уголовно преследуемое лицо обладает соответствующим международным иммунитетом или обладает иными привилегиями. Обосновывается необходимость устранения законодательного пробела в части установления низшего предела санкции за квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений (не менее одного года лишения свободы) для оптимизации механизма выдачи лиц.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, нормы, международное сотрудничество, прекращение уголовного дела, экстрадиция, правовая помощь, иммунитеты и привилегии, принцип «двойной криминальности»

Для цитирования: Клевцов К. К. Взаимосвязь материальных и процессуальных норм в контексте международного сотрудничества // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 108–116. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-108-116>.

Original article

Interrelation of substantive and procedural rules in the context of international cooperation

Kirill K. Klevtsov

Moscow State Institute of International Relations (University)

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,

klevtsov001@gmail.com

Abstract. The theoretical features of the correlation between the norms of substantive and procedural criminal law in the context of the interaction of states in the fight against crime are being examined. The subject of the article is the norms of Russian criminal and criminal procedure legislation, international legal norms, as well as decisions of domestic courts in specific criminal cases. The purpose of the study was to substantiate the need to harmonize the norms of substantive and procedural criminal law in relation to the intersystem institution of the extradition of persons (extradition) and the provision of mutual legal assistance in criminal cases. The manuscript used such methods as dialectical-materialistic, analysis and synthesis, as well as private scientific (interpretation of the rules of law, dogmatic-legal and comparative law), as well as relevant research methods and techniques (generalization of law enforcement practice and procedures for the legal description of the current legislation). The author comes to the conclusion that it is possible to make a decision to terminate a criminal case (criminal prosecution) with reference to the criminal law and an international treaty, when the alleged criminally

© Клевцов К. К., 2023

prosecuted person has appropriate international immunity or other privileges. The necessity of eliminating the legislative gap is substantiated, in terms of establishing the lower limit of the sanction for qualified and especially qualified offenses (at least one year of imprisonment) in order to optimize the mechanism for the extradition of persons.

Keywords: criminal law, criminal procedure, norms, international cooperation, termination of a criminal case, extradition, legal assistance, immunities and privileges, principle of «double criminality»

For citation: Klevtsov K. K. Interrelation of substantive and procedural rules in the contest of international cooperation. *Bulletin of economic security*. 2023;(1):108–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-108-116>.

Введение

Вопрос о соотношении материальных и процессуальных норм, в том числе в области наук антикриминального цикла, является одним из наиболее дискуссионных [об этом подробнее см.: 5]. При этом такое соотношение может происходить в различных точках правовых координат, а точнее – как в рамках национальных, так и международных границ. Соответственно, нормы разного уровня могут усматриваться одновременно в этих обеих самостоятельных правовых системах¹.

Однако, все усложняется, когда добавляются помимо национальных еще и международно-правовые нормы, тем самым происходит удвоение структуры конкретных правоотношений. Вопросы взаимодействия международного и внутригосударственного права как в отечественной теории, так и практике являются остро дискуссионным в силу отсутствия единой выработанной позиции по нему [например, см.: 1]. Предполагаем, стоит согласиться с мнением о том, что первая (имеется в виду система права) не может гармонично существовать без второй, также как и вторая без первой [подробнее см.: 4, с. 9], они пронизывают друг друга. К тому же до сих пор остается открытым вопрос относительно реализации положений международного права в национальном праве и определения правовой природы таковых норм, поскольку отсутствует *communis opinio doctorum*.

Не вдаваясь в полемику относительно этого вопроса, перейдем к рассмотрению исключительно взаимосвязи норм материального и процессуального уголовного права в контексте международного сотрудничества в борьбе с преступностью².

Общая характеристика

Итак, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, несмотря на свою имманентную генетическую процессуальную связь, которая обусловлена юстициальной природой, имеет также и некоторую материальную форму. Это обуславливается тем, что ряд уголовно-процессуальных норм, имеют прямую «привязку» к материальным уголовно-правовым предписаниям, а в единичных случаях и стоят особняком по отношению к первым.

¹ Как отмечается в доктрине, международное публичное право не является отраслью права, поскольку представляет собой особую правовую систему и область права, стоящую особняком по отношению к праву внутригосударственному (национальному). См. об этом: [10, с. 25].

² Безусловно, при исследовании темы настоящей статьи, будут затрагиваться и ряд аспектов соотношения норм национального и международного права, но несколько в усеченной форме.

Так, в силу статьи 13 Уголовного кодекса Российской Федерации («Выдача лиц, совершивших преступление») граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству (ч. 1). При этом иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации (ч. 2).

В то же время, если обратиться к положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, то формулировки «выдача лиц, совершивших преступление» не будет, поскольку вместо этого используется иная терминология – «выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора» (Глава 54), которая отражает непосредственно процессуальную составляющую этого механизма.

Напрашивается вопрос: подразумевает ли это, что выдача в таком случае является институтом исключительно уголовно-процессуального права? На этот счет обоснованно высказался в свое время профессор А. И. Бойцов. По его мнению, выдача является в какой-то мере процессуальным институтом, но лишь в той, в какой переход уголовной ответственности из возможной в действительную невозможен вне установленной уголовно-процессуальной процедуры, поскольку, будучи лишенной своего материального наполнения, эта процедура лишается всякого содержательного смысла [2, с. 75].

Взаимосвязь экстерриториальных норм

Несколько иная ситуация встречается применительно к реализации российских уголовно-процессуальных норм за рубежом, которые, в свою очередь, охватываются понятием «экстерриториальность»³. Так, согласно ч. 3 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в случаях, предусмотрен-

³ «*Lato sensu* экстерриториальность понимается как действие правовых норм за пределами территории принявшего их государства и отождествляется с экстратерриториальностью. *Sensu strictiori* экстерриториальность означает действие правовых норм одного государства на территории другого и, соответственно, нераспространение норм права последнего на правоотношения, регулируемые в данном случае нормативными правовыми актами иностранного государства. Экстратерриториальность понимается как действие правовых норм за пределами принявшего их государства» [3, с. 6–7].

ных статьей 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации могут проводиться в соответствии с требованиями российского уголовно-процессуального закона. Такая же возможность проведения отдельных процессуальных действий за рубежом в соответствии с нормами УПК РФ представлена и в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 12 УК РФ, в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (ч. 1.1. ст. 3 УПК РФ). Соответственно, уголовно-процессуальные нормы напрямую связаны с пределами действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц, поскольку содержат отсылочный характер.

Указанные положения были введены Федеральным законом от 06 июля 2016 г. № 375-ФЗ [30] в связи с произошедшей 31 октября 2015 года авиационной катастрофой над центральной частью Синайского полуострова, где в результате теракта (взрыв самодельного взрывного устройства в хвостовой части авиалайнера Airbus A 321-231 российской авиакомпании «Когалымавиа») погибло 224 человека, из которых 217 пассажиров и 7 членов экипажа [подробнее см.: 17]. Более того, из пояснительной записки к данному закону вытекает, что его принятие направлено на создание дополнительных механизмов противодействия террористическим и иным экстремистским проявлениям, что позволит повысить эффективность системы выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма и иных форм экстремизма [31]. Иными словами, приведенные положения позволяют отечественным правоохранительным органам собирать доказательства на территории иностранных государств посредством проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий по правилам УПК РФ.

В юридической литературе по поводу экстра-территориального действия российских уголовно-процессуальных норм на территории иностранных государств в большинстве случаев высказывались крайне сдержанно. Так, Б. Т. Безлепкин утверждает о безусловной неприменимости на территории иностранных государств российских уголовно-процессуальных норм [12, с. 6] в силу *statuta extra territorium non valent*, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский [24, с. 38], А. Г. Волеводз [6], П. Е. Кондратов [20, с. 39] указывают на такое применение, если это предусмотрено соответствующим международным договором. Наконец, А. П. Рыжаков говорит об имеющейся до вступления в силу данного закона возможности применения положений российского уголовно-процессуального закона на территории иностранного государства вне зависимости от наличия того или иного международного договора [22].

Думается, что все приведенные позиции являются дискуссионными и требуют некоторого уточнения и дополнения. Рациональное зерно на этот счет, следует полагать, содержится в рассуждениях П. А. Литвишко, который заметил, что до внесения соответствующих изменений в УПК РФ такие процессуальные действия

могли проводиться лишь иностранными должностными лицами в рамках запросов о правовой помощи, в лучшем случае в присутствии российских должностных лиц органов предварительного расследования [17, с. 95].

При этом А. В. Устинов указывает, что Российская Федерация ввела в действие уголовно-процессуальный закон, противоречащий общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам, участницей которых является Россия, а производство процессуальных действий российскими компетентными органами за пределами территории Российской Федерации невозможно, если это не предусмотрено международным договором [25, с. 320, 323].

Комментируя ч. 3 ст. 2 УПК РФ, П. А. Смирнов и С. П. Щерба отметили ее некорректность, поскольку, во-первых, действующий УПК РФ не определяет порядок производства отдельных процессуальных действий «за пределами» территории Российской Федерации, а регламентирует лишь порядок направления запроса о производстве процессуальных действий на территории иностранного государства ее компетентными органами в соответствии с международными договорами или принципом взаимности, а, во-вторых, процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ, производятся на территории иностранного государства по запросу России в порядке, определенном его национальным законодательством [23, с. 63–64], в силу *locus regit actum*.

Соответственно, приведенные авторы, с одной стороны, указывают, что запрос о правовой помощи исполняется в соответствии с правилами, установленными международными договорами, где может быть закреплена возможность применения законодательства запрашиваемого государства при его разрешении, а с другой, – об отсутствии таковой. Мы солидарны с тем, что по общему правилу запрос исполняется в соответствии с законодательством запрашиваемого государства, если иное предусмотрено договором.

Кроме того, справедливости ради заметим, что на сегодняшний день действительно имеется ряд международных соглашений, которые предоставляют правоохранительным органам Российской Федерации проводить процессуальные действия на территории государства, с которым заключен международный договор¹. К таким договорам, в первую очередь, следует отнести *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 04 октября 1997 г.* [32], а также межгосударственные

¹ Как отметил профессор А. В. Гриненко не все международные договоры о правовой помощи по уголовным делам содержат возможность применения норм запрашиваемого государства при исполнении запроса, поскольку это обусловлено значительными различиями в порядке собирания и последующего использования собранной информации в качестве доказательств по делу [8, с. 9].

соглашения по вопросам юрисдикции и правовой помощи по делам, связанным с пребыванием российских воинских формирований на территориях иностранных государств [например, 33; 34; 35]. Кроме того, российские суды делают ссылки на данные соглашения в описательно-мотивировочной части своих решений [к примеру, 36].

В этой связи уместно согласиться с позицией П. А. Литвишко, что новеллы Федерального закона № 375 могут применяться не изолированно, а только во взаимосвязи с нормами международного права, требующими, в первую очередь, согласия государства пребывания на такие действия, выраженного в каждом конкретном случае или закрепленного в международном договоре или ином документе международного характера, содержащем обязательства, признаваемые государством, либо без такого согласия в исключительных случаях, не противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ, таких, как самостоятельные действия по закреплению доказательств в ходе экстраатерриториальных операций при реализации права на самооборону [17, с. 97]. Стоит только добавить к этому, что такая взаимосвязь должна усматриваться не только с положениями международного права, но и нормами материального уголовного права, поскольку процессуальные имеют отсылочный по отношению к ним характер.

Примечательным в рассматриваемом ключе также является тот факт, что приведенные экстраатерриториальные нормы материального и процессуального уголовного права применимы в том числе на территории посольств и консульств, а также военных баз и формирований, располагающихся за рубежом. Это обусловлено тем, что российские загранучреждения и военные базы (формирования), расположенные в пределах иностранных государств, считаются территориями последних в их публично-правовом смысле. Подобное вытекает как из толкования ст. 67 Конституции Российской Федерации, так из анализа обычных и договорных норм международного права. Одновременно, на указанные объекты распространяются определенные международно-правовые иммунитеты и им предоставляются некоторые привилегии [подробнее об этом: 18, с. 19–47].

Прекращение уголовного дела со ссылкой на уголовный закон и международный договор

Неразрывная взаимосвязь материального и процессуального уголовного права в контексте международного сотрудничества усматривается также и возможности прекращения уголовных дел со ссылкой на материальный уголовный закон и международный договор. Несмотря на имеющийся судебный прецедент относительно недопустимости прекращения уголовного дела (уголовного преследования) со ссылкой на отечественный уголовный закон¹, все же такие случаи имеются и, как

представляется, в своем роде обоснованы до момента принятия законодателем соответствующих процессуальных норм.

Это касается случаев совершения преступлений лицами, обладающими дипломатическими или приравненными к ним иммунитетами², преступлений и при отказе государств, на службе которых они находятся, лишить их таких «юридических преимуществ».

Как отмечается в юридической литературе, возбуждать уголовные дела в отношении лиц, на которых распространяются дипломатические привилегии и иммунитеты, по факту совершения ими преступлений не допускается [11, с. 66]. Кроме того, как отмечается в юридической литературе, следственной практике известны случаи, когда по факту совершения общественно опасного деяния такими лицами в государстве пребывания в отношении них принимались российскими органами следствия решения об отказе в возбуждения уголовного дела либо если они все-таки были возбуждены вынесены постановления о прекращении их в связи с отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Такие процессуальные решения по своей сути необоснованны, поскольку из установленных уголовным законом понятия преступления и общих условий уголовной ответственности (ст. ст. 14, 19 УК РФ) следует, что носитель международно-правового иммунитета, в отличие от невменяемого лица или не достигшего возраста уголовной ответственности лица, является субъектом преступления [19, с. 225].

Спорными видятся и рекомендации некоторых опрошенных нами следователей³ о целесообразности возбуждения уголовного дела «по факту» без указания в постановлении лица, обладающего соответствующим иммунитетом (84 %). Это объясняется тем, что в материалах проверки сообщения о преступлении будут фигурировать данные о причастности такого лица к проверяемому событию, а оно умышленно не указано в постановлении о возбуждении уголовного дела, то налицо – нарушение конституционного права на защиту⁴. Более того, в практике может возникнуть ситуация, когда на момент возбуждения уголовного дела, органы следствия по независящим от них обстоятельствам не осведомлены о наличии у такого лица соответствующего иммунитета.

На этот счет рационально высказался в своей диссертации А. Д. Прошляков: «когда уголовное дело возбуждено по факту совершения какого-либо преступления, а затем в ходе предварительного расследования

² Они предусмотрены в ряде международных документов. Например, см.: [38; 39; 40].

³ В качестве респондентов выступили 46 следователей Следственного комитета Российской Федерации различного звена, начиная с территориального звена, заканчивая центральным аппаратом.

⁴ Об этом неоднократно говорил Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях. Например, см.: определение от 09.06.2022 г. № 1448-О.

¹ Здесь имеется в виду определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 12 декабря 1972 года (См.: [37, с. 711–712]).

выяснилось, что деяние было совершено лицом, обладающим дипломатическим или приравненным к нему иммунитетом, то дело должно быть прекращено со ссылкой на ч. 4 ст. 11 УК РФ (а до 1 января 1997 г. – на ч. 2 ст. 4 УК РСФСР), так как такое основание прекращения уголовных дел уголовно-процессуальным законом не предусмотрено» [21, с. 240]. Однако, помимо указания в постановлении о прекращении уголовного дела ссылки на норму уголовного закона, как представляется, стоит и указать на соответствующее положение международного договора, который ратифицирован и опубликован в установленном порядке¹.

Аналогичная ситуация относительно необходимости делать ссылку на нормы УК РФ при появлении фактических и формальных оснований для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела (уголовного преследования) возникает и в случаях, когда в отношении гражданина Российской Федерации или domiciliрованных в России лиц, совершивших вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых российским уголовным законом, имеется решение суда иностранного государства (ч. 1 ст. 12 УК РФ).

Как замечает Ю. В. Козубенко: «российские органы уголовного судопроизводства лишены возможности принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия такого основания в ст. 24 УПК РФ, а п. 4 или 5 ст. 27 УПК РФ допускает прекращение уголовного преследования причем «по тому же обвинению», которое таковым же быть не всегда может по причине применения уголовного закона иностранного государства в случае осуждения такого лица на территории этого государства. Очевидно, что в таких случаях российским органам уголовного судопроизводства при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела придется сослаться на ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации» [13, с. 20].

Автор уже ранее высказывался на этот счет, что органы предварительного расследования могут прекратить уголовное дело (уголовное преследование), помимо ст. 12 УК РФ, на основании п. 4 или 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, поскольку лицо может быть осуждено за совершенные преступления, признаки которого фактически (не буквально) совпадают с признаками состава преступления, предусмотренного УК РФ (к примеру, убийство). В таком случае обвинение будет одинаковое по материальному наполнению [15, с. 218].

Принцип «двойной криминальности»

Неразрывная связь материальных и процессуальных норм уголовного права усматривается при разрешении вопросов о так называемой «двойной криминальности»². Очевидно, что сношения государств

в сфере уголовного правосудия (в широком смысле этого слова) возможно только по общественным опасным деяниям, которые предусмотрены как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государствах, поскольку в противном случае сотрудничество вне зависимости от его видов приобрело тем самым неэквивалентный оттенок в контексте латинской максимы: *nullum crimen sine lege* (с лат. «нет преступления без указания на то в законе»). Именно поэтому его именуют фундаментальным принципом международного сотрудничества по уголовным делам [27], но одновременно не являющимся общим принципом международного права [28, с. 298]. Как отмечается в официальных международных документах³ не обязательно, чтобы преступление совпадало терминологически или чтобы все элементы состава преступления были идентичны по законодательству обоих государств, а главное, чтобы передавало его суть, то есть деяние было криминализовано в правопорядках сотрудничающих государств. По общему правилу требуется, чтобы так называемая «симметрия преступлений» была предусмотрена на момент подачи запроса [29]. Хотя ранее встречалась практика, согласно которой принцип «двойной криминальности» определялся на момент совершения преступления [26, с. 190]. Заметим, что российские суды придерживаются не ограничительного подхода в этом вопросе⁴.

Впрочем, в последнее время усматривается, что «принцип двойной криминальности» толкуется не всегда «чисто» с позиции права, а в него закладываются различные политические интересы⁵, поскольку каких-либо

тождественности», «двойное вменение» и «двойная подсудность». В настоящем исследовании, несмотря на их терминологическую и содержательную разницу, которая подчеркивается в науке, они используются как синонимы (см. также: [9, с. 25]).

³ Например, см.: п. 4 Резолюции Десятого Международного конгресса уголовного права от 1969 г. // URL: <https://www.penal.org/sites/default/files/RIDP86%201-2%202015%20EN.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Наиболее отчетливо это было продемонстрировано при рассмотрении так называемых «экстрадиционных дел в отношении грузинских воров в законе». См.: [41].

⁵ Согласно информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации на основании письма Оперативной группы по международным уведомлениям Генерального секретаря Интерпола о том, что преступления, аналогичные деяниям, предусмотренным ст. 207.3 УК РФ, решением Генеральной ассамблеи Интерпола от 1984 года № AGN/53/RES/7 отнесены к вопросам политического характера, призваны противоречащими ст. 2 Устава Интерпола и использование ее каналов запрещено. Кроме того, было отмечено, что законодательство государств не содержит идентичного состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации. Соответственно, решение вопросов об экстрадиции лиц по таким преступлениям, не представляется возможным (Письмо ГП РФ от 11 ноября 2022 г. № Исорг-81/3-9926-22/218486).

Не вдаваясь в детальную дискуссию на этот счет, снова обратим внимание, что соотношение составов преступлений с точки зрения их идентичности, не должно иметь буквальный характер, поскольку в противном случае соблюдение принципа «двойной

¹ Ранее автор более детально аргументировал такую позицию с приведением конкретного примера из следственно-судебной практики, о чем подробнее см.: [14].

² Вместе с тем в доктрине и практике используются и иные формулировки, а именно: «двойная преступность» «правило

конкретных критериев, которыми стоит руководствоваться, по имеющейся у нас информации, просто-напросто нет.

Несогласованность норм

Еще одним непростым вопросом в контексте исследуемой тематики видится ситуация относительно отсутствия по ряду статей УК РФ низших пределов наказания в виде лишения свободы, которые по некоторым видам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, к примеру, той же самой выдачи лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, является одним из императивных условий при которых задействуется такой межсистемный правовой механизм. Например, ряд так называемых «экономических преступлений»¹ содержат лишь верхний, а не низший предел. Однако, международные договоры и отечественное законодательство (п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ)², регламентирующие вопросы экстрадиции, делают акцент исключительно на низший предел наказания в виде лишения свободы.

По меткому наблюдению профессора А. Г. Волеводза, в правоприменительной деятельности это может привести к тому, что если за общественно опасное деяние, в связи с которым Российской Федерацией направлен запрос о выдаче для уголовного преследования, статьями УК РФ установлена возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок меньше того, который указан при экстрадиции по международному соглашению или законодательству иностранного государства, то

криминальности» просто-напросто невозможно было осуществить на практике. Таким образом, думается, что при распространительном толковании многие сходства все же могут быть найдены. Как говорится, «было бы желание сотрудничать».

¹ Сегодня правоприменители исходят из правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», и под преступлениями, совершенными в сфере предпринимательской деятельности, понимаются указанные в части 11 статьи 108 УПК РФ противоправные деяния (См.: Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 387/49/17985/1/218/23/266-р «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. В то же время в науке встречаются и иные позиции на этот счет (см.: [16]).

² Заметим, что в законодательстве ряда иностранных государств предусмотрено схожее правило. Например, см.: п. 2 § 3 Федерального закона о международной правовой помощи по уголовным делам от 23.12.1982 г. // Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG) // Bundesministerium der Justiz. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/irg/BVJNR020710982.html> (дата обращения: 01.12.2022).

запрашиваемое государство откажет или может отказать в таком запросе в зависимости от нормы (императивной или диспозитивной) [7, с. 7]. Соответственно, одним из действенных, на наш взгляд, способов восстановления указанного пробела видится в необходимости согласования норм материального и процессуального уголовного права, в части установления в рамках квалифицированных и особо квалифицированных составов минимального предела наказания в виде лишения свободы на срок не менее одного года.

Заключение

Суммируя изложенное выше, можно отметить, что вопросы соотношения норм материального и процессуального уголовного права в контексте международного сотрудничества имеют существенные особенности, диктуемые, прежде всего, наличием двух самостоятельных правовых систем (национальной и международной). Несмотря на то, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства имеет исключительно процессуальную природу, многие нормы о видах такого взаимодействия (в особенности, выдача и оказание правовой помощи по уголовным делам) напрямую зависят от норм материального уголовного права, что демонстрирует не только о межсистемного этого правового явления, но также и межотраслевой принадлежности. Такая взаимосвязь особенно проявляется при использовании экстраэриториальных уголовно-процессуальных норм, а также при решении различных экстрадиционных вопросов. Одновременно, необходимо привести в соответствие национальные нормы материального и процессуального уголовного права в целях осуществления надлежащей борьбы с преступностью, которая, как показывает практика, не связана ныне только границами одного государства.

Список источников

1. Блищенко И. П. Международное и внутригосударственное право. М. : Госюриздат, 1960. 237 с.
2. Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб. : Юридический центр, 2004. 795 с.
3. Белякович Е. В. Пространственное действие правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 22 с.
4. Верещетин В. С., Мюллерсон Р. А. Новое мышление и международное право // Советское государство и право. 1988. № 3. С. 3–9.
5. Горшенев В. М. О природе процессуального права // Правоведение. 1974. № 2. С. 45–52.
6. Волеводз А. Г. О допустимости допросов иностранных граждан на территориях зарубежных представительств России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2. С. 358–376.
7. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства : некоторые проблемы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Сб. мат. Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы

взаимосвязи уголовного права и процесса» (17–18 апреля 2013 года). Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. С. 3–9.

8. Гриненко А. В. Особенности действия российского уголовно-процессуального закона в пространстве // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2016. № 1. С. 8–10.

9. Звирбуль В. К., Шупилов В. П. Выдача уголовных преступников. М., 1974. 100 с.

10. Игнатенко Г. В. Международное право и общественный прогресс. М. : Международные отношения, 1972. 149 с.

11. Каюмова А. Р. Международно-правовые аспекты уголовной юрисдикции государств : некоторые вопросы теории и практики : монография. Казань : Центр инновационных технологий, 2009. 171 с.

12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 8-е изд., перераб. и доп. М. : КноРус, 2009. 1041 с.

13. Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовного-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 505 с.

14. Клевцов К. К. Прекращение уголовного преследования лиц, выданных России, при отсутствии согласия иностранного государства на привлечение к уголовной ответственности // *Российская юстиция*. 2020. № 6. С. 63–65.

15. Клевцов К. К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации : монография / под ред. канд. юрид. наук, доц. А. М. Багмета. М. : Юрлитинформ, 2018. 280 с.

16. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право : монография. М. : Проспект, 2021. 984 с.

17. Литвишко П. А. Июльский антитеррористический пакет законов и экстраитерриториальная правоохранительная юрисдикция // *Расследование преступлений : проблемы и пути их решения*. 2016. № 4. С. 94–97.

18. Литвишко П. А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции в зарубежных представительствах государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 265 с.

19. Литвишко П. А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции государством пребывания в отношении лиц, пользующихся международно-правовым иммунитетом // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2012. № 2 (3). С. 222–235.

20. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В. К. Бобров, В. П. Божьев, С. В. Бородин и др. ; под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2007. 1210 с.

21. Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 271 с.

22. Рыжаков А. П. Комментарий к статье 2 Федерального закона от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ // *Подготовлен для системы СПС «КонсультантПлюс»*, 2016.

23. Смирнов П. А., Щерба С. П. Пробелы и противоречия в законе под прицелом уголовно-процессуальной науки // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2021. № 6 (86). С. 62–72.

24. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2008. 704 с.

25. Устинов А. В. Проведение следственных действий за пределами территории Российской Федерации // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2016. № 6. С. 318–324.

26. Фисенко И. В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн. : «Тесей», 2000. 336 с.

27. Asp P., Vom Hirsch A., Frande D. Double Criminality and Transnational Investigative Measures in EU Criminal Proceedings : Some Issues of Principle // *Zeitschrift fur Internationale Strafrechtsdogmatik*. 2006. Nr. 11. P. 512–520.

28. Williams S. The Double Criminality Rule Revisited // *ILR*. 1993. Vol. 27. № 1-2. P. 297–309.

29. Zagaris B. Court of Appeal Affirms and Overturns Extradition Request to Korea on Bribery Charges // *International Enforcement Law Report*. 2008. Vol. 24. P. 269–270.

30. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 28. Ст. 4559.

31. Паспорт проекта Федерального закона № 1039101-6 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 04 октября 1997 г. // *Бюллетень международных договоров*. 2006. № 6. С. 22–26.

33. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических Сил на территории Республики Беларусь от 06 января 1995 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 2002. № 23. Ст. 2104.

34. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республика Армения от 29 августа 1997 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 47. Ст. 4572.

35. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Республики Таджикистан от 21 января 1997 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 47. Ст. 4573.

36. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 01 декабря 2015 г. № 204-АПУ15-1 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Сборник постановлений Пленума и определенных коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам (1971–1979 гг.). М., 1981.

38. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // Ведомости ВС СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

39. Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 124–147.

40. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14.12.1973 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 90–94.

41. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2012 г. № 51-012-31 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Blishchenko I. P. International and domestic law. M. : Gosjurizdat, 1960. 37 p.

2. Boitsov A. I. Extradition of criminals. SPb. : Legal Center, 2004. 795 p.

3. Belyakovich E. V. Spatial effect of legal norms : dis. ... cand. legal sciences. Irkutsk, 2009. 22 p.

4. Vereshchetin V. S., Mullerson R. A. New thinking and international law // Soviet state and law. 1988. № 3. P. 3–9.

5. Gorshenev V. M. On the nature of procedural law // Jurisprudence. 1974. № 2. P. 45–52.

6. Volevodz A. G. On the Permissibility of Interrogations of Foreign Citizens on the Territories of Foreign Representative Offices of Russia // Forensic Library. Science Magazine. 2014. № 2. P. 358–376.

7. Volevodz A. G. International cooperation in the field of criminal justice: some problems of the relationship between criminal and criminal procedure law // Sat. mat. International correspondence scientific and practical conference «Actual problems of the relationship of criminal law and process» (April 17–18, 2013). Ufa : RIC BashGU, 2013. P. 3–9.

8. Grinenko A. V. Features of the operation of the Russian criminal procedure law in space // International criminal law and international justice. 2016. № 1. P. 8–10.

9. Zvirbul V. K., Shupilov V. P. Extradition of criminals. M., 1974. 100 p.

10. Ignatenko G. V. International law and social progress. M. : International relations, 1972. 149 p.

11. Kayumova A. R. International legal aspects of the criminal jurisdiction of states : some issues of theory and practice: monograph. Kazan : Center for Innovative Technologies, 2009. 171 p.

12. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (item-by-article). 8th ed., rew. and add. M. : KnoRus, 2009. 1041 p.

13. Kozubenko Yu. V. Criminal procedural aspects of the intersectoral mechanism of criminal law regulation : dis. ... dr. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2018. 505 p.

14. Klevtsov K. K. Termination of criminal prosecution of persons extradited to Russia, in the absence of the consent of a foreign state to bring to criminal responsibility // Russian justice. 2020. № 6. P. 63–65.

15. Klevtsov K. K. Pre-trial proceedings in relation to persons evading criminal liability outside the territory of the Russian Federation : monograph / ed. cand. legal sciences, Assoc. A. M. Bagmet. M. : Yurlitinform, 2018. 280 p.

16. Klepitsky I. A. New economic criminal law : monograph. M. : Prospekt, 2021. 984 p.

17. Litvishko P. A. July Antiterrorist Package of Laws and Extraterritorial Law Enforcement Jurisdiction // Investigation of crime : problems and ways to solve them. 2016. № 4. P. 94–97.

18. Litvishko P. A. Implementation of criminal procedure jurisdiction in foreign representations of states : dis. ... cand. legal sciences. M., 2014. 265 p.

19. Litvishko P. A. The implementation of criminal procedure jurisdiction by the host state in relation to persons enjoying international legal immunity // Criminalist Library. Science Magazine. 2012. № 2 (3). P. 222–235.

20. Scientific and practical commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (item-by-article) / V. K. Bobrov, V. P. Bozhev, S. V. Borodin and others ; ed. V. M. Lebedeva, V. P. Bozheva. 4th ed., revised. and add. M. : Yurayt-Izdat, 2007. 1210 p.

21. Proshlyakov A. D. The relationship of substantive and procedural criminal law : dis. ... dr. jurid. sciences. Yekaterinburg, 1997. 271 p.

22. Ryzhakov A. P. Commentary on Article 2 of the Federal Law of July 6, 2016 № 375-FZ // Prepared for the RLS «ConsultantPlus», 2016.

23. Smirnov P. A., Shcherba S. P. Gaps and contradictions in the law under the gun of criminal procedure science // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. № 6 (86). P. 62–72.

24. Criminal process : textbook / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskiy ; under total. ed. prof. A. V. Smirnov. 4th ed., revised. and add. M. : KNORUS, 2008. 704 p.

25. Ustinov A. V. Carrying out investigative actions outside the territory of the Russian Federation // Forensic Library. Science Magazine. 2016. № 6. P. 318–324.

26. Fisenko I. V. Combating international crimes in international criminal law. Mn. : «Tesey», 2000. 336 p.

27. Asp P., Vom Hirsch A., Frande D. Double Criminality and Transnational Investigative Measures in EU Criminal Proceedings : Some Issues of Principle // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2006. Nr. 11. P. 512–520.

28. Williams S. The Double Criminality Rule Revisited // ILR. 1993 Vol. 27. № 1-2. P. 297–309.

29. Zagaris B. Court of Appeal Affirms and Overturns Extradition Request to Korea on Bribery Charges // International Enforcement Law Report. 2008. Vol. 24. P. 269–270.

30. Federal Law № 375-FZ of July 6, 2016 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the Establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 28. Art. 4559.

31. Passport of the draft Federal Law № 1039101-6 // RLS «ConsultantPlus».

32. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Kazakhstan on the interaction of law enforcement agencies in ensuring law and order on the territory of the Baikonur complex dated October 04, 1997 // Bulletin of International Treaties. 2006. № 6. P. 22–26.

33. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus on issues of jurisdiction and mutual legal assistance in cases related to the temporary stay of military formations of the Russian Federation from the Strategic Forces on the territory of the Republic of Belarus dated January 06, 1995 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002. № 23. Art. 2104.

34. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Armenia on issues of jurisdiction and mutual legal assistance in cases related to the presence of a Russian military base on the territory of the Republic of Armenia dated August 29, 1997 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 47. Art. 4572.

35. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan on issues of jurisdiction and mutual legal assistance in cases related to the stay of military formations of the Armed Forces of the Russian Federation on the territory of the Republic of Tajikistan dated January 21, 1997 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 47. Art. 4573.

36. Appellate ruling of the Judicial Board for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 01, 2015 № 204-APU15-1 // RLS «ConsultantPlus».

37. Collection of resolutions of the Plenum and rulings of the Collegiums of the Supreme Court of the USSR on criminal cases (1971–1979). M., 1981.

38. Vienna Convention on Diplomatic Relations of April 18, 1961 // Vedomosti VS USSR. 1964. № 18. Art. 221.

39. Vienna Convention on Consular Relations of April 24 1963 // Collection of international treaties of the USSR. Issue XLV. M., 1991. P. 124–147.

40. Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents of 14.12.1973 // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign States. Issue XXXIII. M., 1979. P. 90–94.

41. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 11, 2012 № 51-012-31 // RLS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

К. К. Клевцов – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. K. Klevtsov – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 34.343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-117-120>

НИОН: 2015-0066-1/23-607

MOSURED: 77/27-011-2023-01-806

Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов

Александр Викторович Куликов¹, Ольга Алексеевна Шелег²

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, bmw0052@rambler.ru

² Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, lili405@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, которые необходимо установить в ходе расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, имеющие важное значение для закрепления доказательственной базы. Отмечается, что своевременное их установление и доказывание будет способствовать полному, всестороннему и объективному расследованию.

Особое внимание уделено изучению аспектов, раскрывающих особенности, которые характерны для первоначального этапа расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Детально исследуются предмет преступного посягательства, бесконтактный способ сбыта наркотиков, а также вопросы совершения данных преступлений организованной преступной группой.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие доказыванию, наркотические вещества, психотропные вещества, раскрытие и расследование преступления, бесконтактный сбыт наркотиков, организованная преступная группа

Для цитирования: Куликов А. В., Шелег О. А. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 117–120. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-117-120>.

Original article

Circumstances to be established and proved in the investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues

Alexander V. Kulikov¹, Olga A. Sheleg²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, bmw0052@rambler.ru

² Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia, lili405@mail.ru

Abstract. The article discusses the circumstances that need to be established during the investigation of criminal cases related to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, which are important for securing the evidence base. It is noted that their timely establishment and proof will contribute to a full, comprehensive and objective investigation.

Special attention is paid to the study of aspects revealing the features that are characteristic of the initial stage of the investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. The subject of criminal encroachment, the contactless way of selling drugs, as well as the issues of committing these crimes by an organized criminal group are investigated in detail.

Keywords: circumstances to be proved, narcotic substances, psychotropic substances, disclosure and investigation of a crime, contactless sale of drugs, organized criminal group

For citation: Kulikov A. V., Sheleg O. A. Circumstances to be established and proved in the investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. Bulletin of economic security. 2023;(1):117–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-117-120>.

© Куликов А. В., Шелег О. А., 2023

Статья 73 УПК РФ указывает обстоятельства, которые необходимо установить и доказать в ходе расследования уголовных дел, в виду того, что они имеют важное значение для закрепления доказательственной базы по расследуемым делам. Несмотря на то, что в общем виде обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании любой категории преступлений, перечислены в уголовно-процессуальном законе, расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (далее – НОН), психотропных веществ и их аналогов обладает определенной спецификой, что влечет необходимость установления дополнительных обстоятельств. Так, к данным обстоятельствам относятся:

- вид и количество наркотического средства, психотропного вещества и их аналогов (далее – НСПВА), а также установление того, достаточен ли вес НСПВА для привлечения лица к уголовной ответственности; устанавливается событие преступления;

- факты совершения противозаконных действий с НСПВА;

- способ совершения преступления;

- место, время, обстоятельства преступления, связанного с НОН;

- кто совершил преступление? Совершено оно одним лицом или группой лиц, организованной преступной группой? Какова роль каждого участника?

- обстоятельства (причины и условия), которые способствовали совершению преступления, связанного с НОН;

- обстоятельства, раскрывающие элемент криминалистической характеристики преступления, связанного с НОН – личность преступника;

- обстоятельства, в силу которых преступник не подлежит уголовной ответственности и др.

Предмет преступления по делам данной категории является обязательным признаком состава [1]. Кроме этого, необходимо отметить, что в результате анализа следственной и судебной практики были выявлены недостатки, которые связаны с ошибочным установлением способа совершения и предмета преступного посягательства, связанного с НОН, что существенно затрудняло установление истины по делу, сопровождалось возвращением уголовных дел на дополнительное расследование, переквалификацией преступных деяний, а также вынесением оправдательных приговоров. Для того чтобы не допускать подобных ситуаций в практической деятельности, необходимо правильно в самом начале расследования установить каким способом оно совершено (включая подготовку к преступлению и сокрытие следов преступной деятельности) и предмет преступления, связанного с НОН.

Наркотики – это вещества, которые имеют различное происхождение (растительное, синтетическое, физическое), оказывающие седативное воздействие на нервную систему человека, а также обладающие стимулирующим и галлюциногенным действием и вызы-

вающие зависимость. Марихуана, кокаин, опий героин, гашиш – это наркотики растительного происхождения. Фенамины, амфетамины, метадон, фентанилы – это наркотики синтетического происхождения [2]. В последние годы появились новые наркотики, подставляющие собой психически активные вещества – так называемые «дизайнерские наркотики». Они представляют разновидности стимуляторов амфетаминового ряда и соединения, схожие с каннабиноидами.

Вместе с этим, в качестве предмета преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 228 УК РФ, могут выступать растения, применяемые для производства наркотиков, если лицо изготовило из них наркотик для собственного потребления. Так, Соснин Ю. А. в своей квартире, расположенной в Москве, создал специальные условия и вырастил коноплю, высушил и измельчил ее верхушечную часть, тем самым осуществив незаконное приобретение и хранение растения, содержащего наркотическое средство [3]. Следует учесть, что законодатель разрешает выращивание технических сортов мака и конопли, а также декоративного мака, не содержащих наркотические вещества, в связи с чем, факты культивации наркосодержащих растений необходимо устанавливать в определенные периоды их вегетации, когда растения содержат достаточное количество наркосодержащих веществ.

К обстоятельствам доказывания относятся способы совершения преступлений, связанных с НОН. В отношении сбыта наркотических средств важно установить момент, когда сбыт наркотика следует считать оконченным. Так, при сбыте наркотиков бесконтактным способом следует знать, что оконченным данное преступление будет с того момента когда лицо его совершающее выполнило необходимые действия, связанные с передачей приобретателю наркотиков, независимо от того, получил последний их или нет. Соответственно, момент оплаты покупателем наркотического средства, а также факт того, забрал ли покупатель данное средство или нет, не влияют на окончание преступления. Сбыт наркотиков становится доказуемым при получении приобретателем сведений о том, где располагается закладка [4]. Аналогичный подход применяется и к пересылке наркотиков.

Вместе с этим, ответственность по ч. 1 и ч. 2 ст. 228 УК РФ за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков наступает в тех случаях, когда такие действия совершены лицом без цели сбыта. Так, перевозка представляет собой умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта наркотики из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта. Если лицо перемещает наркотические средства без цели сбыта для личного потребления в небольшом количестве, то его действия подпадают под определение незаконного хранения, а не перевозки. Так, в материалах дела № 1-392/2020 указано, что Турланов М. Г. сорвал с куста дикорастущей конопли ее верхушечную часть, измель-

чил, упаковал в полимерный пакет, и в кармане брюк перевез коноплю на маршрутном такси в свою квартиру с целью хранения и личного употребления в будущем. Принимая во внимание объем наркотического сырья, место его нахождения, направленность умысла и иные обстоятельства, суд исключил перевозку из обвинения, предъявленного Турланову М. Г. [5].

На современном этапе бесконтактный способ сбыта наркотиков получает широкое распространение [6, с. 143]. Обстоятельства совершения таких преступлений требуют уделить особое внимание, прежде всего месту их совершения. Распространенными местами «закладок» являются, во-первых, места массового скопления людей (торговые центры, бары, рынки, парки и т. д.). В подобных местах можно быстро произвести куплю-продажу наркотических средств и незаметно, используя скопление людей, скрыться с места преступления. Во-вторых, «закладки» осуществляются в местах, где отсутствуют посторонние – гаражные и садовые общества, пустыри, промышленные зоны и т. п. Время совершения НОН бесконтактным способом зависит от сезона и обусловлено использованием сбытчиками сумерек и темноты, а также отсутствием в эти часы большого количества людей [7, с. 90].

Поскольку преступления, связанные с НОН, совершаются в основном организованными преступными группами (далее – ОПГ), доказыванию также подлежат следующие обстоятельства:

- групповой характер преступления, совершенного ОПГ – состав группы, количество участников, участие в совершении преступлений и иные виды деятельности, связанные с обеспечением функционирования группы;
- организованность и устойчивость преступной группы – наличие иерархии и распределения ролей, организация и планирование преступной деятельности, стабильность состава группы, существование в ней определенных правил поведения и санкций за их нарушение;
- основные направления преступной деятельности группы – основной и дополнительный вид преступной деятельности, совершение нетипичных для данной группы преступлений, их цели;
- техническое оснащение преступной группы или сообщества, использование программного обеспечения, ресурсов сети Интернет, платежных систем, включая интернет-систему «Bitcoin»;
- руководство в преступной группе, его роль в организации и планировании преступной деятельности, распределении доходов, администрировании интернет-ресурсов группы, влияние на членов группы;
- наличие коррупционных связей с лицами, которые работают на должностях в органах государственной власти, используемые для этого средства и лица, осуществляющие данные связи.

Значительная часть доказательств такой преступной деятельности может быть получена из сети Интернет. Поскольку доступ к интернет-ресурсам, используемых

ОПГ, ограничен, широко применяется исследование содержимого электронных носителей информации, обнаруженных у лиц, причастных к НОН, в ходе осмотров, обыска, задержания. Осмотр содержимого электронных носителей зачастую проводится безотлагательно, поскольку программное обеспечение, применяемое ОПГ, исключает долговременное сохранение информации в средствах мобильной связи и компьютерах. Этим характеризуется деятельность интернет-магазинов даркнет-маркетплейса Hydra [8, с. 180]. При отсутствии активности лица, осуществляющего незаконный сбыт наркотиков, информация о его деятельности автоматически удаляется со страниц маркетплейса через непродолжительное время.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании НОН, приобретают доминирующее значение, в целях привлечения к уголовной ответственности виновных лиц, а также осуществления объективного и всестороннего расследования по делу. Прежде всего, важен предмет преступного посягательства, а именно принадлежность его к перечню наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Помимо этого важно установление действий, состоящих в незаконном обороте наркотиков, способ совершения преступления, наличия организованной преступной группы и установление роли каждого участника. При расследовании незаконного сбыта наркотиков совершенного бесконтактным путем проводится осмотр ПК, смартфонов, банковских карт и др. В ходе производства данного следственного действия обнаруживаются материальные (например, следы пальцев рук, микрообъекты и т. д.) и виртуальные следы (например, следы размещения рекламы на сайте, переписки о продаже наркотиков в мессенджерах и т. д.). То есть, значительная часть доказательств преступной деятельности может быть получена из сети Интернет в ходе осмотра и исследования содержимого электронных носителей информации, обнаруженных у причастных лиц.

Список источников

1. Киссель Е. В. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29). С. 115–117.
2. Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приговор Тимирязевского районного суда г. Москва № 1-323/2020 от 21.09.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/cases/docs/content>.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 16-АПУ19-2 от 05.03.2019 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы № 1-392/2020 от 10.06.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/QwtTFy3MwLm4/?regular-txt>.

6. Ошлыкова Е. А. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств и поддержания государственного обвинения по уголовным делам данной категории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 143.

7. Усманов И. М. Противодействие преступной деятельности ОПГ, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств : учебное пособие. Казань : КЮИ МВД России. 2016. С. 90.

8. Тимофеев С. В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при бесконтактном сбыте наркотических средств: проблемы противодействия и пути решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8). С. 180–185.

References

1. Kissel E. V. Circumstances to be established during the investigation of illicit drug trafficking in correctional institutions // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1 (29). P. 115–117.

2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 681 of June 30, 1998 «On approval of the

list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation» // RLS «ConsultantPlus».

3. Verdict of the Timiryazevsky District Court of Moscow No. 1-323/2020 from 09/21/2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://mos-gorsud.ru/cases/docs/content>.

4. Appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16-APU19-2 dated 05.03.2019 // RLS «ConsultantPlus».

5. The verdict of the Leninsky District Court of Makhachkala No. 1-392/2020 dated 10.06.2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/QwtTFy3MwLm4/?regular-txt>.

6. Oshlykova E. A. Methodology of investigation of illegal sale of narcotic drugs and maintenance of state prosecution in criminal cases of this category: dis. ... cand. jurid. Sciences. M., 2013. P. 143.

7. Usmanov I. M. Countering criminal activities of organized criminal groups associated with the contactless sale of narcotic drugs: studies. stipend. Kazan : CUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. P. 90.

8. Timofeev S. V. The use of information and telecommunication technologies in the contactless sale of narcotic drugs: problems of counteraction and solutions // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2018. No. 4 (8). P. 180–185.

Информация об авторах

А. В. Куликов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;

О. А. Шелег – доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. V. Kulikov – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

O. A. Sheleg – Associate Professor of the Department of Criminology of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022 принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-121-125>

НИОН: 2015-0066-1/23-608

MOSURED: 77/27-011-2023-01-807

Конституционные и имплицитные полномочия Президента Российской Федерации

Татьяна Сергеевна Лангнер

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

Mohowatatiana@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены полномочия и функции Президента Российской Федерации, а также принадлежность его к одной из трех ветвей публичной власти.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, социально доступный нормативный правовой акт о главе государства, имплицитные полномочия, полномочия главы государства, внутренняя и внешняя политика Президента Российской Федерации, статус главы государства, Конституция Российской Федерации

Для цитирования: Лангнер Т. С. Конституционные и имплицитные полномочия Президента Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 121–125. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-121-125>.

Original article

Constitutional and implicit powers of the President of the Russian Federation

Tatiana S. Langner

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

Mohowatatiana@yandex.ru

Abstract. The powers and functions of the President of the Russian Federation, as well as his belonging to one of the three branches of public power are being examined.

Keywords: President of the Russian Federation, socially accessible normative legal act on the head of state, implicit powers, powers of the head of state, internal and foreign policy of the President of the Russian Federation, status of the head of state, Constitution of the Russian Federation

For citation: Langner T. S. Constitutional and implicit powers of the President of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2023;(1):121–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-121-125>.

XXI век обоснованно считается веком высоких технологий и прогресса. Человечество шагнуло вперед в различных областях: медицине, компьютерных технологиях, космосе и др. Однако, по мере развития нам, обществу, необходимы сдерживающие механизмы – нормативные правовые акты, которые регулируют наши права и обязанности, чем гармонизируют общее настроение в государстве, дают уверенность в завтрашнем дне.

Российская Федерация – сильное государство со смешанной формой правления, то есть во главе государства стоит Президент Российской Федерации, который является гарантом единства в системе публичной власти России. Данное единство достигается посредством разделения власти на: исполнительную, законодательную и судебную власти, что отражено в Основном законе Рос-

сийской Федерации. Президент Российской Федерации не относится ни к одной из вышеупомянутых властей, однако Конституция Российской Федерации и нормативные правовые акты России регламентируют их взаимодействие между собой.

При более глубоком изучении законодательства Российской Федерации о публичных органах власти Российской Федерации становится понятно, только должность Президента Российской Федерации не имеет самостоятельного документа. Конечно, его полномочия закреплены в Конституции Российской Федерации и во многих федеральных законах Российской Федерации, например, в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации» [1] от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ, Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Россий-

© Лангнер Т. С., 2023

ской Федерации» [2], Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ [3], Законе РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 [4], Федеральном законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ [5], однако для полного понимания предназначения института Президентства, функций и полномочий данная правовая картина абсолютно неудобна и некорректна, как для правоприменителя, так и для законодателя.

Особый отпечаток накладывает юридическая безграмотность российского общества. Непонимание нормативных правовых актов Российской Федерации встречается даже среди дипломированных юристов, которые искаженно трактуют закон и его положения.

На наш взгляд, необходим нормативный правовой акт, толкование Конституционного суда Российской Федерации о вопросах полномочий и функций Президента Российской Федерации. Данный закон установит определенные границы для общества, предоставит ответы на существующие вопросы о полномочиях Президента Российской Федерации, а главное сформирует верное и грамотное общественное мнение.

Для начала стоит разобраться в том обилии прописанных полномочий Президента Российской Федерации, далее стоит упомянуть об имплицитных полномочиях (скрытых) и контрольных функциях.

Современная Конституция Российской Федерации разделяет публичную власть на 3 самостоятельных ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную, каждая из которых регулирует определенную сферу жизни общества. В теории их взаимодействие четко и понятно разделяется, на практике, то есть в реальной жизни, четко разделить сферы влияния достаточно проблематично, каждая ветвь власти норовит стать ведущей и подчинить себе две другие.

Президент Российской Федерации в данной ситуации выступает «уравнителем», он имеет определенные властные полномочия в отношении каждой ветви власти.

Первой предлагаем рассмотреть судебную ветвь власти, которая существует со времен древней Руси и находится в постоянной эволюции. Деятельность судебной власти обладает определенной самостоятельностью от волеизъявления других ветвей власти, так ни законодательная, ни исполнительная власти никаким образом не могут оказать влияние на деятельность судов, решения которых имеют юридическую силу на территории всей Российской Федерации. Судебная ветвь власти имеет свою систему и разделена на 4 вида судопроизводства (административное, гражданское, уголовное и конституционное). В систему судебной власти входят мировые судьи, судьи общей юрисдикции, Верховный суд Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации, арбитражные суды. Отправление правосудия осуществляется исключительно судьями Российской Федерации, которые проходят определенный отбор, чтобы иметь право осуществлять эту де-

ятельность. Данный краткий анализ судебной власти позволяет сделать вывод, что Президент Российской Федерации не выступает членом этой сложной системы, однако у него есть уникальное право – право на помилование осужденного человека.

Далее предлагается рассмотреть основные признаки исполнительной ветви власти. Решения, принимаемые органами исполнительной власти, подлежат безусловному исполнению на всей территории Российской Федерации. Кардинальной характеристикой исполнительной власти является право Президента Российской Федерации на отправление в отставку Правительства Российской Федерации при условии выражения недоверия со стороны представительного органа [6]. Реализация деятельности исполнительной власти возлагается на государственные органы, которым предоставлены исполнительно-распорядительные функции, то есть они занимаются тем, что реализуют на практике принятые нормативные правовые акты. Для реализации поставленных задач государственные органы наделены административными ресурсами. Президент Российской Федерации вправе по рекомендации Председателя Правительства Российской Федерации назначить или освободить от должности заместителя Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров [7, с. 15]. Таким образом, можно сделать вывод, что Президент Российской Федерации обладает схожими характеристиками в вопросах своих решений (они обязательны к исполнению и действуют на всей территории Российской Федерации), а также государственные органы исполнительной власти находятся в его подчинении. Однако Президент Российской Федерации не является государственным органом и наделен руководящими и координационными полномочиями, что свидетельствует о невозможности относить его к исполнительной ветви власти.

Основными отличительными чертами законодательной власти являются: право законодательной инициативы (то есть ее представители вправе вносить изменения в действующее законодательство, принимать новые нормативные правовые акты, отменять не актуальные законы); осуществление правотворческой деятельности – создание совершенно новых нормативных правовых актов, отвечающих современной действительности жизни общества; коллегиальность принятия решения в отношении «судьбы» нормативных правовых актов путем голосования. Президент Российской Федерации также наделен правами законодательной инициативы и законотворчеством [8, ст. 104], он издает указы, которые обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации, однако, его правотворчество носит более узкий характер, нежели деятельность органов законодательной власти. Несмотря на то, что Президент Российской Федерации является носителем схожих полномочий с законодательной ветвью власти, он не является ее постоянным составляющим.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Президент Российской Федерации наделен схожими полномочиями со всеми 3 ветвями власти, однако назвать его представителем ни одной из них невозможно, его функции необходимы для поддержания баланса во властной системе. Его основные задачи – это руководство государством и представление интересов Российской Федерации на международном уровне.

Следующей функцией Президента Российской Федерации в сфере политического руководства является определение основного направления внутренней и внешней политики России. Выбранные пути и намеченные цели Президент Российской Федерации ежегодно озвучивает в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. В своих посланиях действующий Президент Российской Федерации озвучивает не только внутренние задачи, связанные с социальной, культурной и иными сферами, но и задает вектор сотрудничества с мировым сообществом, отстаивая геополитические интересы России и российских граждан.

Разумеется, Президент Российской Федерации осуществляет административные, конституционно-контрольные функции, исполнением поставленных задач занимаются соответствующие представители публичной власти и ведомства.

Говоря о внутренней политике, нельзя забывать и о внешней. Связано это с экономическими, социальными и культурными аспектами, а также вопросами безопасности. Ярким примером является текущая ситуация. Защита безопасности Российской Федерации от националистической агрессии с внешней стороны – это и внутренняя, и внешняя задача, осуществлением которой занимается не только Президент Российской Федерации, но и Вооруженные силы Российской Федерации, и министерство иностранных дел, и органы внутренних дел Российской Федерации. Однако вектор и конечное решение принимает Президент Российской Федерации, соответственно ответственность несет также он.

Внешняя политика действующего президента Российской Федерации, В. В. Путина, за последние годы сильно сказалась на жизни граждан Российской Федерации, на экономике страны. Существующие санкционные меры в отношении России стимулировали внутренний экономический сектор. На мой взгляд, этот пример хорошо демонстрирует сложную командную работу Президента Российской Федерации, различных ведомств и 3 ветвей публичной власти. Благодаря тому, что каждое звено этой цепи знает свои полномочия и выполняет их – получается положительный результат.

Ранее речь шла о прописанных полномочиях Президента Российской Федерации, однако наука конституционного права выделяет скрытые полномочия – имплицитные.

Этот вид полномочий выделяет М. А. Краснов. Он разделяет скрытые и имплицитные (неявные) полномочия. Специфической чертой этих полномочий является

сложность в установлении их законности. Например, устное поручение независимому органу такому, как Генеральный прокурор Российской Федерации, «разобраться в каком-то вопросе подробнее». В данной ситуации Генеральный прокурор Российской Федерации не имеет право ослушаться «просьбы» Президента Российской Федерации, в связи с тем, что последний защищает, отстаивает и является гарантом прав и свобод граждан Российской Федерации. Таким образом, данное поручение является законным.

Под скрытыми полномочиями стоит понимать функции, которые логически вытекают из Основного закона Российской Федерации и нормативных правовых актов Российской Федерации.

Имплицитные полномочия появляются одновременно с конституционными, однако серьезную роль играет время, в которое руководит конкретный глава государства. В зависимости от того, находится ли государство в кризисе или нет, скрытые полномочия будут трактоваться по-разному, конечно, немалое значение будет иметь и сама личность Президента Российской Федерации.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, педагог и государственный деятель Н. В. Витрук в 1994 году выразился следующим образом: «Институт «скрытых (подразумеваемых)» полномочий органов государственной власти известен мировой конституционной практике, однако он используется с достаточной степенью осторожности и лишь в целях обеспечения эффективного действия принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов с тем, чтобы не допустить произвольного усиления одной ветви власти за счет другой. Признание существования «скрытых (подразумеваемых)» полномочий Президента Российской Федерации в условиях действия только что принятой федеральной Конституции и писаных законов, конкретизирующих нормы Конституции, означает неправомерное расширение полномочий Президента как главы государства за счет полномочий федерального парламента и федерального правительства» [9].

Б. С. Эбзеев и В. О. Лучин придерживаются мнения, что данный вид президентских полномочий очень опасен для государства, и применять его стоит крайне осторожно, учитывая ряд факторов, в том числе рейтинг доверия Президенту Российской Федерации: «Действующая Конституция Российской Федерации не предусматривает появления в периоды кризисов исключительных, или скрытых, полномочий главы Российского государства на основе надпозитивного права государственной необходимости. Согласно части 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности не по личному усмотрению, а в установленном Конституцией Российской Федерации порядке» [10].

Мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации (в отставке), Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. О. Лучина, выражает тревогу в отношении подрыва принципа «верховенства закона»: «Президент присвоил себе не только право назначать глав администраций субъектов Федерации, но также право разрешать или запрещать проведение выборов глав администраций. Таким образом, Президент сам устанавливает свои полномочия по принципу: «Своя рука владыка». Эта «саморегуляция», не ведающая каких-либо ограничений, опасна и несовместима с принципом разделения властей, иными ценностями правового государства. Президент не может рассматривать какие-либо вопросы, если это не вытекает из его полномочий, предусмотренных Конституцией. Он не может опираться и на так называемые «скрытые (подразумеваемые)» полномочия. Использование их в отсутствие стабильного конституционного правопорядка и законности чревато негативными последствиями: ослаблением механизма сдержек и противовесов, усилением одной ветви власти за счет другой, возникновением конфронтации между ними» [11].

В современном мире редко говорят о скрытых полномочиях Президента Российской Федерации, на наш взгляд, это связано с внутривластным климатом в России, высоким уровнем доверия Президента Российской Федерации.

В заключении хотелось бы отметить, что современное конституционное право переживает сложный период реформирования, долгий путь систематизации президентской власти на законодательном уровне. В предполагаемом нормативном правовом акте «О Президенте Российской Федерации» требуется четкое определение функций и полномочий главы государства, которые обозначены в многочисленных нормативных правовых актах Российской Федерации, а также указать размах и организационно-правовых гарантий их реализации, которые должны носить социально доступный характер.

Список источников

1. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/.
2. Федеральный конституционный закон от 06 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/.
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/.
4. Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/.

5. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/

6. Радко Е. Д., Резниченко В. А. Институт президента в России и Франции : сравнительно-правовой анализ // Youth World Pol.

7. Прокофьев В. Н. Полномочия президента России в призме компонентов его конституционно-правового статуса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109).

8. Конституция Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3f8c850abc4dc2ba4207acc563b176d93bdcf5f7/.

9. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Н. В. Витрука // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7552/2ca2c3f2000a8e3a39fdc6945f0bb1591d64571f/.

10. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Б. С. Эбзеева // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7552/360b0c8814ceefe5a5fc8309e476b333d4fea2ca/.

11. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации В. О. Лучина // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7552/484573b853cc6a5bcef0414f3bc6f012afd8d1d0/.

References

1. Federal Law № 394-FZ «On the State Council of the Russian Federation» dated December 08, 2020 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/.
2. Federal Constitutional Law № 4-FKZ dated November 06, 2020 «On the Government of the Russian Federation» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/.
3. Federal Law № 414-FZ of December 21, 2021 «On General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/.
4. Law of the Russian Federation «On State Secrets» dated July 21, 1993 № 5485-1 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/.
5. Federal Law «On Security» № 390-FZ of December 28, 2010 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.
6. Radko E. D., V. Reznichenko. A. Institute of the President in Russia and France: comparative legal analysis // Youth world Polish.
7. Prokofiev V. N. The powers of the President of Russia in the prism of the components of his constitutional and legal status // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. № 2 (109).
8. Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments

approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3f8c850abc4dc2ba4207acc563b176d93bdcf5f7/.

9. Dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation N. V. Vitruk // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7552/2ca2c3f2000a8e3a39fdc6945f0bb1591d64571f/.

10. Dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation B. S. Ebzeev // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7552/360b0c8814ceefe5a5fc8309e476b333d4fea2ca/.

11. Special opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation V. O. Luchin // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7552/484573b853cc6a5bcef0414f3bc6f012afd8d1d0/.

Информация об авторе

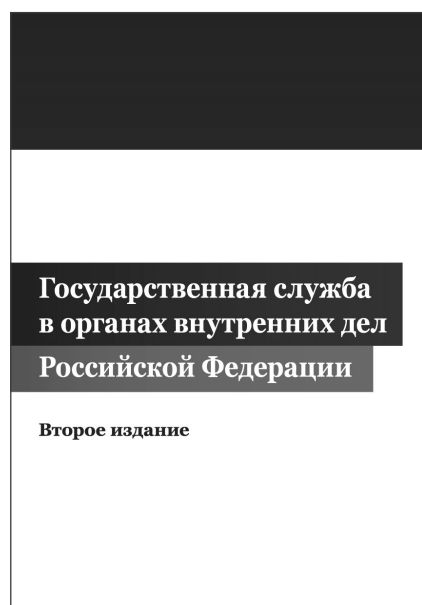
Т. С. Лангнер – старший юрисконсульт правового отдела Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

T. S. Langner – Senior Legal Adviser of the Legal Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. [О. В. Зиборов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-126-128>

ИПОН: 2015-0066-1/23-609

MOSURED: 77/27-011-2023-01-808

Об организованной преступности и ее влиянии на экономику Российской Федерации

Лидия Ирековна Ларионова

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, kazan_larionova@mail.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства относительно организованной преступности и ее влияния на экономику Российской Федерации высказано несколько суждений: экономика и право во всяком государстве взаимосвязаны; отсутствие правового регулирования в экономике неизбежно приводит к негативным социальным явлениям, проявляющимся в преступности; с учетом правил формальной логики термин «организованная преступность» необходимо признать несовершенным, ибо признаком всякой преступности является иерархичность; с учетом правил формальной логики термин «теневая экономика» необходимо признать несовершенным.

Ключевые слова: Российская Федерация, право, экономика, законодательство, нормативный правовой акт, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 13 июля 2001 г., Уголовный кодекс РФ, организованная преступность, теневая экономика

Для цитирования: Ларионова Л. И. Об организованной преступности и ее влиянии на экономику Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 126–128. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-126-128>.

Original article

On organized crime and its impact on the economy of the Russian Federation

Lydia I. Larionova

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kazan, Russia, kazan_larionova@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on organized crime and its impact on the economy of the Russian Federation, several judgments are made in the article: the economy and law in every state are interrelated; the absence of legal regulation in the economy inevitably leads to negative social phenomena manifested in crime; taking into account the rules of formal logic, the term «organized crime» must be recognized as imperfect, because the sign of any crime is hierarchy; taking into account the rules of formal logic, the term «shadow economy» must be recognized as imperfect.

Keywords: Russian Federation, law, economy, legislation, regulatory legal act, Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On countering the legalization (Laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism» dated July 13, 2001, Criminal Code of the Russian Federation, organized crime, shadow economy

For citation: Larionova L. I. On organized crime and its impact on the economy of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2023;(1):126–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-126-128>.

Предметом данной статьи является организованная преступность и ее влияние на экономику Российской Федерации¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, С. В. Иванцов сумел определить «системные свойства и связи» организованной преступности:

¹ Мы разделяем суждения тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно термин «Российская Федерация» (см. об этом, например: [1]).

«Системное качество организованной преступности проявляет себя в использовании образующими ее преступными группами (сообществами) для достижения максимального криминального результата современных форм структурной организации, информационного обеспечения, современной техники и высоких технологий, экономических, юридических, психологических и иных услуг, сопровождающихся обменом ресурсами между ее (организованной преступности) представителями и субъ-

© Ларионова Л. И., 2023

ектами государственной власти, системной защитой от позитивных форм социально-правового контроля, основным звеном которой выступает коррупция» [2, с. 6–7, 10].

Н. Б. Бараева организованную преступность исследовала как «социальный институт» («Предметом исследования являются, с одной стороны, институциональные проявления, функции, формы деятельности ОПГ, модели взаимодействия с другими социальными институтами, а, с другой стороны – инструменты социального контроля, нормативные и организационные меры предупреждения таких преступлений») [3, с. 5].

По мнению авторов-единомышленников (С. К. Абрамян, В. Л. Андреев и Л. Г. Литвяк), «дальнейшее распространение организованной преступности приведет к полнейшей дестабилизации жизни общества, полному недоверию к власти со стороны населения страны» [4, с. 2, 77].

Т. А. Диканова и Т. Ю. Изгагина проанализировали «состояния преступности в транспортной сфере, в частности, проанализированы преступления, совершаемые организованными группами на транспорте» («Требует совершенствования работа подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов ОВД, необходимы методические рекомендации по расследованию рассматриваемых преступлений, налаживание обмена опытом успешного расследования. Необходимо расширение полномочий контрольно-надзорных структур, воссоздание Росфиннадзора, разработка новых форм сотрудничества органов Росфинмониторинга, Счетной палаты с вышеуказанными подразделениями органов МВД») [5].

Влияние организованной преступности на экономику проявляется, в первую очередь, посредством так называемой теневой экономики.

Так, С. Е. Белкиной в качестве «предмета исследования» «изучались социально-экономические отношения, возникающие в процессе формирования и развития теневых секторов хозяйствования в условиях становления рыночных отношений в современной России» («... неформальный, теневой сектор экономики произрастает из естественных потребностей граждан обеспечивать себе приемлемый уровень экономического благосостояния») [6, с. 6, 9].

А. П. Башлаковой «раскрыты теоретические аспекты исследования теневых секторов рыночной экономики» («На современном этапе становления и развития рыночных отношений проблемы борьбы с негативными последствиями теневой экономики становятся более и более актуальными») [7, с. 2, 141].

По мнению группы авторов-единомышленников (В. Н. Анищенко, С. И. Богатырев, В. А. Нягинен, Е. А. Шеверева) понятие «теневая экономика» является сложной системообразующей категорией» [8, с. 2, 42].

С. Н. Хлопушиным и И. Л. Ивонинской «освещается опыт работы прокуратуры Вологодской области по борьбе с противоправными проявлениями в сфере транспортных услуг» («Вместе с тем, несмотря на некоторые пози-

тивные сдвиги в борьбе с теневым рынком нелегальных перевозок, наша работа в этом направлении далеко еще не закончена. Прокуратура Вологодской области и далее намерена проводить планомерные и целенаправленные мероприятия по установлению неукоснительного режима законности и правопорядка, ликвидации теневого сектора экономики в сфере транспортных услуг») [9].

Представляются убедительными обобщающие суждения Л. А. Татарова и В. Н. Галузо: «Во-первых, термин «организованная преступность» необходимо признать несовершенно. Во-вторых, несовершенно термина «организованная преступность» является основанием для недопустимости его использования в юридической литературе и в законодательстве Российской Федерации. В-третьих, преступность представляет совокупность преступлений в определенном государстве (например, в Российской Федерации), в определенном субъекте этого же государства (например, в г. Москве, в Кабардино-Балкарской Республике), совершаемых лицами из разных социальных групп (например, преступность несовершеннолетних, преступность рецидивистов, преступность работников кредитных организаций и др.). В-четвертых, в качестве альтернативы несовершенно термину «организованная преступность» может быть использован термин «преступность участников организованных групп (сообществ и т. п.)». В-пятых, преступность как негативное социальное явление присуща всякому человеческому обществу, а поэтому неискоренима. В-шестых, по отношению к преступности, в том числе и к «преступности участников организованных групп (сообществ и т. п.)» допустим комплекс мер по исключительному противодействию, осуществляемому уполномоченными правоохранительными органами (например, органами внутренних дел») [10].

Столь разноречивые результаты научных изысканий относительно организованной преступности и ее влияния на экономику предопределяют и несовершенство законодательства в Российской Федерации.

В первую очередь, обращаемся к Федеральному закону РФ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 13 июля 2001 г.¹, в статье 1 которого определены «цели» принятия названного нормативного правового акта: «Настоящий Федеральный закон направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

Еще в одном нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ, также имеются положения об организованной преступности. Речь идет об Уголовном кодексе РФ от 24 мая

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418; ...; 2023. № 1 (часть I). Ст. 54.

1996 г.¹ (статьи 20, 31, 33, 34, 35, 38, 63, 74, 76¹, 80, 82¹, 103, 104¹, 171⁵, 184, 189, 199, 199¹, 199⁴, 200⁵, 200⁷ и др.).

Таким образом, исследования относительно организованной преступности и ее влияния на экономику Российской Федерации необходимо продолжать.

Во-первых, экономика и право во всяком государстве взаимосвязаны.

Во-вторых, отсутствие правового регулирования в экономике неизбежно приводит к негативным социальным явлениям, проявляющимся в преступности.

В-третьих, с учетом правил формальной логики термин «организованная преступность» необходимо признать несовершенным, ибо признаком всякой преступности является иерархичность.

В-четвертых, с учетом правил формальной логики термин «теневая экономика» необходимо признать несовершенным.

Список источников

1. Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России : проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.

2. Иванцов С. В. Организованная преступность : системные свойства и связи (криминологическая оценка) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.

3. Бараева Н. Б. Организованная преступность как социальный институт : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2002.

4. Абрамян С. К., Андреев В. Л., Литвяк Л. Г. Организованная преступность и борьба с ней уголовно-правовыми средствами : учебное пособие. Краснодар : Краснодарский университет МВД РФ, 2021.

5. Диканова Т. А., Изгагина Т. Ю. Об организованной преступности в транспортной сфере // Транспортное право. 2021. № 2.

6. Белкина С. Е. Теневая экономика в структуре хозяйственной деятельности современного российского общества : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2002.

7. Башлакова А. П. Теневая экономика (проблемы определения и институциональные перспективы) : монография. Брянск : Дельта, 2009.

8. Анищенко В. Н., Боготырев С. И., Нягинен В. А., Шеверева Е. А. Теневая экономика как угроза экономи-

ческой безопасности Российской Федерации : учебное пособие. М. : Научный консультант, 2019.

9. Хлопушин С. Н., Ивонинская И. Л. Борьба с теневой экономикой в сфере транспортных услуг средствами прокурорского надзора // Законность. 2015. № 5.

10. Татаров Л. А., Галузо В. Н. О допустимости использования термина «организованная преступность» в юридической литературе и в законодательстве Российской Федерации // Образование и право. 2017. № 9. С. 179–185.

References

1. Galuzo V. N. Constitutional and legal status of Russia : the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 5. P. 119–123.

2. Ivantsov S. V. Organized crime : systemic properties and connections (criminological assessment) : abstract dis. ... doct. jurid. M., 2009.

3. Baraeva N. B. Organized crime as a social institution : abstract of the dis. ... cand. of sociological sciences. SPb., 2002.

4. Abrahamyan S. K., Andreev V. L., Litvyak L. G. Organized crime and the fight against it by criminal legal means : textbook. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021.

5. Dikanova T. A., Izgagina T. Yu. About organized crime in the transport sphere // Transport law. 2021. № 2.

6. Belkina S. E. Shadow economy in the structure of economic activity of modern Russian society : abstract dis. ... candidate of economic sciences. M., 2002.

7. Bashlakova A. P. Shadow economy (problems of definition and institutional prospects) : monograph. Bryansk : Delta, 2009.

8. Anishchenko V. N., Bogotyrev S. I., Nyarginen V. A., Shevereva E. A. Shadow economy as a threat to the economic security of the Russian Federation : textbook. M. : Scientific Consultant, 2019.

9. Khlopushin S. N., Ivoninskaya I. L. Struggle with the shadow economy in the sphere of transport services by means of prosecutorial supervision // Legality. 2015. № 5.

10. Tatarov L. A., Galuzo V. N. On the permissibility of using the term «organized crime» in the legal literature and in the legislation of the Russian Federation // Education and Law. 2017. № 9. P. 179–185.

Информация об авторе

Л. И. Ларионова – преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России.

Information about the author

L. I. Larionova – Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья
УДК 343.983.25
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-129-133>
НИОН: 2015-0066-1/23-610
MOSURED: 77/27-011-2023-01-809

Психологические особенности в судебно-экспертной деятельности и пути решения имеющихся проблем

Надежда Павловна Майлис

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jlmaylis@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы экспертной психологии в судебно-экспертной деятельности, особенности психологических составляющих при взаимодействии процессуальных субъектов и при производстве судебных экспертиз. Особое внимание уделено психологическим аспектам при производстве комплексных экспертиз и оценке их результатов следователем в случаях его присутствия у одного из членов комиссии, психологические особенности получения сравнительных образцов у живых лиц. Рассмотрены вопросы внутреннего убеждения эксперта, морали и этики как необходимые принципы экспертной психологии, определены причины экспертных ошибок.

Ключевые слова: экспертная психология, внутреннее убеждение эксперта, принципы морали и этики, эксперт, следователь, сравнительные образцы, экспертные ошибки

Для цитирования: Майлис Н. П. Психологические особенности в судебно-экспертной деятельности и пути решения имеющихся проблем // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 129–133. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-129-133>.

Original article

Psychological peculiarities in forensic activities and solutions to existing problems

Nadezhda P. Maylis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, jlmaylis@yandex.ru

Abstract. The issues of expert psychology in forensic expert activity, the peculiarities of psychological components in the interaction of procedural subjects and in the production of forensic examinations are considered. Special attention is paid to psychological aspects in the production of complex examinations and evaluation of their results by the investigator in cases of his presence at one of the commission members, psychological features of obtaining comparative samples from living persons. The issues of the expert's inner conviction, morality and ethics as necessary principles of expert psychology are considered, the causes of expert errors are determined.

Keywords: expert psychology, expert's inner conviction, principles of morality and ethics, expert, investigator, comparative samples, expert errors

For citation: Maylis N. P. Psychological peculiarities in forensic activities and solutions to existing problems. Bulletin of economic security. 2023;(1):129–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-129-133>.

Постановка проблемы.

Судебно-экспертная деятельность – это достаточно сложная структура, осуществляемая в процессе судопроизводства судебными экспертами. Она объединяет и взаимообуславливает многие виды человеческой деятельности: познавательную, мыслительную, психологическую, которые направлены на решение главной задачи – оказание содействия правоохранительным органам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. В каждом из многих направ-

лений судебно-экспертной деятельности обязательно присутствуют психологические составляющие, проявляющиеся в разных аспектах. Экспертная психология, как и судебная, состоит из двух направлений: теоретической и практической. Теорию экспертной психологии образуют также философские, правовые и естественнонаучные основы.

Особое место, исходя из практической точки зрения, психологические особенности занимают при производстве судебных экспертиз. Они проявляются и при

© Майлис Н. П., 2023

взаимодействии и взаимоотношениях процессуальных субъектов, руководителя и эксперта при производстве судебных экспертиз, при производстве повторных и комплексных экспертиз между членами комиссии, их производящих, и во многих других случаях. Исходя из многоаспектности рассматриваемого направления, целесообразно осветить основные из них, постоянно проявляющиеся в том или ином виде деятельности, с учетом имеющихся проблем.

Анализ последних исследований и публикаций.

Совокупность основных научных публикаций, определяющая возможность освещения указанной темы, включает труды таких авторов, как: Аверьянова Т. В. [1], Бушуев В. В. [3], Майлис Н. П. [5], Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. [6] и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Необходимость дальнейшего изучения психологических особенностей в различных направлениях судебно-экспертной деятельности, изучение психологических ошибок при производстве судебных экспертиз, которые подробно в специальной литературе не рассматривались.

Формулирование целей статьи. Акцентировать внимание на основных составляющих в экспертной психологии, осветить психологические особенности при взаимодействии процессуальных субъектов, производстве судебных, в том числе комплексных экспертизах, получении сравнительных образцов у живых лиц, выявить причины психологических экспертных ошибок, определить значимость нравственных и моральных принципов в целях совершенствования судебно-экспертной деятельности.

Внутреннее убеждение эксперта как важная психологическая составляющая при производстве судебных экспертиз

Как известно, судебная экспертиза представляет собой сложный психологический процесс, в котором эксперт должен продумать не только какие приемы и методы применять в конкретной ситуации, но и использовать метод прогнозирования и многие другие. Особого внимания заслуживает формирование внутреннего убеждения эксперта и формулирование выводов. Не рассматривая подробно все составляющие внутреннего убеждения эксперта, так как они подвергались изучению в ряде работ ученых, напомним, что внутреннее убеждение эксперта – это «психологическое, эмоционально-интеллектуальное состояние, заключающееся в чувстве уверенности в правильности примененных знаний, экспертных методов, методик... в правильности сделанных умозаключений» [1, с. 350]. Формирование внутреннего убеждения осуществляется на основе проведенного исследования, изучении представленных образцов, экспертных экспериментах, и, при необходимости, материалов дела. Эксперт, при анализе всего технологического процесса, удостоверяется, насколько выявленные совпадающие признаки убедительны на фотоиллюстрациях для восприятия другими участниками процесса и под-

тверждают ли они достоверность сформулированных выводов. Внутреннее убеждение отличается твердой уверенностью в истинности полученных результатов, которые объективно отражают состояние доказанности события, факта.

При производстве экспертизы важное место занимают многие психологические факторы (например, восприятие, представление, внимание, запоминание, интуиция, эвристика и т. п.). Особую значимость в познавательном процессе имеет эвристическое мышление, при этом эксперт постоянно выдвигает рабочие гипотезы, проверяет их, отвергает, выдвигает новые до тех пор, пока не устранил все противоречия или сомнения и не убедится в правильности своих суждений и выводов.

К психологическим особенностям относится и оценка экспертом результатов проведенного исследования. Она является достаточно сложным мыслительным процессом, в котором реализуются предшествующие этапы его познавательной деятельности. На ее основе формируется вначале оценочное суждение о значении полученной информации и затем вывод, основанный на объективно полученных в результате проведенного исследования данных. При этом следует отметить, что при формировании выводов важной составляющей является процессуальная самостоятельность и независимость эксперта, служащая гарантией объективности заключения.

Психологические особенности при производстве комплексных экспертиз

Особое место и достаточно сложным с психологической точки зрения является организация и производство комплексных экспертиз, если они проводятся комиссионно. В литературе уделялось внимание этим вопросам, отметим лишь некоторые, в контексте рассматриваемой темы, психологические особенности при их производстве. Как известно, руководитель экспертного учреждения для проведения комплексной экспертизы создает комиссию из соответствующих специалистов и должен продумать, кого из них назначить ведущим экспертом. При этом ему необходимо знать психологические особенности такого эксперта, его уровень знаний и насколько он коммуникабелен во взаимоотношениях с коллегами. Это является важной психологической составляющей, так как в работе комиссии могут возникнуть различные ситуации (несовместимость между членами комиссии, отсутствие сплоченности между ними, доверие (недоверие) к результатам своего коллеги и др.).

Ведущему эксперту отводится важная роль в организации процесса экспертизы, подробно не рассматривая его обязанности, они достаточно подробно описаны в литературе, отметим только психологический аспект, которому он должен соответствовать. Так, например, в случае возникновения конфликта между членами комиссии он должен умело, используя свои профессиональные знания, объяснить, убедить, и направить работу экспертов для выполнения общей, поставленной перед

ними, задачи. Он должен соблюдать этику поведения, чтобы эти действия не принижали достоинства членов комиссии, а полученные результаты были бы максимально использованы.

Важное место при производстве комплексных экспертиз занимает оценка всех полученных результатов. Коллегиальное обсуждение результатов, полученных каждым специалистом в комиссии, не всегда может сразу привести к единому мнению. Имеющиеся расхождения следует тщательно проверить, исключая ошибочные суждения или сомнения в полученных результатах. В ряде случаев эксперт с небольшим стажем работы может не заметить ошибку эксперта с большим опытом работы и довериться его результатам.

Рассматривая вопросы о комплексной экспертизе нельзя не остановиться и на психологии следователя, который имеет право присутствовать при ее производстве в соответствии со статьей 197 УПК РФ, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. В этой связи, на наш взгляд, требует самостоятельного рассмотрения взаимодействие следователя и экспертов в процессе производства экспертиз по уголовным делам, так как именно по ним чаще всего назначаются комплексные исследования. Они имеют свои особенности не только при назначении и производстве, но и при присутствии следователя при проведении экспертиз комиссией экспертов и последующей оценки их деятельности. Ранее в литературе отмечались особенности в организационном и методическом плане комплексной экспертизы, но недостаточно уделялось внимания особенностям на присутствии следователя при ее производстве с психологической точки зрения при оценке результатов одного или каждого из членов комиссии.

Как известно, комиссия экспертов в своем заключении отражает коллективное убеждение нескольких специалистов, благодаря чему достигается всесторонность изучения исследуемых объектов и значительно повышается достоверность полученных данных. Поскольку следователь не имеет права присутствовать при обсуждении выводов всех проведенных исследований, он может выбрать, при выполнении какого исследования и у какого эксперта комиссии он будет присутствовать. Такой подход обусловлен имеющейся при назначении экспертизы разрабатываемой следователем версии, собранной на данный момент информации в материалах дела, и заинтересованность не только в получении общих выводов, но и результатов в каком-то определенном исследовании. Это позволит следователю, оценить не только общее заключение и выводы, но и, зная, какие методы использовал эксперт, у которого он присутствовал, проверить вошли ли его результаты в общую оценку при формулировании окончательных выводов.

Психологические особенности при получении сравнительных образцов от живых лиц

Мы не случайно останавливаемся именно на этой группе образцов, а к ним относятся: кровь, сперма, волосы с различных участков тела, слюна, ногти и другие,

так как особенностью для их получения требуется согласие от проверяемого человека. Если такое согласие на добровольной основе не получено, то возникает проблема о принудительном отбирании образцов для сравнительного исследования. Изъятие таких образцов осуществляет специалист (врач). При этом, исходя из психологических особенностей, он должен проявлять тактичность и вежливость, не допускать какого-либо пренебрежения расового, полового, религиозного или национального характера к подозреваемому, независимо от степени тяжести совершенного им преступления, при этом запрещается на законодательном уровне применять методы исследований, если они могут повлиять на здоровье лица, методы оперативного вмешательства, испытание новых лекарственных средств, методы диагностики и т. п. Более того, напомним, что специалист не должен нарушать нормы, предусмотренные Конституцией РФ, в которой статья 2 гласит, что «человек, его права и свободы, являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Так же в соответствии п. 2 ст. 21 Конституции РФ «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Таким образом, при этом следственном действии важное значение имеет психология лица, осуществляющего отбор сравнительного материала, его правильное взаимодействие с подэкспертным, в целях получения необходимых образцов для эффективного решения экспертом в последующим поставленных перед ним задач.

Психология ошибок в судебно-экспертной деятельности

Несмотря на то, что заключение эксперта должно соответствовать указанным требованиям, нередко на практике в нем имеют место ошибки. Такой процесс, как оценка доказательств, основан на полном изучении, анализе, всестороннем и объективном их рассмотрении и проверке на соответствие требованиям, применяемым к доказательствам в судебном процессе. Оценка заключения эксперта проводится субъектами, имеющими право назначать экспертизу, а также участниками процесса. Такая оценка, по своей сути, помогает найти возможные ошибки, которые эксперт допустил при исследовании и формулировании выводов.

Проблему ошибок в заключении эксперта необходимо рассматривать с точки зрения не только как источника их происхождения – психологии и мыслительных процессов эксперта, но и других факторов.

Экспертным ошибкам уделяется много внимания, но, в большинстве случаев, они рассматриваются в рамках одного класса, вида или рода экспертиз. В связи с выделением новых родов, видов экспертиз, расширением существующей классификации, а также появлением новых объектов экспертиз, современных методов иссле-

дования, необходимо проводить систематическое их изучение.

В настоящее время в экспертизу активно внедряются автоматизированные процессы, например, автоматизированное рабочее место эксперта, банки данных, автоматизированные информационно-поисковые системы. В связи с этим, теоретически, количество ошибок в заключениях должно сократиться, но процессы автоматизации и математизации связаны с теорией вероятности и статистикой, которая, несмотря на свою точность, в некоторых случаях может давать технические сбои. В таком случае, могут происходить нарушения работы систем и автоматизированных процессов, что приведет к возникновению новых ошибок.

Следует обозначить еще одну проблему возможного появления ошибок в деятельности эксперта, в частности, при производстве комплексных экспертиз или исследований, которые имеют определенную структуру и названия. Ранее мы уже отмечали, что, несмотря на большое количество статей и трудов на эту тему, экспертами и руководителями экспертных учреждений происходит подмена понятий «комплексная экспертиза» и «комплекс экспертиз» [2]. Из-за неправильного понимания природы двух терминов нередко происходит отождествление понятий, что приводит к ошибкам в таких исследованиях.

Экспертным ошибкам могут способствовать объективные и субъективные причины. Как справедливо отмечает В. В. Бушуев, объективные причины экспертных ошибок не ведут к ним напрямую, а лишь создают для них условия, поэтому большую роль играют именно субъективные причины [3, с. 54]. Рассмотрим ряд субъективных причин, приводящих к экспертным ошибкам.

Во-первых, следует отметить такую субъективную причину, как недостаточная компетентность эксперта. Например, эксперт не изучает новые экспертные методики, не интересуется новыми технологиями для своего вида экспертиз, не умеет пользоваться современными программами, аппаратурой. Причина некомпетентности эксперта может возникать из-за отсутствия мотивации и впоследствии потери профессионального интереса, незаинтересованности руководителя экспертного учреждения в развитии своих сотрудников, нежелания выделять из бюджета средства на повышение их квалификации. Интерес руководителя экспертного учреждения в развитии навыков и профессионального мастерства своих работников, стимулирование повышения квалификации и определенные способы повышения мотивации сотрудников приведут к минимизации экспертных ошибок.

Во-вторых, определенные черты личности эксперта играют роль в допущении ошибок. Ими могут являться, например, свойства характера эксперта (неуверенность в своей правоте, застенчивость при обращении за помощью к коллегам или пренебрежение их мнением, повышенная уверенность в своем), нарушенное психическое состояние эксперта (усталость, болезнь, плохое само-

чувствие, переутомление, стресс и др.), недостаточная точность при планировании исследования, излишняя экспертная инициатива (при желании самоутвердиться, показать себя перед коллегами), работа со сложным оборудованием, требующим повышенного внимания, сосредоточенности, концентрации (при работе с таким оборудованием продолжительное время у эксперта может развиваться тревожность, утомленность, нарушиться скорость мыслительных процессов).

В-третьих, субъективной причиной также можно назвать, внутреннее убеждение эксперта. Наряду со многими составляющими, еще раз подчеркнем, что внутреннее убеждение эксперта – это познавательный процесс, складывающийся на протяжении всего исследования, и его психологическая сторона тесно связана с эмоциями и волей эксперта, его интеллектуальными способностями и твердой уверенности в правильности полученных результатов. В то же время, на эксперта может быть оказано давление или повлиять мнение других лиц, например, руководителя или эксперта, имеющего большой опыт, с которым он решил проконсультироваться (посоветоваться), что может привести к экспертной ошибке.

Таким образом, психология ошибок в судебно-экспертной деятельности в большей мере связана с их субъективными причинами. Рассмотрение экспертных ошибок через призму психологии поможет наиболее глубоко их изучить и на начальных этапах при должной внимательности может если не предотвратить их возникновение, то хотя бы сократить их количество.

Рассматривая психологические особенности в судебно-экспертной деятельности, нельзя оставить без внимания и такие вопросы, как профессиональная этика и этикет судебного эксперта в основе которых заложены ряд психологических составляющих.

Профессиональная этика отражает моральные нормы и нравственные принципы, которые должен соблюдать эксперт, как в процессе своей деятельности, так и во взаимоотношениях с процессуальными субъектами. Это, прежде всего, принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и самокритичность. Ранее мы отмечали в своих работах, что профессиональная этика отражает моральные нормы и нравственные принципы, которые должен соблюдать эксперт, как в процессе своей деятельности, так и во взаимоотношениях с процессуальными субъектами [4, с. 146].

Отметим также, что одной из форм профессиональной морали в судебно-экспертной деятельности является служебный этикет эксперта. Он имеет свои специфические особенности в любой профессии, в том числе и в профессиональной деятельности эксперта. Относительно фигуры эксперта, ему должна быть присуща корректность поведения как с процессуальными субъектами, так и с руководителем экспертного учреждения и с коллегами. К особенностям служебного этикета относятся и такие нравственные качества как точность, речевой

этикет, включающий содержательность, логичность, доказательственность, ясность и понятность, в частности, при использовании терминов и понятий, которые должны быть понятны всем процессуальным субъектам при ознакомлении с заключением эксперта. Особенно это касается при изложении, например, результатов химических, биологических, медицинских и других исследований, математических расчетов и применении специальных терминов [5].

Выводы.

Изложенное подтверждает актуальность поднятых проблем, связанных с психологическими особенностями при взаимодействии процессуальных субъектов и при назначении и производстве судебных экспертиз. Соблюдение принципов экспертной психологии, в том числе моральных и нравственных качеств, исключение экспертных ошибок и другие составляющие являются залогом эффективности судебно-экспертной деятельности в целом.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза». М. : Изд-во Норма, 2009.
2. Майлис Н. П. О совершенствовании профессиональной подготовки судебных экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. № 13(2). 2018. С. 50–53. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-50-53>.
3. Бушуев В. В. Внутреннее убеждение судебного эксперта в уголовном судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Информация об авторе

Н. П. Майлис – профессор кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

Information about the author

N. P. Maylis – Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

4. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании : монография. М. : Изд-во «ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право», 2019.

5. Майлис Н. П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Н-пр. ж. «Судебная экспертиза Беларуси». № 1 (4). 2017. С. 28–32.

6. Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология). 2-е изд. М., 2016.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination. General theory course : for use in the educational process in the specialty «Forensic examination». M. : Publishing House Norma, 2009.
2. Maylis N. P. On improving the professional training of forensic experts. Theory and practice of forensic examination. № 13 (2). 2018. P. 50–53. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-50-53>.
3. Bushuev V. V. Internal conviction of a forensic expert in criminal proceedings. Dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2008.
4. Maylis N. P. Theory and practice of forensic examination in proving : monograph. M. : Publishing house «UNITY-DANA. Law and Law», 2019.
5. Maylis N. P. Etiquette of a forensic expert as a component of professional ethics in forensic activities // «Forensic examination of Belarus». № 1 (4). 2017. P. 28–32.
6. Galyashina E. I., Zinin A. M. Theory of forensic examination (forensic expert science). 2nd ed. M., 2016.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-134-137>

ИИОН: 2015-0066-1/23-611

MOSURED: 77/27-011-2023-01-810

Исполнительная надпись нотариуса как способ защиты прав предпринимателей: проблемы теории и практики

Андрей Витальевич Мелентьев¹, Денис Валерьевич Леонов², Айша Магомедовна Омарова³

^{1,2,3} Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия

¹ melentev@mirea.ru

² denis-leonov-1992@mail.ru

³ am_omarova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена и проанализирована исполнительная надпись нотариуса как способ защиты прав предпринимателей. В качестве актуальных проблем выделены использование надписи нотариуса для отмывания доходов, а также нежелание нотариусов брать на себя ответственность за совершение возможных ошибок в исполнительном документе. Предложены пути решения данных проблем, в том числе, на основе зарубежного опыта.

Ключевые слова: исполнительная надпись, нотариус, нотариат, предприниматели, кредитор, служба судебных приставов

Для цитирования: Мелентьев А. В., Леонов Д. В., Омарова А. М. Исполнительная надпись нотариуса как способ защиты прав предпринимателей: проблемы теории и практики // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 134–137. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-134-137>.

Original article

Notary's executive inscription as a way to protect the rights of entrepreneurs: problems of theory and practice

Andrey V. Melentev¹, Denis V. Leonov², Aisha M. Omarova³

^{1,2,3} Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia

¹ melentev@mirea.ru

² denis-leonov-1992@mail.ru

³ am_omarova@mail.ru

Abstract. The notary's executive inscription was considered and analyzed as a way to protect the rights of entrepreneurs. The actual problems of using the notary's inscription for money laundering, as well as the reluctance of notaries to take responsibility, have been identified. The author's ways of solving these problems are proposed, including on the basis of foreign experience.

Keywords: executive inscription, notary, notary, entrepreneurs, creditor, bailiff service

For citation: Melentev A. V., Leonov D. V., Omarova A. M. Notary's executive inscription as a way to protect the rights of entrepreneurs: problems of theory and practice. Bulletin of economic security. 2023;(1):134–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-134-137>.

В 2016 году в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате были внесены изменения, позволяющие осуществлять защиту прав участников гражданско-правовых сделок эффективным и современным методом. Речь идет об исполнительной записи нотариуса. На данный момент исполнительная надпись считается доказательством того, что между сторонами

сделки существует юридическая связь (например, обязательства, возникшие в рамках договора займа, аренды, хранения, аренды и т. д.).

К. А. Корсик полагает, что деятельность нотариата традиционно связывают с функцией предотвращения и разрешения юридических конфликтов, в частности в процессе совершения исполнительной надписи [1].

© Мелентьев А. В., Леонов Д. В., Омарова А. М., 2023

А. Е. Пийтер и О. С. Лилюкова считают, что исполнительная надпись является аналогом исполнительного листа, выдаваемого судебными приставами [2, с. 38].

Необходимо отметить, что взыскание имущества, задолженностей или проведение исполнительных действий на основании исполнительной надписи нотариуса является одним из предусмотренных законодательством способов самозащиты нарушенных прав. Также важно, что исполнительная надпись нотариуса может быть оспорена в суде.

В качестве примера можно привести ситуацию из судебной практики. ИП обратился в суд с иском об оспаривании исполнительной надписи. Из материалов дела следует, что между ОАО-1 и ОАО-2 был заключен договор финансовой аренды (лизинга) автотранспортных средств. Далее ОАО-2 заключило с ИП договор финансовой аренды (сублизинга) транспортного средства. Из-за отсутствия со стороны ОАО-2 оплаты в соответствии с условиями договора лизинга, ОАО-1 направило ему претензию. Договор лизинга был расторгнут в одностороннем порядке. Затем нотариус составил спорную исполнительную надпись. Решением Арбитражного суда Республики Татарстан в удовлетворении требований ОАО-1 в указанной части отказано. Указанным судебным постановлением было установлено, что обязательства по договору сублизинга в соответствии с представленным графиком платежей исполнены. Вместе с тем в нарушение положений договора автомобиль в собственность третьего лица (индивидуального предпринимателя) не перешел [3].

Из приведенного примера следует главный вывод – обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке возможно на основании исполнительной надписи нотариуса. Однако обращение взыскания на имущество должника, находящееся у третьих лиц, может быть осуществлено только на основании судебного акта.

При этом нотариально удостоверенный договор (в котором имеется исполнительная надпись нотариуса) признается исполнительным листом. Документом признается и договор, удостоверенный судебным приказом или признанный судом в порядке упрощенного производства, с последующим удостоверением нотариуса.

Единственное соглашение, которое существует среди многообразия форм договоров (соглашений), легализованных действующим законодательством, требует обязательного нотариального удостоверения и имеет силу исполнительного листа – это алиментное соглашение.

А. Р. Акчурина отмечает, что исполнительная надпись как нотариальное действие была создана для того, чтобы упростить процедуру взыскания задолженностей, чтобы задолженности взыскивались в обход судебного порядка [4, с. 37].

Однако из того, что федеральное законодательство не распространяет свое действие на правоотношения,

возникшие до его вступления в силу, следует, что обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке по исполнительной надписи нотариуса возможно лишь в случае, если договор залога был нотариально удостоверен.

Е. А. Борисовой была выявлена проблема, которая заключается в том, форма исполнительной надписи, утвержденная Министерством юстиции Российской Федерации, отсутствует, из-за чего возникает ряд вопросов о необходимости указания в исполнительных надписях мер принудительного исполнения [5, с. 359–367].

Для решения данной проблемы предлагается ввести коррективы в действующее законодательство и внедрить дополнительные пункты в статью 92 Основ законодательства о нотариате относительно перечня требований, предъявляемых к исполнительным надписям. В число данных требований необходимо включить указание в исполнительной надписи мер принудительного исполнения, а также способ их реализации.

А. Е. Пийтер и О. С. Лилюкова выделяют следующие проблемы, связанные с совершением нотариусами исполнительной надписи [2, с. 39]. Первая проблема состоит в том, что недобросовестные предприниматели могут использовать исполнительную надпись для отмыкания доходов. В Основах законодательства о нотариате установлено, что при возникновении подозрений в добросовестности мотивов участников сделки нотариус может отказать в совершении исполнительной надписи, но это не исключает возможность совершения исполнительной надписи в отношении сделки, совершаемой с противоправными целями. А. Е. Пийтер и О. С. Лилюкова указывают, что решением такой проблемы является только лишь добросовестность и профессионализм нотариуса.

Второй проблемой, по мнению авторов, является страх нотариуса по поводу совершения возможных ошибок в исполнительном документе, нежелание брать на себя ответственность эти ошибки. В таком случае, нотариусы отказывают в совершении исполнительной надписи без объективных причин. А. Е. Пийтер и О. С. Лилюкова отмечают, что решением данной проблемы служит создание законодателем конкретного механизма проверки, предшествующего совершению исполнительной надписи. Данные мероприятия обеспечили бы защиту прав как предпринимателей, так и нотариусов.

Авторы также обращают внимание на то, что после совершения исполнительной надписи, она передается в Федеральную службу судебных приставов. В свою очередь служба обязана возбудить исполнительное производство в течение трех дней, но как показывает практика, это правило соблюдается далеко не всегда. Это связано с высокой загруженностью судебных приставов, отсутствием у них возможности возбудить производство вовремя. Таким образом, третьей проблемой авторы называют отсутствие налаженного про-

цесса передачи документа с исполнительной надписью приставам.

В качестве решения данной проблемы можно предложить налаживание внутреннего канала связи между нотариусами и службой судебных приставов, который позволил бы нотариусам в электронной форме посредством использования ЕИС нотариата передавать документ с исполнительной надписью приставам.

Таким образом, исследование данной темы позволило выявить следующие проблемы:

1. Использование исполнительной надписи нотариуса для отмывания доходов.
2. Нежелание нотариусов брать на себя ответственность за совершение возможных ошибок в исполнительном документе и, как следствие, отказ в совершении исполнительной надписи без объяснения причин.
3. Отсутствие налаженного процесса передачи документа с исполнительной надписью приставам.

В качестве решения указанных проблем можно предложить следующие меры:

1. Повысить осведомленность нотариусов о возможных нарушениях со стороны предпринимателей, использующих исполнительную надпись и ввести дополнительные курсы повышения квалификации в сфере исполнительной надписи нотариуса.
2. Создание специального механизма проверки законности сделки, который бы происходил до совершения исполнительной надписи. При наличии такого механизма нотариусы смогли бы более уверенно совершать исполнительные надписи, поскольку бы не чувствовали за собой груз ответственности за совершение исполнительной надписи в отношении договора, совершенного с противоправными целями.
3. Создать налаженный канал внутренней связи между нотариусами и службой судебных приставов, посредством которого нотариус мог бы передавать исполнительную надпись в электронной форме, заверенной электронной подписью напрямую приставам, что исключило бы множество проблем, связанных с взысканием задолженностей.

Безусловно, несмотря на существующие проблемы процедура совершения исполнительной надписи нотариусом является важным средством защиты прав предпринимателей. Исполнительная надпись нотариуса не конкурирует с приказным производством в гражданском процессе. Совершение исполнительной надписи обеспечивает защиту прав и законных интересов предпринимателей, обеспечивая налаженный процесс осуществления взыскания по задолженностям и неисполненным обязательствам.

Список источников

1. Корсик К. А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов // «Актуальные проблемы российского права». М., 2021. № 11.

2. Пийтер А. Е., Лиликова О. С. Некоторые аспекты нотариальной защиты прав предпринимателей. // Закон. Общество. Человек. Актуальные вопросы теории и практики права. Сборник научных статей. Под редакцией О. В. Архиповой, А. И. Климина. СПб., 2020.

3. Кассационное определение № 65116-020 СК по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан от 19 января 2012 г. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eO4WPoZjfhLV/> (дата обращения: 21.10.2022).

4. Акчурина А. Р. Способы защиты прав малого предпринимательства в Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. № 5.

5. Борисова Е. А. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации : учебное пособие. М., 2016.

References

1. Korsik K. A. Notary's executive inscription as a way to resolve legal conflicts // «Actual problems of Russian law». М., 2021. № 11.
2. Piyter A. E., Lilikova O. S. Some aspects of notarial protection of the rights of entrepreneurs. // Law. Society. Human. Topical issues of the theory and practice of law. Collection of scientific articles. Edited by O. V. Arkhipova, A. I. Klimin. St. Petersburg, 2020.
3. Cassation ruling № 65116-020 IC on civil cases of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated January 19, 2012 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eO4WPoZjfhLV/> (accessed: 21.10.2022).
4. Akchurina A. R. Ways to protect the rights of small business in the Russian Federation // Historical and socio-educational thought. 2020. № 5.
5. Borisova E. A. Legal bases of notarial activity in the Russian Federation: textbook. М., 2016.

Библиографический список

1. Мелентьев А. В. Проблемы дифференциации административно-правовой ответственности различных субъектов права // Актуальные проблемы юриспруденции. Москва : ООО «Издательский Центр РИОР», 2022. С. 180–185. DOI 10.29039/02089-0/180-185.
2. Леонов Д. В. Административная ответственность должностных лиц за принятие неправомερных актов // Право и практика. 2022. № 1. С. 67–71. DOI 10.24412/2411-2275-2022-1-67-71.
3. Галушевская К. А. Внесудебные формы защиты прав предпринимателей // Евразийский научный журнал. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnesudebnye-formy-zaschity-prav-predprinimateley> (дата обращения: 21.10.2022).

Bibliographic list

1. Melentev A. V. Problems of differentiation of administrative and legal responsibility of various subjects of law // Actual problems of jurisprudence. М. :

RIOR Publishing Center LLC, 2022. P. 180–185. DOI 10.29039/02089-0/180-185.

2. Leonov D. V. Administrative responsibility of officials for the adoption of illegal acts // Law and practice. 2022. № 1. P. 67–71. DOI 10.24412/2411-2275-2022-1-67-71.

3. Galushevskaya K. A. Extrajudicial forms of protection of the rights of entrepreneurs // Eurasian Scientific Journal. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnesudebnye-formy-zaschity-prav-predprinimateley> (accessed: 21.10.2022).

Информация об авторах

А. В. Мелентьев – студент 4 курса кафедры государственного и административного права Российского технологического университета – МИРЭА;

Д. В. Леонов – старший преподаватель кафедры государственного и административного права Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук;

А. М. Омарова – студент 4 курса кафедры государственного и административного права Российского технологического университета – МИРЭА.

Information about the authors

A. V. Melentev – 4th year student of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University – MIREA;

D. V. Leonov – Senior Lecturer of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Legal Sciences;

A. M. Omarova – 4th year student of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University – MIREA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 10.03.2023.

Предпринимательское право. Под ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанова ; под общ. ред. Т. В. Дерюгиной, А. В. Тумакова. Учебник. 9-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

В учебнике рассмотрены становление и развитие предпринимательства в России, организационно-правовые формы предпринимательской деятельности и ее правовое регулирование со стороны государства, в том числе в сфере лицензирования, конкуренции (антимонопольное законодательство), налогообложения, расчетно-финансовых отношений, выполнения договорных обязательств, рассмотрения гражданско-правовых споров с участием предпринимателей, корпоративных споров.

Особое внимание уделено вопросам защиты прав и интересов предпринимателей, правового регулирования инновационной и внешнеэкономической деятельности, регламентации имущественных отношений участников обществ с ограниченной ответственностью.

Для студентов юридических и экономических вузов и факультетов, а также специалистов в сфере предпринимательской деятельности, руководителей предприятий и организаций, предпринимателей.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-138-142>

ИПОН: 2015-0066-1/23-612

MOSURED: 77/27-011-2023-01-811

Взаимодействие судебных экспертов при производстве комиссионных экспертиз: правовые и методологические аспекты

Татьяна Федоровна Моисеева

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, moiseevatf@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено правовое регулирование производства комиссионных и комплексных экспертиз в отраслевых процессуальных кодексах и ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Выявлены объективно необоснованные различия в определении ряда положений, и предложена их оптимальная унификация. Обсуждаются роль и функции эксперта-организатора и формы взаимодействия экспертов при производстве комиссионных и комплексных экспертиз.

Ключевые слова: комиссионные экспертизы, комплексные экспертизы, правовое регулирование, унификация, формы взаимодействия экспертов

Для цитирования: Моисеева Т. Ф. Взаимодействие судебных экспертов при производстве комиссионных экспертиз: правовые и методологические аспекты // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 138–142. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-138-142>.

Original article

Interaction of forensic experts in producing commission examinations: legal and methodological aspects

Tatyana F. Moiseeva

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, moiseevatf@mail.ru

Abstract. The legal regulation of commission and complex expert examinations in the sectoral procedural codes and the Federal Law «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» is considered. Objectively unjustified differences in the definition of a number of provisions are revealed and their optimal unification is proposed. The role and functions of the expert organizer and the forms of interaction of experts in the production of commission and complex examinations are discussed.

Keywords: commission examinations, complex examinations, legal regulation, unification, forms of interaction of experts

For citation: Moiseeva T. F. Interaction of forensic experts in producing commission examinations: legal and methodological aspects. Bulletin of economic security. 2023;(1):138–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-138-142>.

Постановка проблемы. Развитие научных знаний и технологий и их интеграция в судебную экспертизу обуславливает комплексный подход к исследованию объектов и все большее значение комиссионных и комплексных экспертных исследований в раскрытии и расследовании преступлений и решении гражданских дел. Правовое обеспечение таких исследований определяет и формы взаимодействия экспертов и влияет на оценку допустимости заключения экспертов. При этом анализ отраслевых процессуальных кодексов и ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в РФ позволяет говорить о

несовершенстве правового регулирования комиссионных и комплексных судебных экспертиз. Не определена в достаточной степени и методология совместной деятельности судебных экспертов при решении общей задачи.

Цель исследования – на основе анализа правовых и методологических аспектов производства комиссионных экспертиз и комплексных экспертиз, обеспечивающих взаимодействие судебных экспертов при их совместной работе, определить необходимые направления совершенствования правового регулирования их деятельности.

© Моисеева Т. Ф., 2023

Основная часть.

Взаимодействие судебных экспертов имеет определяющее значение при производстве комиссионных и комплексных экспертиз. Правовая основа такого взаимодействия как и всех аспектов судебно-экспертной деятельности должна основываться на конституционных принципах, положениях отраслевых процессуальных кодексов и федеральных законов. Рассматривая законодательство о судебной экспертизе, можно выделить три основные проблемы правового регулирования производства комиссионных и комплексных экспертиз: ничем не обоснованное различие в формулировании одинаковых положений; противоречие в определении некоторых положений; неполнота в определении понятий комиссионной и комплексных экспертиз, что приводит к ошибкам при их назначении.

Анализ статей отраслевых процессуальных кодексов (см. табл. 1) свидетельствует о том, что, несмотря на различие в формулировании комиссионной экспертизы, в ее определение включаются одинаковые ее признаки: она проводится двумя и более экспертами, которые по окончании исследования делают общий согласованный вывод и подписывают его. Не согласный с выводом эксперт не подписывает его и дает по нему свое отдельное заключение.

В то же время в статьях процессуальных кодексов можно увидеть и принципиальное, на наш взгляд, различие по поводу того, кто правомочен определять комиссионный характер экспертного исследования. Только в УПК РФ это может сделать руководитель судебно-экспертного учреждения, наряду со следователем. При

этом в статьях УПК РФ не говорится, что комиссионный характер экспертизы может также определяться судом. В ст. 283 УПК РФ, где речь идет о судебной экспертизе в стадии судебного разбирательства, говорится только о повторной или дополнительной экспертизе, которые могут быть назначены судом. Очевидно, что в эту статью необходимо внести дополнение о том, что суд (и руководитель судебно-экспертного учреждения) может также определять комиссионный или комплексный характер назначаемой судебной экспертизой.

В ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ комиссионный характер судебной экспертизы определяется только судом, и руководитель судебно-экспертного учреждения, в отличие от УПК РФ, такими полномочиями не наделен. Данные различия ничем не обоснованы. Не всегда суд может определить необходимость проведения комиссионной экспертизы в виду отсутствия специальных знаний, и представляется целесообразным предоставить это право руководителю судебно-экспертного учреждения, чтобы избежать заявления ходатайств и, соответственно, затягивание сроков производства экспертизы, расследования и рассмотрения дел в целом.

Представляется, что предоставление права руководителю или руководителям судебно-экспертного учреждения (организации) во всех видах судопроизводства определять комиссионный характер судебной экспертизы будет способствовать более эффективному использованию комиссионных экспертиз в судопроизводстве.

Вторая проблема правового регулирования комиссионных экспертиз связана с отсутствием в законе

Таблица 1

Комиссионная экспертиза

<p>УПК РФ Статья 200. Комиссионная судебная экспертиза</p>	<p>1. Комиссионная судебная экспертиза производится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Комиссионный характер экспертизы определяется следователем либо руководителем экспертного учреждения, которому поручено производство судебной экспертизы. 2. Если по результатам проведенных исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, то ими составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий каждый из экспертов, участвовавших в производстве судебной экспертизы, дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласие.</p>
<p>ГПК РФ Статья 83. Комиссионная экспертиза</p>	<p>1. Комиссионная экспертиза назначается судом для установления обстоятельств двумя или более экспертами в одной области знания. 2. Эксперты совещаются между собой и, придя к общему выводу, формулируют его и подписывают заключение. Эксперт, не согласный с другим экспертом или другими экспертами, вправе дать отдельное заключение по всем или отдельным вопросам, вызвавшим разногласия.</p>
<p>АПК РФ Статья 84. Комиссионная экспертиза</p>	<p>1. Комиссионная экспертиза проводится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Комиссионный характер экспертизы определяется арбитражным судом. 2. В случае если по результатам проведенных исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, экспертами составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий каждый из экспертов, участвовавших в проведении экспертизы, дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласия экспертов.</p>
<p>КАС РФ Статья 80. Комиссионная экспертиза</p>	<p>1. Комиссионная экспертиза проводится не менее чем двумя экспертами, обладающими специальными познаниями в одной и той же области знания. Комиссионный характер экспертизы определяется судом. 2. Если по результатам проведенных исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, экспертами составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий эксперт, несогласный с мнением другого эксперта или других экспертов, дает отдельное заключение по всем вопросам или по отдельным вопросам, вызвавшим разногласия.</p>

указаний об основаниях назначения комиссионной экспертизы. Казалось бы, каждый из экспертов мог самостоятельно провести экспертизу, и не ясно, для чего назначать ее нескольким экспертам? Можно выделить три основания назначения комиссионной экспертизы.

Во-первых, комиссионная экспертиза назначается, когда на экспертизу ставятся особо сложные задачи, для решения которых необходим «коллективный разум».

Во-вторых, комиссионные экспертизы могут быть назначены для большей объективности результатов исследования, когда речь идет о расследовании и рассмотрении громких резонансных дел (в комиссии могут участвовать эксперты разных ведомств) или когда специальные знания, необходимые для производства судебной экспертизы могут обладать некоторой субъективностью. Например, судебно-психиатрическая экспертиза должна проводиться не менее, чем тремя судебными экспертами-психиатрами. Также рекомендуется назначение комиссионной судебно-искусствоведческой экспертизы и, в ряде случаев, комиссионной судебно-лингвистической экспертизы, чтобы нивелировать возможную субъективность в оценке результатов исследования.

В-третьих, комиссионные экспертизы целесообразно назначать при производстве много объектных экспертиз с целью сокращения сроков их производства.

Представляется, что внесение в статьи процессуальных кодексов о комиссионной экспертизе дополнения об основаниях их назначения будет способствовать их более активному использованию правоприменителем.

Вызывает вопросы и организационно-методологический аспект комиссионных экспертиз.

Для проведения экспертных исследований группой экспертов необходимо организующее лицо. Общее руководство проведением всех экспертных исследований возложено на руководителя (или руководителей, если экспертиза проводится экспертами разных судебно-экспертных учреждений). Однако нормативные правовые ведомственные акты предусматривают возможность назначения в группе эксперта-организатора, не являющегося процессуальной фигурой и не обладающего какими-либо преимуществами перед остальными экспертами. В Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации говорится, что «руководитель экспертного учреждения определяет «исполнителя (исполнителей) экспертизы, а также *ведущего эксперта* при производстве комиссионной или комплексной экспертизы» [1, ст. 18].

Представляется, что более точно о фигуре эксперта-организатора в соответствии с положением ст. 21 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ФЗ о ГСЭД) говорится в Инструкции по организации производства судебных

экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации: «Руководитель СЭУ, организующий ее деятельность, может передать часть обязанностей и, прав, связанных с организацией и производством комиссионной или комплексной судебных экспертиз одному из членов комиссии-экспертов, процессуальные функции которого не отличаются от функций остальных экспертов» [2].

Очевидно, что эксперт-организатор отвечает за технические организационные аспекты исследования. А каким образом комиссия экспертов одной специальности проводит само исследование?

В ст. 22 ФЗ о ГСЭД определено, что «при производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами одной специальности *каждый из них проводит исследование в полном объеме*, и они совместно анализируют полученные результаты». Исходя из этого положения, считается, что каждый из экспертов проводит полное исследование всех объектов и несет ответственность за все заключение в целом. С процессуальной точки зрения, все четко определено, но методически это, как правило, невозможно, поскольку в процессе исследования одним экспертом объект может измениться или даже быть уничтожен, что не позволит другим членам комиссии провести его исследование. Поэтому положение в ФЗ о ГСЭД о том, что при производстве комиссионной экспертизы эксперт проводит исследование всех объектов в полном объеме представляется некорректным.

Как проводить исследование – это внутренне решение комиссии экспертов. Они могут разделить между собой этапы исследования или объекты, могут просто стоять и наблюдать за действиями одного из экспертов, но главное они понимают, что каждый из них несет ответственность за все исследование в целом. Очевидно, что это возможно только при полном взаимопонимании и доверии всех членов комиссии.

Правовое регулирование комплексных экспертиз также вызывает ряд вопросов. В отраслевых процессуальных кодексах определение комплексной экспертизы различается также по формулированию одних и тех же положений, по полноте определения, а также есть и некоторое принципиальное различие (см. табл. 2).

Комплексная экспертиза рассматривается в настоящее время как разновидность комиссионной экспертизы, проводимой экспертами разной компетенции. Прежде всего, вызывает дискуссии отнесение комплексной экспертизы к разновидности комиссионной. Сущность комплексной экспертизы, определяющей и основание ее назначения – это необходимость синтеза специальных знаний для решения вопроса, поставленного на экспертизу. Как показывает практика, и один эксперт может обладать специальными знаниями в разных областях науки. На это было обращено внимание в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» [3], где в

Комплексная экспертиза

УПК РФ Статья 201. Комплексная судебная экспертиза	<ol style="list-style-type: none">1. Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной.2. В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.
ГПК РФ Статья 82. Комплексная экспертиза	<ol style="list-style-type: none">1. Комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания или с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания.2. Комплексная экспертиза поручается нескольким экспертам. По результатам проведенных исследований эксперты формулируют общий вывод об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое подписывается всеми экспертами. Эксперты, которые не участвовали в формулировании общего вывода или не согласны с ним, подписывают только свою исследовательскую часть заключения.
АПК РФ Статья 85. Комплексная экспертиза	<ol style="list-style-type: none">1. Комплексная экспертиза проводится не менее чем двумя экспертами разных специальностей.2. В заключении экспертов указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в проведении комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.3. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. В случае возникновения разногласий между экспертами результаты исследований оформляются в соответствии с частью 2 статьи 84 данного Кодекса.
КАС РФ Статья 81. Комплексная экспертиза	<ol style="list-style-type: none">1. В случае, если при установлении соответствующих обстоятельств по административному делу возникает необходимость в проведении экспертизы с использованием специальных познаний в различных областях знаний или с использованием познаний в различных научных направлениях в пределах одной области знаний, суд назначает комплексную экспертизу.2. Комплексная экспертиза поручается нескольким экспертам.3. В заключении экспертов, участвующих в проведении комплексной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в проведении комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.4. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. Эксперты, не участвовавшие в формулировании общего вывода или несогласные с ним, подписывают только ту часть заключения, которая содержит описание проведенных ими исследований, и несут за нее ответственность.

п. 12 говорится: «Если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам». Однако в этом случае такая экспертиза не может считаться комплексной, поскольку в соответствии с процессуальными кодексами она должна назначаться нескольким экспертам, т. е. должна носить комиссионный характер. Такое ограничение представляется не обоснованным, и в проекте нового закона о судебной экспертизе уже предусмотрено, что комплексная экспертиза может быть и комиссионной, и единоличной.

Другой вопрос связан с различной формулировкой специальных знаний при производстве комплексных экспертиз. Это и «эксперты разных экспертных специальностей» (УПК РФ, АПК РФ), и различные области знания или с различными научными направлениями в пределах одной области знания (ГПК РФ, КАС РФ). Очевидно, необходима унификация таких понятий.

В отличие от комиссионной экспертизы само понятие комплексной экспертизы обуславливает основание для ее назначения и производства. При производстве комплексной экспертизы в заключении эксперта указывается, какое исследование провел каждый эксперт, который несет за него ответственность. Но основным результатом комплексной экспертизы является общий вывод, основанный на синтезе результатов исследований, полученных экспертами, обладающими разными специальными знаниями. Получается, что тот, кто подписывает вывод, несет ответственность не только за свое исследование, но и за результаты другого эксперта. Он может это сделать добровольно, считая себя достаточно компетентным, чтобы оценить результаты своего коллеги. Поэтому представляется вполне корректным положение АПК РФ и ГПК РФ: «Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода», что полностью соответствует положению ст. 22 ФЗ о ГСЭД.

В УПК РФ об общем выводе вообще не говорится. Пояснение было дано в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ: «Каждый эксперт вправе подписать общее заключение либо ту его часть, которая отражает ход и результаты проведенных им лично исследований». В отличие от других процессуальных кодексов только в ГПК РФ говорится, что общий вывод подписывается всеми экспертами, что представляется не правомерным, потому что недопустимо заставлять человека отвечать за деяние другого. Это положение требует изменения в соответствии с ФЗ о ГСЭД.

Обращает на себя внимание и тот факт, что только в УПК РФ говорится о комиссионной судебной экспертизе и комплексной судебной экспертизе, а в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ в названиях статей определение «судебная» отсутствует, хотя речь идет именно о судебной экспертизе, процессуальный характер которой отличает ее от всех других видов экспертиз.

Таким образом, проведенный анализ правового регулирования производства комиссионных судебных экспертиз, определяющего организационные и методологические аспекты взаимодействия судебных экспертов при их производстве, позволил выявить ряд проблем, требующих своего разрешения на основе унификации статей отраслевых процессуальных кодексов о комиссионной и комплексной экспертизах.

Список источников

1. Приложение к Приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Инструкция по организации производ-

ства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 30.05.2022).

2. Приложение к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 20 декабря 2002 г. № 347 «Инструкция по организации производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации».

3. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» // <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8226/>.

References

1. Appendix to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 29, 2005 № 511 «Instructions for the organization of forensic examinations in forensic units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation» (ed. dated 30.05.2022).

2. Appendix to the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated December 20, 2002 № 347 «Instructions for the organization of judicial proceedings expert examinations in state forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation».

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 28 of December 21, 2010. «On forensic examination in criminal cases» // <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8226/>.

Информация об авторе

Т. Ф. Моисеева – заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор.

Information about the author

T. F. Moiseeva – Head of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Biological Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 07.02.2023.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-143-146>

НИОН: 2015-0066-1/23-613

MOSURED: 77/27-011-2023-01-812

Организационные вопросы взаимодействия следователя и эксперта при назначении судебно-трактологических экспертиз на современном этапе

Ирина Олеговна Несмиянова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
nesmiyanova@yandex.ru

Аннотация. Разработана программа для ЭВМ «Постановление о назначении судебной экспертизы» (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020617111 от 30 июня 2020 г.) [1], позволяющая формировать постановления о назначении экспертизы в автоматическом режиме. В работе продемонстрирован алгоритм действий органов предварительного расследования по использованию данного программного продукта.

Статья посвящена особенностям применения программного комплекса «Постановление о назначении судебной экспертизы» на примере трактологических экспертиз. На основе анализа уголовных дел было установлено, что в ряде случаев вопросы в постановлении о назначении судебно-трактологической экспертизы сформулированы не совсем корректно. На основе выявленных результатов полагаем, что в настоящее время существует проблема взаимодействия следственных и экспертных подразделений при назначении судебных экспертиз.

Ключевые слова: программа для ЭВМ, специальные знания, информационные технологии, трактология, судебная экспертиза, постановление о назначении трактологической экспертизы

Для цитирования: Несмиянова И. О. Организационные вопросы взаимодействия следователя и эксперта при назначении судебно-трактологических экспертиз на современном этапе // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 143–146. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-143-146>.

Original article

Organizational issues of interaction between the investigator and the expert in the appointment of forensic tracological examinations at the present stage

Irina O. Nesmiyanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
nesmiyanova@yandex.ru

Abstract. A computer program «Resolution on the appointment of a forensic examination» has been developed (certificate of state registration of the computer program № 2020617111 dated June 30, 2020), which allows the formation of resolutions on the appointment of an examination in automatic mode. The paper demonstrates the algorithm of actions of the preliminary investigation bodies on the use of this software product.

The article is devoted to the peculiarities of the application of the software package «Resolution on the appointment of a forensic examination» on the example of tracological examinations. Based on the analysis of criminal cases, it was found that in some cases the issues in the decision on the appointment of a forensic tracological examination were not formulated quite correctly. Based on the revealed results, we believe that at present there is a problem of interaction between investigative and expert units in the appointment of forensic examinations.

Keywords: computer program, special knowledge, information technology, tracology, forensic examination, resolution on the appointment of a tracological examination

For citation: Nesmiyanova I. O. Organizational issues of interaction between the investigator and the expert in the appointment of forensic tracological examinations at the present stage. Bulletin of economic security. 2023;(1):143–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-143-146>.

© Несмиянова И. О., 2023

Постановка проблемы. В настоящее время развитие всех сфер деятельности связано с использованием информационных технологий и их массовым внедрением, деятельность экспертно-криминалистических подразделений не является исключением. Данное обстоятельство обусловлено развитием средств и методов судебной экспертизы, автоматизацией экспертного исследования. В связи с чем, вопросы организации взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства в рамках назначения экспертиз приобретают отдельную актуальность.

Анализ последних исследований и публикаций. Поиск решения проблем организационного взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства рассматривался многими учеными, среди которых можно выделить Т. В. Аверьянову, Р. С. Белкина, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинскую и др.

В настоящее время в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации разработана концепция научно-технической политики МВД России до 2030 года, в контексте которой выделим три направления организации использования современных технологий в судебной экспертиологии:

- внедрение электронного документооборота в деятельность экспертно-криминалистических подразделений;
- создание автоматизированных рабочих мест, отвечающих современному развитию науки и техники;
- использование технологий 3D-сканирования, 3D-моделирования, 3D-микроскопии в деятельности судебных экспертов.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Проанализировав организацию взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства при назначении и производстве трасологических экспертиз, в свете развития информационных технологий и использования возможностей электронного документооборота, выявлен ряд противоречий.

Формулирование целей статьи. Целью является анализ возможностей использования программы для ЭВМ «Постановление о назначении судебной экспертизы» при назначении судебно-трасологических экспертиз.

Изложение основного материала. Отметим, что с развитием информационных технологий и внедрением их в правоохранительную деятельность, приобретают значимость и актуальность организационные вопросы между участника уголовного производства. Так, например, основанием для производства судебной экспертизы является постановление следователя (дознателя), поэтому нам хотелось бы подробнее рассмотреть взаимодействие между следственными и экспертными подразделениями при назначении трасологических экспертиз.

В своей работе Т. В. Аверьянова подготовку материалов для производства экспертизы поделила на следующие составляющие:

- формулирование задач трасологической экспертизы;
- определение материалов дела, содержащих значимую информацию для производства экспертизы;
- отбор объектов для производства экспертизы;
- вынесение постановления о назначении судебной экспертизы [2, с. 310].

На наш взгляд, проблемный вопрос назначения любой судебной экспертизы, в том числе и трасологической, – это формулирование вопросов. В рамках данной работы подробнее рассмотрим некоторые особенности назначения судебных экспертиз на примере судебно-трасологической экспертизы.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством следователь в постановлении о назначении судебной экспертизы в обязательном порядке указывает вопросы, на которые необходимо дать ответ эксперту при производстве конкретной экспертизы. Поэтому, именно правильная формулировка вопросов и определяет ход дальнейшего экспертного исследования. В связи с чем, можно выделить следующие требования: вопросы должны быть в рамках компетенции эксперта, понятными, логически обоснованными, исключающими двойного толкования.

С целью получения данных о сложившейся обстановке в отношении правильной формулировки вопросов при назначении судебно-трасологических экспертиз нами проведено анкетирование сотрудников следственных органов, подразделений дознания и экспертных подразделений. Были получены следующие результаты:

- 63 % респондентов (из числа сотрудников экспертных подразделений) оказывают помощь следователям (дознателям) при составлении содержательной части постановления, касающейся вопросов и объектов исследования (42 % оказывают помощь до вынесения постановления; 57 % при проведении экспертизы формулируют вопросы в своей редакции);
- 46 % респондентов (из числа сотрудников экспертных подразделений) отмечают недостаточную корректность ряда вопросов;
- 43 % респондентов (из числа сотрудников следственных органов, подразделений дознания) прибегают к консультативной помощи экспертов при формулировании вопросов;
- 57 % респондентов (из числа сотрудников следственных органов, подразделений дознания) используют вопросы, содержащиеся в предыдущих вынесенных постановлениях, в справочной и иной литературе.

Таким образом, выявленные результаты анкетирования демонстрируют, что на современном этапе существует проблема взаимодействия следственных и экспертных подразделений при назначении судебно-трасологических экспертиз.

Нами разработан программный продукт «Постановление о назначении судебной экспертизы» (на примере постановления о назначении трасологической экс-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о назначении судебной экспертизы

УСТАНОВИЛ:
Обстоятельства дела указываются самостоятельно
На основании изложенного и руководствуясь ст.195 (196) и 199 УПК РФ

ПОСТАНОВИЛ:

1. Назначить трасологическую судебную экспертизу, производство которой поручить

2. Предоставить в распоряжение эксперта материалы:
 - копии настоящего постановления;

 - обувь, обнаруженная

3. Поставить перед экспертом вопросы:

4. Поручить руководителю: связать п.1 с п.4 –п4, дублирует п1

разъяснить эксперту права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, и предупредить его об уголовной ответственности в соответствии ст.307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения

В соответствии с п.3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, разрешено при производстве экспертизы частичное или полное уничтожение, изменение внешнего вида или основных свойств объектов, представленных на экспертизу.

Создать документ

Добавить Очистить все

Добавить Очистить все

Добавить Очистить все

поверхностный след обуви, перекопированный на дактилоскопическую пленку
 фотоснимок единичного следа
 фотоснимки дорожки следов
 слепок объемного следа обуви, обнаруженный

Добавить Очистить все

Пригоден ли след обуви, изъятый с места происшествия, для идентификации?
 Каков механизм возникновения следа обуви, представленного на исследование?
 Обувью какого размера оставлен след, представленный на исследование?
 Возможно ли определить размер обуви, если да, то каков размер?

Рис. 1. Интерфейс программы

пертизы) – программа, предназначенная для персонального компьютера с операционной системой Windows XP и выше. Данный программный продукт следователь (дознатель) может использовать для автоматизированного составления постановления о назначении судебно-трасологической экспертизы (рис. 1).

При назначении судебно-трасологической экспертизы и формировании соответствующего постановления в данной программе следователю (дознателю) необходимо пройти несколько этапов:

– первый: указать дату и место составления постановления, из предложенного перечня выбрать вид судебной экспертизы, внести данные (должность, звание, ФИО, номер уголовного дела или номер материалов проверки и изложить обстоятельства дела);

– второй: из предложенного перечня выбрать экспертно-криминалистическое подразделение, которому будет поручено производство судебной экспертизы;

– третий: из предложенного перечня выбрать объекты исследования, вопросы, относящиеся к объекту исследования. Перечень вопросов соответствует конкретному объекту исследования и зависит в программе от вида объекта (например, объект исследования – след обуви, предложенные программой вопросы – вопросы только по данному объекту исследования);

– четвертый: связан с выбором вопроса (вопросов) исследования. Следователь самостоятельно может добавить дополнительный вопрос, не входящий в пред-

ложенный программой перечень, записать его в разделе «ряд дополнительных вопросов»;

– пятый: после того как все графы заполнены, необходимо «создать документ». После чего в программе происходит автоматизированное формирование постановления о назначении судебной экспертизы, которое открывается в Microsoft Word.

Функции программного продукта «Постановление о назначении судебной экспертизы»:

– установление связи между подразделением (п. 1 постановления), в которое назначено производство экспертизы, и руководителем, который предупреждает эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (п. 4 постановления);

– установление связи между видом экспертизы, исследуемым объектом и вопросами, разрешение которых необходимо в ходе проведения экспертизы;

– автоматизация составления постановления о назначении экспертизы.

Выводы из данного исследования и перспективы. В данной работе мы подробно рассмотрели некоторые особенности организации взаимодействия между следственными и экспертными подразделениями при назначении судебно-трасологической экспертизы на современном этапе с использованием разработанного нами программного продукта.

Считаем, что организация информационного взаимодействия между подразделениями нашла свое отра-

жение в развитии и применении электронного документооборота, являясь одной из основных составляющих электронной среды взаимодействия экспертных и иных подразделений.

Разработанная нами программа автоматизированного составления постановления о назначении судебной экспертизы (на примере судебно-трасологической экспертизы) не является конечной целью, а планируется разработка линейки программных продуктов по различным видам трасологических объектов. Кроме того, будет сформирована многозадачность программного обеспечения, выражающаяся в создании широкого спектра шаблонов постановлений о назначении экспертизы по всем объектам судебных экспертиз.

Список источников

1. Постановление о назначении судебной экспертизы : программа для ЭВМ / разработчик : И. О. Несмиянова ; [свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020617111 от 30 июня 2020 г.].
2. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел ; под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. М. : КноРус : Право и закон, 2003.

References

1. Resolution on the appointment of a forensic examination : computer program / developer : I. O. Nesmiyanova ; [certificate of state registration of computer program № 2020617111 dated June 30, 2020].
2. Expert. Manual for experts of internal affairs bodies ; edited by T. V. Averyanova, V. F. Statkus. M. : KnoRus : Law and the Law, 2003.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: № 174-ФЗ от 18 де-

кабря 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Совершенствование системы криминалистического описания объектов : справочник / Бушуев В. В., Майлис Н. П., Проткин А. А. и др. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 499 с.

3. Харламова О. А. Применение современных информационных технологий при решении экспертных задач // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 172–178.

4. Несмиянова И. О. Современные методы фиксации и изъятия трасологических следов как эффективное средство идентификации личности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 239–242.

Bibliographic list

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: №. 174-FZ of 18.12.2001. Access from «ConsultantPlus».

2. Improvement of the system of criminalistic description of objects : reference book / Bushuev V. V., Mailis N. P., Protkin A. A., etc. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2021. 499 p.

3. Kharlamova O. A. Application of modern information technologies in solving expert problems // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. № 2. P. 172–178.

4. Nesmiyanova I. O. Modern methods of fixation and removal of tracological traces as an effective means of identity identification // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. №. 6. P. 239–242.

Информация об авторе

И. О. Несмиянова – преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. O. Nesmiyanova – Lecturer of the Department of Weapons Science and Trace Analysis of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-147-152>

НИОН: 2015-0066-1/23-614

MOSURED: 77/27-011-2023-01-813

Проблема понятности и определенности правовых норм, предусматривающих особенности производства следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам в сфере экономики

Павел Олегович Панфилов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
panfilov071@mail.ru

Аннотация. Анализируется язык уголовно-процессуальных норм, предусматривающих особенности производства следственных и иных процессуальных действий с точки зрения категорий понятности и определенности. Автор придерживается имеющейся в теории права позиции о том, что понятность и определенность являются требованиями, которые взаимообеспечивают друг друга, а в уголовно-процессуальном праве напрямую связаны с его эффективностью, формированием доверия общества к правосудию. Делается вывод о том, что определенность нормы должна обеспечиваться указанием в законе на обстоятельства, основания и условия ее применения, а в случае использования оценочных категорий – критериями усмотрения правоприменителя. Понятность должна соответствовать уровню не профессионального юриста, а обывателя, который воспользовавшись, в случае необходимости, юридической помощью, смог бы предвидеть последствия своего поведения.

Ключевые слова: понятность, определенность, уголовно-процессуальный закон, следственные действия, преступления в сфере экономики, защита бизнеса, доверие к правосудию

Для цитирования: Панфилов П. О. Проблема понятности и определенности правовых норм, предусматривающих особенности производства следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам в сфере экономики // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 147–152. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-147-152>.

Original article

The problem of intelligibility and certainty of legal norms providing for the specifics of the production of investigative and other procedural actions in criminal cases in the field of economics

Pavel O. Panfilov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
panfilov071@mail.ru

Abstract. The language of criminal procedural norms that provide for the specifics of the production of investigative and other procedural actions, from the point of view of the categories of intelligibility and certainty, is being analyzed. The author adheres to the position available in the theory of law that intelligibility and certainty are requirements that mutually support each other, and in criminal procedure law are directly related to its effectiveness, the formation of public confidence in justice. It is concluded that the certainty of the norm should be provided by the indication in the law of the circumstances, grounds and conditions of its application, and in the case of the use of evaluation categories – the criteria of discretion of the law enforcement officer. The intelligibility should correspond to the level of not a professional lawyer, but a resident who, if necessary, using legal assistance, could foresee the consequences of his behavior.

Keywords: intelligibility, certainty, criminal procedure law, investigative actions, crimes in the field of economics, business protection, trust in justice

For citation: Panfilov P. O. The problem of intelligibility and certainty of legal norms providing for the specifics of the production of investigative and other procedural actions in criminal cases in the field of economics. Bulletin of economic security. 2023;(1):147–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-147-152>.

© Панфилов П. О., 2023

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция) прямо закрепляет обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать законодательство Российской Федерации. При этом в качестве юридической фикции признается, что все субъекты правоотношений знают закон, если он надлежащим образом опубликован (ч. 2, 3 ст. 15 Конституции). Однако знание какой-либо информации не всегда означает ее понимание, то есть способность указанных выше субъектов уяснить смысл текста. В связи с этим актуальность приобретает обеспечение не только знания закона (по сути, доступа к тексту), но и его понимания (доступности содержания).

Понимание зависит от двух составляющих: субъекта восприятия (его уровня образования, правовой культуры, воспитания, нравственного развития и т. д.), а также от содержания и формы написанного (юридическая техника, согласованность норм, логичность, язык, использование специальных терминов, соблюдение грамматических правил построения предложений, объем, использование оценочных категорий и т. д.). Если для реализации первой составляющей необходимы организационные, образовательные, воспитательные, просветительские меры, то вторая – прямо зависит от искусства законодателя, владение авторов законопроектов тем языком, на котором пишутся нормы.

Так, в российской юридической доктрине [8], в ряде зарубежных правовых порядков (Франция, Чехия, Австрия [2, с. 296–297]) признается, что требования закона должны восприниматься максимально однозначно любым, кто знакомится с текстом правового акта, при этом текст закона должен быть ясным, обладать точными выражениями и однозначными формулировками.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), понятность механизма действия закона для субъектов правоотношений создает необходимую степень определенности правового регулирования. Конституционный Суд, однако, не исключает, что определенность правового регулирования может быть достигнута, в том числе, на основе обобщенной судебной практики, примененной к той или иной сфере правоотношений [9]. Между тем, определенность и понятность, по справедливому замечанию С. А. Белова, «зачастую противоречат друг другу» [2, с. 297]. Так, в попытках сделать норму более определенной законодатель усложняет правовые конструкции, использует специальную терминологию, включает в закон большое количество оговорок. Между тем, эти действия имеют и обратный эффект: воспринимать норму становится труднее, она делается сложнее для обывателя, а ее смысл становится понятен только профессиональному субъекту правоотношений. В этой связи справедливы сомнения А. В. Победкина о том, что закон, для понимания которого нужно обращаться к помощи специалистов, будет эффективен и вызывать доверие граждан [5, с. 221].

Именно такая тенденция отмечается применительно к положениям ч. 1.1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), предусматривающим запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу по отдельным видам преступлений в сфере экономики. Так, если в момент появления положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ (введена Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ [10]) распространялись исключительно на налоговые преступления, то уже меньше чем через полгода появились новые составы преступлений и формулировка «если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности», которая для обеспечения ее определенности потребовала издания трех постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – постановлений Пленума Верховного Суда), где было дано разъяснение о том, что понимать под «преступлениями, совершенными в сфере предпринимательской деятельности» [11; 12; 13]. Однако, и этого оказалось недостаточно, в 2018 году положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ были усложнены такими категориями, как «индивидуальный предприниматель» или «член органа управления коммерческой организации», «в связи с осуществлением предпринимательской деятельности», «в связи с управлением имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности», «при реализации полномочий по управлению организацией».

В указанных выше случаях (кроме изменений, которые были вызваны необходимостью расширить перечень преступлений) законодатель предпринимал попытки преодолеть правовую неопределенность [см. 14; 15] положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, как нормы, которая не содержит достаточной информации для точного установления ее содержания, носит оценочный или неконкретный характер [2, с. 301]. В результате норма была усложнена за счет увеличения объема текста и введения специальных терминов. Понятность нормы это не увеличило, как в целом и определенность (термин «в сфере предпринимательской деятельности» был заменен на конструкцию, предложенную Пленумом Верховного Суда Российской Федерации еще пятью годами ранее [12]). Подобные изменения в законодательство, направленные на недопущение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, были признаны Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей недостаточно эффективными [16].

В попытке снизить усмотрение следователя и суда законодатель забывает о таком, что закон объективно обусловлен разрывом между абстрактным характером нормы и конкретностью случая, что приводит правоприменителя к применению закона и права по аналогии, не исключает того, что субъекты правоприменения будут пытаться заполнить правовую неопределенность за счет внутреннего убеждения, своего усмотрения [6, с. 44].

Вполне очевидно, что попытки ограничить усмотрение, то есть бороться с естественной характеристикой любого направления правового регулирования (в уголовном процессе невозможно исключить ряд оценочных категорий и понятий, которые требуется определять с учетом всех обстоятельств по уголовному делу), не приводят к положительному результату в части достижения назначения уголовного судопроизводства. В связи с этим, необходимо не ограничивать усмотрение, а разрабатывать такие критерии, которые позволяли бы исключить его произвольное применение.

Между тем, положения УПК РФ, направленные на создание процессуальных гарантий защиты бизнеса и благоприятного инвестиционного климата, не лишены недостатков в части определенности и понятности, при- сущих ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Так, положения ст. 164 УПК РФ, определяющие общие правила производства следственных действий, содержат требования о том, что «не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей». Однако критериев «необоснованного применения мер» законодатель не предлагает, более того, с учетом положений ч. 4 ст. 7 УПК РФ, уголовно-процессуальный закон априори не допускает необоснованных действий органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Правовая неопределенность относительно мер, которые следует считать обоснованными, а также применимости положений ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ до возбуждения уголовного дела порождают на практике жалобы стороны защиты, конфликты со стороной обвинения, которые приходится разрешать уже суду [17; 18].

Продолжением ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ является ст. 164.1 УПК РФ, которая предусматривает особенности изъятия электронных носителей информации по уголовным делам в сфере экономики. Между тем, в литературе прямо отмечается «непонятность» ч. 1 ст. 164.1 УПК, а также ее «противоречивость» [1, с. 105], которая усугубляется тем, что корреспондирующие нормы не были внесены в ст. 165 УПК РФ и ст. 29 УПК РФ, а значит, нарушается и системность уголовно-процессуального закона, что также снижает правовую определенность и предсказуемость правоприменения [7].

Последствием подобной правовой неопределенности и непонятности уголовно-процессуальных норм стало «дело В. Израйлита», когда положения Федерального закона от 08 июня 2015 г. № 140-ФЗ [19], предусматривающие использование в уголовном судопроизводстве специальной декларации, поданной в порядке «амнистии капитала», и прилагаемых к ней документов исключительно для целей ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ, были истолкованы, по мнению Президиума Верховного Суда, неверно [20]. В результате, доверие к «амнистии капитала» среди лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, было подорвано [4].

Это привело к принятию Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ [21], которым был введен абсолютный запрет на использование специальной декларации в качестве доказательства, повода для возбуждения уголовного дела, а также запрет изъятия декларации при производстве следственных действий [3]. Тем самым, повышение правовой определенности в части использования специальной декларации привело к усложнению уголовно-процессуальных норм.

Не лишены указанных выше недостатков и положения ст. 81.1 УПК РФ. Так, чтобы дисциплинировать должностных лиц при работе с изъятыми предметами, документами, электронными носителями информации, а также с целью повышения гарантий защиты предпринимательской деятельности по уголовным делам в сфере экономики, были установлены сроки работы с изъятыми в ходе следственных действий объектами. В качестве критерия продления срока на 30 суток выбрана категория «большого количества» изъятых предметов и документов, между тем критериев определения: что считать большим количеством, законодателем предложено не было. Такое регулирование в правоприменительной практике приводит к конфликтам на досудебном производстве, которые приходится разрешать в судебном порядке [22; 23].

Таким образом, при введении в УПК РФ процессуальных особенностей проведения следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам в сфере экономики с целью повышения правовой определенности, создания дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов бизнеса, не учитываются такие правовые требования как понятность и определенность. Между тем, как справедливо отмечает С. А. Белов, определенность нормы должна обеспечиваться указанием в законе на обстоятельства, основания и условия ее применения, а в случае использования оценочных категорий – критериями усмотрения правоприменителя [2, с. 301]. Указанные характеристики в полной мере соответствуют правилам, которые должны учитываться при создании уголовно-процессуальной нормы, в том числе, предусматривающей особенности по уголовным делам в сфере экономики.

Что касается понятности норм, которая, как отмечает С. А. Белов, должна учитывать адресата [2, с. 300], то в данном случае особенность уголовного судопроизводства России состоит в том, что уголовно-процессуальный закон несет важную социальную функцию, связанную с формированием доверия общества к правосудию. Как верно указывает А. В. Победкин, качество уголовно-процессуального закона – средство обеспечения публичности уголовного судопроизводства, обеспечения доверия к государству и его должностным лицам [5, с. 222]. В связи с этим понятность уголовно-процессуальных норм должна соответствовать уровню не профессионального юриста (а некоторые нормы, как продемонстрировано в данном исследовании, не-

ясны и профессионалу), а обывателя, который бы воспользовавшись, в случае необходимости юридической помощью, смог бы предвидеть последствия своего поведения.

Список источников

1. Алонцева Е. Ю. Процессуальная и организационная деятельность следователя при изъятии электронных носителей информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92).
2. Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 2.
3. Григорьев В. Н., Панфилов П. О., Терехов М. Ю. Отказ от свободной оценки доказательств на примере «амнистии капитала»: очередной удар по публичности уголовного процесса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44.
4. Нестеренко С. Многоликая амнистия. Подорвет ли дело Валерия Израйлита доверие бизнеса к государству? URL: <https://www.forbes.ru/biznes/384239-mnogolikaya-amnistiya-podorvet-li-delo-valeriya-izraylita-doverie-biznesa-k> (дата обращения: 22.12.2022).
5. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: текст и народ // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 3-й Международной конференции, Уфа, 07 апреля 2022 года / Под общей редакцией А. Ю. Терехова. Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022.
6. Правоприменение: теория и практика / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008.
7. D'Amato A. Legal Uncertainty // California Law Review Vol. 71 Issue 1. California, 1983.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. №11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Российская газета. № 150. 03.08.1999.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Российская газета. № 226. 03.10.2014.
10. Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 255. 31.12.2009.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 15 «О внесении дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (утратил силу) // Российская газета. 15.06.2010. № 128.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 27.12.2013. № 294.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. № 266. 24.11.2016.
14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1395-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шахмана Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2014 г. № 2637-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Краснощекова Ярослава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ СПС «КонсультантПлюс».
16. Доклад Президенту – 2021. Официальный сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2021.html (дата обращения: 11.12.2022).
17. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2020 г. № 77-431/2020 // Доступ справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.
18. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 24 ноября 2021 г. № 22-2950/2021// Доступ справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.
19. Федеральный закон от 08 июня 2015 г. № 140-ФЗ (ред. от 09.03.2022) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 124. 10.06.2015.
20. Ответ на вопрос о применении в уголовном судопроизводстве отдельных положений статьи 4 Фе-

дерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 30 октября 2019 г.) URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72833892/> (дата обращения: 22.12.2022).

21. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 296. 31.12.2019.

22. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17 февраля 2021 г. № 10-1569/2021 // Доступ СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

23. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 27 сентября 2017 г. по делу № 22-3148/2017 // Доступ СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

References

1. Alontseva E. Yu. Procedural and organizational activity of the investigator in the seizure of electronic media // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (92).

2. Belov S. A. The role of language in ensuring the clarity and certainty of normative legal acts // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2022. Vol. 13. Issue 2.

3. Grigoriev V. N., Panfilov P. O., Terekhov M. Yu. Refusal of free evaluation of evidence on the example of the «amnesty of capital»: another blow to the publicity of the criminal process of Russia // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. № 44.

4. Nesterenko S. A. Multi-faceted amnesty. Will the case of Valery Izrailit undermine business confidence in the state? URL: <https://www.forbes.ru/biznes/384239-mnogolikaya-amnistiya-podorvet-li-delo-valeriya-izraylita-doverie-biznesa-k> (accessed: 22.12.2022).

5. Pobedkin A. V. Criminal Procedure Code : text and people // Modern problems of criminal procedure : solutions : collection of materials of the 3rd International Conference, Ufa, April 07, 2022 / Under the general editorship of A. Yu. Terekhov. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022.

6. Law enforcement : theory and practice / Ed. Yu. A. Tikhomirov. M. : Formula of Law, 2008.

7. D'Amato A. Legal Uncertainty // California Law Review Vol. 71 Issue 1. California, 1983.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P dated July 15, 1999 «On the case of checking the constitutionality of Certain Provisions of the Law of the RSFSR «On the State Tax Service of the RSFSR» and the Laws of the Russian Federation «On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation» and «On Federal Tax Police Bodies» // Rossiyskaya Gazeta. № 150. 03.08.1999.

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 24-P dated September 23, 2014 «On the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 6.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens N. A. Alekseev, Ya. N. Yevtushenko and D. A. Isakov» // Rossiyskaya Gazeta. № 226. 03.10.2014.

10. Federal Law № 383-FZ of December 29, 2009 (as amended on 07.02.2011) «On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 255. 31.12.2009.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 № 15 «On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 29, 2009 № 22 «On the practice of applying preventive measures by courts in the form of detention, bail and house arrest» (expired) // Rossiyskaya Gazeta. 15.06.2010. № 128.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 № 41 (ed. of 11.06.2020) «On the practice of courts applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail» // Rossiyskaya Gazeta. 27.12.2013. № 294.

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2016 № 48 (ed. of 11.06.2020) «On the practice of application by courts of legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities» // Rossiyskaya Gazeta. № 266. 24.11.2016.

14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2017 № 1395-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Shakhman Sergey Alexandrovich on violation of his constitutional rights by Part one.1 of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // The document was not published. Access to the SPS «ConsultantPlus».

15. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 20, 2014 № 2637-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Krasnoshchekov Yaroslav Vladimirovich on violation of his constitutional rights by Part one.1 of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // The document was not published. Access to the SPS «ConsultantPlus».

16. Report to the President – 2021. The official website of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the Protection of the Rights of Entrepreneurs. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2021.html (accessed: 11.12.2022).

17. Cassation Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated June 30, 2020 № 77-431/2020 // Access ConsultantPlus. The document was not published.

18. Appeal resolution of the Saratov Regional Court of November 24, 2021 № 22-2950/2021// Access «ConsultantPlus». The document was not published.

19. Federal Law № 140-FZ of June 08, 2015 (as amended on 09.03.2022) «On Voluntary Declaration by Individuals of Assets and Accounts (Deposits) in Banks and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 124. 10.06.2015.

20. Answer to the question about the application in criminal proceedings of certain provisions of Article 4 of Federal Law № 140-FZ dated June 8, 2015 «On Voluntary Declaration by Individuals of Assets and Accounts (Deposits) in Banks and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (approved by the Presidium of

the Supreme Court of the Russian Federation on October 30 2019) URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72833892/> (accessed: 22.12.2022).

21. Federal Law № 498-FZ of December 27, 2019 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 296. 31.12.2019.

22. Appeal Resolution of the Moscow City Court of February 17, 2021 № 10-1569/2021 // Access «ConsultantPlus». The document was not published.

23. Appeal decision of the Saratov Regional Court of September 27, 2017 in case № 22-3148/2017 // Access «ConsultantPlus». The document was not published.

Информация об авторе

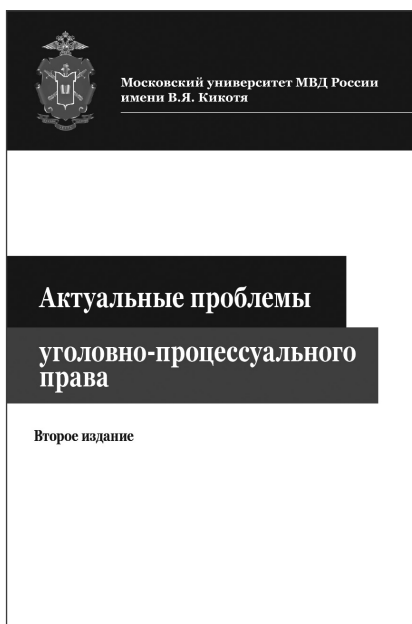
П. О. Панфилов – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

P. O. Panfilov – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 27.12.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия – вычленив наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья
УДК 343.983.25
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-153-157>
НИОН: 2015-0066-1/23-615
MOSURED: 77/27-011-2023-01-814

Этические риски современных судебно-экспертных и криминалистических технологий

Ирина Олеговна Перепечина^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, smi-100@mail.ru

² Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. С позиций этики науки рассмотрены вопросы, касающиеся этических рисков современных судебно-экспертных и криминалистических технологий, в особенности, тех из них, которые связаны с исследованием генетических свойств индивидуума. Обосновано, что в случае, когда речь идет о таких социально значимых сферах, как криминалистика и судебная экспертиза, еще на этапе разработки технологии и до внедрения ее в практику обязательным является прогнозирование нежелательных последствий инновационных процессов, предвидение и минимизация (предотвращение) их возможных этических рисков.

Ключевые слова: этические риски, ДНК, судебно-экспертные технологии, криминалистические технологии, геномная регистрация

Для цитирования: Перепечина И. О. Этические риски современных судебно-экспертных и криминалистических технологий // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 153–157. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-153-157>.

Original article

Ethical risks of modern forensic and criminalistic technologies

Irina O. Perepechina^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, smi-100@mail.ru

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. From the standpoint of the ethics of science, issues related to the ethical risks of modern forensic and forensic technologies, especially those associated with the study of the genetic properties of an individual, are considered. It is substantiated that in the case when it comes to such socially significant areas as criminalistics and forensic science, even at the stage of developing technology and before putting it into practice, it is mandatory to predict the undesirable consequences of innovative processes, to foresee and minimize (prevent) their possible ethical risks.

Keywords: ethical risks, DNA, forensic technologies, forensic technologies, genomic registration

For citation: Perepechina I. O. Ethical risks of modern forensic and criminalistic technologies. Bulletin of economic security. 2023;(1):153–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-153-157>.

Постановка проблемы. Научный прогресс нельзя остановить. Несмотря на несомненное благо, которое приносят научные достижения, давно очевидно, что они также способны порождать непредвиденные и порой весьма нежелательные последствия. Некоторые ученые даже склонны полагать, что возникновение последних является скорее правилом, чем исключением... [1]. Проблема рисков нежелательных последствий современных судебно-экспертных и криминалистических технологий имеет разные аспекты, среди которых важное место занимает этический аспект.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы этики неоднократно затрагивались в научной и дидактической литературе, касающейся судебно-экспертной и криминалистической деятельности. Они рассматривались в работах Л. Е. Ароцкера [2], В. Д. Арсеньева, Р. С. Белкина [3], Я. М. Яковлева [4], в целом ряде более поздних источников [5; 6; 7].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. В то же время, рассмотрение этических вопросов в имеющихся отечественных публикациях в основном сводится к этическим проблемам внутри про-

фессионального сообщества экспертов и криминалистов. Этическим проблемам, связанным с разработкой и внедрением в практику судебно-экспертных и криминалистических методов и технологий, достаточного внимания не уделено.

Формулирование целей статьи. Цель статьи – с позиций этики науки рассмотреть и предложить к обсуждению вопросы, связанные с этическими рисками современных судебно-экспертных и криминалистических технологий, в особенности, тех из них, которые связаны с исследованием генетических свойств индивидуума.

Изложение основного материала.

Криминалистика и судебная экспертиза – наукоемкие сферы деятельности, теснейшим образом связанные с развитием науки. Полагаю, что к ним в полной мере относятся слова, сказанные видным российским философом, основоположником биоэтики в России Борисом Григорьевичем Юдиным: «Одной из примечательных особенностей современной науки является то, что в ней все более заметное место занимает этическая проблематика». Никогда в прошлом, отмечал он, научные исследования и их приложения не оказывались объектом такого интенсивного и детального регулирования – как этического, так и юридического [1].

В этике науки сложились два направления. Одно из них, внутренняя этика науки, связано с изучением этических проблем, относящихся к взаимодействиям в пределах научного сообщества. Другое направление, внешняя этика науки, связано с изучением проблем, порождаемых взаимодействием науки и общества [1]. Именно об этом направлении пойдет речь в данной статье.

Особое внимание в этическом плане требуется исследованиям, касающимся человека, и среди них – в первую очередь, к генетическим исследованиям. Первоначально актуальность этических аспектов в ДНК-идентификации видели лишь в вопросе выбора для исследования локусов, не ассоциированных с заболеваниями. Однако в целом этические риски создаются тем, что в отношении генетической информации, которая должна быть «за семью печатями», отсутствуют гарантии и механизмы обеспечения конфиденциальности в рамках существующей судебно-экспертной и криминалистической деятельности. В ДНК в закодированном виде содержится вся наследственная информация об индивидууме. В случае неправомерного декодирования и использования генетических данных это может нанести моральный, социальный и иной вред их носителю, повлечь существенное нарушение его конституционных и гражданских прав [8]. Возможно использование полученной генетической информации и против биологических родственников лиц, попавших в сферу уголовного или гражданского судопроизводства.

С началом разработки методов криминалистического ДНК-фенотипирования, направленных на изучение фенотипически проявляющихся признаков, возникли этические и правовые вопросы о допустимости их ис-

следования. Законодательное разрешение в Нидерландах, на «родине» ДНК-фенотипирования, исследования такого рода признаков касалось внешне видимых характеристик, таких как цвет глаз, волос и кожи, что позволило успешно развивать там данное направление. Однако несколько лет назад мнение ведущего разработчика ДНК-фенотипирования Манфреда Кайзера о том, что внешне видимые характеристики «в принципе не могут считаться личными данными», поскольку по определению они видны всем [9], было подвергнуто в одном из ведущих международных журналов критике со стороны большой группы авторитетных ученых [10]. Это аргументировалось тем, что одномоментное восприятие внешне видимого признака (или даже исследование ДНК с целью вероятностного вывода относительно признака) – не равноценно разрешению правоохранительным органам сохранять эту информацию в цифровом виде и использовать ее каким-то образом в будущем. Таким образом, со временем этический аспект даже такого, казалось бы, «безобидного» исследования не только не был снят с повестки, но и получил новое звучание. Тем более уязвимы другие варианты криминалистического ДНК-фенотипирования – те же геногеографические исследования, не говоря уже о прогнозировании поведенческих признаков.

Этические аспекты присутствуют и в использовании систем криминалистической ДНК-регистрации. Так, из нормы Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» в части задачи «установления родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц» (ч. 2 ст. 14) следует, что правоохранительные органы, располагая генетической информацией осужденных, получают доступ к генетической информации их родственников – законопослушных граждан [11]. Между тем отношение к стратегии поиска родственников по национальной базе ДНК-данных в мире не однозначное из-за опасений потенциальной возможности нарушения прав личности. Это является причиной существования ограничений в отношении применения данной стратегии и особой правовой регламентации такого использования. Научно-исследовательской рабочей группой по методам ДНК-анализа (Scientific Working Group on DNA Analysis Methods – SWGDAM), работающей под эгидой ФБР, изданы рекомендации, в которых указаны условия, при которых применение «поиска родственников» представляется этически приемлемым [12]. В России же никаких гарантий прав граждан здесь не предусмотрено. Есть сомнения в том, что праведы вообще в курсе данной проблемы.

Целый спектр вопросов этического и правового характера возникает в настоящее время в связи с предполагаемым огромным расширением перечня контингентов, подлежащих обязательной геномной регистрации. Законопроектом предусмотрено включение в него не только лиц, осужденных и отбывающих наказание за совершение любых преступлений в виде лишения сво-

боды, но и подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и даже подвергнутых административному аресту [13]. Еще задолго до внесения данного законопроекта в своих публикациях я обращала внимание на то, что в Федеральном законе отсутствуют конкретные правовые регламентации по целому ряду важнейших позиций, связанных с его реализацией [14], имеющих и этическое содержание. Отсутствие этих регламентаций в условиях значительного расширения контингентов, подлежащих обязательной геномной регистрации, приобретает еще большее значение. В частности, поправки к закону не должны вступать в силу в отсутствие указаний в нем и наличия гарантий того, что из системы будет удален генетический профиль в случае, если лицо будет признано не причастным к преступлению и перестанет быть подозреваемым, обвиняемым или подвергнутым административному аресту.

Нет никаких сомнений в том, что чем больше профилей в базе данных, тем более эффективно ее использование, это указывалось нами уже тогда, когда разработка криминалистической ДНК-регистрации еще только начиналась [8]. Однако нельзя идти по пути увеличения объема базы данных, игнорируя другие важнейшие аспекты, с которыми сопряжена такая стратегия, – не рассматривая этические вопросы, не минимизируя риски для гражданских прав и свобод, которые абсолютно очевидны.

Серьезные этические проблемы связаны и с проведением формально добровольных массовых ДНК-скринингов населения. В англоязычной литературе, комментирующей многочисленные этические нарушения при данных мероприятиях, ДНК-скрининги нередко называют «DNA dragnet» («ДНК-облава»). Сам факт того, что человека просят доказать свою невиновность путем участия в такого рода массовой проверке вызывает у зарубежных специалистов «серьезные этические и юридические опасения: например, это противоречит правовой доктрине презумпции невиновности и презумпции невмешательства со стороны правоохранительных органов при отсутствии индивидуализированных подозрений» [10]. В некоторых европейских странах в отношении ДНК-скринингов были приняты специальные правовые нормы [15]. В нашей стране ДНК-скрининги применяются без их обсуждения в обществе и без какого-либо специального правового обеспечения – хотя, в силу тех издержек, с которыми неизбежно связано вовлечение лица в орбиту расследования преступления, данные мероприятия существенно нарушают права и свободы законопослушных граждан [16].

Очевидно, что проблема поиска и обеспечения баланса между интересами уголовного судопроизводства и правами личности, касается не только исследования ДНК, но, так или иначе, и использования ряда других криминалистических методов. Так, не беспочвенна не оконченная до сих пор в профессиональной среде и обществе дискуссия по поводу системы всеобщей дактилоскопической регистрации. Много вопросов возни-

кает в связи со все более масштабным использованием технологий распознавания лиц. И это только примеры. В части потенциальных рисков уязвимости для личности в целом ситуация не исключительная для ДНК-анализа. Она отражает общую проблему, связанную с рисками, порождаемыми внедрением криминалистических технологий, в особенности связанными с идентификацией личности, в практику правоохранительных органов.

Нет необходимости отмечать, что все упомянутые выше технологии имеют **абсолютно бесспорное, важное криминалистическое значение**, – это очевидно. К сожалению, это не делает их этически безупречными. Не разрешает диалектического противоречия... Там, где личность становится уязвимой, разные стороны сложного явления необходимо рассматривать в единстве, учитывая каждую из них и предпринимая усилия не только для обеспечения максимальной эффективности, но и для минимизации рисков, в идеале – их предотвращения.

Стоит понимать, что в целом проблема рисков не ограничена рамками того или иного метода. Или криминалистических методов, технологий в целом. И даже рамками научно-технического, технологического прогресса... В современной литературе настойчиво звучит тема, что в последней трети XX века человечество вступило в новую фазу своего развития, которую все чаще называют «**обществом риска**». Фаза, в которой риск – это не исключительный случай: «риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества... Общество и его институты вынуждены постоянно оценивать свои действия с позиций приемлемости риска» [17].

Что же выступает антиподом риска? Безопасность, которая, как считают, «становится одной из главных социальных ценностей, необходимых для общего выживания и дальнейшего развития». Наиболее действенной стратегией безопасности является стратегия управления рисками за счет формирования *культуры безопасности*, так как именно она является *культурой предотвращения* [17]. В число фундаментальных категорий, которые должны быть положены в ее основу, входит и научная этика.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Этика должна рассматриваться как одна из основополагающих составляющих деятельности в области криминалистики и судебной экспертизы – как в части взаимодействия между субъектами этой деятельности, так и в плане влияния этой деятельности на жизнь общества в связи с использованием в практике правоохранительных органов новых методов и технологий.

Следует принять за правило, что в случае, когда речь идет о таких социально значимых сферах, как криминалистика и судебная экспертиза, еще на этапе разработки технологии и до внедрения ее в практику обязательным

является прогнозирование нежелательных последствий инновационных процессов, предвидение и минимизация (предотвращение) их возможных этических рисков.

Список источников

1. Юдин Б. Г. Этическое измерение современной науки // Отечественные записки. 2002. Вып. 7 (8). <https://strana-oz.ru/2002/7/eticheskoe-izmerenie-sovremennoy-nauki>.
2. Ароцкер Л. Е. Об этике судебного эксперта // Криминалистика и судебная экспертиза: республиканский междуведомственный сборник научных и научно-методических работ. Киев, 1968. Вып. 5.
3. Арсеньев В. Д., Белкин Р. С. Нравственные начала деятельности судебного эксперта // Методология судебной экспертизы: сборник научных трудов. М., 1986.
4. Яковлев Я. М. Об этике судебного эксперта // Вопросы теории судебной экспертизы: сборник науч. трудов. М., 1977. Вып. 31. С. 22–38.
5. Аминев Ф. Г. О профессиональной этике судебного эксперта в Российской Федерации // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2016. Т. 7. № 6.
6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма, 2016. 368 с.
7. Колесникова Н. С. Основные начала профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5 (90). С. 36–43.
8. Перепечина И. О., Пименов М. Г., Кондрашов С. А. Особенности формирования базы данных о генетических признаках на основе автоматизированных информационных систем // Экспертная практика, 1996. № 40. С. 3–5.
9. Kayser M. Forensic DNA phenotyping: predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes // Forensic Science International: Genetics. 2015. V. 18. P. 33–48.
10. Toom V., Wienroth M., M'charek A., Prainsack B., Williams R., Duster T. and others. Approaching ethical, legal and social issues of emerging forensic DNA phenotyping (FDP) technologies comprehensively: Reply to «Forensic DNA phenotyping: Predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes» by Manfred Kayser // Forensic Science International: Genetics. 2016. V. 22, e1-e4 (дата обращения: 27.08.2022).
11. Перепечина И. О. Применение систем ДНК-регистрации для установления родственников разыскиваемых преступников // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 2 (34). С. 11–17.
12. Ram N. DNA confidential. State law enforcement policies for genetic databases lack transparency: <http://www.scienceprogress.org/2009/11/dna-confidential>.

13. Паспорт проекта Федерального закона № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» (в части расширения перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации)» (внесен Правительством РФ) / СПС «КонсультантПлюс».

14. Перепечина И. О. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: правовые и криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 1 (33). С. 16–22.

15. Report on Criminal Cases in Europe solved by ILS (DNA Mass Testing). <http://www.enfsi.eu> (дата обращения 21.08.2022).

16. Перепечина И. О. Криминалистическое значение добровольных массовых ДНК-скринингов населения и их правовые аспекты // Вестник криминалистики. 2010. Т. 36. Вып. 4. С. 22–28.

17. Соколов Ю. И. Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. 2016. Т. 13. № 2. С. 6–7.

References

1. Yudin B. G. The ethical dimension of modern science // Domestic notes. 2002. Issue 7 (8). <https://strana-oz.ru/2002/7/eticheskoe-izmerenie-sovremennoy-nauki>.
2. Arotsker L. E. On ethics of a forensic expert // Criminalistics and forensic examination: republican interdepartmental collection of scientific and scientific-methodical works. Kiev, 1968. Issue 5.
3. Arsenyev V. D., Belkin R. S. Moral principles of the judicial expert // Methodology of forensic examination: collection of scientific papers. M., 1986.
4. Yakovlev Ya. M. About the ethics of a forensic expert // Questions of the theory of forensic examination: collection of scientific works. M., 1977. Issue 31. P. 22–38.
5. Aminev F. G. On the professional ethics of a forensic expert in the Russian Federation // Electronic scientific journal of Baikal State University. 2016. Vol. 7. No. 6.
6. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A. M. Theory of forensic examination (forensic expert science) : textbook / edited by E. R. Rossinskaya. M. : Norm, 2016. 368 p.
7. Kolesnikova N. S. The main principles of professional ethics in forensic activity // Actual problems of Russian law. 2018. No. 5 (90). P. 36–43.
8. Perepechina I. O., Pimenov M. G., Kondrashov S. A. Features of the formation of a database of genetic traits based on automated information systems // Expert Practice, 1996. No. 40. P. 3–5.
9. Kayser M. Forensic DNA phenotyping: predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes // Forensic Science International: Genetics. 2015. V. 18. P. 33–48.
10. Toom V., Wienroth M., M'charek A., Prainsack B., Williams R., Duster T. and others. Approaching ethical, legal

and social issues of emerging forensic DNA phenotyping (FDP) technologies comprehensively: Reply to «Forensic DNA phenotyping: Predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes» by Manfred Kayser // *Forensic Science International: Genetics*. 2016. V. 22, e1-e4 (accessed: 27.08.2022).

11. Perepechina I. O. Application of DNA registration systems to identify relatives of wanted criminals // *Bulletin of Criminalistics*. 2010. Issue 2 (34). P. 11–17.

12. Ram N. DNA confidential. State law enforcement policies for genetic databases lack transparency: <http://www.scienceprogress.org/2009/11/dna-confidential>.

13. Passport of the draft Federal Law № 1048800-7 «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on state genomic registration» (in terms of expanding the list of persons subject to mandatory state

genomic registration)» (introduced by the Government of the Russian Federation) / RLS «ConsultantPlus».

14. Perepechina I. O. Federal Law «On State Genomic Registration in the Russian Federation»: legal and criminalistic aspects // *Bulletin of Criminalistics*. 2010. Issue 1 (33). P. 16–22.

15. Report on Criminal Cases in Europe solved by ILS (DNA Mass Testing). <http://www.enfsi.eu> (accessed: 21.08.2022).

16. Perepechina I. O. Criminalistic significance of voluntary mass DNA screenings of the population and their legal aspects // *Bulletin of Criminalistics*. 2010. Vol. 36. Issue 4. P. 22–28.

17. Sokolov Yu. I. Problems of risks of modern society // *Problems of risk analysis*. 2016. Vol. 13. No. 2. P. 6–7.

Информация об авторе

И. О. Перепечина – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор медицинских наук, академик Российской академии естественных наук.

Information about the author

I. O. Perepechina – Professor of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Forensic and Operational-Search Activities of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Academician of Russian Academy of Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-158-161>

ИПОН: 2015-0066-1/23-616

MOSURED: 77/27-011-2023-01-815

Следственные действия: особенности правового регулирования важнейшего уголовно-процессуального понятия

Екатерина Александровна Прохорова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
prokhorovae@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности правового регулирования следственных действий. Делается вывод о нецелесообразности введения соответствующей дефиниции в текст уголовно-процессуального закона. Решение проблемы неоднозначного понимания сущности следственных действий предлагается посредством закрепления их исчерпывающего перечня и оптимизации расположения нормативного материала.

Ключевые слова: следственные действия, судебные действия, процессуальные действия

Для цитирования: Прохорова Е. А. Следственные действия: особенности правового регулирования важнейшего уголовно-процессуального понятия // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 158–161. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-158-161>.

Original article

Investigative actions: features of legal regulation of the most important criminal procedural concept

Ekaterina A. Prokhorova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
prokhorovae@mail.ru

Abstract. The features of the legal regulation of investigative actions are considered. The conclusion is made about the inexpediency of introducing an appropriate definition into the text of the criminal procedure law. The solution to the problem of ambiguous understanding of the essence of investigative actions is proposed by fixing their exhaustive list and optimizing the location of normative material.

Keywords: investigative actions, judicial actions, procedural actions

For citation: Prokhorova E. A. Investigative actions: features of legal regulation of the most important criminal procedural concept. Bulletin of economic security. 2023;(1):158–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-158-161>.

Следственные действия являются одним из важнейших уголовно-процессуальных понятий, о чем свидетельствуют частота использования данного термина в уголовно-процессуальном законе и широкое применение соответствующих норм в правоприменительной практике.

Отличительной особенностью регламентации обозначенного понятия, вызывающей наибольшее количество вопросов, является тот факт, что законодатель не раскрывает его содержания, что отчасти идет вразрез с общими правилами уголовно-процессуального регулирования, осуществляемого по разрешительному типу, и, очевидно, должно иметь объяснение.

Отмеченный подход к регламентации следственных действий в определенной мере можно назвать традиционным, исторически сложившимся, поскольку ни Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС 1864 г.), ни уголовно-процессуальные кодексы советского периода¹ не содержали сущностного определения этого понятия. При этом, в контексте всего текста закона, с учетом корреспондирующих норм, в названных актах прослеживалось более или менее отчетливое представление относительно рассматриваемой категории,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года.

© Прохорова Е. А., 2023

причем ретроспективный анализ позволяет заметить трансформацию ее сущности при неизменности синтаксической конструкции.

Так, следственные действия в УУС 1864 г. понимались как действия, производимые судебными следователями в процессе предварительного следствия¹, о чем свидетельствует, в числе прочих, то обстоятельство, что в главе девятой «О протоколах предварительного следствия» раздела второго книги второй речи идет о составлении протоколов о действиях следствия (ст. 467) и об указании в этих протоколах о произведенных следственных действиях (ст. 468).

Наряду с этим, нетрудно заметить, что в большинстве производимых судебным следователем действий прослеживалась исследовательская сущность, что следует, например, из названия главы четвертой раздела второго книги второй УУС 1864 г. – «Об исследовании события преступления».

Именно комплексный характер понятия «следственные действия», объединявшего действия судебного следователя и действия, направленные на исследование преступления, свидетельствовал о его естественности и органичности, а также предопределял нецелесообразность прямого указания на его признаки.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года (далее – УПК РСФСР 1960 г.) регламентация деятельности органов предварительного расследования стала более развернутой, в законе было закреплено много процедур, не связанных напрямую с процессом доказывания. В то же время, при использовании термина «следственные действия» отчетливо прослеживалась связь с собиранием доказательств и с деятельностью не только следователя, но и иных участников (лица, производящего дознание, прокурора, суда), что вытекало, например, из ст. 70, указывавшей следственные действия в качестве способа собирания доказательств, ч. 2 ст. 69, ст. 87, наделявших протоколы следственных действий силой доказательств, и других норм УПК РСФСР 1960 г. Именно поэтому в процессуальной науке акцент сместился с субъекта, производящего следственные действия, на их познавательную сущность, что убедительно обосновал С. А. Шейфер, определив следственное действие как особый инструмент, «используя который следователь осуществляет познавательную деятельность, выявляет и отображает фактические данные, составляющие затем содержание доказательства» [3, с. 93]. При этом указание на следственные действия в широком смысле, объединяющем все процессуальные действия следователя, также встречалось в советском уголовно-процессуальном законе, но крайне редко.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) все больше

¹ Ст. 258 УУС 1864 г., наделявшая полицию полномочием по замене судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, подчеркивала связь следственных действий с деятельностью следователя и исключительность случаев делегирования подобных полномочий полиции.

прослеживается неоднозначное, двойственное значение анализируемого термина.

С одной стороны, он используется для обозначения действий, регламентированных главами 24–27 УПК РФ (осмотр, обыск, допрос и т. д.), в связи с чем именно «шейферовская» концепция для многих ученых представляется на современном этапе «единственно верной и подлежащей дальнейшему развитию» [2, с. 12].

С другой стороны, буквальное толкование ряда уголовно-процессуальных норм (ч. 1, 3.1 ст. 165, ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ) позволяет отнести к следственным действиям реализацию, утилизацию или уничтожение вещественных доказательств, наложение ареста на имущество, что свидетельствует о том, что признак познавательной направленности следственных действий не является определяющим.

К тому же расширение способов собирания доказательств путем производства иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц, а также производства других действий защитником (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), придание доказательственного значения сведениям, полученным до возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ), нивелируют исключительную роль следственных действий в доказывании.

Еще большую путаницу вносит закрепленное в п. 32 ст. 5 УПК РФ понятие «процессуальное действие», которое, немного проясняя соотношение категорий «следственные» и «процессуальные» действия, вызывает вопросы относительно смысла словосочетания «судебное действие» и его связи с действиями следственными и иными процессуальными, а также оснований приведенной в этой норме классификации процессуальных действий.

Прежде всего, следует обратить внимание на законодательную конструкцию анализируемой нормы. Нетрудно заметить, что слова «следственное» и «судебное» соединены запятой, что указывает на однородность этих терминов в приведенном предложении, в то время как слово «иные» отделено союзом «или», который, учитывая следующее далее общее для всех трех прилагательных существительное «действия», в данном случае играет роль присоединения «последнего члена перечисления, при дополнении предшествующего» [3], что свидетельствует о том, что все три понятия являются равнопорядковыми, а значит надо найти критерии их абсолютного разграничения, при котором бы их содержание не пересекалось.

Логично предположить, что в основу положено разделение этих действий по производящим их субъектам. В таком случае можно предположить, что следственные действия проводят органы и должностные лица, осуществляющие предварительное расследование (следователь, дознаватель, орган дознания), судебные – суд, а иные процессуальные – иные субъекты уголовно-процессуальной деятельности (прежде всего, выполняю-

щие контрольно-надзорные функции – руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и прокурор). Однако, например, из ч. 1 ст. 86, п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ вытекает, что следственные действия могут проводиться не только следователем, дознавателем, но также прокурором и судом, а следователь, дознаватель, в свою очередь, могут производить и иные процессуальные действия (п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 1 ч. 3 ст. 41).

Не устоит под напором контраргументов и предположение, что в основу классификации всех процессуальных действий положено распределение их по стадиям. В этом смысле только словосочетание «судебные действия» имеет более или менее устойчивую связь со стадией судебного разбирательства, следственные же и иные процессуальные действия могут проводиться в ходе как досудебного, так судебного производств.

Логично предположить, что в приведенной норме союз «или» имеет другое значение, при котором он соединяет «однородные члены предложения, находящиеся в отношениях взаимоисключения» [3]. При таком взгляде понятия «следственное действие» и «судебное действие» являются однородными, противопоставляемыми понятию «иное процессуальное действие», а значит имеющими общие признаки.

Анализ ч. 1 ст. 240 УПК РФ, определяющей, что суд производит судебные действия по исследованию доказательств, позволяет найти эту «точку соприкосновения» – исследовательский характер. На первый взгляд, может даже сложиться представление, что судебные действия – это те же самые следственные действия, но производимые в суде. Вместе с тем, познавательная направленность судебных действий существенно отличается от познавательной направленности следственных действий. Если следственные действия направлены на формирование доказательств, а их производство «порождает» новые доказательства, то судебные действия направлены на изучение уже существующих доказательств. Не случайно, при общем сходстве этих действий их наименование, а значит, и сущность различаются: ч. 1 ст. 176 УПК РФ регламентирует следственное действие «осмотр предметов или документов», а ч. 1 ст. 240 и ст. 284 УПК РФ – судебное действие «осмотр вещественных доказательств», ст. 187, 189, 189.1 УПК РФ регламентируют следственное действие «допрос», а ч. 1 ст. 240, ст. 276, 281 УПК РФ – судебные действия «заслушивание показаний», «оглашение показаний подсудимого», «оглашение показаний потерпевшего и свидетеля» и т. д. При этом, как было отмечено ранее, ч. 1 ст. 86 УПК РФ определяет, что суд может проводить и следственные действия, что нашло отражение в главе 37 – допросы, производство судебной экспертизы, осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование.

Обозначенная грань отнесения выполняемых в суде действий к судебным и следственным очень тонка, по-

этому иногда сам законодатель непоследователен в использовании этих терминов в законе. Так, упоминаемые в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве вида доказательств протоколы судебных действий преобразованы в ст. 83 УПК РФ в протоколы судебных заседаний, в ч. 4 ст. 246 и ч. 3 ст. 248 УПК РФ к судебным действиям отнесены допросы, в то время, как в ст. 240 УПК РФ аналогичное действие названо заслушиванием показаний, в п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ осмотр вещественных доказательств назван следственным действием, хотя в ст. 240 УПК РФ он упоминается в качестве судебного действия. Изложенное свидетельствует об отсутствии устойчивого значения понятия «судебные действия», а значит об отсутствии оснований для его обособления в законе, не случайно оно употребляется в УПК РФ всего шесть раз. Исключение данного термина из п. 32 ст. 5 и других статей УПК РФ позволит устранить вызванные его существованием противоречия и внесет определенную ясность относительно места следственных действий в системе процессуальных действий.

Что касается вопроса о целесообразности закрепления дефиниции «следственные действия», то ответ должен быть отрицательным. Как верно отметили В. Н. Григорьев и И. А. Зинченко, «в отечественном законодательстве имеет смысл отказаться от вызывающих бесконечные дискуссии дефинитивных норм, переориентировав его на формулировку норм регулятивных» [1]. Основная задача в правовом регулировании следственных действий должна сводиться не к формулированию определения с набором ключевых признаков, а к такому изложению нормативного материала, при котором его применение не вызовет множественного толкования.

Для исключения споров об отнесении тех или иных действий к числу следственных логичным представляется, в первую очередь, закрепление их перечня. Кроме того, следует определиться с оптимальным расположением соответствующих норм в структуре уголовно-процессуального закона.

Интересен в свете рассматриваемого вопроса опыт Республики Узбекистан [4], в котором нормы, посвященные производству следственных действий, включены в содержание раздела третьего «Доказательства и обстоятельства, подлежащие доказыванию», чем подчеркивается познавательная направленность следственных действий и их связь с процессом доказывания. Входящая в этот раздел глава 9 «Общие условия доказывания» включает общую установку о том, что производство следственных действий – это способ собирания доказательств, перечень этих действий (ч. 1 ст. 87 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (далее также УПК РУ)) и общие правила их производства через призму доказывания (ст. 88–93 УПК РУ), а главы 10–25 регламентируют порядок производства конкретных следственных действий. При этом надо иметь в виду, что обозначенные выше статьи УПК РУ одинаково регулируют порядок производства как следственных,

так и судебных действий, которые различаются только по стадиям и субъектам их производства, а, по сути, это одни и те же действия.

Прием перечисления следственных действий в статье, регламентирующей собирание доказательств, несомненно, заслуживает внимания и может быть «взят на вооружение», тем более, что аналогичный, правда не исчерпывающий, перечень содержался в ст. 70 УПК РСФСР 1960 г. В остальном, специфика российского уголовного судопроизводства позволяет признать существующее расположение нормативного материала, при котором главы 24–27 УПК РФ объединяют нормы, регламентирующие порядок производства следственных действий в досудебном производстве, а глава 37 – в суде, оптимальным.

Список источников

1. Григорьев В. Н., Зинченко И. А. Нормы-дефиниции : нужны ли они в уголовно-процессуальном праве? (компаративистский взгляд) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 3–10 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Россинский С. Б. Концепция С. А. Шейфера о познавательной направленности следственных действий : проблемы и перспективы (к 95-летию со дня рождения учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 7–14.
3. Шейфер С. А. Познавательная функция и процессуальная характеристика следственных действий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 5.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-ХП

Информация об авторе

Е. А. Прохорова – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Prokhorova – Deputy Chief of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 09.03.2023.

(с последующими изменениями и дополнениями) // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421101#pos=5;-143 (дата обращения: 27.11.2022).

References

1. Grigoriev V. N., Zinchenko I. A. Norms-definitions : are they needed in criminal procedure law? (comparative view) // International criminal law and international justice. 2017. № 4. P. 3–10.
2. Rossinsky S. B. The concept of S. A. Shafer on the cognitive orientation of investigative actions : problems and prospects (to the 95th anniversary of the birth of a teacher) // Legal Bulletin of Samara University. 2019. Т. 5. № 4. P. 7–14.
3. Sheifer S. A. Cognitive function and procedural characteristics of investigative actions // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1980. № 5.
4. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 № 2013-XII (with subsequent amendments and additions) // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421101#pos=5;-143 (accessed: 27.11.2022).

Библиографический список

1. Толковый словарь Ожегова // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/73370> (дата обращения: 26.11.2022).

Bibliographic list

1. Explanatory Dictionary of Ozhegov. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/73370> (accessed: 26.11.2022).

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-162-166>

ИПОН: 2015-0066-1/23-617

MOSURED: 77/27-011-2023-01-816

Профессиональная этика адвоката в уголовном судопроизводстве: теория и практика

Александр Владимирович Пушкин

Первый апелляционный суд общей юрисдикции, Москва, Россия,

lumot@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с этикой при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности в уголовном судопроизводстве. Приводятся примеры из судебной практики Первого апелляционного суда общей юрисдикции, когда адвокатами допускались нарушения Кодекса профессиональной деятельности адвоката.

Ключевые слова: адвокат (защитник), профессиональная этика адвоката, доверитель, правосудие, защита интересов клиента

Для цитирования: Пушкин А. В. Профессиональная этика адвоката в уголовном судопроизводстве: теория и практика // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 162–166. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-162-166>.

Original article

Professional ethics of a lawyer in criminal proceedings: theory and practice

Alexander V. Pushkin

First Court of Appeal of General Jurisdiction, Moscow, Russia,

lumot@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to ethics when lawyers carry out professional activities in criminal proceedings. Examples are given from the judicial practice of the First Court of Appeal of General Jurisdiction, when lawyers committed violations of the Code of Professional Activity of a lawyer.

Keywords: lawyer (defender), professional ethics of a lawyer, principal, justice, protection of client's interests

For citation: Pushkin A. V. Professional ethics of a lawyer in criminal proceedings: theory and practice. Bulletin of economic security. 2023;(1):162–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-162-166>.

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 48 гарантирует каждому человеку право на получение квалифицированной юридической помощи, а также предоставление такой помощи бесплатно в установленных законом случаях. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48). Закрепляя право каждого человека на получение квалифицированной юридической помощи, Конституция Российской Федерации признала адвокатуру важнейшим институтом гражданского общества.

К числу основных признаков института адвокатуры необходимо отнести осуществление адвокатской

деятельности квалифицированными специалистами на профессиональной основе, чем, в принципе, адвокаты отличаются от иных лиц, оказывающих юридическую помощь физическим и юридическим лицам.

Деятельность адвокатов регламентируется Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Вместе с тем, обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности устанавливаются Кодексом профессиональной этики

© Пушкин А. В., 2023

адвоката, принятым I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года. Именно данный Кодекс является тем корпоративным документом, который определяет не только этическое поведение адвоката, устанавливает правила его нравственной ответственности перед обществом и перед доверителем (клиентом), но и направлен на реализацию целей поддержания профессиональной чести, развития традиций отечественной адвокатуры. Не случайно, что в преамбуле Кодекса указывается на невозможность существования адвокатского сообщества без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о чести и достоинстве, об авторитете адвокатуры.

Профессиональная деятельность адвоката, не отвечающая предписаниям названного Кодекса, может быть поводом для возбуждения дисциплинарного производства, наложения на адвоката соответствующего взыскания, вплоть до лишения его статуса адвоката.

В настоящее время ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определяет целью адвокатской деятельности защиту прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, а также обеспечение доступа к правосудию.

Если же обратиться к ранее действовавшему Положению об адвокатуре РСФСР, утвержденному Законом РСФСР от 20 ноября 1980 года, то, помимо оказания юридической помощи гражданам и организациям, адвокатам предписывалось содействовать осуществлению правосудия, т. е. способствовать деятельности государства, связанной со справедливым рассмотрением и разрешением дел.

Действительно, правосудие здесь нельзя воспринимать в узком «судоустройственном» и «судопроизводственном» аспектах. Такой взгляд на правосудие, как это верно отмечает председатель Верховного Суда Российской Федерации профессор В. М. Лебедев, является упрощенным, не позволяет в полной мере раскрыть его потенциал, обеспечить оценку результатов деятельности судов, других органов и лиц, разрешающих споры [1, с. 16]. Поэтому правосудие в нашем контексте необходимо рассматривать как социальный институт, созданный для соблюдения установленных в обществе правил, для «мирного сосуществования людей в обществе» [2, с. 91].

В этой связи небезынтересной является и позиция Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, озвученная ее президентом Ю. С. Пилипенко, признавшим адвокатуру независимой саморегулируемой частью правосудия. Именно такое предложение ФПА РФ в свое время направила в рабочую группу по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации¹.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу того, является ли адвокатура частью правосудия и должна ли она со-

действовать его осуществлению или нет, ясно другое, защита прав, свобод и интересов доверителя не может быть связана с неэтичным поведением адвоката, противоречащим выше названному Кодексу профессиональной этики.

Тем не менее, практика хранит яркие примеры, когда адвокат, защищая интересы клиента, использует приемы, которые на первый взгляд не противоречат закону, но их смысл не всегда согласуется с нормами, определяющими этическое поведение адвоката.

Так, судебной коллегией по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции рассматривалось уголовное дело № 55-1560/2022 по апелляционным жалобам осужденных и их защитников по соглашению на приговор Московского городского суда от 20 июля 2022 года. Рассмотрение апелляционных жалоб неоднократно откладывалось по инициативе осужденных и их защитников ввиду болезни адвокатов, их занятости в других процессах, необходимости адвоката, вновь вступившего в дело, ознакомиться с его материалами и согласовать позицию с подзащитным.

В ходе очередного судебного заседания, назначенного на 27 октября 2022 года, один из защитников по соглашению в суд не явился, сославшись на занятость в рассмотрении кассационной жалобы в Первом кассационном суде общей юрисдикции. Другой защитник указал на факт заключения с ним соглашения на защиту осужденного 26 октября 2022 года, ходатайствовал о переносе судебного заседания на более позднюю дату для согласования позиции с подзащитным и просил предоставить материалы уголовного дела для ознакомления.

Суд апелляционной инстанции назначил осужденным защитников в порядке ст. 51 УПК РФ.

В судебном заседании осужденные заявили ходатайства об отводе адвокатов, назначенных судом в порядке ст. 51 УПК РФ, которые обосновали тем, что у них имеются защитники по соглашению, от их участия в рассмотрении дела они не отказывались, в защите адвокатов по назначению не нуждаются.

Адвокаты, назначенные судом, заявили самоотвод, а также просили освободить их от участия в судебном заседании, поскольку у осужденных имеются адвокаты по соглашению, что исключает их участие в судебном заседании в качестве защитников.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 27 октября 2022 года судебная коллегия признала за адвокатами по соглашению факт злоупотребления правом, отказала в удовлетворении ходатайств осужденных об отводе адвокатов по назначению, не приняла отказ осужденных от этих адвокатов и отказала в удовлетворении ходатайств адвокатов по назначению о самоотводе, продолжив рассмотрение уголовного дела по апелляционным жалобам защитников по соглашению по следующим основаниям.

Как было установлено судебной коллегией, с момента поступления уголовного дела в суд апел-

¹ Адвокатская газета. № 3 (308). 1–15 февраля 2020 год.

ляционной инстанции с апелляционными жалобами защитников по соглашению, последние поочередно представляли больничные листы, не соглашались с датами назначения судебных заседаний, ссылаясь на занятость в других процессах, о чем документы не предоставляли.

В частности, защитники отказывались от участия в судебном заседании под предлогом необходимости участия в суде кассационной инстанции, при том, что согласно извещению суда кассационной инстанции, неявка защитника не препятствовала рассмотрению дела по кассационным жалобам.

Кроме того, один из адвокатов заключил соглашение в защиту осужденного непосредственно перед днем судебного заседания, в стадии судебных прений, однако для ознакомления с материалами уголовного дела в соответствии с принятой на себя защитой не явился. Все эти обстоятельства в совокупности свидетельствовали о злоупотреблении защитниками по соглашению предоставленными им процессуальными правами, затягивании сроков рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, что влечет нарушение прав участников уголовного судопроизводства и требований ст. 6¹ УПК РФ.

Судебная коллегия приняла во внимание положения ч. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой адвокат не должен принимать поручения, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения; согласно ч. 1 ст. 8 названного Кодекса, при осуществлении профессиональной деятельности адвокат должен добросовестно, квалифицированно и своевременно исполнять свои обязанности, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и названным Кодексом; согласно п. 5 ст. 9 Кодекса, адвокат не вправе принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить; как указано в ч. 4 ст. 9 Кодекса, выполнение профессиональных обязанностей по принятым поручениям должно иметь для адвоката приоритетное значение над иной деятельностью.

В целях обеспечения права на защиту судом для оказания каждому из осужденных помощи были назначены защитники, от участия которых осужденные отказались.

Вместе с тем, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в п. 5 постановления от 17 июля 2019 года № 28-П, право пользоваться услугами приглашенного защитника не исключает возможности оставить без удовлетворения заявление этого лица об отказе от защитника по назначению при злоупотреблении правом на защиту со стороны приглашенного им защитника. При этом непринятие отказа лица от назначенного ему защитника может быть продиктовано необходимостью обеспечить разумные сроки производства по делу, угроза нарушения которых вызвана злоупотреблением правом на защиту, когда процессуальное поведение его защитника,

будучи недобросовестным, ущемляет конституционные права иных участников судопроизводства.

Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

При таких обстоятельствах действия адвокатов по соглашению были направлены на срыв судебных заседаний, и, являясь явно недобросовестными, ущемляли процессуальные права потерпевших, других участников судопроизводства, а равно препятствовали суду в своевременной проверке законности и обоснованности приговора Московского городского суда, с которым выражали свое несогласие как осужденные, так и их защитники, что не согласуется с целями правосудия и искажает его суть.

В целях обеспечения разумных сроков производства по делу отказ осужденных от назначенных им защитников не подлежал принятию в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ, поскольку обязательным для суда не являлся. Оснований для отвода адвокатов по назначению, предусмотренных законом, а также для удовлетворения заявленных адвокатами самоотводов и препятствий для их участия при рассмотрении апелляционных жалоб осужденных и их защитников по соглашению не имелось.

Нередко, подобное поведение адвокатов оправдывается ложным понятием защиты интересов клиента, связанной, например, с созданием такой ситуации, при которой допускается пропуск процессуальных сроков, выгодных для обвиняемого (например, установленных ч. 5 ст. 109 УПК РФ, нарушение которых ведет к освобождению обвиняемого из-под стражи), освобождением от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, либо гарантированным неприменением смертной казни и пожизненного лишения свободы, что, скорее всего, и обусловило поведение адвокатов в приведенном выше примере.

В этой связи парадоксальными выглядят действия адвокатов, которые, являясь инициаторами апелляционного производства, без уважительных на то причин не являются в судебное заседание, уклоняются от извещений о времени и месте судебного заседания, без объяснения причин самовольно покидают судебное заседание до удаления суда в совещательную комнату.

Так, в производстве Первого апелляционного суда общей юрисдикции находилось уголовное дело

№ 55-241/2022 в отношении осужденных, а также материалы по апелляционной жалобе защитника по соглашению в интересах одного из осужденного на постановление Смоленского областного суда от 14 декабря 2021 года, которым отказано в удовлетворении ходатайства этого защитника о восстановлении пропущенного процессуального срока на апелляционное обжалование приговора Смоленского областного суда от 15 июля 2021 года.

В судебном заседании 2 марта 2022 года адвокат Московской областной коллегии адвокатов на вопрос председательствующего о знании им положений ст. 257 и 258 УПК РФ ответил утвердительно. После объявления состава суда отводов не заявил, в разъяснении его полномочий, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, не нуждался. До начала судебного следствия изъявил желание заявить ходатайство организационного характера.

Получив разрешение председательствующего, адвокат обратился к участникам процесса на иностранном языке. Неоднократным распоряжением председательствующего остановить свою речь и выслушать суд, не подчинился, на замечание и предупреждение о недопустимости такого поведения не реагировал, после чего самовольно покинул зал судебного заседания.

Суд признал, что адвокат допустил нарушение ч. 1 ст. 18 УПК РФ, а также злоупотребил правом, поскольку уважительных причин покинуть судебное заседание им не представлено. Тем самым адвокат совершил действия, направленные на срыв судебного заседания, проявил неуважение к суду и к другим участникам процесса, явившимся в судебное заседание, а также нарушил требования п. 1 и 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ч. 1 ст. 9, ст. 12, ч. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На практике встречаются и такие случаи, когда адвокаты необоснованно затягивают процессуальное время рассмотрения дела.

Так, при рассмотрении уголовного дела по апелляционным жалобам защитника на приговор Тверского областного суда от 1 декабря 2020 года, адвокат в судебном заседании по надуманным основаниям поочередно заявлял отводы председательствующему, поскольку у него возникли сомнения в его объективности и беспристрастности в связи с отказом в удовлетворении заявленного им ходатайства о приобщении заключения специалиста к материалам дела, всему составу судебной коллегии, так как у него возникли сомнения в объективности и беспристрастности судей в связи с отказом в удовлетворении ходатайства об отводе председательствующего судьи, прокурору, поскольку у него возникло убеждение о заинтересованности прокурора в исходе дела, ибо прокурор, по мнению адвоката, не изучил материалы дела и допускает нарушения уголовно-процессуального закона, наконец, помощнику судьи, который вел протокол судебного заседания, так как тот пытался вручить адвокату заключение специалиста, в приобщении которого

защитнику было отказано, что, по мнению адвоката, свидетельствует об оказанном на него давлении и заинтересованности помощника судьи в исходе дела.

Основной задачей адвоката является честное, разумное, справедливое отстаивание интересов и прав своего доверителя.

Вместе с тем, судебной практике известны примеры, когда адвокат в процессе профессиональной деятельности забывает об интересах своего подзащитного и руководствуется соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами, что противоречит не только Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», но и пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, предусматривающим ряд ограничений, связанных с мотивационной составляющей оказания адвокатом юридической помощи доверителю. В качестве иллюстрации приведем следующий пример.

Так, в суде апелляционной инстанции рассматривалась апелляционная жалоба защитника по соглашению на постановление Московского городского суда об изменении территориальной подсудности уголовного дела в отношении трех лиц, объем уголовного дела составлял 39 томов. Для защиты прав и интересов обвиняемого А., который решение суда первой инстанции не обжаловал, по назначению суда в порядке ст. 50, ч. 3 ст. 51 УПК РФ участвовал адвокат М. В судебном заседании адвокатом было подано заявление о выплате вознаграждения в размере 49 192 руб. за 22 дня занятости по выполняемому поручению: 20 дней – ознакомление с делом, 2 дня – участие в судебных заседаниях суда апелляционной инстанции, из расчета 2 236 рублей за каждый день ознакомления и участия в судебном заседании.

Постановлением Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2022 года заявление адвоката было удовлетворено частично по следующим основаниям.

Как было установлено судом, адвокат ознакомился 3 октября 2022 года лишь с одним из 39 томов уголовного дела, затратив на это 1 час рабочего времени. В последующие 19 дней адвокат запрашивал для ознакомления по 2 тома дела, с которыми знакомился не в течение полного рабочего дня, а менее, чем 1,5 часа в день, с учетом того, что согласно положениям нормативных актов время занятости адвоката, участвующего в уголовном деле по назначению суда, исчисляется в днях, в которые он был фактически занят осуществлением полномочий адвоката по соответствующему уголовному делу. Причины, по которым адвокат не знакомился с большим количеством томов дела и более продолжительное время в течение рабочего дня, суду не пояснил.

В силу требований п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей все-

ми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и названным Кодексом.

Суд признал, что адвокат имел возможность планировать свое рабочее время с учетом его занятости и знакомиться со всеми томами уголовного дела без ограничения по времени в рабочие дни ежедневно в течение всего дня, и, тем не менее, такой возможностью не воспользовался, что свидетельствует о нарушении им требований разумности и добросовестности при планировании времени на ознакомление с материалами дела.

Учитывая фактически затраченное адвокатом время на ознакомление с материалами дела, его объем и сложность в совокупности с предметом апелляционного обжалования, связанным с изменением территориальной подсудности уголовного дела в отношении троих обвиняемых, а также с высокой степенью квалификации адвоката, имеющего высшее юридическое образование и достаточный опыт работы в статусе профессионального защитника, принимая во внимание, что обвиняемый, для осуществления защиты которого был назначен адвокат, решение суда первой инстанции не обжаловал, суд признал ознакомление с материалами уголовного дела в течение 20 дней необоснованным и расценил это как злоупотребление правом на оплату труда, которое в последующем способно привести к нарушению права обвиняемого, а именно, излишней возложенной на него нагрузкой в виде взыскания не обусловленных необходимостью процессуальных издержек.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что адвокат имел возможность ознакомиться со

всеми материалами уголовного дела, в том числе непосредственно относящимися к его доверителю, для обеспечения его квалифицированной защиты в более сжатые сроки.

Приведенные выше примеры являются частными случаями, когда адвокаты не придерживаются установленных канонов этичного поведения при осуществлении профессиональной деятельности. Во всяком случае, такое поведение не способствует содействию осуществления правосудия и, разумеется, не является его частью. Минимизация подобных проявлений будет отвечать целям правосудия, в том числе связанным с защитой прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, обеспечением доступа к правосудию.

Список источников

1. Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов и др. / Под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2017.
2. Хайек фон Ф. А. Право, закон и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.

References

1. Justice in the modern world : monograph / V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva, A. S. Avtonomov, etc. / Edited by V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. 2nd ed., supplement and revision. M. : Norm, 2017.
2. Hayek von F. A. Law, Law and Freedom: Modern understanding of liberal Principles of Justice and Politics. M., 2006.

Информация об авторе

А. В. Пушкин – судья судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Pushkin – Judge of the Judicial Board for Criminal Cases First Court of Appeal of General Jurisdiction, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-167-171>

НИОН: 2015-0066-1/23-618

MOSURED: 77/27-011-2023-01-817

Производство следственных и иных процессуальных действий при расследовании новых обстоятельств в порядке ст. 415 УПК РФ

Виктор Анатольевич Саморока¹, Наталья Викторовна Угольникова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва Россия

² Международный юридический институт, Москва, Россия

¹ samoroka@yandex.ru

² nvugolnikova@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ специфической формы расследования, применяемой при вынесении прокурором постановления о возбуждении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Ключевые слова: стадия уголовного судопроизводства, прокурор, возобновление производства, следственные действия, уголовный процесс

Для цитирования: Саморока В. А., Угольникова Н. В. Производство следственных и иных процессуальных действий при расследовании новых обстоятельств в порядке ст. 415 УПК РФ // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 167–171. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-167-171>.

Original article

Investigation and other procedural actions in the investigation of new circumstances in accordance with Article 415 of the Code of Criminal Procedure

Viktor A. Samoroka¹, Natalia V. Ugolnikova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² International Law Institute, Moscow, Russia

¹ samoroka@yandex.ru

² nvugolnikova@yandex.ru

Abstract. The specific form of investigation used when a prosecutor orders to institute criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances is being considered.

Keywords: stage of criminal proceedings, prosecutor, resumption of proceedings, investigative actions, criminal process

For citation: Samoroka V. A., Ugolnikova N. V. Investigation and other procedural actions in the investigation of new circumstances in accordance with Article 415 of the Code of Criminal Procedure. Bulletin of economic security. 2023;(1):167–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-167-171>.

В теории уголовного процесса принято считать, что он (процесс) в России осуществляется стадийно. Понятие стадий в УПК РФ не закреплено, однако в учебниках об этом говорится примерно следующее: «...уголовный процесс представляет систему стадий, каждая из которых характеризуется совокупностью признаков. Под стадиями принято понимать относительно самостоятельные, но тесно взаимосвязанные части уголовного судопроизводства, отделенные друг от друга итоговым процессуальным решением...» [5].

Обособление каждой стадии обусловлено наличием непосредственной цели, достигаемой на этом этапе

особенностями ограничения периода, специальным правовым статусом участников, а также формой процессуальных действий и процессуальных решений. Продвижение на следующую стадию непосредственно связано с достижением текущих целей, внешней формой перехода является юридический факт – решение. Производство по уголовному делу переходит в следующую стадию лишь после того, как будут выполнены задачи предыдущей стадии.

Аналогичного подхода в делении судопроизводства на стадии придерживается и Верховный Суд РФ. Такой взгляд ученых и практиков позволяет предположить,

© Саморока В. А., Угольникова Н. В., 2023

что стадии, как этапы или части, не могут накладываться одна на другую, выстроены в определенном порядке (система стадий) и никоим образом не подменяют задач, специфичных для каждой из них.

Акцентируем внимание на стадии предварительного расследования. Этот акцент обусловлен проблематикой исследования. Ядром всей стадии является производство следственных действий, направленных на соби́рание доказательств специально уполномоченными государственными органами и должностными лицами (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель и орган дознания) в строгом соответствии с процессуальной формой, определенной уголовно-процессуальным законом. Результаты следственных действий являются основой решения вопроса о виновности (или невиновности) лица в совершении преступления, размеров наказания, а также устранения обстоятельства, способствовавших совершению преступления. Предварительное расследование в формате производства следственных действий может проводиться только по возбужденному уголовному делу.

Такое понимание структуры уголовного судопроизводства неразрывно связано с правовым институтом процессуальной формы, которая, в свою очередь, является определяющим признаком допустимости доказательств. Институт доказательств является центральным институтом всех стадий уголовного процесса. Предварительное расследование – соби́рание доказательств, судебное разбирательство – исследование собранных доказательств, их оценка для разрешения вопросов правосудия. Следственные действия составляют основное и практически единственное средство соби́рания доказательств. Легитимность производства следственного действия связана во многом с юридическими фактами, определяющими границы стадий уголовного процесса. Закон строго определяет, какие следственные действия можно проводить до момента возбуждения уголовного дела, невозможность проведения следственных действий по приостановленному уголовному делу или после окончания судебного следствия. Именно поэтому правовые условия применения процессуального института следственного действия имеют столь значимое место.

Все логично и понятно. Но в гл. 49 УПК РФ законодатель возвращается к термину расследование и производству следственных действий при регламентации факультативной стадии уголовного процесса – «возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств».

Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств является самостоятельной стадией уголовного судопроизводства, которая по своему предназначению и содержанию выступает в качестве процессуального механизма, дополняющего иные способы обеспечения правосудности приговоров и других судебных решений и устранения судебных ошибок.

Возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам является частью указанной стадии, содержанием которой является особым видом прокурорской деятельности, и именно поэтому возможно только по решению прокурора. «Поводами для возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств могут быть сообщения граждан, должностных лиц, а также данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел» (ч. 2 ст. 415 УПК РФ). Располагая данными, которые подтверждают наличие новых или вновь открывшихся обстоятельств, поступающих к прокурору из судов, в заявлениях и сообщениях граждан, должностных лиц, государственных органов прокурор выносит постановление о возбуждении особого вида производства – постановления о возбуждении производства ввиду вновь открывшихся (или новых) обстоятельств. После чего производится специальное производство, в процессе которого проводятся все необходимые процессуальные или следственные действия. Указанное производство, в зависимости от основания, осуществляется в двух формах: прокурорская проверка или расследование. Если основанием возбуждения послужили вновь открывшиеся обстоятельства – прокурорская проверка, соответственно – иные новые обстоятельства – расследование.

По вновь открывшимся обстоятельствам согласно ч. 3 ст. 415 УПК РФ прокурор проводит проверку. Предметом этой проверки будет преюдициальное значение вновь открывшихся обстоятельств и их связь с вынесенным приговором суда. Особых вопросов или сложностей в толковании регламентация этого механизма нет, так как тут присутствует прокурорская деятельность в рамках надзора за соблюдением прав и свобод граждан, где прокурор реализует надзорные полномочия по истребованию документов и их оценке. Указанные обстоятельства, как уже сказано, обладают преюдициальным значением и не требуют проведения каких-либо следственных действий для их проверки.

В рамках второй формы только посредством проведения следственных и иных процессуальных действий возможно установление наличия или отсутствия новых обстоятельств, и этим полномочием прокурор не наделен. Так как при наступлении новых общественно опасных последствий преступления, являющихся основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления, необходимо установить их степень, причинно-следственную связь с совершенным деянием и т. д. В таком случае прокурор выносит постановление о возбуждении производства о новых обстоятельствах и направляет его вместе с подтверждающими материалами руководителю следственного органа для производства расследования, в ходе которого и будет решен вопрос об уголовном преследовании лиц, причастных к совершению уголовно наказуемых деяний путем производства следственных действий.

И на данном этапе возникает несколько закономерных вопросов о правовой природе такого расследования:

Во-первых, вопрос о субъекте, уполномоченном принимать решение. Любой ли прокурор уполномочен рассматривать вопрос об указанном производстве. Есть ли связи с категорией изначального уголовного дела, и каким судом он было рассмотрено. Ответ на это вопрос частично дает Пленум ВС РФ: «10. Проверая по жалобе, поданной в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ, законность, обоснованность решения прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств либо о возбуждении такого производства, судья должен убедиться в том, что решение принято уполномоченным лицом. При этом необходимо учитывать, что такое решение может быть принято прокурором любого уровня независимо от уровня суда, вынесшего приговор, определение, постановление, о пересмотре которых в порядке главы 49 УПК РФ ставится вопрос» [6].

Во-вторых, кто может обратиться к прокурору с требованием проведения проверки? Закон очень широко дает эти категории: сообщения граждан, должностных лиц, а также данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел. При том, что к заинтересованным лицам, имеющим право обжаловать решение прокурора, относятся лишь: осужденные, их защитники и законные представители, родственники осужденного после его смерти (в целях его реабилитации), потерпевшие, их законные представители и представители, иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым решением. Указанная позиция подтверждается Пленумом ВС: «К заинтересованным лицам, имеющим право обжаловать решение прокурора, относятся: осужденные, их защитники и законные представители, родственники осужденного после его смерти (в целях его реабилитации), потерпевшие, их законные представители и представители, иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым решением» [6].

В-третьих, два взаимосвязанных блока вопросов о форме производства и юридической природе следственных действий, проводимых в этом производстве:

1) Является ли оно особой формой предварительного расследования, проводимого после вступления приговора в силу?

Даже такой банальный вопрос: как и кто присваивает номер материалу, полученному от прокурора? Можно ли считать его уголовным делом? А если нет, то распространяется ли в таком случае правило о возможности производства лишь тех следственных действий, которые допустимы в рамках проверки по ст. 144 УПК РФ? Какие процессуальные действия и решения вправе проводить следователь?

Анализ материалов судебной практики позволяет утверждать, что перечень возможных следственных действий в одних случаях соответствует проверке сообщения в порядке ст. 144 УПК РФ.

Так, например, Президиум Московского областного суда рассмотрел материалы уголовного дела по заключению заместителя прокурора Московской области Якубова С. В. о возобновлении производства ввиду новых обстоятельств по делу, по которому по приговору Домодедовского городского суда Московской области от 10 сентября 2010 года Н., гражданин Республики Таджикистан, осужден по ст. 188 ч. 2 УК РФ к 4 годам лишения свободы, по ст. ст. 30 ч. 1, 228.1 ч. 3 п. «г» УК РФ к 8 годам лишения свободы. Среди представленных доказательств: заключения дактилоскопической судебной экспертизы, выемка паспорта на имя Н., получены образцы отпечатков пальцев, почерка и фотографии, заключения почерковедческой судебной экспертизы, справка об исследовании отпечатков пальцев. Рассмотрев заключение заместителя прокурора Московской области Якубова С. В., проверив материалы уголовного дела, президиум пришел к выводу, что приговор подлежит отмене по следующим основаниям. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 413 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда могут быть отменены и производство по делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [7].

Другой пример судебной практики связан с принятием во внимание судом в качестве доказательств результатов следственных действий, которые производятся на этапе расследования при наличии возбужденного уголовного дела. Президиум Московского областного суда рассмотрел в судебном заседании уголовное дело по заключению заместителя прокурора Московской области Можая М. В. о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств. По приговору Люберецкого городского суда Московской области от 27 декабря 2016 года А., осужден по п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года. В заключении заместителя прокурора Московской области Можая М. В. поставлен вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении А. и Б. ввиду новых обстоятельств поскольку лицо, осужденное, как А., в действительности является И., в связи с чем приговор подлежит отмене. В ходе заседания были рассмотрены: показания заявителя А., показания И., показания Ф., заключение дактилоскопической экспертизы [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что перечень следственных действий не ограничен следственными действиями, возможными в рамках проверки сообщения в порядке ст. 144 УПК РФ. Это обуславливает еще целый ряд вопросов: Правовой статус допрошенных лиц, имеют ли они право на свидетельский иммунитет, право на адвоката или защитника? Можно ли считать показания, полученные без разъяснения процессуального статуса и предупреждения об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, допустимыми?

Вопрос о правовой природе следственных действий на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства рассматривался многими авторами [1; 2; 3; 4]. Ответ на

этот вопрос напрямую связан, на наш взгляд, с гарантиями прав участников процесса. Неопределенность, например такого следственного действия как допрос ведет к ограничению конституционного права на квалифицированную защиту по уголовному делу. С другой стороны, нет процессуального статуса свидетеля – нет и ответственности за дачу ложных показаний, и как следствие, нет уголовно-правовых гарантий производства следственных действий.

2) Если речь идет о доказывании наличия новых обстоятельств, то каков предмет и пределы этого доказывания, применимы ли нормы ст. 73 УПК РФ?

Анализ судебной практики показывает, что суды удовлетворяются пределами доказывания проверки сообщения о преступлении.

И наконец, каков итоговый процессуальный документ, которым следователь подведет результаты своей деятельности и обоснует свою позицию? Так как закон не предусматривает проведения полноценного предварительного расследования встает вопрос о возможности (невозможности): привлечение лица к уголовной ответственности, избрания мер пресечения, задержания и т. д. Хотя позиция Пленума ВС РФ в этом вопросе такова: наступление новых общественно опасных последствий от преступления является основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления, и это относится к новым обстоятельствам [6]. Однако вопрос о том, допустимо ли это в данной стадии, остается открытым для теоретиков, так как Пленум ВС РФ не обосновал и не разъяснил свою позицию ссылками на нормы УПК РФ. При том, что сам Пленум ВС РФ далее в своем постановлении заключает, что первоначальные приговор, определение, постановление должны быть отменены по изложенным в заключении прокурора основаниям, свидетельствующим о виновности оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям, либо о виновности осужденного в совершении более тяжкого преступления. То есть все же преждевременно говорить о привлечении лица в качестве обвиняемого, а основной документ, подтверждающий виновность на данном этапе (на данной стадии) – заключение прокурора.

В качестве заключения хотелось бы отметить особую важность взвешенного, логичного и обоснованного подхода законодателя и правоприменителя (в лице высших судебных инстанций) к форме и содержанию нормативных актов. Действующие нормы УПК РФ не должны иметь двоякое толкование, неопределенность для органов предварительного расследования. Если в тексте УПК употребляются термины предварительное расследование, предварительное следствие, судебное следствие, то это должна быть догма. Никаких иных (особых) расследований быть не должно. А если политика законодателя в данном вопросе иная, то логично упразднить из УПК РФ нормы о важности процессуальной формы при собирании доказательств.

В описанной выше проблеме решение, как мы полагаем, «на поверхности». Необходимо добавить слово «предварительное» в нормы о проведении расследования в порядке ст. 415 УПК РФ. И тогда все неясности будут устранены. Будет применяться привычный, годами отработанный, алгоритм возвращения дела прокурором для проведения дополнительного расследования.

Список источников

1. Кальницкий В. В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законодательство и практика. 2019. № 2. С. 53–59.

2. Россинский С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве : дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74–83.

3. Россинский С. Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве : дискуссия продолжается // Законы России : опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16–31.

4. Смирная Л. В. Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в России и странах СНГ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 2. С. 19–22.

5. Уголовный процесс (проблемы теории и практики) : учебник для подготовки кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре / Под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2016. 719 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Президиума Московского областного суда от 06 марта 2019 г. № 107 по делу № 44у-34/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Президиума Московского областного суда от 08 ноября 2017 г. № 591 по делу № 44у-317/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kalnitskiy V. V. Stage of resumption of proceedings in a criminal case due to new or newly discovered circumstances // Legislation and practice. 2019. № 2. P. 53–59.

2. Rossinsky S. B. Once again about the concept and essence of investigative actions in criminal proceedings : the discussion is not over ... // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2021. № 1. P. 74–83.

3. Rossinsky S. B. The concept and essence of investigative actions in criminal proceedings : the discussion

continues // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2015. № 2. P. 16–31.

4. Smirnaya L. V. Grounds for resuming criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances in Russia and CIS countries // International criminal law and international justice. 2017. № 2. P. 19–22.

5. Criminal procedure (problems of theory and practice) : textbook for the training of highly qualified personnel according to the training programs of scientific and pedagogical personnel in the adjunct / Edited by A.V. Endoltseva, O.V. Khimicheva. M. : UNITY-DANA, Law and Law, 2016. 719 p.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 43 dated December 14, 2021 «On the application by courts of the Norms of Chapter 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Regulating the resumption of Criminal Proceedings in view of new or newly discovered circumstances at the conclusion of the prosecutor» // RLS «ConsultantPlus».

7. Resolution of the Presidium of the Moscow Regional Court of March 06, 2019 № 107 in case № 44u-34/2019 // RLS «ConsultantPlus».

8. Resolution of the Presidium of the Moscow Regional Court of November 08, 2017 № 591 in case № 44u-317/2017 // RLS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. А. Саморока – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Угольникова – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Samoroka – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. V. Ugolnikova – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 09.03.2023.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-172-174>

ИИОН: 2015-0066-1/23-619

MOSURED: 77/27-011-2023-01-818

Импрегнация государственности через институционализацию гражданского общества

Марат Вильданович Саудаханов

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия, viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. В статье затронута проблематика взаимопроникновения институтов государства и гражданского общества. В работе с помощью диалектического подхода, сравнительно-правового и исторического метода показана эволюция таких категорий как «государственность» и «гражданское общество». В исследовании также рассматривается вопрос диалектической связи государственности и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, анархия, права и свободы человека, частная собственность, Конституция

Для цитирования: Саудаханов М. В. Импрегнация государственности через институционализацию гражданского общества // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 172–174. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-172-174>.

Original article

The impregnation of statehood through the institutionalization of civil society

Marat V. Saudakhanov

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the interpenetration of the institutions of the state and civil society. The paper shows the evolution of such categories as «statehood» and «civil society» using a dialectical approach, a comparative legal and historical method. The study also examines the issue of the dialectical connection between statehood and civil society institutions.

Keywords: state, civil society, anarchy, human rights and freedoms, private property, Constitution

For citation: Saudakhanov M. V. The impregnation of statehood through the institutionalization of civil society. Bulletin of economic security. 2023;(1):172–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-172-174>.

Исследуя проблематику диалектической связи государства и гражданского общества в сфере конституционно-правового регулирования и конституционного строя, необходимо подчеркнуть, что любая государственность, даже крайне тоталитарная, не может осуществлять свое политико-правовое бытие без взаимодействия с гражданским обществом. Даже полицейское государство, не реализующее демократические принципы полностью либо частично, обладает определенным социально-политическим фундаментом, который выступает в образе институтов гражданского общества, пусть даже в крайне купированном, усеченном виде. Существование любого политического режима и конституционного строя так или иначе сопряжено с реализацией частного интереса граждан, который проявляет себя в бытийности гражданского общества как социально-экономического и политико-правового феномена. То есть даже крайне тоталитарное государственное устройство не в силах нивелировать институционализацию гражданского общества, выступающего неизменным спутником политической

организации социума, итогом которой выступает государство. Вся диалектика познания государственности демонстрирует невозможность девальвации гражданского общества со стороны государственных институтов, так как государственность не может существовать без фундамента, в роли которого и выступает гражданское общество.

Принимая во внимание отечественную спецификацию конституционно-правовой регуляции и выстраивания системных политико-правовых алгоритмов, позволяющих инициировать охранительные механизмы современного российского правопорядка, гражданское общество в России получает существенный импульс со стороны публичной власти, а не населения. Тем самым, на первый взгляд, нарушается классическая модель формирования институтов гражданского общества, которую можно наблюдать в политико-правовой системе стран Запада, а также в большинстве научных разработок, посвященных проблематике сосуществования институтов государства и гражданского общества.

© Саудаханов М. В., 2023

Как было сказано выше, государственное бытие невозможно без функционирования гражданского общества, поскольку указанные явления связаны между собой прочной диалектической связью. Дефинитивный аппарат философии Гегеля позволяет положительно утверждать, что государство и гражданское общество по своему содержанию противоположны друг другу и вместе с тем не могут существовать отдельно, порождая феномен единства и борьбы противоположностей. Как отмечал философ, гражданское общество представляет собой такой процесс, в котором каждый субъект выступает для себя целью при параллельном обесценивании интересов других субъектов. При этом мыслитель видел в гражданском обществе не просто конкуренцию различного частного интереса, но войну всех против всех [3, с. 228, 330].

Подобное концептуальное направление можно усмотреть и в трудах К. Маркса, который представляет наличие политической организации общества через обязательный дуализм человека, проживающего две формы существования – как социальный субъект и как частное лицо, воспринимающее окружающих как средство достижения своих личных целей. При этом мыслитель подчеркивал, что в первом случае тот же самый субъект выступает средством достижения коллективных целей [7, с. 390–391].

К. Маркс формулирует ряд отличительных особенностей члена гражданского общества (обывателя) и субъекта политико-правовых процессов (гражданина государства). Ученый полагает, что важнейшим отличием указанных субъектов является характер доминирующего интереса. Так, для обывателя характерен приоритет личного интереса. С другой стороны, гражданин государства склонен реализовывать интерес коллективный, в котором имплементируются права и обязанности, общие и единые для всех. В этой связи можно наблюдать конфликт частного и общественного интересов, инициирующих неустрашимое противоречие между государством и гражданским обществом [7, с. 301–302].

Примечательно, что по Марксу гражданин государства, как личность осознает себя существом, принадлежащим к определенному коллективу, политической ассоциации людей. Вместе с тем, немецкий ученый полагает, что человек как частное лицо относит себя к гражданскому обществу, представляющему собой сферу доминирования частного интереса, где имеет место конкуренция,ходящая до ее крайней формы – войны всех против всех [7, с. 392]. Именно эта содержательная спецификация закладывает диалектический конфликт между государством и гражданским обществом, а также теми первопричинами, которые спровоцировали процесс политической организации общества – частной собственностью, способами производства, культурой, моралью, религией, правом и пр.

Тем не менее, гражданское общество, обладая амбивалентной природой, не выступает антитезой государственным институтам, так как неразрывно связано с государством, является его началом и функционирует с ним в тандеме. В свою очередь государство, так или иначе воздей-

ствует на институты гражданского общества, формирует его модель и основные функции в зависимости от особенностей социокультурной среды общества и уровня его зрелости.

Импрегнация государственности через институционализацию гражданского общества проявляется еще и в том, что когда государственные институты нивелируются, то гражданское общество приобретает анархические признаки, а его внутренние связи охватывает энтропия [9, с. 233]. Исторически можно проследить то, что процесс распада государства влечет и гибель гражданского общества, которая в итоге провоцирует гражданское противостояние и иные бедствия, вызванные анархией и безвластием. И действительно, можно вспомнить крушение СССР, которое было вызвано непродуманными реформами и коленапреклонением перед западными ценностями [5, с. 234].

Если затронуть дефинитивную составляющую, то гражданское общество можно понимать в трех основных направлениях [6, с. 162–165]. Первое направление демонстрирует гражданское общество как цивилизованную ассоциацию людей, противопоставляя его варварству и дикости. Второй подход отображает гражданскую общину в феномене античного полиса. Третье же направление концептуально замыкается на буржуазных принципах взаимодействия людей, где сфера частного интереса выступает неприкосновенной в рамках государственно-властного воздействия [8, с. 4].

Подобное концептуальное триединство в понимании политико-правовой природы гражданского общества демонстрирует наличие объективной необходимости различать гражданское общество и гражданскую общину, где первое не обладает свойством политичности, а второе пронизано политическими связями и есть ни что иное как государство, в современном его понимании.

В этой связи вполне объяснимо, что ряд исследователей, изучающих гражданское общество, формулируют его принципы и общие идеи, которые выражаются в плюрализме форм собственности, экономической свободе, правах и свободах человека, правовом равенстве перед законом и судом, правовой и социальной государственности, разделении властей и пр. [1; 2; 4].

Безусловно, сам процесс развития гражданского общества сопряжен с феноменом частной собственности, которая явилась предпосылкой человеческой активности и социальной заинтересованности в развитии способов и средств производства и, как следствие, возникновению так называемого среднего класса. Гражданское общество в его идеальном понимании выступает в образе свободного и плюралистического рыночного общества, в котором отсутствует произвольное насилие и тоталитарные тенденции. Напротив, в подобной ассоциации имеет место цивилизованная форма построения социальных связей, в основе которых лежат законность, гуманизм и справедливость, а человек выступает не средством достижения целей государства, но целью, а его права и свободы являются высшим императивом. Не случайно в ст. 2 Конституции РФ говорится о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценно-

стью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это обязанность государства.

Российское гражданское общество обладает своей спецификой, которая не совпадает с классическим пониманием и западными политико-правовыми лекалами. Так, отечественные институты гражданского общества исторически формировались не «снизу», а «сверху». Иными словами, именно публичная власть выступала основным инициатором демократических преобразований и главным двигателем политико-правового прогресса, институционально формируя гражданское общество как реально действующий инструмент поддержания баланса частного и коллективного интересов. Этот тезис подтверждается, прежде всего, тем, что в рамках отечественного правового поля крушение государственности неизменно инициирует энтропию гражданского общества, которая порождает анархию и гражданские беспорядки. С другой стороны, современный период развития отечественной государственности демонстрирует то, что именно гражданское общество является главным стержнем российской государственности. Особенно это видно после присоединения Крыма в 2014 году и начале возрождения сильной Российской государственности, что ярко проявляется в росте внешнеполитического авторитета России как ведущего геополитического игрока. Сама целостность отечественного государства нередко зависит от активности гражданского общества и твердости политико-правовых убеждений граждан, из которых оно состоит.

В заключение необходимо отметить, что импрегация, то есть политико-правовое наполнение государственности через институционализацию гражданского общества, демонстрирует специфическую модель формирования гражданской активности и выражения частного интереса граждан. В рамках отечественного правового порядка государство является источником и защитником гражданского общества, обеспечивая защиту социальных связей от распада и анархии. С другой стороны, само гражданское общество выступает фундаментом публичной власти и средством ее легитимации. В этом заключается диалектическое единство государства и гражданского общества, а также амбивалентность их политико-правовой природы.

Список источников

1. Аракелян Э. Р. Понятие и принципы гражданского общества // *Философия права*. 2014. № 3 (64). С. 102–104.
2. Архипова Е. Б. Признаки и принципы гражданского общества в контексте взаимодействия с эффектив-

ным государством // *Образование и право*. 2017. № 6. С. 54–63.

3. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М. : Мысль, 1990. 524 с.

4. Грошев С. Н. *Собственность и общественное разделение труда* // *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России*. 2019. № 1 (1). С. 63–68.

5. Доброхотов Л. Н. *Трагедия крушения СССР: исторические и политические аспекты* // *Берегиня*. 777. Сова. 2015. № 2 (25). С. 232–248.

6. Дзодзиев В. *Проблемы становления демократического государства в России*. М. : Изд. фирма «Ad marginem», 1996. 303 с.

7. Маркс К. *Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс*. Изд. 2-е. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1955. 696 с.

8. Орлова О. В. *Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты* / Отв. ред. В. А. Четвернин. М. : Академический правовой университет, 2005. 118 с.

9. Рябев В. В. К вопросу о теоретических источниках формирования концепции гражданского общества // *Вестник МГТУ*. 2011. № 2. С. 229–236.

References

1. Arakelyan E. R. The concept and principles of civil society // *Philosophy of Law*. 2014. № 3 (64). P. 102–104.

2. Arkhipova E. B. Signs and principles of civil society in the context of interaction with an effective state // *Education and law*. 2017. No.6. P. 54–63.

3. Hegel G. V. F. *Philosophy of Law*. M. : Mysl, 1990. 524 p.

4. Groshev S. N. Property and social division of labor // *Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 1 (1). P. 63–68.

5. Dobrokhoto L. N. The tragedy of the collapse of the USSR: historical and political aspects // *Bereginya*. 777. Owl. 2015. № 2 (25). P. 232–248.

6. Dzodzиеv V. Problems of the formation of a democratic state in Russia. M. : Publishing house of the firm «Ad marginem», 1996. 303 p.

7. Marx K. Works: in 30 volumes / K. Marx, F. Engels. Ed. 2-E. T. 1. M. : Gospolizdat, 1955. 696 p.

8. Orlova O. V. Civil society and personality: political and legal aspects / Ed. V. A. Chetvernin. M. : Academic Law University, 2005. 118 p.

9. Ryabev V. V. On the issue of theoretical sources of the formation of the concept of civil society // *Bulletin of the Moscow State Technical University*. 2011. № 2. P. 229–236.

Информация об авторе

М. В. Саудаханов – доцент кафедры государственного и административного права МИРЭА – Российского технологического университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Saudakhanov – Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the MIREA – Russian Technological University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-175-177>

НИОН: 2015-0066-1/23-620

MOSURED: 77/27-011-2023-01-819

Экспериментальный правовой режим информационных технологий

Александр Владимирович Токолов¹, Анастасия Дмитриевна Иванова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
info@consullt-group.net

Аннотация. В статье представлен анализ экспериментально-правового режима. Практическое значение представлено тем, что «ЭПР» оказывает заметное влияние на цифровое право не только как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на процесс и результат его деятельности, правовой порядок с реальными правоотношениями, действиями субъектов права и видами юридической деятельности. Отмечается, что закон об экспериментально-правовом режиме, нацелен на освоение отдельных, относительно узких, хотя бесспорно важных и требующих решения проблем, связанных с использованием цифровых технологий в правовой сфере.

Ключевые слова: цифровое право, цифровизация, информационная безопасность, экспериментально правовой режим, информационно-коммуникационные технологии, регуляторные песочницы

Для цитирования: Токолов А. В., Иванова А. Д. Экспериментальный правовой режим информационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 175–177. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-175-177>.

Original article

Experimental right information technology mode

Alexander V. Tokolov¹, Anastasia D. Ivanova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia,
info@consullt-group.net

Abstract. The article presents an analysis of the experimental legal regime. The practical significance is represented by the fact that EPR has a significant impact on digital law not only as a system of generally binding rules of conduct established by the state, but also as a process and result of its activities, a legal order with real legal relations, actions of subjects of law and types of legal activity. It is noted that the law on the experimental legal regime is aimed at mastering certain, relatively narrow, although undeniably important and requiring solutions to the problems associated with the use of digital technologies in the legal sphere.

Keywords: digital law, digitalization, information security, experimental law regime, information and communication technologies, regulatory sandboxes

For citation: Tokolov A. V., Ivanova A. D. Experimental right information technology mode. Bulletin of economic security. 2023;(1):175–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-175-177>.

Развитие информационных технологий отражается на всех сферах жизни общества и государства. И это способствует развитию цифрового права. Принятие закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», вступившего в силу 28 января 2021 года [1], стало необходимой мерой, которая поможет улучшить юридические условия для разработки и внедрения инноваций. Необ-

ходимость принятия специализированного закона для общества, работающего в области цифровых технологий, обсуждалась неоднократно. До того, как специалисты Минэкономразвития разработали экспериментальные правовые режимы в нынешнем виде, были проведены правовые эксперименты установления специального налогового режима Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «Налог на профессиональный до-

© Токолов А. В., Иванова А. Д., 2023

ход» в г. Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан. А в апреле 2018 года Банк России запустил регулятивную площадку для пилотирования и быстрого внедрения новых финансовых сервисов и технологий, в которой осуществлялось лишь моделирование инновационных финансовых услуг, продуктов и технологий.

Экспериментально-правовым режимом (ЭПР) – это возможность отменять действие норм общего регулирования на определенной территории и временно устанавливать вместо них специальные правила. Таким образом государство стимулирует развитие стратегически важных отраслей экономики, создавая благоприятные условия для разработки и интеграции продуктов и услуг в сферах, где используются цифровые инновации. Государство делает послабления в правовом регулировании, чтобы компании смогли использовать на практике свои инновационные разработки. Освободившись от ограничений, предприниматели получают инструменты для апробации новых технологий и внедрения улучшений в существующие продукты. Экспериментально-правовые режимы в сфере цифровых инноваций регулируются Федеральным законом № 258-ФЗ от 31 июля 2020 г. Документ разработан Минэкономразвития и вступил в силу 28 января 2021 года. На ресурсе министерства сообщается, что «впервые у государства, научного и бизнес-сообщества появился системный механизм тестирования в реальных правоотношениях технологий, которые в силу разных причин (прежде всего, инертность законодательства) использовать сегодня нельзя (искусственный интеллект, блокчейн, большие данные, нейротехнологии, квантовые технологии, виртуальная реальность)» [2].

«Закон об экспериментальных правовых режимах цифровых инноваций» распространяется на ограниченное число юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Экспериментально-правовой режим допустим в следующих сферах:

- медицина (телемедицина), фармацевтика;
- транспорт (создание и использование транспортных средств с разной степенью автономности);
- сельское хозяйство (рационализация существующих процессов за счет применения искусственного интеллекта и робототехники);
- финансовая деятельность (различные сервисы онлайн-платежей);
- электронная коммерция (виртуальные торговые площадки и образовательные ресурсы);
- архитектура и строительство (возведение и реконструкция зданий с использованием передовых технологий);
- предоставление госуслуг и контрольно-надзорная деятельность (аналитика на основе Big Data);
- промышленность (корпоративные базы данных, системы защиты информации);
- связь (разработка программного обеспечения).

Правительство РФ может определять иные направления, где допустимо применение особого правового ре-

жима. Для установления экспериментального правового режима по перечисленным направлениям необходимо применение следующих технологий:

- Работы с большими данными;
- Робототехники и сенсорики;
- Систем распределенного реестра;
- Беспроводной связи;
- Квантовые;
- Производственные;
- Виртуальной и дополненной реальности;
- Промышленного интернета (интернет вещей);
- Нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта;
- Отраслевые цифровые технологии.

Изменять общее регулирование, установленное на уровне федеральных законов, можно только в случае, если федеральные законы это позволяют. На данный момент изменения, необходимые для установления ЭПР, внесены в следующие федеральные законы:

- О безопасности дорожного движения;
- Воздушный кодекс Российской Федерации;
- Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств;
- О связи;
- О персональных данных;
- Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта;
- О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (№ 69-ФЗ от 21 апреля 2011 года);
- О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации;
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации.

Благодаря правовому эксперименту компании и индивидуальные предприниматели получают большую свободу действий. Бизнес может наглядно показать государству эффективность инновационных товаров и услуг. Если инициатива окажется удачной, то временное регулирование станет всеобщим и будет распространяться на всю территорию РФ. Субъекты данного режима имеют специальные обязанности:

- информировать лиц, которые хотят вступить с ним в правоотношения, об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций;
- вести реестр лиц, которые вступают с ними в правоотношения в рамках режима;
- уничтожать персональные данные, полученные в результате обезличивания, при прекращении статуса субъекта ЭПР;
- рассматривать поступающие жалобы от лиц, чьи права и интересы нарушены в связи с экспериментальными правовыми режимами.

Экспериментально-правовой режим может действовать не более 3 лет. А у Правительства РФ есть полномочия для продления срока на 12 месяцев при на-

личии обоснованной просьбы субъекта. Инициаторами могут быть:

- юридические лица;
- индивидуальные предприниматели;
- государственные органы;
- органы местного самоуправления.

Инициаторы становятся субъектами экспериментального правового режима. Иные лица могут присоединиться к уже установленным режимам и становиться субъектами по заявкам. На первом этапе юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, который хочет принять участие в ЭПР, нужно убедиться в соответствии законодательным требованиям для участия в конкретном режиме. Есть два варианта как можно участвовать в экспериментальном правовом режиме – инициировать новый или присоединиться к действующему экспериментальному режиму.

Если представитель бизнеса хочет инициировать новый экспериментальный правовой режим, он должен:

- разработать проект программы ЭПР;
- описать суть экспериментальной инновации;
- указать, какие правовые нормы мешают внедрению разработок;
- обосновать предложение с точки зрения пользы для общества.

Пакет подготовленных документов передается на рассмотрение уполномоченному органу – Минэконом-

развития или Банку России (если проект принадлежит к категории «Финансовый рынок»). И подлежит оценке согласно статье 9 закона № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», в которой детально описывается процедура рассмотрения инициативного предложения. На оценку проекта чиновникам отводится 15 рабочих дней. А в общей сложности весь процесс рассмотрения различными комиссиями занимает 85 дней.

Список источников

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» в ред. от 02.07.2021 г.
2. https://economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/.

References

1. Federal Law of July 31, 2020 № 258-FZ «On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation», as amended from 02.07.2021.
2. https://economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/.

Информация об авторах

А. В. Токолов – заместитель начальника отдела Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А. Д. Иванова – соискатель кафедры компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Information about the authors

A. V. Tokolov – Deputy Head of the Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

A. D. Ivanova – Applicant for the Department of Computer Law and Information Security of the Higher School of Public Audit of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-178-182>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-1/23-621

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 77/27-011-2023-01-820

Февральская революция 1917 года как результат нестабильности внутренней политической системы Российской империи

Роман Валерьевич Федоров¹, Марк Юрьевич Филиппов², Наталья Валерьевна Иванова³

^{1,2,3} Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия

¹ fedorov@mirea.ru

² filippov.mark2013@yandex.ru

³ ivanova_n@mirea.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого события в российской истории, как Февральская революция 1917 года. Изучая возможные причины, авторы не ограничиваются лишь событиями того периода, о котором идет речь, обращая тем самым внимание и на события вековой и даже большей давности (относительно 1917 г.). Пристальное внимание уделено рассмотрению личности Николая II, как центральной фигуры в политической жизни России того времени. В качестве источников информации используются различные книги, мемуары современников тех событий. Авторы пытаются найти причины несостоятельности Временного правительства и его политики, а также рассуждают о значении монархии и царизма для истории развития российского государства, а также о том, какое влияние это время оказало на политико-правовое сознание российского народа.

Ключевые слова: Российская империя, Февральская революция 1917 г., Николай II, Временное правительство

Для цитирования: Федоров Р. В., Филиппов М. Ю., Иванова Н. В. Февральская революция 1917 года как результат нестабильности внутренней политической системы Российской империи // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 178–182. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-178-182>.

Original article

February Revolution of 1917 as a result of instability of the internal political system of the Russian Empire

Roman V. Fedorov¹, Mark Yu. Filippov², Natalia V. Ivanova³

^{1,2,3} Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia

¹ fedorov@mirea.ru

² filippov.mark2013@yandex.ru

³ ivanova_n@mirea.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of such an event in Russian history as the February Revolution of 1917. When considering possible reasons, the authors do not limit themselves to the events of the period in question, thus drawing attention to the events of a century and even more old (concerning 1917). Close attention is paid to the consideration of the personality of Nicholas II as a central figure in the political life of Russia of that time. As sources of information used various books, memoirs of contemporaries of those events. The authors try to find the reasons for the failure of the Provisional Government and its policies, as well as discuss the importance of monarchy and Tsarism for the history of development of the Russian state, as well as how this time has influenced the political and legal consciousness of the Russian people.

Keywords: Russian Empire, February Revolution 1917, Nicholas II, Provisional Government

For citation: Fedorov R. V., Filippov M. Yu., Ivanova N. V. February Revolution of 1917 as a result of instability of the internal political system of the Russian Empire. Bulletin of economic security. 2023;(1):178–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-178-182>.

Если задуматься о мире, в котором мы живем, то однозначно можно сказать, что он не обладает долговременной статичностью. Да, безусловно, бывало, что

какой-то установленный порядок вещей сохранялся столетиями. С точки зрения человеческой жизни, это можно назвать статичностью, однако с точки зрения истории –

© Федоров Р. В., Филиппов М. Ю., Иванова Н. В., 2023

это абсолютно ничто. Благодаря ее урокам человечество поняло, что ничто не вечно, и всему рано или поздно приходит конец.

Мир изменчив, и особенно это проявляется в геополитическом плане. За несколько тысячелетий возникало и рушилось множество государств. Они объединялись в одно, распадались, становились временами сильнее, слабее, а иногда и вовсе стирались с лица земли. Среди таких событий есть менее значимые, о которых никто даже и не знает, а есть и такие, о которых говорят и в наше время, так как они – эти события – поделили, как говорят, мир на «до» и «после».

Одним из таких событий стала Февральская революция 1917 года в Российской империи. Это одно из самых важных событий в истории нашей страны, как и весь 1917 год в целом. Разрушился монархический строй, державшийся целые века. В плане управления поменялось все: Россия стала республикой, правовым и демократическим государством с новой политической элитой.

Наша страна, конечно, уникальная. Наверное, никто не мог предположить, что после февраля 1917 нашему народу придется пережить еще одну революцию, вследствие которой был взят курс к коммунизму – человеческому раю на земле. Но к чему привели все эти мечты и идеи мы уже знаем. Они привели Россию к очередной катастрофе.

Однако же, не будем забегать так далеко. В этом исследовании хотелось бы разобраться в событиях февраля 1917 года, после которого российское самодержавие, казавшееся неотъемлемой частью нашей страны, кануло в небытие.

Рассматривая первопричины Февральской революции необходимо сказать, что она начала созревать не за год, не за 5 и даже не за 20 лет. Весь этот процесс начался с восстания декабристов в 1825 году, которое было жестоко подавлено Николаем I. Само восстание также было следствием Великой французской революции 1789–1799 годов, чьи идеи свободы, равенства и братства стали распространяться по всей Европе. Мятеж у декабристов не удался, но именно тогда были посеяны те сомнения, которые в итоге привели к падению монархии.

Однако, вернемся в XX век. Его начало нельзя назвать спокойным. Вследствие поражения в русско-японской войне и революции 1905 года император Николай II вынужден был пойти на уступки и ограничить самодержавие, учредив Государственную Думу. Россия была в этом плане одной из последних стран. Как пишет в своей книге один из лидеров партии кадетов С. Ольденбург: «Почти во всех государствах наблюдался один и тот же политический процесс: рост влияния парламента, расширение избирательного права, переход власти к более левым кругам... Кроме России, только Турция и Черногория из всех европейских стран вообще не имели в то время парламентов» [1, с. 14]. Тенденция перемен налицо, и наступил в итоге момент,

когда Николай II уже не мог игнорировать требования общества.

Продолжала разрастаться пропасть между интеллигенцией и властью. Эта враждебность со стороны образованного общества иногда маскировалась, а иногда принимала более откровенные формы. И правильно все тот же С. Ольденбург говорил, что именно в этом и заключался «корень зла», а не «в хозяйственных недочетах и не в технической отсталости» от европейских государств [1, с. 39].

Теперь переместимся в сам 1917 год. Уже шла ожесточенная Первая мировая война. Конфликт между Правительством и Государственной Думой достиг своего предела. И центральной фигурой во всех этих процессах оставался, конечно же никто иной, как Николай II, Император Всероссийский. На его долю выпало тяжелое время. Но что это был за человек, которому предстояло столкнуться со всеми этими вызовами?

Император Николай II родился 6 мая 1868 года – в день св. Иова Многострадального, что довольно символично, и Государь сам часто это отмечал. Как и положено наследнику российского престола, получил соответствующее достойное воспитание, обладал высшим юридическим и высшим военным образованиями. Ранняя смерть его отца, Императора Александра III, застала его немного врасплох, так как он не был введен в курс высших государственных дел, и многое ему пришлось узнавать уже из докладов министров. Современники отмечали, что Государь обладал исключительной памятью, в частности на лица, – свойство крайне полезное и нужное для его деятельности.

Министры, которых он отправлял в отставку, говорили, что на него «нельзя положиться», что «он всегда ставил дело выше лиц, а при несогласии с действиями своих министров отстранял их, независимо от их прошлых заслуг» [1, с. 46]. Можно сказать, что Государь таким образом проявлял твердость, однако же имел маленькую слабость, если это можно так назвать, а именно то, что он не любил говорить другим неприятные для них вещи прямо в лицо.

Император придерживался довольно консервативных взглядов, что не является удивительным. Его воспитанием и обучением занимались такие люди, как К. П. Победоносцев, главный идеолог контрреформ Александра III, который писал, что «парламентское правление – великая ложь нашего времени» и что на выборах получается отбор не лучших, а только «наиболее честолюбивых и нахальных...» [1, с. 48]. Вот такие люди формировали взгляды будущего Царя.

В 1894 году Николай II женился на Александре Федоровне, внучке британской королевы Виктории. Эта женщина оказала влияние на события того времени, наверное, не меньше, чем ее супруг, став одним из символов того времени. Кстати, можно заметить интересную историческую параллель. Одним из главных имен Великой французской революции стала супруга Короля Людовика XVI Мария Антуанетта. Так вот она

тоже сыграла далеко не последнюю роль в падении французской монархии. Как французский народ презрительно называл свою королеву «австриячкой», так и наш российский народ называл Александру Федоровну «немкой» и «шпионкой». И обеих их же народы винили в разрушении старого порядка. И обе закончили свой путь страданиями: одна на эшафоте, другая – на полу подвала Ипатьевского дома.

Такую репутацию российская императрица получила во многом благодаря своему доведенному до крайности суеверию и тяге к мистицизму, что отлично выразил М. Родзянко, председатель III и IV созывов Государственной Думы, в своих мемуарах: «Общее мнение, и несомненно правильное, заключалось в том, что императрица Александра Федоровна еще с малых лет имела склонность к мистическому миросозерцанию» [2, с. 16]. Главная проблема здесь была в том, что такой человек оказывал огромное влияние на Государя и, тем самым, на его решения.

В общем, Николая II трудно назвать жестким и волевым правителем, о которых у нас в народе вспоминают с гордостью и какими были до него Петр I, Екатерина II и Николай I. Это был довольно мягкий, чувствительный человек, однако его нельзя назвать глупцом, он сильно и глубоко верил в Бога и в свой долг «Царского служения», считал, что ответственность за судьбу России лежит исключительно на нем.

Итак, февраль 1917 года. Ситуация на фронтах войны тяжелая. Не утихают и противоречия между Государственной Думой и Правительством. И все это требует внимания Императора, но самое главное – требуются его решения.

Государственная Дума категорически не согласна с той политикой, которую проводит Правительство. Оппозиция в Думе требует отставки министра внутренних дел Протопопова А. Д., а также, что более важно, она требует министерство, которое было бы ответственно перед Думой, а не перед Государем.

В это время Император часто беседует с председателем Думы Родзянко. Последний пытается убедить Николая в том, что, если не пойти на встречу парламенту и просто его распустить, то «не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет все и вы не сможете царствовать» [3, с. 202].

Николай с ним не соглашается и не понимает, почему Дума так возненавидела Протопопова, который был товарищем председателя в Думе. Сам Родзянко писал, что «с тех пор, как Протопопов стал министром, он положительно сошел с ума» [2, с. 306]. После всех прений Царь остался при своем мнении, а Родзянко, выходя из кабинета, не без сожаления понял, что теперь уже все кончено.

Как оказалось, в итоге эта беседа все же произвела на Николая эффект, и он вызвал к себе Председателя Совета министров Голицина Н. Д. и сообщил ему, что готов явиться в Думу и объявить свою волю: «О даровании России министерства, ответственного перед русским

парламентом». Но позже, вечером того же дня, Государь сообщает, что уезжает в Ставку. Это и было роковым решением. Столицу вот-вот захлестнет восстание, а Император просто сбегает в Ставку. Что случилось между двумя этими решениями? С кем Государь разговаривал и советовался? Может, с женой? Этот момент остается неизвестным.

22 февраля (по старому стилю) 1917 года Николай уезжает в Ставку. 24 февраля в Петрограде начались первые забастовки. Бастовали тысячи рабочих, в городе не хватало еды, выстраивались голодные очереди. 25, 26 и 27 февраля Императору шлют телеграммы, из которых он узнает о беспорядках, охвативших город. Солдаты отказываются стрелять в бунтовщиков и переходят на их сторону. Родзянко пишет в своих телеграммах: «В столице анархия... Положение ухудшается. Надо принять меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии» [3, с. 209].

Государь продолжает бездействовать. Складывается ощущение, что он просто не хотел больше бороться с обществом, поэтому и уехал в Ставку, понимая, что пускает все на произвол судьбы. Позже он узнал, что Дума вообще не контролирует положение в столице, и тут он понял, что угроза нависла над его семьей, находящейся в Царском Селе. Даже часть гвардии начинает присягать Думе. 27 февраля Николай отправился на поезде к семье.

В итоге его поездка оказалась западной. Дорогу до Царского Села захватили восставшие. Поезд остановился в Пскове. Генерал Рузский, переговорив перед этим с Родзянко, доносит до Царя, что в сложившихся обстоятельствах необходимо его отречение. Император решил спросить у всех командующих фронтами, следует ли ему отречься. Узнав их ответы, Николай согласился подписать отречение.

2 марта к нему прибыли Шульгин и Гучков (представители Думы и оппозиционеры) и принесли проект Манифеста об отречении. Государь сообщил им, что принял решение отречься от престола не в пользу своего сына, а в пользу брата Михаила, сказав им при этом: «Надеюсь, господа, вы поймете чувства отца». Он взял проект Манифеста и ненадолго вышел, а, вернувшись, положил на стол написанный им самим текст отречения, который и подписал. Чуть позднее в этот день он сделал запись в своем дневнике: «Кругом измена, трусость и обман» – фраза, буквально олицетворяющая все то время.

Так закончилась история последнего российского монарха, но пока еще не монархии. Николай в своем отречении указал, что отрекается в пользу брата Михаила. Из воспоминаний А. Керенского (председателя Временного правительства вплоть до Октябрьской революции) мы узнаем, что уже вечером 3 марта на заседании нового правительства и членов Временного комитета было принято решение, что «вступление на престол Великого князя Михаила невозможно. Никто из членов Временно-

го комитета не возразил. Мнение собравшихся, казалось, было единодушным» [4, с. 115]. Вот так стало понятно, что новый Царь стране был не нужен, что с монархией необходимо было покончить.

Однако не все были так категорично настроены. По словам Керенского другой точки зрения придерживался П. Милюков (один из лидеров кадетов и министр иностранных дел Временного правительства), который выражал мнение, что Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела на троне новую фигуру. Милюков выступал за сохранение конституционной монархии, утверждал, что в этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха.

Имея такое неопределенное состояние, 4 марта Родзянко и Львов (за упразднение монархии) и Милюков (за конституционную монархию) поехали на встречу к Великому князю Михаилу Александровичу. Позднее к ним присоединились Гучков и Шульгин, разделявшие взгляды Милюкова. Князь Михаил решил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания, которое обязалось созвать Временное правительство. Формально это означало, что он принял позицию Родзянко и Львова и отказался от трона. С этого момента Россия перестала быть монархией, и вся власть перешла в руки Временного правительства.

С монархией покончено. Из воспоминаний Керенского мы узнаем, что со всех уголков страны в адрес Временного правительства поступают приветственные послания с выражением поддержки. Он так описывает реакцию общества: «личные интересы были отброшены в сторону, а все разногласия были забыты» [4, с. 119]. Почти все революции первоначально создают такую иллюзию «народной сплоченности». Но проходит совсем немного времени и все осознают, что административный аппарат и правоохранительная система полностью развалились. Керенский на это также указывает: «Казалось, Россия вот-вот погрязнет в мятежах, грабежах и неконтролируемом насилии» [4, с. 119]. Но этого сначала не замечали, все упивались победой революции.

Любая революция приносит беззаконие и беспредел. Большинство чиновников всем уже «ненавистного режима» были сняты с постов, а с некоторыми устроили настоящую расправу. Страна продолжала погружаться в хаос.

Учитывая то, насколько критическим стало как внутренне, так и международное положение, Временное правительство поставило перед собой четыре, по утверждению Керенского, наиболее важные задачи:

- 1) Продолжить защиту страны.
- 2) Воссоздать по всей стране действенный административный аппарат.
- 3) Провести необходимые политические и социальные реформы.
- 4) Подготовить путь для преобразования России из крайне централизованного государства в федеральное.

Но на деле у Временного правительства почти ничего не получалось. Опять же здесь стоит обратиться к

воспоминаниям и оценкам современников тех событий. Новая власть не смогла в полной мере заменить старую. А. Деникин (русский военачальник, один из основных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны) в «Очерках русской смуты» пишет: «Власть Временного правительства в самой себе носила признаки бессилия», а Керенского он характеризует, как «заложника демократии». Причину этого бессилия Деникин видит в «полном отсутствии волевых импульсов» так свойственное передовой русской интеллигенции, в чьи руки попала власть в стране [5, с. 72–73].

В стране необходимо было наводить порядок, и сделать это нужно было срочно. Необходима сильная и решительная власть. Такой фигурой в один момент времени мог стать Керенский. В своей книге он рассказывает, что ему не один раз предлагали поддерживать его круги заменить бессильное правительство личной диктатурой. Это дало бы ему полномочия, необходимые для установления порядка. Но Керенский отказался.

И. Церетели (лидер меньшевиков, член Исполкома Петроградского Совета, с мая 1917 года стал министром почты и телеграфа во Временном правительстве) крушение Временного правительства связывает с тем, что революционная демократия не сумела справиться с задачей создания сильной демократической власти. Он так же, как и Деникин, отметил нехватку воли для более решительных действий. Умеренность программы, медлительность реформ, отсутствие внутреннего единства – вот, что помешало, по его мнению, утвердиться новой власти.

В целом деятельность Временного правительства можно охарактеризовать как неудачную. Но оно также дало мощный импульс политическим переменам в стране, ввело широкую законодательную программу и заложило прочную основу для преобразования России в развитое государство. На этот счет есть даже пара цитат В. Ленина: «Революция (февральская) сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны», «Россия сейчас самая свободная страна в мире из воюющих стран». Здесь же, как ответ на слова вождя октябрьской революции, на наш взгляд, следует привести цитату Ф. М. Достоевского: «Свобода не в том, чтобы не сдерживать себя, а в том, чтобы владеть собой». Вряд ли бы наш великий писатель назвал Россию 1917 года самой свободной страной в мире.

Вот так разрушилась великая Российская империя. История царизма на Руси подошла к концу. Но, как показали события XX века, политическое сознание у нашего народа не поменялось. Вообще есть мнение, которое отлично воспроизвел в своих мемуарах французский посол тех лет в Российской империи М. Палеолог. Он писал, что «царизм есть сама Россия. Россию основали цари. И самые жестокие, самые безжалостные были лучшими. Без Ивана Грозного, без Петра Великого, без Николая I не было бы России. Русский народ... не спо-

собен управлять сам собою...он впадает в анархию» [3, с. 204]. Хотелось бы развить эту мысль в том направлении, что под царизмом следует воспринимать, на наш взгляд, не форму правления, а национальный символ. Уже не раз упомянутый П. Милюков говорил, что «Эта власть (Временное правительство) не имела привычного для масс «символа» [5, с. 73]. Этим символом и был Царь, а в последующие годы эту роль выполняли генеральные секретари и президенты. Наш народ всегда черпал силу и вдохновение от своего лидера, а лидер, в свою очередь, черпал все то же самое от народа и его поддержки.

Складывается ощущение, что Февральская революция всегда находилась в тени Октябрьской революции и незаслуженно была обделена вниманием, хотя по масштабу перемен она точно не уступает социалистической революции. В стране разрушился многовековой монархический строй, вся политическая система рухнула из-за внутренних проблем. Как бы повернулась история России, если бы монархия тогда, в далеком 1917 году, устояла? Ответ на этот вопрос мы никогда уже не узнаем, да и, как известно, сослагательному наклонению нет места в истории, однако ему есть место в наших человеческих сердцах. Необходимо усвоить ошибки прошлого, ведь Россия и ее многонациональный народ пережили

уже очень много испытаний, и, кто знает, может, следующее окажется уже не по силам.

Список источников

1. Ольденбург С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Н. Новгород, 2013.
2. Родзянко М. Крушение империи. Ленинград, 1929.
3. Радзинский Э. Николай II. М., 2020.
4. Керенский А. Россия в эпоху сильных потрясений. М., 2017.
5. Деникин А. Очерки русской смуты. М., 2020.
6. Церетели И. Кризис власти. М., 2007.

References

1. Oldenburg S. The reign of Emperor Nicholas II. Vol. 1. N. Novgorod, 2013.
2. Rodzianko M. The collapse of the Empire. Leningrad, 1929.
3. Radzinsky E. Nicholas II. M., 2020.
4. Kerensky A. Russia in the era of strong shocks. M., 2017.
5. Denikin A. Essays of the Russian troubles. M., 2020.
6. Tsereteli I. Crisis of power. M., 2007.

Информация об авторах

Р. В. Федоров – доцент кафедры государственного и административного права института технологий управления Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук;

М. Ю. Филиппов – студент 4 курса института кибербезопасности и цифровых технологий Российского технологического университета – МИРЭА;

Н. В. Иванова – старший преподаватель кафедры прикладного права института технологий управления Российского технологического университета – МИРЭА.

Information about the authors

R. V. Fedorov – Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the Institute of Management Technologies of the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Legal Sciences;

M. Yu. Filippov – 4th year student of the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies of the Russian University of Technology – MIREA;

N. V. Ivanova – Senior Lecturer of the Department of Applied Law of the Russian Technological University – MIREA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-183-188>

НИОН: 2015-0066-1/23-622

MOSURED: 77/27-011-2023-01-821

Упрощенные законодательные производства: юридическая природа, типология, техничко-юридические особенности конституционализации

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Широкое применение в юридической практике современных государств упрощенных законодательных производств и отсутствие теоретического осмысления данного феномена обуславливают научный интерес к заявленной теме. Объективно признанная необходимость использования в конституционной практике упрощенных законодательных производств предопределяет решение одновременно и научной, и практической проблемы, связанной с поиском методологического, технического и технолого-юридического инструментария внедрения их в практику. Анализ новейшей литературы указывает на то, что данная проблема пока не стала объектом специального научного анализа. Законотворческая практика, таким образом, развивается, не имея прочного научного основания. Анализ показывает, что упрощенные законодательные производства отличаются: сокращенными сроками обсуждения и принятия закона; упрощенной процессуальной формой законодательной процедуры; возможностью применения таких производств при принятии «нерезонансных» законов; большей эффективностью по сравнению с обычным порядком законодательного производства и, вследствие этого значительной экономией затрат, применяемых в законодательной деятельности. Наиболее распространенными технико-юридическими формами упрощенных производств, применяемых в парламентской практике зарубежных стран являются: производство «срочных» законопроектов и технико-юридические способы конституционного признания таких производств принимать закон, минуя определенные стадии; реализация конституционно предусмотренного права принятия закона отдельными постоянными парламентскими органами (комитетами/комиссиями); рационализация процедур законодательной деятельности; конституционализация порядка принятия срочных законопроектов, включая установление сокращенных процессуальных сроков совершения субъектами законодательного процесса действий; учреждение особых правовых институтов, связанных с применением упрощенных производств; закрепление в национальных конституциях оговорок относительно особого порядка вступления в силу принимаемых парламентом законов; сформировавшийся в конституционной практике обычай (парламентское обыкновение) относительно упрощения отдельных стадий законодательного процесса.

Ключевые слова: феномен дифференциации в современном праве, сложноструктурированные (сложносоставные), усложненные производства, титульные особенности упрощенных законодательных производств, упрощенная процессуальная форма законодательной процедуры, «срочные» законопроекты, технико-юридические формы институционализации упрощенных производств, сокращенные процессуальные сроки совершения законодательных действий, состояние законодательной необходимости

Для цитирования: Червонюк В. И. Упрощенные законодательные производства: юридическая природа, типология, технико-юридические особенности конституционализации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 183–188. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-183-188>.

Original article

Simplified legislative proceedings: legal nature, typology, technical and legal features of constitutionalization

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. The widespread use of simplified legislative proceedings in the legal practice of modern states and the lack of theoretical understanding of this phenomenon determine the scientific interest in the stated topic. The objectively recognized

© Червонюк В. И., 2023

need to use simplified legislative proceedings in constitutional practice determines the solution of both scientific and practical problems related to the search for methodological, technical and technological-legal tools for their implementation in practice. Analysis of the latest literature indicates that this problem has not yet become the object of special scientific analysis. Legislative practice, therefore, develops without having a solid scientific basis. The analysis shows that simplified legislative proceedings distinguished by: shortened terms of discussion and adoption of the law; simplified procedural form of legislative procedure; the possibility of application such proceedings in the adoption of «non-resonant» laws; greater efficiency in comparison with the usual procedure of legislative production and, consequently, significant cost savings applied in legislative activity. The most common technical and legal forms of simplified proceedings used in the parliamentary practice of foreign countries are: the production of «urgent» bills and technical and legal ways of constitutional recognition of such proceedings to adopt a law, bypassing certain stages; implementation of the constitutionally stipulated right to adopt a law by individual standing parliamentary bodies (committees/commissions); streamlining the procedures for legislative activity; constitutionalization of the procedure for adopting of urgent bills, including the establishment of shortened procedural deadlines for the subjects of the legislative process to take actions; establishment of special legal institutions related to the application of summary proceedings; the enshrinement in national constitutions of reservations regarding the special procedure for the entry into force of laws adopted by Parliament; a custom formed in constitutional practice (parliamentary custom) regarding the simplification of certain stages of the legislative process.

Keywords: phenomenon of differentiation in modern law, complex-structured (composite), complicated proceedings, title features of simplified legislative proceedings, simplified procedural form of legislative procedure, «urgent» bills, technical and legal forms of institutionalization of simplified proceedings, shortened procedural deadlines for legislative actions, state of legislative necessity

For citation: Chervonyuk V. I. Simplified legislative proceedings: legal nature, typology, technical and legal features of constitutionalization. Bulletin of economic security. 2023;(1):183–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-183-188>.

Постановка проблемы

Упрощенные юридические производства в значительной мере предопределены фактором дифференциации в современном праве, хотя полностью к этому не сводятся. В свою очередь, дифференциация¹ законодательного производства есть не что иное, как такое построение законодательного процесса, при котором в его рамках существует целый ряд отличающихся производств, приспособленных для различных видов законодательной деятельности.

Как и в юридических производствах, в законодательном процессе [7], в зависимости от особенностей процессуально-правовой формы, правомерно выделять ординарные, или обычные, и неординарные, или нетипичные, производства. Последние, в свою очередь, могут быть дифференцированы на упрощенные и сложноструктурированные (сложносоставные), или усложненные, производства [подробнее об этом: 8; 9].

Усложненные законодательные производства связаны преимущественно с разработкой, обсуждением и принятием особой группы законодательных актов. Это финансовые, органические и конституционные законы, законы о ратификации международных договоров и некоторые другие. Законодательное производство таких актов отличает максимально полный набор всех выше описанных элементов, стадий законодательной деятельности.

Нетипичные производства как объект научного анализа, как правило, исследуются фрагментарно, причём

в основном в работах учебного характера [например, 2; 10].

Выявление сущности упрощенных законодательных производств несколько осложняется тем, что правовые системы разных стран содержат обширные перечни упрощенных производств, которые нередко, имея одинаковые названия, значительно отличаются друг от друга по содержанию. Поэтому природу упрощенных производств целесообразнее всего определять через выявление присущих им характерных признаков.

Проведенный анализ позволяет к признакам, или титульным особенностям упрощенных законодательных производств обобщенно отнести следующие: а) сокращенные сроки обсуждения и принятия закона; б) упрощенная процессуальная форма законодательной процедуры; в) возможность применения таких производств при принятии «нерезонансных» законов; г) большая эффективность по сравнению с обычным порядком законодательного производства. Кроме того, в числе таких признаков можно указать на упрощенные формы (способы) парламентского обсуждения законопроекта; упрощенные процедуры ведения заседания и юридические формы вынесения постановления; проведение обсуждения законопроекта либо в парламентских структурах (постоянных комитетах, комиссиях), либо по правилам одного «чтения». В случаях, требующих первоочередного принятия закона, процедурные нормы предполагают принятие закона по ускоренной или срочной процедуре. Применение такой процедуры предполагает внеочередное рассмотрение, сокращение количества чтений или их совмещение в рамках одного пленарного заседания, сокращение времени для выступлений и др. [7, с. 43 и др.].

¹ В общепотребительном значении термин «дифференциация» означает «разделение, расчленение целого на различные части, формы и ступени» (см.: [1, с. 567; 5, с. 345; 6, с. 454]).

Применение упрощенных законодательных производств не устраняет подчиненности их общим закономерностям законодательных производств. С этой точки зрения ни один из принципов правотворчества при применении упрощенных производств не подлежит каким-либо изъятиям. Принципиально важно и то, что применение такого рода производств не должно вступать в противоречие с положениями национальных конституций о запрете умаления прав и свобод.

Являясь высшей формой права, закрепляя в своих нормах общую волю и детерминирующие ее общие (согласованные) интересы, закон вне зависимости от типа законодательного производства должен подчиняться строго определенным правовым стандартам. Соответственно, формально-юридическое или иное правовое признание данной разновидности законодательных производств имеет важное значение.

Технико-юридические особенности конституционно-правового регулирования упрощенных законодательных производств

Упрощенные законодательные производства не применяются дискреционно, руководствуясь целесообразностью и усмотрением законодательного органа власти. Существуют юридические основания легализации упрощенных производств, притом, как показывает анализ проблемы, технико-юридические формы закрепления данного вида законодательных производств национальными конституциями современных государств достаточно разнообразны. Действующее иностранное конституционное законодательство указывает на множество форм легализации такого рода производств, равно как и на присущие ему особенности.

Во-первых, *наиболее распространенной технико-юридической формой упрощенных производств является предусматриваемое конституционным законодательством зарубежных стран производство так называемых срочных законопроектов.* Применение упрощенных производств в этом случае имеет ряд особенностей, направленных на более быстрое обсуждение, принятие и введение в действие необходимого закона. Соответственно, такое производство предполагает внеочередное рассмотрение законопроекта, сокращение количества чтений или их совмещение в рамках одного пленарного заседания, сокращение времени для выступлений членов парламента и др.

Так, Конституция Румынии закрепляет право парламента по просьбе правительства или по собственной инициативе принять законопроект или законопредложение в срочном порядке, установленном регламентом палат (ч. 3 ст. 73) [11, т. 3 с. 73]. Конституция Италии предусматривает, что «Регламент устанавливает сокращенные процедуры для законопроектов, объявленных срочными» (ч. 2 ст. 72) [11, т. 2 с. 115]. А согласно ч. 3 этой же статьи Регламент может устанавливать, в каких случаях и формах изучение и одобрение законопроектов передается комиссиям, также постоянным, составленным таким образом, чтобы пропорционально от-

разить соотношение парламентских групп (ч. 3 ст. 72) [11, т. 2 с. 115]. Согласно Конституции Польши Совет Министров может признать постановленный им законопроект срочным, за исключением проектов налоговых законов, законов, касающихся выборов Президента Республики, Сейма, Сената и органов территориального самоуправления, законов, регулирующих устройство и компетенцию публичных властей, а также кодексов (части 2 и 3 ст. 123) [11, т. 2 с. 706]. В производстве по делу о законе, проект которого признан срочным, срок его рассмотрения Сенатом составляет 14 дней, а срок подписания закона Президентом Республики составляет 7 дней. Порядок рассмотрения срочных законопроектов имеет особенности по сравнению с обычной законодательной процедурой. Сейм может принять решение о незамедлительном переходе от первого чтения ко второму, минуя этап рассмотрения законопроекта в комиссиях. Регламент Сейма содержит специальную главу 2 «Процедура по срочным законопроектам». В Мексике для ускорения прохождения президент может объявить его срочным, что обязывает палату принять по нему решение в срок до 30 дней.

Специальные правила относительно порядка принятия и введения в действие срочных законов предусматривает Конституция Швейцарской Конфедерации. Соответственно ч. 1 ст. 165 Союзный закон, вступление которого в силу не терпит отлагательства, может быть большинством членов каждого Совета объявлен срочным и немедленно введен в действие. Его действие подлежит ограничению сроком (2-е предложение ч. 1 ст. 165). При этом объявленный срочным союзный закон, не имеющий конституционного основания, по истечении одного года после принятия Союзным Собранием теряет силу, если в течение этого срока не принят народом и кантонами. Его действие подлежит ограничению сроком (ч. 3 ст. 165). Наконец, объявленный срочным союзный закон, не принятый референдумом, не может быть принят вновь (ч. 4 ст. 165) [11 т. 3 с. 568]. Как следует из ст. 162 Конституции Кабо-Верде («Срочное рассмотрение вопроса») Национальная Ассамблея по решению, принятому на пленарном заседании, по ходатайству по меньшей мере 15-ти депутатов какой либо парламентской группы или специализированной комиссии или Правительства, может объявить о срочном прохождении какого-либо законопроекта или законопредложения или предложения постановления, а также любого обсуждения. Конституция Финляндии предусматривает, что проект Основного закона может быть объявлен срочным путем решения, принятого не менее чем 5/6 поданных голосов. В этом случае проект может не передаваться дальше, и он может приниматься не менее чем 2/3 поданных голосов (абз. 2 § 73) [11 т. 3 с. 386–387].

Во-вторых, закрепление в национальных основных законах права парламента принимать закон, минуя определенные стадии. Согласно ч. 1 ст. 83 Конституции Албании голосование по законопроекту производит-

ся три раза: в принципе, по частям и в целом. Часть 2 данной статьи устанавливает, что Кувенд по просьбе Совета Министров или одной пятой всех депутатов может обсудить и принять законопроект в ускоренном режиме, но не раньше, чем через неделю с начала процедуры обсуждения. При этом, как следует из ч. 3 ст. 83, ускоренная процедура не используется при обсуждении законопроектов, предусмотренных параграфом 2 статьи 81, за исключением подпараграфа «б».

Конституция Венесуэлы 1953 г. в ст. 90 устанавливает: «Президент Республики промульгирует законодательные акты в течение десяти дней, считая со дня получения им этих актов; однако в тот же срок он может просить путем обращения к Председателю Национального Конгресса об их изменении или отклонении. Если речь идет об изменениях, то они и связанные с ними статьи проходят два чтения в каждой из Палат. Если предложение Президента Республики состоит в отклонении законодательных актов, то Палаты, объединившись в Конгресс, решают этот вопрос в одном чтении. Для сохранения первоначального текста законодательного акта требуется в каждой Палате большинство по крайней мере в две трети присутствующих членов». В соответствии с Регламентом Сейма Республики Польша «Сейм в особо обоснованных случаях может сократить процедуру по проектам законов и постановлений путем приступления»: (1) к первому чтению, немедленно после получения депутатами проекта; (2) ко второму чтению, немедленно после окончания первого, без отсылки проекта в комиссию; (3) ко второму чтению, немедленно после получения депутатами отпечатанного отчета комиссий (ст. 51) [12, с. 130].

В-третьих, *конституционное оформление права принятия закона за отдельными постоянными парламентскими органами – парламентскими комитетами или комиссиями*. В указанном смысле к «усеченным» процедурам можно отнести принятие закона постоянными комиссиями парламента (Испания, Италия, Греция, Бразилия). Конституция Италии по такой процедуре предусматривает принятие парламентом страны «срочных» законов. В том случае, «если палаты, каждая абсолютным большинством голосов своих членов, объявляют закон срочным, то он промульгируется в срок, указанный в этом законе» (ч. 11 ст. 73) [13, с. 242]. По аналогичной схеме, согласно ч. 1 ст. 76 Конституции Греции, причем «в одном чтении в принципе, по частям и в целом» принимают законы секции национального парламента страны. Кроме того, законопроект или законодательное предложение, квалифицируемое правительством как очень срочное, может быть подвергнуто голосованию после ограниченного обсуждения, в котором участвуют, кроме докладчиков, премьер министр или соответствующий министр, руководители политических партий, представленных в Палате, и по одному представителю от каждой из этих партий; Регламент Палаты может ограничить продолжительность выступлений и время обсуждения (п. 4 ст. 76). Упрощенные

схемы в законодательном процессе допускаются и в том случае, когда согласно Конституции (п. 5 ст. 76) правительство может потребовать, чтобы законопроект или законодательное предложение особой важности или имеющее срочный характер обсуждалось на определенном числе заседаний, но не более чем на трех. Палата депутатов может по предложению десятой части общего числа депутатов продолжить обсуждение на двух и не более дополнительных заседаниях. В этом случае продолжительность каждого выступления устанавливается регламентом Палаты.

В-четвертых, *конституционализация порядка принятия срочных законопроектов, включая установление сокращенных процессуальных сроков совершения субъектами законодательного процесса действий, рационализация процедур законодательной деятельности*. Так, Конституция Ливанской Республики от 23 мая 1926 г. (ред. 21 сентября 1990 г.) предусматривает, что президент промульгирует законы в течение месяца после передачи их правительству (ст. 56). Однако, что касается законов, обнародование которых специальным решением Палаты депутатов (законодательный орган страны) объявлено срочным, то президент должен их промульгировать в течение 5 дней и обеспечить их опубликование.

В Мексике время, в течение которого предоставляется право вето президенту Мексики, в этом случае колеблется от 8 до 10 дней [4, с. 8–9]. Статья 91 Конституции Колумбии устанавливает, что Президент Республики может потребовать срочного рассмотрения того или иного законопроекта. В этом случае соответствующая Палата должна высказаться по законопроекту в течение тридцати дней. Заявление о срочности может быть повторено на всех конституционных этапах рассмотрения проекта, но если Президент настаивает на срочности, то законопроект имеет преимущество перед всеми другими делами до тех пор, пока соответствующая Палата не примет по нему решения [14]. Во Франции законопроекты могут приниматься без прений. Правительство заранее договаривается с большинством фракций или депутатов, и под видом неотложности и важности правительственный законопроект вносится и сразу же голосуется. Согласно Регламенту Сейма Республики Польша Маршал Сейма, направляя срочный законопроект в комиссию, устанавливает срок представления ими отчета, который не может быть более 30 дней (ст. 73); срочный законопроект Маршал Сейма включает в повестку дня заседания Сейма – «ближайшего после завершения работы комиссий» (ст. 74); второе чтение срочного законопроекта включает только 1) представление Сейму отчета комиссий о законопроекте и 2) проведение дебатов и внесение поправок (ст. 75); принятый срочный закон Маршал Сейма немедленно (но не позднее 3 дней после его принятия) направляет Маршалу Сената и Президенту (ст. 77); процедура повторного принятия Сеймом срочного закона, вотированного Президентом, должна занимать не более 7 дней (ст. 80) [12, с. 136–138].

В-пятых, *предусмотренное национальными конституциями учреждение особых правовых институтов, связанных с применением упрощенных производств*. В частности, согласно Основному закону ФРГ, предусмотрено принятие федерального закона, которое правительство объявило «как неотложный», т. е. в состоянии так называемой законодательной необходимости. Основным законом ФРГ предусмотрен институт срочного удовлетворения потребностей в законодательстве. Согласно абз. 1 ст. 81, если Бундестаг, отклонивший внесенный Федеральным правительством законопроект, который оно объявило «как неотложный», не распущен, то Федеральный президент по предложению Федерального правительства и с согласия Бундесрата может объявить *состояние законодательной необходимости* в отношении данного законопроекта (это применимо и в отношении ситуации, когда законопроект отклонен, несмотря на то, что именно в связи с ним Федеральный канцлер поставил вопрос о доверии). Если Бундестаг после объявления состояния законодательной необходимости снова отклонит законопроект или примет его в неприемлемой для Федерального правительства редакции, то закон считается вступившим в силу при условии, что Бундесрат его одобрит. То же относится к случаю, если проект не будет принят Бундестагом в течение четырех недель после его повторного внесения (абз. 2 ст. 81). Основной закон (абз. 3 ст. 81), кроме того, предусматривает, что в течение шести месяцев после первого объявления состояния законодательной необходимости и в период нахождения того же Федерального канцлера в должности по той же самой процедуре может быть принят любой другой отклоненный Бундестагом законопроект. Однако по истечении шести месяцев дальнейшее объявление тем же Федеральным канцлером состояния законодательной необходимости не допускается [11, т. 1 с. 606].

«Усеченная» процедура предполагает полный или частичный отказ от совершения определенных действий в законодательном процессе, а равно сокращение процессуальных сроков осуществления таких действий.

В-шестых, *закрепление в конституции страны оговорки относительно особого порядка вступления в силу принимаемых парламентом законов*. Согласно ч. 4 ст. 84 Конституции Албании в случаях чрезвычайных мер, а также в случае необходимых и непредвиденных обстоятельств, когда Кувенд (однопалатный парламент, состоящий из 140 депутатов) решает большинством голосов всех его членов, что закон должен вступить в силу немедленно, и Президент Республики утверждает, последний вступает в силу сразу же после обнародования [11, т. 1 с. 196].

В-седьмых, *сформировавшийся в конституционной практике обычай (парламентское обыкновение) относительно упрощения отдельных стадий законодательного процесса*. Усеченные производства имеют место не только в отношении конкретных видов законов, но и применительно к отдельным стадиям законодательно-

го процесса. Так, в странах англо-американского права процедура первого чтения реализуется в упрощенной форме, как это, к примеру, имеет место в Конгрессе США: в палате представителей текст законопроекта опускается в специальный ящик – «хоппер», который находится на столе у клерка палаты. В сенате, с разрешения председателя палаты, эта процедура во время «утреннего заседания» сопровождается краткой речью сенатора. Не предлагая проекта закона по существу, сенаторы и конгрессмены могут ограничиться внесением в палату петиции о рассмотрении соответствующего законодательства. В этом случае разработка законопроекта поручается постоянному комитету либо свои услуги предоставляют всевозможные лоббистские организации, заинтересованные в том или ином решении вопроса.

После официального внесения проекта он распечатывается на специальном типографском бланке, в котором указываются порядковый номер и краткое наименование законопроекта, а также члены палаты, которые представили и поддержали проект (в палате представителей их должно быть не более 25 чел.). Текст печатается на листах, каждая строчка которых имеет порядковый номер. Сделано это для того, чтобы облегчить процесс обсуждения и внесения в проект поправок. Тексты законопроектов хранятся в комнатах хранения документации. Информация о них публикуется в официальном вестнике конгресса – «Конгрешнл рекорд» [3, с. 24–25].

Вывод

Таким образом, конституционно-правовое оформление возможности применения упрощенных законодательных производств широко представлено в различных конституционных системах зарубежных стран, отличающихся достаточно высоким уровнем правового развития. Весьма распространенными оказываются и технико-юридические способы конституционного признания таких производств. Все это, как представляется, свидетельствует в пользу широкого, хотя и весьма выверенного, внедрения упрощенных законодательных производств в современную конституционную практику современной России.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ИДДК, 2008.
2. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : общая часть : учебник для вузов / Рук. авт. колл. и отв. ред. д. ю. н., проф. Б. А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М. : Норма, 2007.
3. Конституционное право зарубежных стран : учебник : в 2 ч. Часть II. Иностранное конституционное право / В. И. Червонюк, И. В. Калинин, А. Ю. Мелехова [под общ. ред. В. И. Червонюка]. 3-е изд. доп. М. : Московский ун-т. МВД России, 2018. 548 с.
4. Мексиканские Соединенные Штаты : Конституция и законодательные акты. Пер. с исп. / Сост., ред. и авт. вст. ст. О. А. Жидков. М. : Прогресс, 1986.

5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. Яз. Им. В. В. Виноградова; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 1998.

6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: Оникс, Мир и образование, Харвест, 2009.

7. Червонюк В. И. Законодательная власть в зарубежных странах: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 2: Законодательные производства. / В. И. Червонюк. М.: Московский ун-т. МВД России, 2012. 222 с.

8. Червонюк В. И. Упрощенные юридические производства как феномен дифференциации процессуального права в современных правовых системах // Экономика. Право. Лингвистика. 2010. № 1 (18). С. 17–25.

9. Червонюк В. И. Техника и технологии использования в современной конституционной практике упрощенных законодательных производств: страноведческий и сравнительно-правовой подходы // Юридическая техника. Специальный выпуск. 2011. № 3. С. 368–382.

10. Шаповал В. Н. Сравнительное конституционное право зарубежных стран. Киев: Лебедь, 2007.

11. Конституции государств Европы: в 3 т. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2001.

12. Конституция Республики Польша и Регламент Сейма. Warszawa, 2003.

13. Конституции зарубежных государств / Под ред. В. В. Маклакова. М.: Волтерс Клувер, 2007.

14. Конституции государств Америки: в 3-х т. / Под ред. д. ю. н., проф. Т. Я. Хабриевой. Т. 3: Южная Америка. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2006.

References

1. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. M.: IDDK, 2008.

2. Constitutional (state) law of foreign countries: general part: textbook for universities / Author's call. and ed. D. jur. n., prof. B.A. Strashun. 4th ed., updated and dorab. M.: Norm, 2007.

3. Constitutional law of foreign countries: textbook: in 2 p. Part II. Foreign constitutional law / V. I. Chervonyuk, I. V. Kalinskiy, A. Yu. Melekhova [under the general editorship of V. I. Chervonyuk]. 3rd ed. additional. M.: Moscow Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 548 p.

4. The United Mexican States: constitution and legislative acts. Trans. from Spanish / Comp., ed. and auth. vst. art. O. A., Zhidkov. M.: Progress, 1986.

5. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Russian Language Institute; under the general editorship of N. Y. Shvedova. M.: «Azbukovnik», 1998.

6. Rosenthal D. E., Telenkova M. A. Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms. M.: Onyx, the World and education, Harvest, 2009.

7. Chervonyuk V. I. Legislative power in foreign countries: textbook: in 2 p. P. 2: Legislative proceedings / V. I. Chervonyuk. M.: Moscow Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 222 p.

8. Chervonyuk V. I. Simplified legal proceedings as a phenomenon of differentiation of procedural law in modern legal systems // Economy. Right. Linguistics. 2010. № 1 (18). P. 17–25.

9. Chervonyuk V. I. Techniques and technologies of using simplified legislative proceedings in modern constitutional practice: country-specific and comparative legal approaches // Legal technique. Special Issue. 2011. № 3. P. 368–382.

10. Shapoval V. N. Comparative constitutional law of foreign countries. Kiev: Lebed, 2007.

11. Constitutions of the states of Europe: in 3 volumes. M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2001.

12. Constitution of the Republic of Poland and Regulations of the Sejm. Warsaw, 2003.

13. Constitutions of foreign states / Edited by V. V. Maklakov. M.: Volters Kluver, 2007.

14. Constitutions of the States of America: in 3 volumes / Edited by Doctor of Law, prof. T. Ya. Khabrieva. Vol. 3: South America. M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2006.

Информация об авторе

В. И. Червонюк – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-189-192>

НИОН: 2015-0066-1/23-623

MOSURED: 77/27-011-2023-01-822

К вопросу о функциональной характеристике правоприменительного типа профессионального правосознания

Олег Валерьевич Чикалов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Выделяются функциональные особенности правоприменительного типа профессионального правосознания, устанавливается его связь с правоприменительной деятельностью субъектов права.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, юридическая деятельность, правоприменение, функция, тип, типология

Для цитирования: Чикалов О. В. К вопросу о функциональной характеристике правоприменительного типа профессионального правосознания // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 189–192. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-189-192>.

Original article

To the question of the functional characteristics of the law enforcement type of professional legal consciousness

Oleg V. Chikalov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The functional features of the law enforcement type of professional legal consciousness are highlighted, its connection with the law enforcement activities of the subjects of law is established.

Keywords: professional legal consciousness, legal activity, law enforcement, function, type, typology

For citation: Chikalov O. V. To the question of the functional characteristics of the law enforcement type of professional legal consciousness. Bulletin of economic security. 2023;(1):189–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-189-192>.

Начиная исследование функциональных особенностей правоприменительного типа профессионального правосознания, важно обратить внимание на наличие содержательной связи последнего с правоприменением как видом юридической деятельности. Необходимо подчеркнуть, что внешний полиморфизм и внутренняя сложность предмета воздействия отражаются на специфике реализации правоприменительного вида профессиональной юридической деятельности. Представляется целесообразным выделить следующие основные формы правоприменения:

(А) правоохранительную – реализующуюся в правовом регулировании общественной жизни путем превентивных (профилактических) и реактивных юридических актов органов правоохранительной системы государства, которые направлены на обеспечение корректного исполнения норм позитивного права субъектами правовой деятельности при осуществлении общественных отношений (охране прав, свобод и законных интересов граждан, исполнении ими юридических обя-

занностей), а также на пресечение нарушений норм права со стороны последних [1];

(Б) оперативно-исполнительную – реализующуюся в правовом регулировании общественной жизни путем издания ситуационных исполнительно-распорядительных актов государственных (муниципальных) органов, являющихся основаниями для возникновения, изменения или прекращения конкретных правоотношений [2].

В рамках функциональной характеристики правоприменительного типа профессионального правосознания представляется целесообразным выделить следующие модулы его реализации:

І. Содержательный – в рамках которого реализуется правоохранительная форма правоприменения. Объектом его воздействия являются конкретные социальные ситуации, связанные с нарушением общественного порядка и угрозой общественной безопасности, фактические обстоятельства которых соответствуют признакам противоправных (преступных) деяний, пред-

усмотренных актами действующего позитивного права, и влекут наступление юридической ответственности, предусмотренной санкциями соответствующих нормативных предписаний актов действующего позитивного права.

II. Формальный – в рамках которого реализуется оперативно-исполнительная форма правоприменения. Объектом его воздействия являются правовые запросы субъектов правовой деятельности, требующие регулирования путем издания ситуационных исполнительно-распорядительных актов государственных (муниципальных) органов, создающих основания для возникновения, изменения или прекращения конкретных правоотношений.

Переходя к функциональному анализу содержательного модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания, необходимо отметить, что в рамках его функционирования презюмируется наличие следующих направлений:

(1) познавательного, в рамках которого доминирующим значением обладают функции познавательной группы;

(2) регулятивного, в рамках осуществления которого доминируют функции регулятивной группы.

Познавательное направление содержательного модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания предполагает аккумуляцию представлений у его субъекта-носителя относительно фактических обстоятельств конкретных социальных ситуаций, в целях подтверждения (опровержения) наличия факта нарушения порядка осуществления общественных отношений, установленного нормами действующего позитивного права, выразившегося в форме противоправного деяния (правонарушения, преступления). В рамках познавательного направления содержательного модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания дифференцируются следующие аспекты: (а) эмпирический; (б) эпистемологический.

Необходимо перейти к рассмотрению эмпирического аспекта познавательного направления реализации правоприменительного типа профессионального правосознания. В рамках данного паттерна функционирования его основная задача состоит в установлении (опровержении) наличия очевидных признаков противоправности в фактических обстоятельствах конкретной социальной ситуации, которыми являются явная угроза для общественного порядка и (или) посягательство на общественную безопасность.

В рамках эмпирического аспекта познавательного направления реализации правоприменительного типа профессионального правосознания актуализируется его «отражательная» функция, которая состоит в непосредственном мониторинге социальной действительности, эмпирическом регистрировании фактических обстоятельств осуществления конкретных взаимодействий социальных индивидов.

Представляется целесообразным перейти к рассмотрению эпистемологического аспекта познавательного направления реализации правоприменительного типа профессионального правосознания. В рамках данного паттерна функционирования его основная задача состоит в подготовке юридической оценки (квалификации) установленных на эмпирическом этапе фактических обстоятельств социальной ситуации как образующих состав конкретного противоправного деяния (правонарушения, преступления) и (или) совокупности таковых.

В рамках эпистемологического аспекта познавательного направления реализации правоприменительного типа профессионального правосознания актуализируются его «оценочная» функция, которая состоит в установлении соответствия между фактическими обстоятельствами выявленного противоправного деяния (правонарушения, преступления) и составом нормативного предписания, регламентированного актом действующего позитивного права [3].

Необходимо перейти к рассмотрению регулятивного направления содержательного модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания. В рамках данного направления функционирования его основными задачами являются следующие:

– во-первых, выбор метода разрешения (пресечения) выявленного противоправного деяния (правонарушения, преступления);

– во-вторых, планирование порядка реализации дальнейшей правоприменительной процедуры в отношении виновного лица (правонарушителя, преступника);

– в-третьих, подготовка проекта правоприменительного акта в отношении виновного лица (правонарушителя, преступника).

В рамках регулятивного направления реализации содержательного модуса правоприменительного типа профессионального правосознания актуализируются следующие его функции:

– «регулятивная», состоящая в выборе метода разрешения социальной ситуации, построении вариативных моделей порядка реализации правоприменительной процедуры в отношении виновного лица (правонарушителя, преступника) в соответствии с требованиями и порядком, установленными предписаниями актов действующего позитивного права;

– «охранительная», состоящая в выборе способа защиты и восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, являющихся потерпевшими от противоправного деяния (правонарушения, преступления) в соответствии с требованиями и порядком, установленными предписаниями актов действующего позитивного права.

Переходя к функциональному анализу формального модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания, необходимо отметить, что в рамках его функционирования презюмируется

наличие следующих направлений: (1) познавательного; (2) регулятивного.

Необходимо перейти к рассмотрению познавательного направления формального модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания. В рамках данного паттерна функционирования его основной задачей является установление фактических обстоятельств правовых запросов субъектов правовой деятельности при осуществлении оперативно-исполнительной деятельности; он осуществляется исходя из формальных критериев делопроизводства и, соответственно, реализуется в рамках усеченной процедурно-процессуальной формы [4] наиболее показательной репрезентацией которой является схема «запрос-ответ». В данной связи эмпирический и эпистемологический аспекты осуществляются синхронно в рамках познавательного направления формального модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания и состоят в формальном установлении юридических фактов, характеризующих находящееся в производстве дело (правовой запрос).

В рамках познавательного направления формального модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания актуализируется диада его «познавательной» и «оценочной» функций, которая состоит в юридической оценке совокупности юридических фактов, характеризующих рассматриваемое юридическое дело (правовой запрос) в качестве подлежащего (не подлежащего) удовлетворению.

Необходимо перейти к рассмотрению регулятивного направления формального модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания. В рамках данного паттерна функционирования его основной задачей являются формирование проекта ситуационного исполнительно-распорядительного акта государственного (муниципального) органа, создающего основания для возникновения, изменения или прекращения конкретных правоотношений.

В рамках регулятивного направления формального модуса реализации правоприменительного типа профессионального правосознания актуализируется его «регулятивная» функция, которая состоит в подготовке проекта разрешения находящегося в производстве дела (правового запроса) в соответствии с требованиями и порядком, установленными предписаниями актов действующего позитивного права.

Подводя итоги настоящего исследования, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы:

1. Функционирование правоприменительного типа профессионального правосознания осуществляется в рамках следующих модусов его реализации:

1) «содержательного», характеризующегося следующими особенностями:

– специфика объекта: общественные отношения, связанные с нарушением общественного порядка и угрозой общественной безопасности, фактические об-

стоятельства которых соответствуют признакам противоправных деяний (правонарушений, преступлений), предусмотренных актами действующего позитивного права и влекут наступление юридической ответственности, предусмотренной санкциями соответствующих нормативных предписаний актов действующего позитивного права;

– целевая специфика: охрана и восстановление инвариантного состояния правовой (юридической) действительности, соответствующего модели правового порядка, установленного положениями нормативных предписаний действующего позитивного права, в условиях продуцирования аномальных форм поведенческой активности субъектами правореализационной деятельности;

– специфика функционирования: смысловой переход от содержания социальной ситуации, состоящей в противоправном деянии (правонарушении, преступлении) к ментальному проекту правоприменительного решения (акта), состоящего в применении к виновному лицу (правонарушителю, преступнику) принудительных мер правового воздействия;

2) «формального», характеризующегося следующими особенностями:

– специфика объекта: правовые запросы субъектов правореализационной деятельности, требующие регулирования путем издания ситуационных исполнительно-распорядительных актов государственных (муниципальных) органов, создающих основания для возникновения, изменения или прекращения конкретных правоотношений;

– целевая специфика: поддержание инвариантного состояния правовой (юридической) действительности, соответствующего модели правового порядка, установленного положениями нормативных предписаний действующего позитивного права, в условиях обмена правами и обязанностями субъектами правореализационной деятельности;

– специфика функционирования: смысловой переход от содержания правового запроса субъекта правореализационной деятельности к ментальному проекту правоприменительного решения (акта), состоящего в создании юридического основания возникновения, изменения или прекращения конкретных правоотношений.

Список источников

1. Тарасов А. М. К вопросу о понятии правоохранительной деятельности и о правоохранительных органах // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 304.

2. Байтин М. И. О формах осуществления функций социалистического государства // Ученые записки Саратовского Юридического института. 1969. С. 264–265.

3. Казанков Я. Н. Особенности содержания познания в оперативно-исполнительной и правоохран-

тельной формах применения права // Право: история, теория, практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб. : Свое издательство, 2015. С. 2.

4. Пьянов Н. А., Казанков Я. Н. О познании в правоприменительной деятельности // Пролог. 2014. № 2 (6). С. 7.

References

1. Tarasov A. M. On the issue of the concept of law enforcement and law enforcement bodies // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 4 (44). P. 304.

2. Baytin M. I. On the forms of implementation of the functions of the socialist state // *Scientific notes of the Saratov Institute of Law*. 1969. P. 264–265.

3. Kazankov Ya. N. Features of the content of knowledge in the operational-executive and law enforcement forms of the application of law // *Law: history, theory, practice: materials of the III Intern. scientific. conf. (St. Petersburg, July 2015)*. SPb. : Own Publishing House, 2015. P. 2.

4. Pyanov N. A., Kazankov, Ya. N. On cognition in law enforcement // *Prologue*. 2014. No. 2 (6). P. 7.

Библиографический список

1. Боголюбов С. А. Правотворческая и иные правовые формы деятельности Президиума Верхов-

ного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов Союзных Республик // *Правоведение*. 1973. № 4. С. 24–25.

2. Гулягин А. Ю. Правоохранительная деятельность: основные правовые характеристики // *Административное право и процесс*. 2011. № 6. С. 7–9.

3. Свечников Н. И. Сущность правоохранительной деятельности // *Lex Russica*. 2016. № 7 (116). С. 34–35.

4. Тонков Е. Е. Юридические (правовые) формы осуществления государственных функций // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2010. № 14. С. 5.

Bibliographic list

1. Bogolyubov S. A. Lawmaking and other legal forms of activity of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR and Presidiums of the Supreme Soviets of the Union Republics // *Jurisprudence*. 1973. No. 4. P. 24–25.

2. Gulyagin A. Yu. Law enforcement: basic legal characteristics // *Administrative law and process*. 2011. No. 6. P. 7–9.

3. Svechnikov N. I. The essence of law enforcement // *Lex Russica*. 2016. No. 7 (116). P. 34–35.

4. Tonkov E. E. Legal forms of the implementation of state functions // *Scientific Bulletin of the Belgorod State University*. 2010. No. 14. P. 5.

Информация об авторе

О. В. Чикалов – преподаватель-методист факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. V. Chikalov – Teacher-methodologist of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 02.03.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 02.03.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-193-196>

НИОН: 2015-0066-1/23-624

MOSURED: 77/27-011-2023-01-823

Судебный штраф по делам о наркотиках: проблемы правоприменения

Денис Васильевич Шаров

Адвокатская палата города Москвы, Москва, Россия,
sharovden@gmail.com

Аннотация. В статье обосновывается возможность применения института судебного штрафа как меры уголовно-правового характера по делам о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 228 УК РФ. Приводятся юридические основания такого применения, рассматриваются теоретические и практические проблемы, возникающие при прекращении данных уголовных дел с судебным штрафом. Делается вывод о необходимости большей правовой определенности в этом вопросе.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера, судебный штраф, прекращение уголовного дела, ч. 1 ст. 228 УК РФ

Для цитирования: Шаров Д. В. Судебный штраф по делам о наркотиках: проблемы правоприменения // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 193–196. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-193-196>.

Original article

Judicial fine in drug cases: problems of law enforcement

Denis V. Sharov

Moscow Chamber of Lawyers, Moscow, Russia,
sharovden@gmail.com

Abstract. The article substantiates the possibility of applying the institution of a judicial fine as a criminal law measure in cases of a crime provided for in Part 1 of Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legal grounds for such application are given, theoretical and practical problems arising from the termination of these criminal cases with a judicial fine are considered. It is concluded that there is a need for greater legal certainty in this matter.

Keywords: measures of a criminal-legal nature, a judicial fine, termination of a criminal case, part 1 of Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Sharov D. V. Judicial fine in drug cases: problems of law enforcement. Bulletin of economic security. 2023;(1):193–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-193-196>.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» введено основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера.

В своем обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) Верховный Суд Российской Федерации указал на востребованность института судебного штрафа в правоприменительной деятельности

и отметил последовательное увеличение количества принимаемых судами решений об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [1].

Зададимся вопросом, возможно ли применение судебного штрафа по делам о наркотиках? А если точнее, то возможно ли при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ (хранение наркотических средств в значительном размере без цели сбыта), прекращение уголовного дела в соответствии со ст. 76.2 УК РФ и ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа?

© Шаров Д. В., 2023

Для ответа на данный вопрос позвольте поделиться небольшим случаем из собственной адвокатской практики.

Ситуация следующая.

Сотрудники полиции задержали человека и в ходе досмотра обнаружили у него наркотическое средство мефедрон в значительном размере. К слову, мефедрон (4-метилметкатинон) в настоящее время является одним из самых распространенных наркотиков в Московском регионе.

После этого в отношении данного лица было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 228 УК РФ за незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства в значительном размере.

Спустя некоторое время этот человек обратился к нам за защитой.

Причем, на момент обращения он, разумеется, уже успел полностью признать свою вину и раскаяться в содеянном.

Встал вопрос, что делать? Как в такой ситуации можно помочь?

Понятно, что после дачи лицом признательных показаний правоохранительным органам круг возможных действий стороны защиты значительно сужается.

Итак, перед нами лицо, которое впервые совершило преступление небольшой тяжести, ранее не судимо, полностью признало свою вину и раскаялось в содеянном, имеет положительные характеристики с места жительства и работы.

После анализа обстоятельства дела было принято решение попробовать добиться его прекращения с применением судебного штрафа как меры уголовно-правового характера. В сложившейся ситуации подобное прекращение дела было бы наилучшим выходом для доверителя, поскольку оно, по крайней мере, не влечет за собой судимость со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Изучение законодательства и судебной практики показало, что устойчивой практики прекращения уголовных дел с назначением судебного штрафа по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 228 УК РФ, не сформировано. Тем не менее, все юридические и фактические основания для принятия такого решения, на наш взгляд, имелись.

Исходили из того, что раз лицо, совершившее данное преступление, ранее не судимо и впервые привлекается к уголовной ответственности, положительно характеризуется, полностью признало свою вину, то шансы прекратить такое дело с судебным штрафом должны быть. Для этого нужно будет только соответствующим образом загладить причиненный преступлением вред.

Действительно, согласно положениям ст. 76.2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или

иным образом загладило причиненный преступлением вред.

В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ суд вправе принять данное решение по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного дознавателем с согласия прокурора, в порядке предусмотренном УПК РФ.

Причиненный преступлением вред был заглажен следующим образом:

– осуществлено денежное пожертвование в благотворительный фонд при Русской Православной Церкви, одним из направлений деятельности которого являлась помощь наркозависимым и их семьям;

– с этим же фондом заключен договор о добровольной сотрудничестве, в рамках которого наш доверитель по выходным дням работал там в качестве волонтера.

Учитывая все вышеизложенное, казалось бы, никаких юридических препятствий для прекращения данного уголовного дела с судебным штрафом возникнуть не должно.

Однако на уровне дознания сразу же последовал категоричный отказ, который был обусловлен следующей причиной.

Все дело в том, что ч. 1 ст. 228 УК РФ не предполагает причинение вреда конкретному потерпевшему. При совершении данного преступления потерпевший как таковой отсутствует.

Логика правоохранительных органов заключалась в следующем: раз вред преступлением никому не причинен, то и возмещать его некому; а раз возмещать вред некому, то и оснований для прекращения уголовного дела с применением судебного штрафа нет.

Однако это не так.

Действительно, ч. 1 ст. 228 УК РФ не причиняет вреда конкретному потерпевшему, но утверждать, что в результате совершения данного преступления вред вообще отсутствует было бы ошибкой.

В данном случае совершено преступление против здоровья населения и общественной нравственности, в результате чего, оказались нарушенными охраняемые уголовным законом общественные отношения и, как следствие, опосредованный вред причинен интересам всего общества и государства.

Следовательно, именно вред, причиненный интересам всего общества и государства, нуждается в заглаживании при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Возможность подобного заглаживания вреда подтверждается позицией Верховного Суда Российской Федерации, который под заглаживанием вреда понимает в том числе принятие мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства [2].

Иными словами, согласно позиции Верховного Суда РФ, действия по заглаживанию вреда могут быть совершены не только в пользу конкретного лица, потер-

певшего от преступления, но и в пользу общественных и государственных организаций.

Еще более определенно Верховный Суд РФ высказался в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) и в качестве позитивной судебной практики привел пример, который прямо говорит о возможности применения института судебного штрафа как меры уголовно-правового характера по делам о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 228 УК РФ: *«постановлением Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 28 июня 2017 г. прекращено уголовное дело в отношении К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа в размере 10 тыс. руб. Суд мотивировал свое решение тем, что К. загладила причиненный преступлением вред путем добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» и пожертвования денежных средств в данное учреждение на благотворительность»* [1].

Все вышеизложенное показывает, что несмотря на полученный от дознавателя отказ, все юридические основания для прекращения ч. 1 ст. 228 УК РФ с применением судебного штрафа имелись.

Поэтому мы решили действовать дальше.

По окончании дознания защита ходатайствовала о проведении предварительного слушания по делу и изложила все перечисленные юридические и фактические основания в ходатайстве о прекращении уголовного дела и назначении обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В рамках процедуры предварительного слушания данное ходатайство защиты, несмотря на возражения прокурора, было удовлетворено судом.

Таким образом, на радость доверителю, уголовное дело по ч. 1 ст. 228 УК РФ было прекращено судом с применением судебного штрафа как меры уголовно-правового характера¹.

В нашем случае суд, а именно Лефортовский суд г. Москвы, при применении права пошел по пути справедливости и гуманизма.

Это позволило впервые оступившемуся человеку, полностью признавшему свою вину, искренне раскаявшемуся в содеянном и сделавшему все возможное для заглаживания вреда, избежать судимости со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Получается, что урок на всю жизнь им был получен, а стигматизации судимостью за преступление небольшой тяжести не произошло.

Такой результат, по всей видимости, и должен являться конечной целью имплементации института судебного штрафа в уголовное и уголовно-процессуаль-

ное законодательство, а также отвечать интересам как государства, так и общества в целом, которое в последнее время постоянно призывает к снижению репрессий в уголовно-правовой области.

Однако проблема состоит в том, что далеко не все суды трактуют право единым образом, и далеко не все из них в схожей ситуации принимают аналогичное решение.

Так, если в Басманном районном суде города Москвы, даже прокурор не возражал против прекращения подобного дела с применением судебного штрафа, а решение принимал лично председатель суда², то в Красногорском городском суде Московской области и прокурор, и судья были принципиально против такого прекращения, а дело в конечном итоге закончилось приговором с судебным штрафом как видом наказания³. Обжалование не помогло. Московский областной суд оставил решение в силе.

Эффект такого различного судебного правоприменения усиливало то, что оба этих дела по преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 228 УК РФ, были у меня в производстве одновременно, более того, предпринятые по ним усилия по заглаживанию вреда были одинаковы, вплоть до суммы благотворительного пожертвования. Тем не менее, в Басманном суде дело прекратили, а в Красногорском суде даже отказались рассматривать такую возможность и вынесли приговор.

Одним из последних дел такого характера у меня было дело в Бабушкинском районном суде г. Москвы, где сначала судья его прекратила, назначив судебный штраф, а потом Московский городской суд, по представлению прокурора, данное решение отменил, направив дело на новое рассмотрение. Как итог – обвинительный приговор и наказание в виде штрафа.

Понятно, что подобная судебная практика дезориентирует участников процесса. Нам, как адвокатам, конечно, хотелось бы большей правовой определенности в данном вопросе.

Исходя из того, что раз государство допустило возможность прекращения уголовного дела с судебным штрафом при выполнении всех указанных в законе условий, то это должно соблюдаться, а не зависеть от произвольного решения конкретного правоприменителя, в принципе отказывающегося рассматривать такую возможность.

В противном случае, как представляется, необходимы соответствующие разъяснения со стороны Верховного Суда РФ о невозможности прекращения уголовного дела с судебным штрафом по делам о наркотиках.

Пока же мы видим обратное, Верховный Суд РФ в своем, уже цитируемом выше, Обзоре судебной практи-

¹ Уникальный идентификатор дела 77RS0014-02-2020-003079-43.

² Уникальный идентификатор дела 77RS0002-02-2021-009570-40.

³ Уникальный идентификатор дела 50RS0021-01-2021-005058-05.

ки освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа указал на возможность такого прекращения, а некоторые суды на местах принципиально его не применяют.

Список источников

1. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения

от уголовной ответственности» // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. Review of judicial practice of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine (Art. 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 10, 2019) // RLS «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated June 27, 2013 «On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability» // RLS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Д. В. Шаров – адвокат Адвокатской палаты города Москвы, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D.V. Sharov – Lawyer of the Moscow Chamber of Lawyers, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Оперативно-розыскная деятельность. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-197-204>

НИОН: 2015-0066-1/23-625

MOSURED: 77/27-011-2023-01-824

Особенности оперативно-розыскной этики в правоохранительной деятельности

Александр Васильевич Щеглов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия,

av_shcheglov@mail.ru

Аннотация. В статье на практическом материале анализируется моральная специфика оперативной работы различных правоохранительных служб и подразделений, особенно содержательная сторона оперативно-розыскной этики. Обоснована нравственная престижность оперативно-розыскной работы, ее роль и место в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: оперативно-розыскная этика, правоохранительные органы, полиция, органы внутренних дел, нравственное содержание оперативно-розыскной деятельности

Для цитирования: Щеглов А. В. Особенности оперативно-розыскной этики в правоохранительной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 197–204. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-197-204>.

Original article

Features of operational and investigative ethics in law enforcement

Alexander V. Shcheglov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia,

av_shcheglov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the moral specifics of the operational work of various law enforcement services and departments, especially the substantive side of operational investigative ethics. The moral prestige of operational investigative work, its role and place in the fight against crime is substantiated.

Keywords: operational and investigative ethics, law enforcement agencies, police, internal affairs bodies, moral content of operational and investigative activities

For citation: Shcheglov A. V. Features of operational and investigative ethics in law enforcement. Bulletin of economic security. 2023;(1):197–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-197-204>.

С этической точки зрения, осуществление оперативно-розыскной деятельности зачастую следует рассматривать как моральный компромисс, на который общество вынуждено идти для достижения благородных целей борьбы с преступностью, но который, тем не менее, предполагает, что в любом случае средство (конкретно избранное средство в оперативной работе) должно быть адекватно поставленной цели.

В оперативно-розыскной деятельности компромисс практически всегда является следствием наиболее тонкого и сложного акта морального выбора, в ходе которого весьма велик риск уничтожения нравственного характера цели в процессе ее достижения. Особенно контрастно этот риск проявляется при анализе доминирующих мотивов, самой мотивационной сферы, руко-

водствуясь которыми, граждане конфиденциально действуют органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Не секрет, что большинство этих лиц социально неблагополучны, имеют определенные отклонения от общепринятых норм поведения, часто – преступное прошлое, и в любом случае тесно связаны (в различных формах) с преступниками, их окружением, их интересами и образом жизни и т. п. (в противном случае утрачивается фактор целесообразности использования конфиденциального содействия граждан, ибо каждый из них должен быть информативен и актуален). Исходя из этого, оперативным работникам нередко приходится находить компромисс между доминирующими в их сознании приоритетами нетерпимости к любым формам

© Щеглов А. В., 2023

криминального и антиобщественного поведения и использованием помощи лиц, входящих в состав криминальной среды.

В этом смысле особого внимания заслуживает вопрос об отношении профессионала как к самой идее использования конфиденциального содействия граждан в борьбе с преступностью, так и к конкретному confidentу, организация работы с которым входит в его служебные обязанности.

Опросы оперативных работников показывают, что значительное их количество (более тридцати процентов) сомневаются в моральной обоснованности использования конфиденциального содействия граждан и именно по этим мотивам предпочитают избегать использования данных сил оперативно-розыскной деятельности при решении задач противодействия и борьбы с преступностью.

Опыт оперативной работы свидетельствует, что в еще большей степени проблема нравственной допустимости обостряется в условиях организации работы с конкретным confidentом. В соответствующих ситуациях действие морально-оценочного фактора провоцирует существенное снижение эффективности оперативно-розыскной деятельности ввиду формальной несовместимости, с одной стороны, идеалов борьбы с преступностью, а с другой, – фактического сотрудничества с лицами. Являющимися носителями криминальной идеологии. Несмотря на то, что данная ситуация в значительной степени регламентирована нормативно-правовыми предписаниями, выход из нее в существенной степени зависит от того, насколько весомы в профессиональной деятельности оперативного работника соответствующие этико-мировоззренческие представления.

Эти представления не должны рассматриваться в качестве догмы и служить препятствием в реализации предусмотренных действующим законодательством функций. Напротив, их нужно признавать инструментом гибкого, компромиссного подхода к регулированию отношений с гражданами, попадающими в сферу оперативно-розыскной деятельности.

Заметим, что оперативно-розыскная деятельность является государственно-правовым видом деятельности, поэтому реализация ее внутреннего, этического содержания во внешних действиях сопряжена с рядом весьма существенных условий и ограничений. Одним из наиболее важных является преимущественно негласный характер этой работы. Поскольку розыскные действия часто связаны с вторжением как во внутренний мир человека, так и его охраняемые права, и свободы (мир внешний), они могут осуществляться только уполномоченными на их проведение должностными лицами, которые должны уметь скрыть не только характер своих действий как розыскных, но и их цели, а также свою принадлежность к органам внутренних дел (правоохранительной системе).

Не всегда это вторжение проходит гладко, возникают эксцессы, напряжение, конфликты, а иногда и прямое

физическое противоборство. Но нравственно-психологическое своеобразие оперативно-розыскной деятельности заключается не только в разнообразии жизненных ситуаций, но и в том, что работа оперативных сотрудников нередко носит характер острой борьбы, превращается в арену столкновения многочисленных правовых и нравственных представлений, чувств и даже идей. О чем идет речь? Почти все подобного рода коллизии возникают и развиваются вокруг центрального этического вопроса – проблемы добра и зла (другими словами, что такое хорошо и что такое плохо). Одна из таких коллизий – частые дискуссии, споры (например, на страницах печати) о необходимости применения конспирации в оперативной работе.

Конспиративность розыскных действий (говоря иным языком, сыска) – их важнейшая характеристика, без ее соблюдения достичь нужного результата часто бывает невозможно. Суть конспиративности состоит в преднамеренном сокрытии истинных целей, осуществляемых оперативным сотрудником действий или создании у других лиц иллюзорных представлений об этом, тем более об общей структуре деятельности, в которую они включены. Поэтому закон строго регламентирует использование специфических методов оперативно-розыскной работы исключительно в целях борьбы с преступностью.

Стремясь уйти от разоблачения и заслуженной ответственности, преступники не останавливаются ни перед чем, их действия носят особо изощренный, жестокий характер. Поэтому вполне оправданно, что законопослушное общество вынуждено само применять конспиративные методы для выявления тех, кто препятствует его развитию, нарушает установленные правила общения. Следовательно, нравственная значимость оперативно-розыскной деятельности не только чрезвычайно высока, но морально обоснована и юридически правомерна.

Потребность в проведении негласных мероприятий определяется также и тем, что большая часть информации, поступающая в оперативные подразделения, требует, как правило, проверки и чаще всего носит конфиденциальный характер. Поэтому ее проверка должна осуществляться только негласно, ибо если лица, подготавливающие (совершающие, совершившие) преступления, заподозрят, что ими интересуются «компетентные органы», то непременно предпримут соответствующие меры, вплоть до физического уничтожения источника информации («крота»).

Конспиративный характер сыскных действий требует от сотрудника высокоразвитых навыков постоянного контроля за всеми нюансами своего поведения при решении служебных задач, особенно в контактах с другими лицами, т.е. высокоразвитой рефлексии. При этом жесткий самоконтроль не должен оказывать влияния на естественность, спонтанность поведения оперативного сотрудника и вызывать какие-либо подозрения со стороны иных лиц о его истинных намерениях.

Известный голландский контрразведчик Орест Пинто в своих мемуарах делится важными советами оперативного искусства. Особо он отмечает, что настоящий оперативник «должен быть прирожденным актером. Он должен уметь скрывать гнев, нетерпение или сострадание, словом, обязан владеть собой... Нельзя говорить повышенным тоном, когда с лица еще не сошла улыбка, а в голосе проскальзывают сочувственные нотки... Он должен уметь скрывать свои истинные чувства... Он должен обладать большой проницательностью, интуицией и наблюдательностью...». Пинто также выделяет такие профессиональные качества, как внимание к деталям в сочетании с безграничным терпением, знание практической психологии, храбрость [1, с. 18–19].

Определенный этический интерес представляет нравственное содержание мотивации сыска. Мотив всей оперативной работы придает смысл осуществляемым действиям, тем самым определяя качество их проведения и возможность достижения поставленной цели. Являясь видом правоохранительной деятельности, сыск социально мотивирован насущными потребностями борьбы с преступностью, но его индивидуальная мотивация может быть различной. Наиболее существенным здесь выступает познавательно-деятельный мотив к обнаружению скрытых и намеренно скрываемых фактов и установлению истинных источников криминальных событий.

Существует множество ситуаций, для которых заранее предвидеть изменение условий невозможно. Поэтому как сами действия, так и их «инструментальный» состав нередко выбираются и изменяются «на ходу», оперативно – в буквальном смысле. Данное обстоятельство предъявляет особые профессионально-нравственные требования к лицам, выполняющим оперативную работу.

Заметим, что отношения между субъектами оперативно-розыскной деятельности и лицами, оказывающими содействие в ее проведении, строятся, как правило, на конфиденциальной основе. В данном случае отсутствует главный гарант соблюдения морали – общественное мнение. Поэтому на первое место выступают такие этические категории, как долг, честь, совесть, такие качества личности, как порядочность, справедливость, нравственная чистоплотность, неподкупность, разумное использование предоставленных полномочий и др., которые должны быть неотъемлемой частью профессионально-нравственных качеств оперативного сотрудника.

Иными словами, оперативно-розыскная работа (как и любая другая корпоративная деятельность) содержит свой «внутренний» кодекс чести. Такой кодекс в каждой стране, в каждой службе имеет, естественно, свои специфические особенности. Вместе с тем в нем можно без особого труда отыскать некоторые универсальные (всеобщие) положения, основу которых составляют профессиональная мораль и связанная с ней профессиональная этика.

В настоящее время сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе, сотрудники оперативных служб и подразделений, в своей работе должны руководствоваться рекомендациями Кодекса этики и служебного поведения¹.

Кодекс выполняет следующее функциональное предназначение: а) служит методологической основой формирования профессиональной морали в ОВД; б) ориентирует сотрудника в ситуациях конфликта, этической неопределенности и иных обстоятельствах, требующих нравственного выбора; в) способствует выработке у сотрудника потребности соблюдения профессионально-этических норм поведения; г) выступает средством общественного контроля за нравственным обликом и профессиональным поведением сотрудника.

В качестве примера из зарубежного опыта приведем профессионально-этические требования, предъявляемые к сотрудникам Центрального разведывательного управления (ЦРУ), как, впрочем, и ко всем государственным служащим в США. Документ, принятый в 1978 году, называется «Кодекс поведения сотрудника ЦРУ».

«1. Руководствоваться высокими моральными принципами и ставить интересы страны превыше интересов любого лица, партии или правительственного учреждения.

2. Соблюдать законы и постановления руководящих органов США и не принимать участия в нарушении конституционных основ государства.

3. Работать с полной отдачей в течение всего рабочего времени.

4. Вести поиск и добиваться использования эффективных и экономичных способов выполнения служебных обязанностей.

5. Не предоставлять каких-либо незаслуженных привилегий, не оказывать содействия любым лицам и не допускать их продвижения по службе, если это приведет к несправедливой дискредитации других сотрудников. Согласно кодексу, сотруднику и членам его семьи запрещается пользоваться благами и преимуществами, которые могут быть использованы для оказания влияния на принятие служебных решений.

6. Не давать обещаний частного характера, затрагивающих интересы учреждения, так как подобные обещания могут отразиться на работе учреждения.

7. Не иметь ни прямых, ни косвенных связей (коммерческих или иных, подразумевающих личную материальную заинтересованность) с другими учреждениями

¹ Указанный Кодекс введен в действие Приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

Сотрудникам органов внутренних дел, как и всем государственным служащим, следует знать и содержание «Типового Кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г., протокол № 21).

ми, если эти связи несовместимы со служебным положением.

8. Не использовать в личных целях имеющуюся в его распоряжении секретную информацию.

9. Борьба с любыми формами коррупции.

10. Соблюдать данный кодекс при любых обстоятельствах, исходя из убеждения, что должность государственного служащего облечена доверием народа» [1, с. 19–20].

Опыт изучения качеств людей, оказывающих содействие органам внутренних дел, показывает, что они обостренно чувствительны к несправедливости в свой адрес, невниманию со стороны оперативных сотрудников. К тому же им, как правило, присущи склонность завышать значимость своей деятельности, постоянные опасения за безопасность свою и своих близких. Зная это, оперативные сотрудники должны планомерно и целенаправленно оказывать морально-психологическую помощь, нравственную поддержку этим гражданам, искренне вселяя в них уверенность в своих силах, подчеркивая значимость выполняемой ими работы, отводя в этой работе больше времени и сил на развитие и укрепление нравственных позиций гражданина. Такое отношение продиктовано и элементарными соображениями гуманности, необходимостью регулярно «снимать» морально-психологическое напряжение.

В ходе оперативной работы сотрудники выполняют множество действий, вступают в контакты с различными людьми. Их главная (профессиональная) задача при этом – умение отбирать во всем потоке воспринимаемой информации непосредственно интересующие его сведения, а также любые сведения, которые он должен фиксировать как оперативный сотрудник. Не секрет, что оперативная работа требует определенных артистических склонностей или способностей от выполняющих ее людей. Поэтому методы подготовки актеров (например, в театральных вузах) могут быть эффективно применены и в практике профессиональной подготовки сотрудников оперативных служб. Использование элементов актерской психотехники, и, прежде всего, техники внешнего и внутреннего перевоплощения, а также анатомические основы грима и его технические приемы и, конечно, методы и способы визуальной психодиагностики, психоанализ и многое другое – все это изучается на специальных занятиях по психологии и оперативной работе и закрепляется (до высокого уровня умений, навыков) на соответствующих тренингах.

В своей книге «Аквариум» В. Суворов в увлекательной беллетристической форме рассказывает о специфике оперативной работы сотрудников Главного разведывательного управления (ГРУ), исследуя морально-психологическую подоплеку людских взаимоотношений внутри системы одной из самых тайных советских спецслужб.

В одном из фрагментов книги рассказывается об особенностях вербовочной операции. Итак, главный персонаж получает задачу от начальника...

«...Слушай учебно-боевую задачу. Объект: Мытищинский ракетный завод. Задача: найти подходящего человека и завербовать его. Цель первая: получить практику настоящей вербовки. Цель вторая: выявить возможные пути, которые вражеская разведка может использовать для вербовки наших людей на объектах особой важности...»

Далее – размышления главного персонажа о плане своих возможных действий по выполнению полученной задачи.

«Теория вербовки говорит, что вначале нужно найти заданный объект. Это нетрудно. Мытищи – городок небольшой, а в нем огромный завод. Проволока колючая на роликах. Ночью завод залит морем слепящего света. Псы караульные тявкают за забором. Тут сомнений быть не может. А еще у завода соответствующее имя должно быть. Если на воротах написано, что это завод тракторной электроаппаратуры, то это может означать, что, кроме военной продукции, завод выпускает что-то и для тракторов...»

Второе правило вербовки говорит, что через забор лезть не надо. Люди из завода сами выходят. Они идут в библиотеки, в спортзалы, в рестораны, в пивные. Вокруг крупного завода должен быть район, где живут многие рабочие, где есть школы для их детей и детские сады. Где-то есть поликлиника, туристическая база, зона отдыха и т.п. Все это надо найти.

Третий закон вербовки гласит, что не нужно вербовать директора или главного инженера – их секретариши вербуются легче, а знают совсем не меньше, чем их начальники... Можно найти чертежника, оператора электронной машины, хранителя секретных документов, копировальщика ...

...Четвертый закон вербовки говорит, что у каждого человека в голове есть блестящие идеи и каждый человек страдает в жизни больше всего от того, что его никто не слушает. Самая большая проблема в жизни для каждого человека – найти себе слушателя... Главное в искусстве вербовать – это умение внимательно слушать собеседника. Научиться слушать, не перебивая – это гарантия успеха. Это очень тяжелая наука. Но только тот становится нашим лучшим другом, кто слушает нас, не перебивая...

...Пятый закон вербовки – это закон клубники. Я люблю клубнику. Я люблю ловить рыбу. Но если рыбу я буду кормить клубникой, то не поймаю ни одной. Рыбу надо кормить тем, что она любит, – червяками. Если ты хочешь стать другом кому-то, не говори о клубнике, которую ты любишь. Говори о червяках, которых любит он...» [1, с. 20–21].

Не следует забывать, что общей предпосылкой успешной реализации многих сыскных действий является способность сотрудников к установлению доверительных отношений с различными людьми, и в первую очередь с преступниками и лицами из их окружения. Преступники, как правило, хорошо осознают противоправность своих действий, а потому особенно чувстви-

тельны ко всяким попыткам как-либо ее обнаружить. Оперативный сотрудник должен знать механизмы установления контактов и, что наиболее важно, доверительного отношения со стороны других лиц. Необходимо создать у другого человека уверенность, что сообщенные им сведения не будут использованы против него, более того, его собеседник сможет принять заинтересованное участие в реализации сообщенного или в решении иных проблем сообщившего их лица.

Мотивация доверительности основывается на ожидании поддержки, помощи или простого понимания. Иногда она содержит простой материальный интерес (это важный «человеческий» фактор) или носит характер сделки, при которой лицо получает какие-либо льготы в обмен на сообщенные сведения. Задача оперативного сотрудника – распознавание морально-психологической основы установления доверительных отношений и с учетом этого – построение необходимой тактики действий (общения и т. п.).

В любом случае оперативный сотрудник несет не только моральную ответственность за безопасность тех лиц, с которыми вступает в контакт. Планируя и реализуя определенные действия, в выполнение которых включаются другие люди, он должен предусмотреть меры к обеспечению их безопасности. Это предъявляет специфические требования к оперативным сотрудникам: умение работать в условиях экстремума, высоких нервно-психических нагрузок (прежде всего, высокая готовность к риску), сохраняя при этом способность быстро реагирования на изменения ситуации и принятия адекватных решений. Другими словами, всегда и везде – холодная голова.

Известный интерес представляют опыт и практика оперативно-розыскной работы в ряде зарубежных государств, например, в Германии.

В свое время в издательстве «Юридическая литература» вышла в свет ставшая к тому времени европейским бестселлером книга Г. Гесснера и У. Херцога «За фасадом права»: Методы новой тайной полиции». В ней довольно подробно на широком фактическом материале описывается оперативная деятельность полиции ФРГ, используемые приемы и средства. Авторы книги, в частности, рассказывают читателям о «секретных фигурах тайной полицейской сети, чем они отличаются друг от друга, как пополняются кадрами, как переплетаются друг с другом и с официальной полицией». Приведем некоторые фрагменты из параграфа под названием «Темные фигуры полицейской розыскной работы».

«1. Осведомители, доверенные лица, называемые также шпиками, сыщиками, соглядатаями или информаторами. Осведомители – соединительные звенья между уголовным элементом и полицией. Как правило, они сами – выходцы из преступного мира, в большинстве подлежащие уголовному наказанию, добровольно или под нажимом предложившие полиции свои услуги. Работают они как за вознаграждение (средства для

этого – деньги налогоплательщиков, которые в миллионных суммах поступают на специально учрежденные полицейские счета), так и за определенные поправки, скажем, при производстве расследования по их собственным уголовным делам (залог вместо заключения под стражу, прекращение дела и т. д.). Осведомители выдают полиции подозрительных лиц и поставляют информацию о криминальной среде, в которой продолжают действовать и дальше. К полицейским осведомителям предъявляют «высокие требования»: франкфуртский прокурор доктор Гаральд Ганс Кернер, знаток уголовного мира, пишет: «У законопослушного, любящего порядок, щепетильного, осторожного и прямодушного человека нет шансов стать осведомителем и быть принятым в целевую группу. Это означает, что обычно у осведомителя за спиной успешная уголовная карьера или изрядный опыт контактов с уголовниками».

Полиция систематически вербует осведомителей, нередко из числа родственников своих «объектов», а также среди несовершеннолетних и наркоманов. В разных сферах преступности уже в течение десятилетий существует широко разветвленная, становящаяся все гуще, осведомительская сеть...

2. Секретные агенты, называемые также секретными сотрудниками. Здесь в отличие от осведомителей речь идет о кадровых служащих полиции, которые тайно внедряются в уголовное подполье (с новой легендой, с фальшивыми документами, конспиративными квартирами и т. д.) и гибко приспосабливаются к окружающей среде, чтобы получить возможность целеустремленно выйти на желаемые «объекты» ... Граница между секретным агентом (как, впрочем, и осведомителем) и агентом-провокатором очень расплывчата.

3. Агент-провокатор, или шпик-подстрекатель. Здесь речь идет как о полицейских секретных агентах (агенты-провокаторы в подлинном смысле слова), так и об осведомителях (шпик-подстрекатель), которые, работая по заданию полиции, в интересах добывания информации втягивают других людей в уголовно наказуемые деяния, поощряя или подстрекая их различными методами к совершению преступлений. Главную ставку эти руководимые государством «подсадные утки» делают на психически неуравновешенных, обремененных долгами или по иным причинам «сошедших с кона» людей...» [1, с. 22–23].

Интересны размышления авторов названной выше книги, связанные с тем, что многие «добрпорядочные граждане» еще думают, что уж им-то полицейская слежка никак не угрожает. Они не совершили и никогда не совершат никаких противоправных действий, и, следовательно, никакие данные о них не могут быть использованы им во вред.

Авторы книги справедливо доказывают, что, первых, надзор, даже если он секретный, унизителен для каждого. Это вторжение в частную жизнь, нарушение

ние не только прав, но и достоинства. Но самое важное состоит в том, что попавший под подозрение человек во многих случаях даже не имеет возможности доказать, что он не совершал поступков, в которых его подозревают.

Проблема вмешательства государства в общественную и частную жизнь вызывает серьезную тревогу у населения и у отстаивающих принципы демократии общественных организаций. Масштабы движения за ограничение полномочий полиции и иных посягающих на свободу граждан государственных органов таковы, что правящие круги ФРГ оказались вынужденными заявить о создании определенного механизма контроля за деятельностью секретных и иных служб, ограничительно воздействующих на права и свободы.

Например, механизм контроля за деятельностью полицейских служб включает как внутриволиейский контроль, так и парламентский контроль, являющийся составной частью общего контроля над исполнительной властью. Наконец, как и во многих других государствах, в ФРГ возможен и судебный контроль за деятельностью полиции, осуществляемый, как правило, в процессе рассмотрения уголовных дел как в отношении граждан вообще, так и при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных служащими полиции. Правда, точное число таких дел неизвестно, поскольку отдельная статистика их государственными органами не ведется. Однако, во всяком случае, их немало. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в книге, а также материалы печати, воистину пестрящие сообщениями о преступлениях, совершенных полицейскими.

Р. Гесснер и У. Херцог открыто заявляют, что под девизом «современной борьбы с преступностью» в ФРГ форсируется развитие криминалистической доктрины и практики, которые по своей общей направленности обнаруживают противоречащие Конституции «элементы новой тайной полиции, полностью неподвластной общественному контролю». С помощью противоправных (тайных) средств и методов «систематически преступается определенная законом разграничительная линия между полицией и секретными службами, что ведет к чрезмерному возрастанию государственной власти и к ущемлению гарантий правового государства и гражданского свободоуправления». Опираясь на цифры и факты, авторы последовательно доказывают, что «в настоящее время на различных уровнях политического и полицейского руководства не только не делается никаких попыток пресечения этих уже практикуемых противоправных методов, но, напротив, заметна тенденция всяческой их легализации».

В итоге делается вывод о «губительных переменах в структуре полицейского аппарата и уголовно-полицейской розыскной службы, все более приспособляющихся к укладу уголовной среды и тайно сотрудничающих с той самой, до сего времени во всеуслышание поносимой организованной преступностью, вместо того, чтобы по-настоящему бороться с

нею». ОРД не только отвечает морально-этическим нормам, но и способствует их претворению в жизнь посредством борьбы с преступностью, поскольку именно преступность является наиболее яркой формой аморализма.

Рассматривая специфику оперативно-розыскной этики, необходимо обратиться к еще одной наиболее типичной черте оперативной работы – постоянному противоборству с противоправной (преступной) средой. Оно придает оперативно-розыскной деятельности определенные нравственно-психологические особенности, к которым, в первую очередь, относятся:

- негласный характер значительной части оперативных мероприятий, необходимость соблюдения привил конспирации и режима секретности при осуществлении определенных действий;
- зашифрованность многих видов общения в оперативно-розыскной работе;
- оперативно-розыскные мероприятия должны исключать элементы провокаций и фальсификаций материалов;
- оперативные мероприятия не должны нарушать законные права и интересы как граждан, так и лиц, в отношении которых они проводятся.

Особую значимость приобретает их соблюдение при проведении мероприятий, влекущих за собой вторжение в личную жизнь этих лиц, затрагивающих их конституционные права. Так, при общении с прессой и другими средствами массовой информации, следует воздерживаться называть по имени родственников или друзей тех людей, которые были обвинены или осуждены за совершенные ими преступления, за исключением тех случаев, когда это необходимо для объективного изложения преступных действий. Также нужно воздерживаться называть по имени жертву преступления или передавать представителям прессы для опубликования материалы, ведущие к установлению личности этой жертвы. С особой строгостью данные нормы исполняются, когда сообщение в прессе может затронуть интересы несовершеннолетних. Оперативный работник воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении национальности или расы, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека.

При этом сотрудник прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было не полностью, неточностью или же намеренным сокрытием оперативно значимой информации, а также распространением заведомо ложных сведений. Поэтому проверка достоверности, полученной в ходе оперативных мероприятий информации, поиск дополнительных источников, перепроверка подлинности материалов являются не только служебной, но и нравственной обязанностью сотрудника оперативного подразделения. Он просто не имеет права считать единственный источник информации абсолютно надежным.

Необходимо отметить, что противоборство в ходе проведения оперативной работы имеет свою специфику по сравнению с другими видами правоприменительной деятельности, например, с работой следователя, которая наиболее близка к оперативной по своим психологическим особенностям. Следователь в уголовном процессе всегда выступает как представитель правоохранительных и специальных органов, обладающий определенными процессуальными полномочиями. Но он непосредственно контактирует с субъектом преступления, как правило, уже после его задержания или ареста, причем в условиях, обеспечивающих относительную безопасность сотрудника. Но сотрудники оперативных подразделений нередко общаются с преступниками на свободе, в реальных жизненных ситуациях, полных постоянного риска, напряжения, опасности, несущих непосредственную угрозу для жизни и здоровья.

Специфичными для оперативно-розыскной деятельности являются особенности, связанные с негласностью, конспирацией и зашифровкой. При осуществлении ряда оперативно-розыскных мероприятий оперативные работники, используя негласные методы, обязаны скрывать не только свои цели, но и действительные социальные роли, жить «двойной жизнью».

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующие выводы. Своевременное и эффективное осуществление действий, обеспечивающих предупреждение и раскрытие преступлений, способствует торжеству нравственности. Почему так? Да потому, что специфические по содержанию и уникальные по характеру возможности, имеющиеся в арсенале средств оперативно-розыскной деятельности, позволяют решать задачи, связанные с профилактикой, предупреждением, раскрытием преступлений, розыском скрывающихся преступников и лиц, пропавших без вести, наиболее результативно и эффективно.

К тому же, проведение оперативно-розыскных мероприятий позволяет вмешиваться в криминальные процессы на самых ранних стадиях, втайне от проверяемых лиц контролировать их поведение, выявлять и фиксировать информацию, имеющую значение для предупреждения или раскрытия преступления. Поэтому никого не должно удивлять, что подавляющее большинство, прежде всего, тяжких и особо тяжких преступлений раскрывается в результате применения именно оперативно-розыскных мероприятий. Без преувеличения можно сказать, что нравственный характер оперативно-розыскной деятельности определяется в целом ее ярко выраженной гуманной направленностью, а сама она представляет собой весьма эффективное средство утверждения моральных норм и принципов в обществе.

Говоря об особенностях оперативно-розыскной этики в правоохранительной деятельности, следует подчеркнуть, что ее специфика накладывает особый нравственно-психологический отпечаток на характер обще-

ния сотрудников оперативных служб и подразделений между собой.

Сразу заметим, что в целом деловое общение сотрудников оперативных аппаратов между собой протекает по канонам, общепринятым в органах – субъектах оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем, имеется ряд особенностей, определяемых, прежде всего, необходимостью обеспечения высокого уровня конспирации в ходе подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Поэтому в процессе оперативной работы соблюдается ряд правил (традиций, обычаев), которые применительно к деятельности неоперативных служб смогут вызвать недоумение и даже конфликты.

Эти правила в самом обобщенном виде можно выразить следующим образом. Вообще, это – азбучные истины, но их несоблюдение может привести к срыву выполняемых служебных задач, и как следствие, к образованию нездоровой морально-психологической атмосферы в подразделении.

Во-первых. Не следует проявлять любой интерес к действиям своих коллег, составляемым ими документам, к фактам, ими исследуемым, а также к лицам, с которыми они контактируют. Это не отменяет служебного общения сотрудников между собой, но каждый должен знать то, что ему положено по содержанию его работы, и интересоваться тем, что входит в сферу его профессиональной компетенции. Расширить эту сферу, как и границы профессиональной компетенции (допуска) может только непосредственный начальник (руководитель).

Во-вторых. Без крайней служебной необходимости не стоит делиться с коллегами своими соображениями относительно места, времени, целей проведения оперативно-розыскного мероприятия, его исполнителей и т. п. Не следует интересоваться аналогичными действиями сослуживцев. Все эти сведения должны быть закрыты для коллег даже при условии самых добрых личных отношений с ними. Осведомленными могут (и должны быть) лишь те сотрудники (работники), которые задействованы в проведении мероприятия.

В-третьих. Каждый из сотрудников, привлекаемых к проведению оперативно-розыскных мероприятий, должен быть осведомлен о них только в той части, которая необходима и достаточна для его успешного выполнения своих функций (действий) в ходе проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия.

Приведенные правила (проверенные и выверенные поколениями оперативников) не являются выражением тотального недоверия оперативных работников друг к другу. Это всего лишь «правила игры», которые «разгружают» моральную напряженность в служебном коллективе, исключают возникновение обстановки подозрительности. Следование им, помимо всего прочего, позволяет еще и эффективно решать задачи борьбы с преступностью.

Список источников

1. Щеглов А. В. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел : курс лекций в 3-х ч. М. : ЮИ МВД России, 2001. Ч. 3.

References

1. Shcheglov A.V. Professional ethics of employees of internal affairs bodies : a course of lectures in 3 parts. M. : Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. Part 3.

Библиографический список

1. Щеглов А. В., Горохова В. В., Эриашвили Н. Д. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму : учебное пособие. М. : ЮНИТИ-Дана, 2019. 183 с.

2. Щеглов А. В. Истоки и содержание идеологии религиозного экстремизма // Право и образование. 2016. № 11.

3. Щеглов А. В. ФБР изнутри // Войсковой вестник : сборник учебно-методических материалов. 2001. № 3. С. 62–73.

4. Щеглов А. В. Противодействие методам вербовки в религиозные экстремистские организации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2.

5. Щеглов А. В. Профессионал в экстремальных условиях : психология выживания и тактика действий // Войсковой вестник : сборник учебно-методических материалов. 2002. № 1. С. 62–80.

6. Щеглов А. В. Ложь в законе // Социально-гуманитарное обозрение. Межд. журнал. 2022. № 1. С. 75–89.

7. Щеглов А. В. Кафедра идеологической работы : краткий очерк пятнадцати доблестных лет // Об-

разование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 236–243.

8. Щеглов А. В. Этюды в краповых тонах // Социально-гуманитарное обозрение. Межд. журнал. 2021. № 1. С. 58–70.

Bibliographic list

1. Shcheglov A. V., Gorokhova V. V., Eriashvili N. D. Religious studies and the basics of countering religious extremism : textbook. M. : UNITY-Dana, 2019. 183 p.

2. Shcheglov A. V. The origins and content of the ideology of religious extremism // Law and Education. 2016. № 11.

3. Shcheglov A. V. FBI from the inside // Military bulletin : collection of educational and methodological materials. 2001. № 3. P. 62–73.

4. Shcheglov A. V. Countering methods of recruitment to religious extremist organizations // Bulletin of Economic Security. 2016. № 2.

5. Shcheglov A. V. Professional in extreme conditions : psychology of survival and tactics of actions // Military bulletin : collection of educational and methodological materials. 2002. № 1. P. 62–80.

6. Shcheglov A. V. Lies in the law // Socio-humanitarian review. International Journal. 2022. № 1. P. 75–89.

7. Shcheglov A. V. Department of Ideological work : a brief sketch of fifteen valiant years // Education. Science. Scientific personnel. 2020. № 3. P. 236–243.

8. Shcheglov A. V. Etudes in mottled tones // Socio-humanitarian review. International Journal. 2021. № 1. P. 58–70.

Информация об авторе

А. В. Щеглов – кандидат педагогических наук, доцент, почетный сотрудник МВД.

Information about the author

A. V. Shcheglov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-205-211>

НИОН: 2015-0066-1/23-626

MOSURED: 77/27-011-2023-01-825

Основные отличия географического указания от наименования места происхождения товара

Любовь Владимировна Щербачева

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия,

sherbacheva@rambler.ru

Аннотация. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что новое средство индивидуализации – географическое указание – было продиктовано как внутренними экономическими причинами, а именно политикой импортозамещения, а следовательно, необходимостью оказания поддержки региональным производителям, так и обязательствами РФ на международной арене после подписания Минского соглашения в 1999 году.

Ключевые слова: географическое указание, наименования места происхождения товара, Роспатент, изображение, маркировка, заявки, государственная регистрация, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Щербачева Л. В. Основные отличия географического указания от наименования места происхождения товара // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 205–211. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-205-211>.

Original article

The main differences between the geographical indication and the appellation of origin of the goods

Lyubov V. Shcherbacheva

Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia,

sherbacheva@rambler.ru

Abstract. The study allows us to conclude that the new means of individualization – geographical indication – were dictated both by domestic economic reasons, namely the policy of import substitution, and consequently, by the need to support regional producers, and by the obligations of the Russian Federation in the international arena after the signing of the Minsk Agreement in 1999.

Keywords: geographic indication, appellation of origin of goods, Rospatent, image, marking, applications, state registration, intellectual property

For citation: Shcherbacheva L. V. The main differences between the geographical indication and the appellation of origin of the goods. Bulletin of economic security. 2023;(1):205–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-205-211>.

Как и для НМПТ (наименования места происхождения товара), так и для ГУ (географических указаний) товары, происходящие из географических объектов, являются уникальными, поскольку они обладают такими характеристиками и свойствами, которые невозможно воспроизвести в других местностях. В связи с этим требования для предоставления правовой охраны обозначениям завязаны на обязанности предпринимателя осуществлять производство на установленной территории.

27 июня 2020 года вступил в силу Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ, которым был закреплен новый для России институт в системе средств

индивидуализации – географическое указание. Как было отмечено сотрудниками Роспатента в ходе видеоконференции в августе 2020 года, принятие закона было связано с потребностью в охране большого количества локальных отечественных обозначений, которые хотя и обладают качеством и репутацией, связанной с определенной территорией, но не могут быть зарегистрированы в качестве НМПТ из-за жестких требований законодателя [14].

Также неоднократно подчеркивалась важность данного института для продвижения региональных брендов, повышения их конкурентоспособности и стимулирования экономики в регионах [13, с. 31]. Согласно

© Щербачева Л. В., 2023

п. 1 ст. 1516 ГК РФ географическое указание – обозначение, идентифицирующее происходящий с территории географического объекта товар, определенное качество, репутация или другие характеристики которого в значительной степени связаны с его географическим происхождением (характеристики товара).

Отличительной чертой ГУ является то, все стадии производства не обязаны осуществляться в границах определенной территории. Достаточно наличие хотя бы одной из стадий производства товара, оказывающей существенное влияние на формирование характеристик товара. Данное положение позитивно скажется на производителях, которые осуществляют добычу материала в одном регионе, а само производство осуществляют в другом. Например, если ремесленники, используя уникальную глину из определенного географического объекта, на ярмарке за его пределами произведут свою продукцию, они не смогут ее продавать, указывая зарегистрированное НМПТ, однако ГУ позволяет им это сделать [1, с. 41].

Результатом государственной регистрации является предоставление производителю исключительного права, однако оно может быть предоставлено и иным лицам, производящим аналогичный товар с указанными характеристиками в границах указанного объекта. Для регистрации в качестве ГУ товар не обязан обладать особыми свойствами, как в случае с НМПТ, достаточно лишь наличие у него качества и репутации, достаточных для того, чтобы у потребителей возникла ассоциация в отношении товара с определенной географической территорией.

Стоит отметить, что законодатель предоставил возможность подачи заявки на регистрацию НМПТ и ГУ от лица ассоциации. Данная норма позволяет уменьшить издержки, а также определить конкретные характеристики товара, чтобы учесть интересы производителей. На данный момент зарегистрировано ГУ «Кубань» в отношении винодельческой продукции, произведенной в Краснодарском крае. Заявителями выступили 3 ассоциации: «Саморегулируемая организация «Виноградари и виноделы», «Винодельческий союз», «Честно», в результате чего 36 производителей были включены в реестр.

Чтобы обеспечить более мягкое регулирование ГУ, полномочия по сбору документов и определению особых характеристик товара остается за заявителем, и заключения уполномоченного органа, как в случае с НМПТ, не требуется. Однако стоит учитывать, что стадии производства и особые свойства товара, как в случае с НМПТ, так и с ГУ, должны соответствовать требованиям, установленным федеральными законами или иными нормативно-правовыми актами в зависимости от сферы производства товара, в том числе ГОСТами. Так, например, для винодельческой продукции в заявке на регистрацию ГУ в качестве места происхождения товара необходимо указывать место, где осуществляется выращивание винограда и производство из него спиртных

напитков. Обе данные стадии оказывают существенное влияние на формирование характеристик товара и поэтому должны осуществляться в границах одного географического объекта. Для минеральных вод обязательны к указанию определенные компоненты состава, а также сведения о показаниях к применению и сведения о воздействии на организм человека [6].

Однако на данный момент уже существует проблема соотношения НМПТ и ГОСТов, что в дальнейшем может произвести сложности и в отношении ГУ. Существует множество ГОСТов, которые включают в себя НМПТ. Поскольку производители выпускают свою продукцию в соответствии с ГОСТом, это формально позволяет им использовать соответствующее слово при продаже товара, если оно упоминается в ГОСТе. В данном случае следует привести позицию Президиума Суда по интеллектуальным правам, изложенную в Постановлении от 18 сентября 2017 г. [5]. Суд указал, что техническое регулирование процесса изготовления и контроля качества товара не является препятствием для регистрации товара с аналогичным названием в качестве НМПТ и «не может исключать само существование наименования». Таким образом, суд подчеркнул, что ГОСТы и НМПТ имеют разное правовое регулирование, поэтому включение обозначения в ГОСТ не означает право аннулировать НМПТ. Это порождает проблемы, поскольку, например, производитель, не обладающий правом на НМПТ «Адыгейский сыр», продолжает на упаковке продукта использовать слово «Адыгейский» в отношении ГОСТа. Это способно ввести потребителей в заблуждение относительно свойств и характеристик товара. Необходимо наладить работу по исключению из ГОСТов охраняемых НМПТ и ГУ. Проведение данной работы возможно в рамках межведомственного Соглашения о взаимодействии Федеральной службы по интеллектуальной собственности и Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 февраля 2018 г. [14].

Итак, какие же отличия географического указания, нового института, от наименования места происхождения товара? ГУ близко к НМПТ и отличается от него требованиями к товару и его производству. Как уже было отмечено выше, основное отличие состоит в том, что для получения правовой охраны ГУ достаточно, чтобы хотя бы одна из стадий производства, влияющая на формирование репутации и иных характеристик товара, находилась на территории обозначенного географического объекта. Для НМПТ же законодателем закреплено более жесткое требование – в границах заявленного географического объекта должны находиться все стадии производства, влияющие на формирование особых свойств товара. Для товаров, охраняемых ГУ, отсутствует необходимость в обладании особыми свойствами, достаточно наличие у товара определенного качества, репутации и иных характеристик товара, которые в значительной степени определяются его географическим происхождением.

В зарубежной доктрине качеству товара также уделяется значительное внимание. Качество товара означает, что физические характеристики товара должны быть обусловлены его географическим происхождением. В связи с тем, что для регистрации в качестве ГУ товару не надо обладать особыми свойствами, отсутствует необходимость в получении заключения компетентного органа. Это облегчает и ускоряет процедуру регистрации по сравнению с регистрацией НМПТ. На данный момент существуют отличия в возложении ответственности за незаконное использование ГУ и НМПТ. Для НМПТ предусмотрена как гражданская, так и административная, и уголовная ответственность, а для ГУ пока что лишь гражданская. Согласно ст. 1537 ГК РФ правообладатель вправе требовать от нарушителя уничтожения товаров, этикеток и упаковок товаров с изображением незаконно использованного ГУ, а также возмещение убытков или выплату компенсации. Незаконное использование НМПТ, производство в целях сбыта либо реализация товара, содержащего незаконное воспроизведение НМПТ, в рамках административной ответственности влечет наложение административного штрафа с конфискацией предметов, содержащих воспроизведение данного НМПТ. Уголовная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации и предупредительной маркировки устанавливается статьей 180 УК РФ. В новый проект КоАП и УК РФ уже включены соответствующие изменения, распространяющие ответственность и на незаконное использование ГУ.

Как видно и из международной практики, из российского законодательства институты ГУ и НМПТ во многом сходны. Недаром законодатель предусмотрел возможность преобразования НМПТ или заявки на НМПТ в ГУ или заявку на ГУ и наоборот. Приказом Министерства экономического развития от 03 июля 2017 года был установлен порядок преобразования, в котором сформулированы правила и условия, при соблюдении которых возможно преобразование как на стадии рассмотрения заявки, так и после регистрации. Так, 24 марта 2020 года было подано заявление на регистрацию НМПТ «Тарусская вышивка». 10 сентября уполномоченный орган, Министерство промышленности и торговли России, отказал в выдаче заключения, без чего регистрация НМПТ невозможна. 30 ноября заявителем было подано ходатайство о преобразовании заявки на НМПТ в заявку на ГУ. Режим правовой охраны ГУ и НМПТ во многом схож. Срок действия исключительного права для обоих объектов составляет 10 лет с возможностью продления. Исключительное право на уже зарегистрированное обозначение может быть предоставлено иным лицам при соблюдении указанных требований. Важным новшеством стало изменение процедуры экспертизы.

Со вступлением в силу ФЗ-230 изменился подход для публикации сведений, содержащихся в заявке. При регистрации и ГУ, и НМПТ была установлена возможность подачи возражений на стадии экспертизы. После

принятия заявки на рассмотрение, т. е. после завершения формальной экспертизы, Роспатент публикует сведения, содержащиеся в данной заявке в целях возможности ознакомления с ними любым лицом, ранее же о результатах формальной экспертизы уведомлялся только заявитель. Одновременно с этим Роспатент направляет информационные письма в адрес администрации региона, чье наименование заявляется в качестве НМПТ или ГУ, и в адрес ассоциации производителей.

Вводится процедура так называемой оппозиции – любое заинтересованное лицо в течение 3 месяцев со дня опубликования имеет право представить возражение против предоставления охраны НМПТ или ГУ или против предоставления исключительного права на данные объекты. Процедура оппозиции происходит параллельно с экспертизой заявленного обозначения. В итоге Роспатент принимает решение по заявке по результатам возражения с учетом результата экспертизы. Стоит отметить, что необходимость публикации сведений, содержащихся в заявке, отмечалась многими авторами. Поскольку сведения не публиковались, третьи лица были лишены возможности узнать, в чем же состоят особые свойства товара, которые делают возможной охрану обозначения этого товара в качестве НМПТ. Кроме того, и в соответствии с прежним законодательством любое лицо имеет право подать заявление о прекращении охраны НМПТ, если была выявлена невозможность производства товара, или есть товар перестал иметь особые свойства, указанные в Реестре. Однако свойства товара не были известны, что препятствовало как осуществлению права на оспаривание регистрации или свидетельства, так и создавало трудности для лиц, которые изъявляли желание получить свидетельство на право использования НМПТ.

Итак, введение ГУ как нового средства индивидуализации в российском правовом порядке связано с осуществлением поддержки региональных производителей и охраны их товаров, что особенно важно на данном этапе развития экономики РФ, нацеленной на импортозамещение. Главным отличием ГУ от НМПТ является обязательное осуществление только одной стадии производства в рамках географического объекта, кроме того, товары, охраняемые ГУ, не обязаны иметь особые свойства, связанные с местом производства, следовательно отсутствует необходимость в заключении уполномоченного органа, что порождает ряд проблем при регистрации НМПТ. Данные положения смягчают требования к производителям, позволяя последним в более простом порядке зарегистрировать ГУ и обеспечить охрану производимым товарам. Важно иметь в виду, что, хотя производитель при регистрации ГУ обладает возможностью самому указать характеристики товара, он ограничен требованиями, установленными ГОСТами [например, 8; 9; 10]. На данный момент есть риск распространения практики нанесения на упаковку товара наименования по ГОСТу, аналогичного ГУ и НМПТ, что способно ввести потребителя в заблуждение. Важным новшеством,

стала обязанность публикации сведений о регистрации ГУ и НМПТ, необходимость которой не раз высказывалась в научных кругах. Публикация для свободного доступа позволит потребителям ориентироваться на рынке, а производители получили возможность оценить свои шансы на регистрацию географического обозначения или получения свидетельства на использование уже зарегистрированного обозначения.

Основным актом, положившим начало законодательному регулированию НМПТ и ГУ, является Парижская конвенция по охране промышленной собственности. При этом в литературе главенствует подход, согласно которому Конвенция не предоставляет международную охрану именно ГУ, поскольку в тексте не закрепляется определение данного понятия, а содержится указание на правовой режим указаний происхождения и наименований мест происхождения. Важным этапом в развитии института ГУ на международном уровне стало подписание Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) в г. Марракеше 15 апреля 1994 года. В Соглашении под географическими указаниями понимаются обозначения, которые идентифицируют товар как происходящий с территории члена или региона или местности на этой территории, где определенное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением. Нормы, регулирующие данный институт, в первую очередь, направлены на охрану вин и крепких спиртных напитков. При этом ГУ не обязательно должно носить название географического места, т. е. это может быть указание, которое не является географическим названием, если оно вызывает ассоциацию с местом происхождения. Поэтому понятие ГУ является более широким чем понятие НМПТ, которое должно соответствовать географическому названию страны, региона или местности. В 2015 году был принят Женевский акт Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958, который позволил осуществлять международную регистрацию не только НМПТ, но и географических указаний. Определение, данное в акте аналогично закрепленному в ТРИПС.

Для Российской Федерации важным этапом стало подписание Минского соглашения от 4 июня 1999 года «О мерах по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний». Данный акт принят в рамках СНГ и обязывает его участников, в том числе Россию, обеспечить правовую охрану ГУ и имплементировать соответствующие положения. Согласно ст. 1 Минского соглашения ГУ это обозначения, идентифицирующие происхождение товара из территорий сторон, или их регионов, или местностей, где качество, репутация либо другие характеристики товара в значительной степени соотносятся с его географическим происхождением. Данное определение воспроизводит ст. 22 Соглашения ТРИПС.

Рассмотрим правовую охрану ГУ в рамках национальных законодательств. Географические указания в Германии регулируются Законом Германии «О товарных знаках и иных обозначениях» от 25 октября 1994 года. Понятие ГУ является аналогичным понятию, закрепленному в Регламенте ЕС 2012 года, однако распространяется еще и на промышленные изделия. В соответствии с § 1 Закона наравне с товарными знаками и деловыми обозначениями регулируется охрана географических указаний происхождения (*geographische Herkunftsangaben*). Согласно § 126 Закона указаниями географического происхождения считаются наименования населенных пунктов, местностей, территорий или стран, а также иные указания или знаки, которые в деловом обороте используются для обозначения географического происхождения товаров или услуг [3, с. 20]. Как отмечает А. Э. Шахназарова, формулировка «указания географического происхождения» является не совсем классической, поскольку включает в себя и указания происхождения, и географические указания, кроме того, законодатель распространяет сферу действия данного объекта не только на товары, но и на услуги [11, с. 127]. Товары и услуги, охраняемые географическими указаниями происхождения, должны иметь особые свойства и особые качества. Недопустима охрана родовых понятий в качестве географического указания происхождения, что соответствует соглашению ТРИПС.

Во Франции ГУ (*Indications géographiques*), как и НМПТ, регулируется положениями раздела II книги VII Кодекса интеллектуальной собственности. Аналогично, товар должен обладать качеством, репутацией и характеристиками, связанными с его географическим происхождением. Статьей L 721-2 для ГУ обозначен ряд ограничений по кругу товаров: не могут быть зарегистрированы в качестве ГУ продукты сельского и лесного хозяйства, продукции питания и морепродукты. Само название раздела II книги VII звучит как «ГУ, охраняющие промышленные и ремесленные товары».

В Итальянском законодательстве, а именно в Кодексе промышленной собственности Италии от 10 февраля 2005 г. (*Codice della Proprietà Industriale*), охране ГУ (*Indicazioni geografiche*) посвящен отдельный раздел, состоящий из двух статей. Однако в статье 29 дается одно определение одновременно и ГУ, и для НМПТ, и, по сути, воспроизводит только характерные для НМПТ черты [4, с. 69]. Охрана также состоит в предотвращении введения в заблуждение третьих лиц.

Важное значение имеет правовая охрана географических обозначений в Швейцарии. 28 августа 1992 года был принят Федеральный закон Швейцарии по охране товарных знаков и указаний мест происхождения товаров. Однако именно этот закон приводят в пример, когда терминологическая путаница приводит к отсутствию четкого разграничения ГУ и НМПТ [11, с. 27]. Согласно Закону Швейцарии под наименованиями мест происхождения понимаются прямые или косвенные указания на географическое место происхождения товаров

и услуг, а также на свойства, имеющие связь с местом их происхождения. При этом наименования и знаки в общественном сознании должны вызывать ассоциации с местом происхождения. Отмечается, что путаница в терминах привела к тому, что в Швейцарское законодательство был имплементирован термин «указание происхождения» из Парижской конвенции, но содержание термина соответствует ГУ. При этом в стране охраняются ГУ, однако отсутствует охрана НМПТ [7]. Для ГУ «Swiss Made» был принят специальный Ордонанс Федерального Совета от 23 декабря 1971 г. с целью установить стандарты, ассоциирующиеся у потребителей с данным ГУ.

Как отмечает В. И. Еременко, увеличивается количество государств, которые предоставляют правовую охрану только ГУ, что особенно заметно в Азиатском регионе [4, с. 65]. В целях выполнения обязательств по соглашению ТРИПС в Индии был принят Закон о Законе от 30 декабря 1999 г. № 48 о географических указаниях товаров. Однако ГУ в рамках Закона относится только к определенным видам товара: сельскохозяйственным, природным и промышленным. Кроме того, для ГУ необходимо, чтобы деятельность по производству товара осуществлялась на территории страны, региона или местности, что сужает сферу регулирования, относительно ТРИПС.

В США также предусмотрена охрана географических указаний, но обеспечивается она в рамках законодательства о товарных знаках, а именно законом «О товарных знаках» (Lanham Act). Данным законом обеспечивается уровень охраны ГУ, обозначенный в соглашении ТРИПС, в том числе обеспечиваются нормы о противодействии введению потребителей в заблуждение. ГУ могут быть зарегистрированы в качестве сертификационных знаков (certification marks). Сертификационные знаки подтверждают стандарты изготовления, качества материалов и иные характеристики товара. В рамках сертификационных знаков могут охраняться и услуги. Лица, производящие аналогичный товар, соответствующий установленным требованиям, могут присоединиться к использованию знака. В литературе нет однозначной позиции относительно регистрации географических указаний в качестве товарных знаков. Так, А. Э. Шахнозарова [11, с. 151] считает, что ГУ не выделяются, как отдельный объект охраны, и могут быть зарегистрированы как товарные знаки. Данную позицию не разделяют В. С. Знаменская [2, с. 185] и О. Ю. Широкова [12, с. 19], отмечая, что ГУ могут быть зарегистрированы только в качестве сертификационных знаков.

Особо следует отметить Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-3 «О географических указаниях», который закрепляет правовую охрану географическим указаниям, наименованиям мест происхождения товаров и указаниям происхождения товаров. При этом понятие ГУ является более широким и включает в себя два других понятия, что противоречит толкованию Парижской Конвенции.

В Азербайджанской республике предусмотрена правовая охрана только ГУ, при этом в качестве ГУ могут быть зарегистрированы и для обозначения услуг. ГУ представляет собой обозначение, которое имеет связь с определенной территорией и при этом обладает качеством и известностью, связанными с местом происхождения. Таким образом, в стране отражен общий подход к ГУ.

В Кыргызской Республике и Республике Казахстан отсутствует правовое регулирование ГУ и предусматривается охрана только НМПТ, которая хотя и схожа с установленной в ГК РФ. Товар должен обладать особыми свойствами и производиться на определенной территории, что должно быть подтверждено заключением местного исполнительного органа. Исключительное право не является абсолютным и предоставляется на 10 лет с возможностью продления.

Итак, можно сделать вывод, что в странах ЕС действует подход, обозначенный в Регламенте 2012, который отражает понятие ГУ, закрепленное в Соглашении ТРИПС. К ГУ, аналогично российскому подходу, применяются более мягкие требования при регистрации, и охраняется оно в связи с наличием репутации товара, связанной с территорией его происхождения. Главным отличием от НМПТ является осуществление стадий производства на территории одного географического объекта. Для ГУ законодатели очерчивают сферу регулирования, чаще всего относя к ней промышленные товары. В США при отсутствии правового регулирования НМПТ предусмотрен иной подход к ГУ, которые защищаются законодательством о товарных знаках. На территории постсоветского пространства отсутствует однородное регулирование географических обозначений. При этом в рамках Минского соглашения страны СНГ, должны пресекать использование ложных ГУ.

В целом, можно отметить, что главным критерием для противоправного применения как ГУ, так и НМПТ, является способность ввести потребителя в заблуждение. Терминологическая неточность в переводе и имплементации Парижской конвенции приводит к неоднородному наполнению географических обозначений и их различному соотношению в национальных правовых порядках.

Введение в российский правовой порядок нового средства индивидуализации – географического указания – было продиктовано как внутренними экономическими причинами, а именно политикой импортозамещения, а, следовательно, необходимостью оказания поддержки региональным производителям, так и обязательствами РФ на международной арене после подписания Минского соглашения в 1999 году. В зарубежных правовых порядках не наблюдается однородного подхода к предоставлению правовой охраны средствам индивидуализации, подчеркивающих связь товара с территорией происхождения. В ряде стран, в большинстве случаев европейских, предусмотрено сосуществование НМПТ и ГУ, однако категории товаров, для которых доступна регистрация

в качестве ГУ, законодательно ограничена. В странах СНГ наблюдается разрозненный подход – в Киргизии и Казахстане охрана ГУ не предусмотрена вовсе. Законодательства Беларуси и Украины помимо НМПТ и ГУ предусматривает иное средство индивидуализации – указание происхождения товаров. В странах Азиатского региона и Азербайджане, напротив, предоставляется правовая охрана только ГУ. Различается также правовое наполнение указанных терминов и их соотношение друг с другом. Например, законодатель Украины в качестве обобщающего термина выделяет указание происхождения товара, а в Беларуси таким понятием является ГУ. Говоря о Российской Федерации, нельзя не отметить интерес производителей к регистрации ГУ, что отражает количество поданных заявок и уже зарегистрированных ГУ. Что касается НМПТ, то из-за достаточно жестких требований к их регистрации производители склонны к регистрации только товарного знака в отношении своих товаров. На сегодняшний день судебной практикой отмечается коллизия товарного знака и НМПТ, что может в будущем перейти и на ГУ, а также проблема соотношений указанных географических обозначений с ГОСТАми. Выделяется проблема излишне широкой правовой охраны НМПТ и ГУ, и предлагается ограничить ее только теми товарами, в отношении которых они приобрели известность. В целом, правовое закрепление географического указания стоит оценивать положительно, поскольку данный институт предоставляет правовую охрану товарам региональных брендов в отсутствие жестких требований. При этом производитель вправе преобразовать как заявку, так и уже зарегистрированное ГУ в НМПТ и наоборот, что обеспечивает мобильность данных институтов и позволяет предпринимателю, утратившему исключительное право на НМПТ, в случае утраты товаром особых свойств, не остаться без правовой охраны своего продукта.

Список источников

1. Афанасьева Е. Г., Долгих М. Г. «Откуда дровишки?», или Риски монополизации топонимов // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 37–41.
2. Знаменская В. С. Правовая охрана наименований мест происхождения товаров в России и за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 259 с.
3. Еременко В. И. О правовой охране промышленной собственности в Федеративной Республике Германия // ИС. Промышленная собственность. 2020. № 7. С. 17–31.
4. Еременко В. И. Наименования мест происхождения и географические указания : международно-правовой аспект // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 58–70.
5. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 сентября 2017 г. № С01-543/2017 по делу № СИП-48/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минэкономразвития России от 03.07.2020 № 398 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 24 ноября 2017 г. № 18 «О вопросах, связанных с использованием географических названий при регистрации товарных знаков» // URL: <https://ipc.arbitr.ru/node/14114>.

8. Гаврилов Э. П., Данилина Е. А. Некоторые вопросы правовой охраны наименований мест происхождения товаров // СПС «КонсультантПлюс».

9. Шишкин Д. А. Совершенствование законодательства о наименованиях мест происхождения товаров и географических указаниях // ИС. Промышленная собственность. 2017. № 2. С. 32–38.

10. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 685–699.

11. Шахназарова Э. А. Охрана средств индивидуализации, содержащих указание на географическое происхождение товаров, в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 33 с.

12. Широкова О. Ю. Виды средств индивидуализации товара, происходящего с определенной территории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

13. Широкова О. Ю. Появление нового объекта в праве интеллектуальной собственности Российской Федерации – географического указания : своевременно или нет? // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 23, март 2019 г. С. 31–35.

14. Материалы XXIV Международной конференции Роспатента «Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях». Секция «Географическое указание как новый объект Гражданского кодекса Российской Федерации. Последние изменения законодательства в части НМПТ» // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/24-international-conference-15-20102020>.

References

1. Afanasyeva E. G., Dolgikh M. G. «Where are the woodshes?», or Risks of monopolization of toponyms // Entrepreneurial law. 2019. № 2. P. 37–41.
2. Znamenskaya V. S. Legal protection of appellations of origin of goods in Russia and abroad : author's abstract dis. ... cand. of legal sciences. M., 2016. 259 p.
3. Eremenko V. I. On the legal protection of industrial property in the Federal Republic of Germany // IS. Industrial property. 2020. № 7. P. 17–31.
4. Eremenko V. I. Appellations of places of origin and geographical indications : international legal aspect // Legislation and Economics. 2016. № 7. P. 58–70.
5. Decision of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated 18.09.2017 № С01-543 /2017 in case № SIP-48/2017 // RLS «ConsultantPlus».
6. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 03.07.2020 N 398 // RLS «ConsultantPlus».

7. Minutes of the meeting of the Scientific Advisory Board at the Intellectual Property Court dated November 24, 2017 № 18 On issues related to the use of geographical names in the registration of trademarks // URL: <https://ipc.arbitr.ru/node/14114>.

8. Gavrilov E. P., Danilina E. A. Some issues of legal protection of appellations of origin of goods // ATP «ConsultantPlus».

9. Shishkin D. A. Improvement of legislation on appellations of origin of goods and geographical indications // IS. Industrial property. 2017. № 2. P. 32–38.

10. Ruzakova O. A., Grin' E. S. Questions of development of legal regulation of relations, the object of which are geographical indications // Vestnik Permskogo universiteta. Juridical Sciences. 2018. № 4. P. 685–699.

11. Shakhnazarova E. A. Protection of means of individualization containing an indication of the geographical

origin of goods in private international law : abstract dis. ... candidate of legal sciences. M., 2019. 33 p.

12. Shirokova O. Yu. Types of means of individualization of goods originating from a certain territory : abstract dis. ... candidate of legal sciences. M., 2016.

13. Shirokova O. Yu. The emergence of a new object in the intellectual property law of the Russian Federation – a geographical indication: timely or not? // Journal of the Intellectual Property Rights Court. № 23, March 2019. P. 31–35.

14. Materials of the XXIV International Conference of Rospatent «Transformation of the sphere of intellectual property in modern conditions». Section «Geographical indication as a new object of the Civil Code of the Russian Federation. Recent changes in legislation regarding NMPT» // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/24-international-conference-15-20102020>.

Информация об авторе

Л. В. Щербачева – доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент, член Международной Объединенной Академии Наук.

Information about the author

L. V. Shcherbacheva – Associate Professor of the Department of Civil law and Public Law Disciplines of the Russian State University named after A.N. Kosygin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Member of the International United Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

УДК 338.24:004

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-212-213>

ИПОН: 2015-0066-1/23-627

MOSURED: 77/27-011-2023-01-826

Повышение прозрачности закупочной деятельности для снижения теневого сегмента в экономике России

Владимир Иванович Абрамов

Институт управления образованием Российской академии образования, Москва, Россия,

wladimir.abramow@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы мониторинга закупочных операций для обеспечения экономической безопасности путем сокращения операций по отмыванию денег и уклонению от уплаты налогов.

Ключевые слова: экономика, закупочные операции, управление, экономическая безопасность, информационная система

Благодарности: статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00351 А.

Для цитирования: Абрамов В. И. Повышение прозрачности закупочной деятельности для снижения теневого сегмента в экономике России // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 212–213. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-212-213>.

Original article

Increasing the transparency of procurement activities to reduce the shadow segment in the Russian economy

Vladimir I. Abramov

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, wladimir.abramow@gmail.com

Abstract. The problems of monitoring procurement operations to ensure economic security by reducing money laundering and tax evasion are considered.

Keywords: economics, procurement operations, management, economic security, information system

Acknowledgements: the article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-010-00351 A.

For citation: Abramov V. I. Increasing the transparency of procurement activities to reduce the shadow segment in the Russian economy. Bulletin of economic security. 2023;(1):212–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-212-213>.

В настоящий период для совершенствования механизмов осуществления антикриминальных преобразований в России возникли новые возможности вследствие цифровизации правоохранительно-контрольных механизмов, ориентированных на противодействие теневым процессам в экономике [1; 2; 3].

Стало реальным на их основе начать формирование правоохранительно-контрольного механизма мониторинга закупочных операций как основы универсального механизма антикриминального оздоровления экономики России. Методологические подходы по формированию интегрированного закупочного пространства, сегментированного по критериям законопослушности (легитимности) компаний при реализации закупочной деятельности могут быть реализованы путем интеграции и координации мониторинга и контроля закупочной деятельности.

В дальнейшем может быть использована формирующаяся в стране цифровая инфраструктура для созда-

ния подобных цифровых мониторинговых систем в разных отраслях [4]. Формирование подобных цифровых мониторинговых систем для обеспечения необходимой информацией мониторинговых структур в дальнейшем приведет к созданию прозрачной для правоохранительного и фискального контроля закупочно-логистической базы в экономике России [5; 6; 7].

Увеличение количества российских закупочно-логистических цифровых мониторинговых систем, особенно крупных российских структур, расширение спектра инструментов и сервисов, рост объемов ресурсов, проходящих через торги и повышение прозрачности эмитентов, все это поможет снизить угрозы атак и иных внешних негативных воздействий на российские рынки, сократить количество сомнительных операций и увеличить стабильность российского закупочного пространства.

В условиях современной российской экономики электронные закупочные системы становятся эффектив-

© Абрамов В. И., 2023

ным инструментом для эффективного использования закупочных институтов для обеспечения экономической безопасности в отношении сокращения операций по отмыванию денег и уклонению от уплаты налогов.

Дальнейшее реформирование закупочно-сервисной инфраструктуры для повышения прозрачности закупочно-логистического бизнеса направлено на укрепление роли закупочной деятельности как механизма обслуживания интересов государственных структур и хозяйствующих субъектов, повышение потенциала правоохранительных и контролирующих органов и интересов бюджетов всех уровней.

Приоритеты, которые необходимо реализовать при обеспечении экономической безопасности и легитимного развития закупочной деятельности в России, прежде всего, касаются расширения информации доступной для мониторинга в отношении закупочных операций.

Необходимо дальнейшее развитие электронной инфраструктуры, законности и повышения прозрачности закупочной деятельности в экономике России.

Совершенствование законодательной и технической базы закупочно-логистического обеспечения бизнеса необходимо с целью обеспечения более комфортных условий для развития закупочной деятельности с внедрением межкорпоративных цифровых мониторинговых систем. Совершенствование нормативной базы осуществления закупочных услуг на уровне мировых стандартов предполагает повышение прозрачности и безопасности закупочной деятельности в экономике России, в первую очередь, с точки зрения снижения теневого сегмента в экономике.

Список источников

1. Абрамов В. И., Григорьев В. В., Логинов Е. Л. Цифровые технологии обеспечения экономической безопасности в бюджетной сфере в условиях системных криминально-коррупционных проявлений. М. : МГИМО (У) МИД России, 2021. 220 с.
2. Агеев А. И. Криптовалюты, рынки и институты // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 1 (151). С. 94–107.
3. Дубровин С. В., Глушков А. И., Казанцев С. Я., Дубровин И. С., Розина В. С., Эриашвили Н. Д. Основы теории криминалистической верификации // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 150–157.

Информация об авторе

В. И. Абрамов – исполняющий обязанности директора ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат экономических наук.

Information about the author

V. I. Abramov – Acting Director of the Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 20.01.2023.

4. Логинов Е. Л. Атомный энергопромышленный комплекс в мировой энергетике: стратегические тренды в посткризисный период // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 28 (169). С. 2–10.

5. Маилян С. С., Эриашвили Н. Д. О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 399–402.

6. Райков А. Н. Цифровая экономика: уязвимость к сетевым атакам и возможности обеспечения устойчивости управления // Проблемы рыночной экономики. 2017. № 4. С. 4–10.

7. Шкута А. А. Искусственный интеллект в органах государственного управления // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 5 (109). С. 24–29.

References

1. Abramov V. I., Grigoriev V. V., Loginov E. L. Digital technologies for ensuring economic security in the public sector in the context of systemic criminal and corruption manifestations. M. : MGIMO (U) MFA of Russia, 2021. 220 p.
2. Ageev A. I. Cryptocurrencies, markets and institutions // Economic strategies. 2018. V. 20. No. 1 (151). P. 94–107.
3. Dubrovin S. V., Glushkov A. I., Kazantsev S. Ya., Dubrovin I. S., Rozina V. S., Eriashvili N. D. Fundamentals of the theory of forensic verification // Public service and personnel. 2022. No. 3. P. 150–157.
4. Loginov E. L. Nuclear Power Industry Complex in the World Energy Industry: Strategic Trends in the Post-Crisis Period // National Interests: Priorities and Security. 2012. V. 8. No. 28 (169). P. 2–10.
5. Mailyan S. S., Eriashvili N. D. On the admissibility of the inclusion of digital law in the system of law and law enforcement in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 6. P. 399–402.
6. Raikov A. N. Digital Economy: Vulnerability to Network Attacks and Possibilities for Ensuring Management Sustainability // Problems of the Market Economy. 2017. No. 4. P. 4–10.
7. Shkuta A. A. Artificial intelligence in public administration // Public service. 2017. V. 19. No. 5 (109). P. 24–29.

Научная статья

УДК 339

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-214-218>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-1/23-628

МОДУЛЬ: 77/27-011-2023-01-827

Особенности решения вопросов экономической безопасности при осуществлении поставок энергоресурсов

Глеб Владимирович Киреев

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
kiregleb@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена попытке рассмотрения ряда ключевых вопросов сферы энергетической безопасности (относительно существующего положения и перспектив развития энергетического рынка). При этом рассмотрена текущая ситуация в осуществлении поставок энергоресурсов в страны-члены ЕС, в то же время оценены перспективы поставок газа в Европейский Союз. Более того, в статье проведен общий анализ текущих обстоятельств относительно поставок «голубого топлива», а также внешнего геополитического воздействия, оказываемого на РФ со стороны ряда государств.

Ключевые слова: международные экономические отношения, Европейский Союз, энергетическая безопасность, страна-экспортер, перспективы развития рынка, экономическая безопасность

Для цитирования: Киреев Г. В. Особенности решения вопросов экономической безопасности при осуществлении поставок энергоресурсов // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 214–218. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-214-218>.

Original article

Features of solving issues of economic security in the implementation of energy supplies

Gleb V. Kireev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
kiregleb@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the solution of energy security issues of the current situation and prospects for the development of the energy market. The article considers the current situation in the implementation of energy supplies to the EU, as well as the prospects for gas supplies to the European Union. During writing the article, an analysis of the current circumstances in the supply of «blue fuel», as well as external geopolitical influences exerted on the Russian Federation by unfriendly states, was carried out.

Keywords: international economic relations, the European Union, energy security, exporting country, market development prospects, economic security

For citation: Kireev G. V. Features of solving issues of economic security in the implementation of energy supplies. Bulletin of economic security. 2023;(1):214–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-214-218>.

Понятие экономической безопасности означает такой уровень защищенности национальной экономики страны, при котором могут быть обеспечены ее национальный суверенитет, единство экономического пространства и условия для реализации национальной стратегии. Безопасность зависит как от внешних, так и от внутренних факторов [1, с. 5]. В макроэкономике дано следующее определение – это такое состояние или уровень развития средств производства в стране, при котором процесс устойчивого развития экономики и соци-

альной сферы (экономическая стабильность общества) обеспечивается практически независимо от наличия и действия внешних факторов.

В Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» установлена национальная стратегия государства до 2030 года [3]. В данном указе рассмотрены вопросы, в том числе, энергоресурсов и их восполняемости, а также безопасности их поставок. Таким образом, становится понят-

© Киреев Г. В., 2023

но, что экономическая безопасность при поставках энергоресурсов является важным вопросом для нашего государства.

Энергетические ресурсы – это источники различных видов энергии для промышленного и бытового использования в энергетике. Стоит отдельно отметить, что ресурсы делятся на возобновляемые, невозобновляемые и ядерные. Невозобновляемые – это нефть, природный газ, каменный и бурый уголь, торф, горючие сланцы. Возобновляемые ресурсы – это биотопливо из продуктов жизнедеятельности организмов и органических отходов, гидроэнергия, альтернативные энергии, такие, как, например, солнечная и ветровая. Именно на увеличение возобновляемых ресурсов направлена стратегия большинства стран, в том числе, России. Ядерные – это ресурсы, источником которых является атомная энергия. Лидером по производству атомной энергии на конец 2021 г. являются США. На втором месте находится Франция, следом – Япония, Россия занимает четвертое место в мире, на пятом месте – Китай. На сегодняшний день Китай вкладывает большие средства на строительство новых АЭС.

Тем не менее, несмотря на существование возобновляемых ресурсов и ядерных ресурсов, основой экономики на сегодняшний день по-прежнему остаются невозобновляемые ресурсы, в первую очередь, нефть. Практически каждая страна в мире является участником рынка нефти в части экспорта или импорта.

По данным Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) на 2022 г., самым крупным экспортером нефти в мире является Саудовская Аравия. Ведущим импортером – Китай [6].

Саудовская Аравия отправляет за границу 6,66 млн баррелей нефти в сутки. Второе место по экспорту нефти в мире занимает Российская Федерация – 4,65 млн баррелей нефти в день. На третьем и четвертом местах – Ирак и США. При этом основным экспортером нефти в Ираке является подконтрольный США Курдистан – автономная республика Ирака. Именно на территории Курдистана находится около 50 % всей иракской нефти [2, с. 27]. Таким образом, можно сделать вывод, что de facto под контролем США находится неофициально гораздо большая доля рынка нефти, чем представлено в документах.

Мировой лидер по импорту нефти – Китай, в 2020 году, по данным ОПЕК [6], закупал 10,85 млн баррелей «черного золота» в сутки. По данным таможенного управления КНР, в апреле 2020 года Россия стала крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай, опередив Саудовскую Аравию. Продажи российской нефти Пекину выросли на 17,7 % по сравнению с апрелем 2019 года и достигли 7,2 млн баррелей. Объем поставок в Европу составил 2,5 млн баррелей сырой нефти.

Ранее экспорт российской нефти осуществлялся и в США, но 8 марта 2022 г., в связи с началом специальной военной операции на Украине, президент США ввел

полный запрет на импорт газа и нефти в США. Европа по-прежнему продолжает покупать российские невозобновляемые ресурсы, но обещает отказаться от них. Япония отказалась от импорта российского угля (хотя она зависит от угля на 27 % с точки зрения потребления первичной энергии, и 13 % из них обеспечивает именно Россия).

Настоящая тема весьма актуальна, так как на данный момент в связи с начатой Россией специальной военной операцией в мире происходит передел рынка в связи с санкциями, наложенными на Российскую Федерацию. России необходимо оценить свою способность дальнейшего экономического развития в данной ситуации и найти рынок сбыта для нефти и газа, от которых уже отказались США и в перспективе может отказаться Европа. При этом необходимо реально учитывать вероятность полного отказа Европы от энергоресурсов России.

В случае, если Европа введет полное эмбарго на российские ресурсы, России придется в короткие сроки найти рынок сбыта, покрывающий европейские объемы. На сегодняшний день существует газопровод «Сила Сибири», поставляющий газ в Китай. Нефть поставляется в Китай по нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан». На сегодняшний день Россия уже является лидером по поставке энергоресурсов в Китай в мире и полностью покрывает текущие запросы Китая в энергоресурсах. Тем не менее, «Сила Сибири» загружена всего на 12–15 %, то есть его ресурсов хватит на поставки энергоресурсов в гораздо больших объемах. Газопровод в перспективе рассчитан на 38 млрд кубометров в год, при этом в Европу Россия экспортирует 200 млрд кубометров.

Россия активно развивает СПГ проекты – расширяются мощности Новатэк на Ямале, в высокой стадии готовности находится комплекс Газпрома в Усть-Луге, сахалинские проекты и Приморье также имеют большие перспективы развития. Все это уже в среднесрочной перспективе позволит России войти в тройку ведущих поставщиков СПГ в мире. Помимо стремления стать значимым игроком на рынке СПГ у России появится необходимость активно развивать газопереработку и нефтегазохимию, равно как и стремиться стать ведущим поставщиком как базовых химических продуктов, так и продукции высокой степени переработки.

В масштабах мировой экономики, по одному из заявлений пресс-секретаря российского лидера Д. Пескова, отказ от российских энергоресурсов может перекосить мировые энергетические рынки. Отказ от российской нефти приведет к катастрофическим последствиям для мирового рынка, цены на нефть вырастут до \$ 300 за баррель и более. При этом, например, Япония уже считала, что отказ от российского газа снизит ВВП Японии на 1,9 %.

Таким образом, на сегодняшний день геополитическая ситуация в мире оказывает сильнейшее влияние на экономическую безопасность каждой страны.

Так, Саудовская Аравия отказала США в наращивании добычи объемов нефти для стабилизации цен на нее. Планы США по добыче сланцевой нефти не оправдываются, так как инвесторы не сильно в этом заинтересованы.

Таким образом, стоимость нефти будет расти, в то же время на сегодняшний день более 2 млрд человек на Земле не имеют доступа к энергоресурсам. Европа может оказаться в числе таких стран, ведь уже сегодня жители Европы и США столкнулись с существенным ростом цен на бензин. Для решения проблемы газификации, Европе необходимо искать новых поставщиков «голубого топлива». Так, в середине июля т.г. прошла встреча президента Азербайджана с председателем Еврокомиссии в Баку. В ходе встречи стороны договорились об увеличении мощностей Южного газового коридора (ЮГК).

Главной проблемой для нашей страны в данной сфере является сложность в перенаправлении газа, который идет по трубам в другом направлении. Невостребованные объемы останутся в России, но спроса на них не будет, так как Россия покрывает потребности в газе внутри страны на сегодняшний день. Да, российское руководство озвучивает позицию, что в случае отказа Европы от российского газа, Россия может перенаправить потоки по другим направлениям, но пока не понятно, кто сможет обеспечить импорт такого объема российского газа.

Таким образом, для сохранения экономической безопасности Российской Федерации при поставке энергоресурсов, стране необходимо решить в том числе следующие экономические вопросы:

- в перспективе поиск альтернативы экспорту нефти и газа в Европу в полном объеме;
- наращивание поставок нефти с Китаем, возможное замещение экспорта со стороны США. В ситуации экономического противостояния между США и Китаем такая ситуация в перспективе может оказаться возможной.

При этом экономика Российской Федерации полностью зависит от экспорта сырых невозобновляемых ресурсов. В то же время за последние десять лет нефтяные запасы России сократились на треть, газовые – на 27,4 процента, сообщает Минприроды [5]. В Правительстве РФ намерены восстановить ресурсы за счет трудноизвлекаемых запасов. К трудноизвлекаемым относятся запасы нефти в низкопроницаемых коллекторах, высоковязкая нефть, остаточные запасы выработанных месторождений, а также подгазовые залежи.

Сегодня нашей стране помимо задачи по поиску рынков сбыта для российских ресурсов необходимо обеспечить такой объем добычи энергоресурсов, который обеспечит как потребности внутри страны, так и выполнение внешнеэкономических обязательств. При этом за последние двадцать пять лет разведано в десять раз меньше, чем за предыдущие периоды, многие еще

советские месторождения истощаются. По оценкам Росгеологии, газа хватит на семьдесят лет, нефти – на тридцать [7].

Срок истощения ресурсов возможно увеличить при развитии технологий по разработке трудноизвлекаемых запасов. Наиболее перспективными являются запасы Западной Сибири. Но для такой добычи необходимо создание высокотехнологичной инфраструктуры в Сибири. На данный момент этого не происходит. К этой проблеме добавились санкции, введенные против России, сегодня уже ощущается существенный дефицит буровых запчастей. Если нефтяники будут вести разведку по заявленным планам, им может не хватить более 20 плавучих платформ. Крупнейшие владельцы лицензий в Арктике «Роснефть» и «Газпром» на фоне кризиса согласовывают с Министерством природных ресурсов перенос сроков по своим шельфовым лицензиям. Но другие игроки уже готовятся к дефициту. По мнению экспертов, помочь мог бы ввоз подержанного оборудования из стран, не вводивших санкции против Российской Федерации. Рост спроса на шельфовое оборудование может на фоне санкций и отсутствия собственного производства вызвать дефицит плавучих буровых и запчастей.

Тем не менее, Россия имеет самые большие запасы энергоресурсов в мире. То есть в случае невозможности добывать ресурсы в России мир столкнется с проблемой дефицита энергоресурсов, но ситуация также влияет и на энергобезопасность самой России. Официальная позиция по вопросам энергобезопасности России сформулирована в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента России от 13 мая 2019 года [4]. В Доктрине выделяется ряд вызовов энергетической безопасности страны:

- внешнеэкономические вызовы: перемещение центра мирового экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион, замедление роста мирового спроса на энергоресурсы и изменение его структуры, увеличение мировой ресурсной базы углеводородного сырья, усиление конкуренции экспортеров энергоресурсов, усиление позиций потребителей, рост производства сжиженного природного газа и его доли на мировых энергетических рынках, формирование глобального рынка природного газа, увеличение доли возобновляемых источников энергии в мировом топливно-энергетическом балансе;

- внешнеполитические вызовы: наращивание международных усилий по реализации климатической политики и ускоренному переходу к «зеленой экономике». Например, в 2019 г. валовое производство электроэнергии в ЕС составило 2900 ТВт·ч, из них 22 % было получено из возобновляемых источников (включая гидрогенерацию). Сегодня Европа планирует наращивать мощности ветровых и солнечных электростанций. Также Евросоюз планирует снова перейти на энергию от АЭС, хотя ранее Германия

высказывалась по поводу неэкологичности данного ресурса;

– внутренние вызовы: переход России к новой модели социально-экономического развития, предполагающей структурную трансформацию экономики, сбалансированное пространственное и региональное развитие, модернизацию основных производственных фондов организаций, существенное повышение производительности труда и эффективности экономической деятельности, а также ухудшение демографической ситуации в России;

– трансграничные вызовы: развитие и распространение «прорывных» технологий в сфере энергетики, в том числе технологий использования возобновляемых источников энергии, распределенной генерации электрической энергии, накопителей энергии, добычи углеводородного сырья из трудноизвлекаемых запасов, цифровых интеллектуальных технологий, энергосберегающих и энергоэффективных технологий.

Таким образом, из перечисленных вызовов можно выделить, что Россия, так же, как и Европа (и другие страны) заинтересована в развитии технологий, позволяющих создавать возобновляемые ресурсы, а также в нацеленности на добычу трудноизвлекаемых запасов.

При этом следует отметить имеющую место энергорасточительность ресурсов во всем мире. Технологии и оборудование при транспортировке не обеспечивают полной сохранности перевозимых энергоресурсов, часть из них теряется. При этом можно наблюдать слишком высокую долю природного газа в энергобалансе – в целом по России доля газа составляет около 70 % энергопотребления, в европейской части страны – более 90 %. Решение проблемы затрудняется наличием ценового перекося между газом и углем.

Помимо вышеперечисленных проблем на сегодняшний день страны, имеющие крупнейшие экономики (Китай и США), наращивают свои инвестиции в «зеленую» энергетику. В перспективе спрос на нефть и газ действительно может снизиться в случае достижения результатов, способных решить проблему замещения дефицита невозобновляемых ресурсов. Так, страны Скандинавии уже практически полностью перешли на возобновляемые источники энергии. Активно используют солнечные батареи в США, Китае. Пекин обещает прекратить выбросы углерода в атмосферу к 2060-му г., а российское правительство к 2030-му г. должно обеспечить их сокращение на 70 % относительно 1990-х гг.

Популярны также проекты с водородом, который является одним из самых экологически чистых видов топлива. В долгосрочной перспективе экспорт водорода может «потеснить» нефть и газ. Тем не менее, на сегодняшний день «зеленая» энергетика не в состоянии покрыть потребности мира в энергоресурсах. Не по всем видам «зеленой» энергетике достигают заявленную эф-

фективность. Экономическая целесообразность такого бизнеса под вопросом.

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что государству следует ослабить зависимость бюджета от нефтегазовых доходов, нужно воспользоваться получаемыми доходами от продажи невозобновляемого сырья для разработки проектов по созданию возобновляемых ресурсов и применению технологий для добычи труднодоступных ресурсов. Следует развивать освоение Сибири, то есть оснастить данный регион всей необходимой инфраструктурой для добычи энергоресурсов, в том числе труднодоступных, обеспечить приток рабочей квалифицированной силы в труднодоступные районы, а также обеспечить соответствующий уровень образования и науки в стране. Необходимо принять ряд политических мер по поиску новых рынков сбыта отечественных энергоресурсов, перераспределению получаемой выручки на развитие отечественных технологий по газо-нефтедобыче, усовершенствовать уже имеющееся оборудование (в том числе, которое ранее импортировалось из недружественных стран).

Список источников

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России : угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12.
2. Три войны Саддама. Часть I : Южный Курдистан. Архивная копия от 3 декабря 2010.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. «Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации: <https://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2022).
6. Официальный сайт Организации стран-экспортеров нефти: <https://www.opec.org> (дата обращения: 14.05.2022).
7. Официальный сайт Росгеологии: <https://rusgeology.ru> (дата обращения: 14.05.2022).

References

1. Abalkin L. I. Economic security of Russia : threats and their reflection // Questions of Economics. 1994. № 12.
2. Saddam's three wars. Part I : South Kurdistan. Archived copy from December 3, 2010.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 № 208 «On the Strategy of Economic security of the Russian Federation for the period up to 2030» // RLS «ConsultantPlus».
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2019 «The Doctrine of energy security of the Russian Federation» // RLS «ConsultantPlus».

5. Official website of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation: <https://www.mnr.gov.ru> (accessed: 14.05.2022).

6. Official website of the Organization of Petroleum Exporting Countries: <https://www.opec.org> (accessed: 14.05.2022).

7. Official website of Rosgeology: <https://rusgeology.ru> (accessed: 14.05.2022).

Библиографический список

1. Папков Б. В., Илюшин П. В., Куликов А. Л. Надежность и эффективность современного электроснабжения. М., 2021. С. 132.

Bibliographic list

1. Papkov B. V., Ilyushin P. V., Kulikov A. L. Reliability and efficiency of modern power supply. M., 2021. P. 132.

Информация об авторе

Г. В. Киреев – студент магистратуры Московского авиационного института (национального исследовательского университета).

Information about the author

G. V. Kireev – Graduate Student of the Moscow Aviation Institute (National Research University).

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 30.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 29.11.2022.

Основы экономической безопасности. Учебное пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах. Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике. Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 338.14

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-219-225>

НИОН: 2015-0066-1/23-629

MOSURED: 77/27-011-2023-01-828

Характеристика способов дистанционных хищений денежных средств как этап ситуационного анализа

Мария Александровна Кирилук¹, Александр Николаевич Литвиненко²

¹ Управление МВД России по г. Великий Новгород, Великий Новгород, Россия, kirilyukma@yandex.ru

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, lanfk@mail.ru

Аннотация. Доступ к инновациям в сфере высоких технологий становится все более свободным, что обуславливает активное использование достижений криминальным сектором. Ежегодно способы дистанционных хищений совершенствуются и модернизируются, именно поэтому необходимо их анализировать для построения эффективной системы противодействия. Авторами предложена классификация дистанционных хищений и раскрыты основные характеристики мошеннических схем. Эта информация позиционируется как содержание первого этапа ситуационного анализа для оценки сложившегося положения дел в сфере дистанционных хищений денежных средств.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, способ хищения, информационные технологии, телекоммуникационные средства связи, факторы криминализации

Для цитирования: Кирилук М. А., Литвиненко А. Н. Характеристика способов дистанционных хищений денежных средств как этап ситуационного анализа // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 219–225. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-219-225>.

Original article

Characteristics of methods of remote theft of funds as a stage of situational analysis

Maria A. Kirilyuk¹, Alexander N. Litvinenko²

¹ Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Veliky Novgorod, Veliky Novgorod, Russia, kirilyukma@yandex.ru

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, lanfk@mail.ru

Abstract. Access to innovations in the field of high technologies is becoming more and more free, which leads to the active use of achievements by the criminal sector. Every year, methods of remote theft are improved and modernized, which is why it is necessary to analyze them in order to build an effective countermeasure system. The authors proposed a classification of remote theft and revealed the main characteristics of fraudulent schemes. This information is positioned as the content of the first stage of situational analysis to assess the current state of affairs in the field of remote theft of funds.

Keywords: remote fraud, method of theft, information technology, telecommunications, criminalization factors

For citation: Kirilyuk M. A., Litvinenko A. N. Characteristics of methods of remote theft of funds as a stage of situational analysis. Bulletin of economic security. 2023;(1):219–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-219-225>.

В конце 2019 г. возникла глобальная проблема – пневмония, вызванная ранее неизвестной коронавирусной инфекцией, которая распространялась с поразительной скоростью. И уже 11 марта 2020 года ВОЗ объявила о начале новой пандемии «COVID-19». Одним из первых и главных решений по борьбе с вирусом со стороны властей стала полная изоляция, которая в корне изменила уклад жизни по всему миру – работодатели перевели значительную часть своих сотрудников на удаленную работу, либо предоставили им отпуск. Человек оказался изолирован, и единственной возможностью коммуници-

ровать (помимо средств мобильной связи) стал выход в сеть Интернет.

Одним из распространенных мнений является то, что любая привычка формируется за 21 день [7]. В связи с тем, что пандемия продлилась гораздо дольше трех недель, виртуальное пространство стало неотъемлемой частью жизни для людей всех возрастов, так как ситуация способствовала быстрому внедрению цифровых технологий. При этом ускорение цифровизации принесло с собой не только положительные эффекты (постпандемийное восстановление экономики и рост ее устой-

© Кирилук М. А., Литвиненко А. Н., 2023

чивости), но и обусловило появление факторов, способствующих криминализации онлайн-пространства: рост безработицы; увеличение времени проведения в сети Интернет; скачок количества интернет-покупок «от скуки»; жажда быстрых денег или больших скидок; поток непроверенной информации из различных источников.

Общественная опасность деяния – черта, присущая любому преступлению. В случае с дистанционными мошенничествами эта опасность вышла за рамки одного государства и приобрела международный характер. С момента начала пандемии – согласно данным МВД России, – преступления, совершаемые в глобальном информационном пространстве, стоят на особом месте [4, с. 36]. Однако не только в России ущерб от бесконтактной преступности стал набирать обороты. По данным Федеральной торговой комиссии США, за полтора года пандемии COVID-19 американцы потеряли в разных схемах мошенничества 505 млн долл., а каждый пострадавший в среднем лишился 373 долл. [9]. В Великобритании в результате действий мошенников граждане лишились более 2,3 млрд фунтов стерлингов [5]. При этом за аналогичный период российские граждане «потратили» 2,8 млрд руб. [2].

По данным ЦБ, в первом квартале 2022 г. россияне перевели мошенникам денежные средства 258 097 раз. При этом за аналогичный период в 2021 г. было зафиксировано 237 737 подобных случаев. За первый квартал 2022 г. население перечислило мошенникам почти 3,3 млрд руб., а по результатам прошлого года — около 2,8 млрд руб. Кроме того, доля возмещенных средств снизилась до 6,2 %. В 2021 г. украденные средства вернули назад 7,3 % россиян [10]. Во втором квартале 2022 г. мошенники совершили банковские операции без

согласия клиентов на общую сумму в 2,85 млрд руб. [11]. Таким образом, становится очевидным, что уровень криминализации общества – в части дистанционного мошенничества – уже создает угрозу экономической безопасности страны.

Для объективной оценки сложившейся ситуации предлагаем использовать ситуационный анализ состояния дел в сфере дистанционных хищений денежных средств, рассматриваемой как форма бесконтактной преступности. Такой анализ позволяет организовать системную работу с информацией и включает в себя несколько этапов:

начальный этап, содержащий сбор, обработку и анализ информации, определение «белых информационных пятен» по диагностике ситуации с отражением характеристик способов дистанционных хищений денежных средств;

второй этап – собственно анализ ситуации с дистанционным хищением денежных средств, которая содержит: выделение влияющих факторов с использованием методов «мозгового штурма» или экспертных оценок; оценку факторов по степени их воздействия; оценка существующих рисков в развитии ситуации с мошенничеством; оценка устойчивости ситуации к изменениям в действиях Регулятора и поведении мошенников;

содержанием третьего этапа является разработка сценариев развития событий на основании учета влияющих факторов (действия ЦБ России, ужесточение наказания для мошенников, повышение финансовой грамотности населения);

на четвертом этапе экспертами оцениваются вероятные сценарии развития ситуации с точки зрения возможности по достижению поставленных целей; форми-

Таблица 1

Рейтинг субъектов Российской Федерации по количеству зарегистрированных дистанционных хищений

Место	2019		2020		2021	
	Субъект	Зарегистрировано, всего	Субъект	Зарегистрировано, всего	Субъект	Зарегистрировано, всего
1	г. Москва	20 887	г. Москва	55 123	г. Москва	53 598
2	Челябинская обл.	9 384	г. Санкт-Петербург	21 267	г. Санкт-Петербург	25 281
33	респ. Башкортостан	7 715	Краснодарский край	17 766	Краснодарский край	20 778
44	респ. Татарстан	7 131	Ростовская обл.	12 006	респ. Татарстан	13 470
55	г. Санкт-Петербург	6 702	респ. Татарстан	11 802	Челябинская обл.	11 587
66	Нижегородская обл.	6 102	Челябинская обл.	11 758	респ. Башкортостан	10 561
77	Ростовская обл.	5 908	Новосибирская обл.	11 643	Ростовская обл.	10 220
88	Кемеровская обл.	5 834	респ. Башкортостан	11 600	Московская обл.	10 089
99	Краснодарский край	5 426	Нижегородская обл.	11 444	Красноярский край	9 490
110	Иркутская обл.	5 238	Кемеровская обл.	9 612	Новосибирская обл.	9 406

руются возможные варианты управленческих решений; завершением этапа становится стратегия по противодействию дистанционным хищениям денежных средств;

пятый этап – обработка данных для определения зависимостей и тенденций, которые характеризуют ситуацию.

В рамках настоящей статьи рассмотрим характеристику способов дистанционных хищений денежных средств как необходимый элемент первого (начального) этапа анализа.

В результате изучения уголовно-правовой практики можно сделать вывод – регионами-лидерами в России по количеству зарегистрированных дистанционных хищений за последние три года являются г. Москва, г. Санкт-Петербург, республики Татарстан и Башкортостан, Краснодарский край, Челябинская и Ростовская области (табл. 1).

Однако данные о количестве зарегистрированных преступлений не позволяют сделать выводы об уровне криминализации в регионе из-за разницы в численности проживающего населения. Для реальной оценки состояния дистанционного мошенничества в России необходимо рассчитать коэффициент преступности, который покажет количество хищений, приходящихся на 10 тыс. человек в каждом из регионов. Результаты расчетов показали, что неизменными лидерами по уровню криминализации в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) за последние три года являются г. Москва, респ. Коми, Магаданская и Мурманская области.

Существующие способы дистанционных хищений уже анализировались в научной литературе. Например, Алешина-Алексеева Е. Н. и Минаев З. З. относят к распространенным способам следующие: использование потерянных/украденных банковских карт, когда владелец или банк своевременно их не блокирует; звонки под видом работников банковской сферы о несанкционированном списании денежных средств с банковских счетов; звонки под видом сотрудников социальных служб с информацией о полагающейся компенсации за ранее

приобретенные лекарственные средства, биологически активные добавки и др.; обман при осуществлении купли-продажи товаров на интернет-сайтах, поиске работы, возврате утраченных вещей; взлом страниц пользователей социальных сетей с последующей рассылкой сообщений в адрес друзей и знакомых с просьбой перевести денежные средства [1, с. 18].

На основе анализа научных источников, интернет-форумов, судебной и уголовной практик можно классифицировать все способы дистанционных хищений по трем направлениям: совершенные с использованием сети Интернет; совершенные с использованием средств мобильной/стационарной связи; неправомерное списание денежных средств со счетов банковских карт.

Рассмотрим из них самые «прибыльные» мошеннические схемы за последние несколько лет, исходя из предложенной классификации.

Совершенные с использованием сети Интернет

1. Продажа товаров на торговых интернет-площадках и в социальных сетях.

Содержание. Для размещения объявлений о продаже товаров используются такие интернет-платформы как «Авито.ру», «Юла.ру», социальные сети «ВКонтакте» и «Instagram». При этом для большей привлекательности товара цена устанавливается ниже рыночной, а фотографии для публикации случайно скачиваются из открытых источников. После того как покупатель заинтересовался товаром, обговариваются условия продажи – и если вариации формы доставки многогранны, то обязательность предоплаты остается неизменной. Чтобы не возникало сомнений в добросовестности сделки, «продавец» высылает фото «личных» документов, которые являются поддельными либо чужими, купленными в телеграм-ботах. После зачисления предоплаты на банковскую карту злоумышленника общение прекращается.

На сегодняшний день дистанционные мошенники были вынуждены усовершенствовать рассмотренный способ, так как доверять продавцам на подобных условиях стали все реже. Для обеспечения безопасной купли-продажи торговые сервисы создают специ-

Таблица 2

Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню криминализации в сфере ИТТ

(составлено и рассчитано авторами)

Место	2019		2020		2021	
	Субъект	Коэф. прест.	Субъект	Коэф. прест.	Субъект	Коэф. прест.
1	Мурманская обл.	36,99	Мурманская обл.	60,73	Приморский край	60,26
2	Ненецкий АО	36,05	респ. Коми	54,18	респ. Коми	49,25
3	Вологодская обл.	29,73	Удмуртская респ.	49,46	Мурманская обл.	48,77
4	Магаданская обл.	28,32	Ненецкий АО	47,93	Амурская обл.	45,90
5	респ. Коми	27,96	Магаданская обл.	43,95	респ. Карелия	44,75
6	Челябинская обл.	26,99	г. Москва	43,56	г. Москва	42,42
7	Томская обл.	26,74	Амурская обл.	42,34	Магаданская обл.	42,40
8	г. Москва	25,67	Новосибирская обл.	41,80	Удмуртская респ.	41,33
9	Курганская обл.	24,68	респ. Карелия	41,57	Камчатский край	40,62
10	Новгородская обл.	23,62	Алтайский край	39,49	Алтайский край	40,16

альные услуги, к примеру, «авито-доставка». В итоге злоумышленник направляет покупателю в любом из мессенджеров фишинговую ссылку, неотличимую от официальной формы доставки, переходя по которой последний вводит реквизиты своей банковской карты, предоставляя возможность для списания своих денежных средств без осуществления покупки. В новой модели хищения изменилась и уголовная квалификация – вместо ст. 159 УК РФ в таких случаях усматривается п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Ключевые характеристики таких сделок: сумма разового хищения – в среднем 18 тыс. руб.; кратность хищений – от 1 до 3 раз (многократность «внесения предоплаты» объясняется тем, что после окончания всех манипуляций для покупки «продавец» сообщает, что оплата не прошла и высылает ссылку на оплату повторно); уровень сложности технической организации – низкий/средний; количество участников – 2–5 чел.; предмет хищения – безналичные денежные средства; особенности потерпевших – доверчивость, незнание правил работы официальных сервисов доставки.

2. Рассылка сообщений в социальных сетях с просьбой финансовой помощи.

Содержание. При использовании данной схемы для зачисления денежных средств мошенники используют именную банковскую карту. И, исходя из этой информации, ищут в социальных сетях аккаунты для дальнейшего взлома с соответствующими параметрами. К примеру, если банковская карта выпущена на имя «Kurakina Elena», то злоумышленники «хакнут» одну из страниц в социальной сети «ВКонтакте» с именем «Куракина Елена». После взлома всем «друзьям» направляются сообщения с просьбой одолжить денежные средства посредством перевода на банковскую карту (фото банковской карты также прилагается в переписке). А так как на банковской карте указаны имя и фамилия адресата, то у граждан не возникает сомнений в том, что они дают в долг именно своему знакомому.

Основные характеристики сделок: сумма разового хищения – около 7 тыс. руб.; кратность хищений – до двух раз (когда злоумышленник получает перевод «в долг», он пробует увеличить сумму одалживаемых денежных средств еще на несколько тысяч рублей); уровень сложности технической организации – средний; количество участников – до двух чел.; предмет хищения – безналичные денежные средства; особенности потерпевших: зависимость от социальных сетей, доверчивость, финансовая стабильность, высокая занятость в момент просьбы (повышенная концентрация на другом объекте).

3. Участие в инвестиционной кампании с гарантированной прибылью.

Содержание. Листая ленту в социальных сетях «ВКонтакте» и «Instagram», просматривая рекомендованные к просмотру ролики в «YouTube» или в чатах мессенджера «Telegram», можно наткнуться на рекламу беспроигрышных вложений – инвестиции с нулевым финансовым риском. После перехода по ссылке, ука-

занной для начала инвестиционной работы, гражданин заполняет простую форму – указывает свои ФИО и контактный телефон. Впоследствии в мессенджерах «WhatsApp», «Telegram» с ним связывается «брокер», который рассказывает обо всех нюансах финансовой активности и о беспроигрышных вложениях. Дальнейшее общение также может перейти в сеть «Skype». Следуя указаниям мошенника, вкладчик создает на финансовой интернет-платформе личный счет, который пополняет на определенную сумму. После манипуляций со стороны «финансового аналитика» сумма на указанном счете начинает увеличиваться, однако при попытке вывести ее гражданин сталкивается с двумя вариантами развития событий. Либо для вывода денежных средств последнему предлагается оплатить налоги и страховой взнос посредством перевода фиксированного процента от накопленной суммы на конкретный расчетный счет (после этого денежные средства все равно не вернутся владельцу), либо при нажатии кнопки «вывести» лицевой счет обнуляется, а денежные средства поступают на банковскую карту, указанную злоумышленниками.

Основные характеристики таких сделок: сумма разового хищения – около 50 тыс. руб.; кратность хищений: от двух до 10 раз (зависит от финансовых возможностей вкладывать денежные средства до появления желания их вывести); уровень сложности технической организации – высокий; количество участников – до трех чел.; предмет хищения: безналичные денежные средства, криптовалюта; особенности потерпевших: сниженный самоконтроль (склонность к рискованным инвестициям); активность в интернете (онлайн-шопинг, открывание электронных писем от неизвестных отправителей) [8]; жажда легкой наживы; доверчивость.

Совершенные с использованием средств мобильной/стационарной связи

1. Звонок под видом сотрудника банка и/или сотрудника полиции по факту оформления кредита мошенниками на имя гражданина.

Содержание. Для достижения необходимой эффективности такого способа мошенники используют услуги SIP-телефонии, которая представляет собой «подмену номера» входящего звонка. Злоумышленник под видом сотрудника банка и/или сотрудника правоохранительных органов, сообщает гражданину, что на имя последнего третье лицо совершило попытку оформить кредит. При этом высказывается предположение, что к этому причастен сотрудник банка. Для блокировки процесса предлагается оформить «зеркальный» кредит в офисе банка на ту же сумму, и зачислить полученные денежные средства на «безопасную ячейку», доступ к которой будет предоставлен позже. Несмотря на всю нелогичность указанных финансовых операций, некоторые соглашаются, ведь у них появляется возможность поспособствовать в поимке «банковских мошенников», о которых они так часто слышат по телевидению [3]. Впоследствии гражданин переводит кредитные денежные средства на продиктованные номера банковских

карт, предполагая, что пополняет «безопасный счет». Как только кредитный потенциал гражданина исчерпан, общение прекращается.

Основные характеристики таких сделок: сумма разового хищения – около 255 тыс. руб.; кратность хищений: до пяти раз (зависит от того, в каком количестве банков гражданину одобряют кредиты); уровень сложности технической организации – средний; количество участников – от пяти до 50 чел.; предмет хищения – безналичные денежные средства; особенности потерпевших: доверчивость; ведомость; подверженность к психологическому давлению; финансовая неграмотность; признание авторитета сотрудников полиции и служащих банковской сферы.

2. Звонок от имени близких родственников по факту совершенного дорожно-транспортного происшествия.

Содержание. Несмотря на то, что в квартирах стационарная связь уже практически стала рудиментом, для людей преклонного возраста эта услуга остается актуальной. В рассматриваемой ситуации пожилой человек отвечает на звонок домашнего телефона и слышит плачущий голос, который тяжело разобрать. Злоумышленник, никем не представляясь, начинает говорить о том, что стал виновником ДТП и ему необходима крупная сумма денежных средств, чтобы не попасть за это в тюрьму. В таком случае пенсионеры предполагают, что им позвонил кто-то из родственников и задают уточняющий вопрос, который лишь помогает преступникам оказывать психологическое давление, к примеру, «Сынок, это ты?». При этом мошенники просят не сбрасывать звонок и оставаться на связи, чтобы человек не смог перезвонить на телефон «попавшему в беду» родственнику. После того как сумма наличных денежных средств собрана, злоумышленники сообщают, что скоро подойдет человек и заберет их, а все проблемы с правоохранительными органами будут улажены. Впоследствии связь с потерпевшими прекращается.

Основные характеристики таких сделок: сумма разового хищения – около 250 тыс. руб.; кратность хищений – один раз; уровень сложности технической организации – низкий; количество участников – от двух до шести чел.; предмет хищения – наличные денежные средства; особенности потерпевших: возраст от 65 лет; наличие близких родственников; доверчивость; ведомость; склонность к хранению наличности в квартире.

3. Телефонный заказ от руководителей правоохранительных и государственных органов власти [12].

Содержание. Указанный способ, как правило, затрагивает представителей администрации города, сферы образования и жилищно-коммунального хозяйства. Рассмотрим его на конкретном примере. В управляющую компанию «Мегаполис» поступает звонок якобы от представителя прокуратуры с просьбой для руководителя – перезвонить на конкретный номер в ближайшее время. Руководитель УК «Мегаполис» перезванивает и ему сообщают, что приехали представители Генпро-

куратуры из Москвы с проверкой организаций в сфере ЖКХ. После этого «прокурор» предлагает следующее – сотрудники УК «накроют на стол» для московских проверяющих, а местная прокуратура подпишет все необходимые бумаги без проведения фактического контроля. Через некоторое время руководителю снова перезванивает «местный прокурор» и говорит, что гостям из Москвы необходимо срочно пополнить баланс абонентских номеров для связи с руководством (при этом уточняет, что по окончании проверки все денежные средства будут возвращены). Руководитель УК соглашается и через терминал пополняет лицевые счета трех-четырех абонентских номеров суммами от пяти до десяти тысяч рублей каждый. После оплаты связь с «прокурором» обрывается.

Основные характеристики таких сделок: сумма разового хищения – около 25 тыс. руб.; кратность хищений – до двух раз; уровень сложности технической организации – низкий; количество участников – от двух до пяти 2–5 чел.; предмет хищения – безналичные денежные средства; особенности потерпевших: занимает руководящую должность; доверчивость; признание авторитета сотрудников государственных органов власти.

Неправомерное списание денежных средств со счетов банковских карт

1. Создание фишинговых сайтов.

Содержание. Фишинговые сайты – это веб-страницы, максимально полно копирующие сайт банка или другой финансовой организации [6], а также интернет-площадки для продажи товаров. Для наглядности следует рассмотреть схему на примере покупки в интернет-магазине «Citilink», который для реализации продукции использует сайт «citilink.ru». Злоумышленники создают сайт с доменным именем, отличным от оригинала на один символ, например «citillink.ru», – удвоенные буквы «l» останутся незаметными при переходе на страницу магазина. При переходе на поддельный сайт, можно увидеть оформление идентичное с официальным источником. Покупатель, вводя свои логин и пароль от личного кабинета, либо данные банковской карты для оплаты покупки, автоматически передает мошенникам возможность оплачивать покупки от имени гражданина, а также реквизиты банковской карты для оплаты на сайтах, не требующих кодового подтверждения от банка.

Основные характеристики таких сделок: сумма разового хищения – около 57 тыс. руб.; кратность хищений – до пяти раз; уровень сложности технической организации – высокий; количество участников – до трех чел.; предмет хищения – безналичные денежные средства; особенности потерпевших: импульсивность; невнимательность.

2. Звонок под видом сотрудника банка по факту неправомерного списания денежных средств с банковской карты.

Содержание. Если на экране телефона вы увидите звонок с официального номера кредитно-финансовых либо правоохранительных органов, то это еще не значит,

что на другом конце провода с вами будет разговаривать представитель именно этой организации – использует функция «подмена номера» [3]. Все это возможности SIP-телефонии, которая не требует от стороны наличия сотового аппарата или подключения к базовой станции – все звонки поступают на персональный компьютер или смартфон через приложение по протоколу IP. Злоумышленник под видом сотрудника банка предупреждает гражданина, что по банковской карте последнего проходят мошеннические операции либо уточняет, не совершал ли гражданин конкретную операцию по переводу денежных средств. Впоследствии мошенник сообщает, что для приостановки несанкционированных переводов необходимо сообщить ему номер своей банковской карты, CVV-код с оборотной стороны карты и кодово-парольную информацию от банка. Таким образом, третье лицо получает доступ к личному кабинету и осуществляет списание денежных средств на любые ресурсы (особенно популярным за последние два года была покупка криптовалюты из-за трудностей отслеживания движения денежных средств).

Основные характеристики таких сделок: сумма разового хищения – около 42 тыс. руб.; кратность хищений – до трех раз; уровень сложности технической организации – средний; количество участников – от двух до 50 чел.; предмет хищения – безналичные денежные средства; особенности потерпевших: признание авторитета сотрудников банковской сферы; доверчивость; вежливость; финансовая неграмотность.

3. Звонок под видом сотового оператора по факту окончания использования тарифного плана.

Содержание. Из-за того, что к «сотрудникам банка» в последнее время стали относиться с большим недоверием, мошенникам пришлось принять обличье оператора связи. Представляясь оператором сотовой связи, злоумышленник сообщает об окончании тарифа и для продолжения контракта просит назвать код из смс-сообщения от оператора связи либо ввести его в тоновом режиме. Сообщив код, гражданин подключает переадресацию смс-сообщений со своего номера на любой другой, и вся кодово-парольная информация от банков и интернет-магазинов будет приходиться злоумышленникам, которые получают возможность распоряжаться финансами первого в полном объеме.

Основные характеристики таких сделок: сумма разового хищения – около 17 тыс. руб.; кратность хищений – до 10 раз; уровень сложности технической организации – средний; количество участников – от двух до пяти чел.; предмет хищения – безналичные денежные средства; особенности потерпевших: высокая занятость в момент просьбы (повышенная концентрация на другом объекте); незнание правил действия тарифа.

В результате рассмотрения способов дистанционного мошенничества можно отметить, что отличительной чертой дистанционных хищений является отсутствие личного контакта злоумышленника и жертвы. При этом жертвы всегда характеризуются доверчивостью,

подверженностью к психологическим манипуляциям и финансовой неграмотностью (неосведомленностью). Помимо прочего в бесконтактной преступности субъект преступления может находиться за тысячи километров от своей жертвы – другой регион, другое государство, а, возможно, и места лишения свободы.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в рассмотренных мошеннических схемах высокий уровень дохода ярко контрастирует с низким уровнем материально-технических затрат на организацию преступной деятельности, максимумом конспиративности и минимальными рисками быть обнаруженным правоохранительными органами. И если при контактном мошенничестве что-то пошло не по плану, то оно легко может перерасти в грабеж или разбой, что повлияет на квалификацию деяния и соответствующие последствия, то при дистанционном такие риски исключены. Все это обуславливает привлекательность дистанционных хищений для криминальных элементов.

Направлением дальнейших исследований может стать методическое наполнение следующих этапов ситуационного анализа с целью получения объективной информации о текущем положении дел в сфере дистанционных хищений денежных средств. Результаты такого анализа могут быть положены в основу управленческих решений по выбору форм противодействия бесконтактной преступности.

Библиографический список

1. Алешина-Алексеева Е. Н., Минаев З. З. Характеристика хищений, совершаемых дистанционным способом // Сб. : Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра / Материалы ежегодной всероссийской науч.-практ. конференции. Под общ. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина. СПб., 2022. С. 17–21.
2. Каледина А. Нездоровое состояние: в пандемию кибермошенники похитили 2,8 млрд руб. / URL://<https://iz.ru/1146566/anna-kaledina/nezdorovoe-sostoianie-v-pandemiiu-kibermoshenniki-pokhitili-28-mlrd-rublei>.
3. Кирилук М. А. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий как фактор роста дистанционной преступности / Материалы межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений» 25.10. 2022 г. Н. Новгород, 2022.
4. Люев Р. Х. Преступления, совершаемые в глобальном информационном пространстве: особенности и способы расследования // Сб. трудов по материалам VI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. Уфа, 2021. С. 35–39.
5. Миклашевская А. Онлайн-мошенничества в Великобритании выросли за год на 33 %. URL://<https://www.kommersant.ru/doc/4900657>.
6. Митрофанов Р. А., Листратов И. В. Дистанционные хищения: теоретические и практические вопросы // Ученые записки. 2022. № 1 (41). С. 95–99.

7. Набокова Н. 21 день, чтобы изменить себя / URL://<https://www.psychologies.ru/wellbeing/21-den-chtobyi-izmenit-sebya>.

8. Рябова И. Мошенники и их жертвы: кто уязвим и почему / URL://<https://econs.online/articles/coffee-break/moshenniki-i-ikh-zhertvy-kto-uyazvim-i-pochemu>.

9. Чуриков А. С начала пандемии жители США потеряли от мошенников более 500 млн долларов // Российская газета, 29.07.2021, № 170 (8521).

10. ЦБ зафиксировал рост числа мошеннических переводов / URL://<https://iz.ru/1337348/2022-05-20/tcb-zafiksiroval-rost-moshennichestva-v-i-kvartale-2022-goda>.

11. Мошеннических переводов стало на 11 % меньше в 2022 году / URL://<https://pravo.ru/news/242595>.

12. Памятка об основных способах дистанционного мошенничества / URL://<https://kamgov.ru/news/pamatka-ob-osnovnyh-sposobah-distancionnogo-moshennicestva-32908>.

13. В. Ференц Фрод победить нельзя, нужно научиться с ним жить / URL://<https://www.anti-malware.ru/threats/online-fraud>.

Bibliographic list

1. Alyoshina-Alekseeva E. N., Minaev Z. Z. Characteristics of thefts committed remotely // Collection: Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow / Materials of the annual All-Russian scientific and practical conference. Under the community. T. A. Ogar, D. M. Kokina. SPb., 2022. P. 17–21.

2. Kaledina A. Unhealthy state: cybercriminals stole 2.8 billion rubles during the pandemic. / URL://<https://iz.ru/1146566/anna-kaledina/nezdorovoe-sostoianie-v-pandemiiu-kibermoshenniki-pokhitali-28-mlrd-rublei>.

3. Kirilyuk M. A. The development of information and telecommunication technologies as a factor in the growth of remote crime / Materials of the interuniversity

scientific and practical conference «Actual problems of using special knowledge in detecting and proving economic crimes» 25.10. 2022 N. Novgorod, 2022.

4. Lyuev R. H. Crimes committed in the global information space: features and methods investigations // Collection of works based on the materials of the VI All-Russian competition of scientific research works. Ufa, 2021. P. 35–39.

5. Miklashevskaya A. Online fraud in the UK increased by 33 % over the year. URL://<https://www.kommersant.ru/doc/4900657>.

6. Mitrofanov R. A., Listratov I. V. Remote theft: theoretical and practical issues // Scientific Notes. 2022. No. 1 (41). P. 95–99.

7. Nabokova N. 21 days to change yourself / URL://<https://www.psychologies.ru/wellbeing/21-den-chtobyi-izmenit-sebya>.

8. Ryabova I. Fraudsters and their victims: who is vulnerable and why / URL://<https://econs.online/articles/coffee-break/moshenniki-i-ikh-zhertvy-kto-uyazvim-i-pochemu>.

9. Churikov A. Since the beginning of the pandemic, US residents have lost more than \$ 500 million from fraudsters // Rossiyskaya Gazeta, 29.07.2021, № 170 (8521).

10. The Central Bank recorded an increase in the number of fraudulent transfers / URL://<https://iz.ru/1337348/2022-05-20/tcb-zafiksiroval-rost-moshennichestva-v-i-kvartale-2022-goda>.

11. Fraudulent transfers became 11 % less in 2022 / URL://<https://pravo.ru/news/242595>.

12. Memo on the main methods of remote fraud / URL://<https://kamgov.ru/news/pamatka-ob-osnovnyh-sposobah-distancionnogo-moshennicestva-32908>.

13. V. Ferenets Fraud cannot be defeated, you need to learn to live with it / URL://<https://www.anti-malware.ru/threats/online-fraud>.

Информация об авторах

М. А. Кирилюк – старший оперуполномоченный оперативно-сысского отдела уголовного розыска Управления МВД России по г. Великий Новгород;

А. Н. Литвиненко – профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ.

Information about the authors

M. A. Kirilyuk – Senior Investigator of the Operational-Detective Department of the Criminal Investigation Department of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Veliky Novgorod;

A. N. Litvinenko – Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Научная статья

УДК 338.14

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-226-230>

ИПОН: 2015-0066-1/23-630

MOSURED: 77/27-011-2023-01-829

Фискальный федерализм как ответная мера на кризис, вызванный пандемией коронавируса

Михаил Евгеньевич Косов^{1, 2, 3}

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

kosovme@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация. Фискальный федерализм необходим для эффективности бюджетной и налоговой политики в государстве. Для федеративного государства это является оптимальным решением распределения полномочий в бюджетных и налоговых процессах между центральными и региональными властями. Помимо этого, в унитарных государствах фискальная децентрализация также может быть необходима в связи с особенностями финансовой политики. Например, в Европейском союзе региональная политика становится наиболее эффективным решением, в связи с необходимостью поддержки наиболее отсталых регионов и осуществлением проектов на уровне местных правительств. В 2020 году государства были вынуждены наделять региональные и местные правительства особыми полномочиями для своевременного изменения ситуации.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, фискальный федерализм, региональная политика, распределение полномочий, бюджетно-налоговая политика

Для цитирования: Косов М. Е. Фискальный федерализм как ответная мера на кризис, вызванный пандемией коронавируса // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 226–230. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-226-230>.

Original article

Fiscal federalism as a response to the crisis caused by the coronavirus pandemic

Mikhail E. Kosov^{1, 2, 3}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

kosovme@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Fiscal federalism is necessary for the effectiveness of the budget and tax policy in the state. For a federal state, this is the optimal solution for the distribution of powers in budgetary and tax processes between central and regional authorities. In addition, in unitary states, fiscal decentralization may also be necessary due to the peculiarities of financial policy. For example, in the European Union, regional policy becomes the most effective solution, due to the need to support the most backward regions and the implementation of projects at the level of local governments. In 2020, states were forced to give regional and local governments special powers to change the situation in a timely manner.

Keywords: coronavirus pandemic, fiscal federalism, regional policy, distribution of powers, fiscal policy

For citation: Kosov M. E. Fiscal federalism as a response to the crisis caused by the coronavirus pandemic. Bulletin of economic security. 2023;(1):226–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-226-230>.

Для стабильного развития государства необходимо развивать бюджетную и налоговую политику на всех уровнях. В федеративном государстве центральные власти сталкиваются с проблемами осуществления управления всеми территориями в виду их разного

экономического состояния и различных потребностей. Релевантность введения фискального федерализма объясняется спецификой государственного устройства и необходимостью принятия решения на местном уровне.

© Косов М. Е., 2023

Российская Федерация существует всего три десятилетия, поэтому многие модели государственного управления находятся еще в стадии разработки. Государственное территориальное устройство России приводит к проблемам распределения полномочий между центром и регионами, субъектами РФ. К тому же часть регионов обладает объективно большим количеством ресурсом, чем другие, что приводит к различному уровню экономического состояния.

Поиск правильного решения в вопросах бюджетной политики приводит к необходимости разделения полномочий между федеральными и региональными властями. В России, как и во многих других государствах, используется принцип фискального федерализма.

Возникает логический вопрос, чем фискальный федерализм отличается от других видов федерализма. Кроме того, почему Российская Федерация перешла к реализации именно этого принципа? Попробую ответить на эти вопросы в данной работе. Итак, стоит начать с определения понятия «фискальный федерализм».

История данного понятия относится к середине двадцатого века: основоположником фискального федерализма является американский экономист Ричард Масгрейв. По Масгрейву фискальный федерализм – система, позволяющая группам, проживающим в различных государствах (в его работе – штатах) выражать собственные предпочтения к публичным услугам, что приводит к различиям в уровнях предоставления этих услуг. Исходя из данного федерализма функции правительства должны сводиться к трем составляющим:

1. Стабилизация цен и уровня занятости
2. Перераспределение доходов
3. Распределение ресурсов

Через 10 лет была опубликована еще одна монография, посвященная фискальному федерализму. Ее автором был Уоллес Оутс, который выявил необходимость внедрения данного вида федерализма. Местные или региональные правительства, очевидно, более осведомлены о потребностях населения, чем центр, т.е. федеральное правительство, поэтому фискальный федерализм теоретически может повысить эффективность государственных услуг.

Если рассматривать необходимость фискального федерализма, то можно заметить, что потребность в финансовых благах дифференцируется в зависимости от региона, поэтому учет местных особенностей населения каждой территории необходим для эффективного распределения бюджета путем предоставления полномочий за региональными или муниципальными властями. С экономической точки зрения фискальный федерализм является способом эффективного распределения ресурсов с целью полного удовлетворения потребностей граждан.

Впоследствии появляется также понятие фискального федерализма «второй волны» или «второго поколения». Согласно теории Рональда Коуза, государство может быть рассмотрено как «сверхфирма», так

как оно влияет своими решениями на использование факторов производства. Таким образом, государство или правительство может влиять на действия своих граждан.

Итак, разобравшись с определением фискального федерализма и развитием этого понятия на протяжении двадцатого века, мы можем рассмотреть опыт использования данного феномена в других государствах. Стоит отметить, что фискальный федерализм используется не только в государствах с федеративным территориальным устройством.

Это объясняется тем, что федерализм больше относится с децентрализацией и деволюцией, которые на данный момент характерны для многих государств. Можно привести в пример Испанию, которое хоть и является унитарным государством, сталкивается с процессами децентрализации особенно в экономической сфере.

Процесс внедрения фискального федерализма является характерным для большинства экономически развитых стран. При этом, можно заметить наличие национальной дифференциации, которая проявляется в налоговой автономии на региональном и локальном уровнях. Интересно, что на региональном уровне фискальный федерализм действует только в десяти государствах (относящихся к ОЭСР).

Одним из интересных кейсов является территория Боснии и Герцеговины, которая относится к постконфликтным государствам. В этом контексте внедрение фискального федерализма является необходимым решением.

Фискальная децентрализация означает передачу части финансовых полномочий и ресурсов региональным органам власти, которые получают большие возможности для проведения финансовой политики в соответствии с местными интересами населения. Результат может быть положительным за счет экономии на транзакционных издержках в связи с переходом на общепринятые экономические потребности, а также расходы на предоставление общественных льгот в соответствие с местными требованиями.

Фискальный федерализм часто принимается одновременно с процессом либерализации и повышения эффективности государственной политики. Можно рассмотреть это на примере стран Вишеградской группы – Чехии, Словакии, Польши и Венгрии.

В контексте этих стран основным фактором послужило стремление к улучшению управленческого сектора, а также ряд внешних акторов (в особенности Европейский союз). Кроме того, данные государства хотели максимально абстрагироваться от «коммунистического прошлого», для которого было характерно именно централизованное управление.

Поддержка введения фискального федерализма осуществлялась по инициативе Всемирного банка, Совета Европы, ОЭСР и Программы развития ООН. Результатом стало осуществление реформ в области фи-

скальной децентрализации. Можно рассмотреть эти реформы в отдельных государствах.

Говоря о Чехии, это государство столкнулось с препятствием на пути реформ, которым стали недостаточные полномочия местных властей в процессе сбора налогов. В начале XXI века государство озабочилось введением реформ по уменьшению трансфертных финансирования и созданию регионального управления.

Что касается Польши, государство приняло решение об изменении административно-территориального деления, но столкнулось с препятствием, так как воеводства финансировались за счет центра. При этом региональные власти не получили собственные финансовые ресурсы для решения возникших трудностей. В Венгрии было создано много территориальных единиц, количество которых постоянно расширялось. Несмотря на введение системы местных налогов, региональные и местные правительства получили слишком много полномочий, что привело к затруднениям в их выполнении.

Словакия, хотя и провела небольшую децентрализацию, осуществила инновационные реформы. Так, помимо введения системы местных налогов, региональные власти получили право установления собственных ставок. Кроме того, количество полномочий было гораздо меньше, чем в Венгрии, что упростило задачу для местных правительств.

Почему именно Европейский союз способствует введению фискального федерализма в государствах, которые являются его членами и хотят стать его частью? Во-первых, большинство проектов Евросоюза как раз осуществляется на региональном уровне. К примеру, политика субсидий ЕС осуществляется для конкретных регионов, а не государств в целом.

Во-вторых, ряд полномочий, интересующих Европейских союз (в сфере здравоохранения, транспорта, экологии и др.), находится в ведении региональных и местных властей. Кроме того, ЕС зачастую контактирует напрямую с местными властями для повышения открытости своей политики. В-третьих, государства-члены должны соответствовать определенным общим требованиям, поэтому фискальный федерализм превращается в общий концепт для всех европейских государств.

Таким образом, рассмотрев введение фискального федерализма в нескольких государствах, мы можем также отметить период его развития в Российской Федерации. Очевидно, что в таком крупном государстве децентрализация является единственным решением для эффективного государственного управления.

С созданием Российской Федерации началась децентрализация бюджетной системы с одновременным увеличением доли местных бюджетов. При этом политическая ситуация препятствовала эффективному расширению полномочий местных властей в финансовой политике, поэтому система нуждалась в реформировании и реорганизации.

В 1997 году был принят федеральный закон, который реформировал межбюджетные отношения. Так, были расширены налоговые полномочия субъектов РФ, часть ответственности была передана на местный уровень, были сформированы правовые основы бюджетных полномочий региональных правительств¹.

Также в Российской Федерации фискальный федерализм базируется на ряде принципов, которые отражают специфику налоговой системы государства:

- Полномочия по системе расходов распределяются между органами власти всех уровней
- Органы власти обеспечиваются финансовыми ресурсами, необходимыми для выполнения наложенных функций
- Обеспечивается горизонтальное и вертикальное выравнивание доходов на всех уровнях
- Для каждого уровня бюджетной системы применяются особые методы регулирования бюджетного процесса
- Все бюджеты обладают самостоятельностью и равноправием
- Финансовая помощь распределяется в зависимости с величиной налогового потенциала регионов
- Целевой характер финансовой помощи, отделение инвестиционной от текущей

В 2021–2022 гг. фискальный федерализм оказался наиболее эффективным решением для борьбы с экономическими последствиями пандемии коронавируса. Во-первых, ситуация отличалась в разных регионах России, и региональные правительства принимали соответствующие меры на местном уровне, что позволило своевременно решать возникающие проблемы. Во-вторых, уже сложившаяся система распределения финансовой помощи и распределения полномочий позволила быстро реализовать стратегию по восстановлению экономики после кризиса.

Библиографический список

1. Bryson P. (2010) *The Economics of Centralism and Local Autonomy: Fiscal Decentralization in the Czech and Slovak Republics*. NY Palgrave Macmillan.
2. Dabla-Norris E. (2006). *The Challenge of Fiscal Decentralization in Transition Economies*, *Comparative Economic Studies*, 48, P. 100–131.
3. Oates W. E. *Fiscal Federalism*. N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
4. Vishnevsky V. P. *Fiscal decentralization in post-conflict territories: conceptual States* / V. P. Vishnevsky, N. Yu. Rekova, V. D. Chekina // *Scientific Bulletin of Polssia*. 2016. No 4 (8). P. 174–188.
5. Воронина Е. В. Трансформация бюджетно-налоговых отношений в условиях пандемии / Е. В. Воронина, И. Д. Шамиев // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 3 (116). С. 1106–1110. DOI 10.34925/EIP.2020.116.3.237.

¹ Федеральный закон от 25 сентября 1997 г. № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в РФ».

6. Гогаева К. А. Соотношение понятий налогового, бюджетного и фискального федерализма / К. А. Гогаева // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 05 декабря 2019 года / Ответственный редактор: Гуляев Герман Юрьевич. Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 176–180.

7. Дышекова А. А. Направления развития фискального федерализма / А. А. Дышекова // Экономика и социум. 2015. № 3–1 (16). С. 531–536.

8. Керимов А. Т. Специфика проявления и развития фискального федерализма в экономически развитых странах / А. Т. Керимов // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2018. № 4 (62). С. 114–120.

9. Клепач А. Н. Российская экономика: шок от коронавируса и перспективы восстановления / А. Н. Клепач // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 72–87. DOI 10.38197/2072-2060-2020-222-2-72-87.

10. Коуз Р. Фирма, рынок и право: сб. ст. / пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Капелюшников. М. : Новое издательство, 2007.

11. Кузнецова Н. Р. Бюджетный федерализм и его роль в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации / Н. Р. Кузнецова // Самоуправление. 2021. № 3 (125). С. 391–394.

12. Майбуров И. А. Перспективы совершенствования фискального федерализма / И. А. Майбуров, Ю. Б. Иванов, А. П. Киреенко // Инновационное развитие экономики. 2015. № 4 (28). С. 3–11.

13. Сергеев Е. А. Фискальный федерализм в странах Вишеградской группы / Е. А. Сергеев // Современная Европа. 2018. № 7 (86). С. 172–184.

14. Слободчиков Д. Н. Развитие межбюджетных отношений на основе принципов фискального федерализма / Д. Н. Слободчиков // Инновационное развитие экономики. 2016. № 3–2 (33). С. 80–90.

15. Сомоев Р. Г. О роли фискального федерализма в развитии бюджетного потенциала территорий / Р. Г. Сомоев // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях: Материалы II всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 19 мая 2021 года. Грозный : Чеченский государственный университет, 2021. С. 167–178. DOI 10.36684/47-2021-1-167-178.

16. Стрекалова А. А. Фискальный федерализм: система управления публичными финансами / А. А. Стрекалова // Труды Уральского государственного экономического университета: сборник научных статей : в 2 т. / Ответственный за выпуск Е. Б. Дворянкина. Редакционная коллегия: Е. Г. Анимица; В. Ж. Дубровский; М. С. Марамыгин; А. Ю. Коковихин; В. П. Соловьева. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2016. С. 80–84.

17. Сульженко С. А. Налоговые меры и инструменты поддержки экономики в условиях макроэкономической нестабильности, вызванной пандемией COVID-19 в России / С. А. Сульженко, А. К. Мусаелян, В. С. Абдуллаева // Финансовые исследования. 2021. № 2 (71). С. 19–26.

18. Тюрина Ю. Г. Проблемы реализации принципов фискального федерализма при формировании новой модели экономического роста России / Ю. Г. Тюрина // Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2019 года. Саранск : Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2019. С. 222–226.

19. Шакирова Р. К. О проблемах фискального федерализма в России / Р. К. Шакирова // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Самара, 10 января 2016 года / Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Самара : Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2016. С. 184–190.

20. Шакирова Р. К. Становление и развитие фискального федерализма в России / Р. К. Шакирова // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 9–7. С. 129–134.

Bibliographic list

1. Bryson P. (2010) The Economics of Centralism and Local Autonomy: Fiscal Decentralization in the Czech and Slovak Republics. NY Palgrave Macmillan.

2. Dabla-Norris E. (2006). The Challenge of Fiscal Decentralization in Transition Economies, Comparative Economic Studies, 48, P. 100–131.

3. Oates W. E. Fiscal Federalism. N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

4. Vishnevsky V. P. Fiscal decentralization in post-conflict territories: conceptual States / V. P. Vishnevsky, N. Yu. Reкова, V. D. Chekina // Scientific Bulletin of Polssia. 2016. No 4 (8). P. 174–188.

5. Voronina E. V. Transformation of fiscal relations in the conditions of a pandemic / E. V. Voronina, I. D. Shamiev // Economics and entrepreneurship. 2020. No. 3 (116). P. 1106–1110. DOI 10.34925/EIP.2020.116.3.237.

6. Gogaeva K. A. Correlation of concepts of tax, budget and fiscal federalism / K. A. Gogaeva // Legal sciences, the rule of law and modern legislation: collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference. At 2 o'clock, Penza, December 05, 2019 / Responsible editor: Gulyaev Herman Yurievich. Penza : «Science and Education» (IP Gulyaev G. Yu.), 2019. P. 176–180.

7. Dyshekova A. A. Directions of development of fiscal federalism / A. A. Dyshekova // Economy and society. 2015. No. 3-1 (16). P. 531–536.

8. Kerimov A. T. Specifics of the manifestation and development of fiscal federalism in economically developed

countries / A. T. Kerimov // Scientific notes of the Crimean Engineering Pedagogical University. 2018. No. 4 (62). P. 114–120.

9. Klepach A. N. Russian economy: shock from coronavirus and prospects for recovery / A. N. Klepach // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2020. vol. 222. No. 2. P. 72–87. DOI 10.38197/2072-2060-2020-222-2-72-87.

10. Kose R. Firm, market and law: collection of articles / translated from English by B. Pinsker; scientific ed. by R. Kapelyushnikov. M. : New Publishing House, 2007.

11. Kuznetsova N. R. Budgetary federalism and its role in the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation / N. R. Kuznetsova // Self-government. 2021. No. 3 (125). P. 391–394.

12. Mayburov I. A. Prospects for improving fiscal federalism / I. A. Mayburov, Yu. B. Ivanov, A. P. Kireenko // Innovative development of the economy. 2015. No. 4 (28). P. 3–11.

13. Sergeev E. A. Fiscal federalism in the Visegrad Group countries / E. A. Sergeev // Modern Europe. 2018. No. 7 (86). P. 172–184.

14. Slobodchikov D. N. Development of inter-budgetary relations based on the principles of fiscal federalism / D. N. Slobodchikov // Innovative development of the economy. 2016. No. 3-2 (33). P. 80–90.

15. Somoev R. G. On the role of fiscal federalism in the development of the budgetary potential of territories / R. G. Somoev // Socio-economic and financial aspects of the development of the Russian Federation and its regions in modern conditions: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Grozny, May 19, 2021.

Grozny : Chechen State University, 2021. pp. 167-178. DOI 10.36684/47-2021-1-167-178.

16. Strekalova A. A. Fiscal federalism: Public Finance management system / A. A. Strekalova // Proceedings of the Ural State University of Economics: collection of scientific articles : in 2 volumes / Responsible for the issue of E. B. Dvoryadkin. Editorial Board: E. G. Animitsa; V. J. Dubrovsky; M. S. Maramygin; A. Y. Kokovikhin; V. P. Solovyova. Yekaterinburg : Ural State University of Economics, 2016. P. 80–84.

17. Sulzhenko S. A. Tax measures and instruments to support the economy in conditions of macroeconomic instability caused by the COVID-19 pandemic in Russia / S. A. Sulzhenko, A. K. Musaelyan, V. S. Abdullayeva // Financial Research. 2021. No. 2 (71). P. 19–26.

18. Tyurina Yu. G. Problems of implementation of the principles of fiscal federalism in the formation of a new model of economic growth in Russia / Yu. G. Tyurina // Economics and Management in the XXI Century: New Challenges and opportunities : Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saransk, November 29-30 2019. Saransk : Individual entrepreneur Afanasyev Vyacheslav Sergeevich, 2019. P. 222–226.

19. Shakirova R. K. On the problems of fiscal federalism in Russia / R. K. Shakirova // Breakthrough economic reforms in conditions of risk and uncertainty: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Samara, January 10, 2016 / Responsible editor: Sukiasyan Asatur Albertovich. Samara : Aeterna Limited Liability Company, 2016. P. 184–190.

20. Shakirova R. K. Formation and development of fiscal federalism in Russia / R. K. Shakirova // Modern trends in the development of science and technology. 2015. No. 9-7. P. 129–134.

Информация об авторе

М. Е. Косов – заведующий кафедрой «Государственные и муниципальные финансы» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, директор института «Юридического менеджмента» Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov – Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.

Научная статья

УДК 657.633.5

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-231-234>

НИОН: 2015-0066-1/23-631

MOSURED: 77/27-011-2023-01-830

Учетно-аналитическое обеспечение и контроль в системе риск-ориентированного управления организацией

Лана Магометовна Кубатиева

Владикавказский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владикавказ, Россия, лана6941333@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены различные точки зрения на формирование и функционирование учетно-аналитического обеспечения и системы внутреннего контроля в организации. Отмечено, что в учетно-аналитическом обеспечении выделяется два аспекта: информационный и стратегический. Кроме того, некоторые задачи учетно-аналитического обеспечения могут быть решены за счет внешней информационной поддержки управления организацией как источника третьей составляющей этой системы. Подчеркивается, что учетно-аналитическое обеспечение и контроль – это объективная необходимость, так как они дают возможность собирать и анализировать данные, касающиеся функционирования организации, и обеспечить использование наиболее эффективных путей оптимизации и повышения эффективности ее деятельности.

Ключевые слова: учет и контроль, учетно-аналитическая система, учетно-аналитическое обеспечение, информационный и стратегический аспекты, внешняя информационная поддержка управления, риск-ориентированный менеджмент, внутренний контроль

Для цитирования: Кубатиева Л. М. Учетно-аналитическое обеспечение и контроль в системе риск-ориентированного управления организацией // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 231–234. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-231-234>.

Original article

Accounting and analytical support and control in the risk-oriented management system of the organization

Lana M. Kubatieva

Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz, Russia, лана6941333@yandex.ru

Abstract. The various points of view on the formation and functioning of accounting and analytical support and internal control system in the organization are being considered. It is noted that two aspects are distinguished in accounting and analytical support: informational and strategic. In addition, some tasks of accounting and analytical support can be solved through external information support for the management of the organization as a source of the third component of this system. It is emphasized that accounting and analytical support and control is an objective necessity, since it makes it possible to collect and analyze data related to the functioning of the organization and ensure the use of the most effective ways to optimize and improve the efficiency of its activities.

Keywords: accounting and control, accounting and analytical system, accounting and analytical support, information and strategic aspects, external information management support, risk-oriented management, internal control

For citation: Kubatieva L. M. Accounting and analytical support and control in the risk-oriented management system of the organization. Bulletin of economic security. 2023;(1):231–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-231-234>.

Введение. В сложившихся условиях деятельности организаций процедура учета и контроля – это объективная необходимость. Учет и контроль позволяют составлять прогнозы показателей, находить и исправлять отклонения, определять максимально эффектив-

ные управленческие решения. Именно учет и контроль способствуют принятию правильных управленческих решений, а также справедливости и согласованности в представлении данных, непрерывности осуществления деятельности, беспристрастности информационного

© Кубатиева Л. М., 2023

обеспечения, оптимизации учетной и контрольной систем, а также грамотному управлению рисками в организации.

Материал и методы исследований. Материалом для проведения исследований послужили научные труды российских ученых: В. Д. Андреева, М. А. Вахрушиной, Е. Е. Коба, Т. Ю. Серебряковой, И. Н. Кирилова, Г. В. Савицкой и др. Обработка указанных материалов была осуществлена с помощью монографического метода исследования, а также применения методов сравнения, анализа и синтеза.

Результаты исследований. Учет и контроль в риск-ориентированном менеджменте представляют собой неотъемлемый элемент учетно-аналитического обеспечения.

Впервые учетно-аналитическое обеспечение (как основная составляющая информационной поддержки) было описано в конце 1990-х годов Л. В. Поповой и И. П. Ульяновым, которые использовали термин «учетно-аналитическая система». Это понятие рассматривалось исследователями как система, функционирующая за счет сбора данных, основанных на отчетных сведениях бухгалтерского и иных видов учета в организации. При этом под системой, как правило, подразумевался комплекс компонентов, тесно связанных друг с другом, формирующих определенное единство.

На сегодняшний день понятие учетно-аналитической системы стало еще более важным. Его, как правило, теперь трактуют расширительно – как «систему учетно-аналитического обеспечения» организации. Термин «система» был заменен понятием обеспечения по той причине, что последнее имеет более широкое толкование. В частности, обеспечение подразумевает комплекс мероприятий, направленных на нормальное протекание экономических процессов организации. Таким образом, комплекс взаимодействующих компонентов был заменен процессом, способствующим осуществлению управленческих функций организации.

Множество исследователей внесло большой вклад в толкование термина «учетно-аналитическое обеспечение». В частности, Т. Ю. Серебрякова говорит о том, что оно представляет собой результат обработки отчетной информации, обусловленный определенными субъективными факторами (такими как восприятие пользователем данных о ситуации в организации на основе анализа отчетных сведений) [6].

М. А. Вахрушина считает, что учетно-аналитическое обеспечение представляет собой процесс, в ходе которого менеджеры собирают, обрабатывают, передают и используют информацию для того, чтобы планировать и контролировать осуществление деятельности служб и подразделений организации, а также измерять и оценивать полученные результаты.

По мнению Андреевой Л. В., под учетно-аналитическим обеспечением следует понимать связь между статистическим, управленческим, финансовым, бухгалтерским и оперативным учетом, обусловленную

единством методик учета и показателей учета, планирования и бухгалтерских финансовых отчетных данных в экономической жизнедеятельности организации [1]. Эту точку зрения разделяет Г. В. Савицкая, полагающая, что рассматриваемая система представляет собой комплекс информационной и методической поддержки функционирования организации. При этом она заостряет внимание на выборе методологий и методик анализа и пользовании разными источниками данных, включая внеучетные, учетные и плановые показатели [5].

Таким образом, все исследователи говорят о том, что сбор полезных сведений – это основная составляющая, обеспечивающая важность и необходимость учетно-аналитической поддержки и контроля.

Однако следует подчеркнуть, что в учетно-аналитическом обеспечении можно выделить два аспекта: информационный и стратегический. Информационный аспект состоит в том, что данная система представляет собой информационные ресурсы и методы их организации, необходимые и достаточные для того, чтобы осуществлять аналитические мероприятия и тем самым обеспечивать финансовую эффективность предпринимательства [2].

Стратегический же аспект этого понятия рассматривается с точки зрения управления организацией, под ним понимается алгоритм действий организации, направленных на разработку и применение наиболее эффективных путей оптимизации ее деятельности. Отсюда следует, что учетно-аналитическое обеспечение должно выступать своего рода гарантией возможности принятия наиболее эффективных решений в сфере управления. Помимо прочего, эти решения должны касаться таких областей, как изменение вида деятельности, корректировка стратегии предприятия, диверсификация и пр.

Проанализировав сущность системы информационного обеспечения, к тому же, можно заключить, что некоторые ее задачи должны быть решены за счет внешней информационной поддержки управления организацией как источника третьей составляющей этой системы. Основные источники сбора данных для внешней информационной поддержки представлены законодательными актами, регламентирующими в том числе налогообложение, подзаконными актами, информацией ЦБ РФ и др. Все указанные источники способствуют формированию внешних финансовых сведений, способствующих эффективному функционированию учетно-аналитического обеспечения. Кроме того, важно собирать, обрабатывать и исследовать также и нефинансовые данные.

Таким образом, система учетно-аналитического обеспечения как часть риск-ориентированного менеджмента – это процесс сбора, фиксации и анализа финансовых и нефинансовых учетных сведений, направленных на их аналитическое предоставление. Эти сведения формируются на основе таких принципов, как адаптивность к внешним и внутренним факторам, апперцепция, постоянное отслеживание условия функционирования,

они позволяют управлять рисками и следить за состоянием организации, санкционируя принимать эффективные управленческие решения по отношению к тем или иным объектам управления [4].

Необходимо отметить, что источником второй составляющей информационной поддержки организации выступает осуществление контролирующих функций в виде построения структуры внутреннего контроля. Обеспечив бесперебойную работу этой системы в организации, можно не просто защитить ее от угроз и осуществлять управление рисками, свойственными любой компании, но и увеличить эффективность ее деятельности.

Проведение внутреннего контроля – обязательная составляющая управленческого процесса в организации. Ему отводится основополагающая роль в таких вопросах, как отстаивание интересов организации и достижение поставленных целей [7].

По мнению Осипова В. И., внутренний контроль – это система, политика, механизмы, цель которых – обеспечить сохранность активов компании и достоверность сведений бухгалтерского учета. Необходимо, чтобы транзакции соответствовали стандартам учета за счет оперативного и корректного отображения, позволяющего регулярно сопоставлять физическое наличие активов с записями бухучета [3].

Следует отметить, что точка зрения, высказанная Осиповым В. И., является спорной, так как он подчеркивает, что основной объект контроля представлен активами организации. Мы считаем, что все объекты бухгалтерского учета являются одинаково актуальными и важными.

По мнению Е. Е. Коба, под внутренним контролем следует понимать систему постоянного наблюдения, мониторинга за функционированием компании, на основании которого оцениваются эффективность и правильность принимаемых решений [4].

Внутренний контроль – это процесс, который зависит от организационного устройства хозяйствующего субъекта, распределения полномочий, власти, человеческих ресурсов и управленческих информационных систем. Цель реализации этого контроля – помочь компании в достижении поставленных целей и сведение к минимуму риска влияния негативных факторов.

Разнообразные подходы к его организации дают основания для выделения ряда его функциональных направлений. В настоящее время в числе большого количества подходов к построению и реализации внутреннего контроля основным и наиболее эффективным является риск-ориентированный подход.

Риск-ориентированный контроль рассматривается как процесс, который реализует руководитель организации или другие представители управленческого звена и все работники организации. Этот контроль направлен на то, чтобы минимизировать риски при осуществлении миссии организации и достичь целей как оперативного, так и стратегического характера.

Заключение. На основании представленной информации можно сделать вывод, что учетно-аналитическое обеспечение, осуществление контроля и внешнего информационного обеспечения способствуют созданию единой системы информационной поддержки организации, цель которой – определение путей оптимизации и повышения эффективности ее деятельности.

Список источников

1. Андреев В. Д. Основы интегрированного риск-ориентированного внутреннего контроля и аудита хозяйствующих субъектов : учебное пособие / В. Д. Андреев. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2019. 368 с.
2. Кубатиева Л. М., Магкиева З. И. Место управленческого учета в учетно-аналитической системе организации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–2 (86). С. 1026–1029.
3. Осипов В. И. Контроль и аудит деятельности коммерческой организации: внешний и внутренний : учебное пособие / В. И. Осипов. Москва : ИНФРА-М, 2021. 221 с. // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1137320> (режим доступа: по подписке).
4. Развитие методологического инструментария внутреннего контроля в различных отраслях национальной экономики России : монография / под. ред. Е. Е. Коба. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. 268 с.
5. Савицкая Г. В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности : методологические аспекты : монография / Г. В. Савицкая. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2022. 291 с. (Научная мысль).
6. Серебрякова Т. Ю. Риски организации : их учет, анализ и контроль : монография / Т. Ю. Серебрякова, О. Г. Гордеева. М. : ИНФРА-М, 2020. 233 с. (Научная мысль).
7. Formation of a methodology for evaluating the internal control system in the agricultural business / Ostaev G. Y., Khosiev B. N., Kubatieva L. M., Bestaeva L. I. // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. 2020. Vol. 12. № 7. Special Issue. P. 2309–2317.

References

1. Andreev V. D. Fundamentals of integrated risk-oriented internal control and audit of economic entities : textbook. manual / V. D. Andreev. M. : Master : INFRA-M, 2019. 368 p.
2. Kubatieva L. M., Magkueva Z. I. The place of management accounting in the accounting and analytical system of the organization // Economics and entrepreneurship. 2017. № 9-2 (86). P. 1026–1029.
3. Osipov V. I. Control and audit of the activities of a commercial organization: external and internal : textbook / V. I. Osipov. Moscow : INFRA-M, 2021. 221 p. // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1137320> (access mode: by subscription).
4. Development of methodological tools of internal control in various sectors of the national economy of Russia

: monograph / ed. by E. E. Koba. M. : Publishing and Trading Corporation «Dashkov and Co.», 2016. 268 p.

5. Savitskaya G. V. Analysis of efficiency and risks of entrepreneurial activity : methodological aspects : monograph / G. V. Savitskaya. 2nd ed., reprint. and add. M. : INFRA-M, 2022. 291 p. (Scientific thought).

6. Serebryakova T. Y. Risks of the organization : their accounting, analysis and control : monograph /

T. Y. Serebryakova, O. G. Gordeeva. M. : INFRA-M, 2020. 233 p. (Scientific thought).

7. Formation of a methodology for evaluating the internal control system in the agricultural business / Ostaev G. Y., Khosiev B. N., Kubatieva L. M., Bestaeva L. I. // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. 2020. Vol. 12. № 7. Special Issue. P. 2309–2317.

Информация об авторе

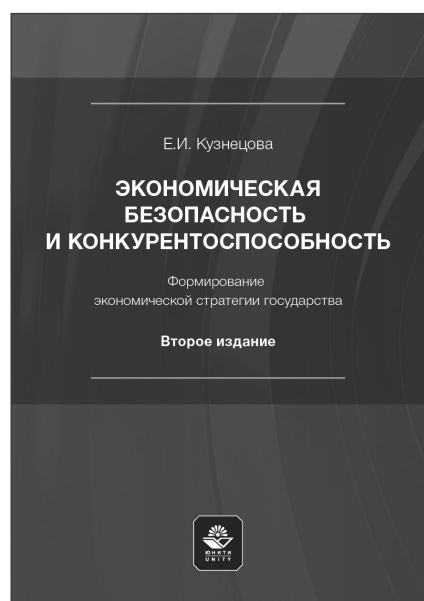
Л. М. Кубатиева – доцент кафедры «Налоги. Бухгалтерский учет» Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

L. M. Kubatieva – Associate Professor of the Department «Taxes. Accounting services» of the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 12.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства. Кузнецова Е. И. Монография. 2-е изд., перераб. и доп. 304 с.

Показана эволюция теории экономической безопасности через этапы и закономерности ее формирования, определены количественные и качественные ее характеристики. Экономическая безопасность рассмотрена как интегральная характеристика практически всех сфер жизнедеятельности, последовательно выражающая изменения в этих сферах и взаимосвязи между ними.

Систематизированы результаты формирования теории экономической безопасности в свете потребности в новых концепциях эффективных стратегий для изменяющихся условий конкуренции в экономике. Раскрыты сущность и содержание стратегического управления национальной экономикой, проанализирована последовательность формирования экономической стратегии государства.

Для обучающихся по направлению подготовки «Экономическая безопасность», а также аспирантов, адъюнктов, преподавателей, занимающихся вопросами экономической безопасности и стратегического управления.

Научная статья

УДК 338.12

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-235-239>

НИОН: 2015-0066-1/23-632

MOSURED: 77/27-011-2023-01-831

Развитие интеллектуального человеческого капитала как катализатор экономического роста в современной России через призму теории больших циклов экономической конъюнктуры

Андрей Вадимович Кудрявцев

Тверской институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, Тверь, Россия,
andrei-kudravcev@yandex.ru

Аннотация. В статье дается оценка экономической ситуации в России, рассматриваются тенденции и направления ее развития в современном мире с позиции теории экономических циклов. Оценивается динамика человеческого интеллектуального капитала и актуальность его развития с учетом санкций Западных стран и беспокойной геополитической обстановки на Евразийском континенте. Обсуждаются вопросы развития человеческого интеллектуального капитала как важнейшего катализатора экономики при проведении активной политики импортозамещения.

Ключевые слова: человеческий интеллектуальный капитал, цикличность, кризис, импортозамещение

Для цитирования: Кудрявцев А. В. Развитие интеллектуального человеческого капитала как катализатор экономического роста в современной России через призму теории больших циклов экономической конъюнктуры // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 235–239. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-235-239>.

Original article

The development of intellectual human capital as a catalyst for economic growth in modern Russia through the prism of the theory of large cycles of economic conjuncture

Andrey V. Kudryavtsev

Tver Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Tver, Russia,
andrei-kudravcev@yandex.ru

Abstract. The article assesses the economic situation in Russia, examines the trends and directions of its development in the modern world from the perspective of the theory of economic cycles. The dynamics of human intellectual capital and the relevance of its development are assessed, taking into account the sanctions of Western countries and the turbulent geopolitical situation on the Eurasian continent. The issues of the development of human intellectual capital as the most important catalyst of the economy in carrying out an active policy of import substitution are discussed.

Keywords: human intellectual capital, cyclical nature, crisis, import substitution

For citation: Kudryavtsev A. V. The development of intellectual human capital as a catalyst for economic growth in modern Russia through the prism of the theory of large cycles of economic conjuncture. Bulletin of economic security. 2023;(1):235–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-235-239>.

Введение. Социально-экономическое состояние любого общества не может постоянно находиться в состоянии поступательного роста или в состоянии расцвета. За повышательной волной социально-экономического развития всегда следует понижательная волна, порождающая кризисные явления в социально-экономической сфере. Данное негативное явление не избежать, однако организация мероприятий по минимизации последствий кризиса для экономики и перехода на стадию экономического роста является актуальной повесткой. Сбор необходимых эмпирических данных, монито-

ринг изменений экономических показателей, преследующий целью минимизировать последствия кризисных явлений, выбор стратегии развития, разработка и принятие тактических и оперативных решений в зависимости от местоположения на синусоиде экономического цикла не могут осуществляться без участия интеллекта человека. Достижение состояния макроэкономического равновесия (AD-AS) с помощью основополагающего экономического тождества «производство – распределение – обмен – потребление», возможно только с помощью использования человеческого интеллектуального

© Кудрявцев А. В., 2023

капитала, являющегося одним из индикаторов экономического роста.

Актуальность. Человеческий ресурс, наряду с капиталом и землей, является одним из факторов производства, с помощью которого формируется ВВП. И если в классической схеме процесс производства состоял из трех вышеперечисленных составляющих, то в современной экономической науке выделяют еще два фактора – информация и предпринимательские способности. Оценивая содержание факторов производства, приходим к выводу, что большинство из них, формально являясь самостоятельно оцениваемыми в производственном процессе величинами, составляют часть человеческого интеллектуального капитала:

- труд (человеческий труд, либо труд созданных человеком механизмов (роботизированное производство));
- капитал (совокупность средств основного и оборотного капитала, созданного с помощью человеческого труда (производство средств производства));
- предпринимательские способности (совокупность личных качеств человека, участвующего в экономическом процессе);
- информация (овеществленный ресурс производительных сил общества, создаваемый человеком);
- земля (природные ресурсы, используемые в хозяйственной деятельности).

Таким образом, человеческий интеллектуальный капитал является ключевым компонентом производственного цикла, без участия которого невозможно функционирование и само существование экономических процессов. Особое значение интеллектуальный капитал человека приобретает при смене старых форм хозяйствования и формировании новых, что происходит, как правило, при прохождении синусоиды цикла экономической конъюнктуры через низшую точку, фиксирующую окончание понижательной волны и начало повышательной, символизирующей начало экономического роста, что и происходит в современном мире.

Таким образом, развитие человеческого интеллектуального капитала, способного к созданию новых, не знающих аналогов за рубежом производственных мощностей, форм и способов производства, а также обеспечения экономической и военной безопасности России, является актуальной задачей на сегодняшний день.

Материалы и методы. При проведении исследования автор опирался на нормативно-правовые акты Российской Федерации, научные труды экономистов различных школ и направлений. Были использованы эмпирические данные официальной правительственной информации Российской Федерации. При проведении исследования были применены аналитический и формально-логический методы.

Обсуждение. Ученое сообщество определяет человеческий капитал как комплекс знаний, умений и навыков, способных оказывать положительное воздействие на производственную часть экономического цикла с

целью удовлетворения многообразных потребностей общества [4]. В то же время человеческий капитал представляет собой особую экономическую категорию, обусловленную совокупностью физических и умственных способностей человека, определяющих его способность к труду.

Среди отечественных ученых человеческий капитал с различных точек зрения рассматривался А. Н. Добрыниным и С. А. Дятловым [3]. Среди зарубежных авторов заслуживают внимания лауреаты Нобелевской премии Г. Беккер и Т. Шульц, доказавшие, что создание государством благоприятных условий для жизнедеятельности человека, вклад в его образование и здравоохранение, а также в социальную сферу положительно влияет на социальную обстановку в обществе и в конечном итоге приводит к экономическому росту [5; 6].

На страницах данной публикации мы рассматриваем человеческий капитал не просто как фактор производства, а вычленим из него именно интеллектуальную составляющую, поскольку последняя, не имея конкретной шкалы измерения, в классической теории не является частью прибавочной стоимости конечного продукта производственного цикла, но является катализатором изменений производственных и исторических процессов.

Исследуя наследие великого советского экономиста Н. Д. Кондратьева, являющегося первооткрывателем больших циклов экономической конъюнктуры, приходим к выводу об актуальности постулатов его теории на современном этапе исторического развития, что подтверждается, прежде всего, происходящими в мире событиями, которые были смоделированы великим советским экономистом почти 90 лет назад, а именно:

- на временной промежутке конца понижательной / начала повышательной волны приходятся социальные потрясения, эпидемии, военные действия;
- окончание понижательной волны характеризуется длинной депрессией хозяйства и медленным подъемом;
- наиболее разрушительные кризисы происходили тогда, когда совпадали во времени точки максимального падения деловой активности «длинноволнового цикла» и классического цикла. Данная закономерность совершается с периодичностью в 40 лет: 1873–1878 гг., 1929–1933 гг., 1973–1975 гг., 2014 – н. в.

В современных условиях ухода от монополярности в геополитике, разрушения существовавших экономических связей, тенденций создания новых форм и способов производства, рынков сбыта, а также проведения комплекса мер по экономической и военной безопасности нашей страны, фактор человеческого интеллектуального капитала является важнейшим катализатором, с помощью которого Россия сможет занять передовые позиции в мире.

На сегодняшний день мировая экономическая система находится в ожидании окончания кризиса и начала повышательной волны нового большого цикла эконо-

мической конъюнктуры. Затянувшаяся стадия подъема вызвана, на наш взгляд, агонизирующей стадией пониженной волны, не позволяющей пройти низшую точку цикла. Отличительной особенностью создавшейся ситуации является искусственная подоплека, созданная, по большей части, политиками Западных стран, а также государств, находящихся в зависимом положении от гегемона США, теряющего свои позиции на геополитическом пространстве и стремящегося их удержать любыми способами. По нашему мнению, именно искусственная инъекция западных стран, направленная на дестабилизацию экономик стран-соперников, и, как следствие, дестабилизирующей самостоятельные экономические процессы, и является причиной затянувшейся депрессии.

И если кризис 2007–2008 года имел вполне конкретные экономические причины, то общемировая стагнация периода 2014 – н. в. вызвана не столько экономическими, сколько геополитическими причинами, суть которых заключается в искусственном разрушении существовавших экономических связей. Однако, прямое вмешательство в экономический процесс подобно введению искусственного тела в живой организм, вызывающего аммонификационную реакцию, что вылилось в решение экономических проблем военным путем.

В данном случае стоит констатировать факт, что экономические модели, используемые в классической рыночной экономике, потеряли возможность функционировать в полном объеме (иначе говоря, классическая схема «зачем мне производить то, что я могу купить у соседа дешевле», перестала работать). На российской повестке дня остро стоит вопрос импортозамещения зарубежных товаров и услуг для жизненно важных отраслей экономики качественным отечественным аналогом, что возможно только с помощью интеллектуальных способностей человеческого капитала.

История дает России уникальный шанс развить собственное конкурентно-способное производство, поскольку покидающие отечественный рынок западные компании активно продают свои производственные мощности и средства основного капитала российским инвесторам, освобождается значительная ниша для отечественных инноваций и разработок.

Однако здесь стоит особо отметить слова Главы комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрея Клишаса, заявившего о провале реальной политики импортозамещения: «Кроме браваурных отчетов отраслевых ведомств нет ничего. Наши люди это видят и по товарам народного потребления, и во многих других сферах», а также председателя Национального антикоррупционного комитета Кирилла Кабанова, который обвинил некоторых руководителей в стремлении пересадить российскую промышленность и экономику на новую, «китайскую иглу» взамен «западной», поменяв логистику закупок и инвесторов, вместо того, чтобы отечественной экономике добиваться независимости.

С данными утверждениями трудно не согласиться, ведь, учитывая витки исторического развития России, можно констатировать периоды сотрудничества и соперничества со всеми великими державами, иными словами, сегодняшний партнер завтра может превратиться в соперника. Для создания же крепкой экономики необходимо развивать собственное производство, переходить из разряда сырьевой в разряд производственной державы, производящей конкурентные на мировом рынке товары. Это единственный путь к независимости экономики и процветанию.

Именно эти задачи и призван разрешить человеческий капитал, поскольку в такие периоды исторического развития обостряется роль человеческого интеллекта, способного превозмочь перипетии переходной точки экономического цикла и, с помощью модернизированных технологий широкого применения изменить угол наклона синусоиды экономического цикла с отрицательного на положительный.

Понятие технологии широкого применения является одним из ключевых в теории больших циклов экономической конъюнктуры, которая имеет различные варианты использования, применима во многих отраслях хозяйствования, допускает различные усовершенствования и модификацию, сочетается с другими технологиями, значительно повышая их эффективность [1].

Телекоммуникационные технологии, с помощью которых была преодолена точка перигея 1973–1975 гг. предыдущего кризисного периода большого цикла, в настоящее время устарели. С помощью компьютерных технологий, ворвавшихся в мировую экономику в 80-е годы XX века, больше не может осуществляться экономический рост. Необходима смена форм и способов производства.

На наш взгляд, новыми катализаторами, способными повлиять на изменение направления волны экономической конъюнктуры будет отказ от углеводородов в производственном процессе (изменение формы и способа производства), а также дальнейшее развитие IT и нано-технологий. Очевидно, что без развития человеческого интеллектуального капитала, способного разработать и применить на практике новые технологии, а также внести в производственный процесс необходимые изменения, невозможно развитие представленных направлений.

В России человеческий капитал, как основной элемент экономической системы, включен в базисный приоритет и представлен, согласно Указам Президента РФ № 204 от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и № 474 от 21.07.2020 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в комплексе национальных целей развития [2].

Однако интеллектуальный капитал нуждается в еще большей поддержке, особенно на фоне проводимой специальной военной операции на Украине, когда уход с

российского рынка стал трендом для иностранных компаний, в связи с чем особую актуальность на повестке дня приобрел вопрос необходимости скорейшего импортозамещения для бесперебойной работы промышленности и потребительского рынка.

Одной из самых острых проблем при реализации политики импортозамещения является отсутствие отечественного программного обеспечения и серьезных разработок в области электроники и вычислительной техники, высоких технологий, а также наличие производственных мощностей, реализующих данное направление деятельности. Но именно человеческий интеллектуальный капитал способен экономическими методами противостоять «санкционному обложению» России в современной неспокойной геополитической ситуации.

Однако пока обстановка в данном направлении продолжает оставаться довольно неспокойной. США и Японии, являющиеся ведущими разработчиками «высоких технологий», с введением санкций заблокировали доступ России к данному сектору рынка. Данный факт стал катализатором эмиграции IT-специалистов из России за рубеж. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, в феврале-марте 2022 года Россию покинули около 50–70 тыс. человек, работающих в сфере информационных технологий.

«Первая волна – 50–70 тыс. человек уже уехали. Сдерживает вторую волну только то, что там дорогие билеты, жилье выросло, русских никто не ждет, и нет финансовой связности, транзакции проводить. Но вторая волна будет точно, по нашему прогнозу, от 70 тыс. до 100 тыс. человек в апреле уедут. Это только айтишники», – сказал глава Российской ассоциации электронных коммуникаций Сергей Плутогаренко в рамках заседания Госдумы РФ по вопросу «Развитие IT-отрасли в условиях санкций». Президент ГК Info Watch Наталья Капсерская среди причин эмиграции IT-специалистов называет обвал рубля, начавшийся с началом специальной военной операции на Украине, а также покидание отечественного рынка западными IT-компаниями. Кроме того, еще одной из причин выступает введение эмбарго на поставку комплектующих для компьютеров в Россию со стороны западных стран.

На момент написания данной статьи, по утверждению Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина, около 80% уехавших специалистов вернулись в Россию.

Помимо востребованных в современных условиях IT-специалистов, «утечка умов» происходит и в других научных направлениях. Так, по сообщению главного ученого секретаря Российской академии наук Н. Долгушкина, с 2012 года количество ученых, уезжающих из России, увеличилось в 5 раз, за последние 3 года количество ученых в России сократилось на 30 000 человек, в результате чего стало невозможным выполнить показатели национального проекта «Наука», среди основных задач которого было увеличение числа специалистов. Как отметил Н. Долгушкин, Россия является единственной из развитых стран, в которой количество ученых

уменьшается с каждым годом. Если в 1990 году СССР занимал первое место в мире по количеству ученых, то с тех пор их количество снизилось с 992 тыс. (показатель 1990 года) до 348 тыс. (показатель 2021 года) при ежегодной эмиграции около 70 тыс. ученых ежегодно.

Однако сегодняшние реалии показали, и в настоящее время Правительство РФ это демонстрирует, что интеллектуальный капитал востребован в России как никогда, необходимы собственные разработки высоких технологий, способные противостоять в конкурентной борьбе зарубежным аналогам.

Результаты. Стоит особо отметить, что в создавшейся непростой геополитической ситуации Правительство Российской Федерации осознает необходимость поддержки человеческого интеллектуального человеческого капитала в России и стимулирует их деятельность.

В настоящее время основное внимание обращено на IT-специалистов, являющихся дефицитом на рынке труда. Мерами поддержки стали такие решения, как:

- снижение ставки на прибыль для IT-компаний с 20 % до 3 %;
 - снижение страховых взносов за сотрудников компании до 7,6 %;
 - автоматическое продление сроков уплаты страховых взносов на 12 месяцев;
 - отсрочка от армии для сотрудников IT-компаний до достижения ими возраста 27 лет;
 - предоставление льготной ипотеки под 5 % для сотрудников IT-компаний;
 - мораторий на проведение плановых проверок в отношении аккредитованных IT-компаний до конца 2024 года;
 - льготные кредиты на пополнение оборотных средств по ставке 11 %;
 - предоставление финансирования на возмещение 13 % НДС, уплаченного за сотрудников IT-компаний;
 - снижение не менее чем в два раза ставки налога на имущество, земельный налог для объектов связи и центров обработки данных;
 - снижение не менее чем в два раза ставки арендной платы по договорам аренды государственного и муниципального имущества для объектов связи и ЦОДов;
 - предоставление региональных грантов на дальнейшее развитие;
 - упрощение процедуры получения вида на жительство для иностранных IT-специалистов и их семей.
- Такой объемный пакет правительственных мер поддержки призван обеспечить устойчивое функционирование и развитие IT-отрасли в России.

Хочется надеяться, что подобные меры поддержки будут применены и к остальному научному обществу России, работающей для блага своей страны.

Выводы. Переходный период с понижательной на повышательную волну большого цикла экономической конъюнктуры нелегко переживает весь мир, по-

сколькx данный исторический промежуток связан с отказом от старых, устаревших моделей и поискам новых, что вынуждает менять застоявшиеся стереотипы, модернизировать мышление, формы и способы производства.

Для прохождения низшей точки и начала подъема необходимо инвестировать не только в средства основного и оборотного капитала, наращивание производственных мощностей.

В первую очередь, на наш взгляд, необходимы инвестиции в интеллектуальный человеческий капитал, являющийся основным катализатором экономического развития и способный создавать инновации, необходимые для производственного развития.

Список источников

1. Даниленко Л. Н. Экономическая теория. М. : Инфра-М, 2013. С. 395.
2. Изварина Н. Ю., Шумилина В. Е., Сангаджиева А. С. Статистический анализ человеческого капитала в Российской Федерации // Экономические науки. № 4 (37), С. 98–102.
3. Крохичева Г. Е., Шумилина В. Е. Роль демографической безопасности в системе экономической безопасности государства и ее индикаторы // KANT. 2018. № 1 (28). С. 187–192.

Информация об авторе

А. В. Кудрявцев – старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Тверского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. V. Kudryavtsev – Senior Lecturer of the Department of Economics and Management of the Tver Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 01.10.2022; принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 30.08.2022; approved after reviewing 01.10.2022; accepted for publication 29.11.2022.

4. Шульц Т. Человеческий капитал в Международной энциклопедии социальных наук. 1968, Вып. 6. С. 32.

5. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political economy. 1962. Vol. 70. № 5. P. 9–49.

6. Shults T. W. Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51. № 1. P. 1–17.

References

1. Danilenko L. N. Economic theory. M. : Infra-M, 2013. P. 395.
2. Izvarina N. Yu., Shumilina V. E., Sangadzhieva A. S. Statistical analysis of human capital in the Russian Federation // Economic sciences. No. 4 (37), P. 98–102.
3. Kroklicheva G. E., Shumilina V. E. The role of demographic security in the system of economic security of the state and its indicators // KANT. 2018. № 1 (28). P. 187–192.
4. Schultz T. Human capital in the International Encyclopedia of Social Sciences. 1968, issue 6.
5. Becker G. S. Investment in Human Capital : A Theoretical Analysis // Journal of Political economy. – 1962. Vol. 70. No. 5. P. 9–49.
6. Schultz T. W. Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 1. P. 1–17.

Научная статья

УДК 338.12

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-240-244>

ИПОН: 2015-0066-1/23-633

MOSURED: 77/27-011-2023-01-832

Повышение качества управления региональными бюджетами в условиях пандемии (на примере СКФО)

Лариса Борисовна Лазарова¹, Залина Руслановна Дзгоева², Дампе Владимирович Тотров³

^{1,2,3} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал), Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены практические аспекты исполнения бюджета по расходам Республики Северная Осетия-Алания, Республики Дагестан и Чеченской Республики, проведена сравнительная характеристика расходных статей бюджетов анализируемых субъектов, выявлены и проанализированы изменения исследуемых показателей, а также определены причины таких изменений.

Ключевые слова: Бюджетный кодекс, бюджет субъекта, исполнение бюджетов, расходы, социальные расходы

Для цитирования: Лазарова Л. Б., Дзгоева З. Р., Тотров Д. В. Повышение качества управления региональными бюджетами в условиях пандемии (на примере СКФО) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 240–244. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-240-244>.

Original article

Improving the quality of regional budget management in a pandemic (on the example of the North Caucasus Federal District)

Larisa B. Lazarova¹, Zalina R. Dzgoeva², Dampe V. Totrov³

^{1,2,3} Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch), Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article considers the practical aspects of budget execution for expenditures of the Republic of North Ossetia-Alania, the Republic of Dagestan and the Chechen Republic, a comparative characteristic of the expenditure items of the budgets of the analyzed subjects is carried out, changes in the studied indicators are identified and analyzed, and the reasons for such changes are determined.

Keywords: Budget code, budget of the subject, execution of budgets, expenses, social expenses

For citation: Lazarova L. B., Dzgoeva Z. R., Totrov D. V. Improving the quality of regional budget management in a pandemic (on the example of the North Caucasus Federal District). Bulletin of economic security. 2023;(1):240–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-240-244>.

Государство имеет определенные обязательства, исполнение которых способствует выполнению возложенных на него функций. Как правило, большая часть таких обязательств являются расходными обязательствами, кроме того, различают еще бюджетные обязательства – это расходные обязательства, подлежащие исполнению в текущем финансовом году. Для исполнения обязательств направляется определенная часть бюджетных средств, которую представляют собой расходы бюджета.

Поскольку Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика и Республика Дагестан являются сверхдотационными регионами, представляется интересным исследование особенностей исполнения бюджетов указанных республик по расходам.

Рассмотрим ведомственную структуру расходов бюджета РСО-Алания за 2019–2021 гг. (таблица 1).

На основании данных, приведенных в таблице 1, можно отметить замедление роста совокупного объема расходов. Так, в 2019 году общая величина выбытий на расходы составила 33 044,5 млн руб., в 2020 показатель вырос на 32 %, достигнув отметки 43 634,4 млн руб.; в 2021 году, по сравнению с уровнем 2020 года, также наблюдался рост показателя, однако темп прироста составил всего 2,7 %.

При этом, в структуре расходов можно отметить тенденцию к значительному росту в 2020 году расходов по следующим направлениям: здравоохранение (50,7 %, по сравнению с уровнем 2019 года); социально-ориентированные расходы (74,6 %); сельское хозяйство (54,5 %).

© Лазарова Л. Б., Дзгоева З. Р., Тотров Д. В., 2023

Таблица 1

**Динамика ведомственной структуры расходов республиканского бюджета
Республики Северная Осетия-Алания за 2019–2021 гг., млн руб.**

Наименование	Ведомство	2019	2020	Темп прироста, %	2021	Темп прироста, %
Образование	Министерство образования и науки РСО-Алания	6 269,8	7 032,8	12,2	7 796,6	10,9
Здравоохранение	Министерство здравоохранения РСО-Алания	6 108,4	9 203,7	50,7	8 609,7	-6,5
Строительство	Министерство строительства и архитектуры РСО-Алания	4 893,3	5 420,8	10,8	4 854,1	-10,5
Социальная сфера (Минтруд, комитет занятости)	Министерство труда и социального развития РСО-Алания; Комитет РСО-Алания по занятости населения	4 804,2	8 388	74,6	9 463	12,8
Спорт, молодежная политика	Министерство физической культуры и спорта РСО-Алания; Комитет РСО-Алания по делам молодежи	684,4	660	-3,6	786,8	19,2
Культура	Министерство культуры РСО-Алания	1 035,8	1 115,1	7,7	1 223,2	9,7
Сельское хозяйство (АПК)	Министерство сельского хозяйства и продовольствия РСО-Алания	815,7	1 260	54,5	1 617,5	28,4
Выбытия на расходы – всего		33 044,5	43 634,4	32	44 816	2,7

Рис. 1. Структура вычетов на расходы бюджета РСО-Алания по основным направлениям в 2020 году

Данная тенденция объясняется кризисом, вызванным пандемией коронавируса: необходимо было предпринимать меры, направленные на борьбу с пандемией (социальные расходы и расходы на здравоохранение), а также на поддержку отечественного производства (расходы на АПК).

В 2021 году наибольший прирост показали расходы, направленные на сельское хозяйство (28,4 %, по сравнению с уровнем 2020 года); на развитие спорта и физической культуры, молодежной политики (19,2 %); на социальную поддержку (12,8 %).

Структура вычетов на расходы по основным направлениям в 2020 году представлена на рисунке ниже.

Таким образом, в 2019–2021 гг. среди рассматриваемых ведомств наибольший рост объемов расходования приходится на:

1) Минтруда РСО-Алания и Комитет РСО-Алания по занятости населения (темп прироста объема расхо-

дов в 2019–2020 гг. составил 74,6 %; в 2020–2021 гг. – 12,8 %);

2) Минсельхозпрод РСО-Алания (темп прироста объема расходов в 2019–2020 гг. – 54,5 %; в 2020–2021 гг. – 28,4 %);

3) Минздрав РСО-Алания (темп прироста объема расходов в 2019–2020 гг. – 50,7 %; в 2020–2021 гг. показатель снизился на 6,5 %).

Теперь рассмотрим анализируемые показатели за 2019–2021 гг. по Республике Дагестан (далее – РД) (таблица 2).

Как видно из таблицы 2, рост объема совокупных расходов так же, как и в РСО-Алания, замедлился в 2020–2021 гг., по сравнению с 2019–2020 гг. Так, в 2019 году величина вычетов на расходы составляла 120 536 млн рублей, в 2020 году показатель вырос на 40,3 % и достиг отметки 168 786,20 млн рублей; в 2021 году объем расходов составил 169 203,80 млн

Динамика ведомственной структуры расходов республиканского бюджета Республики Дагестан за 2019–2021 гг., млн руб.

Наименование	Ведомство	2019	2020	Темп прироста, %	2021	Темп прироста, %
Образование	Министерство образования и науки РД	7 299,00	9 309,00	27,54	12 287,40	32
Здравоохранение	Министерство здравоохранения РД	23 518,20	36 643,40	55,81	30 418,70	-17
Строительство	Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства РД; Управление Правительства РД по капитальному строительству; Комитет по архитектуре и градостроительству РД	7 423,30	16 302,70	119,62	11 322,70	-30,54
Социальная сфера (Минтруд)	Министерство труда и социального развития РД	15 159,30	34 116,50	125,05	38 104,60	11,69
Спорт, молодежная политика	Министерство по физической культуре и спорту РД; Министерство по делам молодежи РД	2 055,50	2 391,70	16,36	2 445,20	2,24
Культура	Министерство культуры РД; Агентство по охране культурного наследия РД	1 726,40	1 994,30	15,52	2 245,60	12,6
Сельское хозяйство (АПК)	Министерство сельского хозяйства и продовольствия РД; Комитет по лесному хозяйству РД	5 855,10	5 758,80	-1,64	3 200,20	-44,4
Выбытия на расходы – всего		120 536,00	168 786,20	40,03	169 203,80	0,25

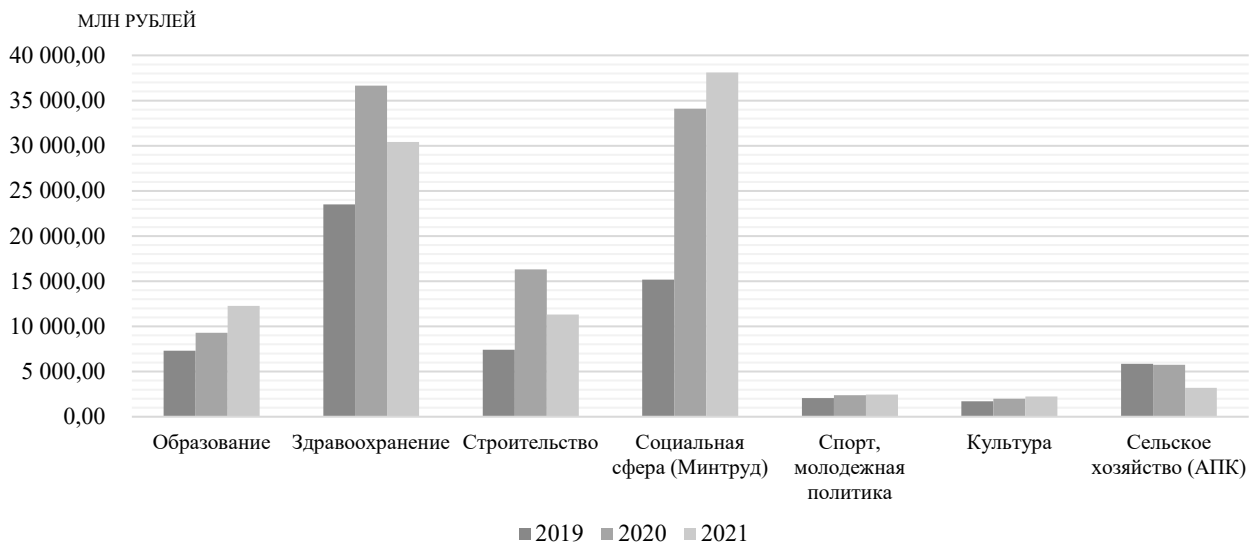

Рис. 2. Распределение выбытий на расходы бюджета Республики Дагестан по основным направлениям в 2019–2021 гг.

рублей, что больше уровня 2020 года всего на 0,25 %.

Рассматривая динамику ведомственной структуры расходов бюджета РД, можно отметить, что пик роста объемов расходования в 2019–2020 гг. приходится на ведомства, представляющие: социальную сферу (125,05 % в 2020 году, относительно уровня 2019 года); сферу строительства (119,62 %); сферу здравоохранения (55,81 %). Данная тенденция представлена на рисунке 2.

Данная трансформация в исследуемых региональных бюджетах, связана с необходимостью применения мер по борьбе и устранению последствий кризиса, вызванного пандемией коронавируса.

Далее рассмотрим анализируемые показатели по Чеченской Республике (далее – ЧР), приведенные в таблице 3.

На основании данных, приведенных в таблице 3 можно отметить прирост объема выбытий на рас-

Динамика ведомственной структуры расходов республиканского бюджета
Чеченской Республики за 2019–2021 гг., млн руб.

Наименование	Ведомство	2019	2020	Темп прироста, %	2021	Темп прироста, %
Образование	Государственное казенное научное учреждение «Академия наук Чеченской Республики»; Министерство образования и науки ЧР; Комитет Правительства ЧР по дошкольному образованию	33 153,70	36 847,10	11,14	41 448,20	12,49
Здравоохранение	Министерство здравоохранения ЧР	5 285,00	8 803,90	66,58	6 072,80	-31,02
Строительство	Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства ЧР; Государственный комитет по архитектуре и градостроительству ЧР	4 614,60	6 642,60	43,95	11 185,10	68,38
Социальная сфера (Минтруд)	Министерство труда, занятости и социального развития ЧР	19 468,10	36 590,20	87,95	40 653,00	11,10
Спорт, молодежная политика	Министерство ЧР по физической культуре и спорту; Министерство ЧР по делам молодежи	3 207,90	3 490,50	8,81	3 518,10	0,79
Культура	Министерство культуры ЧР; Комитет Правительства ЧР по охране и использованию культурного наследия	1 519,90	1 626,50	7,01	2 035,80	25,16
Сельское хозяйство (АПК)	Министерство сельского хозяйства ЧР	2 228,00	2 046,00	-8,17	1 773,10	-13,34
Выбытия на расходы – всего		92 578,00	122 613,00	32,44	134 026,00	9,31

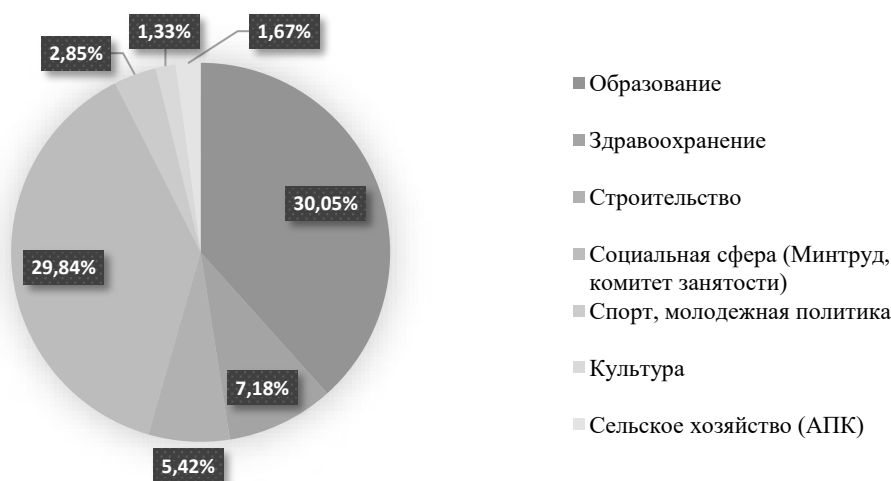

Рис. 3. Структура выбытий на расходы бюджета Чеченской Республики по основным направлениям в 2020 году

ходы в 2020 году, по сравнению с уровнем 2019 года, на 32,4 %; в 2021 году совокупный объем расходов также вырос – на 9,3 % – достигнув отметки 134 026 млн рублей.

В структуре выбытий на расходы бюджета Чеченской Республики по основным направлениям так же, как и в отношении бюджетов РСО-Алания и Республики Дагестан, отмечается наибольший прирост объемов расходования в 2019–2020 гг. ведомств, представляю-

щих социальную сферу (88 %, по сравнению с уровнем 2019 года), сферу здравоохранения (67 %), сферу строительства (44 %). Рост расходов на строительство связан с реализацией мер по поддержке строительной отрасли в 2020 году.

В структуре выбытий на расходы в 2020 году (рисунк 3) наибольшую долю составили расходы на образование (30,1 %), социальные расходы (29,8 %), строительство (5,4 %).

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы, что в целом анализ по статьям расходов исследуемых бюджетов в период с 2019–2021 гг. происходило по одинаковому сценарию: замедление темпов прироста совокупного объема выбытий и значительный рост объемов расходования ведомств, относящихся к сферам здравоохранения, социальной политики, АПК и строительства. Это объясняется необходимостью борьбы с пандемией коронавируса и нивелирования последствий кризиса, вызванного данной пандемией: выросли расходы субъектов на медицину и социальную сферу; на поддержку сельского хозяйства; на развитие жилищно-коммунального хозяйства.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 19.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 10.12.2022). Текст: электронный.
2. Официальный сайт Управления Федерального казначейства по Республике Северная Осетия-Алания. URL: <https://alania.roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Официальный сайт Управления Федерального казначейства по Республике Дагестан. URL: <https://dagestan.roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

4. Официальный сайт Управления Федерального казначейства по Чеченской Республике. URL: <https://chechnya.roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

5. Валиева Е. Н. Государственные (муниципальные) финансы : учебное пособие / Е. Н. Валиева, А. Г. Лукин. М. : Русайнс, 2020. 143 с. ISBN 978-5-4365-4469-4. URL: <https://old.book.ru/book/935641> (дата обращения: 10.12.2022). Текст: электронный.

Bibliographic list

1. Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 145-FZ (as amended on 19.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed: 10.12.2022). Text: electronic.
2. Official website of the Federal Treasury Department for the Republic of North Ossetia-Alania. URL: <https://alania.roskazna.gov.ru/> (accessed: 20.12.2022).
3. Official website of the Federal Treasury Department for the Republic of Dagestan. URL: <https://dagestan.roskazna.gov.ru/> (accessed: 20.12.2022).
4. Official website of the Federal Treasury Department for the Chechen Republic. URL: <https://chechnya.roskazna.gov.ru/> (accessed: 20.12.2022).
5. Valieva E. N. State (municipal) finance : textbook / E. N. Valieva, A. G. Lukin. M. : Rusains, 2020. 143 p. ISBN 978-5-4365-4469-4. URL: <https://old.book.ru/book/935641> (accessed: 10.12.2022). Text: electronic.

Информация об авторах

Л. Б. Лазарова – профессор кафедры «Экономика и финансы» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал), доктор экономических наук;

З. Р. Дзгоева – магистрант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал);

Д. В. Тотров – магистрант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал).

Information about the authors

L. B. Lazarova – Professor of the Department of Economics and Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz Branch), Doctor of Economic Sciences;

Z. R. Dzgoeva – Master's student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch);

D. V. Totrov – Master's student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 339.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-245-252>

НИОН: 2015-0066-1/23-634

MOSURED: 77/27-011-2023-01-833

Государственное регулирование цен и их влияние на инфляционные процессы в России

Андрей Владимирович Минаков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

minakov-info@yandex.ru

Аннотация. Актуальность государственного регулирования цен определяется ролью государства в соблюдении общественных интересов. В условиях рыночной экономики цены на товары и услуги всегда могут измениться. Инфляция возникает, когда наблюдается рост цен на товары и услуги. Высокая инфляция – опасное явление для экономики любой страны, для экономической безопасности государства. С помощью инструментов регулирования цен государство способно снизить темпы роста инфляции, смягчить социальные противоречия, противодействовать рискам экономической безопасности. Цель исследования – изучение влияния государственного регулирования цен в России на инфляционные процессы. В данной статье были использованы общенаучные и специально-научные методы исследования. В статье было рассмотрено понятие инфляции, ее виды, формы проявления и последствия, изучены меры по ее снижению, по регулированию цен в России, изучена динамика инфляции в России. Область применения результатов: результаты могут быть использованы для дальнейших исследований государственного регулирования цен в России. Выводы: инфляция имеет разрушительные последствия для экономики, в связи с чем необходимы государственные решения по ее стабилизации.

Ключевые слова: государственное регулирование, регулирование цен, тарифное регулирование, индекс потребительских цен, инфляция, экономическая безопасность

Для цитирования: Минаков А. В. Государственное регулирование цен и их влияние на инфляционные процессы в России // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 245–252. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-245-252>.

Original article

State regulation of prices and their impact on inflationary processes in Russia

Andrey V. Minakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

minakov-info@yandex.ru

Abstract. The relevance of state regulation of prices is determined by the role of the state in the observance of public interests. In a market economy, prices for goods and services can always change. Inflation occurs when there is an increase in the prices of goods and services. High inflation is a dangerous phenomenon for the economy of any country, for the economic security of the state. With the help of price regulation tools, the state is able to reduce the rate of inflation, mitigate social contradictions, and counteract the risks of economic security. The purpose of the study is to study the impact of state price regulation in Russia on inflationary processes. In this article, general scientific and special scientific research methods were used. The article considered the concept of inflation, its types, forms of manifestation and consequences, studied measures to reduce it, to regulate prices in Russia, studied the dynamics of inflation in Russia. Scope of the results: the results can be used for further research on state regulation of prices in Russia. Conclusions: inflation has devastating consequences for the economy, and therefore government decisions are needed to stabilize it.

Keywords: government regulation, price regulation, tariff regulation, consumer price index, inflation, economic security

For citation: Minakov A. V. State regulation of prices and their impact on inflationary processes in Russia. Bulletin of economic security. 2023;(1):245–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-245-252>.

© Минаков А. В., 2023

Прежде всего, необходимо указать на сущность и определение в экономической литературе термина «инфляция». Н. Н. Яроменко с соавторами считают, что инфляция – это рост стоимости товаров на фоне обесценивания государственных денег [12, с. 333]. По мнению М. Д. Аникиной и А. Р. Гатиатуллиной, инфляция – это ситуация, при которой за один и тот же товар или услугу приходится платить больше [4, с. 139]. Сущность инфляции проявляется в том, что со временем инфляция увеличивает стоимость жизни для потребителя, увеличивая его расходы даже без роста физического потребления. Если уровень инфляции достаточно высок, это наносит ущерб экономике, снижает уровень экономической безопасности государства, поскольку снижает уровень жизни людей, усугубляет проблему бедности, социального неравенства.

А. М. Ощепков выделяет несколько видов инфляции, представленных на рисунке 1.

В. Н. Боронов выделяет следующие последствия инфляции:

- подрыв покупательной способности потребителей и предприятий,
- перераспределение богатств и разрыв между слоями населения,
- снижение интереса к инвестициям,
- снижение предпринимательской активности,
- рост безработицы,
- развитие сектора теневой экономики [5, с. 57].

Д. Н. Ганченко и Е. С. Нестеренко главными отрицательными последствиями инфляции считают обесценивание богатства и сбережений граждан [6, с. 150].

М. Е. Черкунова и Н. А. Черкунова читают, что эффективным инструментом для регулирования уровня инфляции является использование Банком России ключевой процентной ставки [11, с. 245].

И. А. Филиппова с соавторами выделяет такие способы борьбы с инфляцией как регулирование денежной массы, регулирование кредитования, государственное регулирование цен и т. д. [9, с. 72].

В России на государственном уровне могут устанавливаться общие правила ценообразования и определяться предельные цены на определенные товары и услуги.

На федеральном уровне органами, занимающимися вопросами формирования цен являются Правительство и федеральные органы исполнительной власти, на региональном уровне – законодательные и исполнительные органы регионов и органы местного самоуправления.

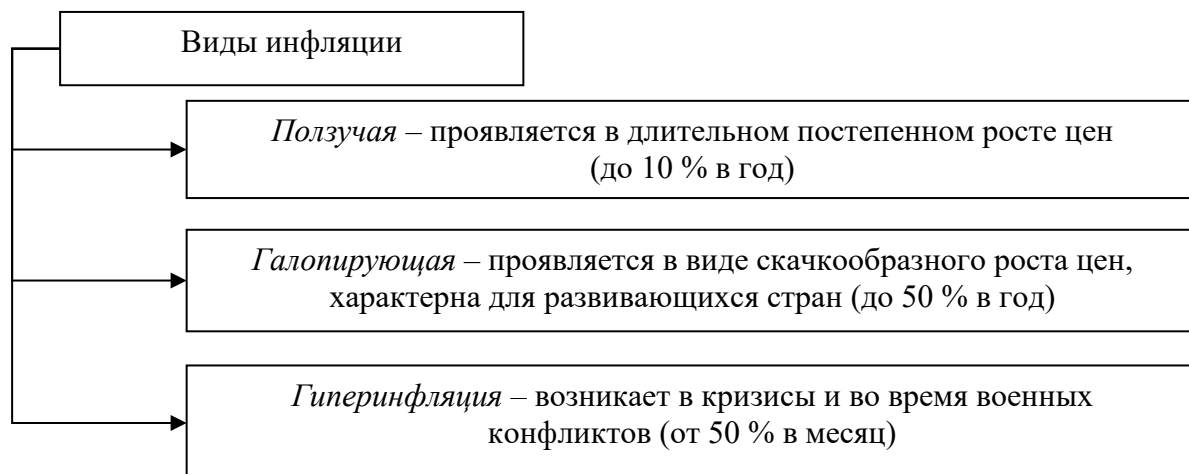
Нормативно-правовая база государственного регулирования цен постоянно развивается и совершенствуется с учетом текущей ситуации. В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», для монополий государство может устанавливать цены или их предельные значения [1]. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 7 марта 1995 г. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)», существуют товары и услуги, цены на которые регулируются государством [2]. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 14 ноября 2022 года № 2053 «Об особенностях индексации регулируемых цен (тарифов)», установлены предельные максимальные уровни тарифов на услуги по передаче электрической энергии, оптовые цены на природный газ и т. д. [3].

Методы государственного регулирования цен представим на рисунке 2.

Официальные данные по динамике инфляции с 2013 по 2022 год представим на рисунке 3.

Минимальные уровни инфляции за анализируемый период были зафиксированы в 2017 г. и 2019 г. Самые высокие уровни инфляции за анализируемый период были зафиксированы в 2015 г. (20,91 %) и 2022 г. (11,94 %). В 2015 г. основными причинами высокой инфляции стали мировой экономический кризис, и введение санкций США против России.

Рост инфляции в 2021 г. был связан с выходом из пандемических ограничений и ростом мировых цен.

Источник: составлено автором на основе [7, с. 59]

Рис. 1. Виды инфляции

Для ограничения роста цен на отдельные товары (сахар, подсолнечное масло, зерно, гречиха, нефтепродукты, металлы, древесина) Правительством были использованы различные инструменты регулирования цен: соглашения о фиксации цен с производителями и крупнейшими ритейлерами (крупными розничными сетями), демпферные механизмы, государственные интервенции и т. д.

Например, в декабре 2020 г. на сахар была установлена максимальная цена в розничной торговле – 46 руб. за кг; были повышены вывозные таможенные

пошлины на большую часть зерновых культур, с 5 июня по 31 августа 2021 г. был запрещен вывоз гречихи, были повышены экспортные пошлины на лес, были введены временные экспортные пошлины на цветные и черные металлы и т. д.

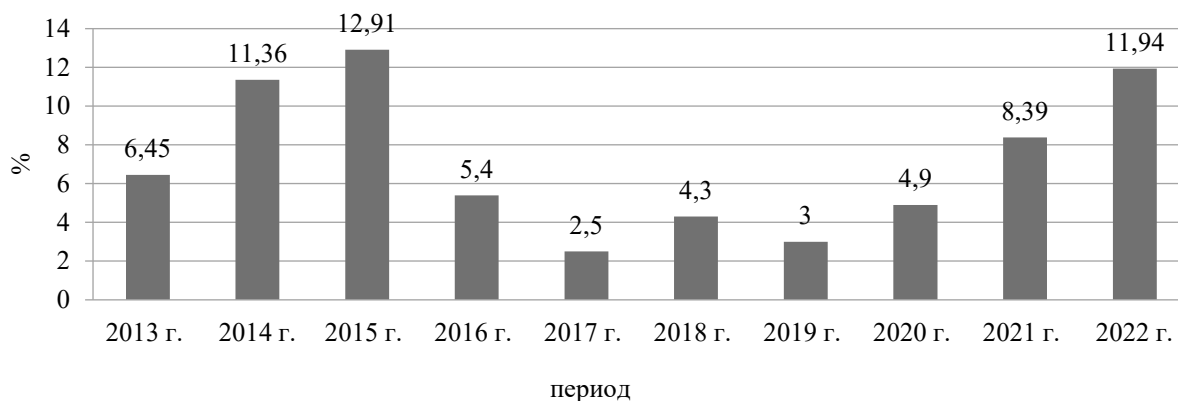
В 2022 г. инфляция в России была высокой из-за международных санкций на фоне спецоперации ВС РФ на Украине и нарушения цепочек поставок.

Цены на продовольственные товары росли в 2014 г., 2018 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г., на непродовольственные товары – 2014 г., 2015 г., в 2018 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г.

Источник: составлено автором на основе [8]

Рис. 2. Методы государственного регулирования цен

Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 3. Инфляция в России в 2013–2022 гг., %

Замедление темпов роста цен в 2016–2017 гг. было связано с укреплением рубля и насыщением рынка товарами (в том числе за счет параллельного импорта) (рис. 4).

В секторе услуг значительные скачки цен наблюдались в 2013–2015 гг. и в 2021–2022 гг. (рис. 5).

В 2022 г. самый высокий уровень инфляции был в апреле – 17,83 %, а начиная с мая, инфляция стала постепенно снижаться. Аналогичная динамика наблюдается и по ключевой ставке – в феврале и марте она достигла 20 % (чтобы удержать в банках депозиты и компенсировать инфляционные риски), а к концу года снизилась до 7,5 % (рис. 6).

Основными факторами, повлиявшими на снижение инфляции, стали коррекция цен и сдержанный потребительский спрос.

В начале 2022 г. из-за государственного стимулирования ипотеки, роста цен на стройматериалы наблюдался высокий спрос на новые квартиры и скачек цен на них. К концу третьего квартала 2022 г. снизились индексы цен на первичном рынке жилья в РФ. Одной из причин стало повышение склонности населения к сбережению в условиях возросшей неопределенности (рис. 7).

Цены на сельскохозяйственную продукцию в 2022 г., начиная с апреля, постепенно снижались под

Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 4. Изменение цен на продовольственные и непродовольственные товары в 2013–2022 гг., %

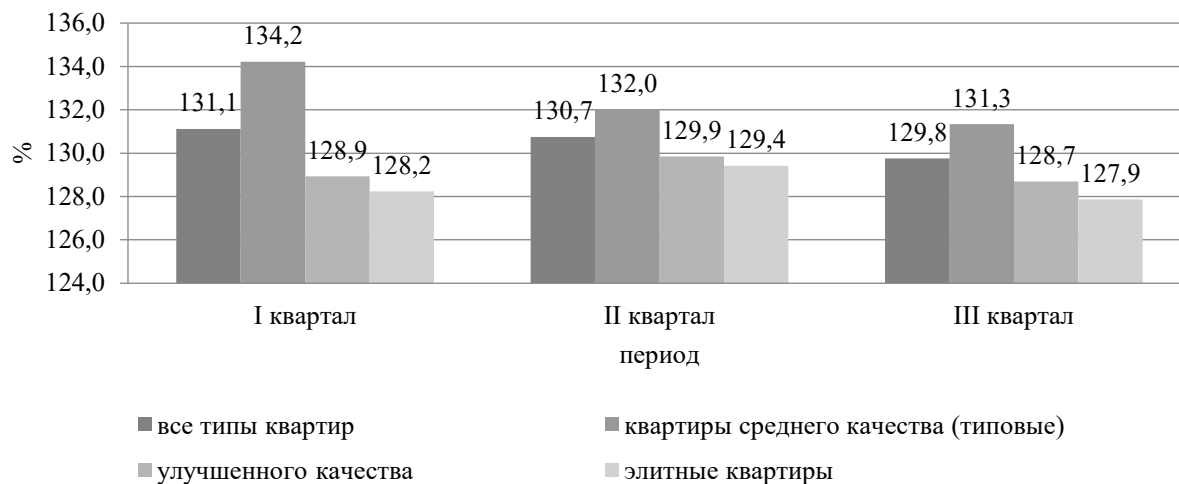
Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 5. Изменение цен на услуги в 2013–2022 гг., %

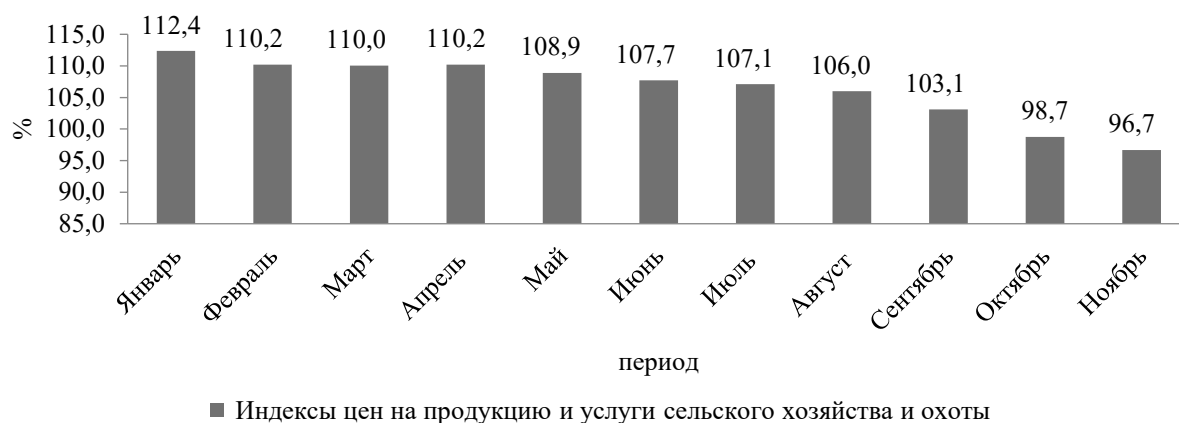
Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 6. Изменение ключевой ставки и уровня инфляции в 2022 гг., %

Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 7. Изменение индексов цен на первичном рынке жилья в РФ в 2022 гг., %

Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 8. Изменение индексов цен в сельском хозяйстве в РФ в 2022 гг., %

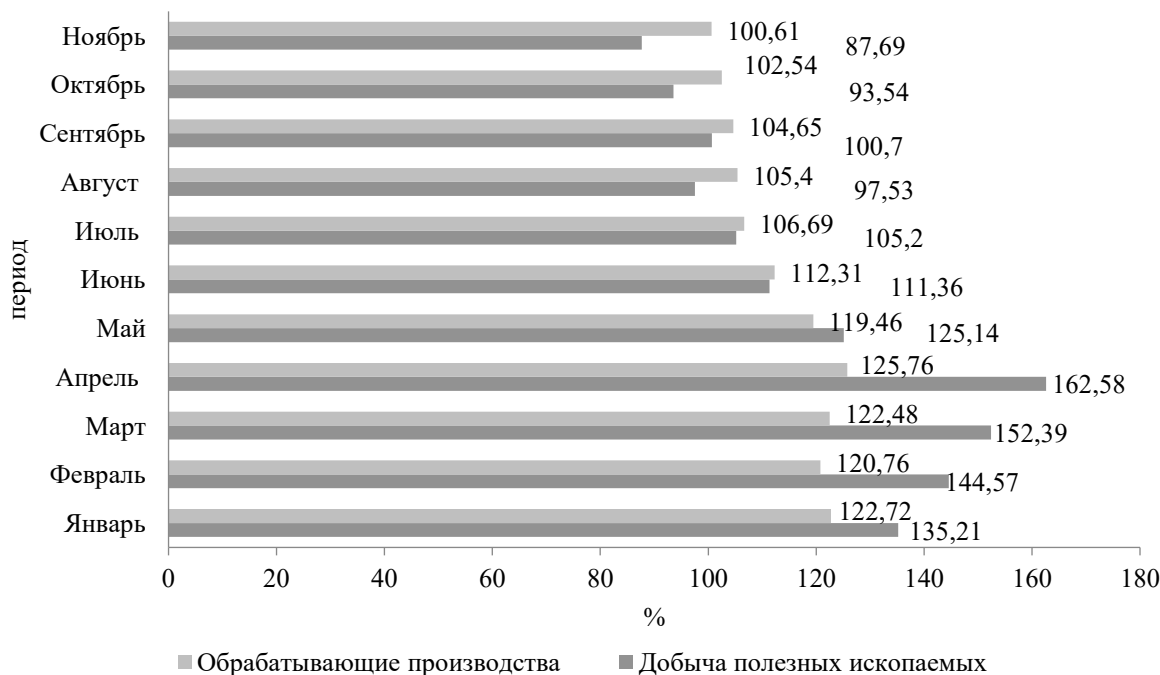
влиянием следующих факторов: благоприятные погодные условия, расширение посевных площадей, рекордный урожай зерновых, расширение производственных мощностей в животноводстве, государственная поддержка сельского хозяйства (рис. 8).

Снизилась индексы цен и по таким видам экономической деятельности, как «добыча полезных ископаемых» и «обрабатывающие производства» (рис. 9).

Изменение индексов цен на водоснабжение, водоотведение, обеспечение электроэнергией и газом представим на рисунке 10.

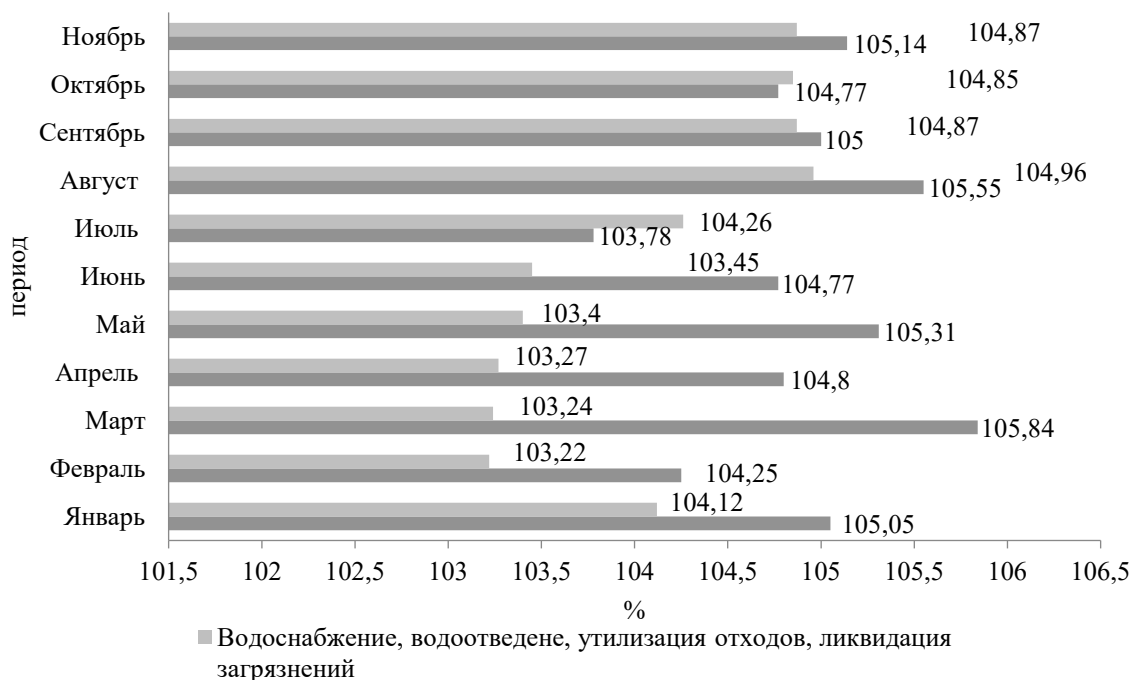
К концу 2022 г. в РФ выросли цены на водоснабжение, водоотведение, обеспечение электроэнергией и газом. Это было связано с ростом тарифов (2 раза за год) для обеспечения бесперебойной работы и развития инфраструктуры ЖКХ. Предельный рост цен для всех регионов Правительство установило на уровне 9%. Федеральная антимонопольная служба России контролирует соблюдение утвержденных предельных индексов и не допускает необоснованного роста цен.

Таким образом, при инфляции наблюдается избыток денег в обращении, их обесценение, приводящие к

Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 9. Изменение индексов цен в секторе добычи полезных ископаемых и в обрабатывающих производствах в РФ в 2022 гг., %

Источник: составлено автором на основе [10]

Рис. 10. Изменение индексов цен на водоснабжение, водоотведение, обеспечение электроэнергией и газом в РФ в 2022 гг., %

росту цен в стране. В РФ за период с 2013 г. по 2022 г. самые высокие уровни инфляции были зафиксированы в 2015 г. (20,91%) и 2022 г. (11,94%). В 2015 г. основными причинами высокой инфляции стали мировой экономический кризис, и введение санкций США против России. В 2022 г. инфляция в России была высокой из-за международных санкций на фоне спецоперации ВС РФ на Украине и нарушения цепочек поставок. К апрелю инфляция достигла максимума (17,83%), а к концу года постепенно снизилась до 11,94%. В 2022 г. рост цен на различные товары и услуги был неравномерен: снизились цены на новое жилье, на сельскохозяйственную продукцию, в секторах «добыча полезных ископаемых» и «обрабатывающие производства», выросли цены на водоснабжение, водоотведение, обеспечение электроэнергией и газом.

Для регулирования инфляции в РФ в последние годы на государственном уровне принимались следующие решения: изменение ключевой ставки, соглашения о фиксации цен с производителями и крупнейшими ритейлерами, демпферные механизмы, государственные интервенции и т.д. Регулирование цен со стороны государства эффективно в краткосрочном периоде, оно позволяет защитить потребителя и сгладить скачки цен. Однако в средне- и долгосрочной перспективе вмешательство государства в ценообразование может иметь негативные последствия: инвесторы и производители начнут уходить с товарных рынков, попадающих под госрегулирование, ухудшатся конкурентные позиции отечественных производителей на мировых рынках.

Список источников

1. Федеральный закон от 17 августа 1995 года № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (ред. от 11.06.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/.
2. Постановление Правительства РФ от 07 марта 1995 года № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» (ред. от 27.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5976/.
3. Постановлением Правительства РФ от 14 ноября 2022 года № 2053 «Об особенностях индексации регулируемых цен (тарифов) с 1 декабря 2022 г. по 31 декабря 2023 г. и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/352310698>.
4. Аникина М. Д. Инфляция: виды, особенности и причины возникновения / М. Д. Аникина, А. Р. Гатиатулина // Академическая публицистика. 2019. № 5. С. 139–142.
5. Боробов В. Н. Взаимосвязь безработицы и инфляции как факторов макроэкономической нестабильности // Тенденции развития науки и образования. 2021. №. 73-8. С. 57–60.
6. Ганченко Д. Н. Социально-экономические последствия инфляции / Д. Н. Ганченко, Е. С. Нестерен-

ко // Вопросы региональной экономики. 2020. № 4. С. 150–155.

7. Ощепков А. М. Государственное регулирование экономики : учебное пособие. Пермь : ПГНИУ, 2021. 130 с.

8. Регулирование цен: когда нужно остановиться? // Банк России – 2023. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131342/analytic_note_20211209_dip.pdf.

9. Филиппова И. А. Антиинфляционное регулирование в экономике современной России / И. А. Филиппова, А. Н. Доронькин, П. А. Миридонов // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2021. № 2. С. 72–74.

10. Цены, инфляция // Федеральная служба государственной статистики – 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price#>.

11. Черкунова М. Е. Взаимосвязь ключевой ставки Банка России и уровня инфляции в РФ // Черкунова М. Е., Черкунова Н. А. // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 8. С. 245–250.

12. Яроменко Н. Н. Инфляция: причины возникновения и последствия. Анализ ИПЦ, как показателя инфляции / Н. Н. Яроменко, А. Д. Вейсова, Т. А. Катаев // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 40. С. 333–337.

References

1. Federal Law of August 17, 1995 No. 147-FZ «On Natural Monopolies» (as amended on June 11, 2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of March 7, 1995 No. 239 «On measures to streamline state regulation of prices (tariffs)» (as amended on December 27, 2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5976/.
3. Decree of the Government of the Russian Federation of November 14, 2022 No. 2053 «On the peculiarities of indexation of regulated prices (tariffs) from December 1, 2022 to December 31, 2023 and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation». URL: <https://docs.cntd.ru/document/352310698>.
4. Anikina M. D. Inflation: types, features and causes of occurrence / M. D. Anikina, A. R. Gatiatullina // Academic journalism. 2019. No. 5. P. 139–142.
5. Borobov V. N. Relationship between unemployment and inflation as factors of macroeconomic instability // Trends in the development of science and education. 2021. № 73-8. P. 57–60.
6. Ganchenko D. N. Socio-economic consequences of inflation / D. N. Ganchenko, E. S. Nesterenko // Issues of regional economics. 2020. No. 4. P. 150–155.
7. Oshchepkov A. M. State regulation of the economy : textbook. Perm : PGNIU, 2021. 130 p.
8. Price regulation: when should you stop? // Bank of Russia - 2023. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131342/analytic_note_20211209_dip.pdf.

9. Filippova I. A. Anti-inflationary regulation in the economy of modern Russia / I. A. Filippova, A. N. Doronkin, P. A. Miridonov // Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University. 2021. No. 2. P. 72–74.

10. Prices, inflation // Federal State Statistics Service – 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price#>.

11. Cherkunova M. E. The relationship between the key rate of the Bank of Russia and the level of inflation in the

Russian Federation // M. E. Cherkunova, N. A. Cherkunova // Economy and business : theory and practice. 2022. No. 8. P. 245–250.

12. Yaromenko N. N. Inflation: causes and consequences. Analysis of the CPI as an indicator of inflation / N. N. Yaromenko, A. D. Veysova, T. A. Kataev // Natural Humanitarian Research. 2022. No. 40. P. 333–337.

Информация об авторе

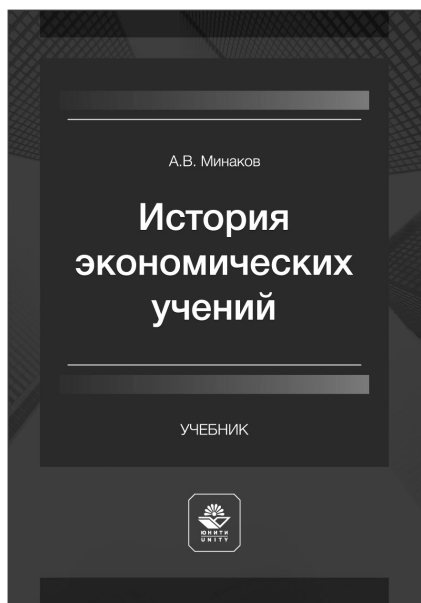
А. В. Минаков – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

История экономических учений. Минаков А. В. Учебник. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определенному направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох).

Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

Для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика и управление», «Экономика», «Экономическая безопасность», а также слушателей курсов повышения квалификации и программ профессиональной подготовки, аспирантов и преподавателей, специалистов в области экономики и околоэкономической деятельности.

Научная статья

УДК 657.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-253-261>

НИОН: 2015-0066-1/23-635

MOSURED: 77/27-011-2023-01-834

Управленческий учет при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения: анализ рынка конкурентов и потребителей

Гамлет Яковлевич Остаев¹, Оксана Олеговна Злобина², Борис Николаевич Хосиев³,
Фатима Алексеевна Булацева⁴

^{1,2} Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Ижевск, Россия

^{3,4} Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия

¹ ostaeff@yandex.ru

² oksamaril@gmail.com

³ hosiev.b@yandex.ru

⁴ bufatima@list.ru

Аннотация. Управленческий учет для целей подготовки стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения – это один из механизмов развития бизнеса. Данное направление управленческого учета состоит в выработке задач, комплексной оценке ресурсного потенциала организации и исследования окружающей бизнес среды. Строительство физкультурно-спортивных сооружений в регионах является приоритетной целью любого государства, так как здоровье нации – это залог будущего успеха государства в экономике.

Управленческий учет при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения основывается на анализе рынка конкурентов и потребителей и других аналитических действиях. Управленческий учет как информационная база системы управления организацией при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения должен быть направлен на изучение текущих задач, текущего состояния бизнес-среды и прогнозных мероприятий. Система управленческого учета в комплексной системе управления организацией является главным механизмом предоставления качественной и своевременной информации для целей принятия управленческих решений.

Сделан вывод, что управленческий учет при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения является исследовательским инструментом по изучению рынка конкурентов и потребителей для целей разработки бизнес-идеи.

Ключевые слова: управленческий учет, анализ, стартап, бизнес-планирование

Для цитирования: Остаев Г. Я., Злобина О. О., Хосиев Б. Н., Булацева Ф. А. Управленческий учет при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения: анализ рынка конкурентов и потребителей // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 253–261. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-253-261>.

Original article

Management accounting in the preparation of a startup to create a sports facility: market analysis of competitors and consumers

Hamlet Ya. Ostaev¹, Oksana O. Zlobina², Boris N. Khosiev³, Fatima A. Bulatseva⁴

^{1,2} Izhevsk State Agricultural Academy, Izhevsk, Russia

^{3,4} Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia

¹ ostaeff@yandex.ru

² oksamaril@gmail.com

³ hosiev.b@yandex.ru

⁴ bufatima@list.ru

Abstract. Management accounting for the purposes of preparing a startup to create a sports facility is one of the mechanisms for business development. This direction of management accounting consists in the development of tasks, a

© Остаев Г. Я., Злобина О. О., Хосиев Б. Н., Булацева Ф. А., 2023

comprehensive assessment of the resource potential of the organization and the study of the business environment. The construction of physical culture and sports facilities in the regions is a priority goal of any state, since the health of the nation is the key to the future success of the state in the economy.

Management accounting in the preparation of a startup for the creation of a sports facility is based on the analysis of the market of competitors and consumers and other analytical actions. Management accounting as the information base of the organization's management system when preparing a startup to create a sports facility should be aimed at studying current tasks, the current state of the business environment and forecast activities. The management accounting system in the integrated management system of an organization is the main mechanism for providing high-quality and timely information for the purposes of making managerial decisions.

It is concluded that management accounting in the preparation of a startup to create a sports facility is a research tool for studying the market of competitors and consumers for the purpose of developing a business idea.

Keywords: management accounting, analysis, startup, business planning

For citation: Ostaev H. Ya., Zlobina O. O., Khosiev B. N., Bulatseva F. A. Management accounting in the preparation of a startup to create a sports facility: market analysis of competitors and consumers. Bulletin of economic security. 2023;(1):253–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-253-261>.

Введение. Управленческий учет для целей подготовки стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения является жизненно необходимым механизмом планирования определенных бизнес-идей (стартапов). Задачей управленческого учета при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения и в целом бизнеса является обеспечение системы управления и планирования бизнеса тщательно проанализированной информацией [15; 16].

Анализ потребителя для целей подготовки стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения – это совокупность учетно-управленческих методов ис-

следования текущего состояния окружающей бизнес-среды, текущих потребностей и планирования будущих нужд, с учетом запросов и предпочтений потенциальных клиентов.

Анализ рынка конкурентов и потребителей в системе управленческого учета позволяет оценить текущие события и перспективные действия: от уровня принятия решений до уровня непосредственного взаимодействия с клиентами [5].

Цель исследования: выработка критериев управленческого учета с учетом приоритетных направлений бизнес-идеи (стартапа).

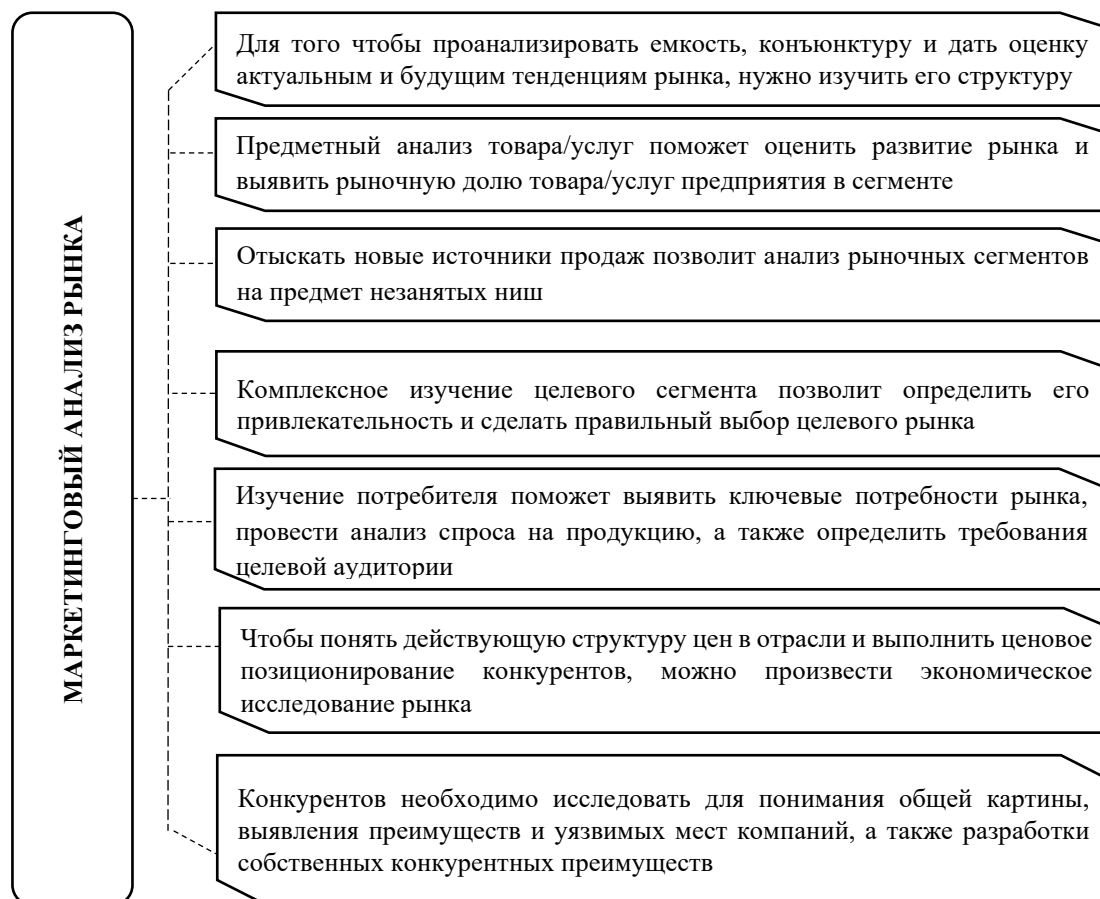

Рис. 1. Маркетинговый анализ рынка

Задачи исследования: выработать комплекс действий в части анализа рынка конкурентов и потребителей в системе управленческого учета при строительстве физкультурно-спортивных объектов. Объектом исследования является управленческий учет как механизм анализа, оценки и прогнозирования бизнес-идеи.

Изучены нормативные акты, а также научные труды отечественных экономистов в области управленческого учета, анализа, бизнес планирования, организации и управления бизнесом.

Вопросы развития управленческого учета, бизнес-планирования, анализа, маркетинговых исследований освещена такими исследователями как Абашева О. Ю. [1; 2], Алборов Р. А. [3; 4], Ильин С. Ю. [6; 7], Кондратьев Д. В. [8; 9], Котлячков О. В. [10], Мухина И. А. [11; 12], Закирова А. Р. [18], и др.

Несмотря на имеющиеся исследования по проблеме развития управленческого учета, бизнес-планирования, анализа, маркетинговых исследований в настоящее время многие аспекты остаются еще недостаточно разработанными, особенно анализа рынка конкурентов и потребителей в системе управленческого учета для целей подготовки стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения.

Методы исследования. При проведении исследования были использованы общенаучные методы:

анализ, синтез, моделирование и абстрагирование и др.

Результаты исследования. В условиях определенного риска на рынке, от организации требуется разработка новых подходов для повышения эффективности деятельности, а также расширение перспектив его развития [13; 14]. Важным аспектом успешного функционирования и экономического развития организаций является обеспечение своевременного анализа бизнес-идеи [17].

Как нам представляется управленческий учет бизнес-идеи (стартапа) в системе управленческого учета охватывает как комплекс мониторинговых и индикативных мероприятий с применением отраслевого анализа, конкурентного анализа, ситуационного анализа, так и учетно-управленческих действий с подробной оценкой предполагаемых затрат.

В управленческом учете качественный маркетинговый анализ рынка начинается с определения его целей и предмета (рисунок 1).

Примером разработки стартапа по строительству возьмем физкультурно-спортивное сооружение ООО «Дворец Единоборств».

Благодаря федеральным программам поддержки здорового образа жизни и занятий спортом на территории нашей страны вырос интерес к индивидуальным и массовым занятиям спортом. Рост спроса, вызвал рост

Рис. 2. Маркетинговые исследования особенностей рынка спортивных услуг

предложения, все больше спортивных сооружений возводится с привлечением частных инвестиций. Количество конкурентов увеличивается с каждым днем. Несмотря на это в регионах на сегодняшний день данная часть рынка еще не освоена. Маркетинговые исследования особенностей рынка спортивных услуг в системе управленческого учета должны охватывать все особенности (рисунок 2).

По данным маркетинговых исследований РБК после стремительного роста рынок спортивных услуг на территории России резко замедлил темпы своего развития в 2014 году и с тех пор растет очень медленно. Связано это с падением доходов населения, ростом курса доллара к рублю, нестабильного макроэкономической ситуации и ухудшения предпринимательского климата. Одной из самых больших сложностей, тормозящей развитие оказалось сокращение прибыли в связи с ростом налоговой нагрузки и прочих обязательных выплат.

24 ноября 2020 г. на законодательном уровне приняты Стратегию развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. На сегодняшний день результаты действия Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации по статистическим показателям:

- увеличилась доля граждан РФ, которые занимаются спортом и физической культурой систематически, к 2019 году показатель составил 43 %;
- увеличился процент учащихся и студентов, которые занимаются спортом и физической культурой систематически, в 2019 году показатель составил 83 %;
- увеличился процент граждан, посещающих занятия в специализированных спортивных учреждениях в возрасте от 6 до 15 лет, в 2019 году показатель составил 41,2 %;
- увеличился процент людей с ограниченными возможностями, посещающими спортивные учреждения систематически, в 2019 году показатель составил 19,4 %;
- увеличилось количественные показатели штатных работников физической культуры и спорта, в 2019 году – 402,4 тысячи человек;

– вырос уровень обеспеченности населения спортивными учреждениями, в 2019 году показатель составил 55,7 %.

В период с 2010 по 2020 год процент населения, занимающегося спортом вырос с 19 % до 43 %. По данным на 2020 год возрастная группа занимающихся спортом от 3 до 29 лет составила 84 % населения, от 30 до 54 – 29 %, группа от 55 до 79 лет – 12 % (рисунок 3).

В период с 2015 по 2020 год количество объектов спорта увеличилось с 282 тысяч до 292 тысяч. 30 тысяч единиц составляет количество городских и рекреационных объектов для занятия спортом. Из них 30 % от общего числа предоставляют услуги для занятий лицам с ограниченными возможностями. Аварийными является 1 % от общего числа спортивных объектов.

Последние пять лет расходы на физическую культуру выросли с 254,9 млрд рублей на 2015 год до 375,4 млрд рублей на 2020 год. За период с 2015 по 2020 год процент расходов на физическую культуру и массовый спорт вырос с 38,3 % до 48,2 % благодаря росту расходов на спортивную подготовку и спорт высших достижений. На сегодняшний день сохраняется потенциал привлечения частного финансирования в сферу спорта.

В данный момент в Удмуртской Республике можно наблюдать положительную динамику в строительстве спортивных сооружений: построено и введено в эксплуатацию более 30 объектов спортивной инфраструктуры: стрелковый тир и плавательный бассейн в г. Ижевске, лыжная база в п. Балезино, капитальный ремонт стадиона «Прогресс» в г. Глазове, лыжная база в п. Юкаменское, три школьных спортивных зала, физкультурно-оздоровительный комплекс в п. Кизнер, построено более 20 открытых спортивных площадок в муниципальных образованиях республики.

С целью создания благоприятной среды для развития спорта в республике был построен ряд крупных объектов: 50-метровый бассейн в г. Ижевске, общежитие для спортсменов на 120 мест с медико-восстановительным центром на АУ УР «Спортивно-оздоровитель-

Рис. 3. Уровень обеспеченности населения спортивными сооружениями, исходя из единовременной пропускной способности объектов спорта

ный лыжный комплекс имени Г.А. Кулаковой», крытый каток с искусственным льдом в Устиновском районе г. Ижевска, 25-метровый плавательный бассейн в г. Воткинске, осуществлен капитальный ремонт ледового дворца «Прогресс» в г. Глазове.

В Удмуртской Республике имеется 3 074 спортивных сооружения на сегодняшний день. Обеспеченность спортивными сооружениями на уровне средних показателей по стране.

Согласно значениям целевых показателей Государственной программы «Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики» наблюдается следующая картина на рисунке 4.

На территории Удмуртской Республики на сегодняшний день в рамках государственно – частного партнерства построены ФОК «Гулливер» в Октябрьском районе г. Ижевска, ФОК «Заря» в д. Пирогово, крытых теннисных кортов, ФОК для игры в мини-футбол в г. Ижевск, универсальный игровой комплекс в г. Ижевск, ФОК в г. Сарапул, ФОК в п. Игра, ФОК в г. Можга, крытый тентированный каток в п. Игра и т. д.

По данным Росстата на 2020 год в Устиновском районе проживает 137 579 человек. Из них около 40 % взрослого населения занимаются спортом и еще 14 % планируют начать заниматься.

Таким образом, основная целевая аудитория для спортивного сооружения Дворец единоборств в г. Ижевск взрослые от 25 до 60, активно занимающиеся единоборствами, плаванием, бегом, силовыми видами спорта профессионально и любительски проживающие или работающие в Устиновском районе г. Ижевска, дети и подростки, занимающиеся единоборствами, бегом, плаванием проживающие в Устиновском районе г. Ижевска. Помимо этого целевой аудиторией будут взрослые до 60 лет и дети, посещающие сауну и массажный кабинет, не занимающиеся спортом.

На территории Устиновского района располагаются всего девятнадцать спортивных клубов. Аналогичного спортивного объекта на территории района и всего города нет, поэтому непосредственными конкурентами мы определили спортивные объекты с примерно подоб-

ным набором услуг, а именно крупные фитнес-клубы «Спортивный квартал» и «Платформа»; «Fitness House»; ФОЦ «СпортПаркСемья»; Ледовый дворец «Молодежный».

Главным преимуществом конкурентов будет уже имеющаяся положительная репутация и наработанная клиентская база.

Исходя из таблицы, определяем как главных конкурентов для Дворца единоборств «Спортивный квартал», «Платформа» и «СпортПарк Семья». В этих спортивных заведениях представлено множество направлений для занятий, они активно вкладывают средства в рекламу, грамотно разрабатывают программы лояльности для клиентов (первое посещение – бесплатно), предоставляют высокое качество услуг благодаря квалифицированным тренерам.

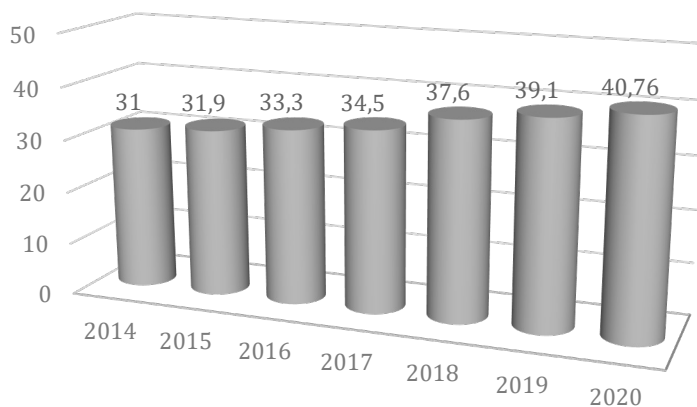
Средняя цена на месяц занятий для взрослого у клуба «Спортивный квартал» – 3 100 рублей, «Платформа» – 2 950 рублей, в «СпортПарке Семья» – 3 000 рублей. У Дворца Единоборств цена абонемента на месяц будет выше, но с учетом ценового диапазона конкурентов. Она составит 3 500 рублей. Разницу с конкурентами можно оправдать наличием нового современного оборудования, высоким качеством предоставляемых услуг и территориальной доступностью.

Заключение. Таким образом, информация, формирующаяся в системе управленческого учета на базе отраслевого анализа, конкурентного анализа, ситуационного анализа, учетно-управленческих действий с подробной оценкой предполагаемых затрат является основой принятия управленческих решений по стартапу.

Управленческий учет при подготовке стартапа по созданию физкультурно-спортивного сооружения является исследовательским инструментом по изучению рынка конкурентов и потребителей для целей разработки бизнес идеи и составления бизнес-плана.

Список источников

1. Абашева О. Ю. Оценка экономической эффективности производственных инноваций / О. Ю. Абашева, Е. А. Кониная, С. А. Дорониная // Тенденции

■ Процент населения

Рис. 4. Доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в общей численности населения Удмуртской Республики в возрасте от 3 до 79 лет

SWOT – анализ конкурентов

SWOT				
«Спортивный квартал»	«Платформа»	«Fitness House»	ФОЦ «СпортПаркСемья»	Ледовый Дворец «Молодежный»
Сильные стороны				
1. Программы лояльности для постоянных клиентов. 2. Дополнительные услуги: солярий, массаж. 3. Хорошее оборудование.	1. Бесплатное пробное занятие. 2. Обилие направлений занятий. 3. Система безлимитов.	1. Сформировавшаяся база клиентов. 2. Система абонементов с возможностью заморозить занятия.	1. Многопрофильность. 2. Бассейн с горкой. 3. Разовое безлимитное посещение. 4. Детский лагерь.	1. Наличие собственной аудитории. 2. Наличие тренажерного зала.
Слабые стороны				
1. Ограниченное количество предоставляемых спортивных услуг. 2. Зависимость от профессионализма персонала.	1. Необходимость содержать большой штат обслуживающего персонала. 2. Зависимость от работы ТЦ, в котором находится.	1. Зависимость от работы ТЦ, в котором находится. 2. Небольшое количество предоставляемых услуг.	1. Высокие затраты на содержание оборудования. 2. Зависимость от тренерского состава.	1. Сезонная актуальность услуг. 2. Мало информации о дворце в сети Интернет.
Возможности				
1. Реклама 2. Программа лояльности для клиентов	1. Реклама 2. Безлимитные абонементы. 3. Работа до 00:00.	1. Реклама. 2. Привлечение новых профессионалов – тренеров.	1. Реклама. 2. Досуговые программы. 3. Детский лагерь на все сезоны.	1. Реклама. 2. Привлечение не профильной аудитории.
Угрозы				
1. Уход тренера и потеря программ, которые он вел. 2. Трудности с заменой оборудования из-за политических, экономических и иных причин.	1. Необходимость в большом штате обслуживающего персонала. 2. Трудности с заменой оборудования из-за политических, экономических и иных причин.	1. Увеличение количества конкурентов. 2. Трудности с заменой тренеров.	1. Выход из строя оборудования (сложности с заменой). 2. Необходимость в большом штате обслуживающего персонала и проверке оборудования.	1. Большие затраты на оборудование. 2. Потеря внимания аудитории летом.

экономического развития в XXI веке. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Редколлегия: А. А. Королева (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2022. С. 12–16.

2. Абашева О. Ю. Эффективность инновационных подходов в системе управления деятельностью многопрофильных предприятий / О. Ю. Абашева, С. А. Доронина // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 153–159.

3. Алборов Р. А. Учет капитальных вложений в сельском хозяйстве / Р. А. Алборов, Л. И. Хоружий, С. М. Концевая, Г. Р. Алборов, В. И. Хоружий // Бухучет в сельском хозяйстве. 2021. № 7. С. 15–24.

4. Алборов Р. А. Анализ операционных финансовых результатов от производства продукции растениеводства / Р. А. Алборов, О. О. Злобина, П. В. Ан-

тонов, С. В. Бодрикова // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 391–394.

5. Гоголев И. М. Управление материально-техническими ресурсами регионального агрокомплекса / И. М. Гоголев, О. И. Рыжкова // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 163–169.

6. Ильин С. Ю. Аналитические процедуры оценки эффективности и интенсификации общественных финансов: концептуальный подход / С. Ю. Ильин, А. С. Труба, Г. Я. Остаев, И. М. Гоголев // Вестник Кер-

ченского государственного морского технологического университета. 2022. № 3. С. 254–265.

7. Ильин С. Ю. Эффективность и интенсификация финансов корпорации в системе ее экономической безопасности / С. Ю. Ильин, Г. Я. Остаев, З. В. Соскиева // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 407–413.

8. Кондратьев Д. В. Организация и проблемы управления имуществом МО «ГОРОД ИЖЕВСК» / Д. В. Кондратьев, С. Н. Суетин, О. В. Котлячков // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 266–273.

9. Кондратьев Д. В. Обоснование программы развития территориального устройства и благоустройства МО «ОКТЯБРЬСКОЕ» / Д. В. Кондратьев, О. Ю. Абашева, С. А. Доронина // Опыт и перспективы управления деятельностью хозяйствующих субъектов и публичных образований. материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием. Ижевск, 2021. С. 120–129.

10. Котлячков О. В. Риск-ориентированное понимание экономической безопасности организации / О. В. Котлячков, Н. В. Котлячкова, Г. Я. Остаев, Д. В. Кондратьев // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 477–483.

11. Мухина И. А. Эффективность производственного предпринимательства Удмуртии в разрезе видов экономической деятельности / И. А. Мухина, Е. В. Марковина // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 159–163.

12. Мухина И. А. Квалиметрическая оценка определения инвестиционной безопасности муниципальных образований / И. А. Мухина, Е. В. Марковина И. М. Гоголев // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 6. С. 85–99.

13. Остаев Г. Я. Управленческий учет инвестиционных показателей / Г. Я. Остаев, О. О. Злобина, Б. Н. Хосиев, Н. Д. Эриашвили // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Меж-

дународной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 446–452.

14. Остаев Г. Я. Методика управленческого учета с учетом факторов макро, мезо и микросреды / Г. Я. Остаев, Д. В. Кондратьев, З. З. Хубецова // Управление эффективностью и безопасностью деятельности хозяйствующих субъектов и публичных образований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного экономиста Российской Федерации, д.э.н., профессора М. И. Шишкина. 2022. С. 500–509.

15. Остаев Г. Я. Корпоративное управление финансовым потенциалом / Г. Я. Остаев, Д. В. Кондратьев, Г. С. Клычова, Н. Н. Нигматуллина, А. С. Клычова // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2022. Т. 17. № 1 (65). С. 129–134.

16. Остаев Г. Я. Управленческий учет в системе управления экономической безопасностью организации / Г. Я. Остаев, Г. Р. Алборов, Д. В. Кондратьев, О. В. Котлячков, В. И. Хоружий // Бухучет в сельском хозяйстве. 2022. № 1. С. 71–80.

17. Остаев Г. Я., Финансовое моделирование в управлении бизнесом / Г. Я. Остаев, И. М. Гоголев, Г. Р. Алборов // Экономика и управление землеустройством и землепользованием в регионе. Материалы III Национальной научно-практической конференции. Ижевск, 2021. С. 148–153.

18. Zakirova A. R. Formation of economic security tools for assessing the effectiveness and intensification of corporate finance / A. R. Zakirova, G. S. Klychova, G. Ya. Ostaev // Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством. Сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. П. Петрова. Казань, 2022. С. 30–38.

References

1. Abasheva O. Yu. Assessment of economic efficiency of production innovations / O. Yu. Abasheva, E. A. Konina, S. A. Doronina // Trends of economic development in the XXI century. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Editorial board: A. A. Koroleva (Chief Editor) [and others]. Minsk, 2022. P. 12–16.

2. Abasheva O. Yu. Efficiency of innovative approaches in the management system of multi-profile enterprises / O. Yu. Abasheva, S. A. Doronina // Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin. 2022. P. 153–159.

3. Alborov R. A. Accounting of capital investments in agriculture / R. A. Alborov, L. I. Khoruzhiy, S. M. Kontsevaya, G. R. Alborov, V. I. Khoruzhiy // *Accounting in agriculture*. 2021. No. 7. P. 15–24.
4. Alborov R. A. Analysis of operational financial results from the production of crop production / R. A. Alborov, O. O. Zlobina, P. V. Antonov, S. V. Bodrikova // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 391–394.
5. Gogolev I. M. Management of material and technical resources of the regional agrocomplex / I. M. Gogolev, O. I. Ryzhkova // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 163–169.
6. Ilyin S. Yu. Analytical procedures for evaluating the effectiveness and intensification of public finance: a conceptual approach / S. Y. Ilyin, A. S. Truba, G. Ya. Ostaev, I. M. Gogolev // *Bulletin of the Kerch State Marine Technological University*. 2022. No. 3. P. 254–265.
7. Ilyin S. Yu. Efficiency and intensification of corporation finances in the system of its economic security / S. Yu. Ilyin, G. Ya. Ostaev, Z. V. Soskiewa // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 407–413.
8. Kondratiev D. V. Organization and problems of property management of the IZHEVSK CITY MO / D. V. Kondratiev, S. N. Suetin, O. V. Kotlyachkov // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 266–273.
9. Kondratiev D. V. Substantiation of the development program of the territorial structure and improvement of the OKTYABRSKOYE MO / D. V. Kondratiev, O. Yu. Abasheva, S. A. Doronina // *Experience and prospects of managing the activities of economic entities and public entities. materials of the National Scientific and Practical Conference with international participation. Izhevsk, 2021*. P. 120–129.
10. Kotlyachkov O. V. Risk-oriented understanding of the economic security of an organization / O. V. Kotlyachkov, N. V. Kotlyachkova, G. Ya. Ostaev, D. V. Kondratiev // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 477–483.
11. Mukhina I. A. Efficiency of industrial entrepreneurship in Udmurtia in the context of types of economic activity / I. A. Mukhina, E. V. Markovina // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 159–163.
12. Mukhina I. A. Qualimetric assessment of the definition of investment security of municipalities/ I. A. Mukhina, E. V. Markovina I. M. Gogolev // *STAGE: economic theory, analysis, practice*. 2021. No. 6. P. 85–99.
13. Ostaev G. Ya. Managerial accounting of investment indicators / G. Ya. Ostaev, O. O. Zlobina, B. N. Khosiev, N. D. Eriashvili // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 446–452.
14. Ostaev G. Ya. Management accounting methodology taking into account macro, meso and microenvironment factors / G. Ya. Ostaev, D. V. Kondratiev, Z. Z. Khubetsova // *Management of efficiency and safety of economic entities and public entities. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor M. I. Shishkin*. 2022. P. 500–509.
15. Ostaev G. Ya. Corporate financial potential management / G. Ya. Ostaev, D. V. Kondratiev, G. S. Klychova, N. N. Nigmatullina, A. S. Klychova // *Bulletin of Kazan State Agrarian University*. 2022. Vol. 17. No. 1 (65). P. 129–134.
16. Ostaev G. Ya. Managerial accounting in the economic security management system of an organization / G. Ya. Ostaev, G. R. Alborov, D. V. Kondratiev, O. V. Kotlyachkov, V. I. Khoruzhiy // *Accounting in agriculture*. 2022. No. 1. P. 71–80.
17. Ostaev G. Ya., Financial modeling in business management / G. Ya. Ostaev, I. M. Gogolev, G. R. Alborov // *Economics and management of land management and land use in the region. Materials of the III National Scientific and Practical Conference. Izhevsk, 2021*. P. 148–153.
18. Zakirova A. R. Formation of economic security tools for assessing the effectiveness and intensification of corporate finance / A. R. Zakirova, G. S. Klychova, G. Ya. Ostaev // *The profession of an accountant is the most important tool for effective management of agricultural production. Collection of scientific papers based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor V. P. Petrov. Kazan, 2022*. P. 30–38.

Информация об авторах

Г. Я. Остаев – декан экономического факультета Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук, доцент;

О. О. Злобина – доцент кафедры бухгалтерского учета финансов и аудита Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук;

Б. Н. Хосиев – доцент кафедры экономики и экономической безопасности Горского государственного аграрного университета, кандидат экономических наук;

Ф. А. Булацева – доцент кафедры экономики и экономической безопасности Горского государственного аграрного университета, кандидат экономических наук.

Information about the authors

G. Ya. Ostaev – Dean of the Faculty of Economics of the Izhevsk State Agricultural Academy, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

O. O. Zlobina – Associate Professor of the Department of Accounting, Finance and Audit of the Izhevsk State Agricultural Academy, Candidate of Economic Sciences;

B. N. Khosiev – Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Economic Sciences;

F. A. Bulatseva – Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 29.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Управленческий учет в АПК. Методы принятия оптимальных (ключевых) решений / Остаев Г. Я., Хосиев Б. Н., Каллагова А. Х., Эришвили Н. Д. 472 с.

Изложены теоретические положения, организационно-методические и практические аспекты управленческого учета в хозяйствующих субъектах. Большое внимание уделено классификации затрат, методам и системам их учета, анализа и контроля, а также проблемам калькулирования себестоимости продукции.

Освящены принципы бюджетирования, организации управленческого учета и адаптации его полезного опыта в российской теории и практике сельскохозяйственных организаций.

Для студентов вузов, обучающихся по финансово-экономическим специальностям и по направлению 38.03.01 «Экономика» (направления подготовки «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Финансы и кредит», «Налоги и налогообложение»).

Научная статья

УДК 336.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-262-265>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-1/23-636

ИДЕНТИФИКАТОР: 77/27-011-2023-01-835

Направления развития организационно-методического обеспечения контрольно-надзорной деятельности налоговых органов

Анастасия Михайловна Симачкова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

simachkova.anastasiya@gmail.com

Аннотация. Внедрение современных цифровых технологий позволяет налоговым органам одновременно совершенствовать все направления своей деятельности: повышать эффективность налогового контроля, качество взаимодействия с налогоплательщиками, а также иными министерствами и ведомствами, развивать международное сотрудничество и др. Так, осуществление качественной и эффективной методологической работы, в том числе в рамках контрольно-надзорной деятельности налоговых органов, на сегодняшний день невозможно без комплексного подхода к совершенствованию концепции налогового администрирования. В современных реалиях в целях формирования комфортной и прозрачной налоговой среды, а также повышения качества налогового администрирования, необходимо уделить особое внимание не только внедрению и совершенствованию цифровых программных продуктов налоговых органов, но и соответствующим организационным и структурным преобразованиям. В статье отражены особенности современного подхода налоговых органов к организации контрольной и контрольно-аналитической работы. Среди основных результатов исследования стоит отметить практические рекомендации по укреплению методологической составляющей контрольно-аналитической работы налоговых органов благодаря возможностям цифровых технологий.

Ключевые слова: налоговые органы, налоговое администрирование, методологическая работа, цифровые технологии, цифровизация контрольно-надзорной деятельности

Для цитирования: Симачкова А. М. Направления развития организационно-методического обеспечения контрольно-надзорной деятельности налоговых органов // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 262–265. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-262-265>.

Original article

Directions for the development of organizational and methodological support for the control and supervisory activities of tax authorities

Anastasiya M. Simachkova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, simachkova.anastasiya@gmail.com

Abstract. The introduction of modern digital technologies allows the tax authorities to simultaneously improve all areas of their activities: improve the efficiency of tax control, the quality of interaction with taxpayers, as well as other departments, develop international cooperation, etc. Thus, the implementation of high-quality and effective methodological work, including in the framework of the control and supervisory activities of tax authorities, is currently impossible without an integrated approach to improving the concept of tax administration. In modern realities, in order to create a comfortable and transparent tax environment, as well as improve the quality of tax administration, it is necessary to pay special attention not only to the introduction and improvement of digital software products of tax authorities, but also to the corresponding organizational and structural changes. The article reflects the features of the modern approach of tax authorities to the organization of control and control-analytical work. Among the main results of the study, it is worth noting practical recommendations for strengthening the methodological component of the control and analytical work of tax authorities due to the possibilities of digital technologies.

Keywords: tax authorities, tax administration, methodological work, digital technologies, digitalization of control and supervisory activities

For citation: Simachkova A. M. Directions for the development of organizational and methodological support for the control and supervisory activities of tax authorities. Bulletin of economic security. 2023;(1):262–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-262-265>.

© Симачкова А. М., 2023

В современных реалиях благодаря цифровой трансформации своей деятельности налоговые органы плавно переходят на «незаметное» для налогоплательщиков налоговое администрирование: выездная налоговая проверка является гарантированным следствием невыполнения закона [1].

Тем не менее в рамках проведения контрольно-аналитической работы внимание выявлению методологических нарушений налогового законодательства зачастую налоговыми органами не уделяется вовсе. Типовые нарушения законодательства, выявляемые налоговыми органами в ходе контрольной работы, размещаемые на официальном сайте ФНС России, в большей степени носят точечный характер и не связаны непосредственно с особенностями финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика [4]. Так, например, нарушения законодательства о налогах и сборах в части налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций представлены в таблице 1.

Анализ опубликованных ФНС России сведений позволяет сделать вывод, что подход к выявлению предполагаемых нарушений методологического характера не только не учитывает особенности осуществления налогоплательщиком финансово-хозяйственной деятельности, но и остается неизменным с 2014 года, несмотря на возникновение новых аналитических возможностей, связанных с цифровой трансформацией деятельности налоговых органов.

На сегодняшний день можно выделить ряд факторов, которые значительно затрудняют соответствующее направление работы налоговых органов, в том числе следующие [6; 7; 8]:

– для осуществления полного и качественного налогового администрирования зачастую требуются углубленные отраслевые знания;

– неотъемлемой частью доказательственной базы по предполагаемому методологическому нарушению налогового законодательства являются результаты соответствующих мероприятий и (или) заключение профильного министерства (ведомства), при этом соответствующее взаимодействие на должном уровне не осуществляется;

– выявление методологических нарушений требует значительных затрат временных и трудовых ресурсов;

– отсутствие возможности у сотрудника, осуществляющего методологическое сопровождение исчисления налогов и сборов, воспользоваться аналитическими возможностями программных продуктов ФНС России из-за действующего распределения между сотрудниками структурных подразделений прав доступа (ролей);

– отсутствие технической реализации методологического сопровождения контрольно-аналитической и (или) контрольной работы;

– анализ финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика в рамках осуществления контрольно-аналитической работы без привлечения сотрудников, в компетенцию которых входит методологическое сопровождение исчисления налогов и сборов;

– отсутствие установленных показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности в части методологической работы;

– углубленный анализ финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика на предмет выявления предполагаемых методологических нарушений за-

Таблица 1

Типовые методологические нарушения налогового законодательства, выявляемые налоговыми органами в рамках осуществления контрольно-аналитической работы

Наименование налога	Характерные нарушения налогового законодательства
Налог на прибыль организаций	1. Неправомерное отнесение отдельных связанных с производством товаров (работ, услуг) затрат к косвенным расходам;
	2. Неправомерное включение в состав расходов необоснованных и экономически неоправданных затрат на аренду (субаренду) недвижимого имущества;
	3. Отнесение к расходам на оплату труда расходов в виде стоимости бесплатно предоставляемых продуктов питания, не предусмотренных трудовым договором
Налог на добавленную стоимость	1. Занижение налоговой базы на суммы погашенной заемщиком задолженности по договору займа;
	2. Занижение налоговой базы в результате неправомерного применения освобождения от налогообложения НДС;
	3. Невосстановление суммы НДС, принятой к вычету налогоплательщиком по товарам (работам, услугам), в том числе основным средствам и нематериальным активам, и имущественным правам, при переходе налогоплательщика на специальные налоговые режимы

конодательства о налогах и сборах, а также сбор соответствующей доказательственной базы неизбежно влекут за собой формирование негативного отношения со стороны проверяемых налогоплательщиков.

Современный подход налоговых органов к организации контрольной работы в большей степени направлен на совершенствование «технического» блока работы, представляющего собой сопоставление показателей финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков по различным критериям, а не методологического [5].

Внедрение современных цифровых технологий и изменение подхода к государственному управлению в целом позволили налоговым органам изменить парадигму налогового контроля, в том числе в рамках функционирования системы налогового мониторинга, специального налогового режима для самозанятых, а также реализации отраслевых проектов [2]. Вместе с тем, соответствующие системные изменения не нашли своего отражения при совершенствовании подхода к методологическому сопровождению налогового администрирования, несмотря на существенное расширение анали-

тических возможностей налоговых органов, связанных не только с внедрением современных цифровых технологий, но и с получением доступа к наиболее полному объему информации о налогоплательщике [3].

Так, в современных реалиях в рамках раскрытия потенциала цифровых технологий при осуществлении налогового администрирования налоговым органам целесообразно пересмотреть подход к цифровизации контрольно-надзорной деятельности. Реализовать указанную концепцию целесообразно в том числе опираясь на мероприятия по инициированию методологической работы, а также повышению ее качества и эффективности, представленные в таблице 2.

Учитывая изложенное, изменение подхода к осуществлению контрольно-надзорной деятельности на основании разработанных практических рекомендаций по укреплению методологической составляющей контрольно-аналитической работы налоговых органов благодаря эффективному применению современных цифровых технологий станет эффективным механизмом совершенствования системы налогового администрирования.

Таблица 2

Практические рекомендации по укреплению методологической составляющей контрольно-аналитической работы налоговых органов благодаря возможностям цифровых технологий

Недостатки современных подходов налоговых органов к осуществлению контрольно-надзорной деятельности	Практические рекомендации по укреплению методологической составляющей контрольно-аналитической работы налоговых органов
1. Недостаточное методологическое сопровождение контрольно-аналитической работы	1. Разработка концепции организации контрольной и контрольно-аналитической работы в части выявления методологических нарушений законодательства о налогах и сборах, непосредственно связанных с особенностями осуществления налогоплательщиками финансово-хозяйственной деятельности
2. Неэффективное использование новых возможностей осуществления налогового администрирования, связанных не только с внедрением современных цифровых технологий, но и с получением доступа к наиболее полному объему информации о налогоплательщике, при совершенствовании подхода к методологическому сопровождению налогового администрирования	
3. Низкая эффективность межведомственного взаимодействия в части проведения совместных контрольных мероприятий	2. Разработка межведомственных соглашений о взаимодействии в рамках проведения контрольно-надзорных мероприятий в соответствии с положениями Стандарта комплексной профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям, разработанного Министерством экономического развития Российской Федерации
4. Отсутствие возможности всестороннего анализа финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика ввиду существующей организационной структуры налоговых органов	3. Изменение организационного подхода к проведению контрольной и контрольно-аналитической работы: привлечение на постоянной основе специалистов, в компетенцию которых входит методологическое сопровождение исчисления налогов и сборов, в том числе предоставление прав доступа к информационным аналитическим ресурсам налоговых органов в целях выявления методологических нарушений
5. Отсутствие показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности в части методологической работы	4. Установление показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности в части методологической работы
6. Децентрализация сведений, необходимых для эффективного методологического сопровождения контрольной работы	5. Разработка централизованного информационно-аналитического ресурса (подсистемы) в рамках формирования адаптивной цифровой платформы с многофункциональным аналитическим инструментом

Список источников

1. Борзилов С. Г. Основные принципы организации контрольной работы и налогового планирования, новые подходы к назначению налоговых проверок / С. Г. Борзилов // Совершенствование налогового администрирования: материалы третьей научно-практической конференции, 06 декабря 2018 года. 2019. С. 106–109.
2. Гришанова А. М. Развитие процесса цифровизации как фактор, определяющий изменения механизма налогового администрирования / В. И. Братцев, А. М. Гришанова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 1 (115). С. 5–13.
3. Кавтарова Х. Х. Налоговое администрирование в условиях цифровизации / Х. Х. Кавтарова, М. И. Махомашова, С. С. Хасанова. // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях: материалы I всероссийской науч.-практ. конф., 23 апреля 2020 года. 2020. С. 269–273.
4. Кирова Е. А. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики / Е. А. Кирова, А. В. Кожебаткина // Вестник университета. 2020. № 9. С. 94–99.
5. Коваленко И. Д. Увеличение эффективности контрольных работ налоговых органов ФНС России / И. Д. Коваленко // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 54-4. С. 44–47.
6. Матвеев П. А. Человеческий фактор при внедрении цифровых технологий Федеральной налоговой службой / П. А. Матвеев // Трансформация национальной социально-экономической системы России: материалы II междунар. науч.-практ. конф., 22 ноября 2019 года. 2020. С. 221–226.
7. Минеева В. М. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации экономики / В. М. Минеева, А. В. Масалимова, А. А. Валиева // Энигма. 2020. № 20. С. 68–82.
8. Широков А. Е. Проблемы контрольной деятельности налоговых органов Российской Федерации и направления их решения / А. Е. Широков, О. И. Тишутина // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития : сборник трудов III международной студенческой

научной конференции, 16 ноября 2020 года. 2020. С. 222–225.

References

1. Borzilov S. G. Basic principles of the organization of control work and tax planning, new approaches to the appointment of tax audits / S. G. Borzilov // Improving tax administration: materials of the third scientific and practical. conf., December 06, 2018. 2019. P. 106–109.
2. Grishanova A. M. Development of the digitalization process as a factor determining changes in the mechanism of tax administration / V. I. Bratsev, A. M. Grishanova // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2021. T. 18. № 1 (115). P. 5–13.
3. Kavtarova Kh. Kh. Tax administration in the context of digitalization / Kh. Kh. Kavtarova, M. I. Makhomashova, S.S. Khasanova. // Socio-economic and financial aspects of the development of the Russian Federation and its regions in modern conditions: materials of the I Russian scientific and practical. conf., April 23, 2020. 2020. P. 269–273.
4. Kirova E. A. Modernization of tax control in the context of digitalization of the economy / E. A. Kirova, A. V. Kozhebatkina // Vestnik of the University. 2020. № 9. P. 94–99.
5. Kovalenko I. D. Increasing the efficiency of control work of the tax authorities of the Federal Tax Service of Russia / I. D. Kovalenko // Trends in the development of science and education. 2019. № 54-4. P. 44–47.
6. Matveev P. A. Human factor in the implementation of digital technologies by the Federal Tax Service / P. A. Matveev // Transformation of the National Socio-Economic System of Russia: Proceedings of the II Intern. scientific-practical. conf., November 22, 2019. 2020. P. 221–226.
7. Mineeva V. M. Improving tax control in the context of digitalization of the economy / V. M. Mineeva, A. V. Masalimova, A. A. Valieva // Enigma. 2020. № 20. P. 68–82.
8. Shirokov A. E. Problems of control activity of tax authorities of the Russian Federation and directions of their solution / A. E. Shirokov, O. I. Tishutina // Financial Economics: Topical Issues of Development : Proceedings of the III Intern. student scientific conf., November 16, 2020. 2020. P. 222–225.

Информация об авторе

А. М. Симачкова – аспирант кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Information about the author

A. M. Simachkova – Post-Graduate of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 336, 347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-266-269>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-1/23-637

МОДУЛЬ: 77/27-011-2023-01-836

Цифровые технологии налогового администрирования

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

staroverova05@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена цифровым технологиям налогового администрирования; в ней рассматриваются вопросы применения цифровых технологий в налоговом администрировании; роль цифровых инструментов в налоговом администрировании; достоинства и негативные черты цифровых технологий, а также даны рекомендации по уменьшению налоговых рисков информационной безопасности программного продукта и ряд профилактических мер.

Ключевые слова: цифровизация экономики, цифровые технологии, налоговое администрирование

Для цитирования: Староверова О. В. Цифровые технологии налогового администрирования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 266–269. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-266-269>.

Original article

Digital technologies of tax administration

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

staroverova05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to digital technologies of tax administration; it deals with the use of digital technologies in tax administration; the role of digital tools in tax administration; advantages and disadvantages of digital technologies, as well as recommendations for reducing the tax risks of information security of a software product and a number of preventive measures.

Keywords: digitalization of the economy, digital technologies, tax administration

For citation: Staroverova O. V. Digital technologies of tax administration. Bulletin of economic security. 2023;(1): 266–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-266-269>.

Цифровизация экономики, которую проводят уже с конца 2016 года, затронула практически все сферы жизнедеятельности человека. Налоговое администрирование не стало исключением. Этот процесс является чрезвычайно важным для пополнения доходной части государственной казны. Введение цифровых технологий в налоговое администрирование привело как к положительным, так и к негативным аспектам.

Вопрос применения цифровых технологий в налоговом администрировании за последние несколько лет широко освещался учеными.

Так, роль цифровых инструментов в налоговом администрировании изучили Л. М. Файзрахманова, И. А. Шалаев, М. А. Гнедкова и Т. Г. Бондаренко [1; 3; 5; 10]. Сам переход и трансформацию, которые произошли, рассмотрели О. А. Герасименко, Т. В. Деева и А. В. Салабутин [2; 4; 8]. Другие авторы, работы которых были использованы при создании этого эссе, изучили иные аспекты,

например, практическое внедрение (Е. В. Ткач), перспективы (Н. Б. Островская) или определенные направления использования (В. В. Кузьменко) [6; 7; 9].

Налоговое администрирование необходимо для того, чтобы оперативно решать наиболее актуальные вопросы, формирующиеся в течении взаимодействия налоговых служб и налогоплательщиков. В целом этот сложный многоаспектный институт порожден налоговыми отношениями, налоговой политикой страны, а также разными механизмами, отвечающими за результативное функционирование налоговой системы [5; 6]. Надо согласиться с Косовым М. Е., который пишет, что «эффективность консультирования зависит от современных технологий, компьютеризации и повышения уровня подготовки должностных лиц налоговых органов по современным дисциплинам, изучающим принципы экономических, в том числе маркетинговых, взаимоотношений в условиях рынка» [11].

© Староверова О. В., 2023

Цифровые технологии, внедряющиеся в процесс налогового администрирования, позволяют сделать процесс более эффективным. Это достигается через минимизацию рисков относительно нарушений при оплате или исчислении налогов, а также максимизация налогового комплаенса, вплоть до ста процентов [1].

Уже в 2017 году начался процесс внедрения цифровых технологий в налоговое администрирование. Направление было выбрано одним из первых, так как с его помощью федеральная налоговая служба собирает около девяносто процентов от всех поступаемых в бюджет денежных средств. Современный спектр применяемых цифровых технологий чрезвычайно широк, это искусственный интеллект, мобильные приложения, интернет-порталы, Big Data и многие иные [4; 8].

В перспективе цифровые технологии в налоговом администрировании будут развиваться, по аналогии с уже применяемыми на Западе направлениями в Big Data. Нельзя не отметить распространение в Европе смарт-порталов, которые тоже станут дальнейшей перспективой нашей страны. Их назначение – совершенствование риск-менеджмента всей налоговой системы, формирование налогового механизма, который будет понятным и удобным для каждого лица, а также он будет требовать минимальное количество трудовых затрат от налогоплательщика [2; 7].

Согласно изучению используемых сейчас информационных технологий в налоговом администрировании, можно выделить множество достоинств, основными из которых будут:

1. Уменьшение расходов в этой сфере. Так, например, уже в 2017 году было установлено, что выездные проверки стали реже в два раза, итоговый эффект от них вырос на аналогичный показатель, а сами работники указали на уменьшение трудовых затрат по этим направлениям [10];

2. Увеличение эффективности в направлении определения используемых схем для минимизации налоговых отчислений. Проблемным аспектом выступают так называемые фирмы-однодневки. Внедрение цифровых технологий позволило за несколько лет снизить их количество в пять раз, что является значительным достижением [9];

3. Сокращение административной нагрузки, которая приходится на физических лиц, которые активно используют мобильное приложение «Мой налог». С его помощью самозанятые могут максимально просто и быстро легализовать свой доход. Так, они просто вводят значение полученной прибыли, после этого автоматически рассчитывается налоговая сумма к уплате, которая выводится в конце месяца;

4. Уменьшение комплаенс-рисков в сфере налоговой проверки. Если ранее можно было выявить схему сговора между налоговым работником и проверяемым лицом, то теперь можно отметить наличие простых человеческих ошибок, допускаемых случайно [3].

Есть все основания сказать, что представленные преимущества не являются исчерпывающими, их список можно продолжать и далее. Однако у цифровых технологий в сфере налогового администрирования есть некоторые негативные черты, которые нельзя не отметить:

1. Некоторые законы требуют использования цифровых технологий при оплате налогов или реализации операций, что увеличивает расходы налогоплательщиков на оборудования. Например, было введено обязательство для бизнеса по использованию кассового оборудования, что стало для малого бизнеса ощутимой денежной суммой. Еще одним примером может служить то, что самозанятому нужно декларировать свои доходы, либо с помощью приложения «Мой доход», либо на сайте налоговой службы. Однако, если человек не имеет современного смартфона или хотя бы ноутбука, сделать это он сможет лишь в зоне свободного доступа к компьютеру, например, в ИФНС или ему необходимо будет нести затраты на это декларирование.

2. Обучение. Из первой проблемы частично формируется вторая. Даже если лицо приобрело кассовое оборудование или современный смартфон, необходимо научиться им грамотно воспользоваться. В случае с кассой, ее нужно обслуживать, что требует расходов и знаний в этой сфере. ИФНС не уделяет этому недостаточного внимания, необходимо различные бесплатные курсы, позволяющие быстро и доступно объяснить всем желающим, как быстро и эффективно использовать различные сервисы налоговой службы;

3. Доступность Интернета и специалистов в различных регионах. Так, некоторые города России не имеют стабильного подключения к Интернет, в результате, использование цифровыми технологиями существенно усложняется, в некоторых моментах становится недоступно. При этом часть городов испытывает нехватку экспертов в узких сферах, что усложняет, например, процесс обслуживания обязательного оборудования. Это проблема стоит особенно остро и требует ее быстрого решения.

На наш взгляд, если бесплатные курсы и льготы могут быстро ликвидировать первые две трудности, которые физические лица могут разрешить самостоятельно, то последняя проблема нерешаема без вмешательства государства. Необходимо создать целую программу, которая будет активно развивать цифровые технологии там, где их сейчас практически нет. Там же нужно предоставлять бесплатные программные продукты, запускать пробные проекты, которые тщательно познакомят жителей с сервисами налоговых служб. В противном случае отставание отдельных городов и регионов от наиболее продвинутых территорий будет ежегодно расти.

Скажем и еще об одной проблеме – формирование новых налоговых рисков. Законодательство относительно цифровых технологий в налоговом администрировании проработано недостаточно, что дает возможность все неустраняемые сомнения трактовать в

пользу налогоплательщика. При этом информационная безопасность программного обеспечения налогового администрирования тоже подвержена налоговым рискам, для ее уменьшения можно использовать следующие рекомендации:

1) сделать минимальными законодательные «пробелы» этой сферы;

2) до принятия нормативных правовых актов, проводить экспертизу, которая позволит всесторонне изучить документы, снизив юридические, информационные и иные риски;

3) заранее формировать прогноз относительно каждого внедрения цифровой технологии в налоговое администрирование в направлении изменения налоговая нагрузка.

Есть все основания сказать и о профилактических мерах:

1) Единый центр, обрабатываемый сведения о налогоплательщиках всей страны, должен работать бесперебойно, его безопасность должна стать приоритетом.

2) Любое нововведение должно быть объяснено всем гражданам, то есть необходимо не только размещать информацию на сайтах и давать интервью представителям СМИ, но и проводить открытые лекции, на которых подробно будут разъяснены все аспекты, даны ответы на все вопросы. При этом важно делать акцент на том, что использование цифровых технологий в первую очередь делается для граждан, так как это позволяет им быстрее решать все налоговые вопросы, а также делает связь с налоговой службой проще.

Отдельного упоминания заслуживает то, что цифровые технологии дают существенные преимущества в налоговом администрировании. При этом особое внимание нужно акцентировать на развитии доступа к технологиям и Интернет, так как именно на этих аспектах держатся все цифровые технологии.

Список источников

1. Бондаренко Т. Г. Современные электронно-цифровые технологии в развитии налогового администрирования / Т. Г. Бондаренко, Ю. С. Михалева, О. В. Гудкова // Актуальные вопросы экономической безопасности таможенного дела: Сборник научных работ Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 17 апреля 2020 года. Брянск : Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2020. С. 171–173.

2. Герасименко О. А. Современные IT-технологии в налоговом администрировании в условиях перехода России к цифровой экономике / О. А. Герасименко // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 36(4). С. 106–108. DOI 10.24412/2309-4788-2021-11278.

3. Гнедкова М. А. Развитие налогового администрирования в условиях цифровизации / М. А. Гнедкова // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2020. № 4 (34). С. 298–303.

4. Деева Т. В. Технологическая трансформация налоговых органов и построение взаимодействия с налогоплательщиками с учетом их ожиданий и потребностей / Т. В. Деева // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 9. С. 2131–2144. DOI 10.18334/ce.14.9.110801.

5. Кузьменко В. В. Использование инновационных информационных технологий при модернизации и повышении эффективности налогового администрирования и налогового контроля в условиях развития цифровой трансформации экономики и своевременного применения технологий больших данных / И. А. Шалаев, О. И. Кожанчиков, О. И. Карпова, С. А. Ильминская // Вестник ОрелГИЭТ. 2021. № 4 (58). С. 92–104. DOI 10.36683/2076-5347-2021-4-58-92-104.

6. Цифровые технологии налогового администрирования как инструмент согласования интересов государства и налогоплательщиков / В. В. Кузьменко, В. А. Молодых, Е. У. Каракаева // Россия, Европа, Азия: цифровизация глобального пространства : Сборник научных трудов III Международного научно-практического форума, Невинномысск, 16–21 ноября 2020 года / Под редакцией И. В. Пеньковой. Невинномысск : Общество с ограниченной ответственностью «СЕКВОЙЯ», 2020. С. 435–437.

7. Островская Н. Б. Перспективы использования цифровых технологий в налоговом администрировании / Н. Б. Островская // Правосубъектность участников финансовых правоотношений и ее трансформация в условиях цифровой экономики : Сборник по материалам VI Саратовских финансово-правовых чтений научной школы имени Н. И. Химичевой – Международной научно-практической конференции в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию юбилею Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 09 июня 2021 года / Под редакцией Е. В. Покачаловой. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 114–116.

8. Салабутин А. В. Трансформация налогового администрирования в условиях цифровизации / А. В. Салабутин // Теория и практика финансово-хозяйственной деятельности предприятий различных отраслей: Сборник трудов II Национальной научно-практической конференции, Керчь, 27 октября 2020 года / под общ. ред. Е. П. Масюткина. Керчь : ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2020. С. 734–738.

9. Ткач Е. В. Развитие практики применения цифровых технологий в налоговом администрировании и менеджменте / Е. В. Ткач // Глобальная экономика в XXI веке: роль биотехнологий и цифровых технологий : Сборник научных статей по итогам работы второго круглого стола с международным участием, Москва, 15–16 апреля 2020 года. М. : Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2020. С. 85–87.

10. Файзрахманова Л. М. Роль цифровых технологий в эффективной реализации налогового администрирования / Л. М. Файзрахманова // Актуальные проблемы

финансового права в эпоху цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 20 апреля 2022 года. Уфа : Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2022. С. 15–19.

11. Косов М. Е. Маркетинг в процессе налогового администрирования // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12. С. 25–29.

References

1. Bondarenko T. G. Modern electronic digital technologies in the development of tax administration / T. G. Bondarenko, Yu. S. Mikhaleva, O. V. Gudkova // Topical issues of economic security and customs : Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Bryansk, April 17, 2020. Bryansk : Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2020. P. 171–173.

2. Gerasimenko O. A. Modern IT-technologies in tax administration in the context of Russia's transition to a digital economy / O. A. Gerasimenko // Natural Humanitarian Research. 2021. No. 36(4). P. 106–108. DOI 10.24412/2309-4788-2021-11278.

3. Gnedkova M. A. Development of tax administration in the context of digitalization / M. A. Gnedkova // GosReg: state regulation of public relations. 2020. No. 4 (34). P. 298–303.

4. Deeva T. V. Technological transformation of tax authorities and building interaction with taxpayers, taking into account their expectations and needs / T. V. Deeva // Creative Economy. 2020. T. 14. No. 9. P. 2131–2144. DOI 10.18334/ce.14.9.110801.

5. The use of innovative information technologies in the modernization and improvement of the efficiency of tax administration and tax control in the context of the development of digital transformation of the economy and the timely application of big data technologies / I. A. Shalaev, O. I. Kozhanchikov, O. I. Karpova, S. A. Ilminskaya // Vestnik OrelGIET. 2021. No. 4 (58). P. 92–104. DOI 10.36683/2076-5347-2021-4-58-92-104.

6. Digital technologies of tax administration as a tool for coordinating the interests of the state and taxpayers / V. V. Kuzmenko, V. A. Molodykh, E. U. Karakaeva // Russia,

Europe, Asia: digitalization of the global space: Collection of scientific papers of the III International Scientific and practical forum, Nevinnomyssk, November 16–21, 2020 / Edited by I. V. Penkova. Nevinnomyssk : SEKVOIA Limited Liability Company, 2020. P. 435–437.

7. Ostrovskaya N. B. Prospects for the use of digital technologies in tax administration / N. B. Ostrovskaya // Legal personality of participants in financial legal relations and its transformation in the digital economy: Collection of materials from the VI Saratov financial and legal readings of the scientific school named after N.I. Khimicheva – International scientific and practical conference within the framework of the Saratov International Legal Forum dedicated to the 90th anniversary of the Saratov State Law Academy, Saratov, June 09, 2021 / Edited by E. V. Pokachalova. Saratov : Saratov State Law Academy, 2022. P. 114–116.

8. Salabutin A. V. Transformation of tax administration in the context of digitalization / A. V. Salabutin // Theory and practice of financial and economic activities of enterprises in various industries: Proceedings of the II National Scientific and Practical Conference, Kerch, October 27, 2020 / under total ed. E. P. Masyutkin. Kerch : FGBOU VO «Kerch State Marine Technological University», 2020. P. 734–738.

9. Tkach E. V. Development of the practice of using digital technologies in tax administration and management / E. V. Tkach // Global economy in the XXI century: the role of biotechnology and digital technologies: Collection of scientific articles based on the results of the second round table with international participation, Moscow, April 15–16, 2020. M. : Limited Liability Company «KOVERT», 2020. P. 85–87.

10. Fayzrakhmanova L. M. The role of digital technologies in the effective implementation of tax administration / L. M. Fayzrakhmanova // Actual problems of financial law in the era of digitalization: materials of the International scientific and practical conference, Ufa, April 20, 2022. Ufa : Research Institute for the Problems of the Legal State, 2022. P. 15–19.

11. Kosov M. E. Marketing in the process of tax administration // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 12. P. 25–29.

Информация об авторе

О. В. Староверова – профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova – Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 29.11.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Научная статья

УДК 332.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-270-274>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-1/23-638

МОДУЛЬ: 77/27-011-2023-01-837

Приоритеты социально-экономического развития горных территорий

Тенгиз Шаликоевич Тиникашвили

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

Tengiz-05@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена приоритетам социально-экономического развития горной территории, направленным на сбалансированное функционирование секторов экономики и социальной сферы, формирование объективных предпосылок для вложений в человеческий капитал, строительство необходимой инфраструктуры для бизнеса и благоприятной жизни населения.

Ключевые слова: стратегия развития территории, зоны устойчивого роста, инвестиции, государственная финансово-кредитная поддержка

Для цитирования: Тиникашвили Т. Ш. Приоритеты социально-экономического развития горных территорий // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 270–274. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-270-274>.

Original article

Priorities of social and economic development of mountain territories

Tengiz Sh. Tinikashvili

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

Tengiz-05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the priorities of the socio-economic development of the mountainous territory, aimed at the balanced functioning of the sectors of the economy and the social sphere, the formation of objective prerequisites for investment in human capital, the construction of the necessary infrastructure for business and a favorable life for the population.

Keywords: territory development strategy, sustainable growth zones, investments, state financial and credit support

For citation: Tinikashvili T. Sh. Priorities of social and economic development of mountain territories. Bulletin of economic security. 2023;(1):270–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-270-274>.

Социально-экономическое развитие горной территории в современных условиях требует доработки действующей законодательной базы, строительства объектов туристско-рекреационной сферы, разработки туристических продуктов и услуг, эффективной системы финансово-кредитной поддержки, подготовки квалифицированных кадров для эффективного функционирования отрасли.

Вопросы социально-экономического развития горных территорий широко освещены в научных трудах российских ученых-экономистов Аскерова Н. С. [3], Шахшаевой Л. М. [9], Абдуллаевой Т. К. [2], Абдулманапова П. Г. [1], Галбацдибириевой М. А. [4] и других.

Проблемы развития туристско-рекреационного комплекса регионов также нашли отражение в работах отечественных авторов Халимбекова Х. З. [10], Камало-

вой Т. А. [5], Курбановой А. М. [6], Матюгиной Э. Г. [7], Обороина М. С. [8].

Вместе с тем, поиск приоритетов к обеспечению социально-экономического роста на базе сочетания государственно-частного партнерства в туристско-рекреационной сфере по-прежнему является актуальным и заслуживает особого внимания.

Приоритеты развития территории зависят от внутренних и внешних экономических, политических, географических, социальных факторов и вызовов. Однако важное значение также имеют особенности территориальной структуры ее природного, промышленного, ресурсного потенциала. С учетом этого и с целью пространственной организации территориального планирования целесообразно выделять зоны развития. Их формирование предусматривает определение своеобразных

точек роста территории, которые станут локомотивом для остальных сфер общественного воспроизводства.

Зоны устойчивого развития – это социально-экономические системы, которым волне под силу привлечение инвестиций в регион, стимулирование процесса становления и развития инновационных компаний на основе формирования эффективной системы государственной и муниципальной поддержки бизнеса в целом.

Ключевыми направлениями территориальной организации развития Северной Осетии являются развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта, создание логистических центров.

Отметим, что все без исключения обозначенные зоны роста имеют важное значение с точки зрения сбалансированного социально-экономического развития территории республики. Однако, учитывая региональные природно-климатические и рельефно-ландшафтные особенности, особого внимания заслуживает эффективное использование рекреационных возможностей. Их развитие позволит предоставлять качественные туристические продукты и услуги на территории Северной Осетии, способные конкурировать с аналогами из регионов всего Юга России.

С этой позиции, ключевой точкой роста горной территории представляются: строительство инфраструктуры, ориентированной на реализацию имеющегося потенциала в туризме и рекреации, возрождение горного сельского хозяйства на основе создания новых перспективных форм хозяйствования – предприятий малого и среднего бизнеса, способных мобильно функционировать на основе действующей и развивающейся системы государственной и муниципальной поддержки, в том числе предусматривающей механизмы частно-государственного партнерства. Это будет способствовать производству экологически чистых продуктов и обеспечению ими всей туристско-рекреационной отрасли.

В целом, туристско-рекреационный комплекс республики может включать в себя непосредственно горный туризм, оздоровительный туризм, а также агротуризм.

Их развитие напрямую зависит от процесса строительства непосредственно объектов туризма, а также объектов, обеспечивающих сервис в данной сфере. Это довольно ресурсоемкие проекты, поэтому совместными усилиями региональных и федеральных властей обозначенная выше первая площадка уже реализуется в рамках федеральной целевой программы «Юг России». В соответствии с ней осуществлялось: строительство автомобильной дороги к объекту, водозаборов и водопроводных сетей, а также высоковольтных линий электропередачи и подстанционного хозяйства.

Особый ландшафт и уникальный горный рельеф естественным образом обуславливают развитие альпинизма. Горные вершины различной высоты и сложности способствуют организации и проведению здесь соревнований федерального и мирового уровня. Однако, для планирования и осуществления такого рода меро-

приятий крайне необходима соответствующая инфраструктура. Это актуализирует формирование в регионе Центра альпинизма, который может быть организован на условиях государственно-частного партнерства и наделен отдельными полномочиями по участию в государственных и муниципальных программах развития и поддержки, а также во всевозможных зарубежных грантах.

Горная территория Северной Осетии практически полностью включена в особо охраняемую местность, а в функционирующих в республике заповедниках (национальный парк Алания, заповедник Цейский) распространены буковые и грабовые леса, разнообразные водопады и речные каньоны.

Различные природно-климатические комплексы, меняющиеся уникальные ландшафты, имеющиеся источники минеральных вод естественным образом обуславливают отличную возможность формирования на территории республики курортно-оздоровительного комплекса. Разведанные запасы минеральных источников, готовых к освоению, оцениваются по данным республиканского комитета по туризму до 15 тыс. кубических метров в сутки, что потенциально создаст возможность оздоровления до 80 тысяч человек в год [11].

Относительно новым направлением развития туристско-рекреационной отрасли как в федеральном, так и региональном масштабах является агротуризм. Строительство относительно малозатратных гостевых доходных домов в горной местности республики, необходимой инфраструктуры, а также высокий уровень гостеприимства создаются все необходимые условия для его активного внедрения в инвестиционные региональные проекты.

Безусловно, фактором, снижающим конкурентоспособность туристско-рекреационного комплекса РСО-Алания, является недостаточная неразвитость инфраструктуры горных территорий: дорожной, инженерной, коммунальной.

Это снижает уровень заинтересованности инвесторов во вложении финансовых средств в соответствующие объекты, и актуализирует доработку имеющихся и поиск новых эффективных механизмов государственной поддержки. С этой целью федеральным и региональным законодательством уже предусмотрены механизмы государственной поддержки, в том числе: софинансирование создания базовой инфраструктуры за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ; предоставление государственных гарантий РФ и субъекта РФ по банковским ссудам, привлекаемым для осуществления инвестиций; софинансирование банковского процента по кредиту, привлекаемому на развитие и приобретение оборудования; предоставление льгот по региональным налогам и аренде земли и объектов государственной собственности; использование механизмов государственно-частного партнерства, а также оказание государственной поддержки развитию малого предпринимательства.

**административная
поддержка**

наличие стратегии социально-экономического развития региона;
создание совета по улучшению ИК и поддержке инвестпроектов;
оперативное сотрудничество власти и бизнеса;
создание общественных Советов при надзорных структурах

**оперативное
развертывание
инвестиционных
проектов**

создание "одного окна" для работы с инвесторами, регистрации компаний, оформления разрешительной документации и прохождения согласований;
прикрепление к инвестору менеджера региональной администрации, отвечающего за развертывание ИП;
создание интернет-портала об инвестиционной деятельности в регионе

**финансовая
поддержка МСП**

софинансирование субъектом РФ инвестиционных проектов;
субсидирование процентной ставки по кредиту;
предоставление государственных гарантий;
предоставление инвестиционных и инновационных грантов

**налоговое
стимулирование**

предоставление налоговых каникул по налогу на прибыль, земельному налогу и налогу на имущество;
снижение ставки налога на прибыль в части, зачисляемой в республиканский бюджет, на 4,5 %;
формирование привлекательных тарифных условий для инвестиций

**создание
промышленных
площадок**

проведение за счет региона комплекса землеустроительных работ;
постановка земельного участка на государственный кадастровый учет;
регистрация прав собственности на землю и имущество;
подведение к земельному участку дорог и всей необходимой инфраструктуры

**создание
индустриальных
парков и технопарков**

максимальное сокращение сроков начала бизнеса;
создание комфортной благоприятной среды;
обеспечение кадрового потенциала для инвестиций и др.

Рис. 1. Система государственной поддержки инвестпроектов и малого бизнеса в регионе

Действующим российским законодательством предусмотрена система государственной финансово-кредитной поддержки приоритетных инвестпроектов, в том числе и в туристско-рекреационной сфере, и субъектов малого бизнеса. Она включает меры бюджетного и налогового льготирования, софинансирования банковских процентов, создание индустриальных парков и т. д.

В регионах страны действует система субсидирования юридических и физических лиц – индивидуальных предпринимателей, являющихся производителями продукции, в части возмещения недополученных доходов или осуществленных затрат. Это способствует повышению инвестиционного климата субъектов РФ, развитию конкурентоспособности и объемов регионального бизнеса, а значит, формированию дополнительных рабочих мест и росту налогооблагаемой базы, в конечном итоге.

Актуальное практическое значение в системе финансово-кредитной поддержки инвестпроектов занимает механизм возмещения доли процентных платежей субъектов предпринимательства по привлеченным банковским кредитам в пределах, сопоставимых с ключевой ставкой мегарегулятора.

Особую роль использование данного инструмента государственной поддержки приобретает в условиях почти двукратного роста основной банковской процентной ставки в стране. Ведь в соответствии с действующим в стране налоговым законодательством, часть процентов по привлекаемым бизнесом кредитным ресурсам, в пределах ключевой ставки, увеличенной на десять процентов, относится на себестоимость произведенной продукции, выполненных работ или оказанных услуг. Таким образом, при росте ключевой ставки себестоимость продукции будет расти при использовании банковских кредитов, что одновременно означает сокращение прибыли в структуре цены товара. Последнее обстоятельство неминуемо обусловит сокращение налоговых доходов в бюджетную систему в будущем. Поэтому данный инструмент господдержки обладает наряду со стимулирующим и определенным компенсационным эффектом финансово-кредитного воздействия на экономику в целом.

Вместе с тем, бюджетные возможности региональной финансовой поддержки зачастую ограничены в силу социальной направленности расходов и с учетом жестких требований законодателя по предельному размеру дефицита основного финансового плана субъекта РФ. Поэтому важное значение в расширении стимулирующего финансово-кредитного инструментария государственной поддержки бизнеса приобретает механизм предоставления госгарантий. Во-первых, он значительно расширяет возможности субъектов хозяйствования к доступу дополнительных финансовых ресурсов, а во-вторых, практическое исполнение данного инструмента за счет бюджетных средств подлежит реализации только в случае неисполнения своих обязательств заемщиком.

Важным подспорьем в развитии механизма предоставления государственных гарантий будет являться

освобождение высокодотационных субъектов РФ, в консолидированных бюджетах которых доля дотаций из федерального центра превышает половины собственных доходов, от необходимости софинансирования гарантий за счет региональных бюджетных средств. Кроме того, положительную роль в активизации инвестиционной инициативы может сыграть сокращение минимального объема государственных гарантий в связи с функционированием в регионах страны в основном субъектов малого и среднего предпринимательства.

В этой связи особого внимания заслуживают региональные и муниципальные фонды микрофинансирования и поддержки предпринимательства, ориентированные исключительно на предоставление дополнительных финансовых ресурсов субъектам малого и среднего бизнеса. Вместе с тем, повышение роли данных институтов в региональной инвестиционной поддержке во многом определяется уровнем их капитализации.

Важным направлением стимулирования инвестиционного роста горных территорий является принятие нормативных актов, устанавливающих их соответствующий статус и закрепляющих возможность участия в государственных программах развития отрасли на льготных условиях.

Список источников

1. Абдулманов П. Г., Галбацдибирова М. А. Комплексное развитие горных территорий // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015. № 5. С. 686–705.
2. Абдуллаева Т. К., Абдулаев Х. Г. Применение кластерного метода для эффективного управления регионом // *Региональные проблемы экономики*. 2018. № 3. С. 62–72.
3. Аскеров Н. С. Кластерная стратегия развития горных территорий // *Вестник экспертного совета*. 2015. № 2. С. 4–9.
4. Галбацдибирова М. А. Социально-экономическое развитие горных районов Республики Дагестан // *Региональные проблемы экономики*. 2011. № 11. С. 35–40.
5. Камалова Т. А., Нажмутдинова С. А. Маркетинговые подходы к формированию региональной инфраструктуры сферы туризма // *Вопросы структуризации экономики*. 2013. № 2.
6. Курбанова А. М. Туристское зонирование территории как предпосылка развития внутреннего туризма региона // *Наука и туризм : стратегия взаимодействия*. 2015. № 4. С. 83–86.
7. Матюгина Э. Г., Пожарницкая О. В., Вусович О. В. Природный потенциал как основа формирования туристско-рекреационного профиля территории (на примере Республики Дагестан) // *Юг России : экология, развитие*. 2019. № 2. Т. 14. С. 132–149.
8. Оборин М. С., Климова О. В. К вопросу изучения методик оценки и подходов к исследованию рекреационной деятельности // *Arctic Environmental Research*. 2015. № 1. С. 19–28.

9. Шахшаева Л. М. Перспективы устойчивого социально-экономического развития региона путем использования инструментов туристического маркетинга // УЭПС : Управление, экономика, политика, социология. 2015. № 3.

10. Халимбеков Х. З., Айдаева С. А., Шахбанова З. Р. Роль кластерного механизма в развитии туристско-рекреационного комплекса Северо-Кавказского региона // Вестник экспертного совета. 2018. № 1–2. С. 63–70.

11. [http:// www.alaniatourism.ru](http://www.alaniatourism.ru).

References

1. Abdulmanapov P. G., Galbatsdibirova M. A. Integrated development of mountain territories // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 5. P. 686–705.

2. Abdullaeva T. K., Abdulaev H. G. Application of the cluster method for effective management of the region // Regional problems of the economy. 2018. № 3. P. 62–72.

3. Askerov N. S. Cluster Strategy for the Development of Mountain Territories // Bulletin of the Expert Council. 2015. № 2. P. 4–9.

4. Galbatsdibirova M. A. Socio-economic development of the mountainous regions of the Republic of Dagestan // Regional problems of the economy. 2011. № 11. P. 35–40.

5. Kamalova T. A., Nazhmutdinova S. A. Marketing approaches to the formation of the regional infrastructure of the tourism sector // Issues of Structuring the Economy. 2013. № 2.

6. Kurbanova A. M. Tourist zoning of the territory as a prerequisite for the development of domestic tourism in the region // Science and tourism : an interaction strategy. 2015. № 4. P. 83–86.

7. Matyugina E. G., Pozharnitskaya O. V., Vusovich O. V. Natural potential as the basis for the formation of the tourist and recreational profile of the territory (on the example of the Republic of Dagestan) // South of Russia : ecology, development. 2019. № 2. Т. 14. P. 132–149.

8. Oborin M. S., Klimova O. V. On the issue of studying assessment methods and approaches to the study of recreational activities // Arctic Environmental Research. 2015. № 1. P. 19–28.

9. Shakhshaeva L. M. Prospects for sustainable socio-economic development of the region through the use of tourism marketing tools // UEPS : Management, economics, politics, sociology. 2015. № 3.

10. Khalimbekov Kh. Z., Aidaeva S. A., Shakhbanova Z. R. The role of the cluster mechanism in the development of the tourist and recreational complex of the North Caucasus region // Bulletin of the Expert Council. 2018. № 1-2. P. 63–70.

11. [http:// www.alaniatourism.ru](http://www.alaniatourism.ru).

Библиографический список / Bibliographic list

1. Kutsuri G. N., Solyannikova S. P., Tinikashvili T. Sh., Milenkov A. V., Dzhonmamadov S. Features of financial and credit regulation of the economy in the context of digitalization / In the collection : ACM International Conference Proceeding Series. Series 4 «Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference «Digital Economy and Finances», DEFIN 2021». 2021.

2. Kutsuri G. N., Solyannikova S. P., Tinikashvili T. S., Gardaphadze T. Opportunities for digital regulation of the local budget deficit (on the example of the budget of Vladikavkaz). In the collection : ACM International Conference Proceeding Series. Series 4 «Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference «Digital Economy and Finances», DEFIN 2021». 2021.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 23.01.2023.

Научная статья

УДК 339

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-275-279>

НИОН: 2015-0066-1/23-639

MOSURED: 77/27-011-2023-01-838

Экономическая оценка текущего положения и перспектив развития отношений России и Евросоюза в энергетической сфере

Андрей Алексеевич Яковлев

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
andrew0880@rambler.ru

Рецензент: доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования **Н. Д. Эриашвили**

Аннотация. Кратко раскрываются вопросы, характеризующие экономическую составляющую отношений России и Евросоюза в сфере энергетики. Описываются причины ухудшения отношений в данном направлении, включая принципиальную неготовность стран-членов ЕС к созданию трансъевропейских интеграционных проектов с участием России. Также анализируются принципиальные ограничения, с которыми сталкиваются российские компании в рамках своей деятельности на энергетических рынках Европы (что приводит к обязательности учета рисков фактора во взаимоотношениях с европейскими контрагентами). Позиционируются отдельные элементы стратегического развития топливно-энергетического комплекса России в контексте ее возможностей как государства-экспортера на европейском энергетическом рынке.

Ключевые слова: энергетическая инфраструктура, общие энергетические рынки, энергетическая безопасность, европейский энергорынок, Европейский энергетический союз, экспортная стратегия, экономическая эффективность деятельности компании, топливно-энергетический комплекс

Для цитирования: Яковлев А. А. Экономическая оценка текущего положения и перспектив развития отношений России и Евросоюза в энергетической сфере // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 275–279. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-275-279>.

Original article

Economic assessment of the current situation and prospects for the development of relations between Russia and the European Union in the energy sector

Andrey A. Yakovlev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
andrew0880@rambler.ru

Reviewer: Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of education **N. D. Eriashvili**

Abstract. The issues that characterize the economic component of relations between Russia and the European Union in the energy sector are being briefly revealed. The reasons for the deterioration of relations in this direction are described, including the fundamental unwillingness of the EU member states to create trans-European integration projects with the participation of Russia. The article also analyzes the fundamental limitations that Russian companies face in their activities in the energy markets of Europe (which leads to the obligation to take into account the risk factor in relations with European counterparties). Certain elements of the plans for the development of the fuel and energy complex of Russia are positioned in the context of its capabilities as an exporting state in the European energy market.

Keywords: energy infrastructure, common energy markets, energy security, European energy market, European Energy Union, export strategy, economic efficiency of the company's activities, fuel and energy complex

For citation: Yakovlev A. A. Economic assessment of the current situation and prospects for the development of relations between Russia and the European Union in the energy sector. Bulletin of economic security. 2023;(1):275–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-275-279>.

© Яковлев А. А., 2023

Начать следует с того, что наша страна весьма значительный период времени позиционируется как абсолютно естественный партнер государств Европейского Союза в области энергетики, осуществляя поставки как природного газа (в первую очередь), так и нефти и нефтепродуктов, угля и проч. В целях обеспечения стабильности сделок в рамках Европейского континента уже сформирована энергетическая инфраструктура, разработаны соответствующие технические регламенты, унифицированы способы осуществления различных международных коммерческих операций. Необходимо отметить, что энергетические компании (как из Российской Федерации, так и из Евросоюза) имеют определенный опыт совместной работы, в том числе, в рамках реализации ряда весьма знаковых проектов.

Но нельзя забывать и о том, что не так давно было начато антимонопольное расследование по отношению к нашему «Газпрому», при этом имел место фактически отказ от восприятия мнения Российской Федерации при принятии Третьего энергопакета Европейского Союза. Более того, было беспрецедентно отклонено предложение российской стороны относительно пуска газопровода «Южный поток», был создан целый комплекс препятствий при строительстве газопровода «Северный поток – 2». Конечно же, конфликтная ситуация не была спонтанной, но 2014 год здесь можно рассматривать как переломный. Таким образом, практически все взаимоотношения между ЕС и Российской Федерацией оказались минимизированы исключительно по политическим причинам.

Руководство нашей страны признает, что, несмотря на заявления сторон о необходимости срочного перезапуска отношений между Россией и ЕС в энергетической сфере, сегодня все контакты осуществляются лишь на уровне рабочих встреч представителей сторон для решения только оперативных вопросов. Установление визовых ограничений, введение санкций (и контрсанкций) из-за позиции ЕС по вопросу Крыма и необъективной трактовки вооруженного конфликта в ДНР и ЛНР только обострили и существенно ухудшили ситуацию в целом. Итог заключается в том, что стороны в настоящий момент даже и не рассматривают перспективы создания общих энергетических рынков в формате «Владивосток – Лиссабон». Одна из главных причин здесь – это принципиальная неготовность (или боязнь) государств-участников Европейского Союза реализации общеевропейских проектов с участием в них России. В блоке энергетики в качестве последствия следует считать уже не скрываемый поиск Россией перспектив развития энергетического экспорта исключительно в восточном направлении. В Евросоюзе при этом в качестве некой альтернативы поставкам, в первую очередь, газа из нашей страны рассматриваются запасы стран Каспийского региона. Здесь, однако, необходимо помнить, что оба контрагента рассматривают диверсификацию (географическую) энергетического сотрудничества од-

ним из способов повышения энергетической безопасности, но de facto это приводит к существенному увеличению воздействия рисков фактора для каждой из сторон.

Помимо сказанного, нельзя не отметить, что картина взаимоотношений между Евросоюзом и Россией в сфере энергетики не может быть оптимальной в связи с необходимостью учета интересов и третьих стран, прямо или косвенно влияющих на принятие управленческих решений в области энергетического сотрудничества между ЕС и нашей страной. Это и Украина, Польша, и государства Балтии, равно как и США. Итак, весьма спорная и довольно политизированная формулировка вопросов как энергетической безопасности, так и энергетического сотрудничества обоими участниками ведет только к усугублению конфликта в рассматриваемой сфере.

Далее, нельзя не принимать во внимание и то, что отечественные организации сталкиваются с ограничениями или искусственными препятствиями в работе на энергетических рынках Европы и а priori закладывают в свои проекты увеличение рисков воздействия в контактах с партнерами из Европы. Главным образом, это характерно для газовой сферы. Подобное отчасти коррелирует с тем, что Европейская комиссия поставила задачу создать общий энергетический рынок Европы и тем самым повысить уровень энергетической безопасности, рассматривая покупку электроэнергии и природного газа из Российской Федерации как ключевую угрозу. Таким образом, взаимоотношения Европы и России в газовой сфере к данному моменту трансформировались из стратегического партнерства в стандартную исключительно коммерческую куплю-продажу. Следует сказать, что либерализация энергорынка Европы с кардинальным изменением сложившихся подходов, нормативной правовой основы и применительной практики фактически заставила нашу страну видоизменить свою экспортную стратегию. Конечно же, в обозримой перспективе от отечественной стороны потребуются существенные усилия по адаптации к принципиально новой институциональной среде. Ставшие уже традицией обвинения в адрес руководства России об использовании газового вопроса как политического инструмента говорят о том, что решения Еврокомиссии имеют в качестве основания только политическую подоплеку, что в итоге конструирует для российской стороны весьма специфические условия функционирования (не всегда рыночного характера).

Если обратить внимание на мнения авторитетных российских экспертов, то они настаивают на том, что Евросоюз в последний период имплементировал целый ряд документов регламентирующего характера, которые оказывают воздействие на отношения с Российской Федерацией в данной сфере. Так, в 2014 г. Европейской Комиссией была подготовлена Европейская стратегия энергетической безопасности, в которой вопросы развития энергетики Европы связываются со стратегической

оценкой энергетической зависимости ряда государств, при этом особый акцент делается именно на поставках топлива из России, а также на тех государствах, где подобные поставки представляют собой более 50 % от общего объема импорта газа (природного).

Помимо краткосрочных мер по укреплению энергобезопасности (увеличение емкости подземных хранилищ газа (ПХГ), развитие инфраструктуры, в том числе реверсных потоков, сокращение энергопотребления и переключение на альтернативные виды топлива), новая стратегия предлагает ряд долгосрочных мер: увеличение энергоэффективности, прежде всего, для секторов зданий и промышленности, на долю которых приходится 40 и 25 % общеевропейского энергопотребления соответственно; увеличение производства энергоресурсов в ЕС (включая альтернативную энергетику, добычу ископаемых топлив и мирный атом) и диверсификация стран-поставщиков и маршрутов поставки; развитие конкуренции на внутреннем энергорынке ЕС и сооружение интерконнекторов для оперативного перенаправления потоков в случае их прерывания или иной необходимости; проведение единой энергополитики, включая информирование Еврокомиссии странами-членами о предполагаемых или заключаемых соглашениях с третьими сторонами, способными повлиять на энергобезопасность ЕС; укрепление кооперационных механизмов и преодоление инфраструктурных ограничений, включая координацию между странами ЕС по использованию ПХГ, развитию реверсных потоков и снижению рисков как на региональном, так и общеевропейском уровнях. Уязвимость газоснабжения государств Европы выявляют опубликованные ЕК результаты стресс-тестов, при полной остановке поставок российского газа либо его транзита через территорию Украины Болгария, Венгрия, Босния и Герцеговина, ... Сербия, Финляндия и Прибалтика столкнутся с необходимостью сократить потребление газа на 20–60 %, Польша, Румыния и Греция – на 10 %. Максимальное месячное сокращение поставок может составить 100 % по Болгарии, Финляндии, Боснии и Герцеговине ..., 73 % по Эстонии, 64 % по Сербии, 59 % по Литве, 35 % по Венгрии, 31 % по Румынии и 28 % по Польше [1, с. 7].

Описанное выше свидетельствует о том, что Стратегия энергетической безопасности ЕС фактически подводит страны-члены Евросоюза к обеспечению развития своей экономики (и энергетики) в условиях воздействия рисков фактора (в том числе риска полного или частичного прекращения поставки российского газа), предлагая для его минимизации ряд системных мер. Так, с 2015 г. в рамках ЕС сформирован Европейский энергетический союз, в рамках которого унифицирована позиция всех государств-членов Европейского Союза в вопросах энергетики, в том числе и особенности контактов с третьими сторонами. Основные положения этой стратегии в целом соответствуют наблюдаемой нами общей европейской энергетической политике. Конечно же, указанное говорит о стремлении Европейской Ко-

миссии изъять большую часть национальных полномочий стран-участниц Евросоюза для реализации внешней энергетической политики Союза. При этом планируется создание стратегических партнерств с Азербайджаном, Турцией, странами Ближнего Востока, США и Канадой, равно как и продолжение некоего взаимодействия с Украиной. Примечательно то, что наша страна здесь указывается только в аспекте так называемого «улучшения отношений». Европейская Комиссия также настаивает на обязательности вариантов при коллективных газовых закупках в так называемых «кризисных ситуациях» (что весьма важно особенно для стран Балтии и государств Восточной Европы).

В настоящее время Еврокомиссия стремится ликвидировать практически все регуляторные барьеры в наднациональной торговле электрической энергией и газом и в полном объеме применить положения Третьего энергопакета в целях интеграции энергорынков. Так, постоянно оценивая работу по сооружению новых сетей, связывающих, например, Россию с Германией по дну Балтийского моря, руководство ЕС безапелляционно подчеркивает, что третья и четвертая очереди Северного потока (более знакомые нам как проект «Северный поток – 2») не обеспечат доступ к новым источникам газа, а будут представлять собой лишь «плюс один» маршрут из нашей страны, хотя существующие в настоящее время мощности используются лишь примерно на 1/2. Сомнений нет, что это заявление односторонне, но тем не менее, данный проект должен в полном объеме соответствовать европейскому законодательству, что и «развязывает руки» Еврокомиссии в вопросе его оценки. Помимо этого, в рамках оптимизации деятельности Энергетического союза одной из целей рассматривается вовлечение стран-членов ЕС в процессы по переводу энергетики на низкоуглеродное развитие, а также в процессы по повышению их устойчивости к предполагаемым перебоям в поставках энергоресурсов.

Следует добавить, что рынок ЕС всегда (до последнего момента) рассматривался российской стороной в качестве приоритетного (первостепенного) направления в сфере энергетики. Бесспорен тот факт, что Россия явным образом заинтересована в стабильности спроса на энергетические ресурсы, равно как и в обеспечении экономической эффективности функционирования отечественных компаний сферы энергетики, а также в привлечении определенного объема иностранных инвестиций и технологий. Более того, наша страна постоянно пытается обеспечить гарантии устойчивости поставок, гибкость в формировании цен на энергоресурсы.

При этом руководство «Газпрома» старается решить проблему минимизации блока транзитных рисков, связанных, главным образом, с ситуацией на Украине, ведь сегодня через эту страну проходит более 1/3 российского газа для стран Европы. Здесь все очень сложно, так как у нас весьма напряженные отношения в газовой

сфере, связанные и с задолженностями украинской стороны, и с незаконными отборами газа из газопроводов, и проч. Конечно же, в идеале «Газпром» планирует если не отказаться, то хотя бы сократить до минимального объема транзит российского газа через территорию Украины. Без сомнения, этому способствуют стратегические проекты «Северный поток – 2» и «Турецкий поток». Также необходимо отметить, что определенные трудности в оптимизации деятельности в Европе испытывают и отечественные компании не только газовой сферы, но и других областей энергетики. В качестве примера можно привести госкорпорацию «Росатом» – при продвижении проектов возведения атомных электростанций в государствах Центральной и Восточной Европы. Таким образом, в целом, формулируя планы долгосрочного развития ТЭК, наша страна довольно отрицательно оценивает возможности экспорта на европейском энергетическом рынке (который еще сравнительно недавно позиционировался как базовый в отечественной энергетической стратегии).

Так, в последнем прогнозе, подготовленном Аналитическим Центром при Правительстве РФ ..., при всех сценариях ожидается снижение объемов поставок российской нефти в Европу уже после 2020 г., в первую очередь, из-за снижения спроса на нефтепродукты и как следствие – на сырую нефть. Российская доля на европейском рынке нефтяного сырья при этом снизится с 33 % в 2015 г. до 20–23 % в 2040 г. Кроме снижения спроса на европейском рынке нефти российским компаниям придется столкнуться с жестокой конкурентной борьбой с поставщиками из регионов Ближнего Востока, Африки и даже Южной и Центральной Америки, традиционно направлявших большие объемы нефти на рынок Северной Америки, но который к 2040 г. практически полностью откажется от импорта из других регионов. Также ожидается снижение поставок российских нефтепродуктов. Экспорт газа, осуществляемый как на основе имеющихся долгосрочных контрактов, так и в рамках спотовой торговли, может позволить сохранить объемы поставок из России на европейский рынок, однако, учитывая как геополитическую ситуацию, так и вялый европейский спрос, рассчитывать на заметное повышение экспортных объемов в этом направлении в период до 2040 г. не приходится. При реализации ряда условий неизбежным становится сокращение экспорта российского газа в Европу. Кроме этого, ожидается резкое снижение объемов экспорта российского угля на европейский рынок. Таким образом, в настоящее время Россия предполагает, что в ближайшие 20–25 лет объемы экспорта российских энергетических ресурсов в Европу существенно сократятся, и, что не может не вызвать тревогу, эти потери российской стороны не удастся восполнить без форсированного наращивания экспорта в восточном или южном направлениях [1, с. 14–15].

В качестве некоего заключения хочется отметить, что, скорее всего, сложившаяся ситуация не на пользу

интересам ни России, ни стран Европы. Очевидно, что это не секрет для представителей бизнеса (с обеих сторон). Поэтому наиболее правильным будет рассмотреть возможности расширения сфер для сотрудничества в менее политизированных блоках отношений, например, это могут быть вопросы изменения климата, увеличения энергоэффективности и проч. Более того, целесообразно обсуждение структуры стратегических инвестиционных проектов, положительных для европейского и российского предпринимательства (при взаимных гарантиях по защите инвестиций). Бесспорно здесь и то, что необходимый энергетический диалог между нашей страной и Европейским Союзом потребует от обеих сторон поиска обязательных компромиссов и учета паритета в интересах участников.

Список источников

1. Отношения России и ЕС в сфере энергетики. Доклад № 35/2017 [В. Л. Лихачев, К. Вестфаль] ; Российский совет по международным делам (РСМД) ; Центр им. Роберта Боша Германского совета по международным отношениям. М. : НП РСМД, 2017.

References

1. Relations between Russia and the EU in the energy sector. Report № 35/2017 [V. L. Likhachev, K. Westphal] ; the Russian Council for International Affairs (RIAC) ; the Center named after Robert Bosch of the German Council on Foreign Relations. M. : NP RIAC, 2017.

Библиографический список

1. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации / В. В. Перская, М. А. Эскиндаров. М. : Экономика, 2016.
2. Международная экономическая безопасность / Ю. П. Господарик, М. В. Пашковская. 3-е изд., стер. М. : Университет «Синергия», 2018.
3. Сакович В. А., Бровка Г. М. Инновационная безопасность. Некоторые аспекты теории, методологии, практики. Мн. : БНТУ, 2016.
4. Экономическая безопасность : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / [В. А. Богомолов и др.]; под ред. В. А. Богомолова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
5. Экономическая безопасность России : Общий курс : учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. М. : Дело, 2005.

Bibliographic list

1. Integration in conditions of multipolarity. Evolution of the theory and practice of implementation / V. V. Perskaya, M. A. Eskindarov. M. : Economics, 2016.
2. International economic security / Yu. P. Gospodarik, M. V. Pashkovskaya. 3rd ed., ster. M. : University «Synergy», 2018.

3. Sakovich V. A., Brovka G. M. Innovative security. Some aspects of theory, methodology and practice. Mn. : BNTU, 2016.

4. Economic security : textbook for university students studying in the fields of economics and management /

[V. A. Bogomolov and oth.] ; edited by V. A. Bogomolov. 2nd ed., rev. and elab. M. : UNITY-DANA, 2009.

5. Economic security of Russia : general course : textbook / Ch. ed. V. K. Senchagov. 2nd ed. M. : Delo, 2005.

Информация об авторе

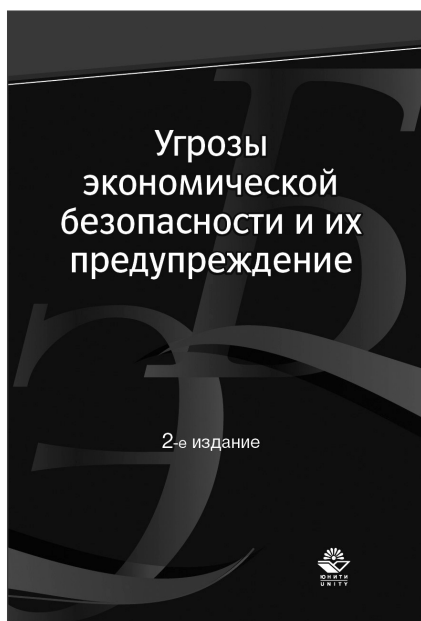
А. А. Яковлев – доцент кафедры «Управление высокотехнологичными предприятиями» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Yakovlev – Associate Professor of the Department «Management of the hi-tech enterprises» of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 07.03.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 07.03.2023.

Угрозы экономической безопасности и их предупреждение. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под. ред. В. В. Криворотова, Н. Д. Эриашвили. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические и методологические подходы к формированию понятия и основ исследования региональной экономической безопасности.

Определены и проанализированы основные угрозы региональной экономической безопасности России; обоснованы проявления угроз экономике регионов на различных этапах реформирования российской экономики, а также в современный период ее развития. Рассмотрены научные подходы к формированию индикаторов региональной экономической безопасности и их интерпретации; представлена комплексная методика оценки состояния угроз региональной экономической безопасности и приведены результаты диагностики экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»), а также другим специальностям экономики и управления. Может быть рекомендовано специалистам органов государственной власти, регионального и местного управления, решающим вопросы управления экономикой и проблемы экономического развития территорий.

Научная статья

УДК 14.37.00

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-280-284>

ИПОН: 2015-0066-1/23-640

MOSURED: 77/27-011-2023-01-839

Особенности стрелковой подготовки слушателей, проходящих профессиональное обучение (повышение квалификации) по профессии рабочего «Промышленный альпинист»

Владимир Владимирович Карпушкин¹, Юрий Григорьевич Яценко²

^{1,2} Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации МВД России, Брянск, Россия

¹ vovo4kaw@mail.ru

² yuri69@mail.ru

Аннотация. Исследован уровень огневой подготовки сотрудников, проходящих обучение по основной программе профессионального обучения (повышения квалификации) «Высотная подготовка сотрудников специального отряда быстрого реагирования управления обеспечения специальных мероприятий ГУНК МВД России и отрядов специального назначения «Гром» подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне по профессии рабочего «Промышленный альпинист», в условиях ее реализации в 2022.

В качестве методов исследования использовались опрос, анкетирование, выполнение контрольных стрельб. Выдвинутая гипотеза о необходимости использования в огневой подготовке слушателей указанной категории, специальных упражнений, не предусмотренных Наставлением по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации, с учетом специфики выполняемых ими оперативно-служебных задач.

Теоретически обоснована необходимость внесения изменений в организацию профессиональной служебной огневой подготовки сотрудников полиции в зависимости от их повседневной служебной деятельности и выполнения профессиональных задач, связанных с применением высотного снаряжения. Результаты исследования могут служить основой для внесения изменений в основные программы профессионального обучения (повышения квалификации).

Существующее Наставление по организации огневой подготовки в органах внутренних дел, объявленное приказом № 880 от 23 ноября 2017 г., разрешает организациям, осуществляющим образовательную деятельность и находящимся в ведении МВД России (п. 84.2), разрабатывать и применять упражнения практических стрельб, исходя из специфики профессиональной деятельности слушателей. В тематический план занятий по дисциплине «Огневая подготовка» необходимо, на взгляд авторов, добавить выполнение упражнений, приближенных к ситуациям применения оружия, исходя из практики деятельности сотрудников специального отряда быстрого реагирования управления обеспечения специальных мероприятий ГУНК МВД России и отрядов специального назначения «Гром» подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне по профессии рабочего с использованием высотного снаряжения.

Ключевые слова: применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, огневая подготовка, совершенствование профессиональной служебной огневой подготовки

Для цитирования: Карпушкин В. В., Яценко Ю. Г. Особенности стрелковой подготовки слушателей, проходящих профессиональное обучение (повышение квалификации) по профессии рабочего «Промышленный альпинист» // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 280–284. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-280-284>.

Original article

Features of shooting training for students undergoing vocational training (advanced training) in the profession of a worker «Industrial climber»

Vladimir V. Karpushkin¹, Yuri G. Yashchenko²

^{1,2} Bryansk branch of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

¹ vovo4kaw@mail.ru

² yuri69@mail.ru

Abstract. The level of fire training of employees undergoing training under the basic program of vocational training (advanced training) «High-altitude training of employees of the special rapid response unit of the Department of special

© Карпушкин В. В., Яценко Ю. Г., 2023

events of the GUNK of the Ministry of Internal Affairs of Russia and special purpose detachments «Thunder» of drug control units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level by profession of the worker «Industrial climber», in terms of its implementation in 2022.

The research methods used were a survey, a questionnaire, and the performance of control shooting. The hypothesis put forward about the need to use special exercises in the fire training of students of the specified category, not provided for in the Manual on the organization of fire training in the internal affairs bodies of the Russian Federation, taking into account the specifics of the operational and service tasks performed by them.

The necessity of making changes to the organization of professional service fire training of police officers, depending on their daily official activities and the performance of professional tasks related to the use of high-altitude equipment, is theoretically justified. The results of the study can serve as a basis for making changes to the main programs of vocational training (advanced training).

The existing Instruction on the organization of fire training in the internal affairs bodies, announced by Order No. 880 of November 23, 2017, allows organizations engaged in educational activities and under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of Russia (p. 84.2) to develop and apply practical shooting exercises based on the specifics of the professional activities of students. In the thematic lesson plan for the discipline «Fire training», it is necessary, in the opinion of the authors, to add exercises close to the situations of the use of weapons, based on the practice of the employees of the special rapid response unit of the Department of special events of the Ministry of Internal Affairs of Russia and special purpose detachments «Thunder» of drug control units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level at the professional level of a worker using high-altitude equipment.

Keywords: use of firearms by police officers, fire training, improvement of professional service fire training

For citation: Karpushkin V. V., Yashchenko Yu. G. Features of shooting training for students undergoing vocational training (advanced training) in the profession of a worker «Industrial climber». Bulletin of economic security. 2023;(1): 280–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-280-284>.

С 2020 г. на базе Брянского филиала проходят обучающие слушатели по основной программе профессионального обучения (повышения квалификации) «Высотная подготовка сотрудников специального отряда быстрого реагирования управления обеспечения специальных мероприятий ГУНК МВД России и отрядов специального назначения «Гром» подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне по профессии рабочего «Промышленный альпинист». Указанная программа обсуждена и одобрена на заседании Ученого совета ВИПК МВД России 19 февраля 2020 г.

Учитывая специфическую категорию обучаемых и особые требования к уровню их подготовки, на кафедре были проведены исследования специфики стрелковой подготовки бойцов-высотников.

Эмпирический материал собирался в два этапа: 1-й – 2016–2018 гг. – когда на базе Брянского филиала были реализованы программы аналогичного содержания: «Повышение квалификации сотрудников-высотников подразделений специального назначения МВД России»; 2-й – 2020–2022 гг. – «Повышение квалификации сотрудников-высотников специального отряда быстрого реагирования управления обеспечения специальных мероприятий ГУНК МВД России, отрядов специального назначения «Гром» подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России по должности служащего «Полицейский».

В качестве субъектов исследования выступили 210 сотрудников специальных подразделений МВД России, проходивших обучение в указанные сроки.

Целью исследования являлось изучение эффективности имеющегося инструментария, используемого

для организации огневой подготовки бойцов-высотников, его соответствия современным требованиям, предъявляемым к уровню практических умений владения табельным огнестрельным оружием у данной категории сотрудников, с учетом специфики выполняемых ими задач.

Задачи исследования.

1. Изучить эффективность применяемых методик при обучении бойцов-высотников, их соответствия современным требованиям.

2. Определить пути совершенствования огневой подготовки сотрудников с учетом специфики выполняемых ими служебных обязанностей.

В качестве **методов исследования** использовались: опрос, анкетирование, выполнение специальных упражнений из безопорного пространства в условиях полигона высотной подготовки и контрольных стрельб по условиям упражнений Наставления по огневой подготовке в органах внутренних дел.

Результаты исследования и обсуждение. Как уже отмечалось, в течение трех лет анкетированию подверглись более 200 сотрудников правоохранительных органов, проходивших обучение. Более трети опрошенных имеют стаж службы в ОВД от 10 до 15 лет, 28 % до 5 лет. Стаж службы в занимаемой должности: 60 % от 3 до 10 лет. Как свидетельствуют цифры, прибывающие на обучение сотрудники, имеют богатый опыт работы.

Прохождение службы в составе специальных подразделений, объясняет и то, что 68 % респондентов указали в анкетах, что им при осуществлении своих профессиональных обязанностей приходилось применять оружие, при этом 45 % опрошенных использовали его в качестве сдерживающего фактора (без стрельбы), 36 % для обезвреживания опасного животного, 9 % в качестве

предупредительного выстрела. Если сравнить полученные данные с ранее проводившимся исследованием по фактам применения оружия в целом сотрудниками полиции, то можно отметить значительную разницу в количественных показателях. Так, по данным опроса, проводившегося кафедрой с сотрудниками территориальных органов внутренних дел, лишь 9,35 % из числа опрошенных применяли оружие в период службы, при этом 98,9 % из них использовали его без стрельбы. Такая разница, на наш взгляд, обусловлена, прежде всего, спецификой службы респондентов.

Однако, не смотря на более частое применение оружия, у сотрудников специальных подразделений имеется ряд сдерживающих факторов, заставляющих респондентов отказаться от применения оружия, не смотря на наличие законных оснований. Данные будут представлены в сравнении с результатами анкетирования среди сотрудников, не относящихся к спец.подразделениям. Боязнь правовых последствий 50 % (61%); сложность в адекватной правовой оценке складывающейся обстановки 18 % (19 %); неуверенность в уровне своей огневой подготовки 0 % (13 %); как мы видим причины отказа от применения оружия практически идентичны.

Оценивая уровень своей подготовки 35 % опрошенных бойцов-высотников считают, что для них не существует преград в применении оружия. Их уверенность в своих силах, разделяют лишь 7 % полицейских других специальностей.

В качестве вывода можно отметить следующее: в независимости от подразделения, в котором проходит службу сотрудник, существует ряд общих проблем. Исключение составляет качество огневой подготовки, что в целом подтверждается результатами дальнейших исследований.

82 % сотрудников в ходе учебных стрельб в течение года выполняли упражнение № 4 Наставления, 43 % – упражнение № 5, 43 % – упражнение № 6 и 40 % – упражнение № 7. Тогда, как «простые полицейские» в 100 % случаев выполняли упражнение № 4 Наставления, 12,75 % – упражнение № 5 и 2,55 % – упражнение № 7.

На вопрос о количестве боеприпасов, расходуемых на занятиях по огневой подготовке, опрашиваемые бойцы-высотники ответили, что в среднем за одно занятие они расходуют 62 (от 15 до 150 в разных подразделениях) патрона, но считают это количество недостаточным и предлагают его увеличить до 1 500 шт. за одно занятие. Качеству подготовки, также способствует то, что у 81 % опрошенных помещения для проведения стрельб (тир, полигон, стрельбище) имелись в подразделении, или «в шаговой доступности».

Как уже отмечалось выше – подготовка бойца спецподразделения носит специфический характер, требования к уровню его владения оружием отличаются от «рядового сотрудника», отсюда и подход к выполняемым упражнениям различен. В ходе опроса бойцы-высотники отметили, что на занятиях по огневой подготовке 100 % из них выполняют упражнения в средствах бронезащиты, 86 % – после физической нагрузки, 80 % – из неудобных

положений, 60 % – в условиях ограниченной видимости, тогда как полицейские территориальных органов лишь в 15,3 % случаев выполняли упражнения в условиях ограниченной видимости или в средствах бронезащиты.

Не смотря на кажущуюся положительную тенденцию к специализации огневой подготовки, действующее Наставление по организации огневой подготовки в органах внутренних дел не учитывает особые требования, существующие к подготовке именно бойцов-высотников, что нашло свое отражение в ответах на вопросы анкеты. 50 % проходивших опрос, посчитали необходимым добавить в основную образовательную программу стрельбу из безопорного положения с фасада здания; 2 % – стрельбу из пистолета-пулемета; 1,5 % – стрельбу из положения «оверкиль»; при этом 2 % считают огневую подготовку несущественной для бойца-высотника.

Огневая подготовка, как сложно-координационный вид деятельности, требует для поддержания навыка регулярных занятий в специально предназначенных для этого сооружениях. Учитывая особые условия работы для сотрудников специальных подразделений, создание таких условий крайне затруднительно, но, в целом, возможно при приложении определенных усилий.

Изучение условий потенциальных огневых контактов, в которых могут принимать участие бойцы специальных подразделений, при проведении операций с использованием высотного снаряжения, позволяет сделать вывод, что для них, прежде всего, необходим навык ведения стрельбы из безопорного (с частичной опорой) положения, с одной руки (вторая, как правило, занята удержанием страхующего снаряжения), с использованием перчаток, из положения вниз головой.

Задачу обучения в таких условиях довольно просто реализовать, имея минимум снаряжения.

Опыт обучения бойцов-высотников на базе Брянского филиала, позволяет предложить следующие упражнения.

Упражнение 1. Стрельба с одной руки, или двух рук. Стрелок в перчатках и страховочной привязи. Начало упражнения – патрон находится в патроннике, оружие в набедренной кобуре (рис. 1).

Упражнение 2. Стрельба с одной руки. Стрелок в перчатках и страховочной привязи. Положение для стрельбы: стрелок удерживается канатом над полом с опорой на подоконник, центр тяжести сильно смещен назад (рис. 2).

Упражнение 3. Стрельба с двух рук. Стрелок в перчатках и страховочной привязи. Положение для стрельбы: стрелок удерживается канатом над полом с опорой на элементы фасада (рис. 3).

Упражнение 4. Стрельба с двух рук. Стрелок в перчатках. Положение для стрельбы головой вниз («Owerkil»), или в положении под углом 90° к плоскости условного фасада. Стрельба ведется с опорой ступнями ног на «фасад» (рис. 4).

Все предложенные упражнения выполняются при расположении стреляющего на небольшой высоте, определяющим является не расстояние до земли (пола),

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

а использование снаряжения и специфического положения (изготовки).

Первоначальные навыки вырабатываются с учебным оружием и работой вхолостую в условиях полигона высотной подготовки, в дальнейшем при формировании моторики, учебное оружие заменяется на пневматическое с имитацией отдачи. На последнем этапе, когда факторы, сопутствующие высотной подготовке перестают значительно влиять на стрелка можно проводить

тренировки с боевым оружием. Как правило, учитывая общий уровень высотной подготовки, прибывающих на обучение сотрудников это происходит на 4–5 занятия.

Заключение. Очевидно, что в рамках основной программы профессионального обучения (повышения квалификации) «Высотная подготовка сотрудников специального отряда быстрого реагирования управления обеспечения специальных мероприятий ГУНК МВД России и отрядов специального назначения «Гром» под-

разделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне по профессии рабочего «Промышленный альпинист», невозможно выработать навыки необходимые для применения оружия, в условиях проведения специальных операций с использованием высотного снаряжения, но заложить прочный фундамент, на основе которого сотрудники в подразделениях на местах смогут довести их до совершенства – вполне возможно.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым.

1. Дополнить действующее Наставление пунктом, позволяющим лицам, организующим и проводящим стрельбы, использовать упражнениями с учетом специфики деятельности конкретного подразделения.

2. При выполнении контрольных стрельб учитывать специфику применения оружия сотрудниками различных служб и подразделений, либо специальные задачи, решаемые в ходе повседневной деятельности.

Предлагаемые меры, не решат всего комплекса проблем, присущих на настоящий момент организации и проведению занятий по огневой подготовке с сотрудниками высотниками, но могут послужить надежной базой, на которой, впоследствии, будет построена система эффективной подготовки сотрудников правоохранительных органов к огневому противоборству с преступниками.

Библиографический список

1. Основы альпинистской подготовки в специальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие. М. : ДКО МВД России, 2012.

2. Краснокутский Д. Н., Кашин С. Н., Павлов И. В. Основы альпинистской подготовки в специальных подразделениях ОВД МВД России : учебное пособие. М. : ДКО МВД России, 2012.

3. Мартынов А. И., Мартынов И. А. Безопасность и надежность в альпинизме : учеб.-метод. пособие. М. : ТВТ Дивизион, 2014.

4. Начальная подготовка альпинистов. Ч. 1 / под общ. ред. П. П. Захарова. М. : ТВТ Дивизин, 2013.

5. Начальная подготовка альпинистов. Ч. 2 / под общ. ред. П. П. Захарова. М. : ТВТ Дивизин, 2013.

6. Проникновение в помещение с использованием специальных спусковых устройств // Закон-Гриф URL://<http://zakon-grif.ru/swat/tactics/specialscout/view/86.htm>.

7. Учет специфики служебной деятельности в огневой и физической подготовке сотрудников ОВД: моногр. / С. Н. Баркалов, А. В. Баученков, О. В. Хархардин; под ред. С. Н. Баркалова. Орел : ОрЮИ МВД России, 2006.

Bibliographic list

1. Fundamentals of mountaineering training in special units of the internal affairs bodies of the Russian Federation: textbook. manual. М. : DKO of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.

2. Krasnokutsky D. N., Kashin S. N., Pavlov I. V. Fundamentals of mountaineering training in special units of the Ministry of Internal Affairs of Russia: studies. manual. М. : DKO of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.

3. Martynov A. I., Martynov I. A. Safety and reliability in mountaineering: studies.-method. manual. М. : TVT Division, 2014.

4. Initial training of climbers. Part 1 / edited by of P. P. Zakharov. М. : TVT Division, 2013.

5. Initial training of climbers. Part 2 / edited by P. P. Zakharov. М. : TVT Division, 2013.

6. Penetration into the room using special trigger devices // Law-Vulture URL://<http://zakon-grif.ru/swat/tactics/specialscout/view/86.htm>.

7. Taking into account the specifics of official activity in the fire and physical training of police officers: monogr. / S. N. Barkalov, A. V. Bauchenkov, O. V. Kharakhardin; edited by S. N. Barkalov. Орел : ORYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006.

Информация об авторах

В. В. Карпушкин – профессор кафедры огневой, физической и тактико-специальной подготовки Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации МВД России, кандидат юридических наук;

Ю. Г. Ященко – доцент кафедры огневой, физической и тактико-специальной подготовки Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации МВД России, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

V. V. Karpushkin – Professor of the Department of Fire, Physical and Tactical-Special Training of the Bryansk branch of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences;

Yu. G. Yashchenko – Associate Professor of the Department of Fire, Physical and Tactical-Special Training of the Bryansk branch of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 22.10.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-285-289>

NIION: 2015-0066-1/23-641

MOSURED: 77/27-011-2023-01-840

Влияние наследия В. И. Вернадского на развитие современной высшей школы России

Ларина Татьяна Викторовна¹, Данил Владимирович Конокин²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ tvlarina@fa.ru

² DVKonokin@fa.ru

Аннотация. Исследуется история развития, значение и обозначаются задачи высшей школы в России. Рассматривается личность В. И. Вернадского как организатора образования. Проводится сравнительный анализ положения высшей школы в XX веке и в XXI веке, и делается вывод о том, что задачи для высшей школы были заложены еще в прошлом веке.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, Вернадский организатор образования, высшая школа, высшее образование, задачи высшего образования

Для цитирования: Ларина Т. В., Конокин Д. В. Влияние наследия В. И. Вернадского на развитие современной высшей школы России // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 285–289. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-285-289>.

Original article

The influence of V. I. Vernadsky's legacy on the development of modern higher education in Russia

Tat'yana V. Larina ¹, Danil V. Konokin²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ tvlarina@fa.ru

² DVKonokin@fa.ru

Abstract. The history of development is investigated, the significance of existence for the national history is determined and the tasks of higher education in Russia are outlined. The personality of V. I. Vernadsky as an organizer of education is considered. A comparative analysis of the situation of higher education in the XX century and in the XXI century is carried out, and it is concluded that the tasks for higher education were laid down in the last century, and implemented only at the present time.

Keywords: V. I. Vernadsky, Vernadsky organizer of education, higher school, higher education, tasks of higher education

For citation: Larina T. V., Konokin D. V. The influence of V. I. Vernadsky's legacy on the development of modern higher education in Russia. Bulletin of economic security. 2023;(1):285–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-285-289>.

Значение высшего образования для развития общества трудно переоценить во всем мире. Изучение данной проблемы будет актуально во все времена, пока существует человечество.

Во всем мире признана необходимость всеобщего обучения детей и взрослых. Постоянный приток новой информации требует развития методов их усвоения и применения. На настоящий момент времени развитие системы образования является одной из приоритетных задач государства.

Высшая школа России сегодня – это, с одной стороны, богатое наследие ведущих русских ученых, ко-

торые внесли свой вклад в мировое развитие высшего образования, с другой, – реформы, происходящие в обществе, которые требуют учитывать новые вызовы человечества, новые подходы и веянья, а также развитие инновационных технологий, которые вносят свой вклад в реформы. Высшая школа на протяжении нескольких веков в разной степени оказывала влияние и участвовала в политической, культурной и социальной жизни российского государства. Современное высшее образование не является исключением. Именно поэтому не стоит забывать учения В. И. Вернадского, наследие которого актуально как никогда. Со времен изучения реформы

© Ларина Т. В., Конокин Д. В., 2023

высшей школы великим ученым и до сегодняшних дней сохранились многие проблемы, связанные с организацией учебного процесса в высших школах, а в XXI веке с компьютеризацией, переходом России в постиндустриальную эпоху, формированием нового типа мышления современных студентов, высшая школа получает с каждым годом все новые вызовы, которые будет необходимо решить уже нашему поколению.

При изучении истории развития высшей школы, выявление значения ее существования для отечественной истории и рассмотрение В. И. Вернадского как организатора образования, безусловно, актуально.

Повышенный интерес представляет работа В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» [3], в которой академик размышляет о научном познании, детально прослеживает пути и этапы развития научной мысли в разные эпохи. Не менее значимой для данного исследования работой является монография «Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030» [5], в которой изложены тенденции развития высшего образования, прогноз и сценарии развития высшей школы в России. Сведения о деятельности В. И. Вернадского почерпнуты из работы Л. С. Леоновой ««Я не могу уйти в одну науку...». Общественно-политические взгляды В. И. Вернадского» [6], где автор проводит широкий анализ общественно-политических взглядов академика Вернадского, его деятельности и участия в обществе. Информация о личности Владимира Вернадского получена, в том числе, из сборника «Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков», составленного Г. П. Аксеновым. В книге раскрывается деятельность и история жизни Владимира Вернадского. Современные авторы особенно интересуются личностью Владимира Вернадского. В работе российского ученого Янина Е. П. «Очерки жизни и деятельности академика В. И. Вернадского» [7], рассматривается жизнь и деятельность историка, академика, организатора науки В. И. Вернадского.

За период с 1901 по 1917 годы ученым был опубликован ряд работ по вопросам просвещения. Выводы ученого о том, что «учащийся народ – основа широкого и мирного развития человечества» [1], актуальны как никогда.

В статье В. И. Вернадского «Задачи высшего образования нашего времени» [1] изучается высшее образование и наука как планетарное явление, а также рассматривается ее влияние на мир, выделяется новый период в истории высшего образования.

Владимир Иванович Вернадский предстает многим исследователям удивительным ученым, умеющим сочетать различные отрасли науки, видеть практическую сторону теоретических исследований. Так, в работе Е. П. Янина, сообщается об огромном влиянии академика на развитие современного естествознания, на научную мысль, на научное мировоззрение, миропонимание [7]. А Виктор Садовничий характеризует Вернадского,

как человека-легенду, сравнивает его с М. В. Ломоносовым [2]. Президент Российской Федерации на одном из саммитов заявил: «Наш соотечественник Владимир Вернадский еще в начале двадцатого века создал учение об объединяющем человечество пространстве – ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природа и общество, научное знание и государственная политика. Именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития» [10].

Исследователи полагают, что «Задачи высшего образования нашего времени» являются одной из выдающихся статей в деятельности В. И. Вернадского, поскольку его наследие показывает разносторонность ученого, представляет профессора, как общественного деятеля.

На русскую культуру XX в. оказывали влияние многие факторы, такие как индустриализация, революционный кризис, социальные конфликты и напряженность общественно-культурной жизни России. Вся система образования России XX в. от начального к высшему основывалась на принципах, определенных в пореформенное время, и нуждалась в доработке. Постепенно увеличивалось число студентов (с 35 тыс. в 1905 г. до 38 тыс. в 1916 г.), росло количество школ, а университеты активно участвовали в обучении рабочих, обеспечивали совершенствование учебного процесса, тем самым содействуя распространению грамотности и научного знания. На рубеже XIX–XX вв. в связи с технологическим прогрессом были учреждены ряд университетов (Петербургский, Варшавский, Киевский политехнические институты), создавались женские высшие учебные заведения.

В. И. Вернадский полагал, что высшая школа в 1890–1900-е годы переживала пик развития. Распространялась научная литература, открывались новые научные организации [1]. Вернадский сообщает о невиданном ранее росте научных организаций, ведущих научную деятельность. В работе «Задачи высшего образования нашего времени» ученый выделил новый этап в становлении высшей школы.

Первостепенную задачу высшей школы ученый видел в пропаганде научного знания широким массам, распространении практического применения науки и ее достижений в технике.

В связи с тем, что высшее образование находится в постоянном движении, В. И. Вернадский выделяет ряд факторов, которые обуславливают развитие высших школ в России и мире в начале XX вв.: 1) развитие знания и его научной организации, 2) демократизация общественной и государственной жизни, 3) распространение единой культуры на весь земной шар.

Вернадский полагал, что в Россия 1913 год находилась в коллапсе под влиянием внешних факторов жизни в стране. То есть система образования не может стабильно существовать в согласии с постоянно меняющимися факторами жизни, которые противоречат естественным основам и сущности высшей школы.

Изучая великое наследие В. И. Вернадского, убеждаешься, насколько актуально звучать его слова сегодня. Уровень развития экономики и производства, социальная политика, геополитические факторы оказывают влияние на развитие высшей школы в России и сегодня.

Важно отметить, что в целях соответствия Болонской системе в Российской Федерации возникла необходимость реформирования сферы образования, а именно изменения структуры и содержания образования, а также обеспечения гарантий качества образования. Трансформируя и адаптируя систему к современным образовательным реалиям, приходится сталкиваться с коммерциализацией высшего образования, что приводит к выпуску социального продукта, сформированного в соответствии с потребностями заказчика, и классовому расслоению общества [9].

В. И. Вернадский утверждает, что высшая школа должна быть тесно связана с другими элементами системы образования.

Средняя школа времен Вернадского утратила былую связь с высшим образованием [1, с. 3], а создает фундамент для высшей школы только под влиянием государственных требований. Вернадский различает связи средней школы с высшей. С одной стороны, в средней школе необходимо получить компетенции, необходимые для обучения в высшей школе. С другой стороны, по мнению Владимира Ивановича, средняя школа может стать высшей школой низшего типа, в которой не будут регламентированы жесткие требования и широкая теоретическая научная деятельность, однако сохранится передача необходимых для использования на практике знаний.

Вернадский считает, что в XVIII веке средние школы и другие подготовительные учреждения имели куда большее значение и оказали огромное влияние на русскую культуру.

В «Задачах высшего образования нашего времени» В. И. Вернадский сразу заявляет, что наука является неотъемлемым элементом [1, с. 5] высшего образования. Эффективное преподавание и тесно связанная с ним научно-исследовательская работа постепенно становятся нормой и основой для высших школ. То есть элементом высшей школы является не только усвоение знания, но и ознакомление студента с методами его получения, чтобы он мог вести научную работу.

Ученый отмечал, что вхождение научной работы в высшую школу не соответствует реалиям того времени. Высшая школа – учреждение, которое включает в себя тысячи студентов. Высшая школа должна быть использована на большую аудиторию, на широкий ряд слушателей, а хорошим учителям необходимо преподавать как можно большему студентам. Однако разрастание высшей школы и ее механизмов негативно влияет на преподавательскую деятельность персонала, именно поэтому, как считает В. И. Вернадский, наблюдается рост независимых от высшей школы научных организаций [1, с. 6], которые занимаются исследованиями. Если от высшей

школы такие организации могут получить независимость, то они продолжают быть частью высшего образования.

В современной России научно-исследовательская работа студентов является неотъемлемой частью обучения студентов в высших образовательных учреждениях [8]. Научно-исследовательская работа в отечественных ВУЗах позволяет студентам овладеть методами познания, помогает углубить свои знания и творчески освоить материал. Научно-исследовательская работа включена в учебный процесс и включает в себя участие научного персонала ВУЗа [4].

Что касается взаимодействия науки и высшей школы, в России существует тенденция к тесному и органичному взаимодействию. На государственном уровне, в СССР и в России начала XXI века, задача интеграции науки высшего образования решена не полностью. В Российской Федерации были запущены поддержки интеграции высшего образования и науки, национальный проект «Образование». А в 2018 году в результате реформ в государстве образовалось Министерство науки и высшего образования. С одной стороны, подобные реформы и проекты сближают студентов с наукой, разрушают барьеры между наукой и образованием. Ректор МГУ В. А. Садовничий поддержал объединение науки образования и заявил, что от подобного союза образование только выиграет. С другой стороны, нельзя рассматривать высшую школу отдельно от других этапов образовательной деятельности. Также необходимо изучение формата взаимодействия образования и науки сегодня. И. И. Мельников, член Комитета по образованию и науке в государственной думе, считает, что подобная реорганизация связана исключительно с избирательными целями и не принесет ничего существенно нового. Тем не менее, взаимодействие образования и науки на сегодня необходимо реформировать, исходя из сегодняшних реалий и потребностей. Наука и высшие школы в целом продолжают быть отделены друг от друга.

Современный мир задает новые тренды развития государств. В реалиях XXI в. важнее иметь стабильную экономику, высокие темпы развития, высокий уровень образования и научные достижения.

Высшая школа в России особенно ярко проявила себя в XX веке. В момент перелома не удалось превратить идеи великих мыслителей в жизнь, однако они стали прообразом для построения высшей школы в современной России. Тогда, как и сейчас – главной задачей высшей школы являлось просвещение народа, подготовка квалифицированных кадров, распространение практического применения знаний. На задачи и их воплощение в реальность всегда влияла международная повестка, настроения в стране, политика государства и культура.

Одну из ключевых ролей в организации образования первой половины XX века в России играл В. И. Вернадский, который был поистине уникальным человеком и сочетал в себе мыслителя и исследователя.

Сегодня можно говорить, что в начале XX века связь в системе образования оставляла желать лучшего, не удовлетворяла потребности современного мира, однако со временем взаимосвязь укрепляется. В современной России необходима взаимосвязь средней школы и высшей не только посредством государственного контроля, но и общей деятельностью, этапностью и системностью образования, поскольку все учебные заведения несут просвещение.

Отдельное внимание хочется уделить взаимодействию науки и высшего образования. Определенно, в начале XX века наука и научная работа была связана с ВУЗом, но не так сильно, как сейчас. В современной России невозможно представить высшую школу без научно-исследовательской работы, и теперь они крепко связаны между собой.

Проведенное сравнение положения высшей школы в начале XX века с положением высшей школы в XXI веке, таких трудов как работы Н. С. Леоновой, Н. А. Дмитриева, Г. Г. Малинецкого, Д. Л. Сапрынкина, Л. В. Милова говорит о том, что идеи и задачи развития высшей школы были даны еще в XX веке, однако наиболее точно их удалось осуществить ближе к началу XXI века. В начале XX века государство цензурировало научную деятельность, деятельность университетов, как и другие сферы жизни, поэтому многие идеи и представления о высшей школе В. И. Вернадского не могли превратиться в жизнь, сегодня высшая школа в Российской Федерации частично отвечает требованиям ученого. Данное исследование проблем современного российского образования (массовизация и деградация образования, бюрократизация, проблема финансирования и другие), показало, что некоторые перешедшие из XX века актуальны и сегодня, но постепенно предпринимаются попытки их устранения. Возможно, что эти проблемы можно решить постепенным движением высшей школы в сторону гуманизации образования. Все эти задачи нельзя решить мгновенно одной реформой, необходимо постепенное поэтапное реформирование, с учетом сегодняшних потребностей государства и общества.

Список источников

1. Вернадский В. И. Задачи высшего образования нашего времени // Вестник воспитания. 1913. № 5. С. 306–312.
2. Садовничий В. А. В. И. Вернадский и его роль в развитии науки и образования // Выступление ректора Московского университета академика В. А. Садовничего на торжественном заседании РАН, посвященном 140-летию В. И. Вернадского. 2003. URL: <http://getmedia.msu.ru/newspaper/newspaper/4031/all/yubilei.htm>.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А. Л. Яншин. М. : Наука, 1991. 271 с.
4. Коршунова Н. Л., Цзян Нань. Образование и наука в современном университете // Ученые записки ЗабГУ. Серия : Педагогические науки. 2017. № 2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-nauka-v-sovremennom-universitete> (дата обращения: 20.01.2023).

5. Будущее высшей школы в России : экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад, под ред. В. С. Ефимова. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2012. 182 с.

6. Леонова Л. С. «Я не могу уйти в одну науку». Общественно-политические взгляды В. И. Вернадского : научное издание. СПб. : Алетейя. 2000. 400 с.

7. Янин Е. П. Очерки жизни и деятельности академика В. И. Вернадского. М. : ГЕОХИ РАН, 2018. 179 с.

8. Сосина Л. В. Научно-исследовательская работа студентов как проблема педагогического исследования // Вестник ФГОУ ВО МГАУ. 2008. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-issledovatel'skaya-rabota-studentov-kak-problema-pedagogicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 20.01.2023).

9. Джойс Э. А., Симаков А. А. Тенденции развития высшего образования в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-1> (дата обращения: 20.01.2023).

10. Путин В. В. Из выступления на Деловом Саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, ноябрь 2000 г.

References

1. Vernadsky V. I. Tasks of higher education of our time // Bulletin of education. 1913. № 5. P. 306–312.
2. Sadovnichy V. A. V. I. Vernadsky and his role in the development of science and education // Speech by the Rector of Moscow University Academician V. A. Sadovnichy at the solemn meeting of the Russian Academy of Sciences dedicated to the 140th anniversary of V. I. Vernadsky. 2003. URL: <http://getmedia.msu.ru/newspaper/newspaper/4031/all/yubilei.htm>.
3. Vernadsky V. I. Scientific thought as a planetary phenomenon / Ed. by A. L. Yanshin. M. : Nauka, 1991. 271 p.
4. Korshunova N. L., Jiang Nan. Education and science in a modern university // Scientific notes of ZabGU. Series : Pedagogical Sciences. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-nauka-v-sovremennom-universitete> (accessed: 20.01.2023).
5. The future of higher education in Russia: an expert view. Foresight Research – 2030: Analytical Report, edited by V. S. Efimov. Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2012. 182 p.
6. Leonova L. S. «I can't go into one science». Sociopolitical views of V. I. Vernadsky : scientific publication. Saint Petersburg : Aleteya. 2000. 400 p.
7. Yanin E. P. Essays on the life and work of academician V. I. Vernadsky. M. : GEOHI RAS, 2018. 179 p.
8. Sosina L. V. Research work of students as a problem of pedagogical research // Bulletin of the FGOU

in MGAU. 2008. № 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-issledovatel'skaya-rabota-studentov-kak-problema-pedagogicheskogo-issledovaniya> (accessed: 20.01.2023).

9. Joyce E. A., Simakov A. A. Trends in the development of higher education in Russia // Education. The science. Scientific personnel. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-1> (accessed: 20.01.2023).

10. Putin V. V. From a speech at the Asia-Pacific Economic Cooperation Business Summit, November, 2000.

Библиографический список

1. Костюхин Ю. Ю., Чалов В. И., Хорзов С. Е. Актуальные задачи повышения эффективности высшей школы на современном этапе развития России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. № 12. С. 18–20.

2. Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М. : ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

3. Малинецкий Г. Г., Посашков С. А., Капелько О. Н. Образование–наука–государство. Проблемы и надежды // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2013. № 4. 27 с.

4. Бильвина О. Л. «Университет имел для нас всех огромное значение...» В. И. Вернадский и университетское образование в России // Научно-популярный журнал СПбГУ. 2013. № 5 (3863). URL: <https://journal.spbu.ru/?p=9916>.

5. Сорокоумова В. Н. Особенности специальной подготовки в современной высшей школе // Ученые записки ОГУ. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. 4 с.

6. Микрюков В. Ю. Взаимодействие высших и средних учебных заведений : проблемы и пути их решения // Школа. 2000. № 1. С. 6–9.

7. Дмитриев Н. А. Теоретическая модель сетевого взаимодействия «Школа-вуз» в системе профессионального образования // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 3–2. 8 с.

Bibliographic list

1. Kostyukhin Yu. Yu., Chalov V. I., Khorzov S. E. Actual tasks of improving the efficiency of higher education at the present stage of development of Russia // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2012. № 12. P. 18–20.

2. Saprykin D. L. Educational potential of the Russian Empire. M. : IIET RAS, 2009. 176 p.

3. Malinetsky G. G., Posashkov S. A., Kapelko O. N. Education–science–state. Problems and hopes // Bulletin of the Moscow University. Episode 20. Pedagogical education. 2013. № 4. 27 p.

4. Bilvina O. L. «The University was of great importance to us all...» V. I. Vernadsky and university education in Russia // Popular Science Journal of St. Petersburg State University. 2013. № 5 (3863). URL: [HTTPS://JOURNAL.SPBU.RU/?P=9916](https://journal.spbu.ru/?p=9916).

5. Sorokoumova V. N. Features of special training in modern higher school // Scientific notes of OSU. Series : Humanities and Social Sciences. 2014. № 5. 4 p.

6. Mikryukov V. Yu. Interaction of higher and secondary educational institutions: problems and ways to solve them // School. 2000. № 1. P. 6–9.

7. Dmitriev N. A. Theoretical model of network interaction «School-university» in the system of vocational education // News of TulSU. Humanities. 2013. № 3–2. 8 p.

Информация об авторах

Т. В. Ларина – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Д. В. Конокин – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

T. V. Larina – Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

D. V. Konokin – Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 796:005.591.6

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-290-292>

ИПОН: 2015-0066-1/23-642

MOSURED: 77/27-011-2023-01-841

Подготовка сотрудников органов внутренних дел к применению боевых приемов борьбы в эмоционально напряженной ситуации

Александр Лукич Славко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

slavko-a@mail.ru

Аннотация. В научной статье поднимается проблема подготовки сотрудников правоохранительных органов к применению физической силы. Определяется значение психологической подготовки при организации учебно-тренировочного процесса данной направленности. Выявлены основные составляющие психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов, способствующие повышению эффективности применения боевых приемов борьбы.

Ключевые слова: сотрудник правоохранительных органов, боевые приемы борьбы, физическая сила, рукопашный бой, психологическая подготовка, агрессия, эмоционально напряженная ситуация, стресс, морально-волевые качества

Для цитирования: Славко А. Л. Подготовка сотрудников органов внутренних дел к применению боевых приемов борьбы в эмоционально напряженной ситуации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 290–292. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-290-292>.

Original article

Training of employees of the internal affairs bodies for the use of combat techniques of struggle in an emotionally tense situation

Alexander L. Slavko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

slavko-a@mail.ru

Abstract. The scientific article raises the problem of training law enforcement officers to use physical force. The value of psychological preparation is determined in the organization of the educational and training process of this direction. The main components of the psychological training of law enforcement officers, which contribute to increasing the effectiveness of the use of combat methods of struggle, have been identified.

Keywords: law enforcement officer, fighting techniques, physical strength, hand-to-hand combat, psychological preparation, aggression, emotionally tense situation, stress, moral and volitional qualities

For citation: Slavko A. L. Training of employees of the internal affairs bodies for the use of combat techniques of struggle in an emotionally tense situation. Bulletin of economic security. 2023;(1):290–2. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-290-292>.

Сотруднику правоохранительных органов при несении службы по охране общественного порядка, в соответствии с Законом «О полиции», приходится применять физическую силу, когда правонарушители не выполняют законные требования, а иногда оказывают активное или пассивное физическое сопротивление, проявляют психологическую агрессию в виде оскорблений и угроз. Чаще всего применение физической силы сотрудником правопорядка происходит в эмоционально напряженной ситуации, и данная ситуация, если не проводить психологическую подготовку к ней, может

стать стрессовой. Действия в стрессовых ситуациях негативно сказываются на нервной системе сотрудника и приводят к профессиональным заболеваниям, а также действия человека в стрессовой ситуации не всегда позволяют быстро достичь желаемого результата.

О необходимости проведения специальной психологической подготовки, направленной на формирование морально-волевых качеств сотрудника, необходимых для эффективного применения боевых приемов борьбы, свидетельствуют исследования ученых А. В. Молокановой [1], И. Б. Лебедева [2], А. А. Кадочникова [3].

© Славко А. Л., 2023

Так, исследователи С. М. Ашкинази [4] и А. Н. Коцгерин [5], в своих научных трудах пришли к выводу, что обучающиеся достигают уровень необходимой физической, технической, тактической подготовленности, связанной с применением физической силы, боевых приемов борьбы, рукопашного боя значительно быстрее, чем необходимый уровень психологической готовности к действиям в эмоционально напряженных ситуациях. Данные результаты основывались на исследованиях процесса формирования волевых качеств у спортсменов, занимающихся рукопашным боем. Довольно интересный, на наш взгляд, они делают вывод, что развития таких физических качеств, как выносливость, ловкость и гибкость, хотя во многих видах физической подготовки являются основными или базовыми компонентами всей подготовки. В ходе проведенного исследования, данные ученые, определяют им место «вспомогательного фактора». По их мнению, систематические учебно-тренировочные занятия в условиях максимально приближенных к экстремальной ситуации, возникающей в спортивном поединке или в боевой ситуации, будут способствовать формированию, основного фактора, позволяющего добиться положительного результата в поединке с соперником, психологической готовности, выражающейся в стремлении достичь цели, когда от организма обучающегося требуется быстрота мобилизации всех функциональных возможностей и проявление физических качеств и способностей, а именно силы, ловкости, быстроты действий, быстроты реакции, силовой выносливости. Данная концепция позволит эффективно подготовиться к действиям в рукопашной схватке и достичь поставленной цели.

При организации учебно-воспитательного процесса, направленного на подготовку обучающихся к применению физической силы, надо учитывать, что действия сотрудника правоохранительных органов по применению физической силы в экстремальной ситуации отличаются от действий спортсмена во время поединка по рукопашному бою в психологическом плане. Спортсмен, выходя на поединок, психологически себя готовит на действия по физическому контакту с соперником, который длится в течение 3–5 минут. Сотрудник правоохранительных органов при несении службы не знает точно, когда может возникнуть эмоционально напряженная ситуация, и часто она случается внезапно, и необходимо действовать быстро с учетом окружающей действительности. Эмоционально напряженная ситуация в ходе несения службы сотрудником правоохранительных органов возникает стремительно и требует быстрых действий с учетом ситуации.

Еще необходимо учитывать, что требования общества к действиям сотрудника в данной ситуации довольно высокие, они должны быть в рамках законности и сотрудник при этом должен обладать не только волевыми, но и нравственными качествами, тактично и правомерно отвечать на агрессивные действия граждан. Следовательно, чтобы достичь выполнения поставленных служебных задач по охране общественного порядка и со-

ответствовать требованиям, предъявляемым обществом к морально-нравственным качествам личности сотрудника, необходимо проведение подготовки сотрудников правоохранительных органов к применению физической силы, которая должна включать физическую, тактическую, техническую, а особое значение необходимо отдавать психологической составляющей.

Как отмечают ученые Л. В. Кан [6], М. В. Китаева [7] в своих исследованиях, что действия в экстремальных боевых условиях зависят во многом не только от развития умений и навыков рукопашного боя, но и от скорости мышления.

Действия человека в экстремальных ситуациях во многом зависят от психологического типа личности, его характера, умственных способностей, воли. У некоторых людей в состоянии высочайшего психологического напряжения скорость мышления замедляется, а иногда человек не способен просто принимать адекватные решения.

Исследования А. В. Ивановой [8], В. А. Иванникова [9] свидетельствуют, что хорошая психологическая готовность способствует в экстремальной ситуации улучшению точности пространственного и временного восприятия, скорости реакции, скорости переработки информации. Г. И. Степанов [10] выявил, что высокий уровень психологической подготовки совместно с тактической подготовкой позволит сотруднику полиции в экстремальной ситуации объективно оценить возникшую ситуацию, спрогнозировать ее развитие с учетом правильно выявленных причинно-следственных связей экстремальной ситуации и исключением возможных рисков, которым может подвергаться сотрудник. Эффективность действий сотрудника по применению боевых приемов борьбы зависит от психологической готовности сотрудника противостоять не только физической агрессии, то есть выполнять защитные действия от атакующих действий правонарушителя, а именно защиты от ударов руками, ногами, предметами, но и противостоять психологической агрессии, проявляющейся в оскорблении и угрозах.

Следовательно, психологическая готовность выражается в уравновешенных, профессиональных действиях, связанных с применением боевых приемов борьбы против агрессивно настроенных правонарушителей, но невыполняющих активных действий физической направленности против сотрудника, а больше направленных на поддержку окружающих агрессивных граждан или соучастников. Как правило, такие граждане пытаются оказывать психологическое воздействие на сотрудников в виде угроз, оскорблений в провокационных целях. Если психомоторные действия и умственные процессы у сотрудника будут протекать быстро, то это позволит принимать эффективные вариативные решения в меняющейся ситуации.

В заключение можно отметить, что подготовленный сотрудник к действиям в стрессовых (экстремальных) ситуациях или уже имеет положительный опыт действий, хотя бы сформированный в учебных условиях и, следовательно, будет действовать активно, решительно,

используя наиболее подходящие для данной ситуации боевые приемы борьбы и профессионально (конкретно) оценивая свои действия и правонарушителя, прогнозируя результат их воздействия. Или сотрудник не подготовлен психологически, физически к экстремальной ситуации, то чаще всего он следует за ситуацией, а не берет контроль над ней. Необходимо также учитывать, что кроме всего прочего активизируются защитные функции организма, инстинкт самосохранения и могут возникнуть отрицательные реакции организма, а именно повышенный стресс, замедление психомоторных действий. Следовательно, психологическая подготовка сотрудников к применению физической силы позволит повысить их эффективность применения.

Список источников

1. Молоканова А. В. Профессионально-психологические качества следователя и их развитие в высшем образовательном учреждении МВД России : дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 232 с.
2. Лебедев И. Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолеляющего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремально-го профиля : на примере сотрудников МВД России : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 432 с.
3. Кадочников А. А. Психологическая подготовка к рукопашному бою. Краснодар : Неоглори, 2008. 347 с.
4. Ашкинази С. М. О проблеме психологической подготовки к рукопашному бою военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / С. М. Ашкинази, А. Н. Кочергин, В. В. Кузьмин // Матер. XII Международн. науч. конгресса «Современный олимпийский и паралимпийский спорт и спорт для всех», Т. 1. М. : РГУФКСИТ, 2008. С. 268–269.
5. Кочергин А. Н. Интеграция технико-тактической, физической и психологической подготовки к рукопашному бою : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 147 с.
6. Кан Л. В. Сопряженное применение идеомоторного и имитационного методов при совершенствовании умений выполнения задержания в боевых ситуациях : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 24 с.
7. Китаева М. В. Психология победы в спорте : учебное пособие. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. 208 с.
8. Иванова А. В. Психолого-педагогическая подготовка выпускников образовательных организаций

МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 24 с.

9. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб. : Питер, 2006. 208 с.

10. Степанов Г. И. Личная безопасность сотрудников полиции в условиях ограниченного пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2012. № 1. С. 81–84.

References

1. Molokanova A. V. Professional and psychological qualities of an investigator and their development in a higher educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia: dis. ... cand. psychol. Sciences. M., 2000. 232 p.
2. Lebedev I. B. Psychological mechanisms, strategies and resources of stress-overcoming behavior (coping behavior) of extreme profile specialists: on the example of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia: dis. ... dr. psikhol. sciences. M., 2002. 432 p.
3. Kadochnikov A. A. Psychological preparation for hand-to-hand combat. Krasnodar : Neoglori, 2008. 347 p.
4. Ashkinazi S. M., Kochergin A. N., Kuzmin V. V. On the problem of psychological training for hand-to-hand combat of military personnel and law enforcement officers // Mater. XII Intern. scientific Congress «Modern Olympic and Paralympic sport and sport for all», T. 1. M. : RGUFKSiT, 2008. P. 268–269.
5. Kochergin A. N. Integration of technical-tactical, physical and psychological training for hand-to-hand combat: dis. ... cand. ped. sciences. SPb., 2011. 147 p.
6. Kan L. V. Conjugated application of ideomotor and simulation methods in improving the skills to perform detention in combat situations: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2016. 24 p.
7. Kitaeva M. V. Psychology of victory in sports: a textbook. Rostov-on-Don : Phoenix, 2006. 208 p.
8. Ivanova A. V. Psychological and pedagogical training of graduates of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2016. 24 p.
9. Ivannikov V. A. Psychological mechanisms of volitional regulation. SPb. : Peter, 2006. 208 p.
10. Stepanov G. I. Personal security of police officers in a limited space // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1. P. 81–84.

Информация об авторе

А. Л. Славко – доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

A. L. Slavko – Associate Professor of the Department of Physical Training of the Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья

УДК 374.71

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-293-297>

НИОН: 2015-0066-1/23-643

MOSURED: 77/27-011-2023-01-842

Внеурочная работа с обучающимися как способ защиты от деструктивной информационной среды

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Одним из механизмов реализации Концепции информационной безопасности детей названа внеурочная или внеклассная работа с детьми и подростками. На государственном региональном, муниципальном и локальном уровнях предпринимаются меры по реализации данного механизма. В настоящем исследовании проанализирован опыт проведения внеклассной работы в целях защиты детей от деструктивной информации. Проведен социологический опрос, позволяющий определить эффективность такой работы.

Ключевые слова: внеклассная или внеурочная работа, дети и подростки, защита от деструктивной информации, родители, педагоги

Благодарности: исследование проведено в рамках экспертно-аналитического исследования в соответствии с государственным контрактом №01731000096220000400001 (заказчик – Аппарат Государственной Думы РФ).

Для цитирования: Титор С. Е. Внеурочная работа с обучающимися как способ защиты от деструктивной информационной среды // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 293–297. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-293-297>.

Original article

Extracurricular work with students as a way to protect against a destructive information environment

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. One of the mechanisms for implementing the Concept of information Security of children is called extracurricular or extracurricular work with children and adolescents. Measures are being taken at the State, regional, municipal and local levels to implement this mechanism. This study analyzes the experience of conducting extracurricular activities in order to protect children from destructive information. A sociological survey was conducted to determine the effectiveness of such work.

Keywords: extracurricular or extracurricular work, children and adolescents, protection from destructive information, parents, teachers

Acknowledgements: the present research is conducted as part of an expert and analytical study in accordance with state contract No. 01731000096220000400001 (the customer is the State Duma of the Russian Federation).

For citation: Titor S. E. Extracurricular work with students as a way to protect against a destructive information environment. Bulletin of economic security. 2023;(1):293–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-293-297>.

Одним из следствий развития процессов информатизации стало повышение роли средств массовой информации в жизни, как национальных социумов, так и международного сообщества в целом. Масс-медиа во многом заменили межличностное общение в роли основного источника получения адаптивно-значимой информации для жителей развитых стран. В настоящее время они оказывают определяющее влияние на мировоззрение людей и играют роль агентов социализации.

Возрастание потенциала влияния масс-медиа на общественное сознание несет в себе потенциальную угрозу, связанную с распространением ими негативной общественно опасной информации. Наибольшую опасность она представляет для детей в силу особой уязвимости их психики от деструктивного информационного воздействия.

Изучение девиантного поведения детей и подростков актуально в современном обществе в связи с политическими, экономическими, моральными и нравствен-

© Титор С. Е., 2023

ными изменениями в мире. Общепринятые нормы поведения деформируются, то, что несколько лет считалось отклонением, сегодня считается нормой.

Актуальной задачей, стоящей перед действующим законодательством, является создание гарантий (условий), защищающих несовершеннолетних от деструктивного воздействия Интернет-среды.

Во исполнение Концепции информационной безопасности детей [1] разработаны Мероприятия, направленные на обеспечение информационной безопасности детей, производство информационной продукции для детей и оборот информационной продукции, на 2022–2027 годы [2].

В числе приоритетных задач семьи, государства и общества Концепция информационной безопасности детей ставит задачу эмоционально-личностного, ценностного, морального и нравственно-этического развития детей.

Одним из механизмов достижения поставленных задач называется содействие созданию условий, обеспечивающих позитивную социализацию и индивидуализацию ребенка, его психологическое благополучие и позитивное мировосприятие.

К мероприятиям по созданию названных условий можно отнести цикл мероприятий, направленный на различные возрастные группы – дети (обучающиеся), родители (законные представители несовершеннолетних), работники образовательных организаций, именуемые «Сетевичок», портал «Учеба.онлайн», а также внеклассные мероприятия.

Портал «Сетевичок» проводит ежегодный конкурс Международный квест по цифровой грамотности. Визуально портал «Сетевичок» без регистрации не имеет достаточно информативной информации по порядку проведения конкурса, его целей, задач, целевой аудитории, сроков проведения, условиях конкурса, критериев оценки, истории его проведения и результатов, и т. д. Крайне скудна и информация о проведенном ранее конкурсе (последняя информация за 2020 г.). В 2020 г. в конкурсе приняло участие 609,0 тыс. Имеется не конкретизированная информация о наличии победителей конкурса. Полагаем, что портал «Сетевичок» на данный момент не выполняет роли активного двигателя активизации привлечения детей, подростков и их родителей в целях повышения качества и количества информационной продукции для детей, возложенной на него ранее названным Перечнем федеральных мероприятий.

Коллеги делятся разработками методик, форм, принципов содержания проведения внеклассных мероприятий [3]. При разработке внеклассных мероприятий предлагается обращать внимание на следующие моменты:

– содержательность – содержательный компонент занятий для обучающихся (система внеклассных мероприятий, направленных на умение выявлять информационную угрозу);

– эффективность использования методов, приемов и средств проведения занятий с учетом особенностей развития детей и подростков;

– психолого-педагогические условия, такие как практико-ориентированный и личностный характер взаимодействия педагога и обучающегося;

– организация работы с родителями.

Некоторый опыт проведения внеурочных мероприятий следует проанализировать.

Представители Забайкальского края поделились опытом проведения конкурса творческих работ учащихся на тему «Информационная безопасность» [4]. Конкурсы проходят в нескольких номинациях: Рисунок, Социальный плакат, Стихотворение, Рассказ, Видеоролик, Веб-ресурс. Детям было предложено выразить свое понимание информационной безопасности, понимание рисков и угроз, которые могут встретиться в Интернете, различными способами. Конкурс проводился по возрастным группам: 1–5 классы, 6–8 классы, 9–11 классы.

Итоги конкурса приводят к определенным выводам. Так, дети 1–5 классов видят в качестве интернет-угроз, в основном, только различные вирусные программы. Дети 6–8 классов такие угрозы видят уже более шире. Они отразили в своих работах такие проблемы, как защита персональных данных от спама, кибербуллинг.

В номинации Стихотворение и Рассказ дети рассказали о положительных и отрицательных сторонах Интернета. Основной идеей представленных на конкурс рассказов стала экранная зависимость людей, где компьютер заменил реальную жизнь. В своих произведениях дети попытались показать, насколько это неправильно, и дать возможность своим героям изменить свою жизнь.

В номинации Видеоролик учащиеся создали программу «Учись вместе с нами», где авторы провели соцопрос обучающихся в школе по вопросам информационной безопасности, рассказали о правилах поведения в Интернете, показали его положительные и отрицательные стороны, выделили популярные интернет-риски.

Во всех работах прозвучал призыв учащихся к взрослым защитить детей от ненужной и негативной информации в сети Интернет.

Однако, в работах детей не нашли отражение такие угрозы, как кибермошенничество, кибербуллинг, интернет- и игровая зависимости.

Другой пример регионального опыта [5]. Для реализации мер по профилактике негативного информационного воздействия на обучающихся в г. Туле проводятся такие мероприятия:

– социологические исследования «Место компьютера в жизни подростков», «Изучение интернет-зависимости», «Выявление ранних признаков компьютерной зависимости у несовершеннолетних»;

– викторины для учащихся 5-х классов «С компьютером по жизни»;

– Брейн-ринг «Жизнь виртуальная и жизнь реальная»;

- Круглый стол «Страдания от кибермании»;
- «Дискуссионный клуб «Что такое Интернет?», «Правила безопасности в Интернете», «Влияние социальных сетей на подростков»;

– деловые игры «Выбираю безопасность» и т. д.

Мероприятия, направленные на формирование личностных ресурсов, обеспечивающих развитие у детей и подростков социально-нормативного жизненного стиля, здорового образа жизни, культуры поведения и этики в сети Интернет, грамотного и ответственного использования информационных ресурсов. Проводимые мероприятия дали положительный эффект. Многие обучающиеся сократили времяпровождение за компьютером. Родители отметили улучшение их здоровья, что положительно отразилось на успеваемости. Сами обучающиеся отмечают, что «живое» общение для них стало намного интереснее и привлекательнее, чем виртуальное.

Одним из выводов проведения таких конкурсов стал озвученный детьми призыв к взрослым защитить их от негативной информации сетей Интернет.

Другие коллеги [6] делятся опытом реализации программы внеурочной деятельности с обучающимися «Безопасная информационная деятельность». Программа направлена на повышение информированности обучающихся относительно причин и условий появления информационных угроз. По результатам реализации программы у обучающихся формируются:

- необходимые социально-психологические установки, направленные на отторжение деструктивной информации;

- эмоциональная среда и устойчивые ценности, препятствующие возможным информационным зависимостям;

- социально активная позиция, необходимые ценностно-смысловые ориентиры, отвечающие социально положительным направлениям поведения и т. д.

Оценку эффективности проводимых мероприятий можно провести, проанализировав результаты социоло-

гического опроса в рамках данного исследования. Социологическое исследование, посвященное влиянию деструктивной информационной среды на детей и подростков, проводилось августе-сентябре 2022 г. В исследовании приняли участие:

- 26 580 детей и подростков в возрасте от 6 до 18 лет;

- 29 746 взрослых из числа родителей в возрасте от 29 до 70 лет;

- 7 204 педагогов в возрасте от 21 до 71 года.

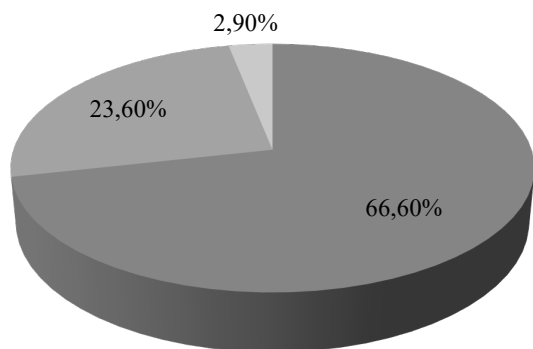
Географический охват опроса – 28 населенных пунктов (Пермский край – Пермь; Тверская область – Тверь, Старица, Кимры, Красный холм, д. Захоломье, Калязин, с. Редкино, Торопец; Самарская область – Жигулевск, Чапаевск, Новокуйбышевск; Оренбургская область – Оренбург, Бузулук; Республика Бурятия – Северобайкальск, Улан-Удэ; Республика Мордовия – Саранск, Атемар; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – Сургут; Саратовская область – Саратов, Пугачев; Белгородская область – Белгород; Республика Чувашия – Чебоксары; Новосибирская область – Новосибирск; Волгоградская область – Волгоград; Воронежская область – Воронеж; Курская область – Курск; Ярославская область – Ярославль; Липецкая область – Липецк; Республика Татарстан – Казань; Брянская область – Брянск; Ростовская область – Ростов, Мурманская область – Мурманск и др.). Исследование проводилось по специально разработанной анкете, размещенной на сервисе Яндекс. Формы, путем адресной рассылки анкеты.

95,8 % опрошенных педагогов усмотрели эффективность развития внеурочной деятельности, вовлечение детей в работу школьных кружков, секций, объединений для снижения негативного влияния деструктивной информационной среды на детей и подростков.

Наиболее эффективными мерами для снижения негативного влияния деструктивной информационной среды на детей и подростков, реализуемыми в учебных

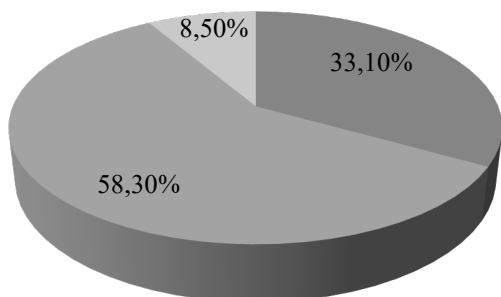

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, какие из перечисленных мер, осуществляемые в учебных заведениях, наиболее эффективны для снижения негативного влияния деструктивной информационной среды на детей и подростков?», %

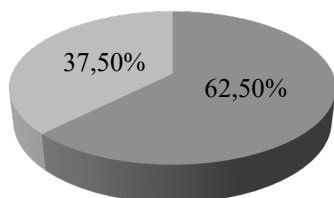
■ Да, эффективны ■ Не слышали о них ■ Не видят эффекта

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы эффективной мерой обеспечения информационной безопасности детей и подростков проведение специальных мероприятий (конкурсов, обучающих игр и т. д.)?», %

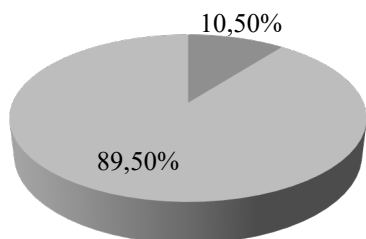
■ Да, часто ■ Иногда

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Часто ли Ваша семья путешествует/путешествовала вместе?»

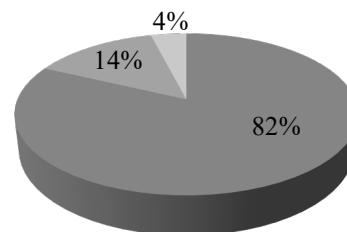
■ Контроль родителей ■ Не контролируют

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Контролируете ли Вы, какие сайты Ваш ребенок посещает в Интернете?», %

■ Делятся ■ Не делятся

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Рассказывал ли Вам ребенок о сценах насилия, эротики, порнографии, увиденных им в СМИ, Интернете?», %

■ Отсутствие контроля родителей
■ Наличие контроля родителей
■ Слабый контроль родителей

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Контролируют ли родители, как ты используешь Интернет?», %

заведениях, по мнению педагогических работников, являются (рис. 1):

- развитие внеурочной деятельности, вовлечение детей в работу школьных кружков, секций, объединений – 56,6 %;
- раннее выявление групп риска, контроль поведения детей – 54,7 %;
- создание групп взаимопомощи детей и подростков, волонтерских групп – 54,1 %;
- информационная работа с родителями о правилах безопасного поведения детей в Интернете – 38,7 %;
- проведение родительских собраний, посвященных проблеме девиантного поведения, – 34,5 %;
- разработка программ, направленных на развития системы традиционных ценностей, культуры поведения, – 30,2 %.

66,6 % опрошенных в рамках данного исследования родителей также считают проведение различных внеучебных мероприятий эффективной мерой обеспечения информационной безопасности детей и подростков, и даже участвовали в таких мероприятиях. С ними не согласны 2,9 % родителей, а 23,6 % опрошенных родителей вообще не слышали о таких мероприятиях (рис. 2).

Социологический опрос, проведенный в рамках исследования, показал, что сами родители не всегда уделяют достаточно внимания своим детям, оберегая их от негативной информации. Например (рис. 3):

- на вопрос: часто ли вы путешествуете с детьми, положительно ответили только 33,1 % родителей, иногда путешествуем, ответили 58,3 % родителей, остальные, увы, в путешествия с детьми не ездят;
- 37,5 % опрошенных родителей не контролируют, какие сайты просматривают их дети (рис. 4);
- 89,5 % детей не делятся со своими родителями об увиденных в сети Интернет сценах насилия, эротики, порнографии (рис. 5);
- 82,0 % опрошенных подростков в рамках настоящего исследования сообщили, что родители не контролируют использование ими Интернета, доверяя им полностью (рис. 6);

– 91,0 % педагогов, опрошенных в рамках данного исследования, подчеркнули эффективность информационной работы с родителями о правилах безопасного поведения детей в Интернете в целях обеспечения их безопасности.

Имеющиеся и реализуемые механизмы создания условий, обеспечивающих позитивную социализацию и индивидуализацию ребенка, его психологическое благополучие и позитивное мировоззрение, на наш взгляд достаточны. Законодательство не требует корректировки.

Но практика реализации этих мероприятий должна проводиться на более высоком и качественном уровне.

Имеется необходимость более активного привлечения родителей к внеурочной работе с детьми в целях совместного с преподавателями обеспечения безопасности детей и подростков от негативной информации.

Необходимо активизировать проведение внеурочных мероприятий, обязательно с привлечением родителей, для более успешной защиты несовершеннолетних от деструктивной среды.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190009/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/. (дата обращения 01.10.2022).

2. Приказ Минцифры России от 22.03.2022 № 226 «О перечне федеральных мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, производство информационной продукции для детей и оборот информационной продукции, на 2022–2027 годы» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412552/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdaddd518/. (дата обращения 01.10.2022).

3. Богатырева Ю. И., Калугина Е. С. Угрозы информационного воздействия на учащихся и методы противодействия им в образовательной организации // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016. Т. 2. № 3. С. 8–13.

4. Черепанова Г. В. Профилактика рисков информационной безопасности детей через участие в творческих конкурсах. В сборнике: «Цифровое поколение» и педагогические реалии современной России // Мате-

риалы научно-практической интернет-конференции с международным участием. Под ред. М. Р. Мирошкиной, Е. Б. Евладовой, С. В. Лобынцева. 2017. С. 68–71.

5. Привалов А. Н., Богатырева Ю. И., Калугина Е. С. К вопросу о снижении негативного информационного воздействия на учащихся в образовательных организациях // Молодежь. Образование. Наука. 2017. Т. 1. № 1-1. С. 203–207.

6. Сафонова В. Ю. Актуальные вопросы безопасности информационного пространства образовательной организации // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3-3 (117). С. 83-85.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of 02.12.2015 № 2471-r «On Approval of the Concept of Information Security of Children» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190009/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (accessed: 01.10.2022).

2. Order of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation of March 22, 2022 № 226 «On the list of federal measures aimed at ensuring the information security of children, the production of information products for children and the circulation of information products, for 2022–2027» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412552/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdaddd518/ (accessed: 01.10.2022).

3. Bogatyreva Yu. I., Kalugina E. S. Threats of information impact on students and methods of countering them in an educational organization // Research Result. Pedagogy and psychology of education. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 8–13.

4. Cherepanova G. V. Prevention of information security risks for children through participation in creative competitions. In the collection: «Digital generation» and the pedagogical realities of modern Russia // Materials of the scientific and practical Internet conference with international participation. Edited by Miroshkina M. R., Evladova E. B., Lobyntseva S. V. 2017. P. 68–71.

5. Privalov A. N., Bogatyreva Yu. I., Kalugina E. S. On the issue of reducing the negative information impact on students in educational institutions // Youth. Education. The science. 2017. Vol. 1. No. 1-1. P. 203–207.

6. Safonova V. Yu. Topical issues of the security of the information space of an educational organization. // International research journal. 2022. No. 3-3 (117). P. 83–85.

Информация об авторе

С. Е. Титор – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 30.10.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 11.01.2023.

Научная статья

УДК 374

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-298-303>

ИДОН: 2015-0066-1/23-644

MOSURED: 77/27-011-2023-01-843

Поликультурная среда вуза и ее влияние на формирование языковой личности

Светлана Викторовна Фрумина^{1,2}

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
frumina@mail.ru

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуются подходы к структуре поликультурной среды вуза, определяется влияние выделенных элементов на формирование языковой личности. Результаты, изложенные в статье, определяют необходимость пересмотра подготовки российских и иностранных студентов с целью формирования личности с осознанной гражданской позицией.

Ключевые слова: поликультурная среда, высшее учебное заведение, языковая личность, студенты, духовно-нравственные и культурные ценности

Для цитирования: Фрумина С. В. Поликультурная среда вуза и ее влияние на формирование языковой личности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 298–303. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-298-303>.

Original article

The multicultural environment of the university and its influence on the formation of a linguistic personality

Svetlana V. Frumina^{1,2}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
frumina@mail.ru

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article examines approaches to the structure of the multicultural environment of the university. It is proposed to group the components of the multicultural environment of the university depending on the degree of their influence on the formation of a linguistic personality. The results of the article determine the need to revise the training of students in order to form a personality with a conscious civic position.

Keywords: multicultural environment, higher educational institution, linguistic personality, students, spiritual, moral and cultural values

For citation: Frumina S. V. The multicultural environment of the university and its influence on the formation of a linguistic personality. Bulletin of economic security. 2023;(1):298–303. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-298-303>.

Документы стратегического планирования Российской Федерации, определяющие вектор развития образования и воспитания молодежи, затрагивают аспекты важности формирования российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации. Одной из целей государственной программы Российской Федерации «Развитие образования», относящейся к деятельности вузов, является воспитание личности, характеризующейся социальной ответственностью. В этой связи деятельность образовательных организаций нацелена

на решение задач сохранения и развития национальной культуры, формирования духовно-нравственных ценностей в условиях поликультурной среды вуза.

Рассматривая элементы поликультурной среды, можно выделить ее структуру, которая будет отличаться в зависимости от содержания, вкладываемого каждым автором в определение. Причем составляющие (компоненты) поликультурной среды могут быть классифицированы по разным признакам и рассматриваться как условия, факторы, уровни или другие элементы.

© Фрумина С. В., 2023

Одна из распространенных типологий компонентов поликультурной среды вуза (КПСВ) «Типология КПСВ по совокупности уровней идентичности личности», основана на присвоении личности специфического уровня, базирующегося на ориентире самоидентификации, при котором индивид рассматривается с точки зрения, во-первых, самостоятельной личности, во-вторых, представителя группы, в-третьих, представителя народа, в-четвертых, представителя страны и наконец, представителя мира.

«Типология КПСВ по группе условий», предполагает изучение компонентов поликультурной среды, включающих группу условий толерантности, группу условий понимания других культур и группу условий межкультурного взаимодействия (рис. 1). «Типология КПСВ по группе факторов» Харитоновой В. П. выделяет компоненты поликультурной образовательной среды, основанные на ценностно-содержательных факторах, предусматривающих освоение общечеловеческих и этнических ценностей; личностно-ориентированных факторах, ориентирующих поликультурное образование на личность как «ценность, цель, субъект»; операционно-деятельностных факторах, раскрывающих различные образовательные технологии; регионально-интеграционных факторах, предусматривающих включение в содержание педагогического процесса культурно-исторического опыта, традиций» [1].

Не углубляясь в изучение существующих определений поликультурной среды вуза и взяв за основу ТПСВ, предложенную Харитоновой В. П., отметим, что, как и любая среда, поликультурная среда вуза может быть внешней и внутренней. Поликультурная внешняя среда может включать следующие компоненты: требования работодателей; требования образовательных стандартов; требования социума и др. В свою очередь, поликультурная внутренняя среда вуза включает: требования к образовательному процессу, установленному в вузе; требования к воспитанию студентов; требования к проведению внеаудиторной работы и др. Однако реализация перечисленных требований не может осуществляться без установления социальных контактов и коммуникативной среды, обеспечивающих непрерывное взаимодействие обучающихся с другими субъектами образовательных отношений, без информационно-коммуникационных технологий обеспечивающих доступ к внутренней и внешней среде и др. [2].

Вместе с тем, перечисленные компоненты внутренней и внешней среды могут относиться

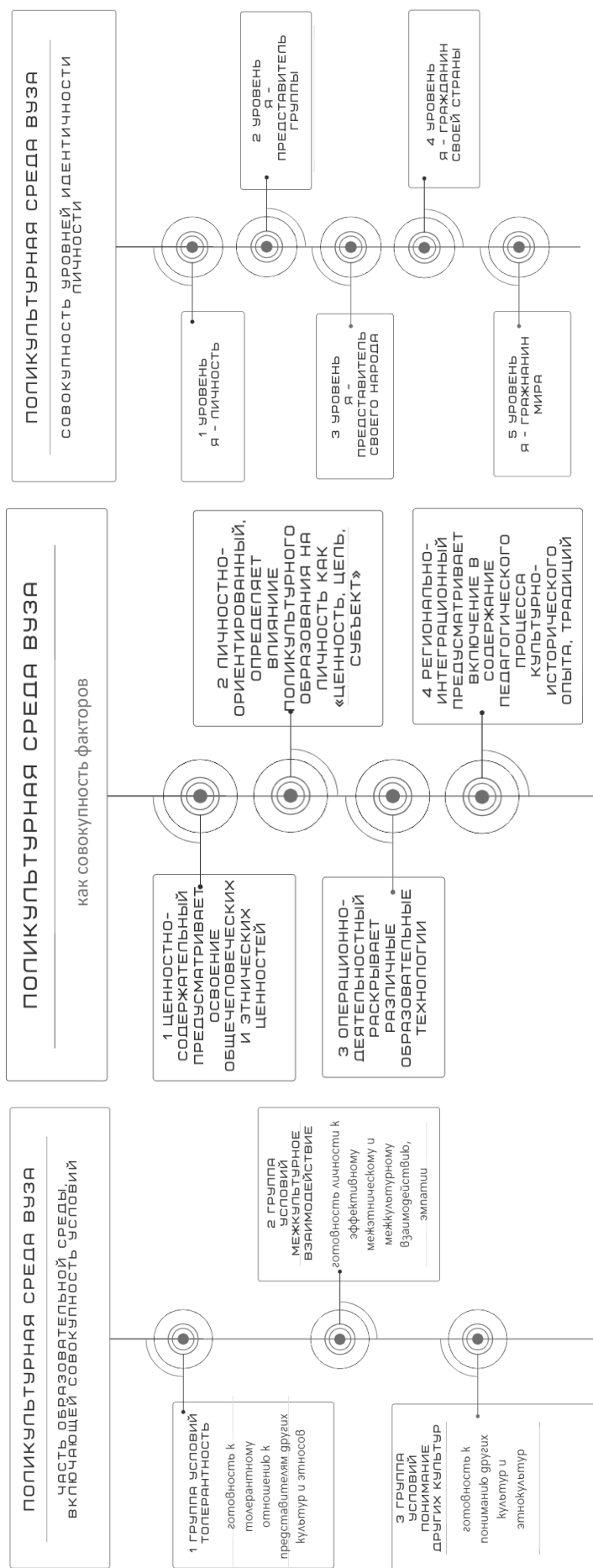

Рис. 1. Примеры типологии компонентов поликультурной среды вуза

к любой образовательной среде и не позволяют идентифицировать ее как поликультурную.

Таким образом, анализ литературных источников показал, что несмотря на то, что как отечественные, так и зарубежные авторы достаточно подробно изучают поликультурную среду вуза, в настоящее время единого подхода, определяющего компоненты поликультурной среды, не выработалось.

В этой связи, обобщив точки зрения авторов изученных публикаций, предлагаем дополнить типологию поликультурной среды вуза, предложенную Харитоновой В. П. и учесть влияние компонентов поликультурной среды вуза на формирование языковой личности.

Предлагаемая ТКПСР «по степени влияния на формирование языковой личности», будет включать следующие компоненты:

- ценностно-содержательный, предусматривающий освоение общечеловеческих и общекультурных ценностей;
- личностно-ориентированный, определяющий поликультурное образование, направленное на самопознание и самореализацию с учетом выработанных культурных ценностей;
- компонент образовательной интеграции, предусматривающий включение в содержание образовательного процесса культурно-исторического опыта и традиций разных этносов;
- коммуникативно-толерантный, определяющий взаимодействие в процессе обучения с представителями разных культур, способствующий межэтническому и межкультурному взаимодействию и принятию других культур;
- регулирующий, обеспечивающий регламентацию и определяющий вектор развития гражданской идентичности студента.

Таким образом, структуру поликультурной среды вуза, выраженную в виде части образовательной среды, представляющей совокупность условий и требований, влияющих на формирование языковой личности и обеспечивающих соблюдение толерантности по отношению к представителям других культур и этносов, эффективное межкультурное взаимодействие, изучение культурно-исторического опыта и познание общекультурных ценностей, можно представить в виде схемы, изображенной на рис. 2.

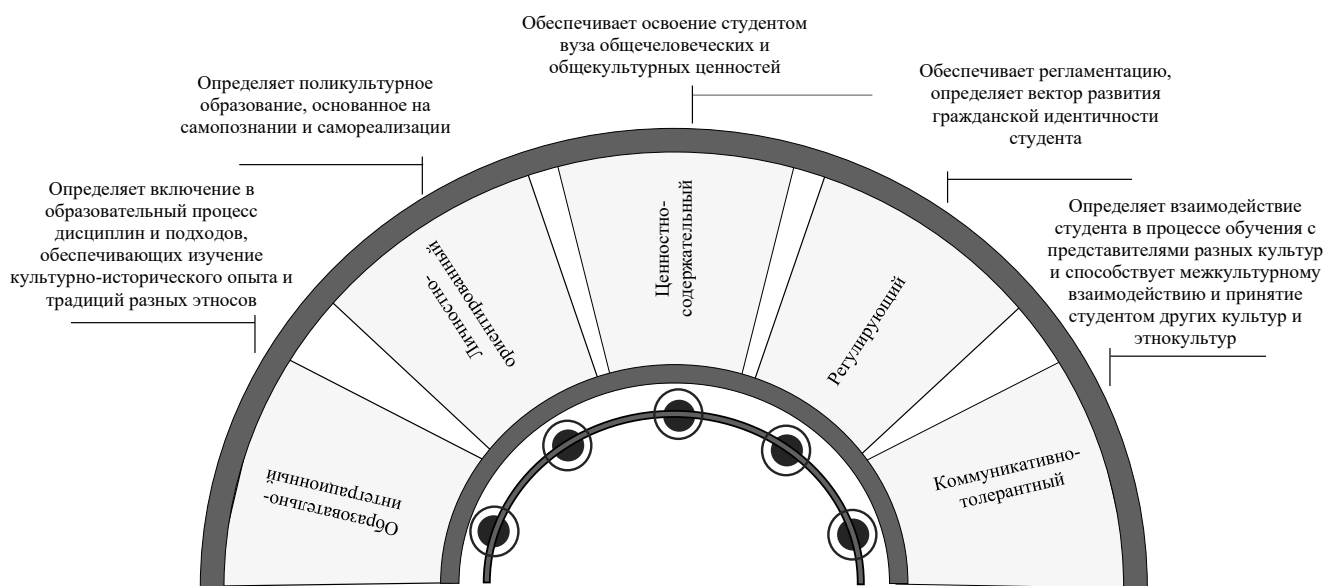
Рассмотрим влияние каждого из выделенных компонентов поликультурной среды вуза на формирование языковой личности.

(1) Влияние ценностно-содержательного компонента на формирование языковой личности. Ценностно-содержательный компонент, как было отмечено выше, предусматривает освоение студентом вуза общечеловеческих и общекультурных ценностей.

Студент вуза как языковая личность формирует следующие ценности: моральные, утилитарные, суперморальные и субутилитарные ценности.

Субутилитарные ценности выражают базовые жизненные ценности студента как личности вне зависимости от этнического или культурного происхождения. Универсальные или базовые ценности по Ш. Шварцу [3] включают силу (власть, доминирование, лидерство), достижения (амбиции, ум, самоуважение), гедонизм (удовольствия, наслаждения), доброжелательность (честность, верность, ответственность), традиции (преданность, уважение, смирение) и др.

Моральные ценности определяются интересами общества и выражаются в системе стандартов общества, нацеленных на защиту слабых, уважение к старшим, готовность к самоограничению и т. д. Суперморальные ценности выражают более высокие символические раз-

Источник: составлено автором

Рис. 2. Компоненты поликультурной среды вуза

личия в обществе. При этом суперморальные и субутилитарные ценности воспринимаются, как инструкции к поведению, не требующие доказательств.

Влияние обозначенных ценностей на языковую личность универсально и не содержит принципиальных отличий от влияния вне условий поликультурной среды вуза. В свою очередь данные ценности формируют мировоззренческую позицию студента как языковой личности и оказывают существенное влияние на его поведение и восприятие ценностей других людей.

(2) Влияние личностно-ориентированного компонента на формирование языковой личности. Личностно-ориентированный компонент, определяющий поликультурное образование, основанное на самопознании и самореализации, оказывает непосредственное воздействие на студента. В процессе обучения под влиянием языка как ядра личности, формируется самосознание студента, определяется его гражданская позиция. Знание и почитание культурных ценностей, воспитывает в студенте личность, повышает уровень образованности, определяет более глубокое представление о мире и культуре. В свою очередь, национальный менталитет, прививаемый языковой личности, может определить вектор восприятия отличных от сформированных культурных ценностей. В этой связи участникам образовательного процесса необходимо оказывать непосредственное воздействие на формирование отношения студента как языковой личности к традициям и культурным особенностям других этносов.

(3) Влияние компонента образовательной интеграции на формирование языковой личности. Компонент образовательной интеграции определяет включение в образовательный процесс дисциплин и подходов, обеспечивающих изучение культурно-исторического опыта и традиций разных этносов. Студент как языковая личность, является типичным представителем конкретного этноса, однако владение разными языками, позволяет студенту погрузиться в более глубокое изучение истории, традиций и культурных ценностей представителей других стран и религий. Включение в образовательный процесс и внеаудиторную работу, знакомство с представителями разных культур, позволяет воспитывать образованную поликультурную личность, более адаптированную к требованиям преподавателей и работодателей разных стран.

(4) Влияние коммуникативно-толерантного компонента на формирование языковой личности. Одним из направлений, исследующих языковую личность, является коммуникативная лингвистика. С позиции коммуникативной лингвистики языковая личность рассматривается как индивидуальность, проявляющаяся в определенном коммуникативном поведении. Коммуникативный компонент поликультурной образовательной среды, определяет взаимодействие студента в процессе обучения с представителями разных культур и способствует межкультурному взаимодействию. Языковая

личность, с развитой концептуальной картиной мира, благодаря коммуникативным навыкам, способна значительно ускорить межкультурное взаимодействие, обеспечить коммуникацию с носителями других языков, ускорить развитие международных коммуникаций. В свою очередь, толерантность, обеспечивает понимание и принятие студентом других культур и этнокультур. Поликультурное образование призвано повлиять на поведение обучающихся. Создание в вузе сплоченных студенческих коллективов, включающих представителей разных культур и носителей разных языков, позволяет проявлять толерантность к менталитету и убеждениям отдельных лиц и групп, имеющих разные исторические корни и географическое местоположение, систему ценностей, знаний и привычек.

(5) Регулирующий компонент обеспечивает регламентацию норм и правил вуза, определяя вектор развития гражданской идентичности студента. Соблюдение требований образовательного процесса, корпоративной этики, трудовых отношений и др. определяет данный компонент поликультурной среды в качестве гаранта и регулятора социального пространства вуза.

Реализация регулирующего компонента проявляется также в нормативных правовых документах, которые отражают основные задачи, цели и установки, реализуемые вузами. К таким документам следует относить законы об образовании, нормативные акты, регулирующие образовательную деятельность, государственные стандарты и др.

Для обобщения вышеизложенных умозаключений, был проведен опрос среди преподавателей вуза, позволивший сформировать матрицу влияния компонентов поликультурной среды на формирование языковой личности (таблица 1).

Обобщение экспертных мнений, изложенных в матрице, дает основание утверждать, что все без исключения компоненты поликультурной среды вуза оказывают непосредственное влияние на формирование языковой личности, способствуют ее укреплению и развитию.

Экспертное мнение подтвердило, что наибольшее влияние на формирование языковой личности оказывает компонента образовательной интеграции, определяющая включение в образовательный процесс дисциплин и подходов, обеспечивающих изучение культурно-исторического опыта и традиций разных этносов.

Вместе с тем, такие компоненты поликультурной среды как личностно-ориентированный и регулирующий оказывают наименьшее влияние на формирование языковой личности.

Библиографический список

1. Харитонов Ф. П. Поликультурное образовательное пространство региона и образовательная среда // Педагогика и психология. <https://cyberleninka.ru/article/n/polikulturnoe-obrazovatelnoe-prostranstvo-regiona-i-obrazovatel'naya-sreda>.

Таблица 1

Матрица влияния компонентов поликультурной среды на формирование языковой личности

			Компоненты поликультурной среды вуза				
			1	2	3	4	5
			Ценностная ориентация	Личностная ориентация	Образовательная интеграция	Коммуникативность и толерантность	Регулирование
			Формирование общечеловеческих и общекультурных ценностей	Самопознание, самореализация студента	Изучение культуры и традиций других этносов	Межкультурное взаимодействие, принятие других культур	Регламентация направлений развития гражданской идентичности студента
Условия формирования языковой личности	1	Социализация	***	*	***	***	*
	2	Коммуникация	***	*	***	**	*
	3	Расширение мировосприятия	***	**	***	**	*
	4	Самоидентификация	**	*	****	*	*

Источник: составлено автором

2. Гладких В. В. Сущность и особенности формирования поликультурной информационной среды учреждения образования // Вестник ТГУ. Вып. 12 (92). 2010. С. 41–55.

3. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnennaya-teoriya-bazovyh-individualnyh-tsennostey-primenenie-v-rossii/viewer>.

4. Кожанов И. В. Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования // интернет-журнал Науковедение. 2015. № 5. Т. 7.

5. Воронцова Н. Б., Максимова О. Г. Формирование активной гражданской позиции у студентов вуза в условиях геополитической напряженности // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2016. № 1 (89) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-aktivnoy-grazhdanskoy-pozitsii-u-studentov-vuza-v-usloviyah-geopoliticheskoy-napryazhennosti> (дата обращения: 17.04.2022).

6. Pinson H. The new civics curriculum for high schools in Israel: The discursive construction of Palestinian identity and narratives. *Education, Citizenship and Social Justice*. 2020;15(1):22-34. doi:10.1177/1746197919840811.

7. Bashir (2015) On citizenship and citizenship education: a Levantine approach and reimagining Israel/Palestine, *Citizenship Studies*, 19:6-7, 802-819, DOI: 10.1080/13621025.2015.1007033.

Bibliographic list

1. Kharitonova F. P. Multicultural educational space of the region and the educational environment // *Pedagogy and psychology*. <https://cyberleninka.ru/article/n/polikulturnoe-obrazovatelnoe-prostranstvo-regiona-i-obrazovatel'naya-sreda>.

2. Gladkikh V. V. The essence and features of the formation of a multicultural information environment of an educational institution // *Bulletin of TSU*. Issue 12 (92). 2010. P. 41–55.

3. Schwartz Sh., Butenko T. P., Sedova D. S., And Lipatova. S. Refined theory of basic individual values: application in Russia <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnennaya-teoriya-bazovyh-individualnyh-tsennostey-primenenie-v-rossii/viewer>.

4. Kozhanov I. V. Formation of the civil identity of the individual in the process of ethno-cultural socialization in the system of continuing education // *Online journal of Science*. 2015. No. 5. Vol. 7.

5. Vorontsova N. B., Maksimova O. G. Formation of an active civic position among university students in conditions of geopolitical tension // *Bulletin of the I.Ya. Yakovlev ChSPU*. 2016. No. 1 (89) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-aktivnoy-grazhdanskoy-pozitsii-u-studentov-vuza-v-usloviyah-geopoliticheskoy-napryazhennosti> (accessed: 04/17/2022).

6. Pinson H. A new civil law curriculum for Israeli secondary schools: Discursive Construction of Palestinian Identity and Narratives. *Education, citizenship and social justice*. 2020;15(1):22-34. doi: 10.1177/1746197919840811.

7. Bashir (2015) On Citizenship and Civic Education: The Levantine Approach and Rethinking Israel/Palestine, *Citizenship Studies*, 19:6-7, 802-819, DOI:10.1080/13621025.2015.1007033.

Информация об авторе

С. В. Фрумина – доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ, доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтеха Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Frumina – Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Global Financial Markets and Fintech of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 25.01.2023.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-304-308>

ИПОН: 2015-0066-1/23-645

MOSURED: 77/27-011-2023-01-844

Использование инновационных образовательных технологий в преподавании РКИ¹ в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя

Клара Львовна Ходжабегова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, klara.lvovna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению преподавания русского языка как иностранного языка, имеющего ключевое значение для международной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, укрепления его позиций в качестве одного из ведущих вузов в области подготовки специалистов нескольких профилей для органов внутренних дел зарубежных стран.

Ключевые слова: факультет подготовки иностранных специалистов, органы внутренних дел, русский язык как иностранный язык

Для цитирования: Ходжабегова К. Л. Использование инновационных образовательных технологий в преподавании РКИ в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 304–308. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-304-308>.

Original article

The use of innovative educational technologies in teaching Russian as a foreign language at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'

Klara L. Hodzhabegova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, klara.lvovna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the studying of teaching Russian as a foreign language which is of key importance for the international activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', strengthening its position as one of the leading universities in the field of the training specialists of several profiles for the internal affairs bodies of foreign countries.

Keywords: Faculty of the Training of Foreign Specialists, internal affairs bodies, Russian as a foreign language

For citation: Hodzhabegova K. L. The use of innovative educational technologies in teaching Russian as a foreign language at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'. Bulletin of economic security. 2023;(1):304–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-1-304-308>.

¹ РКИ – русского языка как иностранного.

Инновационные технологии соответствуют уровню развития общества, в том числе и развитию языка как общественного явления. Однако нельзя думать, что технологии сами по себе заменят человека при изучении языка или при обучению языку, особенно иностранному. Мощный импульс развитию инновационных технологий придают, естественно, не только ярко выраженное ускорение всех процессов мирового развития, но и форс-мажорные ситуации типа пандемии. При всех различиях между странами мира, особенно находящимися на разных континентах, с появлением и распространением коронавируса стало понятно, как писала наш корреспон-

дент журнала «Вокруг света» М. Соколовская, как мала наша планета Земля, как много общего у разных стран мира.

Рассматривая общий процесс развития, можем констатировать, что в XXI веке рождалось новое восприятие каждым человеком и человечеством в целом своего места в этом мире, своей роли в нем. Вероятно, это послужит изменению взаимоотношений между отдельными людьми, между различными государствами не только для того, чтобы победить пандемию. Найдет отражение во всей сложной структуре ускоряющегося развития с учетом цифровизации, рождения новых технологий

во всех сферах жизни, началом нового этапа развития с появлением инновационных технологий. Обучение с использованием дистанционных технологий всегда нелегкое дело, но при обучении иностранному языку, как нам представляется, трудностей больше, особенно при аудировании и говорении.

Один из крупнейших специалистов в области русского языка Д. Э. Розенталь указывал, что русский язык выполняет три функции: национального русского языка, одного из языков межнационального общения народов России и одного из важнейших мировых языков. Добавим к этому, что в разные периоды развития, как нашей страны, так и языка последний получал большее распространение (в настоящее время на нем говорят в 22 странах мира), и всегда был и остается языком межкультурной коммуникации, входит в пятерку наиболее распространенных в мире языков.

Обучая русскому языку будущих юристов, экспертов-криминалистов, психологов и педагогов для органов внутренних дел зарубежных стран, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (первого начальника созданного на базе ряда вузов Московского университета МВД России, которому в дальнейшем было присвоено его имя) способствует развитию межкультурной коммуникации, закладывая основы получения высшего образования нашими слушателями из 29 стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Инновационные технологии по мере их создания внедряются в учебный процесс, особенно если они расширяют возможности преподавания, в целях активного усвоения русского языка большей частью обучаемых. Нашим университетом применяются различные технологии в обучении РКИ. Их сочетание приносит нужный результат.

Кафедра русского языка работает над вопросами совершенствования преподавания русского языка, в частности, создания учебных пособий по орфоэпии, орфографии, лингвокоммуникативным методам обучения русскому языку и др.

При знакомстве с новым взводом из числа слушателей факультета подготовки иностранных специалистов желательно обязательно выяснить, какие языки являются родными для них, обратить внимание на билингвов, например, у нас учились и учатся в настоящее время люди, у которых два родных языка, допустим, тама-ранама и английский, бамбара и португальский и т. д. У некоторых в активе по три-четыре языка, РКИ для них четвертый или пятый. Такие слушатели, как правило, наиболее успешны в освоении русского языка, и вследствие этого также всех дисциплин учебной программы.

Преподаватели РКИ решают трудную задачу развития коммуникативных способностей слушателей Московского университета аМВД России имени В.Я. Кикотя во всех четырех направлениях: аудирования, говорения, чтения и письма. Выполнение такой комплексной задачи представляется возможным при сочетании проверенных опытом методов преподавания в сочетании с новыми, в

том числе дистанционными образовательными технологиями.

В интересном и очень важном для выполнения функций преподавания РКИ учебном пособии для студентов и аспирантов высших учебных заведений, специализирующихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация», являющимся по сути и научным отчетом о проводившихся в МГУ им. М. В. Ломоносова исследованиях, доктор филологических наук заслуженный профессор С. Г. Тер-Минасова указывает, что «... языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках».

Обучение иностранцев русскому языку в России создает благоприятные условия для изучения языка, но пандемия внесла свои коррективы. Чтобы придать преподаванию русского языка новые черты, а также преодолеть создавшиеся препятствия в его изучении, необходимо пересматривать сложившиеся стереотипы в преподавании, искать, находить и создавать (последнее является наиболее сложным) новые технические возможности в этом процессе.

В преподавании РКИ обычно нами рекомендуется всем иностранцам вести свои собственные словари, а именно ежедневно включать в свой **личный словарь** не менее 5 слов, найденных ими самостоятельно в ходе подготовки к занятиям. Выполнение такой рекомендации реально служит действенным средством для расширения словарного запаса наших слушателей. Им нравится самим что-то находить, в ходе поиска каждый имеет возможность узнать то, что важно именно ему, иногда и поспорить с преподавателем, как было с нашей слушательницей, утверждавшей, что надо в одной из этикетных разговорных норм произносить: «Нет за что» вместо озвученного в ответ на «Спасибо» «Не за что». Удалось убедить, девушка окончила университет с отличием.

А в результате включения в наш обиход новой технологии – ведения **личного электронного словаря** – подсчет количества освоенных каждым обучающимся на Факультете подготовки иностранных специалистов слов можно не проводить специально, словарь делает это по умолчанию. Главное, собственный электронный словарь существенно облегчает освоение, прежде всего, научной лексики. Будем наблюдать за процессом ведения собственных электронных словарей нашими слушателями и результатами освоения ими русского языка.

Авторскими коллективами кафедры русского языка нашего университета были подготовлены глоссарии на английском и испанском языках для слушателей факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, изучающих русский язык на базовом и элементарном уровнях, ориентированный на будущих юристов, и для слушателей факультета подготовки психологов-иностранцев с участием кафедры юридической психологии также англо-русский и испанско-русский глоссарий

с толкованием включенных в них понятий на русском языке. Важно отметить, что глоссарии были **включены как в традиционный библиотечный фонд, так и в электронную библиотеку нашего вуза.**

«Словарное» направление получило дальнейшее развитие на кафедре русского языка: начато создание словаря сокращений русского языка, используемых сотрудниками ОВД. Работа велась с аббревиатурами, количество которых имеет тенденцию к росту. Данное направление будет развиваться и в дальнейшей деятельности представителей кафедры русского языка. Словарь сокращений – это очень актуально для нас при преподавании как РКИ, так и русского языка в деловой документации на факультете подготовки иностранных специалистов. Возможно, новый словарь также будет на электронном и бумажном носителях.

На занятиях и в качестве домашних заданий практикуем сценки, диалоги, даже через континенты. Особенно необходима помощь слушателям в развитии говорения, так как наши подопечные не могут осваивать артикуляцию обычным путем, находясь в составе одного и того же взвода одновременно в 10 странах на четырех континентах.

Преподаватели университета освоили дискорд и общаются со слушателями нашего вуза с использованием этого средства связи, хотя бывают сбои. А самым популярным вопросом в дискорде, как от преподавателей, так и от слушателей, является: «Вы меня слышите?». Качество связи оставляет желать лучшего, иногда, к сожалению, несколько замедляя учебный процесс.

Освоение изучаемого иностранного языка непосредственно связано с выполняемыми им функциями: когнитивной (восприятие и усвоение новых знаний о мире), коммуникативной (обмен информацией в процессе общения), эмоциональной (выражение чувств, эмоций, воздействие на собеседника), аккумулятивной (накопление знаний). Конечно, проявление этих функций наблюдается как преподавателями, так и нашими слушателями в комплексе.

Преподавателей РКИ интересует, в первую очередь, литературный язык, письменная форма, которая подчинена строго определенным нормам, к их соблюдению следует постоянно призывать наших обучаемых. Нормы существуют орфоэпические (постановка ударения и произношение слов), лексические (знание значений слов), грамматические (морфологические и синтаксические), орфографические (правильное написание слов). Закрепленные в языке нормы всех названных видов представлены в соответствующих словарях, различного рода справочниках, в создании которых принимали участие известные ученые-лингвисты, например, О. Е. Иванова, С. М. Кузьмина, В. В. Лопатин, С. Г. Тер-Минасова.

Правильно организованный учебный процесс способствует развитию нашего главного компьютера – памяти, являющейся носителем всего объема знаний, которыми располагает человек. Развитие памяти, уве-

личение ее объема обычно происходит в возрасте до 30 лет. Контингент изучающих РКИ в нашем университете – это в основном люди именно молодого возраста, накапливающие знания. Наша задача состоит в том, чтобы дать возможность расширять и углублять знания в избранных ими областях подготовки максимально эффективно, развивая все виды памяти: моторную, образную, словесно-логическую, эмоциональную. Иначе память начнет работать в обратном направлении – в направлении забывания.

Главное для преподавателя – **пробудить и постоянно поддерживать интерес к изучению языка, развивать языковое чутье.** Это становится возможным при активном интересе преподавателя к странам обучаемых, их истории и культуре, чему способствуют домашние задания на темы «Мой родной город», «Рассказ о моей семье», «Моя школа», «Обучение в вузе в своей стране и за рубежом», «Отношение к домашним животным», «Русские мужские и женские имена» и др., иногда тема предлагается слушателями, что также способствует развитию межкультурной коммуникации.

На коварный вопрос слушателям «Сколько надо иметь в запасе слов, чтобы заговорить на языке?» ответы даже на втором году обучения бывают разные – от 100 до 1 000 слов. По данным некоторых исследований, чтобы заговорить, нужно знать 6 000 слов. Следует отметить, что для этого нужен также и достаточный период времени, потому что желаемого результата невозможно достигнуть простым увеличением количества часов РКИ в семестре. Слушателям требуется полученную на занятиях информацию не просто понять, но и переварить, прочувствовать лексику.

В текущем семестре во время занятия задала по дискорду вопрос: «А какой вам больше всего нравится предмет?» В ответ услышала, что русский язык; пыталась перевести разговор на профильные предметы программы обучения иностранных специалистов, но слушатели настаивали на своем, объясняя свой выбор, видимо, всеобъемлющим в их представлении словом, – «интересно». А чтобы слушателям было действительно не только **необходимо** заниматься русским языком, но еще и **интересно**, преподавателям важно идти в ногу со временем, стараться узнавать как можно больше о странах, из которых к нам прибыли слушатели, постоянно обновлять учебные материалы, используя и новейшие технические достижения в соответствии с требованиями времени и тенденциями общемирового постоянно ускоряющегося развития.

Инновационные образовательные технологии, безусловно, следует создавать и развивать, но применять в сочетании с традиционными способами обучения русскому языку как иностранному и с максимальным использованием на занятиях по РКИ профильной для обучаемых лексики. Перед преподавателями этой дисциплины стоит непростая задача постоянного совершенствования и пополнения собственных знаний, как в области преподаваемого языка, так и методических

навыков его преподавания. Работник кафедры русского языка должен успевать пополнять и свой лексический запас в области профильной для обучаемых научной лексики. А профили подготовки в нашем вузе различные. Работа ведется преподавателями в соответствии с направлениями подготовки сотрудников органов внутренних дел зарубежных стран. Мы находимся на этапе осознания необходимости создания и внедрения в нашу практическую деятельность современных инновационных технологий.

В целях выполнения преподавателями, обучающими иностранных слушателей русскому языку, перед ними была самой жизнью поставлена новая задача – многому учиться, в частности, осваивать новые методики преподавания и, что особенно актуально, осваивать огромный массив новой лексики, активно стремящейся обосноваться в русском языке в рамках развития инновационных технологий.

Уделяется время и пополнению лексического запаса обучаемых не только специальной лексикой, в частности, связанной с IT-технологиями, но и гуманитарной лексикой в широком смысле. Для этого на каждом занятии нами используются книги, журналы, свежие газеты, в которых учимся находить новые слова, искать их значения, а также составлять предложения с этими словами, включать в тематические мини-диалоги и иные формы развития русской речи наших слушателей, тем самым способствуя расширению их потенциальных возможностей в освоении русского языка и в конечном итоге будущей специальности, даже с вероятностью преподавательской работы на этом языке в странах постоянного пребывания. Из бесед со слушателями становятся известными если не их планы, то некоторые мысли о перспективах дальнейшей практической деятельности в органах внутренних дел соответствующих государств после завершения учебы в Москве.

Библиографический список

1. Баско Н. В. Общаемся на русском в разных ситуациях : учебное пособие по практической стилистике русского языка для иностранных учащихся. М. : Русский язык. Курсы, 2016. 232 с.
2. Будильцева М. Б., Новикова Н. С., Пугачев Н. А., Серова Л. К. Культура русской речи : учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. М. : Русский язык. Курсы, 2012. 252 с.
3. Голуб И. Б. Русский язык : справочник. М. : КНОРУС, 2016.
4. Грибанская Е. Э. Проблемы формирования лингвокоммуникативной компетенции и пути их преодоления в процессе освоения русского языка // «Особенности изучения языковых дисциплин в вузах МВД России». М. : Эдитус, 2019. 80 с.
5. Иванова О. Е., Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Русский орфографический словарь около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой.

Изд. 4-е, испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 896 с. (Фундаментальные словари русского языка).

6. Кирьянова И. Г. Беседа со старшим экспертом межрайонного отдела ЭКЦ УВД по ЗАО ГУ МВД России по г. Москве Котовым К. Ю. Профессия у нас полевая... // Газета «Служу Закону». 2021. № 5. С. 10–11.
7. Красильникова Л. В. Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся : учебное пособие. М. : Изд-во МГУ, 2001.
8. Лебедев Л. К. Знакомьтесь : числительное : пособие для иностранных учащихся. 2-е изд., СПб: Златоуст, 2013.
9. Назаренко А. Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике : дистанционное обучение : учебник. М. : Издательство Московского университета имени М.В. Ломоносова, 2013.
10. Неретина Н. Л. Обучение межкультурной коммуникации в рамках занятий по дисциплине «Русский язык как иностранный» // «Особенности изучения языковых дисциплин в вузах МВД России». М. : Эдитус, 2019. 80 с.
11. Пухова Н. В. Лингвокоммуникативный метод обучения иностранных слушателей русскому языку // «Особенности изучения языковых дисциплин в вузах МВД России». М. : Эдитус, 2019. 80 с.
12. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. 14-е изд. М. : АЙРИС-пресс, 2016. 448 с. (От А до Я).
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. 3-е изд. М. : Изд-во МГУ, 2008. 352 с. ; ил. (Классический университетский учебник).
14. Хабарин М. О., Мыльцева И. В., Хабарина Н. В. Глоссарий на английском и испанском языках для слушателей факультета подготовки иностранных специалистов, изучающих русский язык на базовом и элементарном уровнях. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.
15. Хабарин М. О., Ходжабегова К. Л., Хрусталева Т. А., Савельева Л. В. Глоссарий для слушателей факультета подготовки психологов-иностранцев. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.
16. Хабарин М. О., Ходжабегова К. Л. Практические занятия по русскому языку для курсантов и студентов высших образовательных учреждений юридического профиля : учебно-практическое пособие. М. : ДГСК МВД России, 2011.
17. Ходжабегова К. Л., Тищенко О. В. Ключи к сборнику упражнений по синтаксису и пунктуации : учебно-практическое пособие по русскому языку / Под ред. М. О. Хабарина. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2015. 134 с.
18. Зайцев В. Степень отличия // «Вокруг света». 2020. № 10 (296). декабрь. С. 18–19.
19. Соколовская М. Американская история ужаса // «Вокруг света». 2020. № 10 (296). С. 42–49.

20. Ходжабегова К. Л. Русский как иностранный // Газета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя «Служу Закону». 2021. № 8. С. 12–13.

Bibliographic list

1. Basko N. V. We communicate in Russian in different situations : textbook on the practical stylistics of the Russian language for foreign students. M. : Russian language. Courses, 2016. 232 p.

2. Starovtseva M. B., Novikova N. S., Pugachev N. A., Serova L. K. Culture of Russian speech : textbook for students of Russian as a foreign language. M. : Russian language. Courses, 2012. 252 p.

3. Golub I. B. Russian language : handbook. M. : KNORUS, 2016.

4. Gribanskaya E. E. Problems of formation of linguocommunicative competence and ways to overcome them in the process of mastering the Russian language // «Peculiarities of studying language disciplines in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia». M. : Editus, 2019. 80 p.

5. Ivanova O. E., Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Cheltsova L. K. Russian spelling dictionary of about 200,000 words / Edited by V. V. Lopatin, O. E. Ivanova. Ed. 4th, ispr. and additional. M. : AST-PRESS BOOK, 2016. 896 p. (Fundamental dictionaries of the Russian language).

6. Kiryanova I. G. Conversation with the senior expert of the interdistrict department of the ECC of the Department of Internal Affairs for CJSC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow Kotov K. Yu. Our profession is field... // The newspaper «I Serve the Law». 2021. № 5. P. 10–11.

7. Krasilnikova L. V. Lessons in Russian word formation for foreign students : textbook. M. : Publishing House of Moscow State University, 2001.

8. Lebedev L. K. Meet : numerals : manual for foreign students. 2nd ed., SPb. : Zlatoust, 2013.

9. Nazarenko A. L. Information and communication technologies in linguodidactics : distance learning : textbook. M. : Lomonosov Moscow University Publishing House, 2013.

10. Neretina N. L. Teaching intercultural communication in the framework of classes on the discipline «Russian as a foreign language» // «Peculiarities of studying

language disciplines in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia». M. : Editus, 2019. 80 p.

11. Pukhova N. V. Linguocommunicative method of teaching foreign students the Russian language // «Peculiarities of studying language disciplines in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia». M. : Editus , 2019. 80 p.

12. Rosenthal D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. Modern Russian language. 14th ed. M. : IRIS-press, 2016. 448 p. (From A to Z).

13. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. 3rd ed. M. : Publishing House of Moscow State University, 2008. 352 p. ; ill. (Classical University textbook).

14. Khabarin M. O., Myltseva I. V., Khabarina N. V. Glossary in English and Spanish for students of the Faculty of training foreign specialists studying Russian at the basic and elementary levels. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017.

15. Khabarin M. O., Khodzhabegova K. L., Khrustaleva T. A., Savelyeva L. V. Glossary for students of the Faculty of training of psychologists-foreigners. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017.

16. Khabarin M. O., Khodzhabegova K. L. Practical classes in Russian for cadets and students of higher educational institutions legal profile : educational and practical manual. M. : DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011.

17. Khodzhabegova K. L., Tishchenko O. V. Keys to the collection of exercises on syntax and punctuation: a practical training manual on the Russian language / Edited by M. O. Khabarin. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2015. 134 p.

18. Zaitsev V. Degree of distinction // «Around the world». 2020. № 10 (296). December. P. 18–19.

19. Sokolovskaya M. American Horror Story // «Around the world». 2020. № 10 (296). P. 42–49.

20. Khodzhabegova K. L. Russian as a foreign language // Newspaper of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' «I serve the Law». 2021. № 8. P. 12–13.

Информация об авторе

К. Л. Ходжабегова – доцент кафедры русского языка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. L. Hodzhabegova – Associate Professor of the Department of Russian Language of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.